ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

II

2023

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 2 / 2023

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2

Свидетельство о регистрации	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
Периодичность	4 раза в год
Учредитель/Издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail редакции	caucasology.kbsu@gmail.com
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейско-апго республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, советник директора, руководитель научной части Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, advisor to the director, head of the scientific part, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор
Абазов Алексей Хасанович
доктор исторических наук

Заместитель главного редактора
Кажаров Артур Гусманович
доктор исторических наук

Ответственный секретарь, редактор текстов на английском языке
Ашхотова Алина Пшимурзовна

Редакционная коллегия:
Аккиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук;
Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук;
Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор;
Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук;
Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент;
Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор;
Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук;
Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор;
Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук;
Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук;
Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент;
Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук;
Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук;
Гераев Хаким Камильевич – кандидат исторических наук;
Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор;
Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор;
Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор;
Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук;
Кудаева Зинаида Жантемировна – доктор филологических наук, доцент;
Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор;
Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор;
Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук;
Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук;
Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор;
Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор;
Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент;
Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент;
Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – доктор исторических наук, профессор;
Сокаева Диана Вайнерова – доктор филологических наук;
Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук;
Текуева Мадина Анатольевна – доктор исторических наук, доцент;
Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор;
Тумов Аскер Асланбекович – кандидат исторических наук;
Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук;
Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор;
Хавжокова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук.

Editor-in-Chief
Abazov Alexey Khasanovich
doctor of science (history)

Deputy Editor-in-Chief
Kazharov Artur Gusmanovich
doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary, English text editor
Ashkhotova Alina Pshimurzovna

Editorial board:
Akkieva Svetlana Ismailovna – doctor of science (history);
Albogachieva Makka Sultan-Gireevna – doctor of science (history);
Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of science (political science), professor;
Barazbiev Muslim Ismailovich – candidate of sciences (history);
Bauaev Kazim Kalletovich – doctor of science (philology), associate professor;
Bashieva Svetlana Konakbievna – doctor of science (philology), professor;
Berberov Burkhan Abuyusufovich – doctor of science (philology);
Bizheva Zara Khadzhimuratovna – doctor of science (philology), professor;
Bizhoev Boris Chamalovich– doctor of science (philology);
Bozieva Naima Borisovna – candidate of sciences (philology);
Borov Aslan Khazhismelovich – candidate of sciences (history), associate professor;
Borova Asiyat Ruslanovna – doctor of science (philology);
Bukhurov Muhamed Fuadovich – candidate of sciences (philology);
Gegraev Hakim Kamilevich – candidate of sciences (history);
Gutov Adam Mukhamedovich – doctor of science (philology), professor;
Dzamikhov Kasbolat Fitzevich – doctor of science (history), professor;
Kanukova Zalina Vladimirovna – doctor of science (history), professor;
Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – doctor of science (philology);
Kudaeva Zinaida Zhantemirovna – doctor of science (philology), associate professor;
Kuzminov Petr Abramovich – doctor of science (history), professor;
Kuchukova Zukhra Akhmetovna – doctor of science (philology), professor;
Kushkhabiev Anzor Viktorovich – doctor of science (history);
Lobanov Vladimir Borisovich – candidate of sciences (history);
Mamsirov Khamitbi Borisovich – doctor of science (history), professor;
Muratova Elena Georgievna – doctor of science (history), professor;
Nalchikova Elena Aniuarovna – candidate of sciences (history), associate professor;
Prasolov Dmitry Nikolaevich – candidate of sciences (history), associate professor;
Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich – doctor of science (history), professor;
Sokaeva Diana Vainerova– doctor of science (philology);
Tamazov Muslim Sultanovich – candidate of sciences (history);
Tekueva Madina Anatolyevna – doctor of science (history), associate professor;
Timizhev Khamisha Tarkanovich – doctor of science (philology), professor;
Tumov Asker Aslanbekovich – candidate of sciences (history);
Uzdenova Fatima Taulanovna – doctor of science (philology);
Ulakov Makhti Zeitunovich – doctor of science (philology), professor;
Khavzhokova Lyudmila Borisovna – candidate of sciences (philology).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Археология и древняя история

Ларенок О.П.
Ливенцовская и Каратаевская крепости: линии синхронизации с памятниками Северного Кавказа и Северного Причерноморья **14-23**

Средневековая и новая история

Дубинин И.В., Иванцов И.Г.
Некоторые сведения о военно-политической и административной деятельности генерала И.Д. Попко на Кавказе (1847–1878) **24-38**

Прасолов Д.Н.
Кабардинская общественная сумма в политических практиках местного самоуправления в Кабардинском (Нальчикском) округе во второй половине XIX – начале XX в. **39-52**

Манышев С.Б., Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А.
«Являясь действительным защитником караногайского народа… от всяких притеснений». (Материалы к биографии караногайского пристава Ф.И. Капельгородского) **53-64**

Новейшая история

Николаев А.В.
Горское движение и белая армия на Северном Кавказе в 1918–1919 гг.: история несостоявшегося союза **65-73**

Бабич И.Л.
Делегация Северного Кавказа во Франции (1919–1920-е гг.) **74-86**

Тетуев А.И.
Организация медицинского обслуживания населения Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны **87-104**

Кушхабиев А.В.
Миротворческая деятельность Международной черкесской ассоциации по урегулированию военных конфликтов в Республике Абхазия и Чеченской Республике в конце XX века **105-123**

Этнология, антропология и этнография

Муратова Е.Г.
Некоторые вопросы исторической метрологии
балкарцев и карачаевцев **124-142**

Лакунова Д.Р.
Трансформация похоронно-погребальных обрядов и ритуалов
кабардинцев Кабардино-Балкарской Республики
в начале 20-х гг. XXI в. **143-155**

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Глашева З.Ж.
О встрече Николая I с местными жителями во время поездки
на Кавказ (1837) в документах и трудах дореволюционных авторов **156-173**

Нагоева Л.А.
Проблемы документирования средневековых эпиграфических
памятников Северного Кавказа
(на примере Карачаево-Черкесской Республики) **174-186**

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Битокова М.В.
Элементы поэтики постмодернизма в романе
М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» **187-198**

Кажарова И.А.
Пшикан Шекихачев в воспоминаниях Хазеши Шогенова **199-222**

Саракуева А.М.
Особенность художественного конфликта в исторических драмах
Ж. Токумаева «Чума» и Д. Мамчуевой
«Акбилек – последняя звезда Алании» **223-237**

Сарбашланы М.къ.А.
Улбашланы Ахмадияны чыгъармачылыгъында жашау кертилик **238-249**

Тенгизова Л.А.
Этнокультурная специфика образа коня
в кабардинской и русской поэзии **250-260**

Тхакахова К.С.
Образное поле «конь» в поэзии Алима Кешокова **261-278**

ТIымыжь Хь.Т., Бозий Н.Б.
Лъэпкъ сабий литературэр зэрызэфIэувар,
абы и нэщэнэ нэхъыщхьэхэр **279-292**

Фольклористика

Суюнова Н.Х.
Ногайский сказочный эпос: генезис и эволюция жанров **293-305**

Чекалов П.К., Борокова Л.А.
Поэтика абазинских сказок **306-325**

Языки народов Российской Федерации
(языки народов Северного Кавказа)

Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К.
Структурно-семантические и этнокультурные характеристики
карачаево-балкарских простых глагольных
паремических высказываний о танцах **326-337**

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Магомедова М.А.
Современное состояние и факторы напряженности
в межнациональных отношениях на Северном Кавказе
в массовых представлениях и экспертных оценках **338-356**

Узнародов И.М., Клочков В.В.
Европейский союз и Южный Кавказ
в контексте энергетического кризиса **357-368**

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Клычников Ю.Ю.
О каспийском походе «неутомимого монарха»
и его значении в российской политике в Кавказско-Каспийском
регионе (к оценке коллективной монографии «Кавказско-Каспийский
регион в политике Российской империи в первой трети XVIII в.
/ под общей редакцией Ш.А. Магарамова. – Махачкала:
издательство «Лотос», 2022. – 304 с.: ил.) **369-378**

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY

Archaeology and ancient history

Larenok O.P.
The Дiventsovskaya and Лarataevskaya fortresses:
lines of synchronisation with monuments
of the north Caucasus and the Northern Black Sea coast **14-23**

Medieval and modern history

Dubinin I.V., Ivantsov I.G.
Some information about the military-political and administrative activities
of general I.D. Popko in the Caucasus (1847-1878) **24-38**

Prasolov D.N.
Kabardian public sum in political practices of local self-government
in the Kabardian (Nalchik) district
in the second half of the XIX – early XX centuries **39-52**

Manyshev S.B., Volkhonsky M.A., Yarlykapov A.A.
«Being a real defender of the Karanogay people… from any oppression».
(Materials for the biography
of the Karanogay manager F.I. Kapelgorodsky) **53-64**

Contemporary history

Nikolaev A.V.
The mountain movement and the white army in the North Caucasus
in 1918-1919: the history of the failed union **65-73**

Babich I.L.
Delegation of the North Caucasus to France (1919–1920) **74-86**

Tetuev A.I.
Organization of medical service for the population
of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic war **87-104**

Kushkhabiev A.V.
Peacekeeping activities of the International Circassian association
for the resolution of military conflicts in the Republic of Abkhazia
and the Chechen Republic at the end of the XX century **105-123**

Ethnology, Anthropology and Ethnography

Muratova E.G.
Some questions of historical metrology of the Balkars and Karachays **124-142**

Lakunova D.R.
Transformation of funeral and funeral rites and rituals of Kabardinians of the Kabardino-Balkarian Republic in the early 20s of the XXI century **143-155**

Historiography, source studies, methods of historical research

Glasheva Z.Zh.
On the meeting of Nicholas I with local residents during the trip to the Caucasus (1837) in the documents and works of pre-revolutionary authors **156-173**

Nagoeva L.A.
Problems of documenting medieval epigraphic monuments of North Caucasus (using the example of the Karachay-Cherkessian Republic) **174-186**

PHILOLOGY

Literature of the peoples of the Russian Federation (literature of the peoples of the North Caucasus)

Bitokova M.V.
Elements of postmodernism poetics in the Caucasian corpus of texts by M.Y. Lermontov **187-198**

Kazharova I.A.
Pshikan Shekikhachev in his memoirs Khazesha Shogenov **199-222**

Sarakueva A.M.
The peculiarity of the artistic conflict in the historical dramas of Zh. Tokumaeva «The Plague» and D. Mamchuyeva «Akbilek – the last star of Alanya» **223-237**

Sarbasheva A.M.
The truth of life in the works of Ulbashev Ahmadiya **238-249**

Tengizova L.A.
Ethnocultural specificity of the image of a horse in the Kabardian and the Russian poetry **250-260**

Tkhakakhova K.S.
Imaged field "horse" in Alim Keshokov's poetry **261-278**

Timizhev Kh.T., Bozieva N.B.
Historical and cultural stages of development
of Kabardino-Circassian children's literature **279-292**

Folklore studies

Suyunova N.Kh.
Nogai fairy tale epic: genesis and evolution of genres **293-305**

Chekalov P.K., Borokova L.A.
Poetics of Abaza tales **306-325**

Languages of the peoples of the Russian Federation
(languages of the peoples of the North Caucasus)

Ketenchiev M.B., Appoev A.K.
Structural-semantic and ethno-cultural characteristics
of Karachay-Balkar simple verbal paremic statements about dancing **326-337**

PROBLEMS OF CONTEMPORARY SOCIETY

Magomedova M.A.
Current state and factors of tension in interethnic relations
in the North Caucasus in mass presentations and expert assessments **338-356**

Uznarodov I.M., Klochkov V.V.
The European Union and the South Caucasus
in the Context of the Energy Crisis **357-368**

ESSAYS, NOTES, REVIEWS

Klychnikov Yu.Yu.
About the Caspian campaign of the "tireeless monarch"
and its significance in the russian policy in the Caucasus-Caspian region
(to the assessment of the collective monograph «The Caucasus-Caspian
region in the policy of the Russian Empire in the first third
of the 18th century. – Makhachkala:
Publishing house "Lotos", 2022. – 304 p.: il.)» **369-378**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Археология и древняя история

Научная статья
УДК 902.01
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-14-23
EDN: AQJEIT

ЛИВЕНЦОВСКАЯ И КАРАТАЕВСКАЯ КРЕПОСТИ: ЛИНИИ СИНХРОНИЗАЦИИ С ПАМЯТНИКАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Оксана Павловна Ларенок
ООО «Южархеология», Ростов-на-Дону, Россия, ksenialarenok@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-3333-5304

Аннотация. В статье приводится результат сравнительного анализа материалов каменско-ливенцовской группы памятников периода финала средней бронзы. Открытие С.Н. Братченко в 60-х гг. XX в. Ливенцовской и Каратаевской крепостей в низовьях реки Дон позволило по-новому рассмотреть древности финала средней бронзы. Два укрепления, расположенных на соседних мысах правого берега реки Мертвый Донец являются единым оборонительным комплексом. При сопоставлении нижнедонских материалов из крепости с находками на поселении Каменка в Восточном Крыму С.Н. Братченко пришел к выводу о их отличии от других синхронных явлений. В итоге, ученый выделяет данные памятники в отдельную культуру – каменско-ливенцовскую группу. Аналогии материалов также были найдены в поселенческих и погребальных комплексах Северного Кавказа. Открытие новых памятников финала средней бронзы в регионах Северного Причерноморья и Северного Кавказа позволило иначе рассмотреть каменско-ливенцовские памятники в общей взаимосвязи посткатакомбных культур. На основании сравнительно-сопоставительного метода приводятся аналогичные каменско-ливенцовским материалы и как следствие реконструкция возможных контактом между территориями Нижнего Дона – Северного Причерноморья – Северного Кавказа.

Ключевые слова: Период финала средней бронзы, каменско-ливенцовская группа, каменская культура Восточного Крыма, Ливенцовская крепость, Каратаевская крепость, Нижний Дон, Северный Кавказ, Северное Причерноморье.

Благодарности и финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 20-39-90033.

Для цитирования: Ларенок О.П. Ливенцовская и Каратаевская крепости: линии синхронизации с памятниками Северного Кавказа и Северного Причерноморья // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 14-23. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-14-23. EDN: AQJEIT.

© Ларенок О.П., 2023

Original article

THE LIVENTSOVSKAYA AND KARATAEVSKAYA FORTRESSES: LINES OF SYNCHRONISATION WITH MONUMENTS OF THE NORTH CAUCASUS AND THE NORTHERN BLACK SEA COAST

Oksana P. Larenok
OOO «Southarchaeology», Rostov-on-Don, Russia,ksenialarenok@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-3333-5304

Abstract. The article presents the result of a comparative analysis of the materials of the kamensko-liventsovskaya group of monuments the final of Middle Bronze Age. The discovery of Liventsovskaya and Karataevskaya fortresses in the lower reaches of the Don in the 1960s by S.N. Bratchenko allowed a new look at the antiquities of the final of Middle Bronze Age. The two fortifications, situated on the right bank of the Mertvyi Donets river, are a single defensive complex. When comparing the Lower Don fortress materials with finds from the Kamenka settlement in the Eastern Crimea, S.N. Bratchenko came to the conclusion that they differ from other synchronous phenomena. As a result, the scientist distinguishes these monuments into a separate culture – the kamensko-liventsovskaya group. Similar materials were also found in the settlement and burial complexes of the North Caucasus. The discovery of new monuments of the final of Middle Bronze Age in the Northern Black Sea area and the North Caucasus made it possible to consider the kamensko-liventsovskaya monuments differently in the general interconnection of the post-Cathacombian cultures. On the basis of comparative and comparative method similar to the kamensko-liventsovskaya materials are given and as a consequence the reconstruction of possible contacts between the territories of the Lower Don – Northern Black Sea Region – Northern Caucasus.

Keywords: The Middle Bronze Age, kamensko- liventsovskaya group, the kamenskaya culture of the Eastern Crimea, the Liventsovskaya fortress, the Karataevskaya fortress, the Lower Don, the Northern Caucasus, the Northern Black Sea coast.

Thanks and funding: This work is supported by the Russian Foundation for Basic Research, projects 20-39-90033.

For citation: Larenok O.P. The Diventsovskaya and Jarataevskaya fortresses: lines of synchronisation with monuments of the north Caucasus and the Northern Black Sea coast. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 14-23. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-14-23. EDN: AQJEIT.

© Larenok O.P., 2023

Введение

Каменско-ливенцовская культурная группа, выделенная С.Н. Братченко, на разных этапах археологической историографии сопоставлялась с различными культурными явлениями как посткатакомбного, так и позднебронзового периодов. Спорным вопросом долгое время оставалось и отождествление памятников каменской культуры и нижнедонских укреплений. За последние десятилетия были открыты новые, синхронные Ливенцовской-Каратаевской крепостям, поселения на территориях Крыма, Тамани и Кавказа, позволяющие внести коррективы в существующие вопросы о сложении и культурной принадлежности укреплений.

Материалы и методы. Основными материалами, для проведения сравнительно-сопоставительного анализа являются археологические находки с поселенческих и погребальных комплексов. Подбор аналогичных предметов с памятников смежных регионов позволяет установить контактные линии между синхронными культурными группами периода финала средней бронзы. Анализ опубликованных материалов и исследований по теме дополняет исследование и является его основой.

Результаты

Исследование в 60-х гг. XX в. Ливенцовской и Каратаевской крепостей эпохи бронзы позволило по-новому рассмотреть процесс культурогенеза Доно-Донецкого региона. Уникальные по своему типу памятники отличаются от известных поселенческих комплексов не только жилыми сооружениями, одновременно являющимися защитными стенами, но и большей частью инвентарного комплекса. В связи с этим, изначальная культурная принадлежность исследованного С.Н. Братченко укрепления была определена как «особая культурная группа, неизвестная ранее на Дону. Аналогии материалам крепости, ученый находил в погребальных памятниками Северного Кавказа и поселениях Восточного Крыма – Каменка, Челки (Щебетовка), Киммерик, Ерофеево [Братченко 1976: 127]. На основе приведенных сопоставлений, Ливенцовская и соседняя Каратаевская крепость были интерпретированы как «поздние северокавказские памятники» [Братченко 1976: 119]. Немного позднее, для крымских и нижнедонских комплексов было предложено эпонимное название – каменско-ливенцовская культурная группа [Братченко 1985: 458].

Схожие параллели отмечались и В.Д. Рыбаловой при анализе материалов поселения Каменка. Аналогии каменским сосудам первого типа ученая находила в керамике с памятников КМК-Бабино Нижнего Дона, Северного Причерноморья и Среднего Дона. Но при этом, В.Д. Рыбалова отмечала наибольшую близость в форме сосудов с материалами Ливенцовской крепости и горшками из некоторых катакомбных погребений около форпоста, а также комплексами из Прикубанья [Рыбалова 1974: 24].

Дальнейшее открытие и исследование поселений Крымского полуострова и сопоставлении полученных материалов, позволило сложить более точное представление об уникальности каменской культуры. Анализируя керамические коллекции крымских поселенческих памятников А.Е. Кислый пришел к выводу, что часть комплексов каменского типа синхронизируется с катакомбными захоронениями в степной части полуострова. При этом, между сосудами с более ранних западных каменских поселений, типа Слюсарево и Белинское и материалами Ливенцовской и Каратаевской крепостей нет общих черт [Кислый 1990: 20-22]. Сходство отмечалось ученым в наличии горшков с S-образным профилем, характерных для восточнокрымских поселений финала средней бронзы и доминирующим в коллекции крепости. Исходя из этого, А.Е. Кислый предположил, что сложение Ливенцовского укрепления началось позже, чем Каминской культуры Восточного Крыма [Кислый 2022: 77]. Еще одно немаловажное заключение, сделанное ученым, касалось неуместности отождествления каменских поселений

побережья и предгорья со степными, КМК-Бабино, за счет отличия основных форм и орнаментации сосудов. Изначальное сопоставление культур являлось лишь необходимой мерой для исследования [Кислый 1990: 21]. Таким образом, каменская культура Крыма получила ряд отличительных признаков, выделяющих ее из общего массива памятников финала средней бронзы.

Еще одна линия синхронизации крепостных материалов была намечена С.Н. Братченко с памятником грот Гамовская Балка, которая основывалась на аналогиях керамических коллекций [Братченко 1976]. Но, благодаря открытию новых памятников, проведенная параллель стала не актуальной. В последние годы было исследовано святилище Рансырт I, находящееся в пограничье Западного и Центрального Кавказа, керамический комплекс которого был соотнесен с находками Гамовской Балки и Ливенцовской крепости [Райнхольд и др. 2020: 427-438]. При этом, для памятника Рансырт I была получена серия радиоуглеродных дат, определившая существование комплекса в рамках 1780 и 1530 гг. до н.э. [Райнхольд и др. 2020: 428]. Исходя из полученных результатов А.В. Кияшко справедливо отметил, что хронологическая позиция Рансырта и Гамовской балки не позволяет учитывать эти памятники в роле кавказского импульса в сложении Ливенцовской крепости [Кияшко 2022: 27].

Новые сопоставительные материалы для нижнедонских укреплений были получены в связи с проведением масштабных археологических работ на полуострове Тамань, связанных со строительством крымского моста. При изначальном анализе керамических комплексов поселений Балка Хреева III и Балка Лисовицкого IV, памятники были отнесены к каменско-ливенцовской группе [Кияшко, Ларенок 2020]. Дальнейшее исследование керамики Балка Хреева III показало, что сходство прослеживается лишь для некоторых форм и орнаментов сосудов с поселениями типа Каменки и крепостей Нижнего Дона. При продолжении поиска аналогий стало очевидно, что сосуды с Таманских поселений финала средней бронзы больше тяготеет к материалам Северного Кавказа и Причерноморья [Кияшко, Ларенок 2023: 162-167]. Схожие формы и орнаментация встречаются в коллекциях таких комплексов как Дивноморское и Геленджикское поселения на черноморском побережье, Шушук, Дегуакско-Даховское, Старчики и др. Западного Кавказа [Кияшко, Ларенок 2023]. В результате, за счет обширной территории распространения, количества и преобладания определенных форм сосудов в отмеченных регионах позволили высказать идею о существовании в финале средней бронзы особого таманского типа керамики [Кияшко, Ларенок 2023: 160]. Но при этом, такой тип сосудов встречается в коллекции Ливенцовской крепости и является связующим звеном с поселениями Тамани, Крыма и Северного Кавказа.

Наибольшее сходство, как в формах сосудов, так и их орнаментации, прослеживается между северокавказскими погребальными комплексами [Нечитайло 1991: 73] и материалами Ливенцовской крепости, а также захоронениями в курганах 10 и 11 около укрепления [Братченко 2006: 82-83, 98-99]. Необходимо отметить, что аналогичные приемы украшения были найдены на сосудах, происходящих из погребений Приазовья, Поднепровья и Поингулья [Нечитайло 1991: 71, 73]. Особой характерной чертой при сопоставлении таких сосудов

можно считать наличие четырех налепных ручек-ушек со сквозным небольшим отверстием, расположенными по широкой части горшка. В коллекциях таманских поселений финала средней бронзы сосуды с такими ручками отсутствуют.

Близость нижнедонских укреплений с северокавказскими комплексами также отмечается и по некоторым типам предметов из глины, кости и камня. Самой известной находкой, сопоставимой с Северным Кавказом и гинчинской культурой, является костяная пряжка с кольцом и планкой, происходящая из погребения во рву Ливенцовской крепости [Братченко 2006: 79, рис. 24, *1-2*]. Приведенная С.Н. Братченко аналогия данному изделию позволила не только выявить культурную взаимосвязь двух регионов, но и определить относительную дату падения форпоста [Братченко 2006: 226]. В своей докторской диссертации Р.А. Мимоход соотнес изделие с лолинской поясной пряжкой типа Ипатово-Типки, датирующейся вторым этапом культуры [Мимоход 2023: 258]. Таким образом, ряд погребений во рву крепости получил свою датировку в рамках развитого этапа бабинской культуры и фазой посткатакомбного блока культур II по Р.А. Мимоходу.

Еще одной из важных находок, происходящей из рва крепости является глиняное изделие, интерпретируемое Л.С. Ильюковым как сосудик-кузовок. Данную находку ученый относит к культовым предметам, аналогии которым имеются в катакомбных могильниках на Северном Кавказе и в Сальских степях [Ильюков 2016: 89-90]. Предназначались такие сосудики-кузовки для ритуальных целей. В них могли хранить специальные предметы для проведения ритуала. Позднее преобразование форм данного изделия Л.С. Ильюков связывает с деревянными шкатулками с бронзовыми скобами, относящимися к бабинской культуре. На основе подобранных аналогий, сосуд из Ливенцовской крепости ученый датирует заключительным этапом катакомбного времени [Ильюков 2016: 91].

Самым характерным типом изделий, сближающим Ливенцовско-Каратаевские крепости с памятниками Северного Кавказа и в тоже время отличающими их от бабинских комплексов являются каменные топоры-молоты. В материалах крепости орудия представлены в основном обломками и одним целым предметом, определенным С.Н. Братченко, как «топор бородинского типа» [Братченко 2006: 145-146]. Схожие изделия обнаружены в комплексах раннего и развитого этапов катакомбной культуры, отнесенные А.Л. Нечитайло к кабардино-пятигорскому типу. Находки аналогичных предметов в степных территориях Днепро-Донского региона и Побужья ученая считала проявлением культурно-торговых связей, а сами изделия – северокавказским импортом [Нечитайло 1991: 91].

Пару аналогий, для таких топоров-молотов, присутствует и на территории Нижнего Дона. Происходят находки из позднекатакомбных погребений в курганах, расположенных на небольшом отдалении от форпостов (материалы не опубликованы). Первое из них находится на относительно близком расстоянии к северу от крепости. В одном из исследованных курганов на западной окраине г. Ростова-на-Дону в 1967 г. было обнаружено захоронение к13/п9 [Брашинский 1967]. Форму ямы удалось проследить частично, сохранилась только ее восточ-

ная часть. Судя по всему, это была прямоугольная яма со скругленными углами. Захороненный был уложен на правый бок в среднескорченном положении, руки вытянуты к бедрам. Над головой усопшего находилась нижняя часть жаровни, а на плечевой кости каменный топор-молоток бородинского типа. Аналогичный тип инвентаря, но другой формы, происходит из комплекса Реконструктор-IV к10/п3 [Потапов 2004]. Погребение по обряду и контуру ямы схоже с захоронением из ростовского кургана. Отличием является северо-восточная ориентировка и тлен от подстилки под костяком. В сравнении с предыдущим описанными топорами, молот из Реконструктора исполнен более грубо, из светлого камня, возможно, известняка. Объединяет между собой эти два комплекса не только наличие каменных изделий, но и сам погребальный обряд в целом, позволяющий датировать захоронения поздним катакомбным временем.

Близки по типу к топору-молоту из ростовского кургана изделия, обнаруженные в погребении (Балабино к1/п2) и в виде случайной находки в западной части ареала ДДБК. Датировка последних двух изделий авторами статей была определена как ранний этап КМК-Бабино [Антонов 1998: 107], [Нефедов 1998: 108]. Следует отметить, что такой тип топоров-молотов не является характерным для бабинской культуры. В большинстве случаев каменные орудия, происходящие из комплексов Бабино, имеют более мягкие, ромбовидные формы [Глебов 2004: 136, рис. 28, *3*], [Санжаров 2010: 273, рис. 194].

Открытие новых археологических памятников финала средней бронзы в регионах Северного Кавказа и Северного Причерноморья существенно скорректировало представление о каменско-ливенцовской культурной группе. Прежде всего, изменения коснулись постановки вопроса о разделении самого названия культуры и выделении Каменской культуры Восточного Крыма (ККВК). Обоснование концепции, на основании ряда отличительных признаков, было раскрыто в работах А.Е. Кислого [Кислый 1990; 2000; 2005]. В дальнейшем идея была поддержана Г.Н. Тощевым, но с иным вариантом наименования культуры – каменско-планерская группа [Тощев 2007: 143, 171]. Такое выделение ливенцовских древностей позволило по-иному рассмотреть нижнедонские укрепления, способствовало этому и открытие поселений со слоем финала средней бронзы на полуострове Тамань.

Заключение

На основе приведенных позиций, можно сделать пару выводов. Во-первых, на основе сопоставления материалов Ливенцовской-Каратаевской крепостей с находками погребальных памятников Северного Кавказа, подтверждается теория С.Н. Братченко близости нижнедонских укреплений и комплексов северокавказской культуры. Аргументом выступает наличие на столь отдаленных территориях схожих форм и способов украшения керамических сосудов, каменных топоров-молотов и костяных изделий – пряжек. В дополнение можно отметить, что погребения, в курганах 10 и 11 около Ливенцовской крепости, содержали аналогичные орнаментированные горшки, не только с материалами укрепления, но и с северокавказкими захоронениями [Братченко 2006: 82, рис. 27, *2*, 83, рис. *5*; Нечитайло 1991: 73, рис. 28. *12-16*].

Во-вторых, наличие определенных типов посуды и изделий из камня в материалах поселений с территорий Тамани, Крыма, Нижнего Дона и Поднепровья свидетельствует о существующем пути культурно-торгового обмена, в котором Ливенцовско-Каратаевкие укрепления имели непосредственное значение. Подтверждением является наличие таманского типа посуды, характерного для поселений финала средней бронзы Тамани, в инвентаре нижнедонских крепостей, а также поселений бабинского типа на Северском Донце и Поднепровье [Кияшко, Ларенок 2023: 169]. Дополняет довод и находки аналогичных форм каменных топоров-молотов. При отличии основных форм изделий бабинской культуры от северокавказских ливенцовских экземпляров, в погребениях Бабино Поднепровья присутствуют топоры бородинского типа. Некоторые аналогичные фрагменты предметов встречаются также в материалах из поселений Северского Донца [Санжаров 2010: 232, рис. 172, *3*].

Таким образом, Ливенцовско-Каратаевкие укрепления были своеобразным культурно-торговым центром, через который происходили контакты южных северокавказских и причерноморских племен с представителями степного населения Днепро-Донского региона. Начало таких взаимоотношений было заложено еще на ранних этапах эпохи бронзы и не потеряло свою актуальность в период финала средней бронзы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов 1998 – *Антонов А.Л.* Топор бородинского типа из погребения КМК у с. Балабино // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности [ККИО] и культурно-исторической общности многоваликовой керамики [КИОМК]. – Запорожье: Запорожский госуниверситет. 1998. – С. 105-108.

Братченко 1976 – *Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – Киев: Наукова думка, 1976. – 251 с.

Братченко 2006 – *Братченко С.Н.* Ливенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Материалы и исследования по археологии восточной Украины. – Вып. 6. - Луганск, 2006. – С. 32-307.

Брашинский 1967 – *Брашинский И.Б.* Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1967 году // Архив Ростовского областного музея краеведения. № оп. 11045.

Глебов 2004 – *Глебов В.П.* Исследования курганных могильников Репный I, Раскатный I, Калинов II // Труды АНИБ. – Т. 1. Ростов-на-Дону: Археологическое научно-исследовательское бюро. 2004. – С. 51-186.

Ильюков 2016 – *Ильюков Л.С.* Миниатюрные сосуды из Левенцовской крепости // Внешние и внутренние связи степных [скотоводческих] культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке [V-II тыс. до н. э.]. – СПб: ИИМК РАН. 2016. – С. 88-91.

Кислый 1990 – *Кислый А.Е.* Об относительной хронологии каменско-ливенцовских памятников // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье: ЗГУ, 1990. – С. 20-22.

Кислый 2000 – *Кислый А.Е.* Каменская культура Восточного Крыма / Научные работы исторического факультета Запорожского государственного университета. – Вып. IX. – Запорожье: Запорожский госуниверситет, 2000. – С. 206-228.

Кислый 2005 – *Кислый А.Е.* Население и памятники каменской культуры Восточного Крыма // Stratum+. – Вып. 2. – Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса-Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2005. – С. 93-126.

Кислый 2022 – *Кислый А.Е.* Каменская культура Восточного Крыма: древность и современность. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2022. – 191 с.

Кияшко, Ларенок 2020 – *Кияшко А.В., Ларенок О.П.* Поселение финала средней бронзы Балка Хреева III на Таманском полуострове // XV всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» [материалы конференции]. – Ростов-на-Дону-Таганрог: Издательство Южного федерального университета. 2020. – С. 97-106.

Кияшко 2022 – *Кияшко А.В.* К вопросу о культурно-хронологической позиции поселения бронзового века Гамовская балка на р. Уруп // XVII международная археологическая конференция студентов и аспирантов. Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья. – Ростов-на-Дону–Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. – С. 26-29.

Кияшко, Ларенок 2023 – *Кияшко А.В., Ларенок О.П.* О выделении керамики таманского типа финала периода средней бронзы // Археологические вести. – Вып. 38. – СПб.: Издательство, 2023. – С. 155-175.

Мимоход 2023 – *Мимоход Р.А.* Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира. – Мск.: ИА РАН, 2023. – 1106 с.

Нефедов 1998 – *Нефедов В.* Каменный топорик бородинского типа из реки Днепр у о. Хортица // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности [ККИО] и культурно-исторической общности многоваликовой керамики [КИОМК]. – Запорожье: Запорожский госуниверситет, 1998. – С. 108-113.

Нечитайло 1991 – *Нечитайло А.Л.* Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. – Киев: Наукова Думка, 1991. – 114 с.

Потапов 2004 – *Потапов В.В.* Отчет об исследовании курганов могильника Реконструктор IV Аксайского района Ростовской области в 2004 году // Архив археологического научно-исторического бюро б/н.

Райнхольд и др. 2020 – *Райнхольд С., Белинский А.Б., Атабиев Б.Х.* Поздний бронзовый век в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке. – СПб.: ИИМК РАН, 2020. – С. 405-455.

Рыбалова 1974 – *Рыбалова В.Д.* Поселение Каменка в Восточном Крыму / Археологический сборник. – Вып. 16. – Ленинград: Аврора, 1974. – С. 19-50.

Тощев 2007 – *Тощев Г.Н.* Крым в эпоху бронзы. – Запорожье: Запорожский национальный университет, 2007. – 303 с.

REFERENCES

ANTONOV A.L. *Topor borodinskogo tipa iz pogrebeniya KMK u s. Balabino* [Borodin type axe from KMC burial near Balabino village]. In: Problemy izucheniya katakombnoj kulturno-istoricheskoj obshnosti [KKIO] i kulturno-istoricheskoj obshnosti mnogovalikovoj keramiki [KIOMK]. – Zaporozh'e: Zaporozhskii gosuniversitet. 1998. – P. 105-108. (In Russ.).

BRATCHENKO S.N. *Nizhnee Podone v epohu srednej bronzy* [Lower Don Region in the Middle Bronze Age]. – Kiev: Naukova dumka, 1976. – 251 p. (In Russ.).

BRATCHENKO S.N. *«Livencovskaya krepost. Pamyatnik kultury bronzovogo veka»* [Liventsov fortress. The Monument of the Bronze Age Culture]. In: Materialy i issledovaniya po arheologii vostochnoj Ukrainy. – Vyp. 6. – Lugansk, 2006. – P. 32-307. (In Russ.).

BRASHINSKIJ I.B. *Otchet o rabote Yuzhno-Donskoj ekspedicii v 1967 godu* [Brashinsky I. B. Report on the work of the South Dniester expedition in 1967]. In: Arhiv Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya № op 11045. (In Russ.).

GLEBOV V.P. *Issledovaniya kurgannyh mogilnikov Repnyj I, Raskatnyj I, Kalinov II* [Research of the kurgan burials Repny I, Raskatny I, Kalinov II]. In: Trudy ANIB. – T. 1. – Rostov-na-Donu: Arkheologicheskoe nauchno-issledovatel'skoe byuro. 2004. – P. 51-186. (In Russ.).

ILYUKOV L.S. *Miniatyurnye sosudy iz Levencovskoj kreposti* [The miniature vessels from the Levents fortres]. In: Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnyh [skotovodcheskih] kultur Vostochnoj

Evropy v eneolite i bronzovom veke [V-II tys. do n. e.]. – SPb.: IIMK RAN, 2016. – P. 88-91. (In Russ.).

KISLYJ A.E. *Ob otnositelnoj hronologii kamensko-livencovskih pamyatnikov* [On the relative chronology of the Kamenno-Livenza monuments]. In: Problemy izucheniya katakombnoj kulturno-istoricheskoj obshnosti». – Zaporozhe: ZGU, 1990. – P. 20-22. (In Russ.).

KISLYJ A.E. *Kamenskaya kultura Vostochnogo Kryma* [Kamenskaya culture of the Eastern Crimea]. In: Nauchnye raboty istoricheskogo fakulteta Zaporozhskogo gosudarstvennogo universiteta. – Vyp. IX. – Zaporozh'e: Zaporozhskii gosuniversitet, 2000. – P. 206-228. (In Russ.).

KISLYJ A.E. *Naselenie i pamyatniki kamenskoj kultury Vostochnogo Kryma* [Population and Monuments of the Stone Culture of the Eastern Crimea]. In: Stratum+. – Vyp. 2. – Sankt-Peterburg–Kishinev–Odessa–Buharest: Vysshaya antropologicheskaya shkola, 2005. – P. 93-126. (In Russ.).

KISLYJ A.E. *Kamenskaya kultura Vostochnogo Kryma: drevnost i sovremennost* [Kamenskaya culture of the Eastern Crimea: Antiquity and modernity.]. – Rostov-na-Donu: Yuzhnyi federal'nyi universitet, 2022. – 191 p. (In Russ.).

KIYASHKO A.V., LARENOK O.P. *Poselenie finala srednej bronzy Balka Hreeva III na Tamanskom poluostrove* [Settlement of the Final Middle Bronze Age Balka Khreeva III on the Taman Peninsula] / XV *vserossijskaya arheologicheskaya konferenciya studentov i aspirantov «Problemy arheologii Vostochnoj Evropy»* [materialy konferencii]. – Rostov-na-Donu–Taganrog: Izdatelstvo Yuzhnogo federalnogo universiteta, 2020. – P. 97-106. (In Russ.).

KIYASHKO A.V. *K voprosu o kulturno-hronologicheskoj pozicii poseleniya bronzovogo veka Gamovskaya balka na r. Urup* [On the cultural and chronological position of the Bronze Age settlement Gamovskaya Balka on the river Urup]. In: XVII mezhdunarodnaya arheologicheskaya konferenciya studentov i aspirantov. Problemy arheologii Vostochnoj Evropy i Vostochnogo Sredizemnomorya. – Rostov-na-Donu–Taganrog: Izdatelstvo Yuzhnogo federalnogo universiteta. 2022. – P. 26-29. (In Russ.).

KIYASHKO A.V., LARENOK O.P. *O vydelenii keramiki tamanskogo tipa finala perioda srednej bronzy* [On the isolation of the Taman-type ceramics of the finals of the Middle Bronze Age]. In: Arheologicheskie vesti. – Vyp. 38. – SPb., 2023. – P. 155-175. (In Russ.).

MIMOHOD R.A. *Kultury i kulturogenez na vostoke postkatakombnogo mira* [Cultures and Culturogenesis in the East of the Post-Cathacomb World]. – Msk.: IA RAN, 2023. – 1106 p. (In Russ.).

NEFEDOV V. *Kamennyj toporik borodinskogo tipa iz reki Dnepr u o. Hortica* [Stone axe of the Borodin type from the Dnieper River near the Khortitsa Island]. In: Problemy izucheniya katakombnoj kulturno-istoricheskoj obshnosti [KKIO] i kulturno-istoricheskoj obshnosti mnogovalikovoj keramiki [KIOMK]. – Zaporozh'e: Zaporozhskii gosuniversitet, 1998. – P. 108-113. (In Russ.).

NECHITAJLO A.L. *Svyazi naseleniya stepnoj Ukrainy i Severnogo Kavkaza v epohu bronzy* [links the population of the steppe Ukraine and the North Caucasus in the Bronze Age]. – Kiev: Naukova Dumka, 1991. – 114 p. (In Russ.).

POTAPOV V.V. *Otchet ob issledovanii kurganov mogilnika Rekonstruktor IV Aksajskogo rajona Rostovskoj oblasti v 2004 godu* [Report on the research of barrows from the burial mound Reconstructor IV, Aksai district, Rostov Oblast, 2004]. In: Arhiv arheologicheskogo nauchno-istoricheskogo byuro b/n. (In Russ.).

RAJNHOLD S., BELINSKIJ A.B., ATABIEV B.H. *Pozdnij bronzovyj vek v gorah Severnogo Kavkaza i na okruzhayushih territoriyah* [Late Bronze Age in the North Caucasus Mountains and the surrounding areas]. In: Kavkaz mezhdu Vostochnoj Evropoj i Perednim Vostokom v bronzovom i zheleznom veke. – SPb: IIMK RAN, 2020. – P. 405-455. (In Russ.).

RYBALOVA V.D. *Poselenie Kamenka v Vostochnom Krymu* [Kamenka Settlement in the Eastern Crimea]. In: Arheologicheskij sbornik. – Vyp. 16. – Leningrad: Avrora. 1974. – P. 19-50. (In Russ.).

TOSHEV G.N. *Krym v epohu bronzy* [Crimea during the Bronze Age]. – Zaporozh'e: Zaporozhskii natsional'nyi universitet, 2007. – 303 p. (In Russ.).

Информация об авторе
О.П. Ларенок – научный сотрудник ООО «Южархеология».
Information about the author
O.P. Larenok – researcher OOO «Southarchaeology».

Статья поступила в редакцию 24.05.2023 г.; одобрена после рецензирования 23.05.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.
The article was submitted 24.05.2023; approved after reviewing 23.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Средневековая и новая история

Научная статья
УДК 93/94+394.014
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-24-38
EDN: CRMJKK

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛА И.Д. ПОПКО НА КАВКАЗЕ (1847–1878)

Игорь Владимирович Дубинин[1], **Игорь Григорьевич Иванцов**[2]
[1] Динской механико-технологический техникум, станица Динская, Краснодарский край, Россия, titlo@mail.ru
[2] Краснодарское высшее военное училище им. С.М. Штеменко, Краснодар, Россия, IIG23@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3820-3642

Аннотация: Основным профессиональным занятием историка, библиофила, писателя и просветителя, генерал-лейтенанта Кубанского казачьего войска, И.Д. Попко были не архивные изыскания и написание исторических трудов, не организация библиотек и музеев, а военно-политическая и административная детальность, проходившая на Северном Кавказе и, частично, в Закавказье. Именно профессиональная деятельность обеспечила И.Д. Попко финансовую независимость и дала возможность заниматься всеми вышеперечисленными делами, что было еще одним несомненным талантом летописца кавказского казачества. В статье делается попытка исследовать жизнь и деятельность И.Д. Попко через призму его профессиональной деятельности, продолжавшейся более трех десятилетий. Материалом для статьи послужила официальная переписка генерала и его документы личного характера (письма).

Ключевые слова: административная и военная деятельность, Екатеринодар, И.Д. Попко, Карская область, Ставрополь, станица Ключевая.

Для цитирования: Дубинин И.В., Иванцов И.Г. Некоторые сведения о военно-политической и административной деятельности генерала И.Д. Попко на Кавказе (1847–1878) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 24-38. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-24-38. EDN: CRMJKK.

© Дубинин И.В., Иванцов И.Г., 2023

Original article

SOME INFORMATION ABOUT THE MILITARY-POLITICAL AND ADMINISTRATIVE ACTIVITIES OF GENERAL I.D. POPKO IN THE CAUCASUS (1847-1878)

Igor V. Dubinin[1], **Igor G. Ivantsov**[2]
[1] Dinskoy Mechanical and Technological College, Dinskaya village, Krasnodar Territory, Russia, titlo@mail.ru
[2] Krasnodar Higher Military School named after S.M. Shtemenko, Krasnodar, Russia, IIG23@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3820-3642

Abstract. The historian, bibliophile, writer and enlightener, lieutenant general of the Kuban Cossack army, I.D. Popko's main professional occupation was not archival research and writing historical works, nor the organization of libraries and museums, but the military - political and administrative details that occurred in the North Caucasus and partially in Transcaucasia. It was professional activity that enabled I.D. Popko with financial freedom, allowing him to engage in all the above cases, which was another undeniable ability of the Caucasian Cossack chronicler. The article attempts to explore the life and activity of I.D. Popko through the prism of his professional activity, which lasted over three decades. The material for the article was the official correspondence of the general and his personal documents (letters).

Keywords: Administrative and military activity, Yekaterinodar, I. D. Popko, Karsk region, Stavropol, key village.

For citation: Dubinin I.V., Ivantsov I.G. Some information about the military-political and administrative activities of general I.D. Popko in the Caucasus (1847-1878). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 24-38. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-24-38. EDN: CRMJKK.

© Dubinin I.V., Ivantsov I.G., 2023

Жизнь и деятельность прославленного генерала Кубанского казачьего войска интересовала многих специалистов, посвятивших ему достаточно много исследований, внесших значительный вклад в изучение различных аспектов его биографии.

Одними из первых неоценимый вклад в исследование жизни и деятельности историка и этнографа внесли С.В. Фарфаровский и Е.Н. Козубский, издавшие некоторые биографические сведения о И.Д. Попко [Фарфаровский-Козубский 1910]. Б.М. Городецкий издал очерк, посвященный его биобиблиографическому наследию [Городецкий 1912]. Архиву покойного генерала была посвящена статья В. Загорской [Загорская 1910]. Истории создания музея Псекупского полка, его основателя, организатора и идейного вдохновителя, И.Д. Попко, была посвящена работа Н.Г. Волковой [Волкова 1965]. Совершенно неизвестным либо малоизвестным сведениям из его яркой биографии посвящена статья И.П. Максимова [Максимов 2011]. Жизненный путь генерала и сопутствующая ему военная и административная стали основой историко – библиографического очерка Г.Н. Шевченко [Шевченко 1991] и статьи Т.А. Колосовской [Колосовская 2014]. Его творческое наследие – тема статьи Б.А. Трехбратова [Трехбратов 2005]. А.И. Слуцкий посвятил свое исследование личной библиотеке И.Д. Попко [Слуцкий 2009]. Взаимоотношениям поколений в семье генерала (на материале его личной переписки с племянником П. Кучеровским) посвящена статья К.Р. Амбарцумян [Амбарцумян 2009] и др.

Но история жизни и деятельности, в том числе и административной героя статьи далеко не исчерпана, поскольку исследователи выявляют все новые и новые документы, обозначающие новые грани жизненных устремлений этого замечательного человека. Конечно же в жизни Ивана Диомидовича Попко было множество ярких событий, оставивших след в его памяти, и к которым он постоянно возвращался в своих воспоминаниях, но еще больше было рутинной чиновничьей работы. Авторы большинства статей о его жизни исследуют

наиболее интересные моменты его биографии. В основном это касается его просветительской и творческой деятельности.

Тем не менее огромный пласт его занятий составляла административная работа. Именно эту значительную часть его жизни авторы пытаются рассмотреть в статье. В работе над материалом были использованы послужные списки, написанные в разное время и хранящиеся в Государственном архиве Ставропольского края. В частности, один из последних, составленный в январе 1885 г. [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 51. Л. 21-29] и другие документы. В качестве одного из основных источников послужили письма И.Д. Попко, адресованные одному из ближайших друзей – Василию Федоровичу Золотаренко, написанные в период с 1847 по 1872 гг. Которые позволяют посмотреть на рутинную часть работы историка с его точки зрения, которая далеко не всегда совпадает с официальной. Эта часть эпистолярия значительно дополняет биографию Ивана Диомидовича и делает ее более человечной.

Карьера на этом поприще началась для И.Д. Попко в 1846 г., когда он стал письмоводителем и.о. наказного атамана Черноморского казачьего войска А.Г. Рашпиля. За почти 5 лет на этом посту, будущий историк приобрел опыт не только в составлении разного рода официальных документов, но и стал разбираться в интригах атаманского «двора», о чем не раз упоминал в своих письмах.

Живя недалеко от канцелярии, в Екатеринодаре, ему приходилось вставать достаточно рано. Распорядок работы был типичным для письмоводителя, в обязанности которого, входило ведение дел канцелярии, работа с бумагами, общение с посетителями, сопровождение начальства в поездках по земле Войска Черноморского и др. Вставал он рано, завтракал, если позволяло время, знакомился со свежей прессой, затем шел на работу. Вся эта рутина, которую он называл тюрьмой, противоречили его мечтам, он жаловался, что служба превышает его физические и умственные силы [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 47, 61], присовокупляя к этому, что ему в основном приходится общаться с людьми, от которых «вы должны ожидать каждую минуту всего несправедливого и горького…» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 10].

В письме другу детства Василию Федоровичу Золотаренко в Санкт-Петербург от 9 июля 1848 г. замечал, что «разъезды часты» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 4]. В другом послании жаловался, что его работа, это «труд на поприще святой службы, поездки с атаманом – то для встречи и сопровождения сиятельных путешественников, то для обозрения возникающих порта[1] и монастыря[2], то для обозрения станиц…» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 46].

Из хартии от 8 июля 1849 г. можно узнать, что «с первых чисел минувшего июня над сводом войсковой администрации загрохотал гром: князь едет! С первым раскатом Перуна начались для меня командировки мелочные, превратившиеся напоследок в одну общую...» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 25-26 об.]. С 15 по 25 июня 1849 г. он находился вместе с Г.А. Рашпилем, либо встречал Наместника Кавказского Михаила Семеновича Воронцова, либо сопровождал

[1] Авт.: Основанный в 1848 г. город-порт Ейск

[2] Авт.: Марие-Магдалинский женский монастырь, основанный на берегу р. Кирпили, между станицами Тимашевской и Роговской 22 сентября 1849 г.

того в поездках по земле Войска Черноморского. Только 25 июня вечером они вернулись в Екатеринодар «жертвами новых хлопот по весьма запущенным делам администрации» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 25-26 об.]. В письме от 10 октября того же года пишет другу, что «третьего дня я возвратился из Тамани, шествовав в сопровождении Князя Наместника, который вчера оставил наши пределы» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 29].

Часто по служебным делам ему приходилось посещать город-порт Ейск. В ноябре упомянутого года он отмечал, что «много ездил в минувшее лето – большею частию по милости нового нашего портового города» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 8]. В ноябре 1850 г. посещал с и.о. наказного атамана город с инспекцией Мариинского монастыря, упоминая о «чудовищных успехах строительства» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 68 об.].

В первые годы существования в управлении нового города сложилась непростая обстановка из-за сложных отношений между начальником портового города, князем Александром Сергеевичем Голицыным и крупным предпринимателем Александром Лукичом Посполитаки, за спиной которого стоял наказной атаман Черноморского казачьего войска и командующий войсками на Кавказской линии Николай Степанович Завадовский. Поэтому письмоводитель был командирован начальством «в Ейск тушить пламя междоусобных войн и искоренять высоко выросший бурьян злоупотреблений» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 55].

Пытаясь строить карьеру администратора, молодой Иван Диомидович часто совершал важные поездки для дальнейшего карьерного роста, да и просто из уважения к сопровождаемой персоне. 20 февраля 1850 г. он был в свите Г.А. Рашпиля, когда тот ездил на хутор «править тризну на могиле покойницы генеральши», добавляя, что «туда же должны отправиться все придворные для состязания в лицемерии» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 48]. А в письме от 11 декабря 1849 г. извещал друга, что «был вот у его превосходительства только в кабинете, только и исключительно по одной казенной надобности, и – главное – никогда не был приглашаемым к его превосходительству обедать. Вот награда – привилегия, испрошенная мною за усердную службу. И вот уже больше месяца, как эта привилегия свято и непорушимо соблюдается со стороны высшего начальства» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 41 об.].

Хотя, с другой стороны, как и многие представители его поколения, в дальнейшем он не собирался связывать свою жизнь с Екатеринодаром. Будущий историк мечтал о переезде в Ставрополь.

В 1851 г. он получил очередное воинское звание есаул и был назначен адьютантом Н.С. Завадовского. Эту должность он получил не только как опытный администратор, но и по личному ходатайству атамана, которого знал с 1843 г., когда в 1843-1846 гг. под его началом находился в походах против горцев к Абинскому и Георгие-Афипскому укреплениям, к р. Туапсе для защиты мирных бжедугов от непокоренных горцев и др. походах.

Со своим командиром он был до его смерти, наступившей в 1853 г. во время экспедиции в земли шапсугов. О чем красочно описано в анонимной статье «Последние дни жизни и кончина генерала от кавалерии Николая Степано-

вича Завадовского» опубликованной во 2 номере газеты «Кавказ» за 1854 г., выходившей в Тифлисе [Последние дни жизни... 1854: 7-8].

21 февраля 1854 г. в связи со смертью своего начальника И.Д. Попко покинул пост адъютанта и 3 марта того же года был зачислен в состав Отдельного Кавказского корпуса, базировавшегося на русско-турецкой границе. «…Я прибыл в Александрополь и явился к (командиру особого корпуса) князю (Василию Осиповичу) Бебутову. Я получил назначение состоять при начальнике кавалерии действующего корпуса, генерал-лейтенанте (Александре Федоровиче) Багговуте, в должности дежурного штаб-офицера», - сообщал он 22 апреля 1854 г. В.Ф. Золотаренко [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 144].

В конце 1855 г. Карс был взят русскими войсками. Встал вопрос о восстановлении и приведении в порядок города и его хозяйства. В этом же году Михаил Тариэлович Лорис-Меликов, будущий начальник Терской области и министр внутренних дел, был назначен на должность начальника Карской области. Вновь приобретенная территория была разделена на три округа: Ардаганский, Карский и Ольтинский. По ходатайству Лорис-Меликова, И.Д. Попко был назначен начальником Карского округа. 7 марта 1856 г. М.Т. Лорис-Меликов писал Кавказскому наместнику Николаю Николаевичу Муравьеву: «Назначение ротмистра Попки в начальники Карского округа… значительно облегчит занятия мои и тем представит возможность лично посещать санджаки и границы области» [Акты... 1888: 290].

В «Положении для управления Карской областью», утвержденном главнокомандующим 19 ноября 1855 г., говорилось: «Права и обязанности окружных начальников равняются с правами и обязанностями уездных начальников…» [Акты... 1888: 168]. Поэтому на И.Д. Попко были возложены в основном хозяйственные обязанности.

На новом месте ему пришлось заниматься не только делами округа, но и несвойственным ему доселе поручением, сыгравшим большую роль в его дальнейшей карьере и послужившим получению неоценимого опыта. В послании В.Ф. Золотаренко от 9 марта 1856 г. он сообщал о своей командировке под руководством полковника, нумизмата и писателя Ивана Алексеевича Бартоломея в Курдистан, имевшей «дипломатические свойства», который был выбран на эту роль благодаря своему богатому политическому и административному опыту и знанию специфики общения с местным населением. Главной задачей, поставленной перед ними Н.Н. Муравьевым, было привлечь курдские племена на сторону России или, в крайнем случае, «не допустить их присоединить свое свободное оружие к оружию войска Порты» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 166-166 об.].

Но, по словам начальника Эриванского отряда генерал-майора Александра Алексеевича Суслова, к формированию которого были прикомандированы парламентеры, переговоры не привели к какому-нибудь значимому результату, о чем он докладывал управляющему Военно-походной канцелярией главнокомандующего, полковнику Константину Петровичу Фон-Кауфману [Акты... 1888: 426].

Тем не менее, 9 марта 1856 г. Иван Диомидович писал в Санкт-Петербург В.Ф. Золотаренко, «что командировка моя не была бесплодна» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 166 об.].

Вскоре после подписания 30 марта 1856 г. Парижского мирного договора по Действующему Кавказскому корпусу последовал приказ № 178 гласивший, что «28-го июля 1856 года переданы турецкому правительству Карс и санджаки, занятые русскими войсками». В нем выражалась «благодарность за благодетельное, правосудное и заботливое управление краем временно Русского областного управления» [Акты... 1888: 310].

За относительно недолгую, но успешную работу на этом посту историк получил благодарность главнокомандующего Анатолийской Армией, Измаил-паши и 3 марта 1858 г. был награжден турецким орденом Меджидис 4-й степени.

После сдачи дел, 20 октября 1856 г. он был прикомандирован ко 2-му эскадрону лейб-гвардии Черноморского казачьего дивизиона, находящемуся в Санкт-Петербурге, куда и отбыл 3 января 1857 г. На этот короткий период приходится подготовка к изданию его первого серьезного труда «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту...» и начало плодотворного сотрудничества с журналом «Военный сборник» и газетой «Русский инвалид». В это время он познакомился с главным редактором последнего периодического издания Петром Семеновичем Лебедевым, оказавшим ему неоценимую помощь в подготовке к печати книги.

21 мая 1858 г. закончился столичный период жизни И.Д. Попко, в виду его большого административного опыта он был назначен штаб-офицером для особых поручений при начальнике Главного управления иррегулярных войск и 26 июня отбыл в Екатеринодар.

На новом старом месте службы пригодился его былой опыт. Более двух лет с 14 ноября 1858 г. по 1 января 1861 г. Ивану Диомидовичу пришлось работать делопроизводителем и редактором комитета по составлению устава о строевой службе конных полков казачьих войск.

В письме от 5 мая 1861 г., написанном из Новочеркасска В.Ф. Золотаренко, он сообщает, что приехал сюда по приглашению Наказного атамана Войска Донского Михаила Григорьевича Хомутова на «парадный смотр здешнему учебному полку, ...как уставщик казацкий, ...присутствовать при сем зрелище». Тут же он просит прощения у друга, за то, что, долго не писал, оправдывая это тем, что «работал как бык над своим поручением» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 186] – вышеупомянутым уставом.

Это письмо интересно еще и тем, что оно как бы ставит точку в одном этапе карьеры историка и открывает новую небольшую страничку в его интересной жизни. «Теперь все покончил и жду со дня на день ответа Министра на запрос Хомутова – ехать ли мне на Урал и в Киргиз-Кайсацкую орду. Черт их знает, что они там молчат… Как ни хорошо мне жить здесь, а уже наскучило» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 186 об. – 187].

Ответ пришел и с 4 февраля по 6 июля 1861 г. будущий историк по приказанию военного министра Николая Онуфриевича Сухозанета находился в командировке по Донскому, Оренбургскому и Уральскому казачьим войскам для пересмотра и сбора фактов по составлению новой полковой инструкции, входящей в положение о Донском войске.

В 1860 г. вместо Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск были созданы Кубанское и Теркое. Поэтому после возвращения в Екатеринодар, 26 октября 1861 г. Иван Диомидович был назначен членом комитета по выработке положения о Кубанском войске. Во многом такое назначение было обусловлено богатым опытом и знаниями, которые он приобрел в своем путешествии по казачьим войскам. В комитете он состоял по 20 марта 1862 г.

Некоторые свои соображения по этому вопросу он изложил в любопытном документе «Частное мнение о военном устройстве Кубанского Казачьего войска», датированным 28 декабря 1861 г. и хранящимся в Государственном архиве Ставропольского края [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 12. Л. 1-8].

После этого незаменимый И.Д. Попко состоял в комитете по пересмотру системы податей и сборов, где прослужил чуть больше года с 14 июня 1862 г. по 3 июля 1863 г.

В этот период Иван Диомидович довольно часто приходилось отлучался по служебным делам. Наиболее часты такие отлучки стали после назначения историка членом комитета по окончательному составлению новых положений о Кубанском и Терском казачьих войсках. Причем, чтобы представители войск не могли оказывать давление на членов комитета, заседания происходили в Ставрополе с 15 июля 1863 по 15 мая 1864 гг.

«По приезде в Ставрополь 16 июля, я не нашел графа Евдокимова. Через неделю он приехал и после краткого объяснения с ним, забрал я все комитетские сочинения и отправился в Железноводск читать их на досуге...

Октября 6-го возвратился в Ставрополь и сел за работу. Комитетский материал никуда не годится. Здание строится заново и при всех усилиях едва ли можно будет дойти до купола раньше весны. Перспектива такая что бросает в жар и в холод как прогуляться по ней взором. Начальство ждало, что я приеду сюда совсем и готовило мне разные блага. Уведомление что я отправляюсь в командировку произвело неприятное впечатление. Оно и к лучшему, потому что в Войсковое правление я ни за что не согласился бы – там пакостей еще больше, как прежде»,

– писал он В.Ф. Золотаренко 26 октября 1863 г. из Ставрополя [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 190 об. – 191].

Работа продвигалась медленно, обсуждения шли сложно: «Комитетское дело идет тяжело – много мне с ним труда и горечи. Члены в разладе и сам черт их не сведет» жаловался он 4 декабря 1863 г. другу [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 189 об.]. И только через год, 21 декабря 1864 г. он с облегчением сообщает В.Ф. Золотаренко, что «с комитетом разделался окончательно – не может бо раб двум господам работати» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 194].

После окончания Крымской войны 1853-1856 гг. и вытеснения горцев с равнин к Главному Кавказскому хребту и берегу Черного моря в первой половине 60-х гг. XIX в. началось активное освоение новых территорий. Между левым берегом Кубани и Кавказскими горами стали появляться новые станицы и формироваться полки.

Поэтому назначенный в 1860 г., командиром войск в Кубанской области, а в 1862 г. ее начальником Николай Иванович Евдокимов, зная о неоднозначном

отношении своего подчиненного к обстановке в войсковой столице и учитывая его большой административный опыт, предложил тому принять на себя командование новым Псекупским полком, «который будет поселен приходящей весною на р. Псекупс, в живописнейшей закубанской местности...» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 189].

1 апреля 1864 г. И.Д. Попко получил назначение и 17 мая того же года прибыл к месту службы, в станицу Ключевую.

Именно на новом месте службы наиболее полно проявился его талант администратора. До 1871 г., когда полк был расформирован и Иван Диомидович покинул пост командира, на подведомственной ему территории были открыты первый на Кавказе музей. Появилась одна из первых полковых библиотек. Любимым детищем историка была школа, 30 января 1868 г. он писал В.Ф. Золотаренко, что в ней уже преподается французский язык, просил выслать ноты и «новейшие и толковейшие руководства к рисованию и черчению», добавляя, «нужна так же французская пропись…» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 202 об. – 203].

В этом же письме есть любопытная фраза, позволяющая сделать предположение, что И.Д. Попко делал попытку создать в полку любительский театр, обращаясь к другу он сообщает, что «книги для театра получил» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 205 об.].

В письме Василию Федоровичу от 30 января 1869 г. описан любопытный факт, сведения о котором отсутствуют в официальной биографии историка:

> «Я прискакал в Екатеринодар по обыкновению налегках верхом, навестил патриарха[1] и по возвращении с Керпилей уже готов был отправиться обратно в горы, как вдруг получаю предписание и приказ от Генерала Владимира Никитича Своева, временно управляющего краем о вступлении в исправление должностей председателя и старшего члена Войскового правления по случаю болезни этих должностных лиц. Таким образом и председательствовал в войсковом Сенате месяц целый пока больные не выздоровели» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 204 об. – 205].

Короткий период с 1 мая по 12 августа 1869 г. он успел поработать редактором комиссии по составлению проекта положения о юнкерском училище в Кубанском и Терском казачьих войсках:

> «Здесь учреждают юнкерское училище для обоих Кавказских казачьих войск Кубанского и Терского. Для начертания проекта положения об этом училище назначен Великим Князем Главнокомандующим комитет от обоих войск, и я призван в состав этого ареопага членов от войска Кубанского; прибыл в Ставрополь 5-го сего июня и пробуду здесь, должно быть, до 10-го июля» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 209].

К сожалению, после расформирования полка благородные начинания пришли в упадок. Музей закрылся и его следы теряются в Ставрополе. Библиотека пропала, можно лишь предположить, что некоторые книги пополнили личное собрание Ивана Диомидовича. Школы, разбросанные по разным стани-

[1] Авт.: Диомид Нестерович Попка.

цам, бывшего Псекупского полка, продолжили существовать, но больше не было человека, горевшего душой за это дело.

Этот плодотворный период жизни историка закончился 1 января 1871 г., после упразднения Псекупского полка, производства И.Д. Попко в генерал-майоры и назначения в распоряжение наказного атамана Кубанского казачьего войска:

«…новый год начался введением нового положения и новыми назначениями, в числе которых на мою долю не выпало ничего. Да это и не слишком меня огорчает, – устал, умаялся, чувствую потребность отдыха…» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 184-184 об.].

С 1873 г. и до своего отъезда в Ставрополь Иван Диомидович заседал в Контрольном отделении при Войсковом хозяйственном правлении Кубанского Казачьего войска. Кроме этого, в 1872-1878 гг. исполнял должность почетного мирового судьи по Екатеринодарскому судебному округу.

До начала 1874 г. был состоящим при командующем войсками в Кубанской области, выполняя возложенные на него административные дела достаточно успешно. Поэтому, когда в феврале он был назначен состоящим при Кавказской армии с оставлением по войску Кубанскому и переехал в Ставрополь, чтобы отдать свое время научным изысканиям по истории кавказского казачества.

Наказной атаман Кубанского казачьего войска Николай Николаевич Кармалин, характеризуя своего подчиненного, с сожалением от потери ценного сотрудника, писал начальнику Окружного штаба Кавказского военного округа Александру Павловичу Свистунову, что назначение И.Д. Попко на должность состоящего при командующем войсками в Кубанской области «было вызвано потребностью Кавказских казачьих войск, так как генерал Попко, при своей служебной опытности и многостороннем, солидном образовании, мог с успехом председательствовать в комитете по обсуждению важнейших мер и вопросов, направляемых к благоустроению сих войск». [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 28. Л. 57 об.] и просил того оставить Ивана Диомидовича на некоторое время «для продолжения существенно-полезных и важных трудов, порученных комитету под его руководством», мотивируя это тем что лишается в лице И.Д. Попко «одного из полезнейших сотрудников» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 28. Л. 58].

Генерал был общительным человеком, поэтому достаточно быстро стал в Ставрополе своим. Обустраивая свой быт, он не забывал налаживать отношения с местными представителями интеллигенции и дворянства. Еще до своего окончательного переезда он довольно часто бывал в городе по личным и служебным делам, поэтому не был здесь новичком. Кроме этого, из его личных писем можно узнать, что в детстве и юности он какое-то время находился в Ставрополе, вспоминая этот период своей жизни с ностальгией и некоторой горечью.

Переехав, Иван Диомидович надеялся всецело отдаться научным изысканиям, в надежде, что не будет отвлекаться на сторонние дела. У него даже стали появляться добровольные помощники.

Но 12 октября 1879 г. он, в письме губернатору Ставропольской губернии Максимилиану Александровичу Фон Остен-Сакену, пишет, что 9 октября к нему приходили представители ставропольского дворянства и заявили, что он

избран предводителем дворянства, добавляя, что это известие стало для него полной неожиданностью. В силу ряда причин он отказался от почетной должности. С одной стороны, он хотел полностью отдаться исследовательской деятельности, а с другой по закону не мог совмещать военную должность с пусть и почетной выборной должностью предводителя дворянства, но депутаты уверили его, что этот вопрос будет решен. Даже после этого Иван Диомидович был в сомнении [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 32. Л. 3-4].

Выбор на этот пост И.Д. Попко был не случаен. 30 декабря 1869 г. по указу Сената, за неимением дворянских собраний в Кубанской и Терской областях, Ставропольскому дворянскому присутствию ставилось в обязанность ведение родословных книг упомянутых территорий, выдача справок и грамот, относящихся к сословным правам и т. д. Кроме этого, дворяне казачьих областей, должны были принимать активное участие в делах и выборах [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 32. Л. 16]. Но, по ряду причин, этого не происходило. Через 5 лет ничего не изменилось, кубанцы и терцы так и не изъявили желания принимать участие в жизни своего сословия. Поэтому, в отчете Дворянского собрания Ставропольской губернии от 9 октября 1875 г. сказано, что дворянство казачьих областей не принимает никакого участия в жизни своего цеха, не принимает никакого участия в содержании и поддержке дворянских учреждений, не имеет своих депутатов и уездных предводителей. Главная проблема заключалась, в том, что местная аристократия, за отсутствием финансов, не могло содержать собственные учреждения, поэтому «дворянство Ставропольской губернии… само несет издержки по содержанию дворянских учреждений общих для Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей и Черноморского округа и не может не тяготиться тем и другим по своей малочисленности и недостатку материальных средства...» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 32. Л. 17 об.].

Будучи человеком уважаемым, имевшим большой административный опыт и достаточно долгое время, по служебным и личным делам, путешествовавшим по Кавказу, он имел много знакомых и друзей среди дворян и мог, по мнению депутатов, оказать на них влияние.

Поэтому в письме начальнику штаба Кавказского военного округа Платону Петровичу Павлову 13 октября этого же года он писал:

«Пошли упрашивания, отнекивания, возражения и вообще оживленные объяснения, отнявшие у меня не один час времени. Кончилось тем, что я по крайней мере, не буду отказываться в таком случае, если Его Высочество Наместник изволит найти возможным к настоящему моему служебному положению присовокупить эту скорее почетную, чем официальную, предводительскую должность…

Руководящим же в настоящем случае мотивом со стороны ставропольского дворянства является пламенное желание его, составить с дворянским сословием соседних областей Кубанской и Терской, одно общество de facto – что до сего времени существует только de jure. Так вот, говорят мне шитые не по-нашему воротники, делая вами поездки по областям и будучи в них популярны, вы много можете содействовать таковому объединению, – что может быть и справедливо до некоторой степени» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 32. Л. 7-7 об.].

На новом посту Иван Диомидович в разное время с 1876 по 1893 г. состоял в различных комитетах, занимаясь не только представительской деятельностью, но и активно вникая в дела Екатеринодарского женского благотворительного общества, Ставропольского губернского попечительного о тюрьмах комитета, Губернского распорядительного комитета по земским повинностям, Губернского по крестьянским делам присутствия, Ставропольского губернского распорядительного комитета, Епархиального училищного совета и др.

С начала 60 гг. XIX в. начинается подъем национального самосознания в Балканских странах, оккупированных Турцией. Трагедия славянских народов пробудила сочувствие к их бедственному положению во всем мире. Особенно живой отклик она вызвала в Российской империи, где представители всех сословий стали массово записываться в ополчение. Главной целью России стало провозглашение свободы братских славянских народов. После объявления ультиматума, 12 апреля 1877 г. Александр II объявил войну Турции.

Уже 27 апреля Иван Диомидович, был командирован в распоряжение командующего действующим корпусом на российско-турецкой границе Николая Николаевича Муравьева, куда прибыл 1 мая того же года. До 1 ноября исполнял различные ответственные должности, пока не был назначен начальником Карской области, которая была создана приказом № 409 по Кавказской армии 1 ноября 1877 г.

На столь ответственный пост Иван Диомидович был выбран не случайно, еще в 1855 г. когда Карс на короткое время был занят российскими войсками, он, под руководством тогдашнего начальника области Михаила Тариэловича Лорис-Меликова, управлял Карским пашалыком (район одноименного санджака). Как истинный патриот он не мог бросить свою страну в тяжелое время, поэтому со всей ответственностью подошел к выполнению возложенных на него задач.

Вот как описан этот достаточно короткий период жизни в книге «Памятник восточной войны. 1877-1978 г.г.»:

«Попка И.Д. – генерал-лейтенант, всеми уважаемый, назначен правителем Ардаганской области по взятии крепости Ардагана в начале мая; потом был назначен начальником Карской области. 24-го января открывал в Карсе военное собрание. Вслед за взятием Карса, 6-го ноября, к полудню, начальник Карской области, генерал Попка, въехал в Карс, военным губернатором которого он уже был назначен. Генерал был окружным Карским начальником еще в прошлую кампанию, и потому хорошо знал условия города.

Прежде всего обращено было внимание на восстановление порядка и безопасности в городе.

Затем губернатор образовал временную полицию, которой предписал озаботиться, как первым и самым важным делом, очисткой города от падали и нечистот.

Благодаря энергической деятельности генерала Попки, население Карса скоро убедилось в полной безопасности, торговцы были приглашены и вышли на базар; город очистился, население освоилось с полицией и ее требованиями...

Вскоре было образовано комендантское управление. При совместной деятельности губернатора и коменданта были приняты строгие меры к окончательному утверждению порядка: организована полиция, с полицмейстерами, частными приставами, полицейскими служителями и кроме того, строго повелась караульная служба. В городе видно оживление — и войска стоят, и понаехало много разного народа. На улицах уже есть фонари и вечером хо-

дить безопасно... Базар оживился и в настоящее время там можно найти все, до предметов роскоши включительно» [Памятник восточной войны... 1878: 292-293].

К этому моменту Ивану Диомидовичу уже под 60 лет, это довольно солидный возраст для военного человека того времени. Его взгляды на жизнь сильно изменились, если в юности он мечтал сбежать из Черноморского Казачьего войска и поискать приключений по белому свету, то к 1877 г. его мечты были сосредоточены на том, чтобы осесть в Ставрополе и отдать оставшеюся часть жизни давней мечте – написанию истории кавказских казачьих войск. В своей жизни он видел много горя и смертей, поэтому к исходу жизни отрицательно относился ко всякому роду насилия.

После того, как дела в городе и области, под его руководством пошли на лад, он стал задумываться об уходе на покой. Об этом он не раз говорил и писал знакомым и друзьям.

К сожалению, не у всех было такое же трепетное отношение к письмам как у Ивана Диомидовича, много писем, написанных им знакомым и друзьям, не сохранилось. В одном из таких посланий, канувших в лету, и адресованном депутату Ставропольского Губернского дворянского собрания Михаилу Дементьевичу Сорокину он жаловался, что несносная война истощает и подрывает его здоровье и если она закончится, и Карская область останется в составе России, то он не думает и не желает оставаться на своем посту и нести тяжелое бремя управления и «как скоро тяжелый воз выедет на равнину» передать правление приемнику, а сам пожалует в колыбель своего детства –Ставрополь [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 32. Л. 59].

Интересно, что впервые в художественном произведении, романе А.А. Тонконоженко «Карс: проклятая память», Иван Диомидович Попко предстает перед нами именно в образе начальника области [Тонконоженко 2010: 253, 259-260, 283-288].

8 июня 1878 г. генерал-лейтенант приказом № 340 по Кавказской армии и Кавказскому военному округу по болезни был уволен с должности начальника Карской области, с оставлением при Кавказской армии, и затем окончательно вернулся в губернский город Ставрополь.

По возвращении И.Д. Попко продолжил свою деятельность в должности Предводителя дворянства Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей. В дальнейшем каждые три года избирался на этот пост единогласно до своей смерти.

Жизнь историка – это череда событий: значительных и не очень. Для исследователей более интересна та часть жизни, которая связана с творческой и просветительской стороной. Но огромный пласт его биографии занимала и административная служба. Даже участвуя в боевых походах, он был вынужден заниматься этой утомительной работой. И только небольшое количество времени в его жизни было отведено любимому делу и мечте, – написанию статей и работе над историей кавказского казачества.

И если эта часть его биографии прослежена достаточно основательно, хотя остается еще очень много вопросов и неточностей, то остальная – рутинная – почти не изучена, хотя и в ней кроется не мало загадок.

Данная статья по сути является заявкой для дальнейших исследований этой малоизученной стороны жизни и деятельности И.Д. Попко, которая не менее, а во многих аспектах и более значима для истории Кавказа и происходивших здесь в XIX в. процессах.

Как администратор Иван Диомидович нередко и сам был участником, значительных системообразующих событий того времени. След историка, отпечатанный в памяти и в документах, как официальных, так и личных, можно найти в разных исторических эпизодах того времени, упомянутых в статье.

Результаты проведенной работы позволили выявить и обозначить проблемы изучения данного вопроса и наметить планы дальнейших этапов и путей исследования заявленной темы.

Исследователям наследия генерала предстоит большая и трудоемкая работа по дальнейшему изучению его жизни и творчества. Одной из главных проблем на этом долгом пути является, то, что документы, имеющие отношение к генерал-лейтенанту И.Д. Попко и его весьма многогранной деятельности, разбросаны по разным архивам, не только северокавказским, но и центральным, какая-то их часть находится за пределами России. Поэтому и трудов на этом поприще хватит еще многим исследователям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты... 1888 – Акты, изданные Кавказской Археографической комиссией. Архив канцелярии главноначальствующего. Т. 11. / Под ред. Д. Кобякова. – Тифлис: тип. Канц. главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1888. – 1020 с.

Амбарцумян 2009 – *Амбарцумян К. Р.* Взаимоотношения поколений в семье генерала И.Д. Попко (на материале переписки с племянником П. Кучеровским) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 117. – С. 32-37.

Волкова 1965 – *Волкова Н.Г.* Музей Псекупского полка // Ученые записки. Адыгейский НИИ экономики, языка, литературы и истории. История и этнография. – Краснодар: [б. и.], 1965. – Т. 4. – С. 271-276.

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

Городецкий 1912 – *Городецкий Б.М.* Иван Диомидович Попка: биобиблиографический очерк // Литературные и общественные деятели Северного Кавказа: биобиблиографические очерки. – Екатеринодар: [б. и.], 1912. – С. 29-36.

Загорская 1910 – *Загорская В.* Архив покойного генерала Попко // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 2. – Ставрополь: Тип. Губ. прав., 1910. – С. 170-172.

Колосовская 2014 – *Колосовская Т.А.* «Пока архивы не сделались добычей пожара или тления». Историко-исследовательская деятельность генерал-лейтенанта И.Д. Попко // Военно-исторический журнал. – М.: Министерство обороны РФ, 2014. – № 4. – С. 53-58.

Максимов 2011 – *Максимов И.П.* К биографии Ивана Диомидовича Попко // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар: КГУКИ, 2011. – № 4 (42). – С. 128-131.

Последние дни жизни... 1854 – Последние дни жизни и кончина генерала от кавалерии Николая Степановича Завадовского // Кавказ. – Тифлис: в типографии Канцелярии Наместника Кавказского, 1854. – № 2. – С. 7-8.

Памятник восточной войны... 1878 – Памятник восточной войны. 1877-1978 гг. Заключающих в себе в алфавитном порядке, биографические очерки всех отличившихся, убитых, раненых и контуженных: генералов, штаб и обер-офицеров, докторов, санитаров, сестер ми-

лосердия и – отличившихся рядовых. Составил А.А. Старчевский. Издание М.Г. Назимовой. – Санкт-Петербург: типография Б.Г. Янпольского, 1878. – IV, 490 с.

Слуцкий 2009 – *Слуцкий А.И.* Библиотека генерал-лейтенанта Ивана Диомидовича Попко // Книга: Исследования и материалы. – Москва: Наука, 2009. – Сб. 90. – С. 183-192.

Тонконоженко 2010 – *Тонконоженко А.А.* Карс: проклятая память. – Москва: Советский писатель, 2010. – 452 с.

Трехбратов 2005 – *Трехбратов Б.А.* Жизненный путь и творческое наследие Ивана Диомидовича Попко // Кубанские краеведы. – Краснодар: [б/и], 2005. – С. 95-135.

Фарфаровский, Козубский 1910 – *Фарфаровский С.В., Козубский Е.Н.* Биографические сведения о И.Д. Попко // Русский архив. – Москва: Синодальная типография, 1910. – № 1. – С. 93.

Шевченко 1991 – *Шевченко Г.Н.* И.Д. Попко (1819-1893): историко-биографический очерк // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода: сб. науч. тр. / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар: [б/и], 1991. – С. 61-69.

REFERENCES

Akty, izdannye Kavkazskoj Arheograficheskoj komissiej. Arhiv kancelyarii glavonachal'stvuyushchego [Acts published by the Caucasian Archaeographic Commission. Archive of the Chancellery of the departure]. T. 11. / Pod red. D. Kobyakova. – Tiflis: tip. Kanc. glavnonach. grazhd. chast'yu na Kavkaze, 1888. – 1020 p. (In Russ.).

AMBARCUMYAN K.R. *Vzaimootnosheniya pokolenij v sem'e generala I.D. Popko (na materiale perepiski s plemyannikom P. Kucherovskim*) [The relationship of generations in the family of General I. D. Popko (based on correspondence with his nephew P. Kucherovsky)]. In: Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. – 2009. – № 117. – P. 32-37. (In Russ.).

VOLKOVA N.G. *Muzej Psekupskogo polka* [Museum of the Psekup regiment]. In: Uchenye zapiski. Adygejskij NIIYaK. Istoriya i etnografiya. – Krasnodar: [b. i.], 1965. – T. 4. – P. 271-276. (In Russ.).

GASK. *Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraya* [State Archive of the Stavropol Territory].

GORODECKIJ B.M. *Ivan Diomidovich Popka: biobibliograficheskij ocherk* [Ivan Diomidovich Popka: Bio-Bibliographic Essay]. In: Literaturnye i obshchestvennye deyateli Severnogo Kavkaza: biobibliograficheskie ocherki. – Ekaterinodar, 1912. – P. 29-36. (In Russ.).

ZAGORSKAYA V. *Arhiv pokojnogo generala Popko* [Archive of the late General Popko]. In: Trudy Stavropol'skoj uchenoj arhivnoj komissii. – Vyp. 2. – Stavropol': tip. Gub. prav., 1910. – P. 170-172. (In Russ.).

KOLOSOVSKAYA T.A. *«Poka arhivy ne sdelalis' dobychej pozhara ili tleniya». Istoriko-issledovatel'skaya deyatel'nost' general-lejtenanta I.D. Popko* ["Until the archives have become the prey of a fire or smoldering." Historical and research activities of Lieutenant General I.D. Popko]. In: Voenno-istoricheskij zhurnal. – M.: Ministerstvo oborony RF, 2014. – № 4. – P. 53-58. (In Russ.).

MAKSIMOV I.P. *K biografii Ivana Diomidovicha Popko* [To the biography of Ivan Diomidovich Popko]. In: Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Krasnodar: KGUKI, 2011. – № 4 (42). – P.128-131. (In Russ.).

Poslednie dni zhizni i konchina generala ot kavalerii Nikolaya Stepanovicha Zavadovskogo [The last days of life and the death of the general from the cavalry Nikolai Stepanovich Zavadovsky]. In: Kavkaz. – Tiflis: v tipografii Kancelyarii Namestnika Kavkazskogo, 1854. – № 2. – P.7-8. (In Russ.).

Pamyatnik vostochnoj vojny. 1877-1978 gg. Zaklyuchayushchih v sebe v alfavitnom poryadke, biograficheskie ocherki vsekh otlichivshihsya, ubityh, ranenyh i kontuzhennyh: generalov, shtab i ober-oficerov, doktorov, sanitarov, sester miloserdiya i – otlichivshihsya ryadovyh. Sostavil A. A. Starchevskij. Izdanie M. G. Nazimovoj [Monument of the Eastern War. 1877-1978 Conclusing alphabetically, biographical essays of all distinguished, dead, wounded and shell-shocked: generals, headquarters and chief officers, doctors, orderlies, sisters of mercy and-distinguished ordinary peo-

ple. Compiled by A. A. Starchevsky. Edition M. G. Nazimova] – Sankt-Peterburg: tipografiya B.G. Yanpol'skogo, 1878. – 490 p. (In Russ.).

SLUCKIJ A.I. *Biblioteka general-lejtenanta Ivana Diomidovicha Popko / Kniga: Issledovaniya i materialy.* [Slutsky, A.I. Library of Lieutenant General Ivan Diomidovich Popko]/ [Book: Research and Materials]. Kniga: Issledovaniya i materialy. – Moskva: Nauka, 2009. – Sb. 90. – P. 183-192. (In Russ.).

TONKONOZHENKO A.A. *Kars: proklyataya pamyat'* [Kars: damned memory] // A.A. Tonkonozhenko. – Moskva: Sovetskij pisatel', 2010. – 452 p. (In Russ.).

TREKHBRATOV B.A. *Zhiznenyj put' i tvorcheskoe nasledie Ivana Diomidovicha Popko* [Life path and creative heritage of Ivan Diomidovich Popko]. In: Kubanskie kraevedy. – Krasnodar. 2005. – P. 95-135. (In Russ.).

FARFAROVSKIJ S.V., KOZUBSKIJ E.N. *Biograficheskie svedeniya o I.D. Popko* [Biographical information about I. D. Popko]. – Moskva: Sinodal'naya tipografiya, 1910. – № 1. – P. 93. (In Russ.).

SHEVCHENKO G.N. *I. D. Popko (1819-1893): istoriko-biograficheskij ocherk* [I. D. Popko (1819-1893): historical and biographical essay]. In: Problemy istoriografii i kul'turnogo naslediya narodov Kubani dorevolyucionnogo perioda. – Krasnodar: [b/i], 1991. – P. 61-69. (In Russ.).

Информация об авторах

И.В. Дубинин – библиотекарь.

И.Г. Иванцов – доктор исторических наук.

Information about the authors

I.V. Dubinin – librarian.

I.G. Ivantsov – doctor of Science (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.04.2023 г.; одобрена после рецензирования 28.04.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 01.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-39-52
EDN: CZROYJ

КАБАРДИНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ СУММА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КАБАРДИНСКОМ (НАЛЬЧИКСКОМ) ОКРУГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Дмитрий Николаевич Прасолов
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, dmprasolov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-0026-1262

Аннотация: На основе архивных документов и материалов дореволюционной периодической печати рассматриваются примеры политического использования Кабардинской общественной суммы (КОС). Этот финансовый институт первоначально сложился как денежный фонд, которым распоряжались власти Центра Кавказской линии. Постепенно к управлению им привлекались депутаты судов, а затем оформление решений об ассигнованиях из общественного капитала стало одной из функций съездов доверенных сельских обществ, приговоры которых утверждались коронным областным или общекавказским начальством. В рамках рассматриваемой темы выявлены ассигнования из средств КОС на обеспечение деятельности общественных должностных лиц, оплату расходов по участию кабардинских и балкарских доверенных в различных общественно-политических мероприятиях, финансирование разнообразных форм политической социализации и идеологического поддержания подданнической культуры. За счет средств КОС проводилась технологическая модернизация коммуникационных возможностей окружной власти и местного самоуправления. Обоснован вывод, о том, что в практиках съездов доверенных КОС выступала ключевым финансовым ресурсом, посредством которого обеспечивалось софинансирование решения региональных политических задач. В общественно-государственном взаимодействии, организуемом коронной властью и местным самоуправлением, прежде всего через приговоры съездов доверенных сельских обществ, расширялся политико-культурный опыт кабардинцев и балкарцев по организации и совершенствованию управления совместной жизнедеятельностью в рамках Нальчикского округа.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, Кабардинский округ, Нальчикский округ, Терская область, Российская империя, кабардинская общественная сумма, съезд доверенных.

Для цитирования: Прасолов Д.Н. Кабардинская общественная сумма в политических практиках местного самоуправления в Кабардинском (Нальчикском) округе во второй половине XIX – начале XX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 39-52. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-39-52. EDN: CZROYJ.

© Прасолов Д.Н., 2023

Original article

KABARDIAN PUBLIC SUM IN POLITICAL PRACTICES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE KABARDIAN (NALCHIK) DISTRICT IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES.

Dmitry N. Prasolov
Institute for Humanitarian studies – branch Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, dmprasolov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-0026-1262

Abstract: Based on archival documents and materials of pre-revolutionary periodicals, examples of political use of the Kabardian public sum are examined. This financial institution was formed as a monetary fund, which was managed by the authorities of the Central Caucasus Line. court deputies were involved in its management, and later the drawing up of decisions on allocations from the public fund became the function of the congress of entrusted rural societies, whose decisions were approved by the crown regional or all-Caucasus superiors. Within the framework of the considered theme, allocations from the means of sum for maintenance of the activity of public officials, payment of expenses on participation of the Kabardian and Balkarian proxies in various public-political events, financing of various forms of political socialization and ideological maintenance of the subject political culture were revealed. At the expense of Sum funds, technological modernization of the communication capabilities of the district authorities and local self-government was carried out. The conclusion that in the practices of the congresses of confidants, Sum acted as a key financial resource through which the co-financing of regional political tasks was provided is substantiated. In the socio-state interaction organized by crown authorities and local self-government, first through the congresses of trusted rural societies, the political and cultural experience of Kabardinians and Balkars in organizing and improving the management of joint life within the framework of the Nalchik district expanded.

Keywords: Kabardinians, Balkars, Kabardian district, Nalchik district, Terek Oblast, Russian Empire, Kabardian public sum, congress of trustees.

For citation: Prasolov D.N. Kabardian public sum in political practices of local self-government in the Kabardian (Nalchik) district in the second half of the XIX – early XX centuries. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 39-52. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-39-52. EDN: CZROYJ.

© Prasolov D.N., 2023

Пожалуй, первенство в рассмотрении деятельности Кабардинской общественной суммы (далее – КОС) принадлежит Г. Баеву, который приводил этот институт в пример как первый опыт «насаждения народного кредита» [Баев 1908: 31]. Впоследствии некоторые аспекты деятельности КОС охарактеризовали Ж.А. Калмыкова [Калмыков 1995: 49-50] и И.С. Пазов [Пазов 2018; Пазов 2019]. Обстоятельно к изучению истории, структуры и компетенций КОС подходит М.Х. Бербекова [Бербекова 2022; Бербекова 2023]. Однако эти авторы не рассматривали КОС как финансовый ресурс власти – коронной и местного самоуправления, которые взаимодействовали в организации общественного софинансирования разнообразных практик в политической культуре кабардинцев и балкарцев.

Первоначально средства КОС находились в ведении управления Центра Кавказской линии, а представители кабардинского общества участвовали в распоряжении КОС через депутатов Кабардинского временного суда и с 1858 г. Окружного народного суда. Первые упоминания о постановлениях съезда доверенных сельских обществ – органа окружного самоуправления, связанные с ассигнованиями средств КОС, встречаются в конце 1860-х гг. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 145. Л. 9]. В дальнейшем приговоры, которыми оформлялись расходные статьи из КОС, стали настолько многочисленны и разнообразны, что роль окружного самоуправления в управлении общественным капиталом стала восприниматься как устойчивая административная традиция. Несмотря на то, что в Положении о КОС, утвержденном Кавказским наместником кн. А.И. Барятинским в 1859 г., никак не регламентировалась роль съездов доверенных в распоряжении общественным капиталом, коронные власти вполне устраивал порядок, при котором все расходные действия съезда оформлялись приговорами, но контролировались экспертизой утверждения начальником области или Кавказским главнокомандующим. Столь характерный для военно-народного управления инструкционный и ситуативный порядок регламентации местного самоуправления, очередной раз был подтвержден в переписке при согласовании Правил пользования общественными пастбищами. В 1891 г. Штабом Кавказского военного округа было признано, что «ввиду издавна установившегося обычая расходовать этот капитал по приговорам уполномоченных от всего кабардинского народа», нет необходимости перечислять всех расходов «в издании особых для этого правил, тем более, что всех расходов предвидеть и перечислить невозможно, а они будут устанавливаться общественными приговорами, по мере возникновения в них надобности» [Гаибов 1905: 129–130].

Одним из таких направлений политического использования КОС стало финансирование коллективных и индивидуальных поездок должностных лиц и общественных служащих «по делам кабардинского народа», в том числе и на заемных основаниях [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 831. Л. 45]. Средства КОС ассигновались для организации ритуальных приветствий представителей высшей власти. В сентябре 1858 г. малокабардинские сельские общества позаимствовали 300 руб. «для встречи Их Императорских Величеств» [УЦГА АС КБР. И-Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 64] и в 1865 г. кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 71. Л. 72]. По 15 руб. было выдано 12 депутатам, представлявшимся главноначальствующему А.М. Дондукову-Корсакову в ходе его первого посещения Нальчикского округа в 1884 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 29. Л. 37об.]. Командированные окружным съездом делегации участвовали во встречах Кавказских наместников: в 1905 г. прибывшего на Кавказ И.И. Воронцова-Дашкова на станции Беслан [ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 11. Л. 1], и в 1915 г. великого князя Николая Николаевича на станции Минеральные воды [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 44. Т. 2. Л. 364]. В период русско-японской войны была профинансирована поездка депутатов Нальчикского округа в Армавир на встречу с Николаем II, посетившим Кубанскую область «для напутствования отходящих на Дальний Восток частей» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 784. Л. 11–14]. В

декабре 1914 г. делегация округа во Владикавказе присутствовала на встрече Николая II, возвращавшегося из поездки по Кавказскому фронту Первой мировой войны [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 40. Т. 1. Л. 172об.]. Знаком общественного признания стало поздравление делегацией округа князя И.И. Воронцова-Дашкова с награждением в связи с отбытием с Кавказа в 1915 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 44. Т. 2. Л. 374]. Ассигнованиями из КОС сопровождались представительские расходы для участия в верноподданнических акциях к 300-летию династии Романовых. 1500 руб. генерал-майору Ж. Куденетову, подполковнику К. Хагондукову и князю Н. Наурузову было выделено в суточное и путевое довольствие при командировании в гор. Петроград для поздравления и поднесения верноподданнических чувств лично Его Императорскому Величеству по случаю празднования юбилея царствующего Дома [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 891. Л. 208об.]. Поездка А. Айдебулова на открытие в Москве памятника Александру III была профинансирована 100 руб. из КОС, поскольку по условиям Терского областного правления это могло быть сделано «не иначе как с согласия надлежащих обществ» [ТВ. 1912. № 96. С. 2].

Участие в торжественных мероприятиях сопровождалось народными подарками, ритуальное поднесение которых являлось частью общепринятого политического протокола. Среди множества санкционированных приговорами съезда доверенных расходов КОС можно было встретить престижные артефакты, связанные с аристократическим военным бытом. Наиболее популярным мужским даром являлись шашки наместнику И.И. Воронцову-Дашкову [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 874. Л. 5, 79], его сыну – командиру кабардинского конного полка в 1914 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 40. Т. 2. Л. 361, 373], и командующему Кавказской туземной конной дивизии великому князю Михаилу Александровичу [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 40. Т. 2. Л. 401]. Более 800 руб. было потрачено из КОС на изготовление «древне-кабардинского костюма с полным вооружением» для сына императора к 300-летию династии Романовых [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 891. Л. 208 об.]. Причем подготовка подарка осуществлялась вопреки регламенту проведения юбилейных торжеств. Согласно распоряжению министра внутренних дел, на приеме депутаций не допускались подношения и подача прошений. Однако по решениям «совещаний доверенных» общественными расходами на народные подарки отметились многие народы Терской области [Кавказский край. 1913. № 19. С. 4].

Одним из атрибутов народного дара неоднократно становился специально оформленный маркерный предмет традиционного кабардинского быта. Приветствуя нового Наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича в 1915 г., делегация Нальчикского округа преподнесла ему «туземный столик буковый с серебряной оправой в старокабардинском стиле» [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 44. Т. 1. Л. 321]. Его использовали для ритуального подношения «хлеба-соли», подчеркивая в оформлении подданнический символизм. Александру III в 1888 г. на встрече во Владикавказе был преподнесен инкрустированный золотом и серебром столик с надписью «Государю Императору от верных кабардинских племен» с перечислением всех сельских обществ Большой и Малой Кабарды [Потто 1888: 43-44] и рисунком, заранее заказанным К. Хета-

гурову [Северный Кавказ. 1888. № 16. С. 2]. Аналогичный столик встречаются в описях расходов КОС в качестве подарков и наместнику И.И. Воронцову-Дашкову [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 40. Т. 2. Л. 611, 621].

В 1883 г. расходы делегации Нальчикского округа на коронационные мероприятия для ограниченного числа участников депутаций оплачивалось Министерством внутренних дел [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 5. Т. 1. Л. 28]. КОС выступала фондом, из которого рассматривалась возможность заемного финансирования участия в этом престижном имперском мероприятии дополнительных участников. Сбор доверенных Атажукинской фамилии, заинтересованной в представительстве своих князей на этом мероприятии, приговором ходатайствовал о включении князя П. Атажукина в состав депутации «на наш собственный счет». Но ввиду отсутствия наличных денег было предложено позаимствовать 1000 руб. из «кабардинской хозяйственной суммы», на пополнение которых средства взыскивались по раскладке со всех селений фамилии [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 5. Т. 1. Л. 35]. Главноначальствующий на Кавказе князь А.М. Дондуков-Корсаков отклонил это ходатайство [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 5. Т. 1. Л. 41].

В том же мероприятии дополнительно в качестве ассистента для поднесения «почетной азиатской шашки», по протекции начальника округа, принял участие подполковник Т. Шипшев «на счет народных сумм во внимание деятельности его на пользу народа» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 5. Т. 1. Л. 16]. Мобилизация фамильной реликвии была оформлена приговором съезда доверенных, предполагая последовательную комбинацию престижной аристократической щедрости и общественных обязательств. Фамильную шашку для подарка предоставил С. Шипшев, которому, «по определению кабардинского народа», предполагалось вознаграждение в 20 кобылиц и 5 жеребцов. Предоставить их для общественного дела обязались 30 кабардинцев из «почетных фамилий». Однако за полным возмещением обещанного полного возмещения общественных обязательств наследнику дарителя А. Шипшеву пришлось обратиться в НГСС [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2140. Л. 1]. В другой ситуации общественное признание за участие в общественном даре принесло более ощутимую пользу князю А. Атажукину. По приговору декабрьского съезда доверенных 1888 г. ему были списаны долги в КОС за безвозмездно уступленную им обществу «старинную фамильную шашку», которую кабардинская делегация преподнесла Александру III при встрече с ним во Владикавказе во время его поездки по Кавказу в сентябре 1888 г. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1284. Л. 2-4].

Руководствуясь целью рационального использования общественного капитала, коронные власти иногда сдерживали депутационную активность, если считали, что ассигнования съезда доверенных из КОС были избыточными. В 1891 г. не было утверждено расходование 200 р. на поездку делегации генералов Шипшева, Алтудокова, Джамбекова во Владикавказ для ходатайства о пересмотре пастбищных правил в 1891 г. На приговор было наложено заключение, что «на надобность, указанную в первом приговоре, никакой депутации не требовалось, да и назначенная сумма на расходы слишком велика, если бы даже

депутация и была необходима» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 254. Л. 117-117об.]. Как излишние расходы, не имеющие законных оснований, был отклонен приговор декабрьского съезда 1893 г. о выделении до 1000 руб. депутатам на поездки во Владикавказ и Тифлис «для выяснения недоразумений о существующих в населении слухах о выселении в Турцию» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1305. Л. 14 об.]. В октябре 1894 г. с рекомендацией «избирать в депутации более почетных лиц» был отложен приговор об ассигновании 2500 руб. на поездку представителей от Кабарды и Пяти горских обществ на торжества «по случаю бракосочетания его императорского высочества государя наследника цесаревича и великого князя Николая Александровича с принцессою Алисой». [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1308. Л. 2 об.]. Начальник округа задержал декабрьский приговор 1905 г., которым предполагалось выделение 1000 р. «на поездку депутации в Тифлис или куда потребуется» для выяснения перед Наместником Кавказским общественных нужд» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 673. Т. 2. Л. 139].

Средства КОС по приговорам съездов доверенных также использовались для выплат местных надбавок, которые предоставляли общественным должностным лицам. Из КОС регулярно оплачивались нальчикские квартиры членов КВС [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 831. Л. 15, 30, 49-50, 73, 74 об.–75; Д. 1295. Л. 39], дополнение к содержанию секретаря суда Я. Шарданов и двух писарей [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1297. Л. 43, 83, 130]. В силу сложившейся административной традиции – «существующего издавна порядка, установленного начальником бывшего Центра Кавказской линии», выдавались надбавки к жалованию членам Окружного народного суда, а также средства на делопроизводителей и их канцелярские расходы [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 53. Л. 23]. Упорядочивая управление финансами при введении в 1859 г. Положения о КОС Штаб кавказского округа раскритиковал эти отчисления, как неправильные, поскольку «общественная Кабардинская сумма не должна обременяться расходами на управление Кабардинским округом, тем более что в тех округах, в которых не существует общественных сумм, не существует и подобных расходов». Частично сделанные расходы были взысканы с получателей в КОС [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 53. Л. 72–75, 94об., 132]. Однако эта временная мера не прекратила практику софинансирования общественных должностных лиц. В 1860-х гг. выделялись средства на деятельность и транспортные расходы по общественным делам депутатам Терской сословно-поземельной комиссии [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 71. Л. 72], которая координировала проведение земельных, административных и сословных преобразований в области. В сентябре 1886 г. начальник Кабардинского округа А. Нурид позаимствовал из КОС средства для проведения большого народного сбора доверенных от владельцев и крепостных, созванного в Нальчике для согласования условий освобождения зависимых сословий [Кокиев 2005: 705].

Первоначально обязанности по ведению суммы возлагались на секретаря КВС или казначея окружного управления [Бербекова 2022: 74]. По положению, утвержденному в 1859 г. Кавказским наместником кн. А.И. Барятинским, ведение ведомостей КОС поручалось «особому казначею на первый раз из русских

обер-офицеров с добавочным жалованьем 150 руб. на счет этой суммы», с условием, «когда отыщутся между туземцами офицеры, способные к несению этой должности предоставить народу выбор из них» [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 5. Л. 4]. В феврале 1866 г. начальнику Терской области были представлены правила «О порядке пользования землями и лесами», составленные окружным народным судом «в присутствии избранных народом лиц». 7 пункт правил определял «избранному из туземцев казначею КОС производить 500 руб. содержание, 200 руб. на наем писаря и на канцелярские расходы, всего 700 руб. в год. При исправлении же должности казначея строевым офицером производить 150 руб. столовых и 200 руб. на канцелярские расходы и наем писаря, все 350 руб. из КОС [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 950. Л. 2, 4]. С 1880-х гг. ежегодно, а с ноябрьского съезда 1891 г. на 3 года казначеем избирался Х.-М. Тавкешев, безвозмездно совмещавший эту должность с исполнением обязанностей лесничего [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 254. Л. 3]. В 1897 г. совмещение было запрещено распоряжением начальника области, и казначей стал отдельно оплачиваемой общественной должностью [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 723. Т. 2. Л.90–91 об.].

По приговорам съезда доверенных надбавкой к казенному жалованию обеспечивались судьи НГСС. В 1890 г. кадий сверх 300 р. казенного содержания получал 450 р., а депутатам к 200 р. доплачивали 400 р. Причем, третий депутат НГСС, не получавший жалования от казны, полностью содержался на общественные средства в 600 р. Деятельность Временного отделения, открытого в середине 1880-х гг. специально для рассмотрения споров между балкарцами, по приговору их доверенных в несколько меньшем размере софинансировалось за счет средств, собиравшихся по раскладке с Пяти горских обществ и селения Гунделеновского. Октябрьским съездом доверенных 1909 г. содержание всех судей было приведено к единым ставкам [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 27. Т 2. Л. 87–90].

В 1911 г. на совещании с членами сенатской комиссии по проверке деятельности горских и народных судов Кавказского края представителями кабардинского и балкарского общества была заявлена необходимость увеличить содержание судей, поскольку «это жалованье по современным условиям жизни представляется крайне незначительным, если принять во внимание, что депутаты должны жить в Нальчике, бросив занятие своим хозяйством, и при реформе суда представлялось бы целесообразным назначить жалованье депутатам не менее 1000 рублей в год, а кадиям не менее 1200 рублей» [Материалы... 1912: 123-124]. В 1914 г. председательствующий в НГСС капитан Мамышев обратился к начальнику округа с просьбой вынести на предстоящий в декабре съезд доверенных вопрос о прибавке содержания судьям, кадию и писарям суда, ссылаясь на подорожание стоимости квартир и предметов первой необходимости в Нальчике. Однако начальник Терской области не нашёл убедительных оснований для поддержки этой инициативы, заметив, что «если депутаты других горских словесных судов могут обходиться только тем отпуском, который делает на их содержание казна, то нахожу, что депутаты и кадии Нальчикского горско-

го суда, получающие втрое более, и подавно могут жить хорошо» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 891. Л. 4-5].

На отдельном жаловании или софинансировании содержания из средств КОС находились многие должностные лица окружной администрации (переводчики, писари и т.п.) или служащие на общественных должностях по выбору съездов доверенных. В этом также проявлялась ставшее общественной традицией финансовая поддержка национальных кадров в сфере окружного управления, или нанятых служащих, выполнявших общественно значимую для Кабарды и балкарских обществ деятельность.

Символически важными были общественные поощрения служащих на общественных должностях. В 1858 г. по ходатайству начальника округа народному депутату Тамбиеву, за безукоризненные действия при разборе поземельных споров кабардинцев с казаками и разделе сенокосных мест, было выделено из КОС единовременное поощрение 250 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 47. Л. 95]. Казначею А. Астемирову в декабре 1904 г. «за деятельность, полезную для нас» приговором ограничились словесной благодарностью [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 639. Т. 2. Л. 193]. В 1914 г. съезд доверенных ходатайствовал о прибавлении к пенсии многолетнему доверенному и представителю общества во многих делах И. Кармову [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1061. Л. 30 об.]. Однако в связи с тем, что, по мнению администрации, в волнениях 1905 г. И. Кармов проявил политическую неблагонадежность, приговор был отклонен [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 891. Л. 193]. И. Кармов как и некоторые из адресатов финансовой поддержки общества имели классные чины и государственное пособие, но приговорами предлагались материальные поощрения из КОС. Апрельский съезд 1913 г. принял целевое постановление: «Ввиду необходимости обеспечения пенсией лиц, занимающих продолжи-тельное время должности на службе у Кабардинского народа, а также и ввиду желательности привлечения на службу на общественные должности кабардинского народа местных уроженцев, большинством 84 голосов против 4, при 14 воздержавшихся, - установить для кабардинцев и горцев, прослуживших двадцать пять лет непрерывно кабардинским лесничим пожизненную пенсию в размере половины всего получаемого им из кабардинских общественных сумм в момент вы-хода его в отставку денежного содержания» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Ф. 998. Л. 4]. Приговор был утвержден Кавказским наместником [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 891. Л. 11]. Примечательно, что единственным бенефициаром такой общественной признательности мог быть только многолетний лесничий и в 1880-х – первой половине 1890-х гг. казначей КОС Х.-М. Тавкешев.

Материальное поощрение из КОС общественно полезной деятельности способствовало повышению престижности локальных форм политического участия, привлекало к местному самоуправлению образованных кабардинцев и балкарцев, стимулируя общественным софинансированием функции политической социализации.

Одним из факторов политической социализации стало приобщение к российскому образованию, которое «сопровождалось настойчивостью местного начальства» [УЦГА АС КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 10а. Л. 19]. С 1851 г. в Нальчике

функционировала Кабардинская школа. Все ее пансионеры содержались на счет КОС [Глашева 2022: 69-71]. В 1855 г. расходы на 25 детей князей и узденей на это составляли 2655 р. [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1297. Л. 129].

Одним из каналов социальной мобильности и политической социализации стало софинансирование из средств КОС обучения кабардинцев и балкарцев в Ставропольской гимназии [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 47. Л. 36-36 об.; Д. 1060. Л. 1–8] и других учебных заведениях за пределами Кабардинского округа. В 1860 г. была открыта Нальчикская Горская школа, в которой продолжилась традиция содержания «25 детей кабардинских князей и узденей» за счет средств КОС [АКАК 1904: 659]. Однако эти возможности использовались единицами. Представители коронной администрации скептически оценивали стремление детей высших сословий к русскому образованию. В 1867 г. отмечалось, что «застой в развитии высших кабардинских сословий зависит от недостатка конкуренции с низшими сословиями в деле воспитания детей» [УЦГА АС КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 10а. Л. 20].

С конца 1860-х гг. финансирование мест в Нальчикской Горской школе, пособий для обучения в средних и высших учебных заведениях осуществлялась по приговорам съездов доверенных и преимущественно детям из привилегированных сословий. Политическим символизмом обладали именные стипендии из КОС для обучения в высших учебных заведениях кабардинцев и балкарцев. Решениями съезда доверенных 1875 г. была учреждена стипендия имени Лорис-Меликова [АИГИ КБНЦ РАН. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 29. Л. 133]. В 1889 г. съездом доверенных на пастбищные доходы КОС были учреждены именные стипендии Александра III, его супруги и А.М. Дондукова-Корсакова [Кавказ. 1889. № 175. С. 2]. Многие из стипендиатов пополняли национальную интеллигенцию, впоследствии участвовали в съездах доверенных и стали видными общественно-политическими деятелями.

Политическому просвещению и формированию подданнической культуры способствовали коммеморативные акции, приуроченные к общегосударственным юбилеям. Регулярной расходной статьей стало приобретение идеологических визуальных средств, используемых для подданнической политической социализации. Портреты портретов императора и наследника закупались для членов КВС и Кабардинской школы [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1295. Л. 55]. Наибольших масштабов финансирование такой политической мобилизации достигло при проведении 300-летия Романовых в 1913 г. Организация торжественных мероприятий начиналась с сельского самоуправления. В распоряжении о расходовании общественных средств начальник округа С. Клишбиев особо отметил необходимость доступной визуализации монаршего юбилея, чтобы треть выделяемых из общественных капиталов средств была направлена «для выписки портретов их Величеств Государя императора, Государыни Императрицы и Наследника и других полезных для школы картин, а также на приобретение для школы хорошего фонаря [проекционного аппарата для диапозитивов. – *Д.П.*] с достаточным количеством [тематически соответствующих] картин для демонстрирования их в свободное время ученикам школы» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 834. Л. 41-41 об.].

В 1912 г. по приговору доверенных кабардинского народа и 5-ти горских обществ терскому краеведу П.Л. Юдину из КОС выделили средства «для работы в московских архивах по отысканию материалов к истории кабардинского народа с условием составления по этому поводу особой докладной записки» [ТВ. 1913. № 2. С. 2]. В начале 1913 г. к 300-летию династии Романовых за счет общественного капитала, как «издание кабардинского народа», была опубликована брошюра «Верность кабардинцев русскому престолу...», которая предназначавшаяся для раздачи «школьникам и всем грамотным кабардинцам и балкарцам» [ТВ. 1913. № 23. С. 2].

Средства КОС использовались для финансирования различных средств политической коммуникации, что способствовало модернизации технологического оснащения политической культуры. С 1860-х гг. в управлении краем стал широко использоваться телеграф, значительно расширивший коммуникационные возможности коронных властей и съездов доверенных не только в региональном, но и в общеимперском масштабе. О значении доступности этой технологии в организации управления округом подтверждалась тем, что отсутствие телеграфного сообщения в 1869 г. упоминалось в качестве одного из недостатков Нальчика при выборе его в качестве административного центра создаваемого Георгиевского округа [РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д 44. Л. 1 об.-2]. В 1883 г. по приговорам съезда доверенных из КОС на постройку телеграфной линии с Прохладной было выделено около 3000 руб. Линия предполагалась взамен демонтированной, ввиду минования военной необходимости, линии с Георгиевском. Областная газета приветствовала строительство линии, вызванной «потребностью нравственной связи с цивилизованным миром» [ТВ. 1881. № 48. С. 3]. В 1897 г. для скорейшего разрешений организационных вопросов при проведении съездов доверенных в Нальчике начальник Терской области особо распорядился непременно «испрашивать мое на то разрешение по телеграфу» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 349. Л. 82]. Впоследствии телеграммы стали распространенным средством административно-политической коммуникации. В начале XX в. расходы на телеграфные сообщения, исходящие от коронных властей и должностных лиц самоуправления Нальчикского округа стали постоянной расходной статьей КОС. По телеграфу сообщали о приезде высокопоставленных представителей коронной власти, приглашении их на общественно-политические мероприятия в округе [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 38. Л. 253, 326 об., 328], об организации съезда [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 626. Л. 20] и вызове сельских представителей в Нальчик [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 44. Т. 1. Л. 60об.]. Обмен телеграммами поздравительного, приветственного и благодарственного содержания, отправляемых от имени представителей кабардинского народа за счет КОС стал формой политического этикета, посредством которой поддерживалась иерархическая коммуникация съездов доверенных и окружной администрации с вышестоящими инстанциями, вплоть до императора.

Более оперативную административно-политическую коммуникацию обеспечивала телефонная сеть. В марте 1911 г. по приговору съезда доверенных «на устройство телефонной сети» в 1 и 3 участках беспроцентная ссуда на 10 тыс.

руб. с последующим взысканием средств по раскладке со всех сельских обществ [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 826. Т. 2. Л. 36]. А уже в ноябре того же года дополнительно выделено 3350 руб. на содержание служащих и ремонт телефонной сети [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 943. Л. 56-56 об.]. Связь с сельскими обществами регулярно использовалась для своевременного вызова доверенных на окружной съезд [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 35; УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 38. Л. 36]. В июле 1912 г. начальник округа отчитывал старшин за плохую организацию телефонных пунктов и нецелевое использование связи [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 35. Л. 3-4]. Во время волнений на Зольских пастбищах в начале июня 1913 г. телефонная связь обеспечивала оперативный обмен информацией между сельскими, участковыми и окружной администрациями. Став привычным средством коммуникации в сельских обществах, телефонное сообщение, по оценке начальника округа С. Клишбиева, содействовало быстрому распространению протестных настроений и среди участников неповиновения: «Раз такой толчок последовал в Наурузовском обществе, он моментально передался в соседние селения: Тамбиево, Кучмазукино, Ашабово, а, по туземному обиходу, быстро передался в самые отдалённые общества, чему, конечно, поспособствовала и телефонная сеть Нальчикского округа» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1005а. Л. 99, 110].

С учреждением в 1910 г. юрисконсульства Кабардинского народа и Пяти горских обществ, а затем и Хозяйственной комиссии значительно возрос документооборот с ведомствами, общественным организациями и частным лицами. Все это увеличило расходы на почтовую пересылку договоров, уведомлений, приглашений и т.п. материалов, сопровождавших деятельность съезда доверенных и органов, созданных по его приговорам [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 44. Т. 1. Л. 126]. Бюрократические процедуры местного самоуправления получали более совершенное техническое оснащение. Для ведения делопроизводства съездов доверенных из средств КОС приобретались пишущие машинки [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 40. Т. 2. Л. 591; Ф. И-6. Оп. 1. Д. 891. Л. 207 об.; ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Ф. 998. Л. 15 об.], множительная машина «Ротатор Циклостиля» [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 39. Л. 47] и регулярно оплачивались типографские услуги.

Удивительно, что при возросшей к началу XX в. технологичности политической культуры кабардинцев и балкарцев, съезды доверенных практически не нашли визуального отражения, хотя фотография в это время стала широко распространенной и доступной, в том числе и в Нальчике, социокультурной практикой.

В начале XX в., особенно с назначением в конце 1910 г. начальником округа С. Клишбиева, по должности председательствующего на съезде доверенных, их деятельность становятся все заметнее в региональной прессе. Методичность такой информационной политики обеспечивалась средствами КОС. Отдельной статьей расхода стали регулярные объявления о предстоящих окружных съездах, торгах Хозяйственной комиссии и др. мероприятиях, которые публиковались в «Терских ведомостях» [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 44. Т 1. Л. 253-253 об.; Ф. И-26. Оп. 1. Д. 38. Л. 179; ТВ. 1912. № 247. С. 3; ТВ. 1913. № 152. С. 1; ТВ. 1913. № 216. С. 3]. Они не только информировали об-

ластную общественность о примечательной и разносторонней общественной активности, но и поддерживали результативный имидж окружной власти.

Ведомости КОС с расходами выборных по общественным делам в начале XX в. отражают закрепление в практиках съездов доверенных новых признаков бюрократической культуры с командировочными расходами, финансовыми отчетами о потраченных средствах на транспортные, гостиничные, нотариальные и т.п. услуги. Стандартным ассигнованием КОС становится суточное довольствие при поездках по делам общества в другие города [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 44. Т. 1. Л. 58, 62 об.]. Несовершенство общественного контроля и навыков рациональной экономической культуры доверенных приводила иногда к удивительной для сторонних наблюдателей демонстрации престижного потребления. Избранные окружным съездом уполномоченные по сдаче с торгов арендаторам участков Зольских и Горных пастбищ в 1908 г. организовали свою работу в наиболее близком населенном пункте от распределяемых угодий. Очевидцы их деятельности сообщали: «Летней резиденцией эта комиссия выбирает Кисловодский курорт (приятное с полезным) во время разгара курса; дела решаются ими чуть ли не каждый раз в парке под звуки музыки, окруженной группами арендаторов - карачаевцев и своими кабардинцами... в лето настоящего года «земельная комиссия», проводившая время с большой свитой в Кисловодском парке, обратила на себя внимание некоторых членов Государственной Думы, бывших на группах, которые составили такое понятие о земельном богатстве Кабарды, что будто бы последняя своих избранных лиц заставляет курсовать на общественный счет на группах и предоставляет им право раздавать общественные участки частным лицам с благотворительной целью» [ТВ. 1908. № 256. С. 2].

Таким образом, функционирование КОС может рассматриваться как самобытный пример институционализации финансовых ресурсов различных уровней власти в общественно-государственном взаимодействии в практиках военно-народного управления на Северном Кавказе. Коронные власти распоряжались средствами общественного капитала еще до того, как общественные собрания, а затем и съезды доверенных получили доступ к санкционированию расходов КОС. Политическое использование общественного капитала выходило за рамки Положения о КОС 1859 г. Легитимация вненормативного многообразия таких расходов «по приговорам доверенных от сельских обществ» регулировалась утверждающей резолюцией вышестоящих властей. Политико-культурными новациями стали софинансирование из средств КОС дополнительного или даже полного содержания общественных должностных лиц, оплата расходов в связи с различными политическими акциями с участием кабардинских и балкарских доверенных, разнообразных форм политической социализации и идеологического поддержания подданнической политической культуры. За счет средств КОС модернизируется материальное обеспечение местного самоуправления, его политическая культура стала более технологичной, располагая современными средствами коммуникации. Финансовые статьи расходов на управление не покидали повестки окружных съездов доверенных до ноября 1919 г. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 4. Л. 3]. Таким образом в практиках съездов доверенных сумма выступала ключевым финансовым ресурсом, посредством которого обеспечивались различные политические задачи коронной власти и местного самоуправления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

АКАК 1904 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. XII. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. – 1558 с.

Баев 1908 – *Баев Г.* Народный кредит в Терской области. – Владикавказ: Тип. Сергея Назарова, 1908. – 56 с.

Бербекова 2022 – *Бербекова М.Х.* К вопросу о деятельности кабардинской общественной суммы в 50-е гг. XIX в. // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 3 (111). – С. 73-78.

Бербекова 2023 – *Бербекова М.Х.* Правовой статус и объем полномочий казначея кабардинской общественной суммы в условиях интеграции народов Кавказа в экономическую систему России во второй половине XIX в. // Научная мысль Кавказа. – 2023. – № 1 (113). – С. 88-93.

Гаибов 1905 – *Гаибов Н.Д.* О поземельном устройстве горских племен Терской области. – Тифлис: Типография Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1905. – 340 с.

Глашева 2022 – *Глашева З. Ж.* Документы к истории открытия Кабардинской (Нальчикской) школы //Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2022. – № 3 (107). С. 67–77.

Кавказ – газета. г. Тифлис.

Калмыков 1995 – *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX в.). – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 128 с.

Кокиев 2005 – История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сост. Г.Х. Мамбетов. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 904 с.

Материалы… 1912 – Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. Собраны под наблюдением Н.М. Рейнке Н.М. Агишевым и В.Д. Бушеном. – СПб.: Сенатская типография, 1912. – 290 с.

Пазов 2018 – *Пазов И.С.* Финансы и экономика Нальчикского округа в начале XX века (1905–1917 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 4. – С. 42-64.

Пазов 2019 – *Пазов И.С.* Общественный капитал Нальчикского округа в начале XX века // Современные исследования социальных проблем. – 2019. – Т. 11. – С. 170-190.

Потто 1889 – *Потто В.А.* Царская семья на Кавказе. 18 сентября – 14 октября 1888 года. – Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1889. – 230 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Северный Кавказ – газета. г. Ставрополь.

ТВ – «Терские ведомости» – газета. г. Владикавказ.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

REFERENCES

AIHR KBSCRAS – *Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovanii Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Archive of the Institute of Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences] (In Russ.).

AKAK – Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: V 12 t. T. 12 [Acts, collected by the Caucasian Archeographic Commission: in 12 vols. Vol. 12]. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. – 1558 p. (In Russ.)

BAEV G. *Narodnyi kredit v Terskoi oblasti* [People's loan in the Terek region]. – Vladikavkaz: Tip. Sergeya Nazarova, 1908. – 56 p. (In Russ.).

BERBEKOVA M.Kh. *K voprosu o deyatel'nosti kabardinskoi obshchestvennoi summy v 50-e gg. XIX v.* [On the Activity of the Kabardian Public Sum in the 50s of the 19th Century]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2022. – No. 3 (111). – P. 73–78. (In Russ.).

BERBEKOVA M.Kh. *Pravovoi status i ob"em polnomochii kaznacheya kabardinskoi obshchestvennoi summy v usloviyakh integratsii narodov Kavkaza v ekonomicheskuyu sistemu Rossii vo vtoroi polovine XIX v.* [Legal status and scope of powers of the treasurer of the Kabardian public sum in the conditions of integration of the peoples of the Caucasus into the economic system of Russia in the second half of the 19th century]. IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2023. – No. 1. – (113). – P. 88–93. (In Russ.).

GAIBOV N.D. *O pozemel'nom ustroistve gorskikh plemen Terskoi oblasti* [On the land structure of the highland tribes of the Terek Province.]. – Tiflis: Tipografiya Okruzhnogo Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1905. – 340 p. (In Russ.).

GLASHEVA Z. Zh. *Dokumenty k istorii otkrytiya Kabardinskoi (Nal'chikskoi) shkoly* [Documents for the History of the Opening of the Kabardian (Nalchik) School]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2022. – No. 3 (107). – P. 67–77. (In Russ.).

KALMYKOV Zh.A. *Ustanovlenie russkoi administratsii v Kabarde i Balkarii (konets XVIII – nachalo XIX v.)* [Establishment of Russian administration in Kabarda and Balkaria (late 18th – early 20th century)]. – Nal'chik: El'brus, 1995. – 128 p. (In Russ.).

Kavkaz [Caucasus] – gazeta. Tiflis. (In Russ.).

KOKIEV G.A. Istoriya Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva [History of Kabardino-Balkaria in the works of G.A. Kokiev] / Comp. G.Kh. Mambetov. – Nal'chik: El'-Fa, 2005. – 904 p.

Materialy po obozreniyu gorskikh i narodnykh sudov Kavkazskogo kraya. Sobrany pod nablyudeniem N.M. Reinke N.M. Agishevym i V.D. Bushenom [Materials on the Review of Mountain and People's Courts of the Caucasus Region. Collected under the supervision of N.M. Reinke by N.M. Agishev and V.D. Bushen]. – SPb.: Senatskaya tipografiya, 1912. – 290 p. (In Russ.).

PAZOV I.S. *Finansy i ekonomika Nal'chikskogo okruga v nachale XX veka (1905–1917 gg.)* [Finances and Economy of the Nalchik District in the Early 20th Century (1905-1917)]. – IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. 2018. – No. 4. – P. 42–64. (In Russ.).

PAZOV I.S. Obshchestvennyi kapital Nal'chikskogo okruga v nachale XX veka [Social capital of the Nalchik District in the early 20th century]. IN: *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. – 2019. – V. 11. – P. 170–190. (In Russ.).

POTTO V.A. Tsarskaya sem'ya na Kavkaze. 18 sentyabrya – 14 oktyabrya 1888 goda [The Tsarist Family in the Caucasus. September 18 – October 14, 1888]. – Tiflis: Tip. Okruzhnogo Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1889. – 230 p. (In Russ.)

RGIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive].

Severnyi Kavkaz [North Caucasus]– gazeta. Stavropol'. (In Russ.).

Terskie vedomosti [Terskiye Vedomosti] – gazeta. Vladikavkaz. (In Russ.).

TsGA RSO-A – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russ.).

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.Н. Прасолов – кандидат исторических наук

Information about the author

D.N. Prasolov – Candidate of Science (History)

Статья поступила в редакцию 15.04.2023 г.; одобрена после рецензирования 14.05.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 15.04.2023; approved after reviewing 14.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 93/94
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-53-64
EDN: DBNVQG

«ЯВЛЯЯСЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ЗАЩИТНИКОМ КАРАНОГАЙСКОГО НАРОДА… ОТ ВСЯКИХ ПРИТЕСНЕНИЙ» (Материалы к биографии караногайского пристава Ф.И. Капельгородского)

Сергей Борисович Манышев[1], **Михаил Алексеевич Волхонский**[2], **Ахмет Аминович Ярлыкапов**[3]

[1,2,3] Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, Москва, Россия.

[1] msergey1990@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5276-7743

[2] volhonskyma@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6189-734X

[3] a.yarlykapov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-5173-0909

Аннотация. В статье раскрываются основные этапы жизненного пути последнего караногайского пристава Филиппа Иосифовича Капельгородского (1882–1938) – человека, чьи заслуги по обустройству Ногайской степи в начале XX века несправедливо забыты. С привлечением архивных данных и мемуарных свидетельств освещаются малоизученные аспекты его деятельности как имперского администратора. Приводятся отдельные эпизоды из биографии Ф.И. Капельгородского, которые определили повороты его жизни. Указывается на его значительный вклад в дело организации просвещения в Ногайской степи, изучения и описания культуры, обычаев, быта ногайцев. Дана также краткая характеристика и анализ его деятельности в советский период. Кроме того, публикуется послужной список Ф.И. Капельгородского 1915 г., извлеченный из фондов Российского государственного военно-исторического архива, который позволяет уточнить некоторые его биографические данные.

Ключевые слова: караногайцы, Ногайская степь, Северный Кавказ, Филипп Капельгородский, биография

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта №23-28-01606 «История Караногайского приставства: опыт административной и социокультурной инкорпорации ногайцев в состав России (конец XVIII – начало XX в.)» https://rscf.ru/project/23-28-01606/.

Для цитирования: Манышев С.Б., Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А. «Являясь действительным защитником караногайского народа… от всяких притеснений». (Материалы к биографии караногайского пристава Ф.И. Капельгородского) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 53-64. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-53-64. EDN: DBNVQG.

© Манышев С.Б., Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А., 2023

Original article

«BEING A REAL DEFENDER OF THE KARANOGAY PEOPLE… FROM ANY OPPRESSION» (Materials for the biography of the Karanogay manager F.I. Kapelgorodsky)

Sergey B. Manyshev[1], **Mikhail A. Volkhonsky**[2], **Akhmet A. Yarlykapov**[3]
[1,2,3] Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia,
[1] msergey1990@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5276-7743
[2] volhonskyma@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6189-734X
[3] a.yarlykapov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-5173-0909

Abstract. The article reveals the main stages of the life path of the last Karanogay manager Philip Iosifovich Kapelgorodsky (1882–1938) – a person whose merits in the arrangement of the Nogai steppe at the beginning of the XX century are unfairly forgotten. The little-studied aspects of his activities as an imperial administrator are highlighted with the involvement of archival data and memoirs. Separate episodes from the biography of F.I. Kapelgorodsky, which determined the turns of his life. His significant contribution to the organization of education in the Nogai steppe, the study and description of the culture, customs, way of life of the Nogais is indicated. A brief description and analysis of his activities during the Soviet period is also given. In addition, the track record of F.I. Kapelgorodsky in 1915, extracted from the funds of the Russian State Military Historical Archive, which allows us to clarify some biographical data.

Keywords: Karanogais, Nogai steppe, North Caucasus, Philip Kapelgorodsky, biography

Gratitude: The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of project № 23-28-01606 “The history of the administration of the territory of the Karanogais: the experience of the administrative and socio-cultural incorporation of the Nogais into Russia (late 18th – early 20th centuries)” https://rscf.ru/project/23-28-01606/.

For citation: Manyshev S.B., Volkhonsky M.A., Yarlykapov A.A. «Being a real defender of the Karanogay people… from any oppression». (Materials for the biography of the Karanogay manager F.I. Kapelgorodsky). In: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 53-64. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-53-64. EDN: DBNVQG.

© Manyshev S.B., Volkhonsky M.A., Yarlykapov A.A., 2023

В истории Северного Кавказа достаточно имен известных военных и гражданских администраторов, которые внесли тот или иной вклад в дело развития региона. Биографии одних давно написаны, о других известно гораздо меньше, а третьи и вовсе оказались в забвении. Вероятно, к числу последних стоит отнести и Филиппа Иосифовича Капельгородского – человека трагической судьбы, чьи заботы об обустройстве Ногайской степи в начале XX в. несправедливо забыты.

Еще в советское время о литературной деятельности Ф.И. Капельгородского был написан целый ряд исследований [Доброгорский 1974; Бойко 1982; Веленгурин 1988: 43–75], но его творчество и жизненный путь продолжают привлекать ученых и сегодня [Граб 2007; Розмарица 2013; Столбін 2013]. Однако идеологические рамки, в которых существовала наука в нашей стране на протяжении XX в., не давали возможности ни оценить по достоинству его литературное, публицистическое и научное наследие, ни нарисовать его правдивую биографию.

Кроме того, биографию Ф.И. Капельгородского можно восстановить с большим трудом. Это связано с целым рядом факторов. Филипп Иосифович был репрессирован. Вероятно, часть документов из его личного архива была уничтожена, так как все его имущество было конфисковано [Столбін 2013: 435]. Сохранившиеся материалы 1920-х – 1930-х гг. вошли в состав архивного фонда Украины. Что же касается непосредственно архива самого Караногайского приставства за соответствующие годы, то он сгорел во время пожара, произошедшего в годы Гражданской войны в ставке Терекли-Мектеб. Источниками для реконструкции биографии Ф.И. Капельгородского этого периода остаются его публицистические статьи, повесть «Аш хаду» [Капельгородський 1982], а также законченный в конце 1920-х гг. труд под названием «Караногай, страна кочевников и патриархального быта» [НАРФ ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 377], который недавно в полном объеме был введен в научный оборот [Филипп Иосифович Капельгородский… 2019; Филипп Иосифович Капельгородский… 2020; Филипп Иосифович Капельгородский… 2021].

Родившись в бедной семье, происходившей из бывших крепостных, Филипп Капельгородский поступил в Полтавскую духовную семинарию, поскольку обучение в ней было бесплатным. По идее, полученное здесь образование должно было подготовить его к церковной службе и в перспективе обеспечить его будущее. Но, не окончив полного курса, Ф.И. Капельгородский покинул пятый класс семинарии.

Следующий этап жизни Ф.И. Капельгородского связан с Кубанью, где он поступил на службу заведующим училища станицы Владимирской, а затем переведен в село Успенское, где его усилиями училище было преобразовано в двухклассное (рис. 1). Здесь Филипп Иосифович стал претворять в жизнь те социалистические идеи, которые проповедовал. В этот же период он начал сотрудничать с газетами «Терек» и «Кубань», а также развивал свою деятельность подпольщика: вместе с женой и другом Николаем Стришинским на гектографе он тиражировал антиправительственные листовки [Веленгурин 1988: 53], а также организовывал первомайскую демонстрацию [Сахно 1927: 6]. Но его деятельность не ограничивалась лишь преподаванием и подпольной работой. Дочь Филиппа Иосифовича, Надежда, вспоминала, что когда в Успенском вспыхнула эпидемия дифтерита, то он, взяв сыворотку и шприцы, сам занялся прививкой детей в селе и на окрестных хуторах [ЦГАМЛИУ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 302. Л. 1]. По доносу Ф.И. Капельгородский был арестован и помещен в тюрьму в Армавире. Из-за нехватки доказательств он был оправдан на судебном процессе.

Оставив учительство, Ф.И. Капельгородский в 1910 г. был назначен на должность начальника 2-го участка Кизлярского округа Терской области [РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 71058. Л. 2]. В его обязанности на новой должности входил надзор за караногайцами. Поскольку на протяжении более века система управления ногайскими приставствами не претерпевала существенных изменений, то, как отмечал Ф.И. Капельгородский, «буква закона отдавала караногайцев на полный произвол их начальника» [Филипп Иосифович Капельгородский… 2021: 158]. Сам он всячески старался облегчить в целом безрадостную жизнь обитателей степи.

По его инициативе в трех селах караногайцев были открыты школы, а затем и одноклассное училище. Постройка одноклассного училища с пансионом на 60 человек была завершена в 1914 г. [Филипп Иосифович Капельгородский… 2021: 161]. Благодаря его содействию дети смогли продолжать обучение в горских школах в Грозном и во Владикавказском реальном училище [ЦГАМЛИУ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 9. Л. 1]. Как вспоминал один из его бывших учеников Казгерей Шораев, Филипп Иосифович пытался донести до каждого ценность получения образования и необходимость преобразований в Ногайской степи, которые должны были улучшить быт [НМ РД. ДОМ КП-34790/9. Л. 1]. Тогда же было завершено сооружение «народного дома», в котором разместились библиотека и кинематограф [ЦГАМЛИУ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 9. Л. 1].

Все эти изменения в степи были оплачены суммами общественного капитала Караногая. Ф.И. Капельгородскому удалось добиться того, чтобы запасной капитал, которым распоряжалось военное министерство, стали отпускать на нужды приставства. Таким образом, если в 1909 г. приход оборотного капитала составлял 7 921 руб. 91 коп. (а общая сумма прихода с запасным капиталом едва превышала 23 500 руб.) [Отчет начальника… 1910: 54], то в 1916 г. приход составил 108 394 руб. [Служебно-статистический отчет… 1916: 52].

Именно в ставке Терекли-Мектеб была написана основная часть крупнейшей и не потерявшей до сего дня своей актуальности работы «Караногай, страна кочевников и патриархального быта», фрагменты из которой Ф.И. Капельгородский публиковал на страницах периодических изданий [Капельгородский 1914: 43–53]. Как впоследствии вспоминали жители Терекли-Мектеба, Филипп Иосифович «являясь действительным защитником караногайского народа, охранял его от всяких притеснений и захватов границ его территории со стороны окружавших более сильных народов и помещиков» [ЦГАМЛИУ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 9. Л. 1].

После революции 1917 г. Ф.И. Капельгородский непродолжительное время жил и работал в Ставрополе и Екатеринодаре, а затем вернулся на Полтавщину, где продолжил заниматься журналистским и литературным трудом. Здесь же он возглавлял литературный кружок для начинающих писателей (рис. 2). «Всегда перегруженный трудом, Капельгородский поздними вечерами с карандашом в руках «отдыхал» над нашей «поэзией», – вспоминал один из его учеников. – Мало кому из кружковцев приходило в голову, почему у него всегда покрасневшие глаза, которые он беспрестанно протирал платочком, никто из нас не думал о цене его времени и о красном пятне на переносице от оправы очков» [Мальченко 1944: 3]. 19 марта 1938 г. Филипп Иосифович был арестован в своей квартире в Полтаве. Ему вменялось в вину участие в подпольной националистической контрреволюционной организации, «ставившей своей задачей подготовку вооруженного восстания и свержение советской власти». Менее, чем через месяц после ареста Ф.И. Капельгородский был приговорен к расстрелу [Столбін 2013: 434–435].

Как и большинство разночинцев рубежа XIX–XX вв. Ф.И. Капельгородский придерживался левых взглядов и был близок к идеям социалистов. Это достаточно четко прослеживается во всей его биографии: от сотрудничества с газетой «Терек» до организации первомайских демонстраций в дореволюцион-

ный период. Идеи социального равенства и справедливости он пытался привнести в жизнь и в Ногайской степи.

Публикуемый ниже документ – послужной список Ф.И. Капельгородского, составленный в 1915 г. Он рисует образ в целом успешного для пробившегося из низов имперского чиновника, который постепенно продвигался по служебной лестнице. Кроме того, документ дает возможность уточнить некоторые детали биографии Филиппа Иосифовича и разрушает сложившийся в советской науке миф о том, что он находился под постоянным полицейским надзором.

Документ для публикации извлечен из фонда 409 «Послужные списки, аттестации и наградные листы офицеров русской армии» Российского государственного военно-исторического архива. Археографическая обработка произведена в соответствии с существующими правилами, текст бланка воспроизведен курсивом. Опечатки, не влияющие на смысл и содержание, исправлены без оговорок.

Послужной список начальника 2-го участка Кизлярского отдела Терской области коллежского секретаря Капельгородского[1]

20 августа 1915 г.

[Л. 1 об.] *I. Чин, имя, отчество и фамилия*	Коллежский секретарь Филипп Иосифович Капельгородский
II. Должность по службе	Начальник 2-го участка[2] Кизлярского отдела[3]
III. Ордена и знаки отличия	Св[ятого] Станислава 3 степени, 1912 г.; светло бронзовая медаль «В память 300-летия царствования дома Романовых» и Св[ятой] Анны 3 ст[епени], 1915 г.
IV. Когда родился	14 ноября 1882 г.
V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец	Мещанин заштатного города Недригайлова[4] Лебединского уезда Харьковской губернии
VI. Какого вероисповедания	Православного
VII. Где воспитывался	В Полтавской духовной семинарии[5], 4 класса
VIII. Получаемое на службе содержание	Жалованья 450 рублей Столовых 450 рублей Всего 900 руб[лей] в год
[Л. 2] IX. Прохождение службы […][6]	

[1] Заголовок документа.

[2] В состав Кизлярского отдела входили 4 участка. Второй участок включал Ногайскую степь: ставку Тереклы-Мектеб, а также аулы Аджимурат, Ас, Беш-Тебе, Гогули-Мектеб, Джумали-Мектеб, Карагас-Мектеб, Махмуд-Мектеб, Муллали-Мектеб, Орта-Тюбе, Суюндук-Мулла, Уйсалаган.

[3] Административно-территориальная единица Терской области, образованная в результате преобразования военно-народного управления в 1888 г. Включал в себя четыре участка.

[4] Небольшой заштатный город, население которого в конце XIX в. составляло около 6000 человек. Жители занимались в основном разведением табака.

[5] Одно из старейших учебных заведений Полтавщины, основанное в последней четверти XVIII в. Просуществовала до 1918 г.

[6] При публикации опущена часть текста бланка.

	Год	*Месяцы*	*Числа*
Воспитывался в Полтавской духовной семинарии и по окончании курса в 4-м классе и переведен в 5-й класс, уволен из этого класса согласно прошению	1902	марта	11
Директором народных училищ Кубанской области был назначен заведующим одноклассным училищем станицы Владимирской Лабинского отдела	1903	сен[тября]	1
Там же директором переведен на должность заведующего одноклассным училищем сел[а] Успенского Лабинского отдела	1904	сен[тября]	1
По преобразовании Успенского одноклассного училища в двухклассное назначен заведующим этим училищем	1905	янв[аря]	1
Приказом по Терской области от 22 января 1910 г. № 99 причислен к Терскому областному правлению с откомандированием в распоряжение атамана Кизлярского отдела для исправления должности начальника 2-го участка Кизлярского отдела	1910	январ[я]	22
Прибыл к месту службы	1910	январ[я]	26
Приказом по Терской области от 23 мая 1910 г. № 645 назначен на должность начальника 2-го участка	1910	мая	23
[Л. 2 об.] Высочайшим приказом о чинах гражданских, состоявшимся 6 марта 1911 г. № 11, произведен в коллежские регистраторы	1911	марта	6
Со старшинством (приказ по Кизлярскому отделу 1911 г. № 46)	1906	окт[ября]	5
Высочайшим приказом о чинах гражданских, состоявшимся 5 июня 1911 г. за № 27, за выслугу лет произведен в губернские секретари	1911	июня	5
Со старшинством с	1909	окт[ября]	5
Получил высочайше разрешенное денежное пособие от войска в 100 рублей со внесением в послужной список (приказ по Кизлярскому отделу № 159 1911 г.)	1911	окт[ября]	4
Высочайшим приказом о чинах гражданских, состоявшимся 6 мая 1912 г., всемилостивейше пожалован орден Св[ятого] Станислава 3-й степени (приказ по отделу № 52 п 8-1912 г.)	1912	мая	6
Высочайшим приказом о чинах гражданских, состоявшимся 10 февраля 1913 г., произведен за выслугу лет в коллежские секретари	1913	февр[аля]	10
[Л. 3] Со старшинством с	1912	окт[ября]	5
Командирован в качестве члена междуведомственной комиссии по установлению границы между Астраханской губернией и Терской областью	1913	окт[ября]	6
По	[1913]	нояб[ря]	16
Приказом по Терской области от 8 июня 1913 г. за № 808 предоставлено право ношения св[етло] бронзовой медали «В память 300-летия царствования дома Романовых»			

По высочайше представленной власти главнокомандующим Кавказской армией награжден орденом Св[ятой] Анны 3-й степени	1915	июля	30
[Л. 3 об.] X. Бытность вне службы […][1]			
В пятинедельном отпуску с сохранением содержания	1911	мая	27
Возвратился ранее срока на 2 дня			
В 28-ми дневном отпуску с сохранением содержания	1913	июня	28
По	[1913]	июля	23
Возвратился ранее срока на 3 дня			
[Л. 4] XI. Холост или женат, на ком, имеет ли детей; год, месяц и число рождения детей; какого они и жена вероисповедания	Женат на девице Прасковье Ивановне Огордней, родившейся 1884 г. октября 11, имеет детей – Надежду[2], родившуюся 1904 г. сентября 19; Михаила, родившегося 1906 г. августа 16. В брак вступил 1904 г. апреля 11; жена и дети вероисповедания православного.		
XII. Есть ли за ним, за родителями его или, когда женат, за женою недвижимое имущество родовое или благоприобретенное	Нет		
XIII. Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе, когда и за что именно; по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке не был ли оставлен в подозрении по преступлениям, влекущим за собою такие ограничения, когда, каким судом и за что именно	Не подвергался		
XIV. Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением где именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны и контузии; особые поручения, сверх прямых обязанностей по высочайшим повелениям или от начальства	Не был		

Атаман Кизлярского отдела полковник *Коцарев*[3]
И[справляющий] д[олжность] старшего адъютанта подъесаул *Борисов*[4]

[РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 71058. Л. 1–4. Машинопись. Заверенная копия. Подписи – автографы].

[1] При публикации опущена часть текста бланка.
[2] Капельгородская Надежда Филипповна (1904–1984) – родилась в селе Успенском, окончила Лубенскую гимназию (1919), с 1924 г. – актриса Полтавского музыкально-драматического театра, впоследствии работала на киностудии им. А. Довженко.
[3] Коцарев Павел Иванович (1866–?) – воспитанник Николаевского кавалерийского училища, с 1911 г. исправлял должность атамана Кизлярского отдела Терской области, полковник (1915). награжден орденами Святой Анны 3-й степени (1905) и Святого Станислава 2-й степени (1912).
[4] Борисов Лев Петрович – помощник старшего адъютанта управления Кизлярского отдела Терской области, а затем – старший адъютант (1916). Награжден орденом Святого Станислава 3-й степени (1916).

Рис. 1. Преподаватели Успенского двухклассного училища. 1-й ряд – Рыбалко, 2-й ряд – Г.Н. Куценко, Ю.В. Богданова, Н.М. Стришинский, 3-й ряд – Ф.И. Капельгородский, З.В. Капельгородская, П.И. Капельгородская, Г.Т. Васенко. 1910 г. Армавирский краеведческий музей. Инв. № ПИ 5333.

Fig. 1. Teachers of the Uspensky two-year school. 1st row – Rybalko, 2nd row – G.N. Kutsenko, Yu.V. Bogdanova, N.M. Strishinsky, 3rd row – F.I. Kapelgorodsky, Z.V. Kapelgorodskaya, P.I. Kapelgorodskaya, G.T. Vasenko. 1910. Armavir Local History Museum. Inventory № PI 5333.

Рис. 2. Ф.И. Капельгородский. 1935 г. Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины. Ф. 99. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.
Fig. 2. P.I. Kapelgorodsky. 1935. Central State Archive-Museum of Literature and Art of Ukraine. Fund 99. Inv. 1. Case 19. P. 1.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бойко 1982 – *Бойко Л.* Пилип Капельгородський. Нарис життя і творчості. – Київ: Радянський письменник, 1982. – 302 с.

Веленгурин 1988 – *Веленгурин Н.* Пути и судьбы. Литературные очерки. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1988. – 252 с.

Граб 2007 – *Граб В.* Капельгородський Пилип Йосипович // Реабілітовані історією. Полтавська область. Кн. 5 / упоряд. О.А. Білоусько. – Київ; Полтава: Оріяна, 2007. – С. 151-156.

Доброгорский 1974 – *Доброгорский Н.И.* Филипп Капельгородский (жизнь и творчество). Автореф. дисс… канд. фил. наук. – Одесса: [б.и.], 1974. – 25 с.

Капельгородский 1914 – *Капельгородский Ф.И.* Караногай // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 10. – Владикавказ: Тип. Терского областного правления, 1914. – С. 43-53.

Капельгородський 1982 – *Капельгородський П.* Аш хаду. Повість // Капельгородський П. Твори. Т. 2 / упоряд. та прим. Л. Бойка. – Київ: Дніпро, 1982. – С. 77-183.

Мальченко 1944 – *Мальченко О.* Пилип Капельгородський // Український вісник. – 1944. – Ч. 28 (152). – С. 3.

НАРФ ИИАЭ ДФИЦ РАН – Научный архив и рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.

НМ РД – Национальный музей Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи (Ногайский историко-краеведческий музей).

Отчет начальника… 1910 – *Отчет начальника* Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1909 год. – Владикавказ: Электропечатня тип. Терского областного правления, 1910. – 114 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Розмарица 2013 – *Розмарица С.А.* Письменник і його доба: творчість Пилипа Капельгородського // Science and Education a New Dimension: Philology. – 2013. – Vol. I (3). – Iss. 13. – P. 143-146.

Сахно 1927 – *Сахно М.* Как мы праздновали 1 мая в 1907 году // Трудовой путь. – 1927. – № 97. – С. 6.

Служебно-статистический отчет… 1916 – Служебно-статистический отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1915 год. – Владикавказ: Электропечатня тип. Терского областного правления, 1916. – 97 с.

Столбін 2013 – *Столбін О.П.* Страдницький вінець // Реабілітовані історією. Сумська область. Кн. 2 / упоряд. О.Г. Бажан, О.М. Рубанов, І.Г. Федоренко. – Суми: Мрія-1, 2013. – С. 431-436.

Филипп Иосифович Капельгородский… 2019 – *Филипп Иосифович Капельгородский* и его рукопись «Караногай, страна кочевников и патриархального быта» / публ. и коммент. А.А. Ярлыкапова // Кавказский сборник. Т. 11 (43) / под ред. В.В. Дегоева. – М.: Аспект Пресс, 2019. – С. 186-211.

Филипп Иосифович Капельгородский… 2020 – *Филипп Иосифович Капельгородский* и его рукопись «Караногай, страна кочевников и патриархального быта». Продолжение / публ. и коммент. А.А. Ярлыкапова // Кавказский сборник. Т. 12 (44) / под ред. В.В. Дегоева. – М.: Аспект Пресс, 2020. – С. 164-214.

Филипп Иосифович Капельгородский… 2021 – *Филипп Иосифович Капельгородский* и его рукопись «Караногай, страна кочевников и патриархального быта». Окончание / публ. и коммент. А.А. Ярлыкапова // Кавказский сборник. Т. 13 (45) / под ред. В.В. Дегоева. – М.: Аспект Пресс, 2021. – С. 139-210.

ЦГАМЛИУ – Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины.

REFERENCES

BOYKO L. *Pilip Kapel'gorods'kiy. Naris zhittya i tvorchosti* [Philip Kapelgorod. Sketch of life and creativity]. – Kiïv: Radyans'kiy pis'mennik, 1982. – 302 p. (In Ukrainian).

DOBROGORSKIY N.I. *Filipp Kapel'gorodskiy (zhizn' i tvorchestvo)* [Philip Kapelgorodsky (life and creativity)]. Dissertation theses. – Odessa: [b.i.], 1974. – 25 p. (In Russ.).

Filipp Iosifovich Kapel'gorodskiy i ego rukopis' «Karanogay, strana kochevnikov i patriarkhal'nogo byta» [Philip Iosifovich Kapelgorodsky and his manuscript "Karanogay, the country of nomads and patriarchal life"] / publ. A.A. Yarlykapov. IN: Kavkazskiy sbornik. Vol. 11 (43) / ed. by V.V. Degoev. – Moscow: Aspekt Press, 2019. – P. 186–211. (In Russ.).

Filipp Iosifovich Kapel'gorodskiy i ego rukopis' «Karanogay, strana kochevnikov i patriarkhal'nogo byta». Prodolzhenie [Philip Iosifovich Kapelgorodsky and his manuscript "Karanogay, the

country of nomads and patriarchal life". Continuation] / publ. A.A. Yarlykapov. IN: Kavkazskiy sbornik. Vol. 12 (44) / ed. by V.V. Degoev. – Moscow: Aspekt Press, 2020. – P. 164–214. (In Russ.).

Filipp Iosifovich Kapel'gorodskiy i ego rukopis' «Karanogay, strana kochevnikov i patriarkhal'nogo byta». Okonchanie [Philip Iosifovich Kapelgorodsky and his manuscript "Karanogay, the country of nomads and patriarchal life". The ending] / publ. A.A. Yarlykapov, IN: Kavkazskiy sbornik. Vol. 13 (45) / ed. by V.V. Degoev. – Moscow: Aspekt Press, 2021. – P. 139–210. (in Russ.).

GRAB V. *Kapel'gorods'kiy Pilip Yosipovich* [Kapelgorodsky Philip Iosifovich]. IN: *Reabilitovani istoriєyu. Poltavs'ka oblast'* [Rehabilitated by history. Poltava region]. Vol. 5 / ed. by O.A. Bilous'ko. – Kiïv; Poltava: Oriyana, 2007. – P. 151–156. (In Ukrainian).

KAPEL'GORODS'KIY P. *Ash khadu. Povist'* [Ash Hadu. The story]. IN: Kapel'gorods'kiy P. *Tvori* [Works]. Vol. 2 / comp. L. Boyko. – Kiïv: Dnïpro, 1982. – P. 77–183. (In Ukrainian).

KAPEL'GORODSKIY F.I. *Karanogay* [Karanogay]. IN: *Zapiski Terskogo obshchestva lyubiteley kazach'ey stariny* [Notes of the Terek Society of Lovers of Cossack antiquity]. Vol. 10. – Vladikavkaz: Tip. Terskogo oblastnogo pravleniya, 1914. – P. 43–53. (In Russ.).

MAL'CHENKO O. *Pilip Kapel'gorods'kiy* [Philip Kapelgorodsky]. IN: Ukraïns'kiy visnik. – 1944. – Vol. 28 (152). – P. 3. (In Ukrainian).

Natsional'nyy muzey Respubliki Dagestan imeni A.A. Takho-Godi (Nogayskiy istoriko-krayevedcheskiy muzey [Takho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan. (Nogai Museum of History and Local Lore)]. (In Russ.).

Nauchnyy arkhiv i rukopisnyy fond Instituta istorii, arkheologii i etnografii Dagestanskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Scientific Archive and Manuscript Fund of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Russ.).

Otchet nachal'nika Terskoy oblasti i nakaznogo atamana Terskogo kazach'ego voyska za 1909 god [Report of the head of the Terek region and the penalty ataman of the Terek Cossack army for 1909]. – Vladikavkaz: Elektropechatnya tip. Terskogo oblastnogo pravleniya, 1910. – 114 p. (In Russ.).

Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. (In Russ.).

ROZMARITSA S.A. *Pis'mennik i yogo doba: tvorchist' Pilipa Kapel'gorods'kogo* [The writer and his time: the work of Pylyp Kapelhorodskyi]. IN: Science and Education a New Dimension: Philology. – 2013. – Vol. I (3). – Iss. 13. – P. 143–146. (In Ukrainian).

SAKHNO M. *Kak my prazdnovali 1 maya v 1907 godu* [How we celebrated May 1 in 1907]. IN: Trudovoy put'. – 1927. – № 97. – P. 6. (In Russ.).

Sluzhebno-statisticheskiy otchet nachal'nika Terskoy oblasti i nakaznogo atamana Terskogo kazach'ego voyska za 1915 god [Service and statistical report of the head of the Terek region and the chief ataman of the Terek Cossack army for 1915]. – Vladikavkaz: Elektropechatnya tip. Terskogo oblastnogo pravleniya, 1916. – 97 p. (In Russ.).

STOLBIN O.P. *Stradnits'kiy vinets'* [Suffering wreath]. IN: *Reabilitovani istoriєyu. Sums'ka oblast'* [Rehabilitated by history. Sumy region]. Vol. 2 / comp. O.G. Bazhan, O.M. Rubanov, I.G. Fedorenko. – Sumi: Mriya-1, 2013. – P. 431–436. (In Ukrainian).

Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv-muzey literatury i iskusstva Ukrainy [Central State Archive-Museum of Literature and Art of Ukraine]. (In Russ.).

VELENGURIN N. *Puti i sud'by. Literaturnye ocherki* [Ways and fate. Literary essays]. – Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izd-vo, 1988. – 252 p. (In Russ.).

Информация об авторах

С.Б. Манышев – кандидат исторических наук.
М.А. Волхонский – кандидат исторических наук.
А.А. Ярлыкапов – кандидат исторических наук.

Information about the authors
S.B. Manyshev – Candidate of Science (History).
M.A. Volkhonsky – Candidate of Science (History).
A.A. Yarlykapov – Candidate of Science (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.05.2023 г.; одобрена после рецензирования 28.05.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 02.05.2023; approved after reviewing 28.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Новейшая история

Научная статья
УДК 94«1918-1919»
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-65-73
EDN: EWWCKW

ГОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И БЕЛАЯ АРМИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1918-1919 ГГ.: ИСТОРИЯ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ СОЮЗА

Александр Васильевич Николаев
Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет, Санкт-Петербург, Россия, avn739@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблематике, связанной с возможным военно-политическим союзом белогвардейцев юга России и горских либеральных деятелей на протяжении 1918-1919 гг. Доказывается, что перспективы такого объединения усилий были вполне оправданы. На протяжении 1917 г. горские и терские казачьи верхи налаживали вполне успешно отношения на почве общего неприятия возраставшего влияния большевиков в кавказском регионе. Акцентируется внимание на успешных эпизодах антибольшевистской борьбы: Временное Терско-Дагестанское правительство, Терское антибольшевистское восстание 1918 г., вооруженная борьба против большевиков на Северном Кавказе. Делаются выводы о том, что несмотря на очевидную взаимную выгоду от объединения усилий для борьбы с большевиками, политические амбиции руководства белогвардейцев и горских деятелей одержали верх и в итоге привели к поражению всех антибольшевистских сил Северного Кавказа.

Ключевые слова: Гражданская война, Северный Кавказ, белогвардейцы, горцы, британцы, Деникин, Чермоев, Коцев, эмиграция

Для цитирования: Николаев А.В. Горское движение и белая армия на Северном Кавказе в 1918-1919 гг.: история несостоявшегося союза // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 65-73. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-65-73. EDN: EWWCKW.

© Николаев А.В., 2023

THE MOUNTAIN MOVEMENT AND THE WHITE ARMY IN THE NORTH CAUCASUS IN 1918-1919: THE HISTORY OF THE FAILED UNION

Alexander V. Nikolaev
Saint Petersburg State Forestry Engineering University, Saint Petersburg, Russia, avn739@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problems related to the possible military-political alliance of the White Guards of the south of Russia and the mountain liberal figures during 1918-1919. It is proved that the prospects for such a combination of efforts were fully justified. Throughout 1917, the mountain and Terek Cossack leaders established quite successful relations based on a general re-

jection of the growing influence of the Bolsheviks in the Caucasus region. Attention is focused on the successful episodes of the anti-Bolshevik struggle: the Provisional Terek-Dagestan government, the Terek anti-Bolshevik uprising of 1918, the armed struggle against the Bolsheviks in the North Caucasus. Conclusions are drawn that despite the obvious mutual benefit from joining forces to fight the Bolsheviks, the political ambitions of the leadership of the White Guards and mountain activists prevailed and eventually led to the defeat of all anti-Bolshevik forces in the North Caucasus.

Keywords: Civil War, North Caucasus, White Guards, Highlanders, British, Denikin, Chermoyev, Kotsev, emigration

For citation: Nikolaev A.V. The mountain movement and the white army in the North Caucasus in 1918-1919: the history of the failed union. In: Electronic journal "Caucasology". – 2023. – № 2. – P. 65-73. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-65-73. EDN: EWWCKW.

© Nikolaev A.V., 2023

Стоит отметить, что тематика, связанная с революцией, Гражданской войной на Северном Кавказе, белогвардейцами и горскими либеральными активистами активно изучается современными отечественными исследователями. Очень радует тот факт, что в последние десятилетия защищено значительное количество кандидатских и докторских диссертаций по затрагиваемой тематике, что свидетельствует о том, что изучение событий 1917-1920 гг. вышло на качественно новый уровень. Среди авторов, занимающихся военно-политической тематикой революционной эпохи в северокавказском регионе в постсоветский период отечественной истории, особо следует отметить А.Г. Кажарова, О.А. Жанситова, А.М. Камбиева, И.Х. Сулаева, Х.М. Доного, Т.Х. Матиева, В.Б. Лобанова, А.Х. Даудова, Д.И. Месхидзе, Р.Г. Гагкуева, Р.Т. Джамбулатова, Н.А. Добрякову, Ф.С. Киреева, В.О. Морозову, А.С. Пученкова.

История революции и Гражданской войны на Северном Кавказе 1917-1920 гг. до сих пор хранит множество дискуссионных вопросов. Одним из них является тематика, связанная с потенциальным союзом горского либерального движения и Добровольческой армии (позднее Вооруженных сил на юге России). Для стороннего наблюдателя ответ на вопрос кажется вполне очевидным, однако при ближайшем рассмотрении возникает больше вопросов, чем ответов.

Начнем с того, что после свержения монархии в России и установления власти Временного правительства практически все будущие видные деятели южнорусского белого движения и горские либералы были активными участниками событий революционного 1917 г. [Матиев 2021: 313]. После генеральской чистки первых месяцев после революции на своих постах остались будущие лидеры добровольчества генералы М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, многие другие генералы, принявшие позднее участие в белом движении на юге России. Некоторые из них пострадали только после провалившегося Корниловского выступления конца августа 1917 г. Для горских активистов революционные события также открыли широкие перспективы для политического взлета. Горские съезды 1917 г. [Даудов, Месхидзе 2009: 30-31] создали предпосылки для первоначально автономизации и последующего возможного создания независимого государства на территории Терека и Дагестана. Таким образом, появляются пер-

вые точки возможного будущего соприкосновения – неприятие старого режима, антимонархизм лидеров белого движения и горских активистов.

Еще один признак того, что союз между будущими белогвардейцами и горским движением вполне мог состояться – союз верхов терского казачества и горцев. Не секрет, что первый выборный терский атаман М.А. Караулов, депутат 2-го и 4-го созывов Государственной Думы, ратовал за сближение казаков и горцев, вел «либеральный», примиренческий курс по отношению к неказачьему населению Терека. Будучи активным деятелем Февральской революции, он стал членом Временного комитета Государственной Думы, а позднее, в марте 1917 г., был послан в качестве комиссара Временного правительства в Терскую область, где был избран первым революционным атаманом края [Джамбулатов, Чекулаев 2017: 99; Киреев 2021: 90]. Неслучайно, что он был приглашен на 1-ый съезд горцев Северного Кавказа в мае 1917 г. во Владикавказе [Жанситов 2017: 113]. На съезде терские и горские верхи нашли общий язык на почве неприятия старого режима, который якобы натравливал казаков на горцев для умиротворения края.

На протяжении всего 1917 г., по мере радикализации революционных настроений, стал созревать проект горско-казачьего союза против набиравшего силу в регионе большевизма. После захвата власти большевиками в Петрограде оформились отдельные горское (распространяло свою власть на горские округа Терека и Дагестана) и казачье правительства, которые в свою очередь уже 1 декабря 1917 г. приняли решение объединить свои усилия и создать Временное Терско-Дагестанское правительство [Добрякова, Камбиев 2021: 89; Кажаров 2018: 30]. Авторитет М.А. Караулова был настолько непререкаем, что именно он стал во главе антибольшевиков терско-дагестанского региона. Другое дело, что новосозданное правительство было настолько бессильно против надвигавшейся большевистской угрозы, что продержалось у власти всего лишь несколько месяцев [Михайлов, Лобанов 2011: 149], но это уже другой вопрос. «Триумфальное шествие» Советской власти на рубеже 1917-1918 гг. коснулось всех регионов бывшей империи, и Северный Кавказ в этом смысле не стал исключением.

Еще одним ярким эпизодом совместной борьбы казаков и горцев против большевиков стало Терское антисоветское восстание июня-ноября 1918 г. [Камбиев 2021: 54: Киреев 2018: 53-67]. Иногда его ошибочно называют казачьим, что в корне является неправильным. Естественно, оно началось из-за радикальной попытки решить земельный вопрос за казачий счет, что послужило сигналом для начала восстания. Однако без активной поддержки осетин и кабардинцев восстание было бы в кратчайший срок локализовано и потерпело поражение.

Кроме того, на протяжении 1918 г. белогвардейцы и горцы вели вооруженную борьбу разной степени интенсивности против большевиков на Северном Кавказе. Добровольческая армия до выхода на территорию Терека в конце 1918 г. на протяжении целого года вела непрерывные сражения с превосходящими силами сначала добровольческой, а потом уже регулярной Красной армии на территории Донской области, потом Кубани, Черноморья и Ставрополья, провела здесь тяжелейшие 1-ый и 2-ой Кубанские походы, не имея первоначально тыловых районов, занималась самоснабжением, пополняя свой состав

сначала за счет добровольцев-донских и кубанских казаков, позже ставропольских крестьян и чуть позже горских добровольцев.

Параллельно с белогвардейцами, вооруженные силы, подчинявшиеся горским деятелям, вели уже в начале 1918 г. боевые действие с большевиками в Дагестане вплоть до августа 1918 г., когда будущий военный министр Горского правительства князь Н.-Б. Тарковский заключил военно-политический союз с силами Л.Ф. Бичерахова, казака-осетина, фактически последнего участника продолжавшейся Мировой войны со стороны России на Кавказе. Тарковский и Бичерахов поделили власть в Дагестане, при том, что последний был абсолютным хозяином положения. Вооруженная борьба горцев и деятелей прорусской ориентации против большевиков в 1918 г. имела хорошие перспективы в будущем.

Первые тревожные звоночки прозвучали тогда, когда силы Л.Ф. Бичерахова были выбиты из Дагестана объединенными турецко-горскими силами в ноябре 1918 г. [Лобанов 2021: 73; Лобанов 2018: 222]. Правда, тогда можно было все списать на временный, тактический союз с турками, чтобы укрепиться в Дагестане и начать строить структуру Горской республики на одной из ее частей. Да и отношения Деникина и Бичерахова нельзя было назвать радужными.

Итак, в конце 1918 г. с запада на территорию Терека с боями пробивалась Добровольческая армия под командованием генерала А.И. Деникина, а с юга в Дагестан вступили вооруженные силы турок и горских деятелей. Обе силы претендовали на терско-дагестанский край, обе силы не признавали легитимность притязаний другой стороны. Для белогвардейцев горцы были еще одной из бесчисленных этносепаратистских сил на территории бывшей Российской империи, только волею обстоятельств вознесенные на политический Олимп. Белогвардейцы считали себя наследниками законной общероссийской власти, правда не монархической, а постфевралистской. Основной лозунг белогвардейцев был – восстановление единой, неделимой России, и в этой связи все псевдогосударства на территории бывшей империи считались сепаратистами, и их «государственность» подлежала ликвидации.

С точки зрения горских деятелей в силу того, что прежняя государственность исчезла, а советскую власть они не признавали легитимной, они вполне имели право при данных обстоятельствах создать свою собственную государственность, будь то отдельное горское государство на территории Терека и Дагестана по швейцарскому образцу, либо стать членом федерации – конфедерации с другими государствами Кавказа. Для получения одобрения на собственное государство в конце 1918 г. была отправлена делегация на Парижскую мирную конференцию 1919-1920 гг. во главе с первым главой Горской республики А.-М. Чермоевым [Камбиев 2022а: 22], куда также прибыли делегация от всех новосозданных «государств» для легитимации своего политического статуса.

На Северном Кавказе во главе нового состава Горского правительства был выбран П. Коцев [Кажаров 2017: 101; Матиев 2020: 216], именно на его плечи легло бремя переговоров с белогвардейцами о статусе региона. Стоит отметить, что практически весь период до момента падения власти горских либералов в мае 1919 г., перепалка белогвардейцев и горцев проходила в форме дипломати-

ческих переговоров, не переходя грань, отделявшую от вооруженного столкновения. На это были свои веские причины.

Прежде всего, у Горской республики фактически не было своей армии. То, что было, скорее напоминало горскую милицию, которая существовала еще в начале 1918 г. и боролась в Дагестане с большевиками. Да и численностью это ополчение не могло похвастаться. Более того, в столице «республики», каковой стала Шамиль-кала, до этого называвшаяся Порт-Петровском, находились сразу три вооруженные силы. Прежде всего, в городе находился британский контингент, что прямо говорило о том, кто является хозяином положения в кавказском регионе. Здесь находились гуркхи, здесь же базировалась Британская флотилия [Доного 2010: 240] под командованием Д. Норриса. С марта 1919 г. в дагестанской столице базировались бывшие силы генерала Л.Ф. Бичерахова, которыми командовал генерал М.А. Пржевальский и которые стали частью ВСЮР на Кавказе. Здесь же стала в этот период базироваться Каспийская военная флотилия в составе ВСЮР под командование капитана 1-го ранга А.И. Сергеева [Лобанов 2012: 53]. Одновременно с британцами и белогвардейцами в городе располагались немногочисленные горские силы, что естественно создавало широкое поле для конфликтов.

Помимо немногочисленности горских сил, прямому вооруженному конфликту препятствовала позиция британского командования в регионе. Роль британского фактора в Гражданской войне и революции в России – отдельная тема для исследования, для данной работы интересна роль британцев в белогвардейско-горском конфликте 1918-1919 гг. Следует отметить, что официальная позиция британцев заключалась в консолидации всех антибольшевистских сил в кавказском регионе на борьбу с Советской властью. Такая позиция была вызвана исключительно прагматическими соображениями, а именно попыткой политически и экономически закрепиться в регионе. Не секрет, что британская интервенция на Кавказе была вызвана тем, что накануне Мировой войны нефтяные промыслы на территории Кавказского наместничества во многом принадлежали британским кампаниям.

В этой связи было естественным желание вернуть себе лидирующие позиции в регионе, используя весь арсенал, которым располагала Великобритания. Британцы на начало 1919 г. присутствовали на территории Азербайджана, Грузии, Северного Кавказа. Официально присутствие британцев в регионе объяснялось сначала помощью в борьбе против германо-турецкого нашествия, а затем борьбой против большевиков. Критическая зависимость белогвардейцев и горских деятелей от британцев охлаждало пыл обеих сторон. Причем у них создавалось ложное впечатление о том, что британцы помогают исключительно противоположной стороне.

В итоге, полноценной войны между белогвардейцами и горцами не состоялось (в отличие от белогвардейско-грузинской войны, которую не удалось предотвратить и которую погасили те же британцы), но и военно-политического союза против большевиков не удалось создать. Понимая бессилие горских деятелей, британцы не стали вмешиваться в ситуацию, когда в мае 1919 г. в ходе молниеносной военной операции войска Терско-Дагестанского

края ВСЮР захватили основные центры Дагестана [Сулаев 2019: 469], прекратив тем самым существование и без того иллюзорной Горской республики. Видимо, британские кураторы сделали ставку на более сильную сторону, т.е. белогвардейцев. Тем более что большая часть тех, кто служил горским либералам, молниеносно перешла на сторону победителей. Многие из вчерашних строителей горской государственности стали в ряды борцов за единую, неделимую Россию. Даже глава республики П. Коцев находился на территории, подконтрольной ВСЮР, до момента захвата ее большевиками, и лишь после этого оказался в эмиграции [Камбиев 2022b: 25]. Лишь небольшая часть активных горских деятелей оказалась сначала в Грузии (где после начала антибелогвардейского восстания летом 1919 г. в горных районах Терека и Дагестана [Морозова, Николаев 2021: 87] они пытались поставить его под свой контроль), а после захвата ее большевиками в феврале 1921 г. оказалась в Турции и в странах Европы.

Делая краткие выводы, стоит отметить, что военно-политический союз между белогвардейцами и горскими либеральными активистами был вполне возможен в 1918-1919 гг. и был бы вполне оправдан в тех конкретных обстоятельствах, которые складывались в кавказском регионе. Обе силы были антимонархически настроены, положительно приняли правление Временного правительства, имели хорошие карьерные перспективы на протяжение всего 1917 г. После захвата власти большевиками начали вести против них вооруженную и политическую борьбу на протяжение 1918 г. Эти обстоятельства толкали обе стороны на заключение хотя бы временного тактического союза против сильнейшего противника. Однако политические амбиции обеих антибольшевистских сил пересилили перспективы позднейшего поражения и изгнания с территории Северного Кавказа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Даудов, Месхидзе 2009 – *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1924 гг.). – СПб.: СПбГУ, 2009. – 224 с.

Джамбулатов, Чекулаев 2017 – *Джамбулатов Р.Т., Чекулаев Н.Д.* Революционные будни 1917 года: Кизлярщина от Февраля к Октябрю // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года. Материалы международной научной конференции. Под редакцией В.М. Доброштана, С.И. Бугашева, А.С. Минина, Т.В. Рабуш. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2017. – С. 98-101.

Добрякова, Камбиев 2021 – *Добрякова Н.А., Камбиев А.М.* К вопросу о горском национальном движении на Тереке и в Дагестане в 1917-1921 гг. // Современная научная мысль. – 2021. – № 6. – С. 88-91.

Доного 2010 – *Доного Хаджи Мурад.* Нажмуддин Гоцинский. – Махачкала: ДГПУ, 2010. – 560 с.

Жанситов 2017 – *Жанситов О.А.* Революционные процессы в национальных округах Терской области (1917-1918) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 2 (76). – С. 113-118.

Кажаров 2017 – *Кажаров А.Г.* Горская интеллигенция об этнополитических процессах на Северном Кавказе: идеи, проекты и итоги национального самоопределения в 1917-1918 гг. // Вестник АГУ. – 2017. – № 4 (209). – С. 100-110.

Кажаров 2018 – *Кажаров А.Г.* Организация «Союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917-1919 гг.) // Вестник АГУ. – 2018. – № 1 (214). – С. 28-38.

Камбиев 2021 – *Камбиев А.М.* Гражданская война и интервенция на Северном Кавказе (июнь-декабрь 1918 г.) // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 80-3. – С. 53-55.

Камбиев 2022a – *Камбиев А.М.* Абдул-Меджид Чермоев – первый глава Горской республики в годы Гражданской войны на Северном Кавказе // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 81-1. – С. 21-23.

Камбиев 2022b – *Камбиев А.М.* Пшемахо Коцев – один из лидеров движения горцев Северного Кавказа за независимость в период Революции и Гражданской войны // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 81-1. – С. 23-26.

Киреев 2018 – *Киреев Ф.С.* Из истории гражданского противостояния на Тереке в 1918 году // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. – 2018. – № 20. – С. 53-67.

Киреев 2021 – *Киреев Ф.С.* Восстановление войскового самоуправления в Терском казачьем войске весной 1917 г. // Kavkaz-Forum. – 2021. – № 5 (12). – С. 90-100.

Лобанов 2012 – *Лобанов В.Б.* Северный Кавказ под властью белогвардейцев в 1919-1920 гг. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2012. – № 9. – С. 51-54.

Лобанов 2018 – *Лобанов В.Б.* Контрреволюционная национальная государственность на Северном Кавказе: Деятельность Горского правительства в 1918 г. // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 3 (19). – С. 212-223.

Лобанов 2021 – *Лобанов В.Б.* Административно-территориальное деление Терека и Дагестана в период Революции и Гражданской войны, 1917-1920 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 1. – С. 67-80.

Матиев 2020 – *Матиев Т.Х.* Горское национальное движение в революциях и гражданской войне на Северном Кавказе (1917-1921). – Назрань: ООО «Кеп», 2020. – 402 с.

Матиев 2021 – *Матиев Т.Х.* Термин «Горское национальное движение» в современной историографии революции и гражданской войны 1917-1921 гг. // «Культура и история народов Кавказа: вчера, сегодня, завтра». Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию создания Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – Магас: ООО «КЕП», 2021. – С. 309-316.

Михайлов, Лобанов 2011 – *Михайлов В.В., Лобанов В.Б.* «Объединить весь Северный Кавказ на основе единства России». Доклад генерал-майора Б.Н. Лазарева главнокомандующему Добровольческой армии генерал-лейтенанту А.И. Деникину. 1918 г. // Исторический архив. – 2011. – № 2. – С. 148-164.

Морозова, Николаев 2021 – *Морозова В.О., Николаев А.В.* К вопросу о военно-политической активности терского казачества в годы революции и Гражданской войны // Современная научная мысль. – 2021. – № 6. – С. 85-88.

Пученков 2020 – *Пученков А.С.* Размышляя о Гражданской войне // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 4. – С. 33-37.

Сулаев 2019 – *Сулаев И.Х.* Революция и гражданская война в восприятии и деяниях мусульманского духовенства Дагестана (1917-1921 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1-2. – С. 463-487.

REFERENCE

DAUDOV A.H., MESKHIDZE D.I. *Nacional'naya gosudarstvennost' gorskih narodov Severnogo Kavkaza (1917-1924 gg.)* [National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917-1924)]. – SPb.: SPbGU, 2009. – 224 p. (In Russ.).

DZHAMBULATOV R.T., CHEKULAEV N.D. *Revolyucionnye budni 1917 goda: Kizlyarshchina ot Fevralya k Oktyabryu* [Revolutionary everyday life of 1917: Kizlyar region from February to October]. IN: Revolyucii v otechestvennoj i mirovoj istorii: k 100-letiyu rossijskih revolyucij

1917 goda. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Pod redakciej V.M. Dobroshtana, S.I. Bugasheva, A.S. Minina, T.V. Rabush. – SPb.: Sankt Peterburgskij gosudarstvennij universitet promishlennich technologij i dizajna, 2017. – P. 98-101. (In Russ.).

DOBRYAKOVA N.A., KAMBIEV A.M. K *voprosu o gorskom nacional'nom dvizhenii na Tereke i v Dagestane v 1917-1921 gg.* [On the question of the Mountain national movement on the Terek and in Dagestan in 1917-1921]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2021. – № 6. – P. 88-91. (In Russ.).

DONOGO HADJI MURAD. *Nazhmuddin Gocinskij* [Nazhmuddin Gotsinsky]. – Makhachkala: DSPU, 2010. – 560 p. (In Russ.).

ZHANSITOV O.A. *Revolyucionnye processy v nacional'nyh okrugah Terskoj oblasti (1917-1918)* [Revolutionary processes in the national districts of the Tersk region (1917-1918)]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. – 2017. – № 2 (76). – P. 113-118. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Gorskaya intelligenciya ob etnopoliticheskih processah na Severnom Kavkaze: idei, proekty i itogi nacional'nogo samoopredeleniya v 1917-1918 gg.* [Mountain intelligentsia on ethnopolitical processes in the North Caucasus: ideas, projects and results of national self-determination in 1917-1918]. IN: Vestnik AGU. – 2017. – № 4 (209). – P. 100-110. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Organizaciya «Soyuz ob"edinennyh gorcev» i separatizm na Severnom Kavkaze: predposylki, dvizhushchie sily i itogi (1917-1919 gg.)* [The organization "Union of United Mountaineers" and separatism in the North Caucasus: prerequisites, driving forces and results (1917-1919)]. IN: Vestnik AGU. – 2018. – № 1(214). – P. 28-38. (In Russ.).

KAMBIEV A.M. *Abdul-Medzhid Chermoev – pervyj glava Gorskoj respubliki v gody Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze* [Abdul-Medjid Chermoyev – the first head of the Mountain Republic during the Civil War in the North Caucasus]. IN: Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2022. – № 81-1. – P. 21-23. (In Russ.).

KAMBIEV A.M. *Grazhdanskaya voyna i intervenziya na Severnom Kavkaze (ijun-dekabr 1918 g.)* [Civil War and Intervention in the North Caucasus (june-december 1918)]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2021. – № 80-3. – P. 53-55. (In Russ.).

KAMBIEV A.M. *Pshemaho Kocev – odin iz liderov dvizheniya gorcev Severnogo Kavkaza za nezavisimost' v period Revolyucii i Grazhdanskoj vojny* [Pshemakho Kotsev – one of the leaders of the movement of the highlanders of the North Caucasus for independence during the Revolution and Civil War]. IN: Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2022. – № 81-1. – P. 23-26. (In Russ.).

KIREEV F.S. *Vosstanovlenie vojskovogo samoupravleniya v Terskom kazach'em vojske vesnoj 1917 g.* [Restoration of military self-government in the Tersk Cossack army in the spring of 1917]. IN: Kavkaz-Forum. – 2021. – № 5 (12). – P. 90-100. (In Russ.).

KIREEV F.S. *Iz istorii grazhdanskogo protivostoyaniya na Tereke v 1918 godu* [From the history of the civil confrontation on the Terek River in 1918]. IN: Izvestiya SOIGSI. Shkola molodyh uchenyh. – 2018. – № 20. – P. 53-67. (In Russ.).

LOBANOV V.B. *Administrativno-territorial'noe delenie Tereka i Dagestana v period Revolyucii i Grazhdanskoj vojny, 1917-1920 gg.* [Administrative-territorial division of Terek and Dagestan during the Revolution and Civil War, 1917-1920]. IN: Kavkazologiya. – 2021. – № 1. – P. 67-80. (In Russ.).

LOBANOV V.B. *Kontrrevoluzionnaya nazionalnaya gosudarstvennost na Severnom Kavkaze: Deyatelnost Gorskogo pravitelstva v 1918* [Counterrevolutionary national statehood in the North Caucasus: The Activities of the Mountain Government in 1918]. IN: St. Petersburgskij Istoricheskij Jurnal. – 2018. – № 3 (19). – Pp. 212-223. (In Russ.).

LOBANOV V.B. *Severnij Kavkaz pod vlastju belogvardeizev v 1919-1920 gg.* [The North Caucasus under the rule of the White Guards in 1919-1920]. IN: Bulletin Orlovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Serija: Novije Gumanitarnije Issledovanija. – 2012. – №. 9. – Pp. 51-54. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Gorskoe nacional'noe dvizhenie v revolyuciyah i grazhdanskoj vojne na Severnom Kavkaze (1917-1921)* [The Mountain National Movement in Revolutions and Civil War in the North Caucasus (1917-1921)]. – Nazran': OOO «Кер», 2020. – 402 p. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Termin «Gorskoe nacional'noe dvizhenie» v sovremennoj istoriografii revolyucii i grazhdanskoj vojny 1917-1921 gg.* [The term "Mountain national movement" in the modern historiography of the revolution and the Civil War of 1917-1921]. IN: «Kul'tura i istoriya narodov Kavkaza: vchera, segodnya, zavtra». Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 95-letiyu sozdaniya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnyh nauk im. C.E. Ahrieva. – Magas: OOO «KEP», 2021. – P. 309-316. (In Russ.).

MIKHAILOV V.V., LOBANOV V.B. *«Objedenit ves Severnij Kavkaz na osnove edinstva Rossii». Doklad general-majora B.N. Lazareva glavnokomandujushemy Dobrovolcheskoj armii general-leitenantu A.I. Denikinu. 1918* ["Unite the entire North Caucasus on the basis of the unity of Russia". Report of Major General B.N. Lazarev to the Commander-in-Chief of the Volunteer Army, Lieutenant General A.I. Denikin. 1918]. IN: Istoricheskij Archive. – 2011. – No. 2. – Pp. 148-164. (In Russ.).

MOROZOVA V.O., NIKOLAEV A.V. *K voprosu o voenno-politicheskoj aktivnosti terskogo kazachestva v gody revolyucii i Grazhdanskoj vojny* [On the issue of military and political activity of the Terek Cossacks during the Revolution and Civil War]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2021. – № 6. – P. 85-88. (In Russ.).

PUCHENKOV A.S. *Razmyshlyaya o Grazhdanskoj vojne* [Reflecting on the Civil War]. IN: Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. – 2020. – №. 4. – Pp. 33-37. (In Russ.).

SULAEV I.H. *Revolyuciya i grazhdanskaya vojna v vospriyatii i deyaniyah musul'manskogo duhovenstva Dagestana (1917-1921 gg.)* [Revolution and civil war in the perception and deeds of the Muslim clergy of Dagestan (1917-1921)]. IN: Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. – 2019. – № 1-2. – P. 463-487. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Николаев – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

A.V. Nikolaev – Candidate of Science (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 12.05.2023 г.; одобрена после рецензирования 09.06.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 12.05.2023; approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 94(44) 81(=35) – 054.72
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-74-86
EDN: GPBBYD

ДЕЛЕГАЦИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ФРАНЦИИ (1919–1920-е гг.)

Ирина Леонидовна Бабич
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия, babi7chi@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1879-1608

Аннотация. Статья посвящена истории делегации, посланной Горской республикой во Францию, на международную конференцию (1919 г.). Цель деятельности делегации – получение международного признания как независимого государства. Исследование выполнено на основе архивных документов, обнаруженных нами во Франции. В работе подробно проанализированы название делегации, ее состав, деятельность в Константинополе и Париже в течение 1919-1920-х гг. Выявлена роль А.М. Чермоева и Г. Баммата, а также изучена борьба сформировавшихся в эмиграции новых северокавказских лидеров с делегацией Горской республики. Автор считает окончание деятельности делегации можно датировать 1930 г. Сделан вывод, что она сыграла важную роль в становлении общественно-политической мысли в северокавказском обществе Франции, укреплению места северокавказцев в политическом мире региона, в формировании нового корпуса северокавказских политиков.

Ключевые слова. Горская республика, Франция, Версаль, делегация Горской республики, Чермоев, Баммат, Али Мардан Топчибаши, конфедерация.

Благодарности. Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Для цитирования: Бабич И.Л. Делегация Северного Кавказа во Франции (1919–1920-е гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 74-86. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-74-86. EDN: GPBBYD.

© Бабич И.Л., 2023

Original article

DELEGATION OF THE NORTH CAUCASUS TO FRANCE (1919–1920)

Irina L. Babich
Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, babi7chi@yandex.ru , https://orcid.org/0000-0003-1879-1608

Abstract. This article is devoted to the history of the delegation sent by the Mountain Republic to France, to an international conference (1919). The delegation's purpose is the obtainment of international recognition as an independent state. This study was conducted based on archival documents discovered by us in France. This paper throughly analyzes the name of the delegation, its composition, and activities in Constantinople and Paris during the 1919-1920's. The role of A.M.

Chermoyev and G. Bammat is revealed, and the struggle of the new North Caucasian leaders formed in emigration with the delegation of the Mountain Republic is studied. The author believes that the end of the delegation's activity can be dated back to 1930. It has been determined that it played a significant role in shaping the socio-political ideology of the North Caucasian community in France, reinforcing the position of North Caucasians in the region's political sphere, and creating a new generation of North Caucasian politicians.

Keywords. Mountain Republic, France, Versailles, delegation of the Mountain Republic, Chermoev, Bammat, Ali Mardan Topchibashi, confederation.

Gratitude. Published in accordance with the plan of research work of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

For citation: Babich I.L. Delegation of the North Caucasus to France (1919–1920). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 74-86. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-74-86. EDN: GPBBYD.

© Babich I.L., 2023

Введение

В 1919 г. в Париже и Версале планировалась международная конференция, созванная державами-победительницами в Первой мировой войне для выработки и подписания мирных договоров с побежденными государствами. Она проходила в несколько этапов с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г. В конференции приняли участие представители 27-ми государств, были подписаны Договора с рядом государств. Ключевые проблемы решала «Большая четверка» лидеров – президент США Вудро Вильсон, премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж, премьер-министр Франции Жорж Клемансо и премьер-министр Италии Витторио Эмануэле Орландо. На конференции был одобрен Устав Лиги Наций.

На эту конференцию также прибыли делегации из ряда непризнанных стран, находящихся на территории бывшей Российской империи, которые стремились к признанию их независимости: Республики Азербайджан, Республики Грузии, Республики Эстонии, Республики Латвии, Республики Белой России, Республики Украины. Прибыли Донская, Армянская, Финляндская делегации и др., а также делегация Республики Северного Кавказа (Горской республики) во главе с Абдул-Меджидом Чермоевым и Кубанская делегация во главе с Лукой Бычом, в состав которой тоже входили северокавказцы (точнее западные адыги). Приехавшие на конференцию делегации непризнанных стран планировали на мирной конференции в Париже получить признание как независимых государств и стать субъектами международного права [АМТ]. Но сделать это не удалось. Делегации остались в Париже для установления тесных контактов с зарубежными политическими деятелями.

Цель статьи – на основе обнаруженных нами архивных материалов во Франции проанализировать деятельность Делегации Северного Кавказа (Горской республики) в Париже в 1919-1920-х гг. До сих пор на эту тему не было научных исследований.

Как известно, на территории Терской и Дагестанских областей была образована Горская Республика (1918-1920 гг.). В декабре 1917 г. «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана» объявил об отделении от России и выступил с обращением к ряду государств Европы с просьбой о признании правительство Горской республики [Гусейнова 2015]. Как указывалось выше, с этой целью и была отправлена зарубежная делегация Горской республики во Францию на международную конференцию, созванную державами-победительницами в Первой мировой войне для выработки и подписания мирных договоров с побежденными государствами.

Прежде всего отметим, что делегация Северного Кавказа в обнаруженных нами архивных документах называлась по-разному: Зарубежная делегация Горской республики, Горско-Дагестанская делегация, представители Республик Союза Горских народов, Дипломатическая миссия Северокавказской республики, делегация Союза горцев Кавказа, Дипломатическая миссия Республики Северного Кавказа на мирной конференции. Один из членов делегации – Ибрагим Гайдар на своей французской визитке указывал, что он – член Делегации Северокавказской республики на мирной конференции [АМТ]. В официальных документах, которые посылались от лица делегации во французские органы, в том числе и в Министерство иностранных дел фигурировало так: La Délégation du Caucase du Nord, т.е. делегация Северного Кавказа. Такое же название было на печати, которая ставилась на официальных документах, посылаемых Делегацией в различные французские организации [АМТ].

Есть некоторая путаница и с составом делегации. Списка всей делегации мы не смогли пока найти. Делегация получила от правительства Горской республики официальный мандат. Об этом писал глава делегации Азербайджанской республики Али Мардан Топчибаши [АМТ]. Значит, должен быть и утвержденный список делегации. Приводим фамилии, которые фигурировали в ряде документов, подготовленных Делегацией. Это Абдул-Меджид Чермоев (председатель или президент делегации), Гайдар Баммат (зам. председателя или президента делегации), Ибрагим Гайдар, Х. Хадзараков (Х. Хадзарат), Азиз Баммат, Джамал Албогачиев (курьер) [АМТ]. Нам не ясно, это весь состав делегации или нет. Более того, со временем в состав делегации уже в эмиграции стали включаться и другие горцы Северного Кавказа. Насколько это было правоверно? Не ясно.

Делегация в Константинополе

Итак, 21 января 2019 г. Делегация Северного Кавказа прибыла в Константинополь, чтобы ехать далее в Париж, однако почти два месяца задержалась в Турции, т.к. никак не могла от т.н. «Союзного Командирования» получить визу во Францию. Лишь Г. Баммат, находясь в это время заграницей, сумел попасть во Францию быстро, еще до прибытия туда северокавказской делегации. 24 ноября 1918 г. он выехал в Берн (Швейцарию) для установления дипломатических отношений с ведущими европейскими странами. В Берне он проводил переговоры с миссиями Англии, Франции, Америки, Италии, Японии и др. [Гусейнова 2015]. Визы быстро получили лишь члены армянской делегации и некоторые

члены грузинской делегации. Все делегации проживали в одном из лучших отелей города – «Pera Palace».

А.М. Чермоев и другие члены делегации Северного Кавказа решили использовать время ожидания визы во Францию для переговоров с другими кавказскими делегациями. Переговоры велись с членами грузинской, армянской и азербайджанской делегаций. Приведем мнение члена делегации Северного Кавказа Х. Хадзарата о результатах этих переговоров:

члены грузинской делегации «окончательно уклоняются от всех совместных с нами действий, даже по вопросам одинаково всех нас касающихся: основываясь на пустой формальности, именно на отсутствии председателя Чхеидзе, они заявили, что вынуждены уклониться от всяких общих политических патов совместно с другими делегациями. Проявленный грузинами крепкий сепаратизм нас мало удивил: еще задолго до этого мы и азербайджанцы дважды предлагали грузинам подумать над тем, что рано или поздно нам придется подойти друг к другу ближе, так как всякий знающий наш край ясно понимает, что спешно народившиеся на почве революции мелкие республики, будучи изолированными, едва ли окажутся жизнеспособными. К сожалению, на наш прямой вопрос, принимается наша протянутая рука или нет, грузины ответили нам, ничтожными дипломатическими любезностями, не сделав никаких определенных заявлений… точно грузины боятся скомпрометировать себя, общаясь с нами» [Хадзарат].

Армяне «не интересуются нами, как и мы, впрочем, ими» [Хадзарат]. Он указывал:

«Армян, этих балованных детей нашего времени, ни за что теперь не загонишь в нашу убогую саклю на правах равноправных членов; больше того: может быть, еще при нашей жизни нам придется защищать наш богатый край от империалистических покушений Великой Армении; напомню еще раз, что уже ходит карта, на которой границы Великой Армении подкатывают нам под самый нос. Может быть, в эту эпоху великого переустройства не бесполезно вспомнить и то, что история знает случаи вторжения Армении на Северный Кавказ. Что касается грузин, что я уже отметил, что они положительно не хотят знаться с нами. Таким образом, в числе наших неизменных друзей остаются одни лишь азербайджанцы», но на них мало надежды, так как «сама страна – слабая» [Хадзарат].

Он подчеркивал, что фактически северокавказцам не с кем объединяться (невозможно создать единый Кавказский государственный организм – федерацию или конфедерацию), а без этого объединения невозможно добиться независимости Северного Кавказа [Хадзарат].

«В прошлом была одна возможность найти пристанище на юге: я разумею Турцию, которая, по мнению некоторых наших друзей, была для нас лучшим исходом. Я ничего не стану критиковать, скажу только, что Турция – это дело прошлое. Турция умерла для нас: нам, видящим все, что здесь делается ясно, что дело идет по ликвидации Турции, как великой державы» [Хадзарат].

Поэтому Х. Хадзарат считал, что

«из Кубанской Черноморской областей и Ставропольской губернии образуется какое-то государственное образование, может быть, к нему примкнет и Донская область. После

общения с кубанскими делегатами нам кажется, что такое государственное образование (разумеется, демократическое), если б оно окрепло, могло быть для нас надежным пристанищем» [Хадзарат].

Делегация в Париже

Получив визы, Делегация приехала во Францию и арендовала помещение под свой офис в Париже по адресу на 3 rue Henri-de-Boernier (15-й округ) [АМТ]. Как мы указывали выше, приехавшие на конференцию делегации планировали на мирной конференции в Париже получить признание как независимых государств и стать субъектами международного права, но сделать это быстро не удалось, поэтому в Париже для Делегации Северного Кавказа началась долгая работа по установлению контактов с европейскими политиками [АМТ].

Прежде всего делегация Северного Кавказа стремилась установить тесные контакты с делегациями Закавказских республик, и в первую очередь, с мусульманским Азербайджаном. Как мы указывали выше, Делегация Северного Кавказа по пути в Париж, в феврале в Константинополе, поставила вопрос о создании государственного объединения всего Кавказа. В архиве главы Делегации Азербайджана Али Мардан Бека Топчибаши хранится документ, подписанный членами Делегации Северного Кавказа: А.М. Чермоевым, Г. Бамматом, И. Гайдаром, Х. Хадзараковым [АМТ] на имя Председателя Дипломатической миссии Азербайджанской республики Али Мардан Бек Топчибаши, в котором предлагалось обсудить этот вопрос. Предложение северокавказской делегации было рассмотрено и по желанию Грузинской делегации было отложено до приезда делегаций в Париж. Армянская делегация отказалась сразу сотрудничать.

В Париже этот вопрос вновь был поднят в мае 1919 г. Была создана межделегационная комиссия из представителей 3-х делегаций – Азербайджанской, Грузинской и Северного Кавказа. Комиссия начала работать, но практически сразу все застопорилось «ввиду особого отношения к вопросу со стороны Грузинской делегации», которая считала, что «для строительства единой Кавказской государственности в настоящее время нет достаточных условий» [АМТ].

По сути, делегация Северного Кавказа находила общий язык лишь с Азербайджанской делегацией: «идея единой Кавказской государственности диктуется всеми условиями нашей жизни», «наискорейшим претворением в жизнь этой идеи обеспечивается наибольший дипломатический успех в смысле достижения наших политических идеалов» [АМТ]. Поэтому была создана комиссия для двухстороннего сотрудничества для выработки Проекта Союзного Договора между Азербайджаном и Северным Кавказом.

Отметим, что между руководством делегаций Северного Кавказа и Азербайджана в эмиграции и в дальнейшем сохранялись особые отношения. В 1934 г. редактор журнала «Кавказ» подчеркивал:

> «Среди почти единой в обще-бытовом отношении семьи кавказских народов, нити, связующие азербайджанцев с горцами – особо родственны. Религиозная общность, которая у мусульман вообще, а у кавказских, в особенности, имеет не только лишь одну конфессиональную сторону, но охватывает также социальную структуру быт, традиции и адаты, сближает эти две группы по укладу их жизни и по духовным концепциям» [Аноним 1934].

Итак, 28 июня 1919 г. вышеуказанная комиссия подготовила Проект союзного договора, но потом Азербайджанская делегация решила, что такой договор могут заключать лишь Парламенты и Правительства. Члены делегации Северного Кавказа отметили:

«Мы полагаем, что члены Азербайджанской делегации, по-видимому, недостаточно оценивают узы родства и взаимной симпатии, связывающие наши народы… Идея единения наших народов, вытекая из кровного родства и общности исторических судеб, мы верим, никогда не погибнет» [АМТ].

Этот документ был подписан вышеуказанными 4-мя ключевыми членами Делегации Северного Кавказа [АМТ].

В 1920 г. Союзный Договор между республикой Азербайджана и Северо-Кавказской республикой все же был заключен [АМТ]. Также было заключено трехстороннее соглашение между республиками Азербайджана, Северного Кавказа и Кубани [АМТ]. В архиве Али Мардан Бека Топчибаши мы обнаружили проект Соглашения, который был подготовлен в октябре 1920 г. В нем было 8 пунктов, но приведем два, наиболее важные:

«П. 1. Представители Республик Азербайджана, Северного Кавказа и Кубани в сознании общности задач и интересов их народов в борьбе за национальное возрождение и политическую независимость и в целях закрепления в их странах демократического республиканского строя, признали необходимым заключить настоящее соглашение на следующих основаниях:

П.2. Договаривающиеся стороны взаимно обязуются всеми своими вооруженными силами и военными средствами отстаивать государственную независимость и территориальную неприкосновенность Республик Азербайджана, Северного Кавказа и Кубани, всемерно поддерживая друг друга в военном, политическом, дипломатическом, экономическом и финансовом положениях» [АМТ].

Противники независимости в Константинополе

Подчеркнем, что Делегация Северного Кавказа в 1920 г. была едва ли не единственным общественно-политическим органом, представлявшим интересы народов Северного Кавказа в эмиграции (другие партии, движения появились значительно позже), но в то же время, в 1920 г., в Константинополе военные-северокавказцы организовали Национальный Комитет освобождения горских народов Северного Кавказа. Как указывает А.В. Казаков, данный комитет иногда фигурировал под другими названиями – «Комитет освобождения горских народов Северного Кавказа» или «Горский монархический центр» [Казаков 2005]. Информацию об этом комитете мы нашли в частном архиве, обнаруженном нами в Париже, в котором содержатся материалы о жизни и деятельности одного из членов данного комитета, адыга, дипломата Василия Николаевича Гаджемукова [САГ]. В комитет вошли: генерал Ф.Н. Бекович-Черкасский (представитель от Кабарды), дипломат В.Н. Гаджемуков (представитель кубанских черкесов), генерал Я. Хабаев (от Осетии), генерал С. Мальсагов (от Ингушетии) [САГ]. Обнаруженный нами материал в архиве внешних дел Франции включает в состав данного комитета еще и генерала Микаэля Халилова (Халил-

Паша), представителя народов Дагестана [АВСФ]. Таким образом, мы видим, что состав Комитета – представители военной элиты Северного Кавказа, которые состояли в течение многих лет на российской военной службе. Надо отметить, что Российская империя проводила в течение всего XIX в. деятельность, направленную на формирование пророссийской горской элиты. Одним из ключевых механизмов этого и стала военная служба. Горцев активно брали в военные учебные заведения, после которых они служили в Российской армии. И мы видим, что все пять горцев – членов Кавказского комитета, к 1917 г. в течение многих лет верою и правдою служили России, имели «пророссийские» взгляды, поддерживали Российскую империю и российскую монархию, а главное – российское присутствие на Северном Кавказе, признавая его целесообразность.

В основу программы «Национального Комитета освобождения горских народов Северного Кавказа» вошли следующие положения:

1. «Признание генерала Врангеля главнокомандующим.
2. Соблюдение полного нейтралитета по отношению к политике Антанты и Кемалистов.
3. Организация, при более благоприятных условиях, армии из турецких мухаджиров – выходцев с Северного Кавказа для движения на Кавказе против большевиков» [САГ].

В программе есть приписка: «В своей работе комитет будет стремиться к объединению с антибольшевистскими силами и в особенности с казаками» [САГ]. И на первом этапе планировалось объединиться с Украинским национальным комитетом.

Обнаруженные нами материалы подтверждаются и другими материалами – сводкой иностранного отдела ВЧК – дело № 541 – «Совершенно секретно», которое датируется 25 январем 1922 г. В нем говорилось о Комитете освобождения горских народов Северного Кавказа. В документе, правда, указывается несколько иной состав. В него включен новый член – кабардинец, известный юрист, председатель Правительства Горской республики Пшемахо Тамашевич Коцев. Исследователь А.В. Казаков добавляет в состав еще одну фигуру – известного кубанского черкеса, генерал-майора Российской армии Клыч Султан-Гирея [Казаков 2005]. В вышеуказанном донесении говорилось, что комитет, пользуясь поддержкой турецких властей, сформировал конную дивизию из горцев, которая находилась в распоряжении командования Ангорского правительства и располагалась на границе Турции и Советской России [Казаков 2005]. А.В. Казаков подчеркивал, что Кавказский комитет в Константинополе установил тесные связи с Высшим монархическим союзом, который был сформирован во Франции [Казаков 2005], тогда как контактов с делегацией Северного Кавказа у этого комитета не было.

Национальный комитет освобождения горцев Северного Кавказа в Константинополе просуществовал недолго – около года. Причин тому несколько. Во-первых, в Константинополе в конце 1922 г. появился новый комитет – «Комитет освобождения Азербайджана и горцев Северного Кавказа», в который уже вошли не все те, кто был в предыдущем комитете. Дело в том, что азербайджанцы в эмиграции начали деятельность по созданию независимого государ-

ства Азербайджан, вне состава Российской империи, таким образом, тем горцам, кто имел монархические взгляды, было с этой организацией не по пути. По мнению Л.В. Соцкова, Турция в основном «финансировала» борьбу за независимость Кавказа, а не за восстановление монархии, поэтому судьба комитета и была изначально предрешена [Соцков 2003: 28]. Кроме того, 16 марта 1921 г. между РСФСР и Турцией была заключен договор о дружбе и сотрудничестве, который уже не предполагал проведение подрывной деятельности на территории Турции. Многие члены «Комитета освобождения горских народов Северного Кавказа» выехали из Константинополя в ряд европейских государства, где началась уже совсем другая жизнь. У некоторых произошла переоценка ценностей, изменились приоритеты и ориентация.

Важно отметить, в 1920 г. было две «конкурирующие» организации: первая боролась за независимость – Делегация Северного Кавказа, и вторая – за возвращение монархии и включение Северного Кавказа в состав этой монархии. Причем, по некоторым данным во вторую организацию тоже входил член Горской республики, тогда как в основном, члены Горской республики были в Делегации Северного Кавказа.

1 декабря 1921 г. в Константинополе состоялось первое заседание представителей политических комиссий кавказских республик, организовавших Информационное бюро Союза 4-х кавказских республик. Членами Бюро стали Н.Т. Хомерики (председатель), Давидханини, Ризаев, А. Цаликов (секретарь). Бюро должно было работать в тесном контакте с делегациями кавказских республик, члены которого просили делегации кавказских республик в Париже выдать им 20 тыс. франков для начала работы в Константинополе [АМТ].

Деятельность делегации Северного Кавказа в Париже в 1920-е гг.

В Париже кавказские делегации начали проводить постоянные заседания. В архиве Али Мардана Топчибаши сохранились протоколы этих заседаний на протяжении ряда лет. Делегация Северного Кавказа принимала активное участие в этих встречах.

В мае 1921 г. в Париже прошло совещание представителей кавказских Республик (от Азербайджана, Армении, Грузии и Северного Кавказа) [АМТ]. Но делегации Армении практически всегда игнорировала заседания делегаций. Был образован Объединенный распорядительный комитет четырех кавказских колоний [АМТ]. Члены комитета признали, что «единение необходимо для восстановления независимости народов Кавказа и освобождения от большевистского ига». В 1921 г. был образован Финансово-торгово-промышленный Союз независимых государств – Армении, Азербайджана, Северного Кавказа и Грузии, а также военный союз (для обсуждения этого вопроса был приглашен генерал К.Н. Хагондоков). В июне 1921 г. была принята общекавказская Декларация, которую подписали представители 4-х республик – Армении (от делегации Армении подписал Агаронян), Азербайджана (А.М. Топчибаши), Республики Северного Кавказа (А.М. Чермоев) и Грузии (А. Чхенкели) [АМТ]. 29 сентября 1921 г. на имя Али Мардан Топчибаши пришло письмо от осетина Алихана Кантемира, который жил в Константинополе, в котором он указывал, что

«кавказский центр, находящийся в Париже, до сих пор не установил связи с Анкарой» и призывал

> «способствовать установлению постоянной и прочной связи между Парижем и Анкарой. Горские и азербайджанские беженцы в Константинополе находятся в состоянии полного безначалия. Полагаю необходимым заметить, что было бы полезно, если бы кто-нибудь из членов Вашей многочисленной делегации проехался в Стамбул и ознакомился бы с жизнью сородичей поближе… Согласитесь, что для практических действий Константинополь более подходящая база, нежели Париж» [АМТ].

Таким образом, мы видим, что северокавказские и азербайджанские эмигранты, осевшие в Турции, считали, что они оказались на окраине политической жизни. Они стремились включиться в нее.

Совместные совещания кавказских делегаций в Париже проводились периодически. От Северного Кавказа помимо А.М. Чермоева в них стали принимать участие В.Г. Джабагиев, П. Коцев, К.Н. Хагондоков, хотя первоначально они не были членами делегации Северного Кавказа.

Кавказские делегации вели важную работу по установлению контактов с французскими политиками, военными, финансистами и другие влиятельными лицами. Для этого они проводили как личные встречи, так и благотворительные балы, на которые приглашались видные французские политики, чиновники, финансисты, военные. Так, 7 марта 1922 г. представители трех республик (от Северного Кавказа участвовал К.Х. Хагондоков) провели заседание, на котором приняли решение об обращении к руководству трех Делегаций о предоставлении денег на устройство общего благотворительного бала (по 5 тыс. франков от каждой делегации).

На одном из совещаний глава Делегации Северного Кавказа А.М. Чермоев рассказал, что он имел беседы с видными французскими политиками, в частности, с генералом Вейганом, который пообещал Союзу кавказских республик моральную и финансовую помощь [АМТ]. Известно, что в 1922 г. представители Союза кавказских республик отправляли документы о проведении переговоров между кавказцами и министром иностранных дел Франции А. Брианом. В том же году представителей 4-х кавказских республик принимал крупный французский чиновник, министр «освобожденных районов» Луи Лушер. На встрече кавказцы просили помочь им, предлагая за это нефть [АМТ]. Тесные контакты с французскими чиновниками, политиками и др. продолжались и в 1924 г. [АМТ]. Для совместного ведения дипломатической работы от имени 3-х республик (Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа) 11 ноября 1924 г. был образован постоянный Совет [АМТ].

Одновременно с французской политической элитой кавказцы пытались вести переговоры и с русскими, отстаивавшими монархические идеи. Такие переговоры вел глава Делегации Северного Кавказа Абдул-Меджид Чермоев. В частности, он встречался с бывшим министром иностранных дел Временного правительства, лидером Республиканско-демократического объединения в эмиграции, редактором одной из значимых газет в эмиграции «Последних новостей» П.Н. Милюковым и обсуждал с ним Декларацию о союзе кавказских рес-

публик, а также вопрос об отделении Кавказа от России. Милюков ответил, что если в Союзе кавказских республик не будет враждебного отношения к России, он «обещает сочувствие свое и просит познакомить его с текстом Декларации, чтобы иметь возможность разобраться, т.к. по его мнению, нельзя жить теперь психологией далекого прошлого года» [АМТ]. Отметим, что многие политические деятели Северного Кавказа не раз пытались говорить с русскими политиками в эмиграции. В 1920-1925 гг. А.Х. Аварский имел контакты с Великим князем Николаем Николаевичем и А.П. Кутеповым, но со временем разорвал эти контакты, когда убедился, что они против независимости Кавказа [РГВА].

Заседания членов кавказских делегаций продолжались и в 1924 г. Впервые в этом году на заседании прозвучало понятие «конфедерация», началась подготовка проекта Декларации представителей национальных правительств республик Кавказа (Декларации об объединении Кавказских народов). Цель Декларации – объединить общественно-политические силы для проведения совместной борьбы за независимость Кавказа. Отметим, что в 1924 г. в заседаниях делегаций активное участие принимали члены делегации Северного Кавказа Ибрагим Гайдар и Гайдар Баммат [АМТ]. В 1925 г. делегации продолжали совместную работу. В июле был разработан новый вариант Декларации представителей Республик Кавказа – Азербайджанской, Грузинской, Северо-Кавказской и Украинской республики – Договор о сотрудничестве и взаимопомощи в борьбе. Таким образом, к трем республикам присоединилась Украина. В 1925 г. документы от Делегации Северного Кавказа стал подписывать Г. Баммат. Абдул-Меджид Чермоев участия в заседаниях 1925 г. не принимал. И в некоторых документах именно Г. Баммат назывался президентом Делегации Республики Северного Кавказа, в других – как вице-президентом [АМТ].

В архиве Али Мардан Топчибаши мы обнаруживаем некий список Делегации Северного Кавказа, относящийся примерно к 1925-1927 гг. [АМТ]. Али Мардан составлял списки делегаций для приглашения на различные мероприятия, проводимые азербайджанской делегацией. Кроме А.М. Чермоева и Г. Баммата упоминаются следующие фамилии: К.Н. Хагондоков, И. Шаков, А. Намитоков, Ф.Н. Бекович-Черкасский, Т. Шакманов, Абу-Бекир Чермоев и Клыч Султан-Гирей, а также гражданин Османской империи, внук имама Шамиля – Саид Шамиль. Изначально эти люди не были в составе Делегации, но постепенно они стали рассматриваться как ее члены.

Деятельность кавказских делегаций продолжалась и в последующие годы. 12 января 1927 г. появился Временный объединенный политический центр Азербайджана и Северного Кавказа, остальные делегации к этому времени стали игнорировать совместные заседания (т.е. к тому времени стали пассивными грузины, армяне – изначально чаще всего игнорировали заседения) [АМТ]. В документе, посвященном Временному центру, отмечалось, что «надо активнее работать за освобождение Кавказа и образование Конфедерации» [АМТ]. В центр были выбраны по 6 чел. от каждой делегации. От Северного Кавказа вошли А.М. Чермоев, К.Н. Хагондоков, И. Шаков, Г. Баммат, А. Намитоков (фамилия шестого члена центра не указана) [АМТ]. Центр начал издавать журнал «Прометей», редактором которого стал Айтек Намитоков. Центр предложил

присоединиться к их деятельности не только грузинам, но и украинцам, и туркестанцам. В 1929 г. присоединились грузины.

Журнал начал выходить в Париже 15 ноября 1926 г. один раз в месяц. Тираж журнала был 1000 экз. Цель издания состояла в защите национальных интересов народов Кавказа, Украины и Туркестана. В журнале от редакции было указано следующее:

> «эти народы во время революции успели освободиться из-под ига русского господства и образовать на развалинах старой империи свои самостоятельные государства. Цель журнала - ознакомить общественное мнение Европы с положением дел на Кавказе в России, создать единый фронт борьбы эти народов за освобождение». Членами редколлегии были представители от делегаций Азербайджана, Северного Кавказа, Грузии, Украины, а с 1928 г. – и Туркестана. Это было началом мощного движения «Прометей», которое с помощью создания журнала стремилось объединить кавказские народы [АМТ].

С 1931 г. в зале редакции журнала стали устраиваться «Вечера Прометея», на которых делались доклады. Например, доклад Мир-Якуба на тему «Национальные движения и национальный вопрос». После доклада в дискуссиях выступили: Гвазава, Чокаев, Шакман, Кази-Хан, Канделаки и др. [Хроника 1932: 51]. В европейских странах начали появляться новые центры Прометеевского движения. Так, в 1932 г. клуб «Прометей» возник в Гельсинках (Гельсингфорсе) и Харбине (Свит, Кедия, Ахведиани). В 1934 г. редактором журнала «Прометей» стал Гвазава. 31 мая – 1 июня 1936 г. по инициативепольского клуба «Прометей» и его председателя Р. Смаль-Стоцкого Р. в Варшаве состоялся языковедческий съезд в Варшаве, посвященный обрусительной политики в СССР нерусских народов [Хроника. 1936]. На съезде была образована Лига «Протемей», куда вошли представители «угнетаемых в России наций» и была принята «резолюция о денационализации народов в СССР», которая была отправлена ее в Лигу наций [Хроника 1936].

К концу 1920-х гг. в общественно-политической жизни северокавказских эмигрантов произошли значительные изменения: на чужбине выросло новое поколение политиков, которые создавали свои партии, имели своих сторонников среди соотечественников, формировали разные взгляды на будущее Северного Кавказа. В этой ситуации оставшиеся члены Делегации Северного Кавказа стремились сохранить свое лидирующее положение. В 1929 г. по инициативе Делегации был создан Общий Национальный совет Северного Кавказа. В него вошло большинство все партий и групп, сформированных северокавказскими эмигрантами, за исключением самой массовой и популярной «Народной партии горцев Кавказа», появившийся в эмиграции в 1926 г. [АМТ]. Появились два вида конфликтов: между Национальным советом и членами Народной партии, а также между членами Национального совета и Гайдаром Бамматом. Последний претендовал на свое исключительное положение и право как вице-президента делегации Северного Кавказа. Г. Баммат был сложной и противоречивой личностью, с которым было очень трудно найти компромисс. Сеерокавказцы обращались к главе Азербайджанской делегации Али Мардан Топчибаши как к посреднику. Он вел переговоры со всеми сторонами конфликтов, пытался их

примирить, акцентируя все же внимание на том, что Г. Баммат действительно остался последним среди тех, кто получил от Горской республики мандат на переговоры во Франции. Он подчеркивал, что делегация Северного Кавказа рассматривалась как «единственно правомочное представительство названной республики». К 1929 г. в Делегации Северного Кавказа оставалось лишь два члена – А.М. Чермоев и Г. Баммат. Чермоев практически отошел от дел, а Г. Баммат был активен. К этому времени появились горцы, которые не входили в состав Делегации, но которые начали вести активную политическую деятельность и которые стали перетягивать власть на себя. Именно эти члены Национального совета Северного Кавказа начали перетягивать «политическую инициативу» на свою сторону. Началось перераспределение политических сил в общественно-политическом пространстве северокавказских эмигрантов. Фактически влиятельными стали те северокавказские лидеры, которые начали вести свою работу в рамках движения «Прометей». Практически все они стали жить в Варшаве и на польские деньги значительно активизировали свою деятельность, но это уже другая история. На наш взгляд, именно 1930 г. в целом можно назвать концом деятельности Делегации Северного Кавказа как таковой. А-М. Чермоев и Г. Баммат в 1930-х гг. переехали на жительство в Лозанну (Швейцарию). Чермоев в 1937 г. умер, а Г. Баммат стал работать в консульстве Афганистана в Швейцарии.

Заключение

История деятельности делегации Горской республики или точнее Северного Кавказа в 1919-1920-е гг. показывает, что руководители и члены делегации понимали необходимость единения с другими кавказскими делегациями и делали все возможное в этом направлении. Другой вектор ее деятельности – поиски политической поддержки и установление контактов как с русской эмиграцией, так и с французскими политиками, чиновниками, военными, финансистами. По нашему мнению, завершение деятельности делегации можно отнести к 1930 г. Несмотря на неудачи и отсутствие видимых позитивных результатов в деятельности делегации Северного Кавказа, на наш взгляд, она сыграла важную роль в становлении общественно-политической мысли в северокавказском общество Франции, укреплению места северокавказцев в политическом мире региона, в формировании нового корпуса североказкавказских политиков, которые впоследствии становились их конкурентами или противниками в политической борьбе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АМТ – Архив Али Мардана Бека Топчибаши (Топчибашева) // Библиотека Центра по изучению современной России, Кавказа и Центральной Европы // École des Hautes Études en Sciences Sociales (Высшая школа социальных наук). (CERCEC, EHESS). Париж. Франция.

АВСФ – Архив внешних дел Франции. № 3812.

Аноним 1934 – *Аноним*. Горская республика и Азербайджан // Кавказ. – 1934. – № 1.

Гусейнова 2015 – *Гусейнова И.С.* Проблема международного признания Горской республики // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 5. С. 121-125.

Казаков 2005 – *Казаков А.В*. Деятельность органов безопасности Кабардино-Балкарии по нейтрализации подрывных акций эмигрантских организаций в 20-х - 50-х гг. XX века. Дисс… канд. ист. наук. – Москва, 2005. – 270 с.

РГВА – Российский государственный военный архив. Ф. 461 к. Оп. 1. Д. 359.

САГ – Семейный архив Гаджемуковых.

Соцков 2003 – Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера: из секретных досье разведки. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – 329 с.

Хроника 1932 – Хроника // Горцы Кавказа. – 1932. – № 27.

Хроника 1936 – Хроника. Северный Кавказ. – 1936. – № 26, 30, 32.

Хадзарат – *Хадзарат Х.* Письмо Пшемахо Коцеву // Центральный Государственный архив Республики Дагестан Ф. 621-Р. Оп. 1. Д. 28. Л. 2-7.

PEFERENCES

Arhiv Ali Mardana Beka Topchibashi (Topchibasheva) [Archive of Ali Mardan Bek Topchibashi (Topchibasheva)]. In: Biblioteka Centra po izucheniju sovremennoj Rossii, Kavkaza i Central'noj Evropy // École des Hautes Études en Sciences Sociales (Vysshaja shkola social'nyh nauk). (CERCEC, EHESS). Parizh. Francija. (In Russ.).

Arhiv vneshnih del Francii [Archive of Foreign Affairs of France]. № 3812. (in French.).

ANONIM. *Gorskaja respublika i Azerbajdzhan* [Mountain Republic and Azerbaijan]. In: Kavkaz. – 1934. – № 1. (In Russ.).

GUSEJNOVA I.S. *Problema mezhdunarodnogo priznanija Gorskoj respubliki* [The problem of international recognition of the Mountain Republic]. In: Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. – 2015. – T. 7. – № 5. P. 121-125. (In Russ.).

KAZAKOV A.V. *Dejatel'nost' organov bezopasnosti Kabardino-Balkarii po nejtralizacii podryvnyh akcij jemigrantskih organizacij v 20-h - 50-h gg. XX veka* [The activities of the security agencies of Kabardino-Balkaria to neutralize the continuous actions of emigrant organizations in the 20s–50s. XX century]. Diss… kand. ist. nauk. – Moskva, 2005. – 270 p. (In Russ.).

Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian State Military Archive]. F. 461 k. Op. 1. D. 359. (In Russ.).

Semejnyj arhiv Gadzhemukovyh [Hajemukov Family Archive]. (In Russ.).

SOCKOV L.F. *Neizvestnyj separatizm. Na sluzhbe SD i Abvera: iz sekretnyh dos'e razvedki* [Unknown separatism. In the service of SD and Abwehr: from secret intelligence files]. – M.: RIPOL KLASSIK, 2003. – 329 p. (In Russ.).

Hronika [Chronicle]. In: Gorcy Kavkaza. – 1932. – № 27. (In Russ.).

Hronika. Severnyj Kavkaz [Chronicle. North Caucasus]. – 1936. – № 26, 30, 32. (In Russ.).

HADZARAT H. *Pis'mo Pshemaho Kocevu* [Letter to Przemaho Kotsev]. In: Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan. F. 621-R. Op. 1. D. 28. L. 2-7. (In Russ.).

Информация об авторе

И.Л. Бабич – доктор исторических наук.

Information about the author

I.L. Babich – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 02.05.2023 г.; одобрена после рецензирования 09.06.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 02.05.2023; approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-87-104
EDN: GQTKEM

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Алим Инзрелович Тетуев
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, alim-tetuev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4387-291X

Аннотация. В статье исследована актуальная проблема – организация медицинского обслуживания населения Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны. На основе новых архивных документов и других источников изучены особенности охраны здоровья населения в экстремальных условиях войны. Проведен сравнительный анализ кадрового и материально-технического обеспечения лечебных учреждений республики на начало 1941 года и послеоккупационный период (1943–1945 гг.) выявлены проблемы и их решение. Рассмотрена роль государственных органов власти и общественности в организации лечения раненых воинов в госпиталях и помощи им в улучшении жилищно-бытовых условий**.** Обобщен опыт работы государственных органов власти, учреждений здравоохранения и общественных организаций по обеспечению лечебно-профилактической и противоэпидемической помощи населению республики. Проанализированы показатели инфекционных заболеваний, младенческой смерти, вакцинации населения за 1943–1945 гг. Выявлены основные причины эпидемии. Сделан вывод, что, несмотря на большие трудности военного времени, благодаря деятельности государственных органов власти, учреждений здравоохранения и общественных организаций удалось обеспечить охрану здоровья населения республики.

Ключевые слова: война, здравоохранение, врачи, медсестры, население, эвакогоспиталь, население, инфекционные болезни, лечение, быт, питание.

Для цитирования: Тетуев А.И. Организация медицинского обслуживания населения Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 87-104. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-87-104. EDN: GQTKEM.

© Тетуев А.И., 2023

Original article

ORGANIZATION OF MEDICAL SERVICE FOR THE POPULATION OF KABARDINO-BALKARIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Alim I. Tetuev

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alimtetuev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4387-291X

Abstract. The article explores an urgent issue - the system of medical care for the population of the Kabardino-Balkaria Republic during the Great Patriotic War. Based on new archival documents and other sources, the features of public health protection in extreme conditions of war have been studied. A comparative analysis of the personnel, material, and technical support of medical institutions of the republic at the beginning of 1941 and the post-occupation period (1943–1945) was conducted; problems and their solutions were identified. The role of state authorities and the public in organizing the treatment of wounded soldiers in hospitals and helping them improve their living conditions is considered. The experience of the work of state authorities, health care institutions and public organizations in providing medical, preventive and anti-epidemic assistance to the population of the republic is summarized. The indicators of infectious diseases, infant death, vaccination of the population for 1943–1945 are analyzed. The main causes of the epidemic have been identified. It is concluded that, despite the great difficulties of wartime, by virtue of the activities by state authorities, health care institutions and public organizations, it was possible to ensure the protection of the health of the population in the republic.

Keywords: war, healthcare, doctors, nurses, population, evacuation hospital, population, infectious diseases, treatment, life, food.

For citation: Tetuev A.I. Organization of medical service for the population of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic war. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 87-104. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-87-104. EDN: GQTKEM.

© Tetuev A.I., 2023

Введение

Организация системы здравоохранения оказывает существенное влияние на жизнеобеспечение населения, поэтому изучение опыта охраны здоровья населения в экстремальных условиях Великой Отечественной войны (далее – ВОВ) является актуальной проблемой и имеет научно-практическое значение на современном этапе.

Вопросы развития здравоохранения в годы ВОВ нашли отражение в многочисленных работах советского периода, однако следует отметить, что накопленный материал не был в достаточной мере осмыслен на основе современных методологических принципов.

В постсоветский период особый интерес представляет двенадцатитомное издание «История Великой Отечественной войны». Проблемы оказания медицинской помощи городским и сельским жителям и тенденции демографического развития освещение в 10 томе [ВОВ 2014]. Региональные особенности вопросов развития системы здравоохранения рассмотрены в исследованиях Т.З. Ахмадова, Я.З. Ахмадова, Ю.А. Давыдовой, И.В. Карташева [Ахмадов Я.З., Ахмадов Т.З. 2017; Давыдова 1999; Карташев 2020]. В работах З.Р. Аликовой, Л.А. Анаевой, К.К. Фидаровой, Ф.У. Козыревой, С.З. Салбиевой, В.Ш. Шогеновой нашли отражение некоторые вопросы состояния и развития здравоохранения в период Великой Отечественной войны на Северном Кавказе и в Кабардино-Балкарии [Аликова и др. 2018; Салбиева 2009; Шогенова 1966]. Различ-

ные формы оказания социальной помощи раненым в эвакогоспиталях подробно изучены в нашей работе [Тетуев 2021: 175–221].

Анализ литературы по исследуемой теме показывает, что, несмотря на наличие целого ряда работ, отсутствует комплексное научное исследование по охране здоровья гражданского населения в годы ВОВ в Кабардино-Балкарии, что обусловило наше обращение к теме данной статьи.

Объект исследования – система здравоохранения Кабардино-Балкарии в годы ВОВ.

Предмет исследования – деятельность органов государственной власти и учреждений здравоохранения Кабардино-Балкарии по охране здоровья гражданского населения.

Цель исследования – изучение и обобщение опыта работы системы здравоохранения республики в годы ВОВ с учетом региональной специфики.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, научности, объективности и системности. В работе использованы историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический методы, а также метод социального анализа.

Задачи исследования:

1. Изучить кадровое и материально-техническое обеспечение лечебных учреждений.

2. Исследовать формы помощи в организации лечения и жилищно-бытовых условий раненых воинов в эвакогоспиталях**.**

3. Обобщить опыт работы государственных органов власти, общественных организаций и учреждений здравоохранения по обеспечению лечебно-профилактической и противоэпидемической помощи населению республики

Научная новизна. Анализ архивных документов и других источников позволил автору впервые в отечественной историографии на региональном уровне реконструировать объективную, максимально приближенной к действительности опыт работы государственных органов власти и учреждений здравоохранения Кабардино-Балкарии по охране здоровья гражданского населения.

Кадровое и материально-техническое обеспечение лечебных учреждений

С началом ВОВ проводилась перестройка всей жизни советского общества в интересах фронта и тыла, в том числе системы здравоохранения КБАССР. В результате изменений основными задачами медицинских учреждений республики стали организация лечения раненых и больных воинов Красной Армии в тылу и на фронте, медико-санитарное обслуживание населения тыла, санитарно-гигиенические и противоэпидемические работы.

Система здравоохранения республики благодаря активному предвоенному развитию в основном приблизилась к показателям РСФСР, однако была ниже в части обеспечения населения медицинским персоналом и материально- технического оснащения лечебно-профилактических учреждений

Таблица 1.

Основные показатели развития здравоохранения КБАССР на начало 1941 года [Составлено по: НХ РСФСР 1977: 276–278; НХ КБАССР 1957: 105].

	РСФСР	Северный Кавказ	КБАССР
Число врачей всех специальностей в том числе:	90 842	9113	246
в городах и рабочих поселках	–	–	169
в сельских местностях	–	–	**77**
Обеспеченность населения врачами (в расчете на 10000 человек населения) в 1940 г.	8,2	8,5	6,7
Число среднего медицинского персонала на начало года	290 000	–	842
Число медицинских учреждений, в том числе	8500	–	206
больничных учреждений		–	37
фельдшерских, акушерских и др. пунктов	25 127	2254	136
число женских консультаций, детских поликлиник и амбулаторий	4917	522	33
Число больничных коек, в том числе	482 000	41 900	1400
в городах и рабочих поселках	–	–	814
в сельских местностях	–	–	586

Анализ данных, приведенных в таблице 1, показывает, что на начало 1941 г. обеспеченность врачами на 10 тыс. населения в Кабардино-Балкарии была ниже, чем в РСФСР на 1,5 и Севером Кавказе –1,8 врача.

В годы войны сотни медицинских работников – мобилизованных и добровольцев – уроженцев Кабардино-Балкарии ушли на фронт, в их числе: Джабраил Джантиев – военврач 2 ранга, начальник медицинской службы 115 Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, Сергей Першин – начальник медсанбата, Харун Макоев – гвардии капитан медицинской службы, Джанзилят Дзугурова – капитан медицинской службы, начальник 2 отделения госпиталя, З.А. Лопухина – начальник аптеки стрелкового полка, старшая медсестра, Маруся Андросова – военврач 3 ранга, Владимир Любиев, Л. Любиева –супруги, военврачи, Баблина Машезова – старшая медсестра, лейтенант медицинской службы, Фаризат Оракова – старший сержант медицинской службы, командир санитарного взвода, С.П. Жириков – старший военфельдшер, медицинские сестры Фатима Кокожева, Мария Шомахова, Саният Базоева, Ольга Дурнева, Ольга Русакова, Л.Д. Лобанова, Ефросинья Чеховская, Марина Макоева, Мария Гребенюк, Прасковья Гончарова и др. [Апажева, Тлизамова 2014: 245–248; Маслов, Беров 1985: 6–11]. В связи с эти дефицит врачей и среднего медицин-

ского персонала в республике стал ощущаться еще острее, так как многие из них ушли на фронт и работали в эвакогоспиталях, размещенных в республике.

Для обеспечения массовой подготовки медицинских сестер и сандружинниц организациями общества Красного Креста и Красного полумесяца (далее – РОККА) приказом Наркомздрава СССР «О массовой подготовке медицинских сестер запаса и санитарных дружинниц» (от 7 июля 1941 г.) все курсы медсестер и учебные санитарные дружины обеспечивались врачами-преподавателями, лечебными базами [ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 382. Л. 53]. Повсеместно по всей стране, в том числе на базе Кабардино-Балкарского государственного пединститута, были созданы курсы медсестер, на которых обучались 170 девушек [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1326. Л. 50].

Всего за годы войны в республике было подготовлены 263 человека (медицинские сестры, санитарные инструкторы, сандружинницы). В Нальчикской фельдшерско-акушерской школе в первом полугодии 1944-1945 учебного года обучались 207 человек, всего с 1932 по 1942 г. подготовлено 1068 специалистов, из них 272 фельдшера и 99 зубных врачей [Маслов, Беров 1985: 49, 50]. За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество, многие медицинские работники были награждены орденами и медалями СССР [ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 3132; Д. 6154; Д. 4032; Оп. 690306. Д. 3558; Д. 35088; Оп. 25088. Д. 126; Ф. 424. Оп. 10247. Д. 58].

Помимо этого, согласно распоряжению Совнаркома СССР от 19 марта 1943 г., Совнарком КБАССР в целях привлечения медицинских работников в районы и села республики своим постановлением (от 2 апреля 1943 г.) обязал горрайисполкомы, наркоматы и хозяйственные организации предоставлять медикам без очереди жилье и другие социальные льготы. Кроме этого, в смете Наркомздрава республики на 1943 г. было предусмотрено 60 тыс. руб. на покрытие расходов, связанных с отправкой в районы медиков, прибывающих из других республик, краев и областей [УЦГА АС КБР. Ф. Р-556. Оп. 2. Д. 4. Л. 87]. Так, в первом квартале 1943 г. для работы в освобожденную Кабардино-Балкарию по распоряжению Наркомздрава СССР были направлены 25 врачей [Маслов, Беров 1985: 82]. Совнарком КБАССР 15 мая 1943 г. утвердил объем работ по восстановлению народного хозяйства городов и районов республики на сумму 11 350,0 тыс. руб., в том числе по здравоохранению 1 250, 0 тыс. руб.

Несмотря на это по отдельным показателям развития здравоохранения республики не удалось достичь уровня довоенного периода. Например, в 1945 г. по сравнению с 1941 г. было ниже число врачей в 1,09 раза, женских консультаций, детских поликлиник и амбулаторий в 1,4 раза, обеспеченность больничных коек в 1,2 раза.

Финансирование здравоохранения осуществлялось из республиканского бюджета (см. таб. 1).

Таблица 2.

Расходы государственного бюджета КБАССР на здравоохранение за 1941–1945. гг.
[Составлено по: УЦГА АС КБР. Ф. 696. Оп. 1. Д. 352. Л. 66; Д. 353. Л. 39 об.; Д. 354 Л. 114; Д. 353. Л. 29 об.].

1941		1942	1943		1944		1945	
Назначение	исполнение		назначение	исполнение	назначение	исполнение	назначение	исполнение
20 180,0	17 874,3	–	10 672,8	8620,1	15745,2	13703,8	18531,0	1644,5,0

Как видно из таблицы 2, объем запланированного финансирования в 1943 г. по сравнению с 1941 г. был ниже в 1,9 раза, соответственно в 1944 г. – в 1,3 раза, в 1945 г – в 1,2 раза. При этом плановые показатели финансирования постоянно не выполнялись, что отражалось на качестве оказания медицинской помощи населению.

Организации лечения и жилищно-бытовых условий раненых воинов в эвакогоспиталях

Важным направлением деятельности государственных органов и общественности Кабардино-Балкарии в годы ВОВ являлась помощь раненным воинам в эвакогоспиталях, размещенных на территории республики

В целях улучшения медицинского обслуживания бойцов и командиров Красной Армии, решением бюро обкома ВКП (б) от 25 сентября 1941 г. были созданы Кабардино-Балкарский комитет по оказанию помощи по обслуживанию воинов и отдел Наркомздрава республики по руководству эвакогоспиталями [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 246. Л. 4].

К началу 1942 г. в КБАССР функционировали 14 эвакогоспиталей на 13 тысяч человек. Они были размещены в санаториях, домах отдыха, гостиницах, в зданиях Кабардино-Балкарского пединститута, техникумов школ республики. Раненых бойцов и командиров лечили 225 врачей, 745 медсестер и фельдшеров, в том числе медицинский и обслуживающий персонал из Кабардино-Балкарии: Н.П. Челегий – начальник эвакогоспиталя № 2441, Л.И. Козьмина – начальник госпиталя № 3194, С. Першин – начальник медсанбата, Н.А Цахилова (Кожева), председатель гарнизонной врачебной комиссии, А.Т. Джашитьян – стоматолог, Б.Х. Шухова, Н.А Северская, А.В. Маревичев, И.П. Харегезян, В.С. Петрова и другие [КБТФ 2005: 22].

Создавались госпитали для оказания специализированной медицинской помощи. В лечении раненых, наряду с лекарственными средствами, широко применялись физиотерапия, грязелечение, минеральные ванны и лечебная физкультура. Так, физиотерапевтическим отделением эвакогоспиталя № 2347 за первый квартал 1942 г. было отпущены 9562 электоротерапевтические, световые, механические и парафиногрязелечебные процедуры. Лечебной физкультурой занимались 1309 человек [Маслов, Беров 1985: 8, 13, 14, 17, 45]. Комплексное лечение раненых сокращало сроки выздоровления. Только с июля 1941 г. по октябрь 1942

г. через эвакогоспитали вернулись на фронт около 60 тысяч бойцов, командиров, политработников [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. .5. Л. 32–39].

Большую помощь в излечении раненых оказывали доноры республики, причем в основном молодежь. В числе лучших из них были Т.А. Карданова, А.Т. Коновалова, Е.З. Гадараж, О.П. Жидаева, С.Д. Щербакова, Е.В Богданова, О.П. Осипова, А.А. Иванова, А.Ф. Маракулина, М.В. Терещенко, Н.И. Михайлова и другие [УЦГА АС КБР. Ф. 214. Оп. 6. Д. 11. Л. 22].

В целях повышения качества обслуживания раненых для работы в эвакогоспитали привлекали медсестер и сандружинниц. Например, в госпитале № 2442 работали Вера Кудзиева, Прасковья Шатова, Мария Юдинцова, Марта Крутикова, Екатерина Панфелюк, Елена Ануарова, Маша Фомичева, Сакинат Наршаова, Нина Сокурова, Зоя Махиева, Рая Терникова, Анна Ефременко и другие [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1. Л. 34–36].

Государственные органы власти и общественные организации республики постоянно следили за деятельностью эвакогоспиталей, расположенных на территории Кабардино-Балкарии, и оказывали им необходимую помощь. Так, состояние эвакогоспиталей обсуждали Совнарком республики (2 июля 1942 г.), Президиум Верховного Совета КБАССР (20 сентября 1941), бюро обкома ВКП (б) (24 марта 1945 г.), при этом были выявлены недостатки: недостаточная укомплектованность врачами, бытового обустройства и питания раненых воинов [ЦГА АС КБР. Ф. 717. Оп. I. Д. 184. Л. 4, 5; Ф. 556. Оп. 1. Д. 7. Л 1, 2; УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1 Д. 246. Л. 4].

Силами и средствами промышленных предприятий, государственных учреждений и гражданского населения госпитали были снабжены мебелью, коврами и др., комсомольцами республики было собрано более 20 тысяч различных предметов [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 16].

Колхозники сельхозартели «Новая жизнь» Прималкинского района организовал сбор продуктов для госпиталя в ст. Солдатской. Колхозницы, жены фронтовиков отдавали «на колхозную ферму удой молока от своих коров для выработки масла и отправки для раненых бойцов». Пять вагонов овощей и фруктов привезли колхозники сельхозартели им. Ленина Нальчикского района раненым бойцам, лечившимся в госпитале № 2442 в Долинске [УЦГА АС КБР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 9. Л. 13]. В тыловых госпиталях, расположенных на территории КБАССР, делали все возможное, чтобы раненые вернулись на фронт. Так, в корреспонденции «Материнская забота о раненых» от 25 января 1943 г. М. Данилова писала: «В госпитале города Нальчика, кроме раненых мужчин, есть и раненые девушки. Две из них могут ходить, а остальные лежат. Каждый день с раннего утра до поздней ночи за нами ухаживает мать советского война Яховчука, находящегося на фронте с начала войны, – Евдокия Антоновна. Ей 50 лет. Дома у нее сын, 11 лет. Материально она живет скромно и, несмотря на все это, ежедневно чуть свет бегом спешит в госпиталь ухаживать за нами, ранеными дочерьми…» [КБВОВ 1975:443].

В связи с приближением фронта к территории Кабардино-Балкарской АССР, а затем временной оккупацией её немецко-фашистскими войсками, в 1942 г. госпитали вынуждены были эвакуироваться, часть из них была расфор-

мирована. Оставшиеся на оккупированной территории лечебно-профилактические учреждения целиком были выведены из строя оккупантами, оборудование и материально-имущественные ценности варварски разграблены и уничтожены. После освобождения республики в 1943 г. эвакогоспитали возобновили свою работу. Они разместились следующим образом: в г. Нальчике – 12 управление **головного** эвакуационного пункта (далее – ГПЭП) с эвакуационным приемником на 350 человек, госпитали № 2442 на 500 коек, № 2150 на 300 коек, инфекционный госпиталь № 4291, 50 управление ГПЭП на 500 коек; в городе Прохладном – госпитали № 215, 4335, 576, 2031, 11; в Муртазово – госпитали № 2323 и № 575. Для более эффективной помощи раненым применялось комплексное лечение, включающее тепловые ванночки, лечебную физкультуру, массаж, парафинолечение и грязелечение [Маслов, Беров 1985: 88–96].

Было возобновлено шефство над госпиталями колхозов, совхозов, общественных организаций и населения. Например, большую помощь оказали активистки общества Красного Креста. Ими было собрано и передано госпиталям 138 кроватей, 335 стульев, 3206 тарелок, 1020 салфеток, 815 подушек, 1340 стаканов, 1837 столовых ложек, 736 графинов, 2146 книг, более 2000 яиц, 616 килограммов сала, 117 мешков сухих фруктов, 1837 пачек папирос и тысячи других вещей [ЦДНИ АС КБР. Ф. 690. Оп. 2. Д. 6. Л. 27].

Организация лечебно-профилактической и противоэпидемической помощи населению республики

Другим направлением деятельности учреждений здравоохранения была лечебно-профилактическая работа. Эвакуация населения из прифронтовых территорий населения на территорию республики, ухудшение санитарно-бытовых условий и питания, а также неподготовленность лечебных учреждений к работе в зимних условиях создали условия для эпидемий. В декабре 1941 г. и январе 1942 г. в республике произошел рост численности инфекционных заболеваний. Так, в 1941 г. зарегистрированы 3132 заболевших корью (увеличение против 1940 г. на 1162 случая), дифтерией – 279 (увеличение на 118), сыпным тифом – 92 за 25 дней января 1942 г. (в 1941 г. – 105 человек). В связи с этим в феврале 1942 г. бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б), обсудив состояние здравоохранения, обязало Наркомат здравоохранения республики принять меры к улучшению работы по медицинскому обслуживанию населения, обратив особое внимание на вопросы профилактики и борьбы с эпидемическими заболеваниями [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 38].

Следует отметить, что инфекционные болезни распространились и в других регионах страны. В связи с этим ГКО СССР г. принял постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной армии» (2 февраля 1942 г.), в котором предусматривался комплекс мер: улучшение санитарно-бытовых условий населения, проведение *поголовной иммунизации против острых кишечных инфекций* (выделено – *А.Т.*), создание подвижных эпидотрядов и чрезвычайных противоэпидемических комиссий [РГАСПИ Ф. 644. Оп. 2. Д. 35. Л. 171-174].

Во исполнение указанного документа во всех республиках, областях, районах и городах при исполкомах Советов, в том числе и в Кабардино-Балкарии, были созданы чрезвычайные эпидемиологические комиссии.

В условиях приближения фронта на основе постановления ГКО от 1 октября 1941 г. обком ВКП (б) принял постановление о создании оборонительного рубежа в Кабардино-Балкарии. В период 1941-1942 гг. медицинское обслуживание контингента, занятого в строительстве оборонительных сооружений (66 тыс. человек), осуществляли врачи и медсестры республики [КБВОВ 1975: 87,89].

Во время временной оккупации КБАССР в подразделениях народного ополчения, истребительных батальонах и партизанских отрядах активное участие принимали медицинские работники Евгения Вертепова – врач объединенного партизанского отряда, Вера Макагон, Мотя Арахова, Нина Барсукова и другие [Маслов, Беров 1985: 71–76].

Вследствие временной оккупации немецко-фашистскими войсками территории КБАССР (август 1942 – 13 января 1943 гг.) произошел рост заболеваемости инфекционными и другими болезнями, которые были обусловлены ущербом, нанесенным здравоохранению республики. Немцы уничтожили всю лечебно-профилактическую базу, которая была к началу 1941 г.: сожгли больницы, поликлиники, санэпидемическую и зобную станции, фельдшерско-акушерскую школу в г. Нальчике, районные и сельские больницы, поликлиники, амбулатории, фельдшерско-акушерские пункты, уничтожили лечебное оборудование. Всего стоимость разрушений лечебно-медицинских зданий, оборудования, аппаратуры, инвентаря составляла 15 545,5 тыс. руб. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 292. Оп. 1 Д. 78. Л. 5, 6].

Кроме того, оккупанты зверски убили многих медицинских работников, в их числе заместителя наркома здравоохранения П.В Андреева, врачей В.И. Кищенко, В.Г. Мерейно, Шафран, управляющего аптекой № 1 города Нальчика М.Б. Зусман, медицинских сестер Степановскую, М.А. Школьник, Ю.Г. Шейнкман [Лики войны 1996: 307].

В таких трудных условиях проводилась лечебно-профилактическая работа. В целях ликвидации очагов сыпного тифа Чрезвычайная противоэпидемическая комиссия республики 11 февраля 1943 г. утвердила план мероприятий, направленных на борьбу с инфекционными заболеваниями [УЦГА АС КБР. Ф. 556. Оп. 1 Д. 4. Л. 15]. В рамках реализации которого несколько тысяч жителей городов и сел приняли участие в очистке улиц от мусора, убрали территории разрушенных зданий, привели в порядок уцелевшие дома. Параллельно медиками проводился оперативный учет заболевших, направлялись противоэпидемические отряды в города и села, были открыты временные изоляторы и больницы.

Вопросы здоровья и медицинского обеспечения населения были предметом обсуждения государственных и общественных организаций республики. Так, Совнарком КБАССР 12 марта 1943 г. утвердил план мероприятий по борьбе с детскими болезнями, реализация которых позволила открыть в городах и районных поселках детские консультации, молочные кухни, стационары для

пациентов. Помимо этого, проводились регулярные прививки против дизентерии и токсической диспепсией [УЦГА АС КБР. Ф. 556. Оп. 1 Д. 4. Л. 44].

22 марта 1943 г. Совнарком КБАССР, обсудив результаты выполнения постановления от 2 февраля 1943 г. «О ходе восстановления органов здравоохранения и санитарного состояния республики», отметил: «…Наряду с восстановлением работы 2 поликлиник, 35 амбулаторий, санитарно-эпидемической станции, зобной станции и 2 больниц на 200 коек, со стороны Наркомздрава и его местных органов не приняты должные меры по обеспечению медицинского обслуживания населения» [УЦГА АС КБР. Ф. 556. Оп. 1. Д. 4 Л. 51].

Приказом Наркомздрава РСФСР для оказания помощи в восстановлении медико-санитарной сети и ликвидации очагов инфекционных заболеваний, а также организации медико-санитарного обслуживания населения в республику был командирован в 1943 г. инфекционист Зейман. Кроме того, были отпущены по установленным нормам мануфактура, медикаменты и медицинский инструментарий, дезсредства и дезоборудование, а также необходимая справочная и медицинская литература для лечебных учреждений. Из Куйбышева прибыл эпидотряд из 6 человек во главе с эпидемиологом Смагиным [Маслов, Беров 1985: 81]. В результате в каждом районе был организован эпидотряд с соответствующим имуществом, созданы временные эпидкойки для обеспечения полной госпитализации больных сыпным тифом, брюшным тифом, дизентерией и скарлатиной. Несмотря на трудные условия, в начале 1943 г. в районы было направлено 8 противоэпидемических бригад с дезинфекционными средствами, медикаментами, организовано 16 инфекционных изоляторов на 230 коек. В 1943–1944 гг. была проведена вакцинация населения республики (см. таб. 3).

Таблица 3.

Профилактические прививки населения КБАССР за 1943–1944 гг. [Составлено по: УЦГА АС КБР. Ф. Р. 15. Оп. 1. Д. 5. Л. 6; Ф. Р-499. Оп. 3. Д. 5. Л. 1, 1 об.].

Наименование мероприятий.	1943 год			1944 год		
Вакцинированы против ..	План	Выполнение	В %	План	Выполнение	В %
оспы ревакцинированы	3000 70000	8937 30112	298,0 43,0	13000 70000	12695 52005	97,6 74,3
брюшного тифа	20000	16016	80,	30000	23859	79,5
дизентерии	20000	4567	22,8	25000	21476	45,9
дифтерии ревакцинированы	10000 10000	9867 7498	98,7 75,0	20000 18000	14257 7540	71,2 41,9
столбняка	4000	3154	79,0	4000	1749	43,7

Кори	–	–	–	–	3711	–
скарлатины	–	–	–	–	195	–
сыпного тифа	–	–	–	1520	4438	292,0

Анализ данных таблицы 3 и архивных документов показывает, что при общей численности населения на 1 сентября 1944 г. 285195 человек [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1 Д. 982. Л. 4, 5] было вакцинировано от инфекционных заболеваний, в частности оспы – 4,5 %, брюшного тифа – 8,4 %, дизентерии – 7 %, дифтерии – 5 %, столбняка – 0,61 %, кори – 1,3 %, скарлатины – 0,07 %, кори – 1,3 %. При этом следует отметить, что плановые показатели вакцинации за указанный период не выполнялись (исключение: от оспы в 1943 г. – 298,0 %). Наряду с этим, требование о поголовной иммунизации против острых кишечных инфекций (брюшного тифа и дизентерии) не было выполнено. Основными причинами явились отказ от прививок части населения, отсутствие медикаментов, транспорта и среднего медицинского персонала.

Несмотря на проведение профилактических мероприятий, санитарно- эпидемическое состояние и в 1944 г. оставалось неудовлетворительным. Так, в докладной записке инструктора обкома ВКП (б) Сизякиной «О работе Наркома здравоохранения КАССР» от 28 августа 1944 г. отмечалось: «…Большая часть лечебных учреждений после оккупации еще не восстановлена, не хватает медицинского оборудования и инструментария, мебели… Лечебно-профилактические учреждения находятся в антисанитарном состоянии. Работа здравоохранения осложняется в связи ростом в республике инфекционных заболеваний» [УЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1 Д. 923. Л. 63].

Анализ указанного документа показывает, что в 1944 г. по сравнению 1943 г. количество заболевших была ниже: сыпным тифом в 1,5 раза (835 в абсолютной численности), брюшным тифом – 4,2 (25 в абсолютной численности), скарлатиной – 1,9 (25 в абсолютной численности), дифтерией –3,9 (37 в абсолютной численности), чесоткой – 1,2 (2908 в абсолютной численности) [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1 Д. 982. Л. 4, 5].

Помимо этого, анализ архивных документов позволяет утверждать, что рост числа инфекционных заболеваний был связан также с миграционными процессами: с июля 1941 по октябрь 1942 г. через госпитали прошли до 60 тыс. раненых воинов Красной Армии; в феврале 1944 г. в республике проживали 4690 эвакуированных из прифронтовых территорий страны; накануне временной оккупации территории КБАССР было эвакуировано в Закавказье и Среднюю Азию 7647 человек, а после освобождения от оккупантов – реэвакуированы [Тетуев 2021: 131; КБВОВ 1975: 423, 467].

Состояние с заболеваемости и распространение эпидемии отражено в справке (16 марта 1946 г.) уполномоченного Госплана СССР по КАССР В. Дмитриенко секретарю Кабардинского обкома ВКП (б) (см. таб.4)

Таблица 4.

Численность инфекционных заболеваний в КБАССР 1943 –1945 гг. [Составлено по: УЦГА АС КБР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 14. Л. 2–6; УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1 Д. 982. Л. 4, 5].

№№ п./п.	Виды болезней	Численность заболевших		
		1943 г.	1944 г.	1945 г.
–	Сыпной тиф	1329	1107	1947
–	Брюшной тиф	103	219	108
–	Скарлатина	47	89	266
–	Дифтерия	118	37	91
–	Дизентерия	201	321	173
–	Туберкулез	–	366	–
–	Чесотка	3423	2908	–
–	Корь	107	2561	1676
–	Сибирская язва	4	11	–
–	менингит	17	–	–
–	Зоб	–	44	–
–	Бруцеллез	3	8	19
–	Грипп	2998	5041	6221
–	Малярия	18160	15786	12557

Анализ таблицы 4 и архивных документов показывает, что в 1945 г. по сравнению с 1943 г., количество заболевших было выше: бруцеллезом в 6,3 раза, брюшным тифом в 4,2 раза, скарлатиной в 1,9 раза, сыпным тифом – в 1,5 раза, чесоткой в 1,2 раза. В то же время в 1944 г. по сравнению с 1943 г. стало больше заболевших корью в 7 раз, сибирской язвой – в 2,7 раза, дизентерией – в 2 раза, а также заболело туберкулезом 366 , зобом – 44 человек.

Анализ указанной справки и других архивных документов позволил выявить причины роста заболевших: антисанитарное состояние территорий, улиц, дворов, жилых помещений, отсутствие бань и приспособленных водоемов для сельских жителей, несоответствие профилактических мероприятий, лечебной работы медицинским требованиям (нехватка врачей и младшего медицинского персонала, низкая пропускная способность населения через амбулатории и поликлиники, неудовлетворительное питание, эвакуация, реэвакуация населения и как следствие – перенаселенность территорий, низкое качество жизни и жилищных условий).

Особое внимание уделялось борьбе с туберкулезом. В целях улучшения лечебно-профилактической помощи туберкулезным больным и проведения органами здравоохранения оздоровительных мероприятий по борьбе с туберкулезом Совнарком СССР принял 5 января 1943 г. постановление «О мероприятиях

по борьбе с туберкулезом», в котором предусматривалось увеличение коек в стационарах, специализированных детских домах и лесных школах. Наркомздрав СССР выделил помещения на 6 тыс. коек для организации противотуберкулезных лечебных учреждений в республиках, краях и областях, в том числе и в КБАССР – 25 коек [ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 210. Л. 1-3]. В рамках реализации постановления в Нальчикской городской больнице была восстановлена деятельность противотуберкулезного диспансера и развернуто туберкулезное отделение на 40 коек. В июле 1943 г. в Долинске начал свою деятельность детский туберкулезный санаторий на 48 человек, который сыграл важную роль в лечении очень тяжелой группы больных – детей со специфическим туберкулезным поражением опорно-двигательного аппарата.

В другом постановлении Совнаркома КБАССР от 12 марта 1944 г. отмечалось: «…В работе больниц, амбулаторно-поликлинических учреждений имеется ряд существенных недостатков: не во всех больницах оказывается специализированная помощь населению, отсутствуют процедурные кабинеты и контроль над качеством и результатами лечения. Нет должной заботы о питании больных. Снабжение лечебных учреждений и населения медикаментами организовано неудовлетворительно. В городах, районных центрах и селах скорая и неотложная помощь по существу не обеспечивается из-за отсутствия транспорта» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1 Д. 982. Л. 1–3].

Все это отразилось на уровне младенческой смертности в республике в послеоккупационный период. Важным индикатором, отражающим социально-экономическое благополучие региона, состояние здоровья населения и качество медицинской помощи, является уровень младенческой смерти. В таблице 5 представлены показатели рождаемости и смертности за 1944-1945 гг.

Таблица 5

Данные о естественном движении населения КБАССР за 1943–1945 гг. [Составлено по: УЦГА АС КБР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1697. Л. 4, 4 об.; Д. 1701. Л. 3, 3 об.; Д. 1706. Л. 36].

Зарегистрировано	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Рождений всего, в том числе в городах и рабочих поселках, в сельских местностях	3092 951 (30,8 %) 2141 (69,2 %)	2044 731 (35,8 %) 1313 (64,2 %)	4096
Смертей – всего, в том числе в городах и рабочих поселках, в сельских местностях	2023 (65,4 %) 916 (29,6 %) 1107 (35,8 %)	2007 (98,0 %) 1064 (52,0 %) 943 (46,0 %)	1912(46,8 %)
Смертей в возрасте до 1 года, Всего, в том числе в городах и рабочих поселках, в сельских местностях	207 (10,2 %) 132 (36,2 %) 75 (63,8 %)	137 (6,8 % 60 43,8 % 77 (56,2 %	139 (7,2 %)

Смертей в возрасте старше 1 года всего, в том числе	1816 (89,8 %)	1870(93,2 %)	1773(92,8 %)
в городах и рабочих поселках,	841 (46,3 %)	1004 (53,7 %)	
в сельских местностях	975 (53,7 %)	866 (46,3 %)	

Сравнительный анализ таблицы 5 показывает, что 1945 г. по сравнению 1943 и 1944 гг. общая численность смертности была ниже соответственно на 18,6 %, и 51,2 %. При этом смертность в возрасте до одного года в 1943 г. составила 10,2 %, в 1944 г. – 6,8 %, в 1945 г. – 7,2 %.

Основные причины смертности были связаны с недостатком продуктов питания, лекарств, ухудшением санитарно-гигиенической обстановки, ростом численности инфекционных заболеваний, снижением качества медицинского обслуживания.

Исследователи З.Р. Аликова и другие, анализируя показатели деятельности детских консультаций в Кабардино-Балкарии, справедливо считают, что «число самостоятельных детских консультаций в период оккупации республики в 1942-1943 гг. и в послеоккупационный период сократилось в сельской местности в 2 раза. Почти в 10 раз сократилось количество визитов к врачу в городе. Число посещений, сделанных на дому врачами и средними медицинскими работниками, на селе снизилось в 5 раз. Ощущалась острая нехватка педиатров, особенно с опытом работы. Женские консультации были укомплектованы медицинскими сестрами только на 80 %, педиатрами – на 60 % [Аликова и др. 2018: 125, 126].

Анализ архивных документов свидетельствуют о том, что продовольственные трудности в стране и в республике оказывали негативное влияние на питание население, в том числе на больных, находившихся на стационаре.

Для улучшения продовольственного снабжения населения СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих от 7 апреля 1942 г.». Во исполнение указанного документа Совнарком КБАССР выделил предприятиям, учреждениям, в том числе лечебным учреждениям, земли, а также рабочим и служащим для организации подсобных хозяйств и индивидуального огородничества [УЦГА АС КБР. Ф. Р-556. Оп. 2. Д. 4. Л. 79, 80].

Профсоюзные организации медработников республики занимались организацией этой работы. В докладе обкома союза медсанработников «Об улучшении бытового обслуживания медицинских работников КАССР» от 25 января 1945 г. отмечалось: «…Из 29 подсобных хозяйств, одно из лучших оказалось подсобное хозяйство костно-туберкулезного санатория, коллектив которого собрал урожай: картофеля с 2 га – 245 ц, кукурузы с 0,10 га – 3 ц, огурцов с 0,05 га – 8,5 ц, бурака с 0,06 га – 5,0 ц [УЦГА АС КБР. Ф. Р-556. Оп. 2. Д. 4. Л. 16].

Заслуживает внимания и опыт работы подсобного хозяйства Екатериноградского врачебного участка Прохладненского района (заведующая М. Кражевная). В 1945 г. коллектив врачебного участка собрал в подсобном хозяйстве кукурузы – 2150 кг, картофеля – 400 кг, свеклы – 400 кг, фасоли – 60 кг, лука – 1000 кг, арбузов – 2400 кг, вырастил двух кабанов и двух дойных коров. Все это

позволило обеспечить пациентов трехразовым питанием. Такая же работа проводилась в медицинских учреждениях Нальчикского района (заведующий районного отдела здравоохранения – Тхазаплижев) [ЦГА АС КБР. Ф. Р-15. Оп. 2. Д. 14. Л. 18, 19, 118].

Были достигнуты успехи и в развитии индивидуального огородничества среди медицинских работников. Так, если в 1944 г. было 130 га земли под огороды с охватом 1958 медработников, то в 1945 г. соответственно – 175 га и собрали 2416 кукурузы – 63 т, бобовых – 8 т, бахчевых – 1,25 т и другой продукции [УЦГА АС КБР. Ф. 690. Оп. 2. Д. 12. Л. 16].

Анализ состояния организации медицинского обслуживания населения в сельской местности обсуждался на 2 съезде сельских врачей (25–28 ноября 1945 г.), на котором, наряду с образцовой работой многих лечебных учреждений, обращалось особое внимание на ряд существенных недостатков. Так, в Баксанской межрайонной больнице коечный фонд использовался недостаточно, однако показатели смертности за первое полугодие 1945 г. от поступивших больных составили в Баксанском районе – 2,2 %, Зольском –3,2 %, Кубинском – 4,2 %, Эльбрусском – 1,4 % [УЦГА АС КБР. Ф. Р-15. Оп. 2. Д. 14. Л. 20, 21].

Вместе с тем в справке об итогах работы съезда, направленной в наркомат РСФСР, справедливо были указаны проблемы, требовавшие решения: «…75 % врачебных участков не имеют своего транспорта, приказы Наркомторга о снабжении медработников села продовольствием и промтоварами торгующими организациями не выполняется; в республике единственный рентгенологический кабинет в Нальчике не работает; не хватает лабораторного оборудования и реактивов; скудное оснащение лечебных учреждений твердым инвентарем (кровати, грелки, кружки Эсмахра); не хватает одеял, на 1225 коек имеется только 450 одеял, больных вынуждены помещать в больницу со своими одеялами; не хватает акушерско-гинекологического инструментария в лечебных учреждениях» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-15. Оп. 2. Д. 14. Л. 16, 16 об.].

Заключение

Таким образом, изучение архивных документов и других источников позволил выявить, что в организации медицинского обслуживания населения Кабардино-Балкарии в годы ВОВ были большие трудности. Обеспеченность врачами в КБАССР в начале 1941 г. было ниже, чем в РСФСР и на Северном Кавказе. С началом войны значительная часть медицинского персонала была призвана в ряды Красной Армии и работала в эвакогоспиталях. В период временной оккупации фашисты нанесли огромный ущерб системе здравоохранения республики. В связи с этим квалифицированной медицинской помощи населению не хватало.

Важным направлением работы государственных, партийных органов и общественности республики было решение проблем лечения, бытового обустройства, питания раненых воинов в госпиталях. Большую помощь в лечении оказывали доноры. Промышленные предприятия, колхозы, учреждения, школы, граждане снабжали предметами быта, продуктами питания и обеспечивали

культурный досуг. Комплексное лечение и социальная поддержка создавали условия для выздоровления раненых и возвращения их на фронт.

Анализ организации лечебно-профилактической помощи позволил раскрыть факторы, неблагоприятно повлиявшие на охрану здоровья населения: усиление миграционных процессов, последствия оккупации, снижение качества жизни населения, распространение эпидемических заболеваний. В целом, несмотря на большие трудности военного времени и отдельные недостатки, государственные органы власти, учреждения здравоохранения и общественные организации проводили большую работу по восстановлению лечебных учреждений, жилищно-коммунального хозяйства, подготовке медицинских кадров, улучшению продовольственного снабжения, проведению санитарно-профилактических мероприятий. Все это в совокупности способствовало обеспечению охраны здоровья населения республики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аликова и др. 2018 – *Аликова З.Р., Анаева Л.А., Фидарова К.К., Козырева Ф.У.* Приоритетные направления охраны здоровья детей в условиях региона в годы Великой Отечественной войны // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2018. – Т. 26. – № 2. – С. 124-128. – DOI 10.18821/0869-866X-2018-26-2-124-128. – EDN XWPIOL.

Апажева, Тлизамова 2014 – *Апажева Е.Х., Тлизамова М.З.* Женщины Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (Из истории медицинских работников) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 12–1. – С. 245-248. – EDN TFGSVZ.

Ахмадов Я.З., Ахмадов Т.З. 2017 – *Ахмадов Я.З., Ахмадов Т.З.* Здравоохранение Чечено-ингушской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2017. – № 4 (37). – С. 22–26. – EDN YNHCNT.

ВОВ 2014 – *Великая Отечественная война* 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. – М.: Кучково поле, 2014. – 864 с.

ГАРФ – *Государственный архив Российской Федерации*.

Давыдова 1999 – *Давыдова Ю.А*. Здравоохранение в городах Сибири в годы Великой Отечественной Войны, 1941–1945 гг.: дис... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 213 с.

КБВОВ 1975 – *Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* (Сборник документов и материалов). – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 795 с.

Кабардино-Балкария. Тыл и фронт… 2005 – *Кабардино-Балкария. Тыл и фронт 1941–1945* (к 60-летию Великой Победы). – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 339 с.

Карташев 2020 – *Карташев И.В*. Состояние здравоохранения на Северном Кавказе в условиях немецко-фашистской оккупации 1942–1943 гг.: на материалах Кубани и Ставрополья: дис. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2020. –265 с.

Лики войны 1996 – *Лики войны*: Сб. док. по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 498 с.

Маслов, Беров 1985 – *Маслов А.А., Беров М.Л*. Медицина Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 141 с.

НХ КБАССР 1957 – *Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР*. Статистический сборник. – Нальчик Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1957. –113 с.

НХ РСФСР 1977 – *Народное хозяйство РСФСР за 60 лет*. Стат. ежегодник / ЦСУ при Совете Министров РСФСР. – Москва: Статистика, 1977. – 366 с.

РГАСПИ – *Российский государственный архив социально-политической истории*.

Салбиева 2009 – *Салбиева С.З*. Здравоохранение республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореферат дис... канд. мед. наук. – Москва, 2009. – 24 с.

Тетуев 2021 – *Тетуев А.И.* Историческая память о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Нальчик: «Принт центр», 2021. – 372 с.

УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

Шогенова 1966 – *Шогенова В.Ш.* Здравоохранение в Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. – 128 с.

REFERENCES

ALIKOVA Z.R., ANAEVA L.A., FIDAROVA K.K., KOZYREVA F.U. *Prioritetnye napravleniya okhrany zdorov'ya detei v usloviyakh regiona v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Priority areas for children's health protection in the region during the Great Patriotic War]. In: Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny. – 2018. – T. 26. – № 2. – P. 124-128. – DOI 10.18821/0869-866X-2018-26-2-124-128. – EDN XWPIOL. (In Russ.).

APAZhEVA E.Kh., TLIZAMOVA M.Z. *Zhenshchiny Kabardino-Balkarii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (Iz istorii meditsinskikh rabotnikov)* [Women of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (From the history of medical workers)]. In: Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2014. – № 12–1. – P. 245-248. – EDN TFGSVZ. (In Russ.).

AKhMADOV Ya.Z., AKhMADOV T.Z. *Zdravookhranenie Checheno-ingushskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 gg*. [Healthcare of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War of 1941-1945]. In: Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki. – 2017. – № 4 (37). – P. 22–26. – EDN YNHCNT. (In Russ.).

Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov [The Great Patriotic War of 1941-1945]. V 12 t. T. 10. Gosudarstvo, obshchestvo i voina. – M.: Kuchkovo pole, 2014. – 864 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation] (In Russ.).

DAVYDOVA Yu.A. *Zdravookhranenie v gorodakh Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi Voiny, 1941–1945 gg.: dis... kand. ist. nauk* [Healthcare in the cities of Siberia during the Great Patriotic War, 1941-1945: dis... Ph.D. History Sciences]. – Novosibirsk, 1999. – 213 p. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (Sbornik dokumentov i materialov) [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War of 1941-1945. (Collection of documents and materials)]. – Nal'chik: El'brus, 1975. – 795 p. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya. Tyl i front 1941–1945 (k 60-letiyu Velikoi Pobedy) [Kabardino-Balkaria. Rear and front 1941-1945 (to the 60th anniversary of the Great Victory)]. – Nal'chik: El'-Fa, 2005. – 339 p. (In Russ.).

KARTAShEV I.V. *Sostoyanie zdravookhraneniya na Severnom Kavkaze v usloviyakh nemetsko-fashistskoi okkupatsii 1942–1943 gg.: na materialakh Kubani i Stavropol'ya: dis. kand. ist. nauk* [The state of health care in the North Caucasus under the Nazi occupation of 1942-1943: on the materials of the Kuban and Stavropol Territory: dis. Ph.D. History Sciences]. – Stavropol', 2020. –265 p. (In Russ.).

Liki voiny: Sb. dok. po istorii Kabardino-Balkarii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) [The Faces of War: Sat. doc. on the history of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941-1945)]. – Nal'chik: El'brus, 1996. – 498 p. (In Russ.).

MASLOV A.A., BEROV M.L. *Meditsina Kabardino-Balkarii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Medicine of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War]. – Nal'chik: El'brus, 1985. – 141 p. (In Russ.).

Narodnoe khozyaistvo Kabardino-Balkarskoi ASSR. Statisticheskii sbornik [National economy of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic.]. – Nal'chik Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. –113 p. (In Russ.).

Narodnoe khozyaistvo RSFSR za 60 let. Stat. ezhegodnik [People's economy of the RSFSR for 60 years] / TsSU pri Sovete Ministrov RSFSR. – Moskva: Statistika, 1977. – 366 p. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. (In Russ.).

SALBIEVA S.Z. *Zdravookhranenie respublik Severnogo Kavkaza v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: avtoreferat dis... kand. med. nauk* [Health care of the republics of the North Caucasus during the Great Patriotic War of 1941-1945: abstract dis... cand. honey. sciences]. – Moskva, 2009. – 24 p. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Istoricheskaya pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine 1941-1945 gg*. [Historical memory of the Great Patriotic War of 1941-1945.]. – Nal'chik: «Print tsentr», 2021. – 372 p. (In Russ.).

Upravlenie tsentra dokumentatsii noveishei istorii arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Office of the Center for Documentation of the Latest History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Upravlenie tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Office of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. (In Russ.).

ShOGENOVA V.Sh. *Zdravookhranenie v Kabardino-Balkarii* [Healthcare in Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. – 128 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.И. Тетуев – доктор исторических наук.

Information about the author

A.I. Tetuev – Doctor Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 26.03.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.04.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 26.03.2023; approved after reviewing 15.04.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 94(=352.3)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-105-123
EDN: HEROXR

МИРОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЧЕРКЕССКОЙ АССОЦИАЦИИ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ АБХАЗИЯ И ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В КОНЦЕ XX ВЕКА

Анзор Викторович Кушхабиев
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, anzor-vk@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4618-2148

Аннотация. В статье представлен анализ миротворческой деятельности Международной черкесской ассоциации по урегулированию военных конфликтов в Республике Абхазия и Чеченской Республике в конце XX в. Выявлено, что на протяжении Грузино-абхазской войны (14.08.1992.–30.09.1993) МЧА совместно с адыгскими общественными организациями РА, КБР и КЧР осуществляла активную деятельность по поддержке народа Абхазии: выступала с осуждением агрессии Грузии против Абхазии; принимала заявления и обращения к руководству РФ, руководствам регионов Северного Кавказа, к высшим должностным лицам некоторых стран и в международные организации (ООН, ОНН) с просьбами о принятии незамедлительных мер по мирному урегулированию конфликта; принимала участие в организации гуманитарной помощи народу Абхазии. Миротворческая деятельность МЧА в определенной степени способствовала победе народа Абхазии. В послевоенный период МЧА обращалась к руководству РФ и в ООН с просьбами о принятии мер по соблюдению грузинской стороной соглашений по прекращению огня 1993 и 1994 гг. и недопущению нового противостояния сторон, о снятии экономической блокады с Абхазии, установленной Советом Глав Государств-участников СНГ в 1996 г. Миротворческая деятельность МЧА способствовала снятию экономической блокады с Абхазии.

МЧА осуществляла также деятельность по предотвращению и урегулированию военного конфликта в Чеченской Республике мирными методами: принятие заявлений и обращений к Президенту Р.Ф. Б.Н. Ельцину и другим должностным лицам с просьбами о мирном урегулировании конфликта. Президент МЧА Ю.Х. Калмыков, являвшийся министром юстиции, депутатом ГД, членом Совета Безопасности РФ выступил против разрешения конфликта в Чечне военными методами и предложил использовать только мирные средства.

Ключевые слова: Международная черкесская ассоциация, миротворческая деятельность, военные конфликты, Республика Абхазия, Чеченская Республика

Для цитирования: Кушхабиев А.В. Миротворческая деятельность Международной черкесской ассоциации по урегулированию военных конфликтов в Республике Абхазия и Чеченской Республике в конце XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 105-123. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-105-123. EDN: HEROXR.

© Кушхабиев А.В., 2023

Original article

PEACEKEEPING ACTIVITIES OF THE INTERNATIONAL CIRCASSIAN ASSOCIATION FOR THE RESOLUTION OF MILITARY CONFLICTS IN THE REPUBLIC OF ABKHAZIA AND THE CHECHEN REPUBLIC AT THE END OF THE XX CENTURY

Anzor V. Kushkhabiev
Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, anzor-vk@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4618-2148

Abstract. The article presents an analysis of the peacekeeping activities of the International Circassian Association for resolving military conflicts in the Republic of Abkhazia and the Chechen Republic at the end of the 20th century. It was revealed that during the Georgian-Abkhaz war (14.08.1992.–30.09.1993), the ICA, together with the Circassian public organizations of the Republic of Adigheya, the Kabardin-Balkarian Republic and the Karachay-Cherkessian Republic, conducted stirring activities to support the people of Abkhazia: it condemned the aggression of Georgia against Abkhazia; made the statements and appeals to the leadership of the Russian Federation, the leadership of the regions of the North Caucasus, to the highest officials of some countries and to international organizations (UN, UNPO) with requests to take immediate measures to peacefully resolve the conflict; participated in the organization of humanitarian aid to the people of Abkhazia. The peacekeeping activity of the ICA to some extent contributed to the victory of the people of Abkhazia. In the post-war period, the ICA appealed to the leadership of the Russian Federation and the UN with requests to take measures to ensure that the Georgian side observe the ceasefire agreements of 1993 and 1994 and the prevention of a new confrontation between the sides, on the lifting of the economic blockade from Abkhazia, established by the Council of Heads of the CIS Member States in 1996. The peacekeeping activities of the ICA contributed to the lifting of the economic blockade of Abkhazia.

The ICA also conducted activities to prevent and resolve the military conflict in the Chechen Republic by peaceful methods: the making of statements and appeals to President R.F. B.N. Yeltsin and other officials with requests for a peaceful resolution of the conflict. ICA President Yu.Kh. Kalmykov, who was the Minister of Justice, a deputy of the State Duma, a member of the Security Council of the Russian Federation, opposed the resolution of the conflict in Chechnya by military methods and suggested using only peaceful means.

Keywords: International Circassian Association, peacekeeping, military conflicts, Republic of Abkhazia, Chechen Republic

For citation: Kushkhabiev A.V. Peacekeeping activities of the International Circassian association for the resolution of military conflicts in the Republic of Abkhazia and the Chechen Republic at the end of the XX century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 105-123. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-105-123. EDN: HEROXR.

© Kushkhabiev A.V., 2023

Введение

Актуальность исследования. В период перестройки (1985–1991) социально-политические процессы в республиках Северного Кавказа развивались по-разному. В одних республиках (Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия и др.) вспыхнули этнополитические конфликты. В других республиках (Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская

Республика, Республика Адыгея) сохранялась относительно стабильная социально-политическая ситуация. Этнополитические конфликты были обусловлены, прежде всего, территориальными спорами, этнодемографическим (полиэтничный характер и высокая плотность населения) и социокультурным (высокий уровень этнической мобилизации) факторами. Национальные общественно-политические движения, сформировавшиеся в первые годы перестройки в Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, в частности, Международная черкесская ассоциация, принимали активное участие в миротворческой деятельности по урегулированию конфликтов на Кавказе на межрегиональном и международном уровнях. Миротворчество является приоритетным среди направлений деятельности МЧА и в настоящее время. В этой связи исследование опыта миротворческой деятельности Международной черкесской ассоциации по урегулированию военных конфликтов в Республике Абхазия и Чеченской Республике в конце XX в. имеет важное фундаментальное и прикладное значение.

Цель работы – исследование опыта миротворческой деятельности Международной черкесской ассоциации по урегулированию военных конфликтов в Республике Абхазия и Чеченской Республике в конце XX в.

Источниковая база работы. Статья подготовлена на основе анализа архивных документов Управления Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР, г. Нальчик), материалов периодической печати, а также предыдущих исследований и личных наблюдений автора.

Степень научной разработанности темы. Изучение опыта миротворческой деятельности Международной черкесской ассоциации по урегулированию военных конфликтов в Республике Абхазия и Чеченской Республике в конце XX в. прежде не являлось предметом специального исследования. Некоторые аспекты настоящей темы рассматриваются в исследованиях: А.В. Кушхабиева [Кушхабиев 1997; Кушхабиев 2006; Кушхабиев 2007; Кушхабиев 2008; Кушхабиев 2013], Д.Ф. Максидовой [Максидова 2011] и др.

Миротворческая деятельность Международной черкесской ассоциации по урегулированию грузино-абхазского конфликта

Миротворчество было определено в качестве одного из основных направлений деятельности первой общеадыгской неправительственной организации – Всемирной черкесской ассоциации (позднее переименована в Международную черкесскую ассоциацию – МЧА, полное название – Союз общественных объединений «Международная Черкесская Ассоциация по единению черкесского народа, развитию связей черкесской диаспоры с исторической родиной»), учрежденной на Первом Всемирном (международном) черкесском конгрессе, который состоялся 19–21 мая 1991 г. в г. Нальчике по инициативе лидеров адыгских общественных объединений «Адыгэ Хасэ» России и других стран. В первом уставе организации (20.05.1991) зафиксировано, что ВЧА (МЧА) – это добровольный и равноправный союз соотечественников, деятельность которого основывается на принципах демократии, гуманизма, уважения всех народов.

Сказано, что ВЧА (МЧА) стремится к сотрудничеству со всеми народами на основе мира, независимости и законности, выступает против насилия, несправедливости и дискриминации [Устав… 1991: 7]. Для реализации поставленных задач организация избрала только правовые, дипломатические методы.

Следует отметить, что со времени учреждения МЧА стала авторитетной организацией, взаимодействующей с органами государственной власти РФ. В её конгрессах и других форумах регулярно принимали и продолжают принимать участие главы и представители властных структур некоторых республик Северного Кавказа, представители органов федеральной власти.

Активная и масштабная миротворческая деятельность МЧА началась с первых же дней вторжения войск Грузии в Абхазию (14.08.1992). МЧА совместно с адыгскими общественными организациями (далее – ОО) Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики (Конгресс кабардинского народа, «Адыгэ Хасэ» трех республик и др.), и Конфедерацией горских народов Кавказа, квалифицировала действия руководства Грузии как агрессию против народа Абхазии, выступила с её осуждением и развернула деятельность по оказанию народу Абхазии политической поддержки и гуманитарной помощи [Кушхабиев 2020: 29–30].

В своем «Обращении к адыгскому и абазинскому народам, к народам Северного Кавказа, к казачеству Юга России, всем, кому дороги свобода, честь и независимость народов», МЧА заявила о решительном протесте относительно вторжения войск Грузии в Абхазию. В обращении, в частности, сказано, что Международная черкесская ассоциация объявляет срочный призыв добровольцев для защиты братского абхазского народа [Обращение... 1992: 59]. Президент МЧА Ю.Х. Калмыков также обратился к Президенту Чеченской Республики Дж.М. Дудаеву с просьбой об оказании Абхазии помощи в отражении агрессии [От имени... 1992: 1]. МЧА обратилась к руководствам республик Северного Кавказа с призывом приложить усилия к прекращению войны в Абхазии.

Представители МЧА также стали принимать участие в мероприятиях адыгских общественных организаций РА, КБР и КЧР, посвященных солидарности с народом Абхазии – в заседаниях, собраниях, митингах и др.

В связи с особыми мерами, принимаемыми руководством Грузии по увеличению численности своей группировки войск в Абхазии (мобилизация резервистов и др.) Исполком МЧА принял Заявление (от 10.11.1992), в котором сказано, что в Грузии объявлено о всеобщей воинской мобилизации и, что некоторые представители высшего руководства Грузии высказываются за ликвидацию государственности Абхазии. В заявлении содержится предупреждение, что в случае повторной эскалации военных действий Грузии против Абхазии МЧА будет вынуждена вновь объявить о формировании добровольческих отрядов и окажет абхазскому народу всю необходимую помощь, и единственное средство в решении данной проблемы – это её политическое урегулирование [Заявление... 1992: 1].

Президент МЧА Ю.Х. Калмыков направил телеграмму Э.А. Шеварднадзе, в которой, в частности, сказано, что Исполком МЧА считает ошибочной и крайне опасной мерой намерение руководства Грузии о проведении всеобщей

мобилизация резервистов страны, и ели она будет реализована, МЧА будет вынуждена обратиться ко всему черкесскому (адыгскому) народу, включая и пятимиллионную черкесскую диаспору, встать на защиту братского абхазского народа для спасения его от геноцида [Телеграмма... 1995: 11].

С начала вторжения войск Грузии в Абхазию и на протяжении Грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. МЧА призывала зарубежных соотечественников оказывать гуманитарную помощь народу Абхазии. На III Внеочередном съезде кабардинской ОО «Адыгэ Хасэ» (12.12.1992) было принято совместное Обращение (МЧА, «Адыгэ Хасэ», Конгресс кабардинского народа) к адыгам всего мира, в котором содержится призыв – сделать пожертвования для народа Абхазии. В обращении сказано: «...На сегодня на чашу весов поставлена судьба целого народа – быть на свете Абхазии или не быть! [Вырвать Абхазию... 1993: 1].

Начало Грузино-абхазской войны вызвало резкую реакцию в абхазо-абазинской и черкесской зарубежных диаспорах. Черкесские и абхазские неправительственные организации (далее – НПО) в Турции, арабских странах, странах Западной Европы и США стали обращаться к правительствам своих стран с просьбами об оказании содействия в урегулировании грузино-абхазского военного конфликта, а также проводить массовые акции солидарности с народом Абхазии. НПО черкесских диаспор в Турции, Сирии, Иордании, Саудовской Аравии, Объединённых Арабских Эмиратов, странах Западной Европы и США создали комитеты и фонды помощи Абхазии, которые стали собирать средства для оказания гуманитарной помощи народу Абхазии. Около 400 добровольцев от зарубежных черкесских и абхазо-абазинских диаспор приняли участие в военных действиях в составе абхазского народного ополчения [Кушхабиев 2007: 248–250; Кушхабиев 2020: 114–115].

Черкесское благотворительное общество Иордании и наследный принц Хасан отправили в г. Нальчик на грузовом самолете 17 тонн гуманитарного груза (медикаменты, детское питание, одеяла и т. п.) для народа Абхазии. В тот же день (05.01.1993) гуманитарный груз был переправлен на вертолётах в Абхазию – в Гудауту [Мезова 1993: 1; Визит... 1993: 1]. НПО зарубежных черкесских диаспор оказывали гуманитарную помощь народу Абхазии вплоть до окончания войны.

Урегулирование грузино-абхазского военного конфликта стало главным среди вопросов, обсуждавшихся на II Конгрессе МЧА (20–25.07.1993, г. Майкоп). Конгресс принял ряд обращений по данной проблеме. В обращении II Конгресса МЧА к Президенту РФ Б.Н. Ельцину, Председателю ВС РФ Р.И. Хасбулатову, Председателю Кабинета Министров РФ В.С. Черномырдину (от 20.07.1993) зафиксировано, что существует реальная угроза превращения Грузино-абхазской войны в региональную, так как правящие круги Грузии настойчиво добиваются решения проблем грузино-абхазских отношений военным путём, доказательством чему является нежелание Грузии вывести свои войска из Абхазии. В обращении содержится просьба – приложить все усилия для прекращения Грузино-абхазской войны, восстановления мира и защиты государственности Абхазии [Документы... 1993: 41].

В телеграмме (Обращение II Конгресса МЧА) на имя Генерального секретаря ООН Бутроса Гали (от 21.07.1993), в частности, сказано, что народы всего мира, ООН, ОНН должны знать тщательно скрываемую правду о событиях в Абхазии: о грубейших нарушениях прав человека и прав народов, о фактах вандализма, об этнических чистках, о чём свидетельствуют многочисленные документы, в связи с чем, участники II Конгресса МЧА считают правомерным привлечение Э.А. Шеварднадзе к международному суду в Гааге. В обращении выражается надежда, что ООН и ОНН открыто осудят агрессивную политику руководства Грузии, сделают все возможное, чтобы остановить войну в Абхазии, не допустить геноцида абхазского этноса [Документы... 1993: 44].

В телеграммах (обращения II Конгресса МЧА) на имя Президента США Б. Клинтона и Канцлера ФРГ Г. Коля (от 22.07.1993), сказано, что силы, развязавшие войну в Абхазии, не только не были осуждены мировым сообществом, но даже пользуются определенной поддержкой с его стороны. В документе выражается надежда, что администрация США осознает опасность продолжения Грузино-абхазской войны для Кавказского региона в целом, и что учтет это при выработке внешней политики государства [Документы... 1993: 33].

В телеграммах (обращения II Конгресса МЧА) на имя Президента Турецкой Республики С. Демиреля, Премьер-министра Турецкой Республики Тансу Чиллер, Президента Украины Л. Кравчука (от 21.07.1993) зафиксировано обвинение этих высших должностных лиц в эскалации Грузино-абхазской войны. Сказано, что поддерживая режим Шеварднадзе, они способствуют созданию крайне напряженной ситуации на Северном Кавказе, Юге России и проведению в Грузии политики государственного терроризма. Отмечается, что оказываемая этими высшими должностными лицами экономическая, в том числе и гуманитарная помощь Грузии, в значительной степени тратится на военные нужды. Также подчеркивается, что режим Э.А. Шеварднадзе находится у власти в Грузии благодаря и той поддержке, которую ему оказывают эти высшие должностные лица и некоторые политические круги Запада [Документы... 1993: 34].

По поручению II Конгресса МЧА, делегация в составе А. Схаляхо, В. Хатажукова и Т. Шишковой посетила Абхазию. Делегаты МЧА ознакомили Председателя Верховного Совета Республики Абхазия В.Г. Ардзинба с решениями II Конгресса МЧА, побывали на линии фронта и в госпиталях, где провели беседы с бойцами и ранеными, передали им материальную помощь [Информация... 1994: 2].

Содействие мирному урегулированию грузино-абхазского военного конфликта являлось одним из приоритетных вопросов в деятельности МЧА и в последующий период. На заседаниях Совета и Исполкома МЧА принимались заявления и обращения организации на имя Президента РФ Б.Н. Ельцина и других должностных лиц России. Также принимались обращения в ООН, ОНН и др. с просьбами об оказании помощи в безотлагательном мирном урегулировании грузино-абхазского военного конфликта [Информация... 1994: 7].

В обращении МЧА к Председателю Правительства РФ В.С. Черномырдину (от 30.07.1993. № 11) сказано о том, что грузинская сторона преднамеренно нарушает пункты Соглашения о прекращении огня (от 17.07.1993); под разны-

ми предлогами не выводит с территории Абхазии военные формирования, бронетехнику и артиллерию, а рассредоточивает их в оккупированных районах, что создает условия для этнической чистки, для разгула бандитизма, мародерства, грубого попрания прав человека. В обращении отмечается, что ввод вооруженных формирований сторонников экс-президента Грузии З. Гамсахурдия в зону вооруженного конфликта в момент прекращения огня является тщательно продуманной программой, что позиции З. Гамсахурдия и Э. Шеварднадзе в абхазском вопросе совпадают – это ликвидация абхазской государственности. Ссылаясь на действия звиадистов, которые, якобы не контролируются официальными властями, руководство Грузии всеми средствами пытается сохранить военное присутствие в Абхазии, и тем самым не допустить возвращения законных органов власти Республики Абхазия в её столицу – Сухум. В обращении содержится призыв к руководству РФ от более тысячи участников встречи представителей общественности Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики, организованной Исполкомом МЧА: предъявить руководству Грузии жесткие требования по обязательному выполнению Соглашения о прекращении огня в Абхазии; по выводу всех войск с её территории и возвращению законного правительства Абхазии в её столицу – Сухум. В обращении также содержится просьба – приостановить переговоры о заключении экономического и военного договора с Грузией до полного вывода всех её войск с территории Абхазии [Письма... 1993: 1–2].

В связи с активизацией военных действий между грузинской и абхазской сторонами МЧА направила заявление Правительству РФ (от 17.09.1993), в котором сказано, что руководство Грузии преднамеренно нарушило все пункты соглашения о прекращении огня в Абхазии, что привело к возобновлению военных действий. В заявлении содержится надежда, что руководство России сделает все возможное, чтобы грузинской стороной были выполнены сочинские соглашения, а также отменены несправедливые экономические санкции, введенные им по отношению к Абхазии. В документе также зафиксировано, что «действия грузинских агрессоров» вынуждают МЧА возобновить запись в добровольческие отряды и усилить оказание всесторонней помощи абхазскому народу в случае если не будут приостановлены военные действия, выведены с территории Абхазии грузинские войска и военная техника и восстановлены законные органы власти [Заявления МЧА... 1993: 1–2].

В обращении Исполкома МЧА к Генеральному Секретарю ООН Бутросу Гали (от 17.09.1993) отмечается, что грузинская сторона не соблюдает «Соглашения о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением», подписанное представителями России, Грузии и Абхазии 27 июля 1993 г., а укрепляет созданные оккупационные органы управления и пытается в полном объёме сохранить своё военное присутствие в Абхазии. Также сказано, что грузинская сторона проводит пропагандистскую кампанию с целью обмана мировой общественности о том, что грузинская сторона якобы уже вывела свои вооруженные формирования и выполняет другие пункты Соглашения. В действительности же грузинская сторона вывела с территории Абхазии только непригодную к эксплуатации военную технику. Соглашение о прекращении огня в

Абхазии используется руководством Грузии для продолжения решения проблем отношений с Абхазией силовым методом. В обращении содержится надежда на принятие Генеральным Секретарём необходимых мер по восстановлению мира и политического урегулирования в Абхазии [Письма... 1993: 3].

В заявлении МЧА (от 12.11.1993) содержится критика высказываний Э.А. Шеварднадзе по российскому радио и телевидению относительно того, что грузино-абхазский конфликт может быть разрешен лишь при условии признания руководством Абхазии того, что она является составной частью Грузии. В документе подчеркивается, что такой подход противоречит здравому смыслу и историческим фактам. Также сказано, что Э.А. Шеварднадзе заведомо вводит в заблуждение россиян и мировую общественность, приписывая абхазской стороне «бесчинства и злодеяния», которые были совершены и совершаются грузинской военщиной на абхазской земле. Отмечается, что с подачи Э.А. Шеварднадзе «ложь и провокационные заявления» распространяются по всему миру. В заявлении содержится возмущение относительно того, что российские телевидение и радио почти ежедневно предоставляют эфир и экран телевидения Э.А. Шеварднадзе, «изображая его невинным страдальцем», будто не он виновен в развязывании грузинской агрессии против Абхазии, будто не он вверг собственный народ в братоубийственную войну [Заявления МЧА... 1993: 3].

После окончания Грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. ситуация в Абхазии оставалась сложной и напряженной. Республика фактически оказалась на положении экономической блокады. В приграничных районах с грузинской стороны вооруженные формирования продолжали вести огонь по территории Абхазии. В горных районах восточной части Абхазии сосредоточились грузинские вооруженные формирования, которые стали совершать нападения на подразделения Вооруженных сил Республики Абхазия. 24 марта 1994 г. грузинские диверсионные группы предприняли попытки прорыва из Кодорского ущелья Абхазии и через пограничную реку Ингур во внутренние районы республики. В результате боевых действий подразделениями ВС РА был предотвращен прорыв диверсионных групп [Тарканов 1994: 1].

МЧА реагировала на каждое обострение ситуации в Абхазии, прилагала усилия по урегулированию грузино-абхазского конфликта мирными методами. В сентябре 1994 г. после фактического вывода миротворческих сил из подчинения трехсторонней комиссии по урегулированию в Абхазии и очередных ультимативных требований о массовом бесконтрольном возвращении беженцев в республику, Исполком МЧА направил обращение Президенту РФ Б.Н. Ельцину (от 15.09.1994) с призывом принять безотлагательные меры по недопущению нарушения достигнутой договоренности между Россией, Грузией и Абхазией и нового военного противостояния конфликтующих сторон [Письма... 1994: 121].

В обращении Исполкома МЧА к Президенту РФ Б.Н. Ельцину, Председателю Правительства РФ В.С. Черномырдину и депутатам ГД РФ (от 06.07.1995) содержится единственная просьба – снять экономическую блокаду с Абхазии, дать возможность оказать безотлагательную помощь абхазскому народу, оказавшемуся в чрезвычайно тяжелых условиях [Письма 1995: 55].

В обращении Исполкома МЧА к Президенту РФ Б.Н. Ельцину (от 20.09.1995) сказано о том, что заключение российско-грузинских соглашений, передача военной техники Грузии создают опасность новой вспышки войны в Абхазии и вызывают озабоченность за судьбу абхазского народа. В обращении содержится призыв – исключить силовые методы при решении грузино-абхазских проблем [Письма 1995: 72].

В Обращении Совета и Исполкома МЧА к Генеральному Секретарю ООН Бутросу Гали (от 25.10.1995. № 305) и Президенту РФ Б.Н. Ельцину (от 25.10.1995. № 306) сказано о наращивании грузинской стороной военного потенциала и подготовке к новой войне с Абхазией, что создает угрозу безопасности народам Кавказа. В Обращении содержится просьба – сделать все, чтобы исключить силовые методы решения грузино-абхазского конфликта и восстановить стабильный мир на Кавказе [Обращения... 1995: 1–2].

В рассматриваемый период грузино-абхазский конфликт приобретал все более напряженный характер на международном уровне. Большинство Глав государств-участников Содружества Независимых Государств в данном конфликте поддержали руководство Грузии и подписали «Решение Совета Глав Государств-участников Содружества Независимых Государств о мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия» (от 19.01.1996). Оно фактически установило полную экономическую блокаду Абхазии, что значительно осложнило процесс восстановления разрушенной экономики республики. Решение не было подписано Республикой Беларусь и Туркменистаном. Документ запрещал странам СНГ: осуществлять торгово-экономические, финансовые, транспортные, иные операции с властями абхазской стороны; вступать в официальные контакты с представителями или должностными лицами структур, существующих на территории Абхазии, а также членами созданных ими вооруженных формирований; функционирование на своих территориях представительств властей абхазской стороны, а также лиц, официально представляющих эти власти [Решение... 1996].

В сложившейся ситуации МЧА направила Президенту РФ Б.Н. Ельцину «Заявление Совета и Исполкома МЧА и лидеров общественных и демократических движений Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республик, причерноморских адыгов (шапсугов) в связи с решением глав государств СНГ (от 19.01.1996) о полной экономической блокаде Абхазии» (от 08.02.1996. № 331). В заявлении содержится просьба – содействовать гуманному решению грузино-абхазского конфликта [Письма... 1996: 5].

В письмах (обращениях), направленных Президенту Туркменистана С.А. Ниязову (от 08.02.1996. № 332) и Президенту Республики Беларусь А.Г. Лукашенко (от 08.02.1996. № 333), выражается благодарность за то, что они не поставили свои подписи под решением глав государств СНГ о полной экономической блокаде Абхазии, и надежда, что они будут активно содействовать гуманному и справедливому решению грузино-абхазского конфликта [Письма... 1996: 6–7].

Проблема урегулирования грузино-абхазского конфликта рассматривалась делегатами III Конгресса МЧА (24–26.07.1996, г. Черкесск). Делегаты Конгресса приняли ряд документов по данной проблеме. В обращениях к Президенту

РФ Б.Н. Ельцину (от 25.07.1996) и Генеральному Секретарю ООН Бутросу Гали (от 25.07.1996) зафиксировано, что МЧА выступает за мирное урегулирование грузино-абхазского конфликта. Выражена обеспокоенность стремлением руководства Грузии решить проблемы отношений с Абхазией силой оружия. Сказано о готовности руководства Абхазии заключить с руководством Грузии межгосударственный союз на равноправной основе, что соответствует Уставу ООН, общепризнанным в мировом сообществе нормам международного права и сложившимся в регионе реалиям. В документах содержится просьба – не допустить срыва переговорного процесса и приложить усилия к мирному урегулированию грузино-абхазского конфликта [Документы... 1996: 6–9].

В обращении делегатов III Конгресса МЧА к Президенту Республики Грузия (от 25.07.1996) также зафиксирована позиция МЧА, заключающаяся в стремлении урегулирования грузино-абхазского конфликта мирными методами. В документе подчеркивается, что для установления мира и согласия в регионе необходимо и ответное стремление грузинской стороны к миру и добрососедству на Кавказе [Документы... 1996: 10–11].

В соответствии с решениями делегатов III Конгресса МЧА, Исполком организации продолжал работу по оказанию содействия Республике Абхазия в отмене санкций и снятии экономической блокады. В Обращении МЧА к Президенту РФ и Председателю Совета Глав СНГ Б.Н. Ельцину (от 17.04.1997) выражается надежда на принятие усилий по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта в соответствии с международно-правовыми документами, подписанными сторонами, и по отмене антиабхазских санкций, восстановлению стабильного мира и согласия в регионе [Обращение... 1997: 173–174].

В мае 1998 г. Исполком МЧА провел одно из своих заседаний в г. Сухуме, в процессе работы которого было принято Заявление Президенту РФ Б.Н. Ельцину в связи с решением глав государств СНГ от 20 апреля 1998 г. «О дополнительных мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия» (от 11.05.1998). В заявлении содержатся призыв к руководству РФ и главам стран СНГ – строго соблюдать апрельские договоренности 1994 г. и требование – безотлагательно рассмотреть вопрос «об отмене санкций (введенных во время войны в Чечне и в связи с ней)» и снятии экономической блокады с Абхазии. В заявлении подчеркивается, что, выступая в защиту абхазского народа Исполком МЧА, прежде всего, руководствуется идеями мира и стабильности в регионе [Заявление... 1998: 1–2].

Проблемы урегулирования грузино-абхазского конфликта также рассматривались и участниками IV Конгресса МЧА (25–27.06.1998, г. Краснодар). В отчётном докладе Президента МЧА Б.Х. Акбашева отмечается, что у МЧА нет других целей и задач, кроме задач культурного возрождения, миротворчества, установления доверия и дружбы со всеми народами [Доклад... 1998: 5].

Участники IV Конгресса МЧА приняли ряд обращений по социально-политической ситуации на Кавказе. В «Обращении участников IV Конгресса МЧА и Кубанского казачества к народам Северного Кавказа» (от 27.06.1998) содержится призыв – направить свои усилия на достижение устойчивого мира,

экономической и политической стабильности, межнационального согласия и взаимопонимания в регионе [Обращение участников... 1998: 11].

В Обращении участников IV Конгресса МЧА к Президенту РФ Б.Н. Ельцину (от 27.06.1998) сказано, что санкции против Абхазии, введенные Советом Глав Государств СНГ, ужесточение пограничного и таможенного контроля на российско-абхазской границе по реке Псоу, препятствуют восстановлению разрушенной войной экономики Абхазии и грубо нарушают элементарные права человека. Отмечается, что к непредсказуемым последствиям может привести реализация решений Глав Государств СНГ от 29 апреля 1998 г. по Абхазии, касающихся расширения зоны ответственности миротворческих сил и изменения их мандата, принятие которых было инициировано грузинской стороной при игнорировании интересов абхазской стороны, что является грубым нарушением двустороннего «Соглашения о прекращении огня и разъединении сил» от 14 мая 1994 г. Отмечается, что методы экономического и политического давления на Абхазию являются серьёзным препятствием к достижению полного урегулирования грузино-абхазского конфликта. В Обращении содержатся предложения: пресечь обозначившуюся в посреднической практике Министерства иностранных дел РФ контрпродуктивную для России односторонность и допускаемые по отношению к народу Республики Абхазия нарушения общепризнанных принципов и норм международного гуманитарного права; отменить постановление Правительства РФ от 19 декабря 1994 г. в части, касающейся ужесточения режима на российско-абхазской границе по реке Псоу; внести в Совет Глав Государств СНГ предложение по отмене мер экономической и политической изоляции Абхазии и решений, противоречащих ранее подписанным сторонами конфликта документам [Обращение... 1998: 11].

В Постановлении IV Конгресса МЧА (от 27.06.1998) зафиксировано: поручить Исполкому МЧА продолжить работу по анализу развития ситуации вокруг Республики Абхазия и предоставить ему все полномочия для немедленного реагирования на основе Устава МЧА и международных правовых норм; рекомендовать всем организациям-учредителям МЧА, действующим на территории РФ, а также и в других странах мира, проведение в случае необходимости массовых акций в защиту независимости Республики Абхазия [Постановление... 1998: 12].

В Заявлении Исполкома МЧА, принятом в Сухуме (29.09.1998), содержится призыв к Правительству РФ – принять решение о снятии блокады с Абхазии, т. к. вопросы экономики и создания нормальных условий жизни для населения Абхазии не должны увязываться с процессом политического урегулирования конфликта. В заявлении также содержится призыв к руководству Грузии – занять реалистичную позицию и руководствоваться подписанными сторонами документами. Отмечается, что только равноправные добрососедские отношения между Абхазией и Грузией могут служить надежной гарантией сохранения мира [Заявление... 1998а: 229–231].

Продолжая работу по оказанию поддержки народу Абхазии, группа наблюдателей от МЧА принимала участие в выборах Президента Республики Абхазия в октябре 1999 г. [Документы... 2000: 2].

Режим экономической блокады (экономических санкций) Республики Абхазия был ослаблен руководством РФ в 1999 г. и отменен после признания независимости Абхазии в 2008 г.

В целом, можно констатировать, что миротворческая деятельность МЧА по поддержке народа Абхазии во время войны 1992–1993 гг., проводившаяся совместно с адыгскими общественными организациями РА, КБР и КЧР в определенной степени способствовала победе народа Абхазии. Миротворческая деятельность, проводившаяся МЧА в послевоенный период, способствовала отмене санкций, снятию экономической блокады с Абхазии и недопущению нового противостояния сторон.

Деятельность Международной черкесской ассоциации по урегулированию военного конфликта в Чеченской Республике

Международная черкесская ассоциация осуществляла деятельность по предотвращению и урегулированию военного конфликта в Чеченской Республике мирными методами. Обострение общественно-политической ситуации в Чеченской Республике в 1994 г., а затем и военный конфликт, оказали значительное влияние на общественно-политические процессы в Северо-Кавказском регионе. Общественные организации, входившие в Кабардинское национальное движение, заявили о своей позиции по ситуации в Чеченской Республике, которая заключалась в том, что внутричеченские проблемы должны решаться самим чеченским народом путем мирного диалога между всеми общественно-политическими силами, государственными структурами и оппозицией, без вмешательства внешних сил [Заявление... 1994: 1].

МЧА направила письмо Президенту РФ Б.Н. Ельцину (15.08.1994), в котором обращается внимание на то, что периодическое нагнетание обстановки в Чеченской Республике и вокруг неё грозит непредсказуемыми последствиями, что есть силы, желающие дестабилизировать ситуацию в этом регионе и развязать войну. В письме содержится призыв к Президенту РФ – сделать все возможное, чтобы предотвратить войну в Чечне, проявить терпение в решении проблем российско-чеченских отношений [Письма... 1994: 111].

После начала военной операции в Чечне МЧА приняла «Заявление в связи с ситуацией в Чеченской Республике» (от 13.12.1994. № 219), в котором сказано о том, что на территорию Чеченской Республики введены регулярные войска, пролилась кровь, разрушены дома и др. В заявлении содержится призыв МЧА к Президенту РФ Б.Н. Ельцину как гаранту защиты прав и свобод народов, населяющих Россию, Председателю Совета Министров Черномырдину В.С., Председателю Совета Федерации Шумейко В.Ф., Председателю Государственной Думы Рыбкину И.П. – изменить условия переговоров: вывести войска в места постоянной их дислокации с целью проведения переговоров в спокойной обстановке. Отмечается, что переговоры должны быть на высшем уровне Б.Н. Ельцина и Дж.М. Дудаева, что даст самый эффективный результат, нежели присутствие войск. Сказано о том, что любые внутренние проблемы государства должны решаться не с позиции силы, а демократично, мирными методами [Заявление... 1994а: 1].

2 января 1995 г. в г. Черкесске Исполком МЧА провёл заседание с целью обсуждения единственного вопроса – ситуации в Чеченской Республике. Участники заседания приняли «Обращение МЧА к руководителям республик, краёв и областей Северного Кавказа» (от 02.01.1995), в котором содержится просьба – использовать всё своё влияние для прекращения братоубийственной войны в Чечне [Обращение... 1995: 2].

После начала переговорного процесса МЧА направила телеграмму Президенту РФ Б.Н. Ельцину и Председателю Правительства РФ В.С. Черномырдину (от 24.06.1995), в которой сказано о поддержке переговоров по мирному урегулированию конфликта в Чечне, о надежде в необратимости принятых решений о прекращении войны и проведении свободных выборов, о необходимости решения внутрироссийских противоречий только мирными дипломатическими средствами [Информация... 1995: 3].

Участники III Конгресса МЧА направили обращение Президенту РФ Б.Н. Ельцину (от 26.07.1996), в котором содержится просьба остановить бессмысленную войну в Чечне. В документе отмечается, что Московские и Назрановские соглашения не выполняются и политические методы урегулирования конфликта отошли на задний план. Сказано, что под угрозу поставлена судьба чеченского народа. В обращении содержится предложение МЧА, как гуманитарной организации, оказать федеральной власти содействие в плане выполнения посреднических функций [Документы... 1996: 12].

Следует отметить, что делегаты всех конгрессов МЧА принимали обращения к народам Кавказа, в которых содержится призыв к урегулированию всех межнациональных противоречий, к достижению мира и стабильности в регионе. В Обращении участников III Конгресса МЧА к народам Кавказа (от 26.07.1996) содержится призыв к Президенту РФ, Правительству РФ, руководителям республик и народам Кавказа – направить все усилия на достижение мира, межнационального согласия и взаимопонимания [Документы... 1996: 13].

Принципиальную позицию по предотвращению военного конфликта в Чеченской Республике занимал первый Президент МЧА Ю.Х. Калмыков (1991–1993, 1996). Работая в должности министра юстиции РФ (1993–1994), являясь членом Совета Безопасности РФ (1993–1994) и депутатом первого созыва Государственной Думы РФ (05.08.1993–07.12.1994), он принимал участие в заседании Совета Безопасности по ситуации в Чеченской Республике (29.11.1994). Ю.Х. Калмыков выступил категорически против разрешения конфликта в Чечне военными методами и предложил использовать только мирные средства. После того когда Ю.Х. Калмыков убедился в том, что ввод федеральных войск в Чечню неизбежен, он в знак протеста против этого подал в отставку с поста министра юстиции РФ, вышел из состава Совета Безопасности РФ и депутатской группы Сергея Шахрая «ПРЕСС». После отставки Ю.Х. Калмыкова был издан Указ Б.Н. Ельцина «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории ЧР и в зоне осетино-ингушского конфликта» (от 09.11.1994. № 2166) [Крашенинников 2018; О жизни... 2019].

Таким образом, МЧА внесла вклад в процесс по предотвращению и урегулированию военного конфликта в Чеченской Республике мирными методами:

принимала заявления и обращения к Президенту Р.Ф. Б.Н. Ельцину и другим должностным лицам с просьбами о мирном урегулировании конфликта. Президент МЧА Ю.Х. Калмыков, работая в должности министра юстиции РФ (1993–1994), являясь членом Совета Безопасности РФ (1993–1994) и депутатом первого созыва Государственной Думы РФ (05.08.1993 – 07.12.1994), выступил категорически против разрешения конфликта в Чечне военными методами и предложил использовать только мирные средства.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что на протяжении Грузино-абхазской войны (14.08.1992. – 30.09.1993) МЧА совместно с адыгскими общественными организациями РА, КБР и КЧР осуществляла активную миротворческую деятельность по поддержке народа Абхазии: регулярно выступала с осуждением агрессии Грузии против Абхазии; организовывала массовые акции солидарности с народом Абхазии; принимала заявления и обращения к руководству РФ, руководствам регионов Северного Кавказа, к высшим должностным лицам некоторых стран и в международные организации (ООН, ОНН) с просьбами о принятии незамедлительных мер по мирному урегулированию конфликта; принимала участие в организации гуманитарной помощи народу Абхазии. Миротворческая деятельность МЧА в определенной степени способствовала победе народа Абхазии.

В послевоенный период МЧА обращалась к руководству РФ и в ООН с просьбами о принятии мер по соблюдению грузинской стороной соглашений по прекращению огня 1993 и 1994 гг. и недопущению нового противостояния сторон, об отмене санкций и снятии экономической блокады с Абхазии, установленной Советом Глав Государств-участников СНГ в 1996 г. Миротворческая деятельность МЧА способствовала снятию экономической блокады и восстановлению разрушенной экономики Абхазии.

МЧА внесла вклад и в процесс по предотвращению и урегулированию военного конфликта в Чеченской Республике мирными методами: принимала заявления и обращения к Президенту Р.Ф. Б.Н. Ельцину и другим должностным лицам с просьбами о мирном урегулировании конфликта. Президент МЧА Ю.Х. Калмыков, работая в должности министра юстиции РФ (1993–1994), являясь членом Совета Безопасности РФ (1993–1994) и депутатом первого созыва Государственной Думы РФ (05.08.1993–07.12.1994), на заседании Совета Безопасности по ситуации в Чеченской Республике (29.11.1994) выступил категорически против разрешения конфликта в Чечне военными методами и предложил использовать только мирные средства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Визит... 1993 – *Визит* дружбы и доброй воли // Кабардино-Балкарская правда. – 1993.11.01. – № 5 (18028). – С. 1.

Вырвать Абхазию... 1993 – *Вырвать Абхазию* из пасти дракона // Нарт. – 1993. – Январь. – № 1. – С. 1.

Доклад... 1998 – *Доклад* Президента Международной черкесской ассоциации Б.Х. Акбашева на IV Конгрессе МЧА 25 июня 1998 года в г. Краснодаре // Хасэ. – 1998.08.07. – № 9 (178). – С. 5.

Документы... 1993 – *Документы* (план мероприятий, информации, обращения, статьи, программы) II Конгресса МЧА. 1993 // УЦДНИ АС КБР. Ф. П–2655. Международная черкесская ассоциация. Оп. 1. Д. 9. – 48 л.

Документы... 1996 – *Документы* (постановления, письма, обращения) III Конгресса МЧА. 1996 // УЦДНИ АС КБР. Ф. П–2655. Международная черкесская ассоциация. Оп. 1. Д. 19. – 19 л.

Документы... 2000 – *Документы* (постановления, обращения) V Конгресса Международной черкесской ассоциации. 2000 // УЦДНИ АС КБР. Ф. П–2655. Международная черкесская ассоциация. Оп. 1. Д. 41. – 8 л.

Заявление... 1992 – *Заявление* Международной черкесской ассоциации // Хасэ. – 1992.17.11. – № 18 (22). – С. 1.

Заявление... 1994 – *Заявление* Кабардинского национального движения о политическом положении в Чеченской Республике Ичкерия // Хасэ. – 1994.08.11. – № 27 (50). – С. 1.

Заявление... 1994а – *Заявление* Международной Черкесской ассоциации в связи с событиями в Чеченской Республике // УЦДНИ АС КБР. Ф. П–2655. Международная черкесская ассоциация. Оп. 2. Д. 30. – 1 л.

Заявление... 1998 – *Заявление* Исполкома МЧА в связи с решением глав государств СНГ от 20 апреля 1998 г. «О дополнительных мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия». 1998 // УЦДНИ АС КБР. Ф. П–2655. Международная черкесская ассоциация. Оп. 2. Д. 76. – 2 л.

Заявление... 1998а – *Заявление* Международной Черкесской Ассоциации // МЧА (1991–2011): Сборник документов и материалов / Выявление, сост., пред. К.Ф. Дзамихов. Нальчик: Тетраграф, 2011. – С. 229–231.

Заявления МЧА... 1993 – *Заявления МЧА* Правительству России по вопросу грузино-абхазского конфликта. 1993 // УЦДНИ АС КБР. Ф. П–2655. Международная черкесская ассоциация. Оп. 2. Д. 18.– 3 л.

Информация... 1994 – *Информация* о работе МЧА с августа 1993 по июль 1994 года. 1994 // УЦДНИ АС КБР. Ф. П–2655. Международная черкесская ассоциация. Оп. 2. Д. 23. – 8 л.

Информация... 1995 – *Информация* об итогах работы совместных заседаний Совета и Исполкома МЧА по вопросам практической деятельности. 1995 // УЦДНИ АС КБР. Ф. П–2655. Международная черкесская ассоциация. Оп. 1. Д. 16. – 3 л.

Крашенинников 2018 – *Крашенинников П.* Вспоминая Юрия Хамзатовича Калмыкова. 2018 // Право. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/opinion/208038/ (дата обращения: 08.05.2023).

Кушхабиев 2020 – *Кушхабиев А.В.* Кабардино-Балкария и Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2020. – 288 с.

Кушхабиев 1997 – *Кушхабиев А.В.* Черкесская диаспора в арабских странах (XIX–XX вв.). – Нальчик: ИИФЭ КБНЦ РАН, 1997. – 227 с.

Кушхабиев 2007 – *Кушхабиев А.В.* Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 320 с.

Кушхабиев 2013 – *Кушхабиев А.В.* Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2013. – 224 с.

Кушхабиев 2006 – *Кушхабиев А.В.* Международное черкесское движение (проблемы становления) // Исторический вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик, 2006. – № 4. – С. 390–411.

Максидова 2011 – *Максидова Д.Ф.* Исторический опыт развития отношений Кабардино-Балкарии с черкесскими диаспорами Сирии и Иордании (1966–2006 гг.). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Майкоп, 2011. – 188 с.

Мезова 1993 – *Мезова И.* Братская помощь из Иордании // Кабардино-Балкарская правда. – 1993.09.01. – № 4 (18027). – С. 1.

О жизни... 2019 – *О жизни* и деятельности Юрия Калмыкова // Официальный сайт республиканской газеты «Советская Адыгея» [Электронный ресурс]. URL: https://sovetskaya-adygeya.ru/2019/04/16/o-zhizni-i-deyatelnosti-yuriya-kalmykova (дата обращения: 08.05.2023).

Обращение... 1992 – *Обращение* к адыгскому и абазинскому народам, к народам Северного Кавказа, к казачеству Юга России, всем, кому дороги свобода, честь и независимость народов. 1992 // Геноцид абхазов. Российская пресса свидетельствует / Сост. Р. Апсынба. – М., 1997. – С. 59.

Обращение... 1995 – *Обращение* Международной черкесской ассоциации к руководителям республик, краев и областей Северного Кавказа // Хасэ. – 1995.11.01. – № 2 (64). – С. 2.

Обращение... 1997 – *Обращение* Международной Черкесской Ассоциации к Президенту Российской Федерации, Председателю Совета Глав СНГ Б.Н. Ельцину // МЧА (1991–2011): Сборник документов и материалов / Выявление, сост., пред. К.Ф. Дзамихов. Нальчик: Тетраграф, 2011. – С. 173–174.

Обращение... 1998 – *Обращение* к Президенту РФ Б.Н. Ельцину участников IV Конгресса Международной черкесской ассоциации в связи с ситуацией в Абхазии // Хасэ. – 1998.08.07. – № 9 (178). – С. 11.

Обращение участников... 1998 – *Обращение участников* IV Конгресса Международной черкесской ассоциации и Кубанского казачества к народам Северного Кавказа. 27.07.1998 // Хасэ. – 1998.08.07. – № 9 (178). – С. 11.

Обращения... 1995 – *Обращения* Совета и Исполкома МЧА к Генеральному Секретарю ООН Бутросу Гали и Президенту РФ Б.Н. Ельцину о поисках методов решения грузино-абхазских взаимоотношений и восстановлении мира на Кавказе. 1995 // УЦДНИ АС КБР. Ф. П–2655. Международная черкесская ассоциация. Оп. 2. Д. 36. – 2 л.

От имени... 1992 – *От имени* черкесских народов Президенту Чеченской Республики Дудаеву Д.М. // Республика. – 1992.22.08. – Спецвыпуск. – С. 1.

Письма... 1994 – *Письма* Исполкома. 1994. // УЦДНИ АС КБР. Ф. П–2655. Международная черкесская ассоциация. Оп. 2. Д. 29. – 142 л.

Письма... 1995 – *Письма.* 1995 // УЦДНИ АС КБР. Ф. П–2655. Международная черкесская ассоциация. Оп. 2. Д. 38. – 72 л.

Письма... 1993 – *Письма* и телеграммы Исполкома. 1993 // УЦДНИ АС КБР. Ф. П–2655. Международная черкесская ассоциация. Оп. 2. Д. 19.– 82 л.

Письма... 1996 – *Письма* и телеграммы. 1996. // УЦДНИ АС КБР. Ф. П–2655. Международная черкесская ассоциация. Оп. 2. Д. 50. – 97 л.

Постановление... 1998 – *Постановление* IV Конгресса Международной Черкесской Ассоциации 27 июня 1998 г. г. Краснодар // Хасэ. – 1998.08.07. – № 9 (178). – С. 12.

Решение... 1996 – *Решение* Совета Глав Государств-участников Содружества Независимых Государств о мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия от 19 января 1996 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/901818167 (дата обращения: 08.05.2023).

Тарканов 1994 – *Тарканов Т.* Абхазия: события последних дней // Хасэ. – 1994.06.04. – № 2. – С. 1.

Телеграмма... 1993 – *Телеграмма* Президента Всемирной черкесской ассоциации Ю. Калмыкова председателю Парламента Грузии Э. Шеварднадзе // Кабардино-Балкарская правда. – 1993.18.03. – № 51 (18074). – С. 11.

Тревога... 1996 – *Тревога* наша – Абхазия // Нарты. – 1996. Февраль-март. – № 3–4. – С. 5.

Устав… 1991 – *Устав* Всемирной черкесской ассоциации // Версия. – 1991.22.05. – № 21. – С. 7.

REFERENCES

Vizit druzhby i dobroi voli [Visit of Friendship and Goodwill]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1993. – No. 5 (18028). – January 11th – P. 1. (In Russ.).

Vyrvat' Abkhaziyu iz pasti drakona [Pull out Abkhazia from the mouth of the dragon]. IN: *Nart*. – 1993. – № 1. – January. – P. 1. (In Russ.).

Doklad Prezidenta Mezhdunarodnoi cherkesskoi assotsiatsii B.KH. Akbasheva na IV Kongresse MCHA 25 iyunya 1998 goda v g. Krasnodare [Report of the President of the International Circassian Association B.Kh. Akbashev at the IV ICA Congress on June 25, 1998 in Krasnodar]. IN: *Khase*. – 1998. – № 9 (178). – July 08th – P. 5. (In Russ.).

Dokumenty (plan meropriyatii, informatsii, obrashcheniya, stat'i, programmy) II Kongressa MCHA. 1993 [Documents (plan of events, information, appeals, articles, programs) of the II Congress of the ICA. 1993]. IN: *UTSDNI AS KBR. F. P–2655. Mezhdunarodnaya cherkesskaya assotsiatsiya*. Op. 1. D. 9. – 48 p. (In Russ.).

Dokumenty (postanovleniya, pis'ma, obrashcheniya) III Kongressa MCHA. 1996 [Documents (resolutions, letters, appeals) of the III ICA Congress. 1996]. IN: *UTSDNI AS KBR. F. P–2655. Mezhdunarodnaya cherkesskaya assotsiatsiya*. Op. 1. D. 19. – 19 p. (In Russ.).

Dokumenty (postanovleniya, obrashcheniya) V Kongressa Mezhdunarodnoi cherkesskoi assotsiatsii. 2000 [Documents (resolutions, appeals) of the V Congress of the International Circassian Association. 2000]. IN: *UTSDNI AS KBR. F. P–2655. Mezhdunarodnaya cherkesskaya assotsiatsiya*. Op. 1. D. 41. – 8 p. (In Russ.).

Zayavlenie mezhdunarodnoi cherkesskoi assotsiatsii [Statement of the International Circassian Association]. IN: *Khase*. – 1992. – № 18 (22). – November 17th – P. 1. (In Russ.).

Zayavlenie Kabardinskogo natsional'nogo dvizheniya o politicheskom polozhenii v Chechenskoi Respublike Ichkeriya [Statement of the Kabardian National Movement on the Political Situation in the Chechen Republic of Ichkeria]. IN: *Khase*. – 1994. – № 27 (50). November 08th – P. 1. (In Russ.).

Zayavlenie Mezhdunarodnoi Cherkesskoi assotsiatsii v svyazi s sobytiyami v Chechenskoi Respublike [Statement of the International Circassian Association in connection with the events in the Chechen Republic]. IN: *UTSDNI AS KBR. F. P–2655. Mezhdunarodnaya cherkesskaya assotsiatsiya*. Op. 2. D. 30. – 1 p. (In Russ.).

Zayavlenie Ispolkoma MCHA v svyazi s resheniem glav gosudarstv SNG ot 20 aprelya 1998 g. «O dopolnitel'nykh merakh po uregulirovaniyu konflikta v Abkhazii, Gruziya». 1998 [Statement of the Executive Committee of the ICA in connection with the decision of the CIS heads of state of April 20, 1998 "On additional measures to resolve the conflict in Abkhazia, Georgia." 1998]. IN: *UTSDNI AS KBR. F. P–2655. Mezhdunarodnaya cherkesskaya assotsiatsiya*. Op. 2. D. 76. – 2 p. (In Russ.).

Zayavlenie Mezhdunarodnoi Cherkesskoi Assotsiatsii [Statement of the International Circassian Association]. IN: *MCHA (1991–2011): Sbornik dokumentov i materialov*. Identification, comp., foreword K.F. Dzamikhov. Nalchik: Tetragraph, 2011. – P. 229–231. (In Russ.).

Zayavleniya MCHA Pravitel'stvu Rossii po voprosu gruzino-abkhazskogo konflikta. 1993 [ICA statements to the Government of Russia on the question of the Georgian-Abkhazian conflict. 1993]. IN: *UTSDNI AS KBR. F. P–2655. Mezhdunarodnaya cherkesskaya assotsiatsiya*. Op. 2. D. 18. – 3 p. (In Russ.).

Informatsiya o rabote MCHA s avgusta 1993 po iyul' 1994 goda. 1994 [Information about the work of the ICA from August 1993 to July 1994. 1994]. IN: *UTSDNI AS KBR. F. P–2655. Mezhdunarodnaya cherkesskaya assotsiatsiya*. Op. 2. D. 23. – 8 p. (In Russ.).

Informatsiya ob itogakh raboty sovmestnykh zasedanii Soveta i Ispolkoma MCHA po voprosam prakticheskoi deyatel'nosti. 1995 [Information about the results of the joint meetings of the Council and the Executive Committee of the ICA on practical activities. 1995]. IN: *UTSDNI AS KBR. F. P–2655. Mezhdunarodnaya cherkesskaya assotsiatsiya*. Op. 1. D. 16. – 3 p.

KRASHENINNIKOV P. *Vspominaya Yuriya Khamzatovicha Kalmykova. 2018* [Remembering Yuri Khamzatovich Kalmykov. 2018]. IN: *Pravo*. [Electronic resource]. URL: https://pravo.ru/opinion/208038/ (date of access: 05/08/2023). (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Kabardino-Balkariya i Gruzino-abkhazskaya voina 1992–1993 gg.* [Kabardino-Balkaria and the Georgian-Abkhazian War of 1992–1993]. – Nalchik: Publishing House of the KBNC RAS, 2020. – 288 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Cherkesskaya diaspora v arabskikh stranakh (XIX–XX vv.).* – [Circassian diaspora in Arab countries (XIX–XX centuries)]. – Nalchik: IHPhE KBNC RAS, 1997. – 227 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Ocherki istorii zarubezhnoy cherkesskoy diasporyi* [Essays on the history of the foreign Circassian diaspora]. – Nalchik: El-Fa, 2007. – 320 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Problemyi repatriatsii zarubezhnyih cherkesov: istoriya, politika, sotsialnaya praktika* [Problems of repatriation of foreign Circassians: history, politics, social practice]. – Nalchik: Publishing House KBNC RAS, 2013. – 224 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Mezhdunarodnoe cherkesskoe dvizhenie (problemyi stanovleniya)* [International Circassian movement (problems of formation)]. IN: *Istoricheskiy vestnik IGI Pravitelstva KBR i KBNTs RAN* [Historical Bulletin of the IHR of Government of the KBR and KBNC RAS]. – Nalchik, 2006. – No 4. – P. 390–411. (In Russ.).

MAKSIDOVA D.F. *Istoricheskiy opyt razvitiya otnosheniy Kabardino-Balkarii s cherkesskimi diasporami Sirii i Iordanii (1966-2006 gg.). Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. ist. nauk* [Historical Experience in the Development of Relations between Kabardino-Balkaria and the Circassian Diasporas in Syria and Jordan (1966–2006). Dissertation for the degree of Cand. Hist. Sciences]. – Maykop, 2011. – 188 p. (In Russ.)

MEZOVA I. *Bratskaya pomoshch' iz Iordanii* [Fraternal help from Jordan]. In: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1993. – № 4 (18027). – January 09th – P. 1. (In Russ.).

O zhizni i deyatel'nosti Yuriya Kalmykova [About the life and work of Yuri Kalmykov]. IN: Official website of the republican newspaper «Sovetskaya Adygheya» [Electronic resource]. URL: https://sovetskaya-adygeya.ru/2019/04/16/o-zhizni-i-deyatelnosti-yuriya-kalmykova (date of access: 05/08/2023). (In Russ.).

Obrashchenie k adygskomu i abazinskomu narodam, k narodam Severnogo Kavkaza, k kazachestvu Yuga Rossii, vsem, komu dorogi svoboda, chest' i nezavisimost' narodov [Appeal to the Circassian and Abaza peoples, to the peoples of the North Caucasus, to the Cossacks of the South of Russia, to all who value the freedom, honor and independence of the peoples]. IN: *Genotsid abkhazov. Rossiiskaya pressa svidetel'stvuet*. Comp. R. Apsynba. – M., 1997. – P. 59. (In Russ.).

Obrashchenie Mezhdunarodnoi cherkesskoi assotsiatsii k rukovoditelyam respublik, kraev i oblastei Severnogo Kavkaza [Appeal of the International Circassian Association to the leaders of the republics, territories and regions of the North Caucasus]. IN: *Khase.* – 1995. – № 2 (64). – January 11th – P. 2. (In Russ.).

Ot imeni cherkesskikh narodov Prezidentu Chechenskoi Respubliki Dudaevu D.M. [On behalf of the Circassian peoples, to President of the Chechen Republic D.M. Dudaev]. IN: *Respublika.* – 1992. – August 22th. – Spetsvypusk. – P. 1. (In Russ.).

Obrashchenie Mezhdunarodnoi Cherkesskoi Assotsiatsii k Prezidentu Rossiiskoi Federatsii, Predsedatelyu Soveta Glav SNG B.N. El'tsinu [Appeal of the International Circassian Association to the President of the Russian Federation, Chairman of the Council of Heads of the CIS B.N. Yeltsin]. IN: *MCHA (1991–2011): Sbornik dokumentov i materialov* [ICA (1991–2011): Collection of documents and materials] / Identification, comp., foreword K.F. Dzamikhov. Nalchik: Tetragraph, 2011. P. 173–174. (In Russ.).

Obrashchenie k Prezidentu RF B.N. El'tsinu uchastnikov IV Kongressa Mezhdunarodnoi cherkesskoi assotsiatsii v svyazi s situatsiei v Abkhazii [Appeal to the President of the Russian Federation B.N. Yeltsin of the participants of the IV Congress of the International Circassian Association in connection with the situation in Abkhazia]. IN: *Khaseh.* – 1998. № 9 (178). – July 08th – P. 11. (In Russ.).

Obrashchenie uchastnikov IV Kongressa Mezhdunarodnoi cherkesskoi assotsiatsii i Kubanskogo kazachestva k narodam Severnogo Kavkaza. 27.07.1998 [Appeal of the participants of the IV Congress of the International Circassian Association and the Kuban Cossacks to the peoples of the North Caucasus 07/27/1998]. IN: *Khase.* – 1998. – № 9 (178). – July 08th – P. 11. (In Russ.).

Obrashcheniya Soveta i Ispolkoma MCHA k General'nomu Sekretaryu OON Butrosu Gali i Prezidentu RF B.N. El'tsinu o poiskakh metodov resheniya gruzino-abkhazskikh vzaimootnoshenii i

vosstanovlenii mira na Kavkaze. 1995 [Appeals of the ICA Council and Executive Committee to the UN General Secretary Boutros Ghali and the President of the Russian Federation B.N. Yeltsin on the search for methods for resolving Georgian-Abkhaz relations and restoring peace in the Caucasus. 1995]. IN: *UTSDNI AS KBR. F. P–2655. Mezhdunarodnaya cherkesskaya assotsiatsiya* [International Circassian Association]. Op. 2. D. 36. – 2 p. (In Russ.).

Ot imeni cherkesskikh narodov Prezidentu Chechenskoi Respubliki Dudaevu D.M. [On behalf of the Circassian peoples, to President of the Chechen Republic D.M. Dudaev]. IN: *Respublika.* – 1992. – August 22th. – Spetsvypusk. – P. 1. (In Russ.).

Pis'ma Ispolkoma. 1994 [Letters from the Executive Committee. 1994]. IN: *UTSDNI AS KBR. F. P–2655. Mezhdunarodnaya cherkesskaya assotsiatsiya*. Op. 2. D. 29. – 142 p. (In Russ.).

Pis'ma. 1995 [Letters. 1995]. IN: *UTSDNI AS KBR. F. P–2655. Mezhdunarodnaya cherkesskaya assotsiatsiya*. Op. 2. D. 38. – 72 p. (In Russ.).

Pis'ma i telegrammy Ispolkoma. 1993 [Letters and telegrams of the Executive Committee. 1993]. IN: *UTSDNI AS KBR. F. P–2655. Mezhdunarodnaya cherkesskaya assotsiatsiya*. Op. 2. D. 19. – 82 p. (In Russ.).

Pis'ma i telegrammy. 1996 [Letters and telegrams. 1996]. IN: *UTSDNI AS KBR. F. P–2655. Mezhdunarodnaya cherkesskaya assotsiatsiya* [International Circassian Association]. Op. 2. D. 50. – 97 p. (In Russ.).

Postanovlenie IV Kongressa Mezhdunarodnoi Cherkesskoi Assotsiatsii 27 iyunya 1998 g. g. Krasnodar [Decree of the IV Congress of the International Circassian Association June 27, 1998 Krasnodar]. IN: *Khaseh.* 1998. – № 9 (178). – July 08th – P. 12. (In Russ.).

Reshenie Soveta Glav Gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv o merakh po uregulirovaniyu konflikta v Abkhazii, Gruziya ot 19 yanvarya 1996 g. [Decision of the Council of Heads of State of the Commonwealth of Independent States on measures to resolve the conflict in Abkhazia, Georgia dated January 19, 1996]. IN: *Ehlektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov* [Electronic Fund of Legal and Regulatory and Technical Documents]. [Electronic resource]. URL: https://docs.cntd.ru/document/901818167 (date of access: 05/08/2023). (In Russ.).

TARKANOV T. *Abkhaziya: sobytiya poslednikh dnei* [Abkhazia: events of recent days]. IN: *Khase.* – 1994. – № 2. – April 06th. – P. 1. (In Russ.).

Telegramma Prezidenta Vsemirnoi cherkesskoi assotsiatsii YU. Kalmykova predsedatelyu Parlamenta Gruzii EH. Shevardnadze [Telegram from the President of the World Circassian Association Y. Kalmykov to the Chairman of the Parliament of Georgia E. Shevardnadze]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda.* – 1993. – № 51 (18074). – March 18th – P. 11. (In Russ.).

Trevoga nasha – Abkhaziya [Our Anxiety – Abkhazia]. IN: *Narty.* – 1996. – № 3–4. – February-March. – P. 5. (In Russ.).

Ustav Vsemirnoi cherkesskoi assotsiatsii [Charter of the World Circassian Association]. IN: *Versiya.* – 1991. – № 21. – May 22th – P. 7. (In Russ.).

UTSDNI AS KBR – Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Office of the Center for Documentation of the Newest History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Кушхабиев – доктор исторических наук.

Information about the author

A.V. Kushkhabiev – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 15.04.2023 г.; одобрена после рецензирования 14.06.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 15.04.2023; approved after reviewing 14.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Этнология, антропология и этнография

Научная статья
УДК 39+930.2(470)"18/20"
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-124-142
EDN: HSZNNW

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЕТРОЛОГИИ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Елена Георгиевна Муратова[1,2]
[1] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия, lena_gm@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6803-6884
[2] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению некоторых вопросов исторической метрологии карачаево-балкарцев, неразрывно связанной с их хозяйственной деятельностью, которая осуществлялась в горных условиях Центрального Кавказа. Статья содержит множество примеров употребления мер длины, объема и площади из традиционной метрологии карачаево-балкарцев, зафиксированных в исторических источниках. Показано, что с изучения исторической метрологии необходимо начинать исследования по социально-экономической истории Балкарии XIX в. Система мер и весов была необходима для четкой регламентации феодальных повинностей, «платы за кровь» и свадебных платежей. Но в первую очередь она определялась спецификой хозяйственной деятельности народа.

Самым распространенным способом измерения объема являлось его определение через вместимость какого-либо сосуда. Название сосуда переносилось на название меры. Широко были распространены объемно-примерные единицы измерения: «воз», «арба». Горный рельеф обуславливал использование таких единиц измерения длины как расстояние «слышимости одного крика» или «доступное человеческому зрению». Мерой площади земельного участка являлись либо затраты труда на обработку земли, либо объемы высеваемого зерна, либо объемы полученного урожая. Чаще всего применялась урожайная мера – горская копна. Постепенно эта мера получила значение, увязанное с десятиной. Покосные земли оценивались по объемам собранного сена, а пастбища – количеством скота, которое можно было на них содержать.

Ключевые слова: балкарцы, карачаевцы, историческая метрология, хозяйственная деятельность, меры длины, меры площади, меры объема, горская копна.

Для цитирования: Муратова Е.Г. Некоторые вопросы исторической метрологии балкарцев и карачаевцев // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 124-142. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-124-142. EDN: HSZNNW.

© Муратова Е.Г., 2023

Original article

SOME QUESTIONS OF HISTORICAL METROLOGY OF THE BALKARS AND KARACHAYS

Elena G. Muratova[1,2]

[1] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, lena_gm@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6803-6884

[2] The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of some issues of historical metrology of the Karachay-Balkars, inextricably linked with their economic activity, which occurred in the mountainous conditions of the Central Caucasus. This article contains examples of used length, volume and square measurement units in the Karachay-Balkars' traditional metrology, found in historical records. It is shown that it is necessary to start research on the socio-economic history of Balkaria in the 19th century from the study of historical metrology. The system of weights and measures was necessary for a clear regulation of feudal duties, "payment for blood" and wedding payments. But firstly, it was determined by the specifics of the economic activity of the people.

The most common way to measure volume was to determine it through the capacity of a vessel. The name of the vessel was transferred to the name of the measure. Volumetric and approximate units of measurement were widely used: "cart", "arba". Mountainous relief determined the use of such length measurement units as the distance of "hearing one cry" or "accessible to human vision." The measure of the area of the land plot was or the labor costs for cultivating the land, or the volume of grain sown, or the volume of the harvest. The most commonly used crop measure was the mountain shock, «gorskaya kopna». This metric gradually obtained a meaning associated with the tithe. Mowed lands were estimated by the volume of hay harvested, and pastures by the number of livestock that could be kept on them.

Keywords: Balkars, Karachays, historical metrology, economic activity, measures of length, measures of area, measures of volume, mountain shock, «gorskaya kopna».

For citation: Muratova E.G. Some questions of historical metrology of the Balkars and Karachays. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 124-142. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-124-142. EDN: HSZNNW.

© Muratova E.G., 2023

Представления о пространстве и времени относятся к числу краеугольных компонентов, слагающих «картину мира» каждого этноса, причем способы их измерения являются этнически специфичными.

У всех народов необходимость в измерении и сравнении различных величин между собой возникла в глубокой древности. Поэтому история традиционной метрологии берет начало от практических измерительных навыков, опыта применения мер и весов в земледелии, скотоводстве, ремесле, строительстве, торговле, других сферах хозяйственной деятельности и бытовых практиках.

Особой областью исторического знания является историческая метрология. Она изучает существовавшие у различных народов меры длины, площади, объема и веса, принципы и способы измерения окружающего пространства и

вещного мира; объясняет названия и происхождение мер, определяет их соотношения между собой и современное значение; рассматривает процессы возникновения, функционирования и исчезновения систем мер в связи с общими историческими изменениями [Швецов 2016: 286].

Изучение исторической метрологии северокавказских народов в целом и карачаево-балкарцев, в частности, началось в XIX в. в условиях включения региона в социокультурное пространство империи и связано с исследовательской деятельностью российских ученых, путешественников, служащих кавказской администрации, северокавказских просветителей.

В XX в. знания об исторической метрологии карачаево-балкарцев значительно расширились прежде всего благодаря исследованиям в области социально-экономической истории. Аграрная метрология сформировала представление о мерах сыпучих тел, главным образом хлебных, как посевных мерах и единицах взимания подати. Были определены традиционные метрологические системы народа, относящегося к высокогорной природно-хозяйственной зоне.

В то же время в историко-культурных и этнологических исследованиях по истории карачаевцев и балкарцев рассматривались конкретные формы пространства и его измерение, изучались особенности традиционных мер и практических метрологических знаний. Такие исследования были направлены в первую очередь на типологизацию явлений в традиционно-культурных обществах, а также на изучение отдельных свойств пространства и времени, обусловленных культурной спецификой.

Среди новейших исследований по исторической метрологии народов Северного Кавказа прежде всего следует назвать работы В.А. Дмитриева. Он показал, какое место исследования пространства и времемени, присущих традиционной культуре, занимают в историографии этнографической науки, а также непосредственно занимался изучением исторической метрологии народов Северного Кавказа [Дмитриев 1992; Дмитриев 2007; Дмитриев 2008].

Конкретно-исторические исследования предприняты в области исторической метрологии чеченцев [Шавлаева 2012] и народов Дагестана [Гимбатова 2021].

Наиболее полно и систематизировано историческая метрология карачаево-балкарцев представлена в работе Р.Х. Хатуева. Им рассмотрены, меры длины, веса, объема, денежно-весовые и денежно-счетные единицы, а также названы все лексемы их обозначающие. Большое значение имеет предложенная Р.Х. Хатуевым детализированная классификация *мер оценок* земельных участков (пахотных и сенокосных), скота и труда, бытовавших у карачаево-балкарцев. Все использованные дефиниции проиллюстрированы цитатами из исторических источников, правда в большинстве своем на карачаевском материале [Хатуев 2014].

Лингвистический подход к изучению метрологической терминологии карачаево-балкарцев представлен в современных филологических исследованиях [Ахматова, Кетенчиев 2014; Кетенчиев 2020]. Многоаспектный анализ метрологической лексики с целью установления этимологии слов, связанных с мерами и весами, выяснения социокультурных взаимодействий, осмысления пространственного окружения средствами карачаево-балкарского языка рисует эт-

ническую языковую картину мира. В исследованиях такого рода специальная роль отводится лексиконам и толковым словарям карачаево-балкарского языка, зафиксировавшим различную метрологическую терминологию [КъМТАС 1996; КъМТАС 2002; КъМТАС 2005].

Введенные в научный оборот конкретные сведения из области карачаево-балкарской метрологии, а также концептуальные построения социально-культурной антропологии о пространственной организации этноса [Тишков 2003: 280-304] создают тот фундамент, на основе которого возможно дальнейшее изучение темы.

Можно обозначить две группы источников для изучения исторической метрологии карачаево-балкарцев: вещественные и письменные.

Значительный пул вещественных источников составляют археологические артефакты, стандартизированные емкости и измерительные устройства из этнографических коллекций. Так примером овеществленных мер объема могут служить специальные мерные емкости, которые богато представлены и описаны этнографической наукой. Например, *«темирли»* – мера (ведро для муки, зерна, а также количество муки, зерна, отмеренное ведром). «*Мерке»* – мерка (сосуд для измерения чего-либо величиной в стандартное ведро). «*Сахаякъ»* – чаша емкостью 8 кг. для измерения сыпучих веществ и т.д. [Кудаев 2012: 102]. Интересные результаты, как показано в историографии, дают обмеры остатков средневековых сооружений, жилищных построек поскольку отражают в своих пропорциях древние меры длины [Дмитриев 1992: 198-199].

Весьма репрезентативна группа письменных источников, к которой относится и фольклор карачаево-балкарцев, зафиксированный в XIX-XX вв. [КБФДЗП 1983], а также историографические источники, включающие записки путешественников и академических ученых, работы чиновников кавказской администрации XIX – начала XX в. В письменных источниках, прежде всего в актовом материале (купчие, закладные, завещания и др.), и в делопроизводственной документации содержатся сведения об отдельных мерах, либо их группах, о соотношениях между разными мерами, о порядке использования мер и контроле за ними.

Информативны хозяйственные и учетные документы с метрологическими и цифровыми записями о поступлениях натуральных платежей, выраженные в различных мерах объема и веса; книги меновых дворов, в которых имеются сведения о количественных характеристиках различных товаров и их счетных единицах; межевые книги и материалы правительственных комиссий, в примечаниях которых содержатся сведения о земельных угодьях и различных способах определения площади [Труды 1908].

Среди письменных источников важное значение имеют записи обычного права карачаево-балкарцев [Леонтович 1882: 273-285], в отдельных нормах которого приведены денежно-весовые единицы, устанавлены способы определения и соотношения мер веса, указаны традиционные меры объема, длины, площади.

Как правило, исторические источники дают лишь названия различных мер и очень редко их соотношение. Поэтому нельзя не согласиться с утверждением уже не раз процитированном в метрологических исследованиях. «Чтобы понять

существо меры, ее особенности, надо брать ее в тесной связи с той сферой трудовой деятельности человека, на почве которой и для потребностей которой она возникла» [Молчанова 1973: 4]. Здесь следует лишь добавить, что в традиционном обществе пространство воспринимается не абстрактно, а обладает вполне конкретным содержанием. Эмпирически-бытовые приемы отражения свойств мира имеют этническую специфику, тесно связаны с жизненной средой и находят свое выражение в метрологии того или иного народа.

Меры сыпучих тел и жидкости

Среди объемно-примерных единиц измерения карачаево-балкарцев в первую очередь обращают на себя внимание те, которые представляли собой мешки, изготовленные из шкуры животных, и в которые можно было что-либо налить или насыпать.

Например, в адатах, зафиксированных М.М. Ковалевским во время его научной экспедиции 1884 г. в Балкарию, определено, что «чесакчи – подобно чагарам несли натуральные повинности. Во время постов давали ячменю сколько может вместить *турья кожа*. Каждый от 5 до 10 (в каждом приходе до 6) мер. Называется это *ясак-тулух*» [СПбФ АРАН. Ф. 103. Оп. 1. Д. 340. Л. 1-6].

В данном случае в качестве мерной сумки, мешка, использовалась шкура животного (возможно также козы, теленка), снятая чулком, куда насыпали зерно, – *«тулук»*. Эта мера объема часто приводится в адатах карачаево-балкарцев. Так при женитьбе подвластного каракиши князь сам являлся в его дом и дарил «холопьям же каракиша – кому *тулуков*, кому веревок и, кроме того, каждому одну штуку товара для платья, сколько может» [Леонтович 1882: 276].

Этот мерный мешок из шкуры животного многократно упоминается в карачаево-балкарском фольклоре. Например, «Дай бог такого, чтобы годен был для копчения, и шкура служила бы *тулуком*» [КБФДЗП 1983: 248], то есть охотник просит дать ему на охоте такого большого кабана, чтобы из его шкуры можно было сделать кожаный мешок – *тулук*. Или пример использования этого слова в переносном значении для создания выразительного образа: «Не берите в жены женщину, ушедшую от первого мужа, – У ней полон *тулук* празднословий» [КБФДЗП 1983: 252].

Этнографы называют еще целый ряд обозначений кожаных мешков в карачаево-балкарском языке, «родственных» тулуку и различающихся по объему: «*кудра», «гысса», «гыбыт»,* «*къапчыкъ»*. Последний предположительно упоминался в качестве податной меры для сыпучих веществ, скрывающейся за русским переводом «мешок» [Хатуев 2014: 677]. В опубликованном документе читаем: зависимое сословие ясакчи ежегодно уплачивали старшине «различным хлебом» от 3-х до 9-ти *мешков* «за обрабатываемую землю под посевы хлебов», «из коих каждый заключает в себе пять мер»; «один *мешок* солода для варения пива» [Документы 1959: 246].

В качестве мерной емкости для жидкости часто использовался *бурдюк*. Бурдюки делались из кожи козы. В фольклоре встречаем: «Да, скажу я долаевскую песню. И да пусть бурдючный живот прорвется маслом; Целый, неиспорченный бурдюк! Безводный с маслом бурдюк» [КБФДЗП 1983: 255]. Бурдюк

как мера объема жидкости в XIX в. упоминается в обычно-правовых нормах балкарцев: «во время уразы каракиши должны дать с каждого двора своему таубию 9 лепешек из пшеничной муки и *бурдюк* бузы» [Документы 1959: 89].

Самым распространенным способом измерения объема является его определение через вместимость какого-либо сосуда. Название сосуда переносится на название меры. Этот прием получил широкое распространение у всех народов. Карачаево-балкарские сосуды, их детализированные названия, а также изображения наиболее полно представлены в работе М.Ч. Кудаева [Кудаев 2012: 174-180].

Эти разнообразные бытовые приспособления, виды посуды и вместилища, использовавшиеся в народной метрологической практике, зафиксированы и в исторических источниках.

В карачаево-балкарском фольклоре находим все многообразие мерной посуды. Так, нартский витязь Рачикау разом выпил все питье из огромной чаши (*тепшек*), употребляемой на пирах [КБФДЗП 1983: 80]. Один из героев сказки «приторговал арбу сандала и обещал дать продавцу *полный чинак* того, что он сам пожелает» [КБФДЗП 1983: 278].

Н.Ф. Грабовский, побывавший на балкарской свадьбе в 1860-х гг., писал: «Вскоре появилась перед нами и *полуведерная деревянная чаша* с пивом; осушаемая и вновь наполняемая, она не уставала ходить из рук в руки стоявшей около меня кучки» [Грабовский 1869: 11]. «Каждая состоятельная женщина, идя на это угощение должна принести с собою одного барана, *котел пива и котел бузы,* а кто победнее – курицу, *кувшин* пива или бузы» [Грабовский 1869: 17]. «Питье это разносится *в громадных чашках*, емкостью каждая *до трех ведер*; каждую такую чашку держат два человека». «Если она женщина состоятельная, то должна сварить пиво и бузу, зарезать одного быка и сварить его целиком в *большом котле*» [Грабовский 1869: 21].

Здесь необходимо отметить, что котлы исключительно высоко ценились и в Балкарии, и в Карачае, являясь по сути, главной посудой в доме. Большими медными котлами взимали штраф [Невская 1960: 138]. Медный котел, «в котором можно сварить одного барана», входил в калым [Леонтович 1882: 278]. По данным академика И. Гильденштедта, обследовавшего Кавказ в 1770-е гг., стоимость медного котла емкостью лишь в одно ведро составляла в этих местах 3 рубля, в то время как одна овца стоила всего 1,2 руб. [Гильденштедт 1809: 356].

Много примеров сосудов разной вместимости приводится в адатно-правовых нормах. «По смерти старшины…каждый каракеш режет по одному барану, и сверх того, три живых барана для зареза и по одному *терсуку* бузы доставляет в дом старшины» [Леонтович 1882: 276]. Из «Показаний Шакмановых, какой обряд издревле существовал у узденей подвластных им», в 9 статье зафиксировано: «Если когда делают пиво, *один кувшин* должен дать старшине». А статья 10 гласит: «Если делают поминки по умершим, то старшине дают одного барана сваренного, *один казан* пива, *один казан* бузы и часть со всех приготовленных закусок» [УЦГА АС КБР. Ф. 31. Оп.1. Д.1. Л. 154 об.]. То же у Ф.И. Леонтовича: «Из сваренного пива господину следует *один кувшин*» [Леонтович 1882: 278].

Таким образом, в письменных памятниках объем жидкости чаще всего метрологически обозначен только названием определенной посуды без уточнения ее вместимости.

Карачаево-балкарцы широко использовали и другие объемно-примерные единицы измерения. В адатах читаем: «По согласию и по приговору с каждого дома отдается зимой аульному эфендию по барану и *по одному стогу* сена (стог или копна состоит из *двух вьюков* на лошадь), дров *по одному вьюку на ишаке* и летом по барану» [Леонтович 1882: 279]. В качестве платы также вносили «*по сапетке меду*» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 296. Л. 23 об.]. Это куполообразный плетёный улей, высотой около 70 см и диаметром полметра.

В традиционной метрологии вместимость какого-либо сооружения может, например, определяться и через количество скота, которое там способно поместиться. «На большом Жидче у Баксанука есть конюшня. В этой конюшне вмещается тысяча баранов» [КБФДЗП 1983: 253].

В качестве объемно-примерной единицы измерения в источниках достаточно часто фиксируются «воз», «арба» или древние бытовые меры – «глоток», «пригоршня» и т.д. Подобные объемно-примерные единицы измерения таковыми можно считать лишь относительно, так как само их существование в метрологической практике, как и явная приблизительность величины большинства из них, может быть понята и оценена только в пределах определенного метрологического пространства.

Меры длины

У всех народов доиндустриальной эпохи большие расстояния измерялись днями или часами пути с учетом способов и средств передвижения. Не составляли исключения и карачаево-балкарцы. Так, в нартском эпосе пройденное героем расстояние чаще всего передается через временную характеристику. Например, «кони Ёрюзмека, пробежав восьмидневный путь, взбирались на вершину Минги тау»; или «однажды они (нарты) устроили скачки на пятнадцатидневный путь» [Ахматова, Кетенчиев 2014: 83]. В этнографическом очерке XIX в. о свадьбе в горских обществах Кабардинского округа говорилось, что «вскоре затем, к всеобщему удовольствию, прискакал гонец и объявил, что свадебный поезд находится от аула *в двух-трех часах езды*» [Грабовский 1869: 3].

Очевидно, что определенные такими выражениями расстояния не могут быть точно установлены, а в фольклоре они вообще имеют скорее метафорическое значение, нежели метрологическое. Поэтому специалисты в области исторической метрологии для работы с письменными источниками дают приблизительные оценки расстояниям, обозначенным подобным образом. Например, «пеший день пути» условно составляет расстояние в 25 (или 35-40) км, а «конный день пути» равняется 50-70 км [Леонтьева и др. 2003: 256].

В.А. Дмитриев, анализируя пространственно-временное поведение в традиционной культуре народов Северного Кавказа, обращал внимание на особые ландшафтные характеристики, сформированные горно-долинным рельефом с большой высотной разницей между близко находящимися участками местности. При этом досягаемость местных предметов определялась не линейным расстоя-

нием до них, а тем временем, которое тратилось на дорогу при движении вверх и вниз по пересеченной местности. Горный рельеф, с одной стороны, создавал большое число визиров на местности, а с другой, – мешал сложению линии границы. Рельеф в горах не давал четких визуальных границ, не было здесь и восприятия линии горизонта. Реальную физическую границу в горах могли составлять продольные и поперечные горные хребты [Дмитриев 2007: 145].

В связи с этими замечаниями следует обратить внимание на широкое распространение в Балкарии и Карачае таких единиц измерения как *«кёзкёрген»,* буквальный перевод – «все, что видит глаз», то есть расстояние, доступное человеческому зрению. По-балкарски так обозначается понятие «горизонт». С учетом видимости в ущельях строились сторожевые башни, устанавливались караулы и сигнальные шесты.

У карачаево-балкарцев одной из самых больших величин, обозначающих длину, была единица, устанавливаемая с учетом расстояния, на которое можно было услышать крик. Такая единица длины обозначалась как «*къычырым».* Еще в нартском эпосе, чтобы подчеркнуть огромные размеры колеса, с которым играли нарты, говорилось: «С вершины горы Чынгыл нарты скатывали вниз очень тяжёлое железное колесо с диаметром в один *кычырым,* чтобы обхватить его, у нартов не нашлось бы верёвки такой длины» [Нарты 1994: 387].

По данным этнологов, карачаевцы устанавливали сигнальные шесты как раз на расстоянии слышимости одного крика (*къычырым*) друг от друга вниз по течению Кубани до местности Марджа Сын. Сигнальные шесты, просуществовавшие вплоть до 1864 г., использовались ими для предупреждения о приближении войск генерала Эмануэля к Карачаю в 1828 г. [Хатуев 2014: 669].

Будучи прекрасными охотниками и воинами, карачаево-балкарцы для обозначения расстояния также использовали такие меры длины как «полет стрелы», «расстояние одного выстрела», «полет пули».

Среди метрологической лексики карачаево-балкарцев филологи также фиксируют: «*чабым»* – расстояние, которое человек сможет пробежать без остановки», «*чакъырым»* – «на расстоянии зова». Например, «гнедой жеребенок, обогнав остальных *на полет стрелы*, добежал до Созара, вложил свою голову в узду», или «Карашауай вышел позже всех. Когда возвращался, дошел быстрее других *на один зов*». При этом отмечается, что с древних времен расстояние часто измерялось не столько практическим промером пространства, сколько на основе различного рода перцепций (слуха, зрения и т.д.) [Ахматова, Кетенчиев 2014: 83].

Линейные меры карачаево-балкарцев, как и большинства народов, относятся к так называемым «естественным» единицам измерения, исходящим из антропометрических характеристик, будучи преимущественно мужскими мерами длины. Так, по данным фольклора, горцы материю меряют *локтями*, т.е. от оконечности среднего пальца до локтя. В одной из песен говорится: «У первобрачной, считая *локтями,* много бязи будет», а про ленивых жен образно сказано, что «утром, после сна у них на пятках *в три пальца* грязь» [Тульчинский 1983: 252]. В нартском эпосе карачаево-балкарцев сказано, что «самой любимой игрой эмегенов и нартов было метание камней. [Эмегены] Алаугану ка-

мень подали. Не снимая своих доспехов [Он] как бы шутя [камень] швырнул И опередил эмегенов *на 18 ступней»* [Нарты 1994: 310]. Во всех приведенных фрагментах в качестве измерителей используются части человеческого тела: локти, пальцы, ступни.

Грузинский историограф XVIII в. Вахушти Багратиони, характеризуя экономический быт балкарцев, отмечал, что они «не знают аршина, но локоть» [Вахушти 1904: 142]. Локоть равнялся примерно 45-50 см и обозначался словом *«къары»*. Локоть относился к числу «женских» (малых) мер длины скорее всего потому, что использовался в основном в женском труде для измерения ткани или в рукоделии. Самая маленькая «женская» мера – это расстояние в ширину указательного пальца, около 2-2,5 см («*эли*», «*эл*»), по сути – дюйм. Следующая по величине мера – «*сюем*» – ширина ладони с отставленным большим пальцем, около 10 см [Хатуев 2014: 670].

Специалист в области кавказской метрологии В.А. Дмитриев отмечал, «что по размерам карачаевского и балкарского жилищ прослеживается применение в качестве меры размаха рук – «*къулач*». Что составляло мерную (маховую) сажень, в пределах 170-180 см. В то же время можно предположить и широкое использование такой меры, как «*джарым къулач*», равной половине размаха рук. Арифметически «*джарым къулач*» практически равен русскому аршину», чуть больше 70 см. К этому заключению этнограф пришел, анализируя числовую соразмерность карачаевского жилища в одном из его описаний: «дома зажиточных карачаевцев состоят из 9 отдельно составленных вместе помещений, размером 6Х9 аршин и кладовой 6х3 аршина. В этом случае не только получается жилище с отношением сторон 1:2, соблюдаемом и в размере кладовой, но и ширина кладовой, составляющая 1/4 длины дома, выступает как модуль членения длины дома по гармоничному принципу». Таким образом, В.А. Дмитриев приходит к заключению, что «для тюркоязычного населения Северного Кавказа более характерно было применение в строительстве величины рук или ее половины, а для остальных народов более свойственно использование как единицы измерения – локтя и, возможно, еще шага. Повсеместно использовалась пядь» [Дмитриев 1992: 198-199]. Она определялась расстоянием между вытянутыми большим и указательным пальцами руки, составляла около 18 см. «Пядь» по-балкарски – «*къарыш*».

Перечисленные выше единицы измерения связаны с частями человеческого тела, широко распространены у всех народов и являются, вероятно, древнейшими.

Для того чтобы подчеркнуть огромные размеры или огромное количество чего-либо, в балкарском фольклоре часто используется число «сорок» в качестве эквивалента понятия «множество». В сказаниях о нартских богатырях говорится, что «собрания их всегда происходили в доме Алиговых, у которых постоянно висел над огнем большой котел, вмещавший в себе мясо *сорока бугаев*» [КБФДЗП 1983: 57]. «Когда уже все было приготовлено и когда повесили на огонь котел *о сорока ручках*, положив в него *сорок бугаев*, то стали советоваться, кого послать за Урызмеком, чтобы позвать его на пир» [КБФДЗП 1983: 84]. «Вещая Сатаной дала ему такой совет: чтобы достали пушку, которая хранилась

в доме Алиговых, засыпали в нее *сорок сапеток* пороху, чтобы сам он залез в жерло вместо ядра, и чтобы затем из пушки выпалили» [КБФДЗП 1983: 63].

В сказочных формулах, где «бузы было приготовлено *несколько сороков* бочек» [КБФДЗП 1983: 51], а «обоз *в сорок повозок*» или «одна княгиня имела *сорок служанок*» [КБФДЗП 1983: 77] на самом деле отражается не столько количественная мера, сколько указывается на неограниченность этих величин.

Меры поверхности (площади)

Пахотные и покосные участки балкарского населения были измерены в результате создания специфической метрологии хозяйственных угодий. В пределах среды обитании горского общества, т.е. в пределах «ущелья», применялся способ маркирования отдельных участков местности и придания пространству отметок для ориентирования.

В условиях острой нехватки земли в горах все участки (пастбищные, покосные, лесные, пахотные) имели свое собственное название, известное с незапамятных времен. Их границы составляли факт общеизвестный, а последующие земельные разделы обязательно производились в присутствии свидетелей и обозначались кучами камней, сложенными стенками, закопанным в землю древесным углем или приурочивались к природным меткам – ручьям, рекам, вершинам горных хребтов. Из-за отсутствия земельных планов вопрос о границах постоянно волновал владельцев участков, поэтому бытовал обычай, чтобы старики передавали более молодым людям сведения о земельной собственности, а проезжая по участкам, указывали бы их границы на месте [РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1597. Л. 37 об.].

В качестве иллюстрации приведем один архивный документ о разделе спорных территорий, в котором земельные участки фиксируются в акте исключительно описательно. «1850 года февраля 3 дня мы нижеподписавшиеся хуламские жители Бекбий Исмаил, Кануко и Мирзобек Гиргоковы даем сию приставу нашему г. Войсковому старшине Харуеву, в том, что по спорной земле с старшиною Иссою Шакмановым кончили и земли поделили, из коих под названием места Хашт (Хашт?) 2 сенокоса и Ин агач тубунде (внутренний лес?) 1 сенокосное место; остальные же Кундым сабан (солнечное место под пашню?) – 1, Мошельде (тихое место, пустое село?) 1, Агач башинда (верхняя часть леса?) 2 сенокоса и Ин агач тубунде (внутренний лес?) 2 пашни все эти достались старшине Иссе Шакманову, остальные же земли Схуру башинда (наверху Усхура?), Кая артында (за горой, задняя часть горы?) остались нераздельными, кои также до поры разделится, согласно решения судьев и составленного акта на магометанском диалекте, в том подписуемся…» [УЦГА АС КБР. Ф. 24. Оп. 8. Д. 148. Л. 3]. Конечно, названия земельных участков в русском переводе искажены, но здесь важно показать, что каждое покосное или пашенное место имели в балкарском обществе собственное название. К этому следует добавить принцип общественного договора, когда каждый балкарец примечал любой камень на своей земле, а границы участков знали не только взрослые мужчины и женщины, но и дети [Документы 1962: 127-128].

Нормы землепользования базировались на возможностях природно-ресурсного потенциала горской территории. Они нашли свое отражение в особенностях традиционной метрической системы. Острое малоземелье выработало у балкарцев такие земельные меры как «*кулач*», «*аякъ-узун*», «*таш-орун*», «*черен-орун*», «*гебен-орун*» и т.п. Первый балкарский историк Мисост Абаев в начале XX в. так раскрыл метрическое содержание этих величин: «кулач» – значит, обхват около 2-2,5 аршина, «аякъ-узун» – длина ступни ноги; «таш-орун» – место под один камень; «черен-орун» – пахотное место, дающее одну копну хлеба; «гебен-орун» – место, дающее одну копну сена [Абаев 1911: 616-617].

Во второй половине XIX в. произошли существенные изменения в системе общинного землепользования внутри самих горских обществ. В общественном владении остались далеко не самые лучшие земли, при этом споров об их использовании было настолько много, что русская администрация в инструкции начальнику Горского участка от 19 декабря 1868 г. предложила привести в известность все общественные земли, подробно их описать: в каких местностях они расположены и в каком количестве, для чего пригодны и в чьем пользовании находятся. Было предложено со всех пользующихся общественными землями взыскивать плату в общественный фонд [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 14].

Например, участок Чегет-юрт – в руках Айдебуловых, Кара-су – во владении Джанхотовых и т.п. Общество приняло решение, что этими участками может пользоваться любой член общества за арендную плату, составлявшую 1 руб. за косаря или по 25 коп. за копну сена [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 14]. В Чегемском обществе насчитали 15 участков общественной земли. Но и здесь знатные фамилии Балкароковых, Баймурзовых хотя не запрещали обществу пользоваться этими землями и никогда их не эксплуатировали, но оспаривали на них право собственности. Общество постановило, что пользоваться этими участками может каждый общинник «с платой за пастьбу баранов, если больше 500 штук по 1 коп. от штуки, у которых более 60 лошадей и 60 штук рогатого скота исключая жеребят и телят платят за каждую лишнюю крупную скотину по 5 коп. серебром, желающие косить на общественных землях платят по 5 коп. от каждой копны» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 19 и об.].

Меры площади земельных участков у балкарцев, как и у других северокавказских народов, определялись величиной затрат труда при пахоте, севе и уборке урожая. В 1866-1868 гг. Н.Ф. Грабовский, будучи в то время в должности старшего адъютанта управления Кабардинского округа, принимал непосредственное участие в подготовке и проведении крестьянской реформы в Кабарде и Балкарии. Подводя итоги процессу освобождения зависимых сословий в Горском участке Кабардинского округа он, в частности, констатировал, что «горские холопы имели недвижимое имущество, заключавшееся в 1695 загонах пахотной и 1048 – покосной земли» и «из означенного имущества владельцы получили 875 загонов пахотной и 569 загонов покосной земли», уточнив при этом, что величина пахотных и покосных загонов «не имеет определенного размера и зависит от удобства местности, на которой они находятся. Пахотные

загоны, самые большие имеют в длину до 40 и в ширину до 10 сажень; покосные же бывают и больше» [Грабовский 1870: 4].

Кавказская администрация в ходе социально-политических и земельных преобразований пореформенного периода столкнулась с трудностями в том числе и метрологического свойства. Так, при отводе земли жителям Кабардинского округа в частную собственность (1867-1874 гг.) для определения соразмерности горских земельных участков и русской десятины было, как указано в архивном источнике, «для любопытства измерено несколько участков, результаты этих измерений были следующие: Участок Кургока Геджаова 1 дес: 1200 кв. сажень, сена 6 копен, хлеба 15 копен. Участок Измаила Урусбиева: под пашней 2383 саж. – хлеба 31 копна; под покосом 1839 саж. – сена 25 копен. Его же и Магомет Урусбиева: 15 дес. покоса – 355 копен, хлеба 45 копен. 15 пудов сена – 3 вьюка: следовательно, сена 5325 пуд, их 25 стог. Хлеба средняя урожайность: 90 сабан или 145 мер или 18 четвертей. 1 копна ячменя = от 1-3 сабан молотого ячменя» [УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 12. Л. 26 об.].

В 1881 г. Управляющий межевой частью Терской области М. Кипиани собирал сведения о поземельном устройстве горских обществ. Балкарцы предоставили ему практически все необходимые статистические данные кроме размера земельных участков, которые горцы определяли и исчисляли числом дней необходимых для пахания участка. Но для перевода размеров участков на десятины необходимо было более или менее приблизительно определить величину дневного пахания. Для этого М.Кипиани произвел несколько замеров участков, которые местные жители признавали однодневными, двухдневными и т.д. В каждой местности однодневное пахание оказалось равным. Так, в Балкарском обществе оно равнялось 312 кв. саженям. Кипиани стал вести расчеты, принимая однодневную пашню в горах сохой с парой быков за 300 кв. сажень [Кипиани 1884: 27].

Но в горских обществах не могли определить пространства обрабатываемых земель «даже *дневной пахотою*». Выяснилось, что при совершении различных сделок, например, при продаже земли размер участка исчисляют *количеством копен*, получаемых при среднем урожае хлеба или сена. Но в ту краткосрочную поездку М.Кипиани не смог перевести эти меры на десятины и ограничился лишь сбором данных о количестве участков различных категорий. Так, к первой категории были отнесены земли, которые лежали близ селения, имели горизонтальную поверхность и были хорошо удобрены. А ко второй категории – земли, удаленные от селения и на большом уклоне. Эти материалы были опубликованы в его путевых заметках о нагорной полосе Терской области «От Казбека до Эльбруса». Вместе с тем некоторые приблизительные расчеты позволили ему сделать замечание о самом крупном земельном участке пахотной земли, принадлежащем восьмидесятидвухлетнему Хамурзе Шаханову. По приблизительному вычислению этот участок составляет 3 десятины и на его распашку уходило 24 дня [Кипиани 1884: 42].

В 80-е гг. XIX в., вступив в тяжбу с российским государством, таубии Урусбиевы высудили у него почти все Баксанское ущелье площадью в 35 тыс. десятин с богатым сосновым лесом и пастбищами. Крестьяне общества, состав-

лявшие около 3 тыс. человек, были лишены права пользования этими угодьями, ибо Урусбиевы стали их полноправными владельцами. По сведениям Центрального статистического комитета о населенных местах за 1896 г., 21 аул Урусбиевского общества находился либо на владельческой земле Урусбиевых, либо на спорной земле между казною и Урусбиевыми [РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2384. Л. 115-171].

Спор о Баксанском лесе между Хамзатом Урусбиевым и казной породил обширную делопроизводственную документацию, отразившую землевладение и землепользование балкарцев во второй половине XIX в. В частности, в многочисленных показаниях свидетелей зафиксированы практически все пахотные, покосные и пастбищные участки Баксанского ущелья, при этом размер их определялся в типичных для этих мест показателях – *количестве копен*, собираемых с того или иного участка или же *количестве скота*, которое позволяет содержать пастбищное место. Например, земельная собственность некоего Заурбека Жапуева составляла «на Камыше 100 копен сена, на Кылды в хороший год 40 копен, а в худой ничего не дающей, на Кылды хлеба 20 копен, на Камыше 5 копен хлеба. Зимовник, купленный от Садыковых, на Аутояк 700 баранов и на 140 – на зиму. Пастбищное место на Аутояк-Сырт, купленное от Атажукина за 1100 руб.» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 77. Л. 65]. При этом бесконечные перечисления участков с указанием их размеров в горских копнах сопровождается общими замечаниями следующего свойства: «Копна хлеба ячменя =3=2-1 саба смотря потому на какой земле, лучшие земли считаются на Ишкумене таких по близости аула легко унаваживают, кроме этого пахотные места требуют орошения скудостью произрастания хлеба происходит от необходимости вспахивать одни и те же земли, давать им отдых по ограниченному их числу нельзя. Хлеба, находящегося в Баксанском ущелье за оставлением семян, достает только на прокормление на один или два месяца» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 77. Л. 64-65].

Одним из репрезентативных массовых исторических источников для изучения социально-экономического развития горских обществ второй половины XIX в. являются посемейные списки балкарских обществ за 1886 г. Эти материалы содержат ценные статистические сведения по ряду экономических параметров крестьянских хозяйств, в том числе размеры пахотных и покосных участков [Муратова 2013]. Прописанные в 16-й графе площади земельных участков зафиксированы в копнах и составляют: одна горская копна хлеба при хорошем урожае равняется 2 сабам или 3 русским мерам; а 3 копны сена равняются 1 средней величине возу и 15 пудам сена.

Кропотливая работа комиссии по исследованию землевладения и землепользованию в Нагорной полосе Терской области в начале XX в. позволила более точно определить метрическое содержание различных величин площади и соотнести их с русскими мерами. Так, работа старшего землемера этой комиссии, прекрасного знатока горского быта, Н. Тульчинского содержит заключение, что в балкарских обществах «размер посевных полей и поемных лугов определяется количеством копен, так как горцы никаких мер не знают (имеются в виду русские меры площади – Е.М.). Всех сортов хлеба в обществах убира-

ется с 6577 пахотных участков 23423 копны. Каждая горская копна хлеба равняется 2 сабам или 3 русским четверикам, что в общем составит 70270 четвериков всего собираемого хлеба. Для обсеменения полей требуется 13533 четверика…». По собственным измерениям и прикидкам Тульчинского, одна десятина хорошей поемной пашни дает примерно 20 горских копен хлеба, с одной десятины поемного луга собирают 15 горских копен сена, а с одной десятины обыкновенного покоса – десять копен сена. Размер горской копны сена варьируется от 8 до 10 пудов [Тульчинский 1903: 184-185].

Таким образом, вслед за С.Г. Струмилиным, который считал, что сведение воедино всех важнейших сведений о древнерусских мерах должно предшествовать всякому экскурсу в область экономической истории страны [Струмилин 1960: 7-28], представляется важным показать, что с изучения исторической метрологии карачаево-балкарцев необходимо начинать исследования по социально-экономической истории Балкарии XIX в.

В целом, изучение карачаево-балкарской исторической метрологии требует особых междисциплинарных подходов с привлечением широкого круга археологических, этнографических, лингвистических источников, а также тщательного изучение фольклорных текстов, поиска метрологической информации в дошедших до настоящего времения памятниках материальной культуры и архитектуры. При этом первостепенное значение все же остается за письменными источниками, как опубликованными, так и архивными.

Практическая карачаево-балкарская метрология была обусловлена, прежде всего, потребностями сельского хозяйства и строительства. Система мер и весов была необходима для четкой регламентации феодальных повинностей, «платы за кровь» и свадебных платежей. Но в первую очередь она определялась спецификой хозяйственной деятельности народа.

Большинство мер длины, объема, площади, использовавшихся карачаево-балкарцами до XX в., относятся к категории народно-бытовых мер. Их мерность можно определить лишь приблизительно, а «средние» величины использовать с осторожностью, перепроверяя их, по возможности, содержательным анализом конкретного источника.

Что касается земельных участков, то и во второй половине XIX в. в горских обществах при определении площадей окультуренных участков десятина внедрялась с большим трудом, так как угодья располагались в труднодоступных местах и имели неправильную форму, весьма неудобную для измерения. По замечанию В.А. Дмитриева, «граница неосвоенного и окультуренного пространства обнаруживалась как результат человеческой деятельности, а не как черкая геометрическая линия» [Дмитриев 2007: 146]. Следствием этого было отсутствие в традиционной метрологии представления и о мерах площади. Пахотный участок измерялся либо затратами труда на обработку земли, либо объемом высеваемого зерна, либо объемом получаемого урожая. Чаще всего применялась урожайная мера – горская копна. Постепенно эта мера получила значение, увязанное с десятиной. Покосные земли оценивались по объемам собранного сена, а пастбища – количеством скота, которое можно было на них содержать.

Трудно переоценить значение исторической метрологии для анализа исторических источников по социально-экономической истории балкарцев. При использовании массовых исторических источников, например, таких как посемейные списки горских обществ за 1886 г. знание традиционной метрологии является одним из необходимых условий для их обработки статистико-математическими методами. В свою очередь изучение исторических источников позволяет проследить этническую специфику сложения и развития различных систем измерений, и привести меры измерения, зафиксированные у карачаево-балкарцев, в соответствие с русскими историческими и современными метрическими системами.

Также важно подчеркнуть значимость изучения метрологии отдельных народов не только с точки зрения этнологической науки, но и практического источниковедения. С помощью метрологии можно решать важнейшие вопросы критики исторического источника, определять время и место его создания, выявлять фальсификации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев 1911 – *Абаев М.К.* Балкария: Исторический очерк // Мусульманин (Париж). – 1911. – № 14-17. – С. 586-627.

Ахматова, Кетенчиев 2014 – *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Концепт "путь" как конструкт этнической языковой картины мира (на материале карачаево-балкарского нартского эпоса) // Вестник ВЭГУ. – 2014. – № 5 (73). – С. 79-86.

Гильденштедт 1809 – *Гильденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. – СПб.: Императорская Академия наук, 1809. – 384 с.

Гимбатова 2021 – *Гимбатова М. Б.* Традиционная метрология народов Дагестана // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа, Магас, 19–23 мая 2021 года. Вып. IX. – Назрань: ООО "КЕП", 2021. – С. 177-181.

Грабовский 1869 – *Грабовский Н.Ф.* Свадьба в горских обществах Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. 2. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1869. – Отд. VI. – С. 3-24.

Грабовский 1870 – *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. 3. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. – Отд. IV. – С. 1-28.

Дмитриев 1992 – *Дмитриев В.А.* Единицы измерения и размерные модули северокавказского традиционного жилища // Проблемы этнографии осетин. – Владикавказ: СОНИИ, 1992. – Вып. 2. – С. 198-199.

Дмитриев 2007 – *Дмитриев В.А*. Пространственно-временное поведение в традиционной культуре народов Северного Кавказа: региональный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Т. 10. – № 4. – С. 145-160.

Дмитриев 2008 – *Дмитриев В.А.* Принципы и основные итоги изучения пространства и времени традиционной культуры народов Северного Кавказа // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. – 2008. – Вып. 4. – Ч. 1. – С. 188-195.

Документы 1959 – Документы по истории Балкарии. 40-90-е гг. XIX в. / Сост. Е.О. Крикунова. – Нальчик: Каб-Балк. кн. изд-во, 1959. – 262 с.

Документы 1962 – Документы по истории Балкарии (конец XIX-нач.XX в.) / Сост. Е.О. Крикунова. – Нальчик: Каб-Балк. кн. изд-во, 1962. – 308 с.

КБФДЗП 1983 – Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / Сост., вступ. статья и комментарии А.И. Алиевой; отв. ред. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 432 с.

Кетенчиев 2020 – *Кетенчиев М.Б.* Полиаспектный анализ мер длины и расстояния (на материале Карачаево-балкарского языка) // Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты: Материалы XII Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, Пятигорск, 10 сентября 2020 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2020. – С. 129-132.

Кипиани 1884 – *Кипиани М.З.* От Казбека до Эльбруса: Путевые заметки о нагорной полосе Терской области. – Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1884. – 47 с.

Кудаев 2012 – *Кудаев М.Ч.* Культурное наследие балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Книга, 2012. – 280 с.

КъМТАС 1996 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѐзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х томах. Т. 1. А–Ж. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1019 с. (на карач.-балк. яз.).

КъМТАС 2002 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. II. З–Р. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 1171 с. (на карач.-балк. яз.).

КъМТАС 2005 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. III. С–Я. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 1159 с. (на карач.-балк. яз.).

Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Вып. 1. – Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1882. – 437 с.

Леонтьева и др. 2003 – *Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б.* Вспомогательные исторические дисциплины. – М.: Владос, 2003. – 368 с.

Молчанова 1973 – *Молчанова Л.А.* Народная метрология (к истории народных мер длины). – Минск: Наука и техника, 1973. – 83 с.

Муратова 2013 – *Муратова Е.Г.* Посемейные списки северокавказских обществ за 1886 год и перспективы их дальнейшего использования в кавказоведческих исследованиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. – 2013. – № 9. – Ч. 1. – С. 109-113.

Нарты 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Наука. 1994. – 656 с.

Невская 1960 – *Невская В.П.* Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке: (дореформенный период). – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1960. – 159 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии Наук.

Струмилин 1960 *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 548 с.

Тишков 2003 – *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

Труды 1908 – Труды комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ: Электропечная типография Н.К. Григорьева, 1908. – 372 с.

Тульчинский 1903 – *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1903. – Вып. 5. – С. 152-216.

Тульчинский 1983 – *Тульчинский Н.П.* Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Карачаево-балкарский фольклор. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – С. 219-287.

Хатуев 2014 – *Хатуев Р.Т.* Метрология // Карачаевцы. Балкарцы. – М.: Наука, 2014. – С. 668-683.

Вахушти 1904 – *Вахушти.* География Грузии / Введение, перевод и примечания М.Г. Джанашвили // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. – Кн. XXIV. – Вып. 5. – Тифлис: Типография К.П. Козловского, Просп. № 12, 1904. – С.136-153.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Шавлаева 2012 – *Шавлаева Т.М.* Историческая метрология чеченцев (меры длины, расстояния и площади) // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 2. – С. 172-178.

Швецов 2016 – *Швецов В.В.* Становление исторической метрологии как научной дисциплины в XVI – начале XX века // Былые годы. – 2016. – Т. 40. – Вып. 2. – С. 286-296.

REFERENCES

ABAEV M.K. *Balkariya: Istoricheskij ocherk* [Balkaria: Historical essay]. IN: *Musul'manin* (Paris). – 1911. – № 14-17. – P. 586-627. (In Russ.).

AHMATOVA M.A., KETENCHIEV M.B. *Koncept "put'" kak konstrukt jetnicheskoj jazykovoj kartiny mira (na materiale karachaevo-balkarskogo nartskogo jeposa*) [The concept "path" as a construct of the ethnic language picture of the world (on the material of the Karachay-Balkarian Nart epic)]. IN: *Vestnik VJeGU.* – 2014. – № 5 (73). – P. 79-86. (In Russ.).

DMITRIEV V.A. *Edinitsy izmereniya i razmernye moduli severokavkazskogo traditsionnogo zhilishcha* [Units of measurement and dimensional modules of the North Caucasian traditional dwelling]. IN: *Problemy etnografii osetin.* – Vladikavkaz: SONII, 1992. – Iss. 2. – P. 198-199. (In Russ.).

DMITRIEV V.A. *Printsipy i osnovnye itogi izucheniya prostranstva i vremeni traditsionnoi kul'tury narodov Severnogo Kavkaza* [Principles and main results of the study of space and time of the traditional culture of the peoples of the North Caucasus]. IN: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. – Ser. 2. – 2008. – Iss. 4. – Part 1. – P. 188-195. (In Russ.).

DMITRIEV V.A. *Prostranstvenno-vremennoe povedenie v traditsionnoi kul'ture narodov Severnogo Kavkaza: regional'nyi aspekt* [Spatio-temporal behavior in the traditional culture of the peoples of the North Caucasus: a regional aspect]. IN: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii.* – 2007. – V. 10. – № 4. – P. 145-160. (In Russ.).

Dokumenty po istorii Balkarii (konets XIX-nach.XX v.) / Sost. E.O.Krikunova [Documents on the history of Balkaria (late 20th-early 20th century) / Comp. E.O. Krikunova].– Nalchik: Kab-Balk. kn. izd-vo, 1962. – 308 p. (In Russ).

Dokumenty po istorii Balkarii. 40-90-e gg. XIX v. / Sost. E.O. Krikunova [Documents on the history of Balkaria. 40-90 years of 19th century. Comp. E.O. Krikunova]. – Nalchik: Kab-Balk. kn. izd-vo, 1959. – 262 p. (In Russ).

GIL'DENSHTEDT I.A. *Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaza.* [Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus]. – SPb.: Imperatorskaja Akademija nauk, 1809. – 384 p. (In Russ.).

GIMBATOVA M. B. *Tradicionnaja metrologija narodov Dagestana* [Traditional metrology of the peoples of Dagestan]. IN: *Gumanitarnye i social'no-politicheskie problemy modernizacii Kavkaza*. Magas, 19–23 maja 2021 goda. Iss. IX. – Nazran': OOO "KEP", 2021. – P. 177-181. (In Russ.).

GRABOVSKII N.F. *Ehkonomicheskoe polozhenie byvshikh zavisimykh soslovii Kabardinskogo okruga* [Economic conditions of former dependent estates of Kabardian district]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh: v 12 t*. [Collection of reports on Caucasian mountaineers: In 12 vols.]. – Vol. 3. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1870. – Section IV. – P. 1-28. (In Russ.).

GRABOVSKII N.F. *Svad'ba v gorskikh obshchestvakh Kabardinskogo okruga* [Wedding in mountain communities of the Kabardian region]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh*. – Iss. 2. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1869. – Part. VI. – P. 3-24. (In Russ.).

K"arachai-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu. (Tolkovyi slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka): v 3-kh tomakh. T. 1. A-Zh [The explanatory dictionary of Karachai-Balkar language: in 3 volumes. Vol. 1. A-Zh]. – Nalchik: El'-Fa, 1996. – 1019 p. (In Balkar)

K"arachai-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu. (Tolkovyi slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka): v 3-kh tomakh. T. III. S–Ya. . [The explanatory dictionary of Karachai-Balkar language: in 3 volumes. Vol. 3. *S–Ya*]. – Nalchik: El'-Fa, 2005. – 1159 p. (In Balkar).

K"arachaj-malk"ar tilni angylatma syozlyugyu (Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka): v 3-kh tomakh. T. II. Zh–R. [The explanatory dictionary of Karachai-Balkar language: in 3 volumes. Vol. 2. Zh–R]. – Nalchik: El'-Fa, 2002. – 1171 p. (In Balkar).

Karachaevo-balkarskiy fol'klor v dorevolyutsionnykh zapisyakh i publikatsiyakh [Karachay-balkarian folklore in pre-revolutionary records and publications] / Compiler, author of introductory article and comments A.I. Alieva; editor-in-chief T.M. Hadzhieva. – Nalchik: El'brus, 1983. – 432 p. (In Russ.).

KETENCHIEV M.B. *Poliaspektnyi analiz mer dliny i rasstoyaniya (na materiale Karachaevo-balkarskogo yazyka)* [Polyaspect analysis of measures of length and distance (based on the Karachay-Balkar language)]. IN: *Russkoyazychie i bi(poli)lingvizm v mezhkul'turnoi kommunikatsii XXI veka: kognitivno-kontseptual'nye aspekty: Materialy XII Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Pyatigorsk, 10 sentyabrya 2020 goda.* – Pyatigorsk: PGU, 2020. – P. 129-132. (In Russ.).

KHATUEV R.T. *Metrologiya* [Metrology]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachays. Balkars]. – M.: Nauka, 2014. – P. 668-683. (In Russ.).

KIPIANI M.Z. *Ot Kazbeka do El'brusa: Putevye zametki o nagornoi polose Terskoi oblasti* [From Kazbek to Elbrus: Travel notes on the highlands of the Terek region]. – Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, 1884. – 47 p. (In Russ.).

KUDAEV M.CH. *Kul'turnoe nasledie balkartsev i karachaevtsev* [Cultural heritage of the Balkars and Karachais]. – Nalchik: Kniga, 2012. – 280 p. (In Russ.).

LEONT'EVA G.A., SHORIN P.A., KOBRIN V.B. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary historical disciplines]. – M.: Vlados, 2003. – 368 p. (In Russ.).

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev: Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Adats of the Caucasian highlanders: Materials on customary law of the North and East Caucasus]. – Iss.1. – Odessa: Tip. P. A. Zelenogo, 1882. – 437 p. (In Russ.).

MOLCHANOVA L.A. *Narodnaya metrologiya (k istorii narodnykh mer dliny)* [Folk metrology (on the history of folk measures of length)]. – Minsk: Nauka i tekhnika, 1973. – 83 p. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Posemeinye spiski severokavkazskikh obshchestv za 1886 god i perspektivy ikh dal'neishego ispol'zovaniya v kavkazovedcheskikh issledovaniyakh* [Family lists of North Caucasian societies for 1886 and prospects for their further use in Caucasian studies]. IN: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Nauchno-teoreticheskii i prikladnoi zhurnal.* –2013. – No 9. – Part 1. – P. 109-113. (In Russ.).

Narty. Geroicheskij epos balkarcev i karachaevcev [Narts. The heroic epos of balkarians and karachais] / Executive editor A.I. Alieva. – Moscow: Nauka, 1994. – 656 p. (In Balk. and in Russ.)

NEVSKAYA V.P. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Karachaya v XIX veke: (doreformennyi period)* [Socio-economic development of Karachay in the XIX century: (pre-reform period)]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izd-vo, 1960. – 159 p. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [the Russian State Historical Archive]

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [the Russian State Military Historical Archive].

Sankt-Peterburgskij filial arhiva Rossijskoj akademii nauk [St. Petersburg branch of the archive of Russian Academy of Sciences].

SHAVLAEVA T.M. *Istoricheskaya metrologiya chechentsev (mery dliny, rasstoyaniya i ploshchadi)* [Historical metrology of Chechens (measures of length, distance and area)]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie*. – 2012. – № 2. – P. 172-178. (In Russ.).

SHEVTSOV V.. *Stanovlenie istoricheskoi metrologii kak nauchnoi distsipliny v XVI-nachale XX veka* [The Formation of Historical Metrology as Scientific Discipline at the XVI - the beginning of the XX century] IN: *Bylye Gody*. – 2016. – №. 40(2). – P. 286-296. (In Russ.).

STRUMILIN S.G. *Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii* [Essays on the economic history of Russia]. – M.: Sotsekgiz, 1960. – 548 p.

TISHKOV V.A. *Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. – M.: Nauka, 2003. – 544 p.

Trudy komissii po issledovaniju sovremennogo polozhenija zemlevladenija i zemlepol'zovanija v Nagornoj polose Terskoj oblasti [The proceedings of the Commission to study the present situation of land tenure and land use in the mountainous strip of the Terek region]. – Vladikavkaz, 1908. – 372 p. (In Russ.).

TULCHINSKII N.P. *Poemy, legendy, pesni, skazki i poslovitsy gorskikh tatar Nal'chikskogo okruga Terskoi oblasti* [Poems, legends, songs, fairy tales and proverbs of the mountain Tatars of the Nalchik district of the Terek region]. IN: *Karachaevo-balkarskiy fol'klor v dorevolyutsionnykh zapisyakh i publikatsiyakh* [Karachay-balkarian folklore in pre-revolutionary records and publications]. – Nalchik: El'brus, 1983. – P. 219-287. (In Russ.).

TULCHINSKII N.P. *Pyat gorskikh obshchestv Kabardy* [Five Mountain Societies of Kabarda]. IN: *Terskii sbornik* [Tersky Collection]. – Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, 1903. – Iss. 5. – P. 152-216. (In Russ.).

Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki [The Office of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic].

VAHUSHTI. *Geografija Gruzii / Vvedenie, perevod i primechanija M.G. Dzhanashvili* [Geography of Georgia / Introduction, translation and notes by M.G. Janashvili]. IN: *Zapiski Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshhestva.* – V. XXIV. – Iss. 5. – Tiflis: Tipografiya K.P. Kozlovskogo, Prosp. № 12, 1904. – P. 136-153. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.Г. Муратова – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

E.G. Muratova – Doctor of Sciences (History), professor.

Статья поступила в редакцию 27.04.2023 г.; одобрена после рецензирования 25.05.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 27.04.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК39(393)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-143-155
EDN: ISCHUO

ТРАСФОРМАЦИЯ ПОХОРОННО-ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ И РИТУАЛОВ КАБАРДИЦЕВ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В НАЧАЛЕ 20-х гг. XXI в.

Диана Руслановна Лакунова
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, anzva86@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6224-7824

Аннотация. В статье исследованы некоторые элементы современного похоронно- погребального обряда кабардинского населения Кабардино-Балкарской Республики. На основе полевого материала автора рассмотрено несколько циклов похоронно-погребальной практики кабардинцев: предпохоронные обряды, похороны, погребальный обряд. Для выявления трансформаций наиболее подробно проанализированы предпохоронные обряды, где четко прослеживаются представления о душе, отношение к покойнику и его телу, а также запреты, связанные со смертью. Детальное описание и толкование современных обрядов необходимо для выявления и анализа трансформаций, происходящих в духовной сфере кабардинского общества. Сделан вывод что, в последнее десятилетие в условиях глобализациии трансформации этнокультурных ценностей в похоронно-погребальной обрядности кабардинского общества до сих пор сохраняются доконфессиональные воззрения, с одной стороны, и усиливается рост интереса к исламским традициям – с другой.

Ключевые слова: похоронно-погребальный обряд, похороны, омовение, захоронение, культ предков, магия, ислам, религиозные воззрения, кабардинцы

Для цитирования: Лакунова Д.Р. Трансформация похоронно-погребальных обрядов и ритуалов кабардинцев Кабардино-Балкарской Республики в начале 20-х гг. XXI в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 143-155. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-143-155. EDN: ISCHUO.

© Лакунова Д.Р., 2023

Original article

TRANSFORMATION OF FUNERAL AND FUNERAL RITES AND RITUALS OF KABARDINIANS OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC IN THE EARLY 20S OF THE XXI CENTURY

Diana R. Lakunova
Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Nalchik, anzva86@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6224-7824

Abstract. The article covers Kabardian funeral customs in the Kabardino-Balkarian Republic. The Kabardians have three stages of funeral practice: pre-burial, funeral, and funeral rite. To identify transformations, pre-burial rites are analyzed in most detail, where ideas about the soul, attitudes

towards the deceased and his body, as well as prohibitions associated with death are clearly traced. A detailed description and interpretation of modern rituals is necessary to identify and analyze the transformations occurring in the spiritual sphere of Kabardian society. The last decade has seen an increase in Islamic traditions in Kabardian funeral rituals, despite globalization and changes in ethno-cultural values.

Keywords: funeral and burial rite, funeral, ablution, burial, ancestral cult, magic, islam, religious beliefs, Kabardians

For citation: Lakunova D.R. Transformation of funeral and funeral rites and rituals of Kabardinians of the Kabardino-Balkarian Republic in the early 20s of the XXI century. In: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 143-155. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-143-155. EDN: ISCHUO.

© Lakunova D.R., 2023

Введение

С конца XX – начала XXI вв. похоронно-поминальная обрядность кабардинцев претерпела изменения. Трансформации коснулись не только обрядовой практики, но и анимистических представлений народа, которые некогда служили основанием культа предков в традиционной культуре, хотя известно, что похоронные обряды являются самыми консервативными из числа семейно-бытовых обрядов. В настоящий момент похоронно-погребальный обряды и ритуалы кабардинцев почти полностью совершаются по исламским канонам. Подробное описание мусульманских обрядовых предписаний в погребальной сфере и характеристика основных элементов похоронного ритуала необходимы для выявления синкретизма традиционных и религиозных верований.

Похоронно-поминальные обряды состоят из нескольких циклов:

– предпохоронные обряды (обряды, совершаемые до наступления смерти);

– похоронные (обряды, совершаемые после смерти);

– погребальные (обряды, связанные с выносом покойника из дома и его погребение);

– поминальные.

В настоящее время современные похоронно-погребальные обряды и ритуалы кабардинцев фактически не становились объектом комплексного исследования этнографов. Некоторые аспекты, посвященные данной тематике, принадлежит И.З. Богатыревой и датируется 2003 г. [Богатырева 2003]. Объектом диссертационного исследования И.З. Богатыревой стала обрядовая коммуникация кабардинцев основные особенности обрядовой жизни кабардинцев в XIX-XX вв., в том числе традиционное и новое в религиозных и похоронно-поминальных обрядах. Некоторые аспекты обрядов современного похоронно-поминального цикла рассматривались в контексте изучения традиционной культуры кабардинцев в статьях М.А. Текуевой, Е.А. Нальчиковой [Гугова, Нальчикова, Текуева 2018; Текуева, Нальчикова 2019; Текуева, Нальчикова 2020]. Т.Р. Загазежев в материалах археологических исследований, рассматривал динамику похоронно-поминальных обрядов адыгов, начиная с Позднего средневековья до наших дней [Загазежев 2022: 297-313]. Особенности похоронно-поминальной обрядности адыгов, а также динамика их развития были описаны в монографии

«Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги» [Адыги 2022]. В настоящее время в кабардинском обществе произошли значительные трансформации, связанные с процессом реисламизации общества, глобализации и новой коронавирусной инфекции, которые оказали определенное влияние на традиционную обрядность и религиозную практику, в том числе и в похоронно-поминальной. Похоронные обряды всегда являлись наиболее консервативными из всех обрядов жизненного цикла и были тесно связаны с культом предков, погребальным культом, обычаями и нормами поведения. В статье рассмотрены предпохоронные обряды, похоронные и погребальные. Поминальный цикл требует более детального описания, так как память о покойном, уважение и внимание к нему даже после смерти, относятся к древнейшим ритуалам и, несмотря на смену религиозных предпочтений народа, удерживают свои позиции и по сегодняшний день. Подвергаются изменениям форма и содержание поминальных обрядов, особенно в последнее десятилетие. Изучение этого аспекта проблемы может быть предметом специального исследования.

Исследование современных похоронно-погребальных обрядов и ритуалов позволит понять, как живет и меняется народ, какова динамика и тенденции развития обрядов, обычаев и самой культуры кабардинцев. Рассматривая традиционные и новые элементы в обрядности кабардинцев, нужно отметить важное значение новых, так как в последние несколько лет наблюдается некий межпоколенный конфликт отношений.

Настоящее исследование опирается в основном на полевые материалы автора, собранные в 2022 г. в Кабардино-Балкарской республике. Основной сложностью в ходе сбора полевого материала была итеративность ответов на вопросы и недостаточное владение информацией о значении и сути некоторых обрядов молодым поколением. В связи с этим, в качестве информантов приглашались и люди старшего поколения, и молодежь, что дало возможность более детально проследить изменения в похоронно-поминальной обрядности и религиозном мышлении кабардинцев. При сборе и обработке материалов применялись методы, принятые в современной полевой этнографии. В основном интервьюирование проводилось по тематическому дневнику. Анализ материалов показал, что в настоящее время похоронно-погребальная обрядность содержит в себе элементы традиционных верований, ислама и христианства. Сложность исследования поставленной проблемы заключается в том, что иногда трудно установить их генезис. Для выявления наиболее архаичных обрядов и их интерпретации были опрошены люди старшего поколения, а для поиска новых элементов в обрядности информантами стали молодые люди в возрасте от 25 до 35лет. Информантам в основном задавались вопросы, связанные с поверьями и приметами о приближении смерти человека, детальным описанием обряда омовения, погребения покойника и т.д.

Предпохоронные обряды

Все действия, совершаемые для подготовки покойного в последний путь, традиционно именуются предпохоронными обрядами.

В соответствии с традиционными, религиозными и суеверными представлениями у кабардинцев существуют приметы связанные с приближением смерти человека. Многие поверья бытуют и в наши дни. Во избежание тяжелой смерти, родственники совершают некие обрядовые действия. Предвестниками могут служить как внешние признаки (трансформация цвета лица и кожи, путающаяся речь, разговоры о потустороннем мире, онемение конечностей, специфический запах изо рта, затуманенный взгляд и т.д.), трансцендентные (когда сами чувствуют приближение смерти, необычные сновидения родственников), а также суеверные представления (крики совы ночью в доме тяжелобольного, воющая собака, смерть домашних животных и т.д.). Кабардинцы с уважением относятся к тяжело больному умирающему человеку. Кто-то из родственников всегда находиться рядом, стараются исполнить его последнее желание и услышать завещание *(уэсят).* По представлениям родственников, для облегчения участи умирающего нужно пригласить муллу, который зачитывает аяты из Корана. Если же человек умирает быстро или во сне, считается, что это благодать, и что он попадёт в рай [ПМА № 1].

По древним народным поверьям и представлениям о взаимосвязи плоти человека и души, которые должны обязательно воссоединиться в потустороннем мире, кабардинцы и по сей день очень уважительно относятся к телу покойного. Если при жизни человек терял по разным причинам части тела, кабардинцы пытались их сохранять, чтобы быть похороненными вместе с ними. Даже инородные предметы (зубные протезы, протезы конечностей и т.д.) обязательно хоронят вместе с покойником. Так, житель с. Заюково, работая на шахте, потерял кисть руки. Он хранил ее на чердаке до самой смерти и завещал похоронить ее вместе с ним. По информации З.Л., ее тетя родилась без одной руки и всю жизнь носила протез. После похорон обнаружили, что забыли положить протез вместе с ней в могилу. Семья, испытывая страх и вину перед умершей, на семейном совете решили захоронить протез рядом смогилой умершей [ПМА № 1]. Круг подобных примеров довольно широк и все они подтверждают, что эти ритуально-обрядовые действия по отношению к телу покойного носили системный характер.

После смерти покойника кладут на твердую ровную поверхность (пол), прикрывают веки. Тело выпрямляют так, чтобы ни руки, ни ноги не были скрещены. У многих часто возникает чувство страха стать «*хьдэкъуанщэ*» (каб. – дословно «кривым трупом»), и одним из последних желаний умирающих является обязательное выпрямление их тел [ПМА № 1]. По народным поверьям, умереть в неестественной, скрюченной позе является грехом [ПМА № 1; ПМА № 2; ПМА № 3]. Но, по нашему мнению, здесь прослеживается сакральное отношение к покойнику, которое основано на анимистических представлениях, так как бережное отношение к телу и душе, вероятно намного древнее, чем появление понятия греха.

В доме, где умер человек, закрывают все зеркала белой тканью, либо поворачивают к стене до 40 дней. Некоторые говорят что отражающие поверхности закрывают для того, чтобы они не отвлекали от скорби, а некоторые что там отражается душа покойника или сам покойник [ПМА № 1]. Как оказалось, такое

поверье достаточно универсально. Многие народы верят, что душа человека пребывает в его зеркальном отражении. Согласно Фрезеру, многие народы считают душами любое отражение, и существовало правило не смотреть на свое отражение, так как это может повлечь за собой смерть [Фрэзер 1984: 187]. Большинство информантов сообщают, что современные кабардинцы закрывают зеркала по таким же соображениям: из-за боязни, что душа человека, отражающегося в зеркале, может быть унесена духом покойника [ПМА № 1; ПМА № 2; ПМА № 3]. Но совершенно точно, что этот обычай не относится к какой-либо определенной конфессии и имеет более глубокие исторические корни.

Обязательным элементом предпохоронной обрядности является подготовка покойника к омовению. Обряд омовения тела проходит в основном по мусульманским обычаям, но содержит и элементы традиционной культуры, язычества и христианства. По архивным данным, в советский и постсоветский периоды омывателями (каб. – *хьэдэгъпскI*) были либо родственники умершего, либо помощники омывателя. Информанты объясняли это тем, что знатоков похоронных обрядов не осталось. [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Паспорт № 24. Запись 1977г.]. Сейчас для обряда приглашают омывателя покойников, который является не только священнослужителем или знатоком Корана, но и знает порядок и правила омовения покойника. Можно сказать, что это уже является профессией, так как омывальщикам платят деньги (3000–5000руб.).

В последние несколько лет в связи с развитием индустрии по наращиванию ногтей, появился новый обряд перед омовением, когда у умерших девушек и женщин снимают наращённые ногти, иногда приглашая для этого мастера маникюра. Омовение считают несовершенным, если не снять покрытие с ногтей, так как он является преградой между поверхностью ногтей и водой. По исламу «при омовении поверхность тела обязательно должна полностью контактировать с водой. Касается это и ногтей, и ресниц, и волос» [ПМА № 2]. По информации одной из таких мастериц, родственники умерших часто предлагают определенную сумму за снятие покрытия [ПМА № 3]. Но она каждый раз отказывается, считая это долгом перед умершими [ПМА № 3].

Неизменным остается то, что если умер мужчина, то омовение производит эфенди с помощниками. Если же умерла женщина, то омовение совершают предназначенные для этого женщины [ПМА № 1]. Далее рассмотрим порядок омовения женщины. Вместе с омывательницей в комнате должны находиться еще 4 женщин, а за дверью должны стоять еще две помощницы. Это могут быть родственники покойной. С покойной снимают с одежду, украшения, развязывают косы и подвязывают челюсть куском хлопчатобумажной ткани.

Покойную кладут на ложе в виде деревянной или железной кровати с наклоном и с круглым отверстием у основания. Называют это приспособление «*Iей*» (каб. «плохое») или «*хьэдэпхъэбгъу*» (широкая доска на четырех ножках с наклоном). Через отверстие вода стекает сверху вниз в ведро. Перед началом обряда омывательница должна произнести обязательные слова: «Перед лицом Аллаха, каждый, кто присутствует здесь, дайте клятву, что все, что вы увидите здесь, хоть как-то оскверняющее покойную, не должно выйти из этой комнаты, и что вы это унесете с собой в могилу» [ПМА № 1].

Перед началом омовения тело покойной накрывают тканью, чтобы, по словам информантов, «ему не было стыдно» и в течение всего процесса эта ткань на ней. Покойнице сначала делают омовение – вуду́ и только потом переходят к купанию [ПМА № 1]. Омывательница надевает рукавицы. Одна женщина натирает мыло на терке, другая наливает воду в кумган, третья помогает приподнимать тело, четвертая выносит воду. Все женщины должны быть в фартуках, чтобы вода не соприкасалась человеком.

Во время омывания родственникам покойной советуют, чтобы они стояли у ног покойника и смотрели на его ступни, для того чтобы они «перенесли горе легче» [ПМА № 1].

Все свои действия они сопровождают молитвами и аятами из Корана. Запрещается разговаривать. После завершения обряда омовения на покойную надевают фартук (каб. – *«куэщIипхъуэ»*), лиф (каб. – *«бгъэщIэпхэ»*), длинное платье-рубаху (каб. – *«ахърэтджанэ»*) и платок (каб. – *«ахърэтIэлъэщI»*). Все эти одеяния готовят там же, отрезая из одного рулона хлопчатобумажной ткани. В волосы вплетают кусок ткани, скручивают и кладут на груди. Если у покойной не было волос, то ткань так же скручивают, имитируя волосы. В некоторых селах есть обычай надевать на покойную второй платок (каб. – «*дыщIэлъэщI»*), который приносят родственницы покойной со стороны ее отца в знак уважения. Примечательно, что в некоторых регионах КБР о таком обычае знают не все. Например, в Баксанском и Терском районах [ПМА № 2].

Саван и все необходимые принадлежности для похорон в настоящее время можно приобрести в магазинах исламских товаров.

В сельской местности воду, в которой купали покойника, выносят и сливают в подготовленную яму во дворе. В эту же яму кладут все принадлежности, которые использовали во время обмывания (остатки мыла, подвязка для челюсти, куски ткани и т.д.). Это чуждые исламу обычаи. Так как и моздокские кабардинцы, которые исповедуют христианство, также сливают воду в специально подготовленную яму и совершают те же действия [ПМА№ 4]. Здесь прослеживаются, видимо, какие-то доисламские поверья. Считается, что все эти предметы могут быть использованы в магии. По сообщению некоторых информантов, были случаи кражи подвязки для челюсти [ПМА № 1]. На практике это очень частое явление. Опрошенная нами омывальщица рассказывала, что к ней пришли женщины, которые просили ее принести им подвязку за вознаграждение [ПМА № 2]. Интересно, что такие же поверья существуют, например, и у албанцев Приазовья, где воду, которой омыли покойника, сливают в том месте, где никто не ходит, так как с помощью этой воды можно нанести порчу [Ермолин 2011: 156-215]. Городские жители сливают воду, в которой купали покойного, в канализацию.

Если есть возможность, покойника после омовения переносят в другую комнату. В комнате, где происходило омовение, раньше заново белили стены, выравнивали глинобитный пол и вообще обновляли все убранство. В настоящее время все эти действия редуцировались – в комнате убирают занавески, если они есть, делают уборку, моют полы. Все информанты дают одинаковое объяс-

нение этим действиям – «когда «псэхэх»[1] забирает душу, вся комната и стены остаются в крови, которые не видны человеку» [ПМА № 1; ПМА № 2; ПМА № 3]. Следует отметить, что такие же обычаи есть и у народов Дагестана [Мусаева 2017: 115-124].

После завершения омовения лицо покойника оставляют открытым, чтобы желающие могли проститься с ним. Но подходить, трогать и тем более плакать над ним запрещено. Закрывают лицо только перед выносом тела из дома.

Похоронные обряды

После проведения предпохоронных обрядов, для проведения похорон и совершения заупокойной молитвы приглашают муллу. Тело покойного выносят головой вперед в центр двора и делают дуа[2]. Все чаще бывают случаи, когда современная молодежь не делает дуа во время похорон, объясняя это тем, что присутствующие (особенно старшее поколение) не знают аятов, которые надо произносить и видят в этом «бессмысленность» этих действий [ПМА № 2, ПМА № 3]. Если покойный – мужчина, его накрывают буркой, а если женщина – одеялом. Это является также неким маркером, через который можно издали определить пол умершего. После того, как тело покойного вынесли во двор, мулла проводит процесс «*деур*». Суть его заключается в том, что семья умершего дает некую сумму священнослужителю, и он должен раздать эти деньги беднякам. Считается, что через этот обряд родственники облегчают грехи покойного. Раньше вместо денег беднякам раздавали вещи покойного [ПМА № 1].

Покойника несут близкие родственники усопшего. По дороге до кладбища носильщики меняются несколько раз. Если люди встречают похоронную процессию, то они должны в знак уважения остановиться, даже если едут в машине. Женщинам и по шариату, и по традиционным воззрениям запрещается участвовать в процессе захоронения покойного. В связи с этим они не ходят вместе с мужчинами на кладбище. Дойдя до ворот дома, они возвращаются. В последние несколько лет женщины стали чаще посещать кладбище, но перед посещением кладбища необходимым условием является обязательное омовение – вуду́ и одежда, соответствующая мусульманским канонам.

Сразу после смерти родственники умершего открывают ворота и рассылают горевестников (каб. – «*щыхьэкIуэ*») к соседям, близким родственникам, друзьям и т.д. Но в век цифровых технологий о смерти могут сообщать телефонным звонком или даже сообщением. Со слов информантов, это приводит к постепенной утрате социокультурной роли горевестника [ПМА № 1].

Соболезновать родственникам усопшего раньше приходили только близкие родственники и соседи. «Товарищи, выразив соболезнование семье покойного, уезжали, даже не дождавшись выноса тела» [Архив ИГИ КБНЦ РАН.Ф. 10. Паспорт 13. Запись 1976 г.]. В настоящее время считается плохим тоном, если пришедшие на соболезнования уйдут до похорон.

[1] Тот, кто забирает души – пер. автора.

[2] Молитва за покойного

С 2020 г. форма соболезнования претерпела изменения в связи с неблагополучной ситуацией по новой коронавирусной инфекции и необходимостью ограничить контакты людей. Изменения коснулись не только ограничительных мер во время соболезнования, изменился почти весь алгоритм похоронно-поминальной обрядности. В особенности запрещалось проводить омовение покойника по требованиям шариата, а также рекомендовалось уменьшить количество участников в похоронных обрядах, ввиду опасности распространения коронавирусной инфекции. Довольно подробное описание изменений в похоронно-поминальной обрядности в период пандемии приводит М.С.-Г. Албогачиева. Для решения возникших задач – с одной стороны не нарушить обязательные требования шариата, а с другой обезопасить здоровых участников похорон от заражения коронавирусом, муфтием Ингушетии был предложен особый алгоритм похоронной обрядности [Албогачиева 2022: 122-141]. Подобного описания трансформаций в похоронной обрядности в этот период в Кабардино-Балкарской республике в настоящее время еще нет. Но по сведениям информантов, многие элементы похоронных обрядов приобретали формальный характер и оказали негативное влияние на традиционные ценности в целом.

Погребение покойника

Погребение покойного являются одним из наиболее значимых событий в традиционной культуре любого народа. Из архивных данных известно, что покойника надо было хоронить обязательно до обеда. Если близкий родственник был в отъезде, то похороны откладывали до его приезда [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 10. Паспорт 24. Запись 1977 г.]. Если человек умер после обеда, то похороны переносили на следующий день. Об этом также упоминают наши информанты старшего поколения, выражая недовольство, что «сейчас хоронят, когда хотят и даже после захода солнца» [ПМА № 1]. По мнению молодежи, «по исламу нужно хоронить сразу после смерти, даже если человек умер ближе к вечеру» [ПМА № 3]. В связи с неоднозначным толкованием этапов похоронно-погребальной обрядности иногда возникают конфликтные ситуации между старшим поколением, которое придерживается традиционных устоев и молодежью, которая считает, что пережитки прошлого не имеют ничего общего с исламом.

Кладбище в сельской местности бывает поделено на несколько родовых участков, как и у многих народов Северного Кавказа [Албогачиева 2009:70]. Даже несколько лет назад городские жители увозили своих умерших в сельские родовые кладбища. Но в настоящее время в силу разных причин усопших хоронят на смешанном кладбище. Одна из самых распространённых причин этого–желание быть похороненным недалеко от места жительства, чтобы дети могли навещать [Гугова, Нальчикова, Текуева 2018]. Хотя по исламским канонам место захоронения не имеет значения.

Материалы полевых исследований показывают, что вплоть до недавнего времени могилу копали родственники усопшего. Об этом писал еще Хан-Гирей: «Неслыханно в Черкесии, чтобы когда-нибудь нанимали для этого рабочих людей; напротив того, все жители стекаются в дом покойника, как сказано

выше, и оттуда нужное число людей идет на кладбище, и там копают могилу наперерыв, спеша один другого сменять на работе, считая это приличным каждому» [Хан-Гирей 2008:345]. В настоящее время обычай, когда могилу копают родственники, почти изжил себя, и могилу копают те, для кого это является профессией (в сельской местности), либо сотрудники ритуальных услуг (в городах). Примерная стоимость такой услуги к лету 2022г. составляла 2000-3000 руб. [ПМА № 1; ПМА № 2]. Измерив тело покойника палкой, они относят ее на кладбище и, ориентируясь по ней, копают могилу. По обычаю, если умер мужчина, то могилу роют по пояс, а если женщина – немного глубже, по грудь. По мнению некоторых информантов, «это делается потому, что у женщин больше грехов, и поэтому их закапывают глубже» [ПМА № 1]. А представители духовенства говорили, что «после того, как они будут воскрешены в судный день для расспросов, не должны быть видны постыдные места» [ПМА № 1]. По-видимому, здесь прослеживается некий религиозный синкретизм, который есть не только у кабардинцев. Например, у горных таджиков Южного Таджикистана глубина мужской могилы – по грудь, а для женщины по мочку уха копающего [Бабаева 1993: 78]. И у карачаевцев могилу копают «по пояс для мужчин и по грудь – для женщин» [Зельницкая 2018].

Глубина могилы составляет примерно 130 см. На южной стороне делается подбой – (каб. – *«лыхь»*), куда кладут покойника на правый бок. Со слов информанта, *«лыхь»* переводится как – несущий мясо *(«лы» – мясо (тело), «хьын» –нести)* [ПМА № 1]. По его мнению, обычай делать подбой появился у кабаринцев в далекой древности, еще до принятия ислама [ПМА № 1]. И делается это в знак глубочайшего уважения к покойнику, чтобы люди не наступали на его тело [ПМА № 1]. Раньше подбои перекрывали досками, чтобы земля не сыпалась на тело, а сейчас перекрывают блоками или кирпичами. Подбои имеют разные вариации в разных населенных пунктах.

После того как могила готова, в яму спускаются три человека, в основном это родственники покойного. Покойника переносят с носилок на край могилы. Те, которые стоят в яме, берут тело снизу и очень медленно опускают в могилу.

Следует сказать, что в процессе засыпания могилы считается совершенно недопустимым передавать лопату друг другу. Лопату кладут на землю и только потом ее подбирает следующий копающий. «Запрет на передачу лопаты связывают с передачей семейного горя» [ПМА № 1]. Этот обычай имеет глубокие корни и с течением времени не утратил своей значимости. Об этом также писал А.Т. Шортанов, сравнивая этот запрет с запретом на передачу очажной цепи, которая означала передачу огня, следовательно – домашнего счастья. А передача лопаты во время похорон символизирует передачу родового горя [Шортанов 1992: 39]. Примечательно, что по такому же принципу засыпают могилу и моздокские кабардинцы – христиане [Кунов 2009: 117]. Стоит сказать, что этот запрет удерживает свои позиции в похоронной обрядности кабардинцев, хотя известно, что не имеет отношения к исламским религиозным правилам, а является архаичным элементом традиционных верований.

После завершения похорон и после погребального намаза, мулла поливает водой могилу. Все присутствующие отходят от могилы на 40 шагов и быстро

покидают кладбище. На вопрос, почему все в спешке покидают кладбище, священнослужители отвечают, что «они могут услышать голос покойника, когда его допрашивают ангелы» [ПМА № 1]. В архивах мы не обнаружили упоминаний о том, покидали ли присутствующие на похоронах кладбище в спешке.

Как показывают полевые материалы, все похоронные обряды с момента выноса покойного и до его захоронения длится около 4-5 часов.

Заключение

Рассмотрев современные похоронно-погребальные обряды и ритуалы кабардинского населения, мы пришли к выводам, что, несмотря на конфессиональные и социальные изменения, и на то, что они в основной своей массе мусульмане-сунниты, некоторые ритуалы и религиозные практики еще сохраняют элементы более ранних форм религии (культа предков, анимизма, магии). Полевые исследования показывают, что современные кабардинцы до сих пор очень уважительно относятся к умершим и придают особое значение предпохоронным, похоронным и погребальным обрядам и ритуалам, так как по суеверным представлениям это все влияет на благополучный переход в загробный мир. Наряду с мусульманскими обрядовыми действиями все также присутствуют архаичные элементы, например в обряде омовения, в процессе засыпания могилы, в отношении к душе и телу покойного. Но также прослеживаются трансформации, которые возникают в последнее время и приводят к разногласию между «старым» и «молодым» поколением. Это выражается в том, что все чаще молодежь отказывается от традиционных элементов на похоронах, объясняя это всего лишь данью язычеству. Например, теряет свои позиции понятие «родового» кладбища, сроки и порядок захоронения и соблюдения траура, раздача заупокойной еды, ношение траурного головного убора у мужчин и т.д., что постепенно приводит к потере идентификационной функции, которая позволяет чувствовать принадлежность человека к тому или иному этносу. Старшее поколение не готово мириться с подобного рода нововведениями.

Рассмотрев некоторые циклы похоронно-погребальной практики кабардинцев, мы можем заключить, что, в последнее десятилетие, несмотря на доминирование традиционных элементов в обрядовой практике, происходят наиболее выраженная трансформации этнокультурных ценностей. Причиной этому могут быт глобализация в целом, ситуация с новой коронавирусной инфекцией, а также усиливающийся исламский компонент в лице ортодоксальной молодежи, которая все чаще вступает в конфликт с приверженцами традиционализма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыги 2022 – Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / А.Х. Абазов, Х.И. Баков, Б.Х. Бгажноков [и др.]. – М.: «Наука», 2022. – 870 с. – (Серия «Народы и культуры»).

Албогачиева 2009 – *Албогачиева М.С.-Г.* Похороны и поминки у ингушей // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Кунсткамера. – Санкт-Петербург: «Лема», 2009. – Вып. 3. – С. 60-76.

Албогачиева 2022 – Албогачиева *М.С.-Г.* Суфизм в Ингушетии в условиях пандемии COVID-19. Коллективная монография «Суфизм после СССР». – М.: «Фонд Марджани», 2022. – 500 с.

Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Бабаева 1993 – *Бабаева Н.С.* Древние верования горных таджиков южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX – начало XX века). – Душанбе: Дониш, 1993. – 156 с.

Богатырева 2003 – *Богатырева И.З.* Традиционное и новое в обрядности кабардинцев. Дис. к.и.н. – Нальчик: КБГУ, 2003. – 180 с.

Гугова, Нальчикова, Текуева 2018 – *Гугова М.Х., Нальчикова Е.А., Текуева М.А.* Трансформация северокавказской похоронной обрядности в XX веке. // Социально-гуманитарные знания. –2018.– № 9. – С. 205-213.

Ермолин 2011 – *Ермолин Д.С.* Похоронный обряд Приазовских албанцев (по материалам фотоиллюстративного фонда отдела европеистики и архива МАЭ) // Культурное наследие народов Европы. – СПб.: Наука, 2011. – С. 156-215.

Загазежев 2022 – *Загазежев Т.Р.* Намогильные памятники адыгов в XIV-XVI вв.: общая характеристика и проблема культурно-этнической принадлежности // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 297-313. – DOI: 4-297-313. – EDN: KXHXUM.

Зельницкая 2018 – *Зельницкая Р.Ш.* Современный похоронно-поминальный обряд у карачаевцев // Известия СОИГСИ. – 2018. – № 28 (67). – С. 52-64. – EDN XTUNMT.

Кунов 2009 – *Кунов Н.А*. Культура и быт моздокских кабардинцев в XIX–XX в. – Нальчик: «Эльбрус», 2009. – 117 с.

Мусаева 2017 – *Мусаева М.К.* Похоронно-поминальная обрядность народов Дагестана в современных городских условиях//Вестник института ИАЭ. – 2017. – № 4. – С.115-124.

ПМА № 1 – Полевые материала автора. Дневн. 1. КБР, Баксанский район (с. Баксаненок 02.03.2022 г.; г. Баксан 12.04.2022 г.; с. Кишпек 24.04.2022 г.; с. Жанхотеко 08.05.2022 г.).

ПМА № 2 – Полевые материала автора. Дневн. 2. КБР, Лескенский район. (С. Аргудан. 15.08.2022 г.; с. Старый Лескен. 17.08.2022 г.).

ПМА № 3 – Полевые материала автора. Дневн. 3. КБР, г.о. Нальчик. 19.10.2022 г., 13.12.2022 г.

ПМА № 4 – Полевые материала автора. Дневн. 4. Ставропольский край. 22.10.2022 г.

Текуева, Нальчикова 2019 – *Текуева М.А., Нальчикова Е.А.* Взаимопомощь в похоронно-поминальной обрядности народов Северного Кавказа // Актуальные проблемы истории, теории и методологии социальной работы: Материалы конференции. – Нальчик: КБГУ, 2019. – С. 150-155.

Текуева, Нальчикова 2020 – *Текуева М.А., Нальчикова Е.А.* Похоронная обрядность как маркер этнокультурной идентичности (на примере народов Северного Кавказа) // Актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания advancedscience. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Нальчик: КБГУ, 2020. – С. 61-65.

Фрэзер 1984 – *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1984. – 528 с.

Хан-Гирей 2008 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. –Нальчик: «Эль-фа», 2008. – 345 с.

Шортанов 1992 – *Шортанов А.Т.* Адыгские культы. – Нальчик: «Эльбрус», 1992. – 166 с.

REFERENCES

Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi [Adygi: Adygea. Kabardians. Circassians. Shapsugs] / A.Kh. Abazov, Kh.I. Bakov, B.Kh. Bgazhnokov [i dr.]. – M.: «Nauka», 2022. – 870 p. – (Seriya «Narody i kul'tury»). (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Pokhorony i pominki u ingushei* [Funeral and commemoration of the Ingush]. IN: Materialy polevykh issledovanii MAE RAN. Kunstkamera. – Sankt-Peterburg: «Lema», 2009. – iss. 3. – P. 60-76. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Sufizm v Ingushetii v usloviyakhpandemii COVID-19* [Sufism in Ingushetia during the COVID-19 pandemic]. IN: Kollektivnaya monografiya «Sufizm posle SSSR». – M.: «Fond Mardzhani», 2022. – 500 p. (In Russ.).

ARKHIV KBIGI – Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovanii – filiala Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Archive of the Institute for Humanitarian Research – a branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (in Russ.).

BABAEVA N.S. *Drevnie verovaniya gornykh tadzhikov yuzhnogo Tadzhikistana v pokhoronno-pominal'noi obryadnosti (konets X1X – nachalo XX veka)* [Ancient beliefs of the mountain Tajiks of South Tajikistan in the funeral and memorial rite (late X1X – early XX century)]. – Dushanbe: Donish, 1993. – 156 p. (In Russ.).

BOGATYREVA I.Z. *Traditsionnoe i novoe v obryadnosti kabardintsev.* [Traditional and new in the rituals of the Kabardians.]. Dis. K.i.n. – Nal'chik: KBGU, 2003. – 180 p. (in Russ.).

GUGOVA M.KH. Nal'chikova E.A. Tekueva M.A. *Transformatsiya severokavkazskoi pokhoronnoi obryadnosti v XX veke* [Transformation of the North Caucasian funeral rites in the XX century].IN: Sotsial'no-gumanitarnyeznaniya. – 2018. – № 9. – P. 205-213. (In Russ.).

ERMOLIN D.S. *Pokhoronnyi obryad Priazovskikh albantsev (po materialam fotoillyustrativnogo fonda otdela evropeistiki i arkhiva MAE)* [Funeral rite of the Azov Albanians (based on the materials of the photo-illustrative fund of the Department of European Studies and the Archive of the MAE]. IN: Kul'turnoe nasledie narodov Evropy. – SPb.: Nauka, 2011. – P. 156-215. (In Russ.).

ZAGAZEZHEV T.R. *Namogil'nye pamyatniki adygov v XIV-XVI vv.: obshchaya kharakteristika i problema kul'turno-etnicheskoi prinadlezhnosti* [Grave monuments of the Adygs in the XIV-XVI centuries: general characteristics and the problem of cultural and ethnic affiliation].IN: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2022. – № 4. – P. 297-313. – DOI: 4-297-313. – EDN: KXHXUM. (In Russ.).

ZEL'NITSKAYA R.SH. *Sovremennyi pokhoronno-pominal'nyi obryad u karachaevtsev* [Modern funeral and memorial rite among Karachai]. IN: Izvestiya SOIGSI. – 2018. – № 28 (67). – P. 52-64. – EDN XTUNMT. (In Russ.).

KUNOV N.A. *Kul'tura i byt mozdokskikh kabardintsev v XIX–XX v.* [Culture and life of the Mozdok Kabardians in the 19-20th century]. – IN: Nal'chik: «El'brus», 2009. – 117 p. (In Russ.).

MUSAEVA M.K. *Pokhoronno-pominal'naya obryadnost' narodov Dagestana v sovremennykh gorodskikh usloviyakh* [Funeral and memorial rites of the peoples of Dagestan in modern conditions]. IN: Vestnikinstituta IAE. – 2017. – № 4. – P. 115-124. (In Russ.).

PMA № 1 – *Polevye materiali avtora. Dnevn. 1. KBR, Baksanskiiraion* [Field material of the author. Day 1. KBR, Baksan district]. (s. Baksanenok. 02.03.2022 g.; g. Baksan. 12.04.2022 g.; s. Kishpek. 24.04.2022 g.; s. Zhankhoteko. 08.05.2022 g.).

PMA № 2 – *Polevye materiali avtora. Dnevn. 2. KBR, Leskenski iraion* [Field material of the author. Day 2. KBR, Leskensky district]. (S. Argudan. 15.08.2022 g.; s. Staryi Lesken. 17.08.2022 g.).

PMA № 3 – *Polevye materiali avtora. Dnevn. 3. KBR, g.o.Nal'chik* [Field material of the author. Day 3. KBR, g.o. Nalchik]. 19.10.2022 g., 13.12.2022 g.

PMA № 4 – *Polevye materialiь avtora. Dnevn. 4. Stavropol'skii krai* [Field material of the author. Daily 4. Stavropol region]. 22.10.2022 g.

TEKUEVA M.A., NAL'CHIKOVA E.A. *Vzaimopomoshch' v pokhoronno-pominal'noi obryadnosti narodov Severnogo Kavkaza* [Mutual assistance in the funeral and memorial rituals of the peoples of the North Caucasus]. IN: Aktual'nye problem istorii, teorii I metodologii sotsial'noi raboty: Materialy konferentsii. – Nal'chik: KBGU, 2019. – P. 150-155. (In Russ.).

TEKUEVA M.A., NAL'CHIKOVA E.A. *Pokhoronnaya obryadnost' kak marker etnokul'turnoi identichnosti (na primere narodov Severnogo Kavkaza)* [Funeral Rites as a Marker of Ethnocultural Affiliation (On the Distribution of the Peoples of the North Caucasus)]. IN:Aktual'nye problem sovremennogo sotsial'no-gumanitarnogo znaniya advanced science. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodny muchastiem. – Nal'chik, KBGU, 2020. – P. 61-65. (In Russ.).

FREZER DZH. *Zolotaya vetv'* [Golden branch] – M.: Politizdat, 1984. – 528 p. (In Russ.).

KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkesii* [Notes about Circassia]. – Nal'chik, «El'-fa», 2008. – 345 p. (In Russ.).

SHORTANOV A.T. Adygskie kul'ty[Adyghe cults]. – Nal'chik: «El'brus», 1992. – 166 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.Р. Лакунова – ведущий специалист Научно-образовательного центра.

Information about the author

D.R. Lakunova– a leading specialist of the Scientific and Educational Center.

Статья поступила в редакцию 28.03.2023 г.; одобрена после рецензирования 24.04.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 28.03.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья
УДК 93/99(093.2.64)+94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-156-173
EDN: JUDAAD

О ВСТРЕЧЕ НИКОЛАЯ I С МЕСТНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ ВО ВРЕМЯ ПОЕЗДКИ НА КАВКАЗ (1837) В ДОКУМЕНТАХ И ТРУДАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ АВТОРОВ

Зулейха Жамботовна Глашева
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, zu-20.80@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-2484-2398

Аннотация. В статье исследуется путешествие императора Николая I по Кавказу в период сложной военно-политической ситуации. К концу 30-х гг. XIX в. необходимость радикальных преобразований в политике на Кавказе начали осознавать не только местные, но и петербургские чиновники. Император, предпринимая поездку, планировал лично ознакомиться с положением дел на Кавказе. Именно с путешествием Николая I по Кавказу связывали надежды на окончание Кавказской войны и окончательное «замирение» региона. В горском обществе не было единства, одна часть выступала за примирение, другая – за продолжение вооруженного сопротивления распространению в регионе Российской империи. Целью поездки было познакомиться поближе с горцами и провести с ними переговоры. Представленные императору горцы относились к категории «мирных», многие из них имели воинские звания, некоторые прошли через аманатство. Большинство депутатов так или иначе контактировало с военной или гражданской администрацией на Кавказе, имело представления о русской культуре. В приложении приведены выявленные в Российском военно-историческом архиве списки депутатов, представленных императору во Владикавказе, Ставрополе, Екатеринодаре. Данные списки представляют большой научный интерес: они позволяют с точностью утверждать, что к концу 30-х гг. XIX в. кавказская администрация полностью изучила этнический состав северокавказских народов. Документы, представленные в приложении, публикуются с сохранением стилистических и археографических особенностей подлинника.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказ, Николай I, депутаты, империя, мюридизм, войска.

Для цитирования: Глашева З.Ж. О встрече Николая I с местными жителями во время поездки на Кавказ (1837) в документах и трудах дореволюционных авторов // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 156-173. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-156-173. EDN: JUDAAD.

© Глашева З.Ж., 2023

Original article

ON THE MEETING OF NICHOLAS I WITH LOCAL RESIDENTS DURING THE TRIP TO THE CAUCASUS (1837) IN THE DOCUMENTS AND WORKS OF PRE-REVOLUTIONARY AUTHORS

Zuleikha Zh. Glasheva
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, zu-20.80@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-2484-2398

Abstract. The article examines the Emperor's Nicholas I of Russia travels through the Caucasus in a difficult situation.. By the end of the 30-s XIX century, the need for radical transformations in politics in the Caucasus was realized not only by local officials but also by St. Petersburg. The emperor planned a trip to become acquainted with the state of events in the Caucasus. With Nicholas I's tour across the Caucasus, hopes for the conclusion of the Caucasian War and the region's final "peace" were intertwined. There was no unity in the mountain community; one faction favored reconciliation, while the other supported the continuation of military opposition to the Russian Empire's growth in the region. The purpose of the trip was to get to know the highlanders and negotiate with them. The highlanders presented to the emperor were in the category of "peaceful," many of them had military ranks, some went through Amanatstvo. Most of the deputies contacted the military or civil administration in the Caucasus, had ideas about Russian culture.The list of deputies identified in the Russian Military Historical Archive and delivered to the Emperor in Vladikavkaz, Stavropol, and Yekaterinodar is included in the appendix. These lists are of significant scholarly relevance because they allow us to declare with certainty that by the end of the nineteenth century, the Caucasian administration had inspected the ethnic composition of the North Caucasian peoples. The documents in the appendix have been published while retaining the original's stylistic and archaeographic qualities.

Keywords: Russian Empire, Caucasus, Nicholas I, deputies, empire, Muridism, troops.

For citation: Glasheva Z.Zh. On the meeting of Nicholas I with local residents during the trip to the Caucasus (1837) in the documents and works of pre-revolutionary authors. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 156-173. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-156-173. EDN: JUDAAD.

© Glasheva Z.Zh., 2023

В отечественной историографии путешествие Николая I по Кавказу в 1837 г. мало освещено в силу небольшого количества источников, введенных к настоящему времени в научный оборот. Несмотря на скудность источников, описание путешествия Николая I содержится в трудах А.П. Берже [Берже 1884], Г.И. Филипсона [Воспоминания… 1883], В.А. Потто [Потто 1894], а также в воспоминаниях Фирсова [Шлыков 1888a, Шлыков 1888b] и мемуарах М.А. Кундухова [Мемуары… 2001]. В этой связи для полноты и разностороннего изучения этого без сомнения исторического путешествия определенное значение может иметь введение в научный оборот новых архивных документов.

А.П. Берже, описывая путешествие, отмечал:

«В летописях русского владычества на Кавказе есть события, которые прошли будто незамеченными не смотря на несомненную историческую их важность и значение. К таким событиям относится, между прочим, поездка императора Николая на Кавказ, предпринятая 1837 году ровно 115 лет спустя после похода Петра Великого в Дагестан. Это был другой венценосец России, ступивший на кавказскую почву и на этот раз не со стороны Каспия, а северо-восточного берега Черного моря, где война наша с черкесами была в полном разгаре» [Берже 1884: 377].

В 30-е гг. XIX в. движение мюридизма приобретало особенно яростный характер, несмотря на гибель в 1832 г. первого имама Кази-муллы. Оно не только не угасало, но становилось все интенсивнее. После смерти в 1834 г. второго имама Гамзат-бека во главе движения, которое начиная с 1833 г. постепенно усиливалось в Дагестане и Чечне, стал Шамиль [Гордин 2014: 178]. 1836 г. был ознаменован крупными успехами Шамиля. К концу года ему удалось подчинить себе все горские общества в Дагестане, значительную часть Аварии, определенные успехи были достигнуты в Чечне. Российское командование начало осознавать, что перед ним «вырастают очертания единой мощной системы сопротивления, системы, разрозненные части которой скреплены стройным религиозным учением» [Гордин 2014: 167].

После нескольких поражений российских войск в 1836 г. в Петербурге «стало ясно, что надо или наращивать военную мощь на Кавказе или искать некие компромиссные пути – иначе война будет длиться долго, поглощая все больше и больше средств» [Гордин 2014: 178–179]. Именно в это время Николай I принял решение посетить Кавказ. В 1837 г. для подготовки высочайшего визита на Кавказ в Кавказский край был командирован флигель-адъютант гвардии полковник Хан-Гирей. Он должен был позаботиться о том, чтобы представители северокавказских народов встретили императора «достойным» образом. Депутаты должны были быть прилично одеты и обуты. Депутаты должны были содержаться за счет миссии до окончания церемонии встречи с Николаем I. Определенную сумму денег планировалось израсходовать для «подарков» тем лицам, которые будут использованы для рассылки по горным обществам с целью склонить их к вступлению в переговоры с властями [Кумыков 1968: 30].

Миссия Хан-Гирея с марта по сентябрь 1837 г. выполнила поставленные перед ней задачи подготовки населения к приезду императора, на местах были выбраны и утверждены депутаты и т.д.

Воспоминания Г.И. Филипсона и В.А. Потто о высадке Николая I на побережье Черного моря

После Петра I, побывавшего с походом в Дагестане, нога русского императора не ступала на кавказскую землю 115 лет, и не только Россия, но и вся Европа следила за этим путешествием.

В.А. Потто, описывая во время шторма на море разговор флигель-адъютанта А.Ф. Львова, сопровождавшего Николая I, отмечал:

«…кажется, не следовало бы вам путешествовать по Черному морю в сентябре», государь ответил: «Это правда, но вся Европа знала, что я еду на Кавказ, и если бы я отменил свою поездку – что бы она сказала!» [Потто 1894: 83].

Г.И. Филипсон писал:

«21 сентября [1837 г.] накануне приезда Государя подула бора, она была не из самых сильных. Вечером 22 сентября, мы наконец, увидели два парохода, на которых был Государь со свитой. В первый раз русский царь посещал Кавказский край и, хотя это посещение было устроено не так театрально, как бабка его посещала Новороссийский край, но конечно с не

меньшею пользою. С большим трудом император вышел на берег в Геленджике, где ему приготовлена была квартира в доме коменданта. С ним была большая свита Великий князь наследник, граф Орлов, князь Меньшиков и др.» [Воспоминания… 1883: 252].

24 сентября 1837 г. пароходы снялись с якоря и пошли в Поти, откуда император через Кутаис поехал в Тифлис. Его путешествие по Закавказскому краю было неудачным и оставило неприятные впечатления [Воспоминания… 1883: 254]. 27 сентября императорский пароход прибыл в Редут-Кале. Буря стихла, но волнение оставалось еще сильным. Император сел в катер, чтобы высадится на берегу.

В.А. Потто, описывая разговор императора с Г.В. Розеном, отмечал:

«Было совсем темно; даже ближайшия горы тонули во мраке, и только видно было как по их хребтам сверкают и движутся огненныя точки. – «Что это Такое?» спросил государь. «Это, ваше Величество, костры не мирных черкесов, которые собрались, узнав о вашем приезде», – отвечал командующий кавказскими войсками генерал Г.В. Розен [Потто 1894: 83-84].

Оттуда император отправился в Тифлис окружным путем, через Зугдиди, Кутаиси и Армянскую область. В Ахалцыхе он посетил могилу павших в 1828 г. воинов и повелел воздвигнуть над ней памятник. В Гюмри в его присутствии была заложена сильная пограничная крепость, церковь во имя Святой Александры, и сам город был переименован в Александрополь. Далее, посетив первопрестольный армянский монастырь Эчмиадзин, император переночевал в Эривани, во дворце последнего персидского сардара. Оттуда он через Делижанское ущелье отправился в Тбилиси. Его встречали главнокомандующий на Кавказе Г.В. Розен, тифлисский военный губернатор М.Г. Брайко, грузинский гражданский губернатор Н.О. Палавандов.

Император был недоволен, причина его недовольства выяснилась: он ехал в край благодарить войска за их боевую службу; останавливался в каждом городке и в каждом местечке, где стояла хотя бы одна рота. Накануне въезда его в Тифлис он получил донос о злоупотреблениях командира Эриванского карабинерного полка князя Дадиани[1]. Злоупотребления эти, подтвердившиеся «секретным дознанием», касались нижних чинов. Император, разговаривая об этом с главнокомандующим Г.В. Розеном, сказал: «Я этого никогда не прощу» [Потто 1894: 85].

На 9 октября был назначен развод Эриванского полка, происходивший на Мадатовской площади, где с князем Дадиани перед разводом были сорваны эполеты, он был лишен флигель-адъютантского звания и сослан в Бобруйск. 10

[1] Дадиани Александр Леонович (1800–1865) – родился в Сенгилеевском уезде Симбирской губернии. Из симбирской ветви грузинского княжеского рода Дидиановых. В 1817 г. поступил на службу подпрапорщиком лейб-гвардии в Преображенский полк. С конца 1829 г. командовал Эриванским карабинерным полком. А.Л. Дадиан был женат на дочери главнокомандующего, командира Отдельного Кавказского корпуса на Кавказе Г.В. Розена. Обо всех злоупотреблениях в Эриванском полку было доложено императору в донесении находившегося в Тифлисе для выработки положения об управлении закавказским краем сенатором бароном П.В. Ганом. Николай I во время посещения Тифлиса при разводе 24 сентября приказал коменданту сорвать с князя А.Л. Дадиана аксельбант и прямо с площади отправил в Бобруйскую крепость для предания военному суду. После ознакомления Николая I с Кавказом и инцидента с зятем никакие заслуги не помогли Г.В. Розену сохранить доверие Николая I. Он менее чем через два месяца был отозван с Кавказа.

октября был проведен смотр для войск, собранных под Тифлисом, императора ожидали четыре батальона пехоты Эриванский, Грузинский, учебный и 16-й линейный, два дивизиона Нижегородских драгун и несколько батарей пешей артиллерии [Потто 1894: 85].

12 октября император из Тифлиса отправился во Владикавказ по военно-грузинскому тракту. По дороге случилось трагическое происшествие.

В.А. Потто описывает его так:

«Была непогода, тучи заволокли все небо – ожидали ливня. Царская кавалькада из нескольких экипажей выехала очень рано; из местных властей государя сопровождал только исправник. И вот на крутом Верийском спуске, проложенном прямо над глубоким оврагом, лошади понесли коляску государя. Испугавшийся форейтор сумел повернуть несущихся лошадей к горной стене, и коляска опрокинулась на самом краю пропасти. Государь упал, но остался невредимым» [Потто 1894: 87].

Это же происшествие описывает и Г.И. Филипсон:

«Выезжая из Тифлиса, спускаясь с горы, лошади понесли экипаж, в котором сидел Государь и граф Орлов; на крутом повороте экипаж опрокинулся, и Государь упал на краю глубокаго обрыва. К счастию, это падение не имело никаких серьезных последствий» [Воспоминания… 1883: 255].

Дальнейший путь императору пришлось ехать верхом, накинув на плечи бурку. Доехав до Коби, император пересел в коляску, ночью добрался до Владикавказа, где его уже ждали депутаты [РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л. 363–364 об.]. Из-за позднего времени прием был отложен до утра.

Встреча Николая I с горскими депутатами во Владикавказе

В.А. Потто, освещая подготовку встречи императора с горскими депутатами, писал:

«Ночью к графу Орлову, сопровождавшему государя, явился пристав и просил передать государю: нельзя ли отменить прием депутатов, так как среди них есть люди, за которых поручиться нельзя. – Зачем же вы их брали? – удивлялся Орлов. – Не взять этих людей не было никакой возможности, – отвечал пристав – они хотели ехать непременно. Люди эти пользуются в горах огромным влиянием, и отказ мог вызвать мятеж целого племени. Орлов доложил государю. – Все это вздор, – отвечал император – я их приму завтра перед самым отъездом» [Потто 1894: 87-88].

Автор явно лукавит, горцы, которые должны были быть представлены императору, были тщательно подобраны кавказской администрацией во главе с Хан-Гиреем в результате длительной подготовительной работы перед приездом императора. Из приведенного в приложении списка видно, что многие из горских депутатов имели военные звания.

В.А. Потто, описывая саму встречу, отмечал:

«14 октября в 8 часов утра депутаты собрались на площади; на страже стоял целый батальон пехоты с заряженными ружьями и собственный Его Величества конвой, прибывший с императором из Петербурга. Казаки также сидели верхом с ружьями на изготовке. Государь

вышел вместе с А.Ф. Орловым в сюртуке без эполет, с черкесской шашкой через плечо. Сойдя с крыльца, государь обошел батальон, поздоровался со своим конвоем, и затем, встав на площади, громко сказал депутатам: «Подойдите ко мне!» Триста вооруженных по обычаям своей страны горцев окружили императора. «…мы дрожью дрожали за жизнь царя» – говорил один старый линеец.

Государь через переводчика говорил с каждым племенем отдельно, выслушивал их просьбы, советовал «жить мирно и спокойно». Тут среди карабулаков император увидел человека огромного роста с нахмуренными бровями. Положив ему руку на плечо, он сказал: «Передай твоему народу, что он дурно ведет себя; пусть постарается исправиться, пока продолжается еще мое благоволение». Стоящий рядом старик с чалмой на голове ответил государю: «Мы боимся, чтобы нас не заставили переменить веру!». Государь указал рукой на гвардейский конвой из горцев и сказал: ваши дети могут передать вам, что они в Петербурге имеют своего муллу. Для меня все веры терпимы. Прощайте!» [Потто 1894: 88].

Депутаты расступились, но опасности не окончились, так как представители горских народов выразили настойчивое желание сопровождать царский поезд до первой станции. Государь изъявил на это согласие и приказал своей коляске выехать за город и там ожидать его прибытия. Вслед за экипажем поскакал конвой, за ним – огромная толпа депутатов. Государь сел на поднесенную ему в дар кабардинцами лошадь и выехал из крепости в сопровождении только хорунжего Фирсова. Император по узкой дороге направлялся в госпиталь.

«В госпитале императора не ждали, но порядок в нем он нашел образцовый. Из госпиталя государь спустился к Тереку, переехал его вброд, увидел войска для его конвоирования, отпустил пехоту домой, а сам, пересев в экипаж, отправился в путь, сопровождаемый казаками и горцами. Донские казаки менялись на каждом посту, но собственный конвой Его Величества и горцы, служившие в Варшаве и Петербурге, только меняли лошадей, которых готовили для них на каждой станции. Перед Екатериноградом, где путь был особенно опасен, присоединилась гребенская сотня с двумя казачьими орудиями, под командой полковника графа Стенбока» [Потто 1894: 89].

Полковник Фирсов[1], описывая встречу императора с депутатами во Владикавказе, отмечал:

«Во время посещения императором Николаем Павловичем Кавказа в 1837-м г., в Владикавказе были приготовлены для представления Его Величеству, в числе прочих, депутаты от покорных горцев разных племен леваго фланга – до трехсот человек. Пристав этих народов, войсковой старшина Золотарев; как более, знакомый с их нравами, счел нужным на всякий случай заявить конвойному офицеру, сопровождавшему Императора, в то время корнету (подпоручику) Ф–ву, что из числа депутатов карабулакскаго племени есть люди тихаго нрава и с добрыми намерениями; но из них немало найдется и таких; которые по своему закоренелому фанатизму и двуличности, крайне, не благонадежны, так что, за поведение их во время представления, равно и за безопасность, он не смеет поручиться; следовательно он менее всего желал бы допускать их к Государю Императору, опасаясь их к Государю Императору, опасаясь тех последствий, какие были в Чечне при подобном сборе горцев, во время переговоров о перемирии в 1826-м г., с генералами Грековым и Лисаневичем, заколотыми одним

[1] В газете «Терские ведомости» был опубликован очерк, составленный со слов почтенного ветерана, жителя Горячеводской станицы, Пятигорского отдела состоящего ныне по Терскому казачьему войску, полковника Фирсова, бывшего в 1837 г., в чине корнета в числе конвойных офицеров сопровождавших Императора Николая I по Кавказу. Терские ведомости. 1888. № 94. 20 ноября. С. 3.

фанатиком горцем среди отряда, кинжалом до смерти. Между тем, несмотря на такое предупреждение пристава, народов этих по сложившимся обстоятельствам нельзя было не допустить до представления, а также воспрепятствовать их желанию быть в числе депутатов, как людей по отваге и удальству наиболее уважаемых среди своего населения. Корнет же Ф-в, будучи от конвоя постоянным ординарцем Его Величества, предпочел все-таки о сомнительном поведении карабулаков донести до сведения бывшаго в свите, генерал-адъютанта графа Орлова, который в ту же минуту доложил об этом Государю. Выслушав хладнокровно доклад Его Сиятельства, Император вслух произнес: Все это вздор!». Вечером в тот же день отдано было на всякий случай приказание: к 8-ми часам утра следующаго дня в крепости, неподалеку от квартиры Императора, поставить для охраны линейный баталион с заряженными боевыми патронами ружьями, имея их к ногам и не делая на караул; а депутатов всех элементов без изъятия ввести в крепость пешими, без ружей (позволив им однако иметь при себе шашки, кинжалы и пистолеты) и разставить их кругом квартиры по нациям. Конвойным казакам и горцам велено было быть конными и стоять позади депутатов с заряженными ружьями, держа их в левой руке на ноге. Когда все это было готово, Его Величество, в сопровождении графа Орлова (оба были в сюртуках без эполет), вышел из покоев, поздоровался с конвоем и депутатами и, приняв от последних хлеб соль прошел к линейному баталиону, где было несколько человек с георгиевскими крестами. Государь разспрашивал их о службе и более представительных из них назначал самолично к себе в гвардию. Затем, войдя в круг горской депутации, беседовал с их представителями, приказывая передать народам своим, чтобы они набегами не опустошали казачьи населения. Обходя таким образом депутацию, Император подошел к стоявшим отдельно карабулакам и увидев среди их одного горца большого роста с злобною физиономиею, при аршинном если не более кинжале, Император, положив ему, на плечо руку, сказал стоявшему около, Него переводчику: «Передайте этому народу, что, они, дурно, себя ведут и чтобы они, пока продолжается Мое благоволение к ним, – постарались как можно скорее исправиться». На это старший из них по летам с чалмою на голове, растерявшись от грозных слов Монарха, робко ответил через переводчика: «Мы боимся, как бы по изъявлении нами совершенной покорности не переменили нашу веру». Тут Его Величество, указывая на свой конвой из горцев, сказал: «У Меня все веры терпимы и вот ваши дети могут передать вам, что у них в Петербурге есть мулла». После этого, Император, войдя в покои, приказал депутатов отпустить. Тогда графом Орловым велело было бывшему при Государе ординарцу корнету Ф–ву, приготовить Его Величеству верховую лошадь, назначить урядника и казака для сопровождения Императора и поставить их до особаго приказания с лошадьми за зданием так, чтобы мало кто это видел. По выполнении корнетом Ф–м этого, приказания, ему велено было немедленно войти в покои и ожидать приказаний Его Величества. Вместе с тем, к подъезду подана была закрытая коляска, в которую поспешно сел граф Орлов с царским камердинером, и как только коляска тронулась, все начальствующия лица и горская депутация последовала за экипажем, полагая, что в нем поехал Император. Между тем, Его Величество остался один в покоях, наблюдая оттуда за ехавшей через мост за Терек свитой и депутацией, державшей направление к расположенным на левой стороне Терека войскам. Находившиеся под начальством генерал-майора Донскаго войска Николаева, в ведении коего состояли там пеший егерский баталион, взвод казачей конной артиллерии кавказскаго войска (в первый раз по форме обмундированный), сотня донских казаков и служившие в конвое горцы. Когда вся свита, местное начальство и депутация подъехали к войскам, Император приказал стоявшему все время ординарцу корнету Ф–ву подать лошадь, взял ногайку и, садясь па лошадь, спросил у стоявшаго тут урядника, может-ли она выносить удары ногайки? – но не дождавшись ответа, отпустил лошади два удара и поехал в сопровождении корнета Ф-ву, урядника и казака по направлению к госпиталю. Там, сделав наскоро осмотр, Государь последовал к ожидавшим Его войскам. Когда Он подъезжал к баталиону, стоявшему на правом фланге, барабанщик ударил генеральный марш; в это время лошадь, на которой сидел Его Величество, никогда не слыхавшая подобного звука и не видевшая такой массы народа, мгновенно поднялась на дыбы и круто повернула в сторону, стараясь сбросить с себя седока. Но Государь спокойно опустил ей несколь-

ко горячих ударов и полудикое животное на некоторое время присмирело. Вскоре однако лошадь вторично взвилась на дыбы, делая крутые повороты влево и вправо, и быстро ложась на передния ноги, видимо стараясь во что бы то не стало освободится от седока, но Его Величество, нисколько не теряя присутствия духа, покороче взял удила и как-бы прирос к седлу, отпуская разгорячившейся лошади удары до тех пор, пока, наконец, она вынуждена была стать как вкопанная. В эти минуты у всех душа замерла от страха за жизнь Царя; но к счастью, мужество Монарха сломило дикость и упорство животнаго, хотя все ясно сознавали, что очень трудно было удержаться в седле каждому смертному, не обладай он рыцарской отвагой и не будь таким лихим наездником. Всех присутствующих такая удаль до нельзя поразила, даже полудикие горцы, которым в то время жизнь Царя была меньше дорога и те взволновались и чуть не в изступлении кричали Алла, Аллах!

Как не упрямилось полудикое животное, но Император сумел все-таки подъехать на ней к баталиону и проехать по всей линии войск, здороваясь с ними и отдавая кому следует свое царской «спасибо». Лошадь под Его Величеством была вся в мыле и лихорадочном состоянии, широко раскрывая, ноздри и недружелюбна сверкая глазами; – по лицу же Императора ручьем катился пот видно было, что Он, укрощая лошадь и обуздывая ея свирепыя порывы – сильно устал.

По войску Император выразил Егерьскому баталиону особую благодарность; командиру-же этого баталиона, майору Резенпуло, Его Величество подавая свою руку сказал: «Я не забуду вашей фамилии». Затем Он слез с, коня, сел в поданный экипаж и, распрощавшись с войсками, начальством, депутацией и массою народа, при общих криках не смолкаемаго «ура» изволил отбыть из Владикавказа в город Пятигорск» [Шлыков 1888a].

Далее Фирсов пишет:

«Для конвоирования Государя Императора из Владикавказа до станицы Екатериноградской была приготовлена сотня гребенских казаков и взвод конной казачей артиллерии под начальством командира Штенбока. на пути следования император заметив, что у конваирующих Его гг. офицер были отросшие бороды, по приезде в ст. Есатериноградскую, обращаясь к графу Штенбоку, сказал: «Все у тебя хорошо, но эполеты к бородам и на оборот нейдут» [Шлыков 1888b].

Встреча Николая I с горскими депутатами в Екатериноградe и Ставрополе

Фирсов, описывая встречу императора с депутатами в Екатериноградe, отмечал:

«Переночевав в Екатериноградe, Его Величество в 8-м часов утра осмотрел местный лазарет, где, найдя все исправным, проследовал в церковь, которая в то время была весьма ветхая, не мало грозившая молящимся опасностью. По выходе из нея, Его Величество, приняв от стариков приготовленную для него хлеб-соль, благодарил их за службу и, в ознаменование своего пребывания, тут же пожертвовал им на сооружение новаго храма из собственных сумм 40 тысяч рублей» [Шлыков 1888b].

Император помимо встречи с депутатами [РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л. 69–69 об.] сделал распоряжение об исправлении триумфальных ворот и приказал сохранять их, как памятник Екатерининского века.

Далее В.А. Потто описывал путешествие от Екатериноградa до станицы Прохладной:

«Из Екатериноградa государь выехал опять верхом на прекрасном кабардинском иноходце, приказав следовать за собою и конвою. Государь дорогой разспрашивал Фирсова,

скакавшаго рядом, о крепости Нальчик, о горе Бештау, о Машуке и других замечательных местностях. Дорогу в 22 версты до станицы Прохладной государь сделал за 40 минут и прибыл в сопровождении лишь нескольких казаков [Потто 1894: 89].

Это же подтверждает и Фирсов:

«Свита и прочия начальствующия лица, не приготовившись ранее ехать с Государем верхом, посадились в экипажи и направились со всею скоростью экипажной езды за Императором, державшим путь в станицу Прохладную. На скаку Государь переводя дух разспрашивал не остававшаго от него корнета Ф-ва о месте расположения Нальчика и города Пятигорска... По приезду в станицу Прохладную все население ея при неумолкаемом «ура» встретило Государя Императора с хлебом солью. Откушав и выпив за здоровье храбрых терцев чарку водки, Его Величество, распрощавшись с народом, напутствуемый благими пожеланиями, отбыл в экипаже в Пятигорск, где, осмотрев тщательно Минеральные воды и примечательности города, с впечатлением, весьма, не лишенным приятности, выехал на другой день через город Георгиевск по направлению в Ставрополь» [Шлыков 1888b].

М.А. Кундухов[1], описывая встречу императора с депутатами, указывал:

«На приеме горских депутаций раздражение императора к горцам, не желающим покориться, выразилось в полной мере. Со всеми представителями народов он «говорил очень благосклонно, исключая из этого злополучных чеченцев, которых упрекал в неверности ему и его русским законам». Те отвечали, что на самом деле преданы государю и готовы исполнять его законы, но произвол русского начальства на Кавказе вызывает у них возмущение. Затем они попытались подать Николаю прошение с изложением этой ситуации. Император разозлился, назвал все сказанное чеченцами клеветой и приказал им «выкинуть из головы вредные мысли, внушаемые неблагонадежными людьми» [Мемуары… 2001: 101].

В Ставрополе императора ожидали депутаты от закубанских народов [РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л. 368–369 об]. Конвой императора опоздал, потому что последние 210 верст он проскакал менее чем за 10 часов. Туда же прибыл командовавший войсками на Кавказской линии и Черномории А.А. Вельяминов, в доме которого остановился император. 18 октября у императора была насыщенная программа, он открыл мужскую гимназию, посетил губернскую выставку.

А.П. Берже писал:

«что касается самого Ставрополя, то он не понравился государю, желавшему его упразднить и вместо него основать город на Кубани. Но А.А. Вельяминов сумел отклонить эту мысль объяснением условий, парализующих экономическое развитие города, в числе которых главное заключалось в слухе о причислении граждан к казачьему сословию, уверяя притом, что с устранением этого слуха Ставрополь начнет быстро развиваться. Государь несколько минут, по-видимому, колебался, но, наконец, взяв перо, сказал: «Только уважая твое ходатайство, Алексей Александрович, оставляю город на месте» [Берже 1884: 397].

[1] Муса Алхасович (Мусса Алхастович) Кундухов (Къуындыхаты Алхасты фырт Муссæ; (1818–1889) – тагаурский алдар, российский генерал-майор, турецкий дивизионный генерал. В 12 лет был взят в аманаты из Тагаурского общества, в 1836 г. окончил Павловское военное училище. Был определен корнетом по кавалерии в составе Отдельного Кавказского корпуса. Сопровождал Николая I в поездке по Кавказу в 1837 г. На участке от Ларса до Владикавказа ему было доверено находиться рядом с императором и отвечать на интересующие его вопросы.

Несмотря на то, что Ставрополь императору не понравился он утвердил план города, обещал выделить льготы, о которых лично ходатайствовал А.А. Вельяминов. В 4 часа пополудни, император выехал из Ставрополя, 19-го прибыл в Аксай, где был встречен наследником-цесаревичем, а 26-го числа, в 7 часов вечера через Новочеркасск, Воронеж и Тулу прибыл в Москву. Путевые издержки по переездам императора Николая Павловича в пределах Кавказского края составили сумму в 143438 рублей 59 копеек серебром. Лошадей было загнано до 170 [Берже 1884: 398].

Так закончилось путешествие императора по Кавказу, за которым внимательно наблюдали в Европе. Оно ближе познакомило Николая I с отдаленной окраиной его империи.

Несмотря на войну, продолжался процесс постепенной интеграции региона в политико-административную систему России, одна часть горцев была лояльна, другая оказывала сопротивление. С одной стороны, велись военные действия против горцев, с другой делались заявления об «отеческой заботе» о народах Кавказа. По мере усилений позиций России на Кавказе в ее политике преобладает принцип централизации управления. Обращение к данной политике было продиктовано прежде всего тем, что территории Кавказа, присоединенные к России в предыдущие годы, все больше подвергались интеграционным процессам, в первую очередь в ходе административных реформ.

Анализ источников показывает, что своим посещением Кавказа в 1837 г. Николай I рассчитывал подбодрить войска, сражавшиеся на Кавказе против местного населения, а также оказать психологическое воздействие на горские народы, которые продолжали вести войны и установить диалог с теми, кто считался «мирными». Таким образом, значимость путешествия Николая I по Кавказу определялась необходимостью узнавания кавказских народов, а также знакомства с регионом, его общественным и хозяйственным укладом, осмотра путей сообщения и созданной инфраструктуры для войск.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Берже 1884 – *Берже Ад.* Император Николай на Кавказе в 1837 г. // Русская старина. – 1884. – Август. – Т. XLIII. – С. 377–398.

Воспоминания… 1883 – *Воспоминания* Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. – 1883. – Вып. VI. – С. 242–356.

Гордин 2014 – *Гордин Я.А.* Кавказская Атлантида. 300 лет войны. 2-е изд., дополненное. – М.: Время, 2014. – 479 с.

Кумыков 1968 – *Кумыков Т.Х.* Хан-Гирей (жизнь и деятельность). – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 132 с.

Мемуары… 2001 – *Мемуары* генерала Муса-паши Кундухова. (1837–1865) // Звезда. – 2001. – № 8. – С. 101–123.

Потто 1894 – *Потто В.А.* История 44-го Драгунского Нижегородского Его императорского высочества государя наследника цесаревича полка / сост. В. Потто. – СПб.: типо-лит. Р. Голике, 1894. – Т. IV. – 200 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Москва.

Шлыков 1888а – *Шлыков Ив.* Из воспоминаний о пребывании на Кавказе императора Николая I в 1837 году // Терские ведомости. – 1888. – № 94. – 20 ноября. – С. 3.

Шлыков 1888b – *Шлыков Ив.* Из воспоминаний о пребывании на Кавказе императора Николая I в 1837 году // Терские ведомости. – 1888. – № 95. – 24 ноября. – С. 3.

REFERENCES

BERZHE AD. *Imperator Nikolaj na Kavkaze v 1837 g.* [Emperor Nicholas in the Caucasus in 1837]. In: Russkaya starina. – 1884. – Avgust. – T. XLIII. – P. 377–398 (In Russ.).

Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona [Memoirs of Grigory Ivanovich Philipson] // Russkii arkhiv. – 1883. – Vyp. VI. – P. 242–356. (In Russ.).

GORDIN Y.A. *Kavkazskaya Atlantida. 300 let vojny.* [Caucasian Atlantis. 300 years of war]. 2nd ed., supplemented. – M.: Vremya, 2014. – 479 p. (In Russ.).

KUMYKOV T.H. *Han-Girej (zhizn' i deyatel'nost')* [Khan-Giray (life and activity)]. – Nalchik: Elbrus, 1968. – 132 p. (In Russ.).

Memuary generala Musa-pashi Kunduhova. (1837–1865). [Memoirs of General Musa Pasha Kundukhov. (1837–1865)]. In: Zvezda. – 2001. – № 8. – P. 101–123. (In Russ.).

POTTO V.A. *Istoriya 44-go Dragunskogo Nizhegorodskogo Ego imperatorskogo vysochestva gosudarya naslednika cesarevicha polka.* [History of the 44th Nizhny Novgorod Dragoon of His Imperial Highness the Sovereign Heir of the Tsarevich Regiment]. sost. V. Potto. – SPb.: tipo-lit. R. Golike, 1894. – T. IV. – 200 p. (In Russ.).

Rossiyskiy gosudarstvennyiy voenno-istoricheskiy arhiv [Russian State Military Historical Archive]. Moskva.

SHLYKOV IV. *Iz vospominanij o prebyvanii na Kavkaze imperatora Nicholasa I v 1837 godu.* [From the memories of the stay in the Caucasus of Emperor Nicholas I in 1837]. In: Terskie vedomosti. – 1888. – № 94. – 20 noyabrya. – P. 3 (In Russ.).

SHLYKOV IV. *Iz vospominanij o prebyvanii na Kavkaze imperatora Nicholasa I v 1837 godu.* [From the memories of the stay in the Caucasus of Emperor Nicholas I in 1837]. In: Terskie vedomosti. – 1888. – № 95. – 24 noyabrya. – P. 3. (In Russ.).

Приложение

Министерство
военное
Канцелярия
министерства
Отделение 1
В Петергофе
4 июля 1837 года
№ 274

Господину командиру Отдельнаго Кавказскаго корпуса.

Государь Император, по представлению командующаго войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанта Вельяминова, о неудобстве отправления Его Величеству депутатов горских народов, согласно мнению сего генерала, Высочайше соизволил: депутатов сих представить Его Величеству с следующих местах.

Во Владикавказе: от кумык, чеченцев, карабулак, ингушей, осетин и кабардинцев.

В Ставрополе: от нагайцев, абазин, башлыбаевцев, бесленеевцев, багоевцев, махоший и темиргойцев.

В Екатеринодаре: от бжедугов, абадзехов, шапсугов и натухайцев, или от сих последних в Геленджике, смотря по возможности.

О таковой Высочайшей воле сообщив командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории и флигель адъютанту полковнику Хан Гирею, честь имею уведомить Ваше Высокопревосходительство, для сведения.

Подписали военный министр генерал адъютанта граф Чернышев и директор статс-секретарь Брискорн.

Верно: [подпись].

РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л. 275–275 об.

Именный список депутатам от племен подведомственных Владикавказскому коменданту и командующим Сунженской и Кабардинской линиями назначенными иметь счастие представиться Вашему Императорскому Величеству во Владикавказе

Какого племен	№	Имена и прозвания	Число душ мужскаго пола	Замечания
1-е От Кумукских обществ Андреевскаго и Аксаевскаго и Костековскаго	1	Оставный поручик князь Гирей Муртазали Аджиев	9468	От обществ подведомственных командующему Сунженскою линиею
	2	Кади Алики Набиев		
	3	Сутав Кандауров		
	4	Магомет Аджи Абакер Аджиев		
	5	Прапоршик Алхас Капланов		
	6	Кади Ибрагимов		
	7	Уздень Тузуруко Анжаров		
	8	Князь Хасан Амзин		
	9	Кади Магомет Умар Аджиев		
	10	Уздень Шамшидин Тукаев		
2-е От общества кочующих нагайцев	11	Кади Аджамат балатов	3380	
	12	Кади Хасай Магометов		
3-е От общества салатавцев	13	Биякай Аджихвов	5900	
	14	Мулла, Магомет Аджиев		
	15	Абдурахман Магаматов		

4е От общества Ауховскаго	16	Кадий Докой Джантиев	3640	
	17	Пирки Албаханов		
5-е От общества качкалыковцев	18	Даку Шанмурзаев	2496	
	19	Казакбий Казакмурзаев		
6-е От общества мичиковцев	20	Мулла Шухайп Магомет Аджиев	1188	
	21	Бота Шамирзаев		
7-е От общества ичкеринцев	22	Иса Алаоханов	816	
8-е От общества чеченцев живущих по Сунже и за этою рекою	23	Главный чеченский кадий Мустафа Магомет Газиев	18890	
	24	Татархан Ажиков		
	25	Умахан Умаров		
	26	Джука Аджиев		
	27	Имады Лачинов		
	28	Яка Арсланов		
	29	Кота Шимирзаев		
	30	Хасанбек Аджи		
	31	Анзор Молкаев		
	32	Булатмирза Нагаймурзаев		
	33	Тапи Даутов		
	34	Асламбек Имаев		
9-е От обществ надтеречных чеченцев	35	Штабс капитан князь Кагерман Алкасов	5385	
	36	Мулла Дудар Темирханов		
	37	Темирбулат Бейсуев		
10-е От общества тагаурцев	38	Поручик Султан Дударов	Обоего пола 7091	От обществ подведомственных Владикавказскому коменданту
	39	Прапорщик Темурко Дударов		
	40	Прапорщик Кавдан Кондухов		
	41	Старшина Бислан Тулатов		
11-е От фарсаклаков	42	Гака Косов		
	43	Габа Бурокоев		
12-е От общества Жераховскаго	44	Поручик Цугов	441	
13-е От общества Кистинскаго	45	Муса Мурзабеков	2071	

14-е От общества Галгаевскаго	46	Чим Умаров	1534	
15-е От ингушей исповедующих христианскую религию	47	Буреик Джамбулатов	Всех ингушей христиан и магометан 9489 душ мужесскаго пола	
	48	Арсамак Багамарзев		
	49	Джанхот Бриков		
	50	Оздемир Циптолгов		
16-е От ингушей исповедующих магометанскую религию	51	Черко Амирханов		
	52	Тотраз Муталов		
	53	Айти Мирзебеков		
	54	Абат Абаев		
17-е От общества карабулаков	55	Курей Алоев	6187	
	56	Алгико Цугун		
	57	Керош Исмаилов		
	58	Дада Чопанов		
18-е От общества куртатинцев	59	Азгирей Тезьев	2779	
	60	Кургоко Цоцыков		
	61	Сафарали Хадарцов		
19-е От общества чимитинцев	62	Амирхан Кориев		
20-е От общества алагирцев	63	Сахан Зугаев	3531	
	64	Созороко Кулаев		
	65	Кермен Мизаев		
21-е От Большой Кабарды	66	Капитан князь Хаджи Магомет Атажукин	10243	От обществ подведомственных командующему Кабардинскою линиею
	67	Поручик Хадокшук Куденетов		
	68	Корнет Батарбек Тамбиев		
	69	Подпоручик Атажук Абуков		
	70	Народный эфендий Умар Широтллоков		
	71	Магомет Мирза Анзоров		
	72	Майор Якуб Ширданов		
22-е От Малой Кабарды	73	Майор князь Бекович Черкаский	4125	
	74	Хаджи Кудаберд Астемиров		
	75	Хаджи Пшемахо		

		Тапашев		
	76	Кази Баташев		
23-е От общества Дигорскаго	77	Касай Кубатиев	4125	
	78	Асланмурза Туганов		
	79	Магомет Абисалов		
	80	Бинагор Карабугаев		
	81	Ислам Касаев		
24-е От общества Балкарскаго	82	Хату Мисаков	2120	
	83	Хаджи Аслан Жанхотов		
25-е От общества Бизингиевскаго	84	Асламбек Суюнцев	262	
26-е От общества Хуламскаго	85	Актуан Шамханов	284	
27-е От общества Чегемскаго	86	Мамбет Балкароков	2024	
	87	Каншао Кучуков		
	88	Ибрагим Келеметов		
28-е От общества Урусбиевскаго	89	Шомполо Уруспиев	330	

РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л. 363–364 об.

Именной список депутатам покоренных закубанских племен назначенным иметь счастие представится Его Императорскому Величеству в Ставрополе

1. Племена подведомственные командующему Кубанской линиею		
Имена племен	№	Имена и прозвания депутатов
Нагайцы родов:		Князья
Кипчакскаго и Мансуровскаго Карамурзина. Наурузовскаго и Мангитскаго	1	Айдемир Абулов
	2	Ислам Бадраков
	3	Калагирей Карамурзин
	4	Ибас Бебердов
	5	Прапорщик Пшекуй Беймурзов
		Узденья
	6	Аип Абраимов
	7	Эфенди Утемис
	8	Ромазан Байкуатов
	9	Моджава Куртламамбетов
	10	Манглакай Сарабасов
	11	Мурзагельды Картоев
Тахтамышевские нагайцы рода		Князь

Мусова	12	Майор Муса Туганов
		Узденья
	13	Алиса Кумыков
	14	Иса Есенеев
Абазинцы		Владельцы
	15	Бийарслан Дударуков
	16	Салим Гирей Лоов
		Уздень
	17	Эфендий Исхак Мекеров
Башильбаевцы		Старшина
	18	Урус Кельды Эгебоков
		Уздень
	19	Исхак Батыев
Казилбековцы		Старшина
	20	Карачай Казильбеков
Тамовцы		Старшина
	21	Салиман Зарумов
		Уздень
	22	Дугорей Пинцачиев
Карачаевцы		Старшина
	23	Бафа Крымшаукалов
	24	Наки Дудов
		Уздень
	25	Эльмурза Узденов
Кабардинцы		Князь
	26	Исмаил Касаев
		Узденья
	27	Хауд Хаджи Хахондуков
	28	Ельмурза Бабуков
Бейсленеевцы		Первостепенные узденья
	29	Подпоручик Крымгирей Докшуков
	30	Расламбек Тазартуков
Темиргоевцы		Князь
	31	Поручик Шеретлуко Балутуков
		Узденья
	32	Бирам Пхинеев
	33	Мустафа Кедегежев
Гатукаевцы		Князь
	34	Темергой Керкенов
		Узденья
	35	Пшекуй Зоремуков
	36	Хаджи Шеретлук Колауков
2. Племена подведомственные командующему Черноморскою линиею		
Черченейцы		Князь
	37	Прапорщик Индар Ельбуздуков
		Узденья
	38	Подпоручик Биберда Батоков
	39	Подпоручик Хатузук Батоков
Хамышейцы		Князь
	40	Прапорщик Шумаф Тарканов

		Узденья
	41	Бьяслан Пшебоков
	42	Дударук Бжегаков
	43	Жанбор Пчеганоков
	44	Жияслан Чемастоков
Жанеевцы		Князь
	45	Шеретлук Алкасов
		Уздень
	46	Магомет Гирей Османов

Депутаты мохошские и часть бесленеевских не прибыли потому, что по известиям, полученным г. генерал-майором Зассом, враждебные к нам горцы собрались на реке Гупсе с намерением разорить их. Это обстоятельство и внезапная смерть князя Магомет Гирея Черченейскаго, старшины весьма влиятельнаго и уважаемаго произвели некоторые изменения депутатов и от других племен.

Гвардии ротмистр барон Вревский.

РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л. 368–369 об.

Именный список горским депутатам назначенным иметь счастие представиться Его Императорскому Величеству в Екатеринодаре.

	Аулы	Дворов	Жителей мужеска пола
У черченейцев примерно считается	34	1500	3000
У хамышейцев	14	300	600
Итого в бжедухском народе	48	1800	3600

Имена племен	№	Имена и прозвания депутатов	Замечания
Черченейцы		Князья	Люди влиятельные, благонамерные и владеющие аулами
	1	Прапорщик Пшекуй Ахеджяков	
	2	Магомет Гирей Кунчуков	
	3	Прапорщик Индар Ельбуздуков	
		Узденья	
	4	Прапорщик Беберда Батоков	
	5	Бияслан Каракозоков	
	6	Абзепш Казаноков	
Хамышейцы		Князья	
	7	Джанклич Хаджемоков	
	8	Прапорщик Шеретлук Хаджемоков	
	9	Инжар Крымгиреев	
		Узденья	
	10	Дударук Бжехаков	
	11	Бияслан Пшебоков	
Жаневцы		Князья	
	12	Шеретлук Алкасов	
		Узденья	
	13	Магомет Гирей Османов	

Примечание. Жаневское племя, некогда сильное почти совершенно изчезло и слабые его остатки разсеяны теперь по непокорным аулам, кроме сорока дворов поселенных на Каракубанском острове. Депутаты их допущены к счастию представиться Его Императорскому Величеству, в том предположении что быть может, оказанное им внимание, убедит закубанских жаневцев прибегнуть к покровительству России и присоединиться к единоплеменникам. Таким образом усилилось бы население мирными горцами острова, прикрывающаго значительную часть Черноморской линии. Это представляет очевидные выгоды.

Флигель-адъютант полковник Хан-Гирей.

Адъютант военнаго министра, гвардии ротмистр барон Вревский.

РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л. 69–69 об.

Информация об авторе
З.Ж. Глашева – кандидат исторических наук.
Information about the author
Z.Zh. Glasheva – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 03.05.2023 г.; одобрена после рецензирования 09.06.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.
The article was submitted 03.05.2023; approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 930.271
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-174-186
EDN: JWCROU

ПРОБЛЕМЫ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Лаура Альбердовна Нагоева
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, shau55@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3504-9018

Аннотация. В статье рассматривается проблема документирования средневековых эпиграфических памятников с петроглифами и неидентифицируемыми письменами на территории Северного Кавказа. Рассмотрены основные известные эпиграфические памятники Карачаево-Черкесии, открытые с начала XX века до наших дней. Изучен накопленный исследовательский опыт и охарактеризованы основные методы фиксации и документирования обнаруженных объектов. Определены особенности интерпретации данных памятников в научной литературе и ряд ключевых методологических проблем. Несмотря на культурно-историческую значимость памятников для региона на сегодняшний день сохраняется проблема их фрагментарности и отсутствие свода памятников в единой информационной системе. Актуализируется необходимость применения современных информационно-технических методов для дальнейшего документирования памятников и их преимущества в изучении и классификации надписей.

Ключевые слова: Карачаево-Черкесская Республика**,** средневековые символы, эпиграфические памятники, кавказские петроглифы, свод надписей, методы документирования, информационная система.

Для цитирования: Нагоева Л.А. Проблемы документирования средневековых эпиграфических памятников Северного Кавказа (на примере Карачаево-Черкесской Республики) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 174-186. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-174-186. EDN: JWCROU.

© Нагоева Л.А., 2023

Original article

PROBLEMS OF DOCUMENTING MEDIEVAL EPIGRAPHIC MONUMENTS OF THE NORTH CAUCASUS (USING THE EXAMPLE OF THE KARACHAY-CHERKESSIAN REPUBLIC)

Laura A. Nagoeva
Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, shau55@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3504-9018

Abstract. The article handles the medieval epigraphic monuments problem using petroglyphs and unidentifiable writings on the territory of the North Caucasus. We consider the main known epigraphic monuments of Karachay-Cherkessia, discovered from the beginning of the 20th century to the present day. The accumulated research experience is considered and the main methods of fixing

and documenting the detected objects are characterized. The features of the interpretation of these monuments in the scientific literature and several key methodological problems are identified. Despite the cultural and historical significance of monuments for the region, today the problem of their fragmentation and the lack of a set of monuments in a single information system remains. The need for the use of modern information technology methods for further documentation of monuments and their advantages in the study and classification of inscriptions are being updated.

Keywords: Karachay-Cherkessian Republic, medieval symbols, epigraphic monuments, Caucasian petroglyphs, set of inscriptions, documentation methods, information system.

For citation: Nagoeva L.A. Problems of documenting medieval epigraphic monuments of North Caucasus (using the example of the Karachay-Cherkessian Republic). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 174-186. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-174-186. EDN: JWCROU.

© Nagoeva L.A., 2023

Несмотря на большой прогресс в методах документирования археологических памятников, эпиграфические памятники на территории Северного Кавказа остаются малоизученными с помощью современных технологий. Между тем, качественное документирование памятника предваряет ряд ключевых методологических проблем. Сохраняется проблема сбора фактического материала, уточнения его хронологических рамок, систематизации и свода большого объема графических данных.

С начала XX в. на территории Северного Кавказа, в частности Карачаево-Черкесии, обнаружено большое количество эпиграфических памятников с неидентифицируемыми надписями, данные о них введены в научный оборот. Надписи на греческой, арабоязычной и тюркоязычной основе рассмотрены в трудах Л.И. Лаврова [Лавров 1966; Лавров 1968; Лавров 1980]. Однако остается большой пласт знаковых элементов, не поддающихся аргументированным исследованиям: руноподобные, тамгообразные и геометрические знаки и рисунки на твердых поверхностях (в основном каменных и наскальных). Данный материал до настоящего времени не систематизирован, свода петроглифических надписей в регионе нет. Материал зафиксирован в том или ином качестве в отчетах археологов и эпиграфистов. В большинстве случаев предпринимались отдельные попытки осмысления содержательного характера знаков, что приводило зачастую к неубедительным выводам и дешифровкам. Ставились вопросы и к методике изучения смыслового содержания знаков [Марковин 1988а]. Попытки систематизации и поиск параллелей средневековых рунообразных символов, найденных на территории Карачаево-Черкесии с другими руническими символами Северного Кавказа, предприняты в работах В.А. Кузнецова [Кузнецов 1963: 298-305], В.И. Марковина [Марковин 1988а], И.Л. Кызласова [Кызласов 1994]. Осмысление и прочтение знаков с помощью тюркских рунических символов были предприняты рунологами О.А. Мудраком [Мудрак 2017], С.Я. Байчоровым [Байчоров 1977], А.М. Щербаком [Щербак 1971].

Первую попытку систематизации и осмысления графической основы знаков, найденных на территории Карачаево-Черкесии, предпринял К.М. Петрелевич, руководитель археологических работ, осуществляемых в 1940 г. Карачаев-

ским учительским институтом. Случайно обнаружив вблизи Карачаевска двадцать шесть камней с большим количеством знаков, исследователь попытался разделить знаки на «культурные слои». Ценным для эпиграфики оказалось то, что К.М. Петрелевич тщательно зафиксировал найденные артефакты, сделав зарисовки, фотоснимки и описания плит с указанием размеров и отправил отчет в Ленинградский архив института истории материальной культуры [ЛО ИИМК. Ф. 35. Д. № 16. Л. 9-63]. Впоследствии данные артефакты не раз упоминались у археологов, работавших на территории Карачаево-Черкесии, однако специального эпиграфического рассмотрения так и не получили. В статье В.А. Кузнецова указывается, что фотоснимки этих камней после Великой Отечественной войны случайным образом попали к немецкому археологу А. Хойслеру [Кузнецов 2005]. Нестихийность средневековых зарисовок и научная значимость знаков выявилась, когда А. Хойслер обнаружил европейские аналогии кавказских знаков. Рассмотрев знаки, исследователь приходит к выводу, что они имеют аналогии в Европе и большую «научную значимость» [Кузнецов 2005]. Средневековые петроглифы и руноподобные символы, при всем своем ареальном разнообразии и кажущейся «хаотичности», скорее всего, выявляют закономерность развития знаковой системы. Семантика наскальных рисунков и изображений на камнях неразделима с культурно-историческим контекстом региона. Подобно тому, как изучение эволюции орнамента на керамике дает ценнейший материал для истории, так, и исследование и культурная атрибуция знаков и их эволюции может выявлять как культурную диффузию на территории Северного Кавказа, так и миграционные процессы.

Таким образом, на сегодняшний день есть накопленный материал и исследовательский опыт работы с петроглифами. Несмотря на несомненную историческую значимость эпиграфических памятников, остаются вопросы к методам их документирования в дальнейшем. На протяжении XX в. документирование эпиграфических артефактов осуществлялось доступными средствами, в основном аналоговыми и контактными. С возникновением аналоговой фотографии методы документирования эпиграфических методов значительно упростились.

Коротко рассмотрим основные эпиграфические памятники, обнаруженные на территории Карачаево-Черкесской Республики, для выявления методов их документирования на разных этапах исследования, описания и рассмотрения в научной литературе.

Изображения в балке Сутул. Наскальные изображения открыты в 1976 г. Г.Х.-У. Текеевым в верховьях Урупа [Текеев 1978: 91]. Рисунки описаны и датированы археологом VI-VII вв. Представляют собой множество наскальных изображений (более ста), нанесенных охрой разных оттенков. Рисунки в несколько слоев, наносились на протяжении длительного периода. Помимо единичных антропоморфных и зооморфных изображений (предположительно лошади), а также фантастических существ, присутствуют и различные символы в виде розеток, кругов с точками внутри (солярные символы), лесенок, решеток. Присутствуют признаки композиционного объединения знаков.

Позже памятники были более подробно изучены экспедицией под руководством С.Я. Байчорова. Памятники документированы аналоговыми метода-

ми: описанием и фотоснимками. Исследователь отнес знаки к раннетюркским руническим символам [Байчоров 1987: 5-26].

Петроглифы ущелья Хасаут. Первый памятник с геометрическими изображениями обнаружен Т.М. Минаевой при исследовании скальных могильников в ущелье Хасаут [Минаева 1971: 99-103]. Памятник описан коротко, а символы зарисованы [Минаева 1971: рис. 23]. Датировка исследовательницы приблизительная – VI–VIII вв.

Другие изображения Хасаутского могильника открыты в 2014 г. совместной экспедиций Государственного музея искусств народов Востока (Москва) и предприятия «Наследие» (Ставрополь) [Фоменко 2016: 86] под руководством В.Р. Эрлиха. В ходе исследований сделаны фотоснимки пяти местонахождений с надписями, сделанными охрой. Наряду со сценами охоты здесь присутствуют геометрические композиции, различные символы, в том числе солярные символы. Некоторые орнаментальные элементы этих изображений имеют аналогии в памятниках эпохи бронзы, в то же время нельзя исключать для них и датировку временем сооружения могильника. Специальные публикации по найденным рисункам отсутствуют.

Каменные плиты, найденные у Красновосточного аула. Памятники обнаружены в 1973 г. экспедицией Карачаево-Черкесского областного краеведческого музея в окрестностях аула Красный Восток. Представляют собой три каменные плиты, одна из которых высотой два метра. На двух плитах есть различные изображения, среди которых тамгообразные и руноподобные символы. На третьем камне надписи с неидентифицируемой графической основой [Текеев, Биджиев 1973: 127]. Датированы Средневековьем. Камень с тамгами указан в числе перечисляемых абазинских тамг у Е.Н. Даниловой и Л.И. Лаврова [Данилова 1984, Лавров 2009]. С.Я. Байчоров относит надписи в репертуар древнетюркской рунической надписи [Байчоров 1977].

Каменные блоки Сентинского храма с надписями. Памятники с петроглифами открыты и документированы с помощью описания В.М. Сысоевым в 1913 г. [Сысоев 1913]. Изображения датированы ранним Средневековьем. Представляют собой каменные блоки с петроглифическими символами в виде геометрических узоров, змеевидных символов и треугольников. Впоследствии изображения на каменных блоках в кладке храма коротко отмечены в работе В.И. Марковина [Марковин 1988б]. Исследователь считает, что, судя по петроглифам, Сентинский храм построен на месте более древнего святилища.

Камни с петроглифами возле Карачаевска. Камни с надписями известны по архивной рукописи К.М. Петрелевича [ЛО ИИМК. Ф. 35. Д. 16. Л. 9-63]. Обнаружены в количестве 26 штук. Памятники документированы с помощью зарисовок с указанием размеров и фотоснимков. Знаки на момент нахождения были уже сильно повреждены. Часть антропоморфных и зооморфных изображений исследователи относят к аланскому времени. Есть и более ранние петроглифы – счетные знаки II тысячелетия до н. э. В.И. Марковин в своей статье приводит знаки по публикации А. Хойслера, с характеристиками знаков, особенно выделяя солярные символы [Марковин 1979]. Преобладающее большинство петроглифов представляют собой схематизированные антропоморфные

знаки. Есть чашечные углубления, концентрические круги, перечеркнутые посередине, трезубцы, решетки, крестообразные символы, а также тамгообразные символы и счетные знаки. Знаки систематизированы по типу изображений у В.А. Кузнецова [Кузнецов 2005], а также есть попытки обобщения знаков у В.И. Марковина с петроглифами Чечни, Дагестана и Осетии [Марковин 1979].

Камни Амгатинского городища. Памятники обнаружены и документированы с описанием надписей в отчете К-М. Петрелевича в 1940 г. [ЛО ИИМК. Ф. 2. Д. 7. Оп.1]. Представляют собой три каменные плиты, предположительно имеющие отношение к городищу на р. Амгат. На одной из них изображен ритуальный танец, на второй зооморфные изображения. На третьей изображен всадник с луком в руках и тамга в виде стержня на горизонтальной основе и полукруга на верхнем конце. В данный момент камни утрачены [Минаева 1971]. Памятники рассмотрены в работах И.А. Владимирова, Т.М. Минаева, В.А. Кузнецова [Владимиров 1901; Минаева 1971; Кузнецов 1962].

Камни Хумаринского городища. Камни с надписями обнаружены в 1960 г. при строительных работах на Хумаринском городище в верховьях р. Кубань. В 1962 г. надписи были осмотрены и документированы В.А. Кузнецовым. Памятники получили подробное специальное рассмотрение в работе В.А. Кузнецова с указанием размеров плит и с приведением фотоснимков [Кузнецов 1963]. В работе отмечены семь плит, некоторые надписи не сохранились до приезда специалистов и известны лишь по случайным зарисовкам жителя села С. Белоброва. На плитах представлены руноподобные символы в несколько строк, и отдельные тамгообразные знаки. Часть плит хранится в РГБУ «Государственный Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник им. М.О. Байчоровой».

Некоторые тамгообразные знаки обнаружены позже в 1977 г. Х.Х. Биджиевым [Биджиев 1977]. С.Я. Байчоров отнес их к тюркским рунам. Большинство плит датировано по аналогии с найденной керамикой в городище второй половиной IX – началом XI вв. К большинству надписей исследователем определены идентичные древнетюркские рунические символы. Хумаринские надписи рассмотрены также в работах С.Я. Байчорова [Байчоров 1977], И.Л. Кызласова [Кызласов 1994], Т.М. Минаевой [Минаева 1971], Х.Х. Биджиева [Биджиев 1977; Биджиев 1983], М.А. Хабичева [Хабичев 1981].

Каменная плита на Гиляче. В 1962 г. возле городища на р. Гиляч была найдена каменная плита студентами КЧГПИ. На ней имеется изображение всадника с конем. Памятник с указанием размеров плиты описан Т.М. Минаевой [Минаева 1971; Минаева 1968; Минаева 1969]. По форме и характеру изображения она близка плите из Амгаты. Т.М. Минаева предполагает, что плита была частью дольменообразного склепа [Минаева 1971: 69]. С.Я. Байчоров обнаружил недалеко от городища Гиляч еще надписи, которые он отнес к древнетюркской рунической письменности [Байчоров 1987]. Датированы предположительно IX–XII вв.

Надписи в Токмак-Кая. Надписи обнаружены Т.М. Минаевой в балке рядом с горной вершиной Токмак-Кая, на потолке катакомбного могильника [Минаева 1971: 79]. Знаки, по мнению исследовательницы, нанесены в разное

время, от раннего до позднего Средневековья. Выделяются символы солярного типа, сердцевидные, в виде круга с линией посередине или точкой, а также круг внутри которого изображение в виде вилки. Есть также символы, напоминающие арабские буквы. Аналогичные знаки обнаружены в Поднестровье и на Кавказе. Как считает Т.М. Минаева, знаки нанесены в разное время и не связаны по смыслу и композиции. Солярные знаки нанесены раньше, а тамгообразные символы были нанесены позднее [Минаева 1971: 80].

М.А. Хабичев [Хабичев 1970: 64-69; Хабичев 1971: 17-22] и А.М. Щербак [Щербак 1971: 76] рассматривают аналогии токмакайских знаков с рунических. Но трактовка М.А. Хабичева подверглась критике В.А. Кузнецова [Кузнецов 1974: 80].

Плиты дольменообразных могильников у р. Кривой. Плиты открыты и исследованы В.А. Кузнецовым в 1962 г. [Кузнецов 1962: 237-238]. Датированы им же X-XI вв. Представляют собой плиты дольменообразных склепов с антропоморфными и зооморфными изображениями, бытовыми предметами (кувшин), христианскими крестами. На плитах также прослеживаются тамгообразные символы и спиралевидные символы неясного значения. Три аналогичные плиты были обнаружены у а. Верхняя Теберда [Алексеева 1992: 70]. Они так же представляли собой остатки наземных дольменообразных склепов, как и открытые В.А. Кузнецовым на р. Кривой [Кузнецов 1962: 53; Минаева 1971: 69].

Петроглифы Бейчесына. Обнаружены в 1985 г. на плато Бейчесына С.Я. Байчоровым [Байчоров 1987; Байчоров 1988]. Представляют собой двадцать три камня с различными аморфными изображениями. В основном повторяется одна и та же фигура: круг с пересеченным по центру прямым повторяется много раз. Двадцать второй камень с петроглифами похожими на ф-образные символы. Изображения подробно рассмотрены в работах С.Я. Байчорова. Исследователь усматривает изображения на камнях как средневековые камни-карты [Байчоров 1988б], а на двадцать втором камне по нему изображены рунические символы. Ряд элементов он относит к шумеро-эламскому искусству. В.И. Марковин критикует трактовку С.Я. Байчорова и считает ее неаргументированной [Марковин 2004: 57].

Проблема интерпретации данных. Представленный материал не является исчерпывающим списком эпиграфических памятников на территории Карачаево-Черкесской Республики. Аналогичные памятники отмечены археологами на дольменных постройках городища Шпиль, в городище Ахмат-Кая, Нижнем Архызе, Балке Инала, у Джегуты (Гнакызы), на Покун-Сырте и других местах [Алексеева 1992].

Как видно из данных, большинство археологов фиксировали знаки без расширенных комментариев. Преобладающее количество обнаруженных знаков отнесены карачаевскими лингвистами и археологами к раннесредневековым тюркским руническим знакам. Однако методология дешифровки исследователей зачастую вызывала критику в научной среде. Работы С.Я. Байчорова, как отмечают тюркологи, характеризуются слабой аргументацией, а зачастую и ее отсутствием [Марковин 1988а]. В контексте материала использование термина «руническое письмо» весьма условно, так как с одной стороны знаки не

всегда составляли систему, для идентификации их как письменности, а с другой стороны внешнее сходство некоторых знаков со скандинавскими рунами сподвигало исследователей ошибочно относить их к «руническому письму» [Кызласов 1994]. Отнесение их к тюркским рунам также остается спорной в научной литературе, в силу географического разнообразия найденных аналогичных памятников. Памятники Карачаево-Черкесии имеют аналоги в Дагестане, Чечне, Осетии, Кабардино-Балкарии, Центральной Азии и степной полосе Европы. Крупный исследователь руноподобных символов И.Л. Кызласов пишет, что наиболее перспективным для исследователей является изучение памятников «в единственно тех географических рамках, которые совпадают с ее реальным ареалом» [Кызласов 1994].

Помимо руноподобных и тамгообразных символов выделяются так же геометрические знаки в виде точек, линий, лестниц, решеток, треугольников, представляющие общий пласт практически для всех найденных памятников.

Методы документирования памятников. Можно выделить неравномерность изучения письменных источников и здесь больше вопросов вызывают методы документирования найденных артефактов. Как следует из научных отчетов, памятники были документированы аналоговыми и контактными методами: описаниями с зарисовками, эстампированием и фотоснимками. Аналоговые методы могут быть ограничены субъективностью подхода и практической подготовки исследователя. Одни и те же надписи могут быть до неузнаваемости различны. Контактный метод документирования так же вызывает ограничения, так как при создании оттиска старые памятники могут повреждаться, а знаки на них искажаться. Фотография повышает в целом уровень читаемости надписи, но также вызывает ряд ограничений, связанных с естественным освещением.

Подавляющее большинство памятников дошло до нас в искаженном виде. Это связано как с естественными, так и антропогенными факторами. Дальнейшие публикации новых надписей не решают проблему исследования петроглифов в регионе. До решения вопросов семантического характера и этноязыковой принадлежности надписей нужна серьезная и объемная предварительная информационно-техническая обработка материала. Возможным решением проблемы может стать оцифровка всех известных памятников и создание свода надписей. Материал должен документироваться средствами современных технологий. Наиболее безопасными и современными методами документирования эпиграфических памятников является бесконтактное трехмерное моделирование и последующая математическая визуализация рельефа памятника. Фотограмметрическая обработка снимков позволит улучшить качество объекта и его читаемость.

Следующим вопросом, который следует из материала это способ классификации материала. Материал в цифровом виде наиболее удобно классифицировать и картографировать. Однако нужно быть очень осторожными при создании алгоритмов классификации в единой информационной системе. Попытки классификации петроглифических памятников с помощью графической основы знаков есть в научной литературе. Например, В.И. Марковин предлагал маркировать петроглифы по типу надписей, выделяя при этом семь групп: «1 – начертания, напоминающие знаки письменности; 2 – изображения крестов,

спиралей, триквестров, солярных символов, S-видных фигур, лабиринтов, «вавилонов»; 3 – рисунки людей и животных; 4 – изображения рун и ног; 5 – изображения предметов быта и вооружения; 6 – тамгообразные знаки; 7 – геометрические начертания (орнаментальные знаки)» [Марковин 1988а: 108]. В группы, выделяемые В.И. Марковиным можно включить и руноподобные символы. С тамгообразными символами следует быть осторожными, так как включение тамгообразных символов в одну группу может быть нецелесообразным. Известно, что одни и те же тамги в разном культурно-историческом контексте могли иметь совершенно разные этнические маркировки, а также различные утилитарные функции. К примеру, тамгообразные символы на свинцовом диске из Ольвии [Яценко, Рогожинский 2021:767] в своей графической основе идентичны с тамгами абазин [Лавров 2009: 24-29, тамги 284, 874]. В одном случае это знаки сарматской знати I в. н.э., а в другом случае позднесредневековые фамильные тамги абхазо-адыгов. Очевидно, что здесь в основе классификации не может лежать только графическая основа, без учета географического и культурно-исторического контекста региона и периода. В целом, северокавказские тамги зачастую обнаруживают прямые аналогии с сармато-аланскими тамгами, на основе которых может быть прослежена общая графическая основа знаков. Также и с руноподобными символами. Как следует из литературы [Кызласов 1994], их общая графическая основа с древне-тюркскими руническими письменами не может быть основой для классификации символов в один алфавит. Следует также учитывать, что знаки, документированные контактным методом, могли быть деформированы и неточны в своем воспроизведении.

Исходя из вышесказанного, паспортизация памятников для информационной системы возможна по следующей форме:

– сведения о наименовании памятника;

– сведения о местонахождении памятника;

– сведения о времени возникновения или дате создания объекта культурного наследия;

– сведения о предыдущих методах документирования памятника контактным способом;

– сведения о культурно-историческом контексте памятника;

– 3-d модель памятника.

Классификация знаков может быть разделена по графическим, семиотическим, географическим и хронологическим признакам.

Оцифровка эпиграфического материала, паспортизация памятников и классификация знаков позволит получить доступ (в том числе и удаленный) исследователей к источникам в хорошем качестве и упростит последующую работу с семантическим контекстом материала.

Таким образом, на сегодняшний день изучение графической основы эпиграфических памятников, обнаруженных на территории Карачаево-Черкесии, осложнено отсутствием единого универсального подхода к изучению объектов в силу их разрозненности и фрагментарности. Документирование памятников с помощью современных технологий позволит повысить уровень «читаемости» надписей, без субъективных искажений знаков, решит проблему транспортировки артефактов. Оцифрованные модели памятников с надписями позволят

создать свод знаков для дальнейшего изучения их графической основы и параллелей как внутри Северного Кавказа, так и за ее пределами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева 1992 – *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. – М.: Наука, 1992. – 216 с.

Байчоров 1987 – *Байчоров С.Я.* Наскальная панорама раннесредневекового художника и писца // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИ истории, филологии и экономики, 1987. – С. 5-26.

Байчоров 1988 – *Байчоров С.Я.* Петроглифы Бийчесына // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. – Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИ истории, филологии и экономики, 1988. – С. 96-141.

Байчоров 1977 – *Байчоров С.Я.* Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности: автореф. дисс… к. филол.н. – Москва, 1977. – 31 с.

Байчоров 1975 – *Байчоров С.Я.* Руническая эпитафия у стены Зеленчукского (Северного) храма // V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тезисы докладов. – Махачкала: ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1975. – С. 67-69.

Байчоров 1983 – *Байчоров С.Я.* Протобулгарские эпиграфические памятники наскальных могильников Кубано-Терского междуречья // Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИ истории филологии и экономики, 1983. – С. 87-129.

Байчоров 1974 – *Байчоров С.Я.* Надписи Хумаринского городища // Советская тюркология. – 1974. – № 4. – С. 89-94.

Биджиев 1977 – *Биджиев Х.Х.* Раскопки городища Хумара в 1977 г. // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Карачаево-Черк. НИИ экономики, истории, яз. и лит., 1979. – С. 35-62.

Биджиев 1983 – *Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище. – Черкесск: Карачаево-Черк. отд. ставр. книж. изд-ва, 1983. – 168 с.

Владимиров 1901 – *Владимиров И.А.* Развалины старинного храма близ речки Амгаты // Известия Императорской Археологической комиссии. – 1901. – Вып. 1. – Спб.: типография главного управления уделов. – С. 104-106.

Данилова 1984 – *Данилова Е.Н.* Абазины. Историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации. XIX век. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – 144 с.

Кузнецов 1963 – *Кузнецов В.А.* Надписи Хумаринского городища // Советская археология. – 1963. – № 1. – С. 298-305.

Кузнецов 1961 – *Кузнецов В.А.* Средневековые дольменообразные склепы верхнего Прикубанья // Краткие сообщения Института археологии. Академия наук СССР. – Вып. 85 – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1961. – 147 с.

Кузнецов 2005 – *Кузнецов В.А.* Петроглифы из окрестностей Карачаевска // Вестник Владикавказкого научного центра. – 2005. – Т. 5. – № 3. – С. 17-21.

Кызласов 1994 – *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. – Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 327 с.

Лавров 1966 – *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Надписи X-XVII вв. – Ч. 1 – М.: Наука, 1966. – 300 с.

Лавров 1968 – *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Надписи XVIII–XX вв. – Ч. 2. – М.: Нука, 1968. – 248 с.

Лавров 1980 – *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Надписи X–XX вв. Новые находки. – Ч. 3. М.: Наука, 1980. – 168 с.

Лавров 2009 – *Лавров Л.И.* Кавказские тамги – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. – 88 с.

ЛО ИИМК – Ленинградское отделение Института истории материальной культуры.

Марковин 1988а – *Марковин В.И.* К методике изучения смыслового содержания средневековых петроглифов Северного Кавказа // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. – Орджоникидзе: Ир, 1988.– С.102-123.

Марковин 2004 – *Марковин В.И.* Наскальные изображения Северного Кавказа и некоторые проблемы их в их изучении (очерки) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти В.В. Волкова: сборник научных трудов / отв. ред. А.Н. Гей. – М.: Институт археологии РАН, 2004. – С. 52-64.

Марковин 1988б – *Марковин В.И.* Сентинский храм и его изучение // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. – Черкесск: Карачаево-Черк. НИИ истории, фил. и экон., 1988. – С. 8-32

Марковин 1979 – *Марковин В.И.* Средневековые наскальные изображения у аула Кумыш // Вопросы средневековой истории и культуры Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Карачаево-Черк. НИИ экономики, истории, яз. и лит., 1979. – С. 146-153.

Минаева 1971 – *Минаева Т.М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. – Ставрополь: книж. изд-во, 1971. – 248 с.

Минаева 1969 – *Минаева Т.М.* Раскопки городища Гиляч // Археологические открытия 1968 года. – М.: Наука, 1969. – С. 123-124.

Мудрак 2017 – *Мудрак О.А.* Основной корпус восточноевропейской руники // Хазарский альманах / Институт славяноведения РАН, Институт востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины, Международный Соломонов университет. – Том 15. – Москва: Издательство Пробел-2000, 2017. – С. 296-416. – EDN YKXYLO.

Сысоев 1913 – *Сысоев В.М.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 43. – Тифлис: тип. К.П. Козловского, 1913. – С. 95-105.

Текеев, Биджиев 1973 – *Текеев Г.Х.-У., Биджиев Х.Х.* Экспедиция Карачаево-Черкесского областного краеведческого музея // Археологические открытия. – М.: Наука, 1973. – С. 127-128.

Фоменко 2016 – *Фоменко В.А.* Хасаутский некрополь и другие раннесредневековые наскальные могильники Северного Кавказа (вопросы культурно-этнической принадлежности) // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 9. – С. 85-89. – EDN WNIAPV.

Хабичев 1970 – *Хабичев М.А.* О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах // Советская тюркология. – № 2. – Баку: АН СССР; АН Азербайджанской ССР, 1970. – С. 64-69.

Хабичев 1981 – *Хабичев М.А.* Словообразовательный и этимологический анализ некоторых карачаевских этнонимов // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. – Ставрополь: Ставропольский пединститут, 1981. – С. 3-50.

Щербак 1971 – *Щербак А.М.* О рунической письменности в Юго-Восточной Европе // Советская тюркология. – № 4. – Баку: АН СССР; АН Азербайджанской ССР 1971. – С. 76-82.

Яценко, Рогожинский 2021 – *Яценко С.А., Рогожинский А.Е.* Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей // Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика. – Нижневартовск: Киммерия, 2021. – С. 733-767.

REFERENCES

ALEKSEEVA E.P. *Arkheologicheskie pamyatniki Karachaevo-Cherkesii* [Archaeological sites of Karachay-Cherkessia]. – M.: Nauka, 1992. – 216 p. (In Russ.).

BAICHOROV S.YA. *Naskal'naya panorama rannesrednevekovogo khudozhnika i pistsa* [Rock panorama of an early medieval artist and scribe]. In: Voprosy arkheologii i traditsionnoi etnografii Karachaevo-Cherkesii. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkes. NII istorii, filologii i ekonomiki, 1987. – P. 5-26. (In Russ.).

BAICHOROV S.YA. *Petroglify Biichesyna* [Petroglyphs of Biychesyn]. In: Voprosy srednevekovoi arkheologii Severnogo Kavkaza. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkes. NII istorii, filologii i ekonomiki, 1988. – P. 96-141. (In Russ.).

BAICHOROV S.YA. *Severokavkazskii areal drevnetyurkskoi runicheskoi pis'mennosti* [North Caucasian area of ancient Turkic runic writing]: avtoref. diss… k. filol.n. – Moskva, 1977. – 31 p. (In Russ.).

BAICHOROV S.YA. *Runicheskaya epitafiya u steny Zelenchukskogo (Severnogo) khrama* [Runic epitaph at the wall of the Zelenchuk (Northern) temple]. In: V Krupnovskie chteniya po arkheologii Kavkaza. Tezisy dokladov. – Makhachkala: IIYaL Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1975. – P. 67-69. (In Russ.).

BAICHOROV S.YA. *Protobulgarskie epigraficheskie pamyatniki naskal'nykh mogil'nikov Kubano-Terskogo mezhdurech'ya* [Proto-Bulgarian epigraphic monuments of rock burials of the Kuban-Tersky interfluves]. In: Problemy istoriko-sravnitel'nogo izucheniya yazykov narodov Karachaevo-Cherkesii. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkes. NII istorii filologii i ekonomiki, 1983. – P. 87-129. (In Russ.).

BAICHOROV S.YA. *Nadpisi Khumarinskogo gorodishcha* [Inscriptions of the Khumarinsky settlement]. In: Sovetskaya tyurkologiya. – 1974. – № 4. – P. 89-94. (In Russ.).

BIDZHIEV KH.KH. *Raskopki gorodishcha Khumara v 1977 g.* [Excavations of the ancient settlement of Khumara in 1977]. In: Voprosy srednevekovoi istorii narodov Karachaevo-Cherkesii. – Cherkessk: Karachaevo-Cherk. NII ekonomiki, istorii, yaz. i lit., 1979. – P. 35-62. (In Russ.).

BIDZHIEV KH.KH. *Khumarinskoe gorodishche* [Humarin settlement]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherk. otd. stavr. knizh. izd-va, 1983. – 168 p. (In Russ.).

VLADIMIROV I.A. *Razvaliny starinnogo khrama bliz rechki Amgaty* [Ruins of an ancient temple near the Amgata River]. In: Izvestiya Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii. – 1901. – Vyp. 1. – Spb.: tipografiya glavnogo upravleniya udelov. – P. 104-106. (In Russ.).

DANILOVA E.N. *Abaziny. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie khozyaistva i obshchinnoi organizatsii. XIX vek.* [Abaza. Historical and ethnographic study of the economy and community organization. XIX century]. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1984. – 144 p. (In Russ.).

KUZNETSOV V.A. *Nadpisi Khumarinskogo gorodishcha* [Inscriptions of the Khumarinsky settlement]. In: Sovetskaya arkheologiya. – 1963. – № 1. – P. 298-305. (In Russ.).

KUZNETSOV V.A. *Srednevekovye dol'menoobraznye sklepy verkhnego Prikuban'ya* [Medieval dolmen-like crypts of the upper Kuban region]. In: Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. Akademiya nauk SSSR. – Vyp. 85 – M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. – 147 p. (In Russ.).

KUZNETSOV V.A. *Petroglify iz okrestnostei Karachaevska* [Petroglyphs from the vicinity of Karachaevsk]. In: Vestnik Vladikavkazkogo nauchnogo tsentra. – 2005. – T. 5. – № 3. – P. 17-21. (In Russ.).

KYZLASOV I.L. *Runicheskie pis'mennosti evraziiskikh stepei* [Runic scripts of the Eurasian steppes]. – Moskva: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1994. – 327 p. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Nadpisi X-XVII vv.* [Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Inscriptions X-XVII centuries]. – Ch. 1 – M.: Nauka, 1966. – 300 p. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Nadpisi XVIII–XX vv.* [Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Inscriptions XVIII–XX centuries]. – Ch. 2. – M.: Nuka, 1968. – 248 p. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Nadpisi X–XX vv. Novye nakhodki* [Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Inscriptions X–XX centuries. New finds]. . – Ch. 3. M.: Nauka, 1980. – 168 p. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Kavkazskie tamgi* [Caucasian tamgas]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2009. – 88 p. (In Russ.).

LO IIMK - *Leningradskoe otdelenie Instituta istorii material'noj kul'tury* [Leningrad branch of the Institute of the History of Material Culture]. - F.35. Petrelevich K.M. Chudesnyi pamyatnik arkheologii Karachaya. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *K metodike izucheniya smyslovogo soderzhaniya srednevekovykh petroglifov Severnogo Kavkaza* [On the method of studying the semantic content of medieval petroglyphs of the North Caucasus]. In: Metodika issledovaniya i interpretatsiya arkheologicheskikh materialov Severnogo Kavkaza. – Ordzhonikidze: Ir, 1988.– P.102-123.(In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Naskal'nye izobrazheniya Severnogo Kavkaza i nekotorye problemy ikh v ikh izuchenii (ocherki)* [Rock carvings of the North Caucasus and some problems in their study (essays)]. In: Pamyatniki arkheologii i drevnego iskusstva Evrazii. Pamyati V.V. Volkova: sbornik nauchnykh trudov / otv. red. A.N. Gei. – M.: Institut arkheologii RAN, 2004. – P. 52-64. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Sentinskii khram i ego izuchenie* [Sentinsky temple and its study]. In: Voprosy srednevekovoi arkheologii Severnogo Kavkaza. – Cherkessk: Karachaevo-Cherk. NII istorii, fil. i ekon., 1988. – P. 8-32 (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Srednevekovye naskal'nye izobrazheniya u aula Kumysh* [Medieval rock carvings near the village of Kumysh]. In: Voprosy srednevekovoi istorii i kul'tury Karachaevo-Cherkesii. – Cherkessk: Karachaevo-Cherk. NII ekonomiki, istorii, yaz. i lit., 1979. – P. 146-153. (In Russ.).

MINAEVA T.M. *K istorii alan Verkhnego Prikuban'ya po arkheologicheskim dannym* [To the history of the Alans of the Upper Kuban region according to archaeological data]. – Stavropol': knizh. izd-vo, 1971. – 248 p. (In Russ.).

MINAEVA T.M. *Raskopki gorodishcha Gilyach* [Excavations of the ancient settlement Gilyach]. In: Arkheologicheskie otkrytiya 1968 goda. – M.: Nauka, 1969. – P. 123-124. (In Russ.).

MUDRAK O.A. *Osnovnoi korpus vostochnoevropeiskoi runiki* [The main corpus of the Eastern European runic]. In: Khazarskii al'manakh / Institut slavyanovedeniya RAN, Institut vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy, Mezhdunarodnyi Solomonov universitet. – Tom 15. – Moskva: Izdatel'stvo Probel-2000, 2017. – P. 296-416. – EDN YKXYLO. (In Russ.).

SYSOEV V.M. *Karachai v geograficheskom, bytovom i istoricheskom otnoshenii.* [Karachay in geographical, domestic and historical terms]. In: Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. – Vyp. 43. – Tiflis: tip. K.P. Kozlovskogo, 1913. – P. 95-105. (In Russ.).

TEKEEV G.KH.-U., BIDZHIEV X.X. *Ekspeditsiya Karachaevo-Cherkesskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Expedition of the Karachay-Cherkess regional museum of local lore]. In: Arkheologicheskie otkrytiya. – M.: Nauka, 1973. – P. 127-128. (In Russ.).

FOMENKO V.A. *Khasautskii nekropol' i drugie rannesrednevekovye naskal'nye mogil'niki Severnogo Kavkaza (voprosy kul'turno-etnicheskoi prinadlezhnosti)* [Khasautsky necropolis and other early medieval rock burial grounds of the North Caucasus (issues of cultural and ethnic affiliation)]. In: Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2016. – № 9. – P. 85-89. – EDN WNIAPV. (In Russ.).

KHABICHEV M.A. *O drevnetyurkskikh runicheskikh nadpisyakh v alanskikh katakombakh* [On the ancient Turkic runic inscriptions in the Alanian catacombs]. In: Sovetskaya tyurkologiya. – № 2. – Baku: AN SSSR; AN Azerbaidzhanskoi SSR, 1970.– P. 64-69. (In Russ.).

KHABICHEV M.A. *Slovoobrazovatel'nyi i etimologicheskii analiz nekotorykh karachaevskikh etnonimov* [Derivative and etymological analysis of some Karachay ethnonyms]. In: Aktual'nye problemy karachaevo-balkarskogo i nogaiskogo yazykov. – Stavropol': Stavropol'skii pedinstitut, 1981. – P. 3-50. (In Russ.).

SHCHERBAK A.M. *O runicheskoi pis'mennosti v Yugo-Vostochnoi Evrope* [About runic writing in South-Eastern Europe]. In: Sovetskaya tyurkologiya. – № 4. – Baku: AN SSSR; AN Azerbaidzhanskoi SSR 1971. – P. 76-82. (In Russ.).

YATSENKO S.A., ROGOZHINSKII A.E. *Neskol'ko zametok o znakakh-tamgakh sarmatov i ikh sosedei* [A few notes about the signs-tamgas of the Sarmatians and their neighbors]. In: Arkheologiya, istoriya, numizmatika, sfragistika i epigrafika. – Nizhnevartovsk: Kimmeriya, 2021. – P. 733-767. (In Russ.).

Информация об авторе
Л.А. Нагоева – кандидат культурологии.
Information about the author
L.A. Nagoeva – a candidate for cultural studies.

Статья поступила в редакцию 02.05.2023 г.; одобрена после рецензирования 09.06.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.
The article was submitted 02.05.2023; approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Научная статья
УДК 821.352.2
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-187-198
EDN: KKXOPC

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЭТИКИ ПОСТМОДЕРНИЗМА В КАВКАЗСКОМ КОРПУСЕ ТЕКСТОВ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Марина Владимировна Битокова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, mariebitok@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6928-3115

Аннотация. Литература такого направления как постмодернизм во второй половине XX века заняла лидирующее положение. Она выражала кризисное мышление человека этой эпохи, вызванное, с одной стороны, резким научно-техническим прогрессом, а с другой, разочарованием в идеях европейского гуманизма.

Выражение кризиса, культурного разлома в литературе происходило, главным образом, через форму литературного произведения – ее разрушение, нарочитая «неправильность», размытие жанровых границ и отсутствие четких структур. Кроме того, на первый планы выступают такие приемы как подражание, стилизация, литературная игра, использование симулякров.

В русской культуре второй половины XX века процесс утверждения постмодерна шел сложнее, поскольку в официальной подцензурной литературе господствовал метод соцреализма. Первым постмодернистским романом на русском языке считается «Пушкинский дом» Андрея Битова. Однако, еще в 1840 году в свет вышел роман, который включает в себя множество приемов и принципов, позже причисленных к поэтике постмодернизма: это «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Для него вообще было характерно работать на стыке традиций (в частности, романтизма и реализма) и фиксировать в своих произведениях мироощущения человека кризисной, реакционной эпохи. Элементы литературной поэтики, которая позже получит название постмодерна, мы встречаем не только в обозначенном романе, но и в целом корпусе лермонтовских текстов: «Мцыри», «Демон», очерк «Кавказец» и других, относящихся к так называемому кавказскому корпусу текстов Лермонтова. В данной статье сделана попытка обозначить эти элементы, проанализировать прагматику их использование, изучить формы литературной игры, примененные Лермонтовым.

Выбранная нами оптика – кавказские произведения Лермонтова – не случайна: многие исследователи отмечали, что в его творчестве (особенно в поздних произведениях) топос Кавказа перерастает роль романтической ориенталисткой декорации и сообщает художественному конфликту дополнительную глубину и наполненность, насыщает неожиданными и яркими деталями.

Ключевые слова: Лермонтов, Кавказ, постмодернизм, роман, поэма, литературная игра, интертекст.

Для цитирования: Битокова М.В. Элементы поэтики постмодернизма в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 187-198. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-187-198. EDN: KKXOPC.

© Битокова М.В., 2023

Original article

ELEMENTS OF POSTMODERNISM POETICS IN THE CAUCASIAN CORPUS OF TEXTS BY M.Y. LERMONTOV

Marina V. Bitokova
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, mariebitok@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6928-3115

Abstract. Literature on such a trend as postmodernism in the second half of the twentieth century took a leading position. It captured the crisis of modern thought that was brought on by rapid advances in science and technology, as well as disillusionment with the notions of European humanism.

The expression of the crisis, the cultural rift in literature, occurred mainly through the form of a literary work – its destruction, deliberate "wrongness", the blurring of genre boundaries and the lack of clear structures. In addition, techniques such as imitation, stylization, literary play, and the use of simulacra come to the fore.

Postmodern approval was difficult in Russia in the 20th century due to socialist realism in literature. The first postmodern novel in Russian is considered being "Pushkin House" by Andrey Bitov. However, back in 1840, a novel was published, which includes numerous techniques and principles, later attributed to the poetics of postmodernism: this is the "Hero of Our Time" by M.Y. Lermontov. He often depicted the worldview of a person in a crisis era in his works. Elements of literary poetics, which will later be called postmodern, we find not only in the designated novel but also in the whole corpus of Lermontov's texts: "Mtsyri", "Demon", the essay "Caucasian" and others related to the so-called Caucasian corpus of Lermontov's texts. This article attempts to identify these elements, analyze the pragmatics of their use, and study the forms of literary play used by Lermontov.

The optics we have chosen – Lermontov's Caucasian works – is not accidental: many researchers have noted that in his work (especially in later works) the topos of the Caucasus outgrows the role of romantic orientalist scenery and gives an artistic conflict additional depth and fullness, saturates with unexpected and vivid details.

Key words: Lermontov, Caucasus, postmodernism, novel, poem, literary game, intertext.

For citation: Bitokova M.V. Elements of postmodernism poetics in the Caucasian corpus of texts by M.Y. Lermontov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 187-198. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-187-198. EDN: KKXOPC.

© Bitokova M.V., 2023

Введение

В 2017 г. был запущен литературный проект «Полка», который стартовал с того, что приглашенные эксперты (писатели, критики, литературоведы, издатели и т.д.) назвали важнейшие, с их точки зрения, для себя книги русской литературы. По итогам этого голосования был составлен список из 108 важнейших произведений русской литературы, первое место в котором, несколько неожиданно для авторов проекта, занял роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Такой результат заставил вновь обратиться к феномену этого произведения, который не перестает быть одним из самых востребованных текстов русского литературного канона для различных категорий читателей.

Очевидно, главный секрет успеха этого произведения – магнетическая фигура главного героя Григория Печорина, сложность и объемность которого поз-

воляют нам подступать к его изучению, используя совершенно разные подходы, в том числе и с учетом новейших трендов и тенденций. Для сравнения: если Серебряный век, опираясь на идеи Ницше, видел в нем первого сверхчеловека русской литературы [Мережковский 2002], то актуальный взгляд использует данные современной психологии, видя в Печорине признаки токсичной маскулинности и абьюзивного поведения.

Лермонтов вводит интертекстуальный код, который включает в себя и Руссо, и Байрона, и Скотта, и Пушкина. Это становится возможным не только через использование имен и мотивов, заимствования сюжетов и т.д., но и через особый хронотоп романа: выбирая местом действия Кавказ, писатель уравнивает свой роман и с кавказским текстом русской литературы (который незадолго до этого начал формироваться), и с классикой романтической литературы, в частности с Вальтером Скоттом, сопоставляя пейзажи и характеры Шотландии и Кавказа. Эта ассоциативная нить, наравне со многими другими, становится способом превращения романа и его героя в сложную игру отражений и перевоплощений культурных и литературных феноменов своего времени. То есть можно говорить о том, что многогранность и самого романа Лермонтова, и фигуры главного его героя создает аллюзийную игру с текстами современности и предшествующих эпох, а кроме того, имеет потенциал для врастания в культурный код эпох последующих, оставляют простор для литературы будущего играть со его смыслами и образами, интерпретировать их и заново переосмыслять. Все большие книги вступают в интертекстуальную перекличку с предыдущей литературной традицией и актуальными процессами. Но есть особая категория литературных тестов, которые вступают и в игру с будущим в активной позиции. Одной из таких книг, несомненно, является «Герой нашего времени».

Лермонтов и постмодернизм

Постмодернизм как явление в литературе и, шире, в искусстве использует довольно широкий круг приемов, которые сводятся в конечном итоге к выражению нескольких основных принципов. В первую очередь, это выражение хаотичности мира, приходящее не смену космологичным представлениям предыдущих эпох. Кроме того, искусство постмодерна дистанцируется от классической и неклассической традиции и позиционирует себя в принципе вне какой-либо традиции, при этом оно выстраивает диалог с искусством предшествующих эпох и направлений посредством пародии, аллюзии, интертекстуального конструирования. Из этого исходит одно из ярких качеств постмодернизма – утверждение невозможности новизны в искусстве и литературы в частности: поскольку все уже было придумано и сказано когда-то, автор-постмодернист может, научившись принципу коллажа или мозаики, пересобрать знакомые сюжеты и мотивы в нечто новое и индивидуальное.

Несмотря на то, что Лермонтов не знал даже самого слова «постмодернизм», многие из его эстетических принципов активно использовались писателем: принцип пародийности, нелинейность повествования, несовпадение сюжета и фабулы и многие другие приемы, появившиеся в романе «Герой нашего времени», – они настолько сильны и влиятельны в метатекстовом пространстве Лермонтова, что

становятся определяющими для авторской стратегии векторами его сознания и творчества. И здесь интересно отметить, что и для читателя все это – точки опоры в процессе восприятии романа и вопросах его атрибутирования.

Обращенность постмодерна к прошлому литературы, его способность черпать из него мотивы, позволяет нам, вооружившись принципом вневременности и внеисторичности различных литературных приемов, наложить трафарет постмодернистской литературы на творчество Лермонтова (не только роман «Герой нашего времени», но и другие его произведения), чтобы найти совпадения или же, наоборот, отметить их отсутствие. Такой методологический анахронизм, обратная ретроспекция, литературные и литературоведческие игры представляются вполне уместными (особенно применительно к вопросам поэтики постмодернизма), если помогут выявить секреты непрекращающегося читательского успеха первого русского психологического романа, каковым является «Герой нашего времени» и обозначить некоторые закономерности исторического развития литературы, взаимовлияния методов и направлений.

И. Голованова выделила основные формальные принципы литературы постмодернизма:

«– интертекстуальность;

– пародирование (само-), иронизирование, переосмысление элементов культуры прошлого;

– многоуровневая организация текста;

– прием игры, принцип читательского сотворчества;

– неопределенность, культ неясностей, ошибок, пропусков, фрагментарность и принцип монтажа (принцип ризомы);

– жанровый и стилевой синкретизм (соединение, нерасчлененность различных видов культурного творчества);

– театральность, работа на публику, использование приема «двойного кодирования» явление «авторской маски», «смерть автора» [Голованова 2023].

«Герой нашего времени» становится своеобразным новигатором в приемах построения литературного произведения, которые позже соберутся в систему постмодернисткого искусства: это и многомерная оптика, и прием авторской маски (или сразу нескольких масок), и аллюзии и пародии на факты культуры предшествующих эпох (в частности, на «Евгения Онегина» А.С. Пушкина), и ирония. Рассмотрим, как эти и другие принципы проявляются в романе М.Ю. Лермонтова.

Многоуровневая организация текста и принцип монтажа, ризома

Разговор о постмодернистских принципах и приемах, которые мы находим в романе «Герой нашего времени», стоит начать с того элемента, что в первую очередь бросается в глаза при чтении и запоминается, пожалуй, сильнее всего: структура литературного произведения, его особая композиция: разорванность линейного повествования, отсутствие хронологической связи частей романа, коллажность частей без очевидной причинно-следственной связи между ними, пропуски событий.

По замыслу Лермонтова, такая структура должна раскрывать для читателя личность главного героя – Печорина – с разных сторон, постепенно все больше раскрывая его и вовлекая читателя в решение психологических загадок – побудительные мотивы поступков и действий. В определенный момент читатель занимает по отношению к автору текста практически партнерскую позицию, пытаясь самостоятельно восстановить цепь событий романа в хронологическом порядке. Можно сказать, что в этом случает проявляется характерное для постмодерна стремление писателя сделать читателя своим партнером и соучастником творческого акта.

Безусловно, нелинейность повествования – известный прием в литературе, существовавший и в допостмодернистскую эпоху. В пример можно привести даже непосредственного предшественника Лермонтова Пушкина, который начинает свой роман «Капитанская дочка» как записки-воспоминания Петра Гринева, в которые в самом конце вмешивается и автор под именем «издатель» [Пушкин 1987: 318]. Некоторое хронологическое смещение или временные пропуски объясняются формой мемуаров и очень легко восстанавливаются из контекста. Здесь нет задачи использовать некий временной разлом как символ деструктивной реальности (наоборот, «Капитанскую дочку» называют главной русской идиллией [Полка 2022: 429]). В «Герое нашего времени» же прагматика несоответствия хронологических рамок, несовпадения сюжета и фабулы служит для усложнения смыслового содержания романа, его психологической фактуры.

Однако прагматическая задача использования этого принципа монтажа, зачастую очень жесткого и неожиданного, заключается не только привлечении читателя на сторону писателя и вовлечении его в акт сотворчества, скорее здесь другие, более глубокие причины: это и постепенное знакомство читателя с героем, и чисто литературная игра в прием ради него самого – своеобразное писательское щегольство. Разорванность и нелинейность была названа принципом ризомы, понятия, введенного в философию Жилем Делезом и Феликсом Гваттари (1976), оно фиксирует «принципиально внеструктурный и нелинейный способ организации целостности, оставляющий открытой возможность для имманентной автохтонной подвижности и, соответственно, реализации ее внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования» [Постмоденизм 2023].

Для Лермонтова эта разорванность стала еще и формой игры с публикой и намеренного использования принципа обмана читательских ожиданий. Особенности публикации романа сыграли в этом важную роль: «Сначала роман публиковался по частям в «Отечественных записках»… относительная автономность частей «Героя нашего времени» заставляла первых читателей воспринимать их не как «роман с продолжением», а как отдельные повести о Печорине. При этом части выходили не в том порядке, в каком мы читаем их сейчас: первой вышла «Бэла», вторым — «Фаталист» (обе – в 1839 г.), третьей, в 1840-м, – «Тамань». Следом в том же году появилось уже отдельное издание романа в двух книгах: здесь впервые были напечатаны «Максим Максимыч», предисловие к «Журналу Печорина» и «Княжна Мери». Наконец, в 1841 г. вышло второе отдельное издание: после добавления двухстраничного предисловия… роман обрёл канонический вид» [Полка 2022: 499].

Такая непоследовательность публикации ввела в заблуждение читающую публику, которая первоначально решила, что героем нашего времени автор называет Максима Максимыча. Так думал даже император Николай I, который писал об этом в письме к императрице: «Я дочитал «Героя» до конца и нахожу вторую часть отвратительной <…> Характер капитана намечен удачно. Когда я начал это сочинение, я надеялся и радовался, думая, что он и будет, вероятно, героем нашего времени, потому что в этом классе есть гораздо более настоящие люди, чем те, которых обыкновенно так называют. В кавказском корпусе, конечно, много таких людей, но их мало кто знает; однако капитан появляется в этом романе как надежда, которой не суждено осуществиться» [Эйхенбаум 1969: 424-425].

Сегодня сложно сказать, было ли решение именно о таком порядке выхода частей в свет и самого расположения частей формой провокации со стороны Лермонтова, но зная особенности его отношений со светом и, особенно, с царской семьей, можно предположить, что некоторая доля провокации все же имела место в истории публикации романа.

Интертекст и самоцитирование

Интертекстуальность сопровождающая литературу с самого начала ее истории, но получившая теоретическое осмысление лишь в постмодернисткой текстологии, у Лермонтова превращается в художественный прием, для реализации которого чаще всего используются привычные формы: эпиграф, прецедентные имена, авторский перевод. Но, помимо этого, им также широко применяется целая система ассоциативных игр с читателем. В качестве примера можно привести стихотворение «Пророк» (1841), ставшее для Лермонтова одним из последних написанных; оно недвусмысленно отсылает читателя к каноническому пушкинскому тексту 1826 г. с таким же названием. Лермонтов продолжает сюжетную линию о судьбе поэта-пророка, но ставит проблему острее, из-за чего почти вступает в полемику с предшественником – он противопоставляет драматичность судьбы своего пророка идиллическому видению этой судьбы Пушкиным: «Пушкинскому пророку… в равной мере открыт как природный, так и человеческий мир; лермонтовскому внемлет лишь мирная, не знающая людских пороков природа» [Лермонтовская энциклопедия 1981: 449]. Здесь интересно отметить, что эта преемственность выражается, в первую очередь, через сюжетную соотнесенность двух текстов, но, чтобы подчеркнуть их единство, Лермонтов использует тот же самый стихотворный размер, что и предшественник – четырехстопный ямб.

Неожиданным и практически феноменальным становится способность текстов Лермонтова разных лет к автоинтертекстуальности – самоповторению отдельных элементов: эти повторы становятся важным условием переосмысления первоначального авторского замысла, совершенствования сюжета. Исследователи по-разному определяли эти элементы, называя из самоповторами, самоплагиатом и др. Однако, уже в советском литературоведении делается вывод о том, что это явление становится следствием исключительной сосредоточенности авторского сознания на самом себе, на своем внутреннем мире [Удодов

1973: 44], перфекционизма по отношению с своему тексту – это своеобразная непрекращающаяся шлифовка текста, доведение замысла до наиболее совершенной формы. В качестве примера здесь можно привести знаменитый монолог Печорина, произнесенный перед княжной Мэри и начинающийся словами: «Да, такова была моя участь с самого детства!» [Лермонтов 2014: 1183]. Ранее этот же монолог встречается в юношеской драме «Два брата» и в неоконченном романе «Княгиня Лиговская». Каждый из вариантов писатель немного изменяет в содержательном плане и в некоторых формулировках, но изменения эти не значительны. Гораздо интереснее наблюдать за тем, как меняется прагматическая задача этого отрывка. Если в пьесе этот монолог имеет своей основной целью вызвать жалость и продемонстрировать исключительность судьбы романтического героя, придать ему статус жертвы, то в «Княгине Лиговской» это уже внутренний монолог Печорина, помогающий нам составить представление о герое и являющийся частью его психологического портрета. Но в «Герое нашего времени» мы уже имеем дело совсем с иным статусом монолога: это часть печоринской игры обольщения Мэри, способ манипулирования ее чувствами и отношением. Здесь читатель не может до конца верить в искренность и всего монолога и его отдельных фрагментов: неизвестно, сколько правды вкладывает в них герой и сколько игры. Поэтому можно утверждать, что каждое появление этого диалога решает собственную интенциональную задачу, в том числе и выступает как элемент авторской – лермонтовской – самоиронии, смещая акцент от пафоса «Двух братьев» к очевидной саркастичности «Княжны Мэри». Это завуалированная, но вполне осознанная игра на публику, вовлечение читателя в творческий процесс, которая роднит акт писательского творчества с театральным искусством, где взаимодействие актера (в данном случае героя) со зрительным залом (читателем) – одна из важных составляющих спектакля (литературного произведения).

Подобные примеры встречаются и в еще одной цепочке связанных текстов: поэмы «Исповедь», «Боярин Орша» и «Мцыри». Они объединены схожим сюжетом – исповедь молодого человека перед смертью, и имеют несколько отрывков (довольно больших по объему), которые повторяются практически без изменений. Последний кейс представляет большой интерес, поскольку является иллюстрацией творческого осмысления темы, кристаллизации замысла и шлифовки выбранного сюжета. Перед нами авторские редакции, каждая из которых представляет все более зрелый вариант, в этом процессе особую роль играет выбор места действия: окончательный результат – это перенесение места действия на Кавказ (гораздо большая конкретизация и «заземление» героя и действия), нейтрализация исторического контекста, который отчетливо прослеживается в «Боярине Орше». Важно отметить, что такой же путь проходит еще один сквозной сюжет лермонтовского творчества – поэма о Демоне, творческая история которой еще богаче. В первых редакциях действие происходит в Испании, однако уже в редакции 1838 г. («лопухинский список») местом действия становится Кавказ и в дальнейших вариантах «дислокация» не изменится ни разу.

Помимо чисто романтического стремления к экзотизации сюжета, наполнения его ориенталистскими мотивами, топос Кавказа имеет и концептуальное

значение: он придает соразмерность, масштабность противостоянию добра и зла, вечной борьбе и единству противоположностей, по словам А. Журавлевой, с момента перенесения действия на Кавказ «полёт демона в буквальном смысле стал выше… художественный мир поэмы беспредельно расширился» [Журавлева 2002: 166].

Таким образом, мы можем сказать, что интертекстуальность (и автоинтертекстуальность как ее составляющая) становятся и формой пародийности и самопародии, что тоже является признаком литературы постмодерна по определению И. Голованова. Самоцитирование зачастую становится еще и формой многоуровневой организации текста (о которой мы подробнее будем говорить ниже). Справедливо говорить о том, что между повторяющимися текстами Лермонтова существует метатекстовая связь – они дополняют друг друга, и разворачивают перед читателем процесс создания окончательного произведения. И поскольку в данном случае мы имеем дело не с набросками или черновыми и дневниковыми записями, а каждый раз автор пишет очередной вариант как окончательный, то стоит говорить именно об интертекстуальной связи между ними – не о самоповторах или, тем более, не об автоплагиате.

Стилевой и жанровый синкретизм

Лермонтов является блестящим мастером стилизации, он умело придает тексту черты того или иного стиля, при этом оставляя у читателя понимание того, что это не имитация, не подделка под тот или ной стиль, а именно игра с ним. здесь можно вспомнить «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», которая стала не только виртуозной стилистической игрой, но и своеобразным ответом на полемику славянофилов и западников по поводу языка.

В «Герое нашего времени» так же присутствует стилистическая игра, причем она, наравне со сложным композиционным устройством романа, играет одну из ключевых ролей. Самое яркое проявление этого явления – речевое оформление каждой из частей романа. Поскольку мы имеем дело с тремя разными нарраторами – Максим Максимыч, странствующий офицер и Печорин – то Лермонтову недостаточно было просто указать на нового рассказчика – нужно сделать его «часть» убедительной. Повесть «Бэла», записанная странствующим офицером со слов штабс-капитана, имеет форму сказа с соответствующим лексиконом, просторечиями и другими характерными признаками. Глава «Максим Максимыч», записанная самим странствующим офицером, представляет читателю совсем другой тип рассказчика с соответствующим уровнем языкового сознания: это современник и ровесник Печорина, которому понятны настроения и переживания героя. Его глава носит характер очерковый, и написана в жанре путевых заметок. Наконец, все три части «Журнала Печорина» – это речь от первого лица, рассказы Печорина о различных случаях во время его пребывания на Кавказе. Все они отличаются глубоким самоанализом и беспристрастностью повествования. Однако было бы ошибкой считать, что стиль этих трех частей романа идентичен: во-первых, различается сама форма заметок: «Княжна Мэри» имеет форму дневниковых записей, а «Тамань» и

«Фаталист» – не разделенного на датированные фрагменты повествования; большая часть первой имитирует записки «по горячим следам», тогда как вторые две – это истории, записанные постфактум.

Но даже важнее этой стилистической разнородности, становится работа Лермонтова над жанровым оформлением каждой из частей – восточная повесть, путевые заметки, авантюрная повесть, любовная повесть и остросюжетная новелла. Каждый раз автор словно бы заново создает законы развития своего произведения, ставит героя и читателя в заведомо неизвестные им рамки, пересоздает жанр. П. Вайль и А. Генис эту особенность «Героя нашего времени» идентифицируют следующим образом: «Использовав форму приключенческого романа он [Лермонтов] под видом развлечения вынудил читателя к грандиозному труду – освоению поэтики синтетического романа, богатствами которого еще долго будет питаться русская литература» [Вайль, Генис 2022: 153].

Авторские маски и «смерть автора»

Понятие «смерть автора» было введено в оборот Роланом Бартом, который говорил о том, что современный текст таков, что на всех его уровнях автор устраняется, и это не просто «эффект письма», это отражается во временной перспективе взаимоотношений «автор-текст»: «Для тех, кто верит в Автора, он всегда мыслится в прошлом по отношению к его книге… Что же касается современного скриптора, то он рождается одновременно с текстом, у него нет никакого бытия до и вне письма» [Барт 1994: 387].

Именно такой род отношений, когда для субъекта письма единственно возможным временем становится время речевого акта, мы видим в «Герое нашего времени»: автор, то есть Лермонтов, фактически отсутствует, – отчасти его присутствие угадывается лишь в предисловии к «Журналу Печорина», но и здесь оно скрыто одной из авторских масок – странствующего офицера, который выполняет скорее функцию хроникера, но ни разу не занимает позицию всезнающего автора. Каждый из нарраторов романа создает, как уже говорилось выше, свою речевую реальность и создает ее словно бы на наших глазах. Это касается и «Журнала Печорина», который хоть и написан «в прошлом», но оставляет ощущение самовоспроизводящегося в момент речи: благодаря дневниковой форме, особенностям речевого поведения и форме повествования и т.д.

Сменяющие друг друга рассказчики – это авторские маски, которые множат и дробят фигуру автора, в конце концов скрывая ее от читателя полностью. Даже в том единственном месте, где нарратор – странствующий офицер равняет себя с автором, выглядит это именно как примерка маски, а не ее срыв, разоблачение: *«Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер. Это известие меня очень обрадовало: оно давало мне право печатать эти записки, и я воспользовался случаем поставить имя над чужим произведением»* [Лермонтов 2014: 1151].

Маскарадность присуща и самому Лермонтову (известны случаи его участия в костюмированных вечерах, куда он любил приходить, например, в костюме звездочета), и его творчеству в целом. Сам символ маскарада использован им в пьесе, которая имеет такое же название. Тяга к переодеванию, к роле-

вой игре была свойственна поэту и отразилась в самом полном виде в романе «Герой нашего времени».

Симулякры

Симулякры, то есть копии, не имеющие оригинала, как их определяют теоретики постмодернизма, стали характерной особенностью литературы второй половины XX в., зачастую они – важный фактор той самой литературной игры, о которой неоднократно говорилось в рамках данной статьи. Иллюстрацией применения этого чисто постмодернистского явления может считаться сам «Журнал Печорина» – записки главного героя, якобы существовавшие, якобы оставленные им Максиму Максимычу на хранение и якобы попавшие в руки странствующего офицера. Таким образом Лермонтов создает иллюзию (или имитацию) наличия некоего документального подтверждения своего произведения, подтверждения, которого на самом деле не существует. Этот эффект усиливается обещанием продолжить публиковать дневники Печорина: *«…в моих руках осталась еще толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на суд света…»*. [Лермонтов 2014: 1151]. Эта намеренная имитация «подлинника», который заведомо таковым не является, вновь обращает нас к формам литературной игры, особую форму вид интерактивности.

С некоторой долей условности к симулякрам можно отнести и такие стихи, как, например, «Жалобы турка» и «Из Андрея Шенье»: в заглавии указан якобы существующий первоисточник, но на самом деле оба эти текста не являются переводом, а представляет собой оригинальный поэтические произведения. Существует мнение, что такие заголовки даны были для того, чтобы избежать цензуры, поскольку в обоих текстах присутствует политический подтекст. Однако, зная тягу поэта к ассоциативной и имитационной игре, можно предположить, что введение цензора в заблуждение было бы слишком простым и прямолинейным объяснением. Возможно, здесь цель этой игры – сама игра и вызов читателя на поле ассоциаций, аллюзий и недомолвок.

Заключение

В научном дискурсе, посвященном «Герою нашего времени», часто встает вопрос о эстетической принадлежности романа: считать ли его однозначно образцом психологического реалистического романа или имеющие место элементы романтической литературы настолько влиятельны, что можно было бы отнести произведение и к образцам этого направления.

Вероятнее всего, мы все же имеем место с пародированием элементов романтической литературы: герой-одиночка, вступающий в конфликт с обществом, экзотическое место действия (Кавказ), невероятные приключения, любовные похождения героя, роковые обстоятельства, путешествие и т.д. Пародийность настолько прорастает в каждый элемент текста лермонтовского романа, что становится важной его составляющей, ее уже невозможно отделить от других смысловых акцентов «Героя нашего времени». Выше мы говорили о следовании романтической тенденции – перенесении места действия на Кавказ – в контексте поэмы «Демон». Это же мы наблюдаем и в «Герое нашего време-

ни», где автор под маской странствующего офицера признается, что решил представить на суд публики только те части дневника Печорина, в которых действие разворачивается в излюбленной локации русской романтической литературы. Однако здесь Лермонтов действует как разрушитель мифа: в самом начале повести «Бэла», обманывая читательское ожидание описанием дымной сакли, в которой «хлев заменяет лакейскую», вместо привычных рассуждений о гармонии человека и природы, которые отчасти формировал и сам Лермонтов в своих более ранних произведениях. Вступая на зыбкую почву иронии и пародирования, Лермонтов сумел укрепиться на ней и даже открыть новый путь для дальнейшего развития русской литературы.

Виртуозное жонглирование литературными приемами, эксперимент как принцип романной поэтики, тщательная разработка структуры и фактуры произведения позволили «Герою нашего времени» стать актуальным, современным и понятным для читателей и XIX, и XX, и XXI вв. То, что мы находим здесь практически все характерные черты литературы постмодернизма, не имеет в себе ничего сверхъестественного – это обусловлено естественным течением литературного процесса: все повторяется. Кроме того, сам постмодернизм положил в свою основу принцип «неновизны», воспроизводимости достижений предыдущих эпох: самое важное уже было когда-то придумано, сделано, сказано, поэтому ему, постмодернизму, остается это лишь переосмыслять (в форме стилизаций, пародий или «переписываний» классических текстов). Поэтому пристального внимания заслуживает не просто наличие в романе тех или иных элементов, позднее составивших основы постмодернистской поэтики, а такая плотная концентрация их в одном произведении. Можно ли считать в этом смысле «Героя нашего времени» предтечей постмодернизма? Определенно, да, тем более в вопросе выстраивания им особых отношений с различными культурно-историческими и литературными эпохами – прошлыми и будущими.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Барт 1994 – *Барт Р.* Смерть автора // Барт Р. Избранные труды: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 384-392.

Вайль, Генис 2022 – *Вайль П., Генис А.* Печоринская ересь. Лермонтов // Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности / Предисл. А. Синявского. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2022. – С. 149-181.

Голованова 2023 – *Голованова И.* Постмодернизм. – URL: http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/golovanova/postmodernizm.htm (Дата обращения: 23.02.2023).

Журавлева 2002 – *Журавлева А.И.* Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. – М.: Прогресс-традиция. 2002. – 288 с.

Лермонтов 2014 – *Лермонтов М.Ю.* Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: «Издательство Альфа-книга», 2014. – 1277 с.

Лермонтовская энциклопедия 1981 – *Лермонтовская энциклопедия.* Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.

Мережковский 2002 – *Мережковский Д.С.* Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Статьи о русской литературе. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 593-638.

Полка 2022 – *Полка*: О главных книгах русской литературы: [сборник статей]. – М.: Альпина нон-фикшн, 2022. – В 4 томах. – Т. 1. – 824 с.

Постмодернизм 2023 – *Постмодернизм.* Энциклопедия. Сост. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – URL: http://www.infoliolib.info/philos/postmod/risoma.html (Дата обращения: 23.02.2023).

Пушкин 1987 – *Пушкин А.С.* Капитанская дочка // Пушкин А.С. Сочинения в 3-х т. Т. 3. Проза – М.: Худож. лит., 1987. – С. 229-329.

Удодов 1973 – *Удодов Б.Т.* М.Ю. Лермонтов: Художественная индивидуальность и творческие процессы. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1973. – 701 с.

Эйхенбаум 1969 – *Эйхенбаум Б.* Николай I о Лермонтове // Эйхенбаум Б. О прозе: Сб. ст. / Сост. и подгот. текста И. Ямпольского; Вступ. ст. Г. Бялого. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1969. – С. 423-426.

REFERENCES

BART R. *Smert' avtora* [Death of the Author]. IN: Bart R. Izbrannye trudy: Semiotika. Poetika: Per. s fr. / Sost., obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. – M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», «Univers», 1994 – P. 384-392. (In Russ.).

VAIL' P., GENIS A. *Pechorinskaya eres'. Lermontov* [The Heresy of Pechorin/ Lermontov]. IN: Vail' P., Genis A. Rodnaya rech'. Uroki izyashchnoi slovesnosti / Predisl. A. Sinyavskogo. – M.: Izdatel'stvo AST: CORPUS, 2022. – P. 149-181. (In Russ.).

GOLOVANOVA I. *Postmodernizm* [Postmodernism]. URL: http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/golovanova/postmodernizm.htm (date of access: 23.02.2023). (In Russ.).

ZHURAVLEVA A.I. *Lermontov v russkoi literature. Problemy poetiki* [Lermontov in Russian literature. Problems of poetics]. – M.: Progress-traditsiya, 2002. – 288 p. (In Russ.).

LERMONTOV M.Yu. *Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome* [The complete works in one volume]. – M.: «Izdatel'stvo Al'fa-kniga», 2014. – 1277 p. (In Russ.).

Lermontovskaya entsiklopediya [The Lermontov Encyclopedia]. Gl. red. V.A. Manuilov. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1981. – 784 p. (In Russ.).

MEREZHKOVSKII D.S. *Lermontov. Poet sverkhchelovechestva* [Lermontov. The Poet of Superhumanity]. IN: Stat'i o russkoi literature. – M.: Izd-vo EKSMO-Press, 2002. – P. 593-638. (In Russ.).

Polka: *O glavnykh knigakh russkoi literatury* [Stick: About the main books of Russian literature]: [sbornik statei]. – M.: Al'pina non-fikshn, 2022. – V 4 tomakh. – T. 1. – 824 p. (In Russ.).

Postmodernizm. Entsiklopediya [Postmodernism. Encyclopedia.]. Sost. A.A. Gritsanov, M.A. Mozheiko URL: http://www.infoliolib.info/philos/postmod/risoma.html (date of access: 23.02.2023). (In Russ.).

PUSHKIN A.S. *Kapitanskaya dochka* [Captain's daughter]. IN: Pushkin A.S. Sochineniya v 3-kh t. T. 3. Proza – M.: Khudozh. lit., 1987. – P. 229-329. (In Russ.).

UDODOV B.T. *M.Yu. Lermontov: Khudozhestvennaya individual'nost' i tvorcheskie protsessy* [Lermontov: Artistic individuality and creative processes]. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1973. – 701 p. (In Russ.).

EIKHENBAUM B. *Nikolai I o Lermontove* [Nicholas I about Lermontov]. IN: Eikhenbaum B. O proze: Sb. st. / Sost. i podgot. teksta I. Yampol'skogo; Vstup. st. G. Byalogo. – L.: Khudozh. lit. Leningr. otd-nie, 1969. – P. 423-426. (In Russ.).

Информация об авторе:

М.В. Битокова – кандидат филологических наук.

Information about the author:

M.V. Bitokova – Candidate of Science (Philology).

Статья поступила в редакцию 26.04.2023 г.; одобрена после рецензирования 24.05.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 26.04.2023; approved after reviewing 24.05.2023 accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-199-222
EDN: LENHHL

ПШИКАН ШЕКИХАЧЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ ХАЗЕШИ ШОГЕНОВА

Инна Анатольевна Кажарова
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, barsello@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-7431-0840

Аннотация. В работе впервые публикуются воспоминания одного из представителей первого поколения советских педагогов, знатока и собирателя адыгского фольклора Хазеши Шогенова о его друге, поэте и драматурге Пшикане Шекихачеве. Воспоминания приводятся в переводе на русский язык и предваряются рядом комментариев. В частности, с опорой на архивные данные кратко излагается биография самого автора воспоминаний. Выявляются смысловые акценты, обусловленные необходимостью соответствия идеологическим ожиданиям времени, в которое Х. Шогенов зафиксировал свои воспоминания, ввиду этого – вскрываются стереотипы, закрепившиеся в оценках мировоззренческих установок П. Шекихачева. Уточняются некоторые имена и детали, касающиеся времени пребывания П. Шекихачева и Х. Шогенова в Дагестане. Показанный Х. Шогеновым образ сопоставляется с характеристиками, оставленными другими современниками П. Шекихачева.

Ключевые слова: Пшикан Шекихачев, Хазеша Шогенов, воспоминания, биография, убеждения, ислам, ценности, творчество, идеологический стереотип.

Для цитирования: Кажарова И.А. Пшикан Шекихачев в воспоминаниях Хазеши Шогенова // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 199-222. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-199-222. EDN: LENHHL.

© Кажарова И.А., 2023

Original article

PSHIKAN SHEKIKHACHEV IN HIS MEMOIRS KHAZESHA SHOGENOV

Inna A. Kazharova
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, barsello@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-7431-0840

Abstract. This work publishes for the first time the memoirs of representatives of first generation Soviet teachers, an expert and collector of Adyghe folklore Khazesha Shogenov about his friend, poet and playwright Pshikan Shekikhachev. The memoirs are translated into Russian and are preceded by several comments. In particular, based on archival data, the biography of the author of the memoirs is summarized. Semantic accents are revealed due to the need to meet the ideological expectations of that time period in which Kh. Shogenov recorded his memories, and regarding this, stereotypes are revealed, fixed in the assessments of P. Shekikhachev's ideological attitudes. Some

names and details concerning the time of stay of P. Shekikhachev and Kh. Shogenov in Dagestan are being clarified. Described by Kh. Shogenov compares the image with the characteristics left by other contemporaries of P. Shekikhachev.

Keywords: Pshikan Shekikhachev, Khamisha Shogenov, memories, biography, beliefs, Islam, values, creativity, ideological stereotype.

For citation: Kazharova I.A. Pshikan Shekikhachev in his memoirs Khazesha Shogenov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 199-222. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-199-222. EDN: LENHHL.

© Kazharova I.A., 2023

Об авторе воспоминаний

Подобно истории многих личностей, чьи имена прочно ассоциированы с первыми шагами адыгской литературы советского периода, история поэта и драматурга Пшикана Дзадзуевича Шекихачева фрагментарна, потому важна каждая деталь, способная ее дополнить, не говоря уже о развернутом повествовании, оставленном человеком, хорошо его знавшим. Публикуемые здесь воспоминания его близкого друга, Хазеши Исуфовича Шогенова, интересны тем, что в них запечатлен дореволюционный портрет Пшикана Шекихачева. Крупным планом показаны его убеждения, колоритный характер. События, в ходе которых предстает Пшикан Шекихачев, и некоторые имена дают внимательному читателю возможность судить об истоках его убеждений, духовных и интеллектуальных.

В описываемый Х. Шогеновым период он постоянно находился рядом с П. Шекихачевым. Ровесники и единомышленники (Х. Шогенов 1890 г. рождения, П. Шекихачев немного старше), они вместе постигали грамоту в примечетских школах Кабарды. Но, судя по всему, учение Пшикана началось гораздо раньше, чем Хазеши, поскольку второй называет себя учеником первого. В определенный момент оба оказались вынуждены покинуть родные места и скрываться в Дагестане, где, как и прежде, продолжали учиться. Свидетельство тесноты их общения улавливается в коротких комментариях к стихотворениям Шекихачева, которые Шогенов включает в текст воспоминаний. Так, самое, пожалуй, экспрессивное поэтическое произведение Шекихачева, «Песня о негодных сельских муллах», имеет такой комментарий: «Он сочинил это в 1913 году. Когда он сочинял, я был рядом. Записал Хазеша Шогенов». Подобное же в отношении стихотворения «Паук и муха»: «Он сочинил это в 1917 году, вслед за свержением царя. Записал Хазеша Шогенов, который был рядом».

Автор воспоминаний известен как один из первых советских педагогов, знаток и собиратель адыгского фольклора. Возвращаясь к былому, воскрешая образ Пшикана Шекихачева, о себе он особо не распространяется, разве лишь упоминает о том, что в его жизни период учебы завершился в январе 1918, когда ему пришлось войти в состав революционного штаба селения Верхний Акбаш. Между тем, в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований сохранилось личное дело Хазеши Шогенова, что дает возможность узнать о нем побольше. С институтом он сотрудничал на протяжении многих лет. С

1949 по 1960 гг. Х. Шогенов в составе фольклорной экспедиции объезжал аулы Адыгеи, Черкесии и Кабарды, а после выхода на пенсию был сторожем этого института.

Данные его автобиографии, личного листка и составленного А. Шортановым ходатайства о награждении Шогенова Почетной грамотой Президиума ВС КБАССР убеждают в том, что перед нами один из чудом уцелевших в годы репрессий представителей адыгской интеллигенции, чей духовно-интеллектуальный остов сформировался еще в дореволюционную пору.

Уроженец селения Верхний Курп (в те времена аул Исламово) Хазеша Шогенов свое образование начал в терских медресе (1914–1917 гг.), был близок к деятелям из числа исламских прогрессистов – Мажиду Фанзиеву и Хасану Эльбердову. Некоторое время он обучался в Дагестане. Как следует из воспоминаний, во время своего пребывания там он вместе с Пшиканом Шекихачевым посещал медресе в Мусалим-ауле и параллельно брал уроки у знаменитого дагестанского джадида Замира-Гали, в Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск). После февральской революции он и Шекихачев возвращаются в Кабарду. В ту пору Шогенову 27. В годы гражданской смуты его симпатии на стороне большевиков, и в составе революционного отряда Б. Калмыкова (1918–1920 гг.) он борется за новый строй.

С момента установления советской власти и на протяжении многих лет Шогенов преподает в школах родной язык (1920–1948 гг.). Двадцатипятилетний период его учительства попутно захватывает и многое другое: учебу на рабфаке (1927–1930 гг.), председательство в правлении ТОЗа в селении Нижний Акбаш (1925–1927 гг.), руководство КОВ-ом, организацию колхоза в селении Верхний Курп и Нижний Акбаш. В 1934 г. его направляют в Кабардино-Балкарское национальное издательство, где до 1938 г. он редактирует учебники кабардинского языка. Повторим, все это Х. Шогенов совмещает с педагогической работой, которая до 1948 г. остается в его жизни самой главной.

В период Великой Отечественной, с 1942 по 1945, Шогенов, мобилизованный на трудовой фронт, оказывается на шахтах Донбасса и Кузбасса, в это время ему уже за пятьдесят.

В послевоенные годы, как пишет А. Шортанов, «с самого начала научных экспедиций по сбору и изданию нартского эпоса, тов. Шогенов Хазеша один из самых инициативных, научно-подготовленных участников всех полевых экспедиций. Шогенов показал себя исключительно талантливым фольклористом, бережно и с большим трудолюбием собирающим устнопоэтическое наследие кабардинского, черкесского и адыгейского народов.

Справа налево: сотрудники КБНИИ М.М. Керимов, Х.И. Шогенов и сказители К.С. Агаржаноков, А.Х. Унежев. Аул Бесленей, 18 сентября 1958 г.
[Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 25].

За время его работы в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте им собрано более 100 авторских листов. Это – золотой фонд фольклора кабардинского народа». Красноречивым доказательством его успехов на педагогическом поприще приводится ряд имен, значимых в политической и культурной жизни республики: «Шогенов Хазеша учил тт. Мальбахова Т., Балкарова М., Канцалиева Т., Отарова Дж., поэта Шомахова А., заслуженного артиста РСФСР Шериева Азр. и многих других»… [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Отдел кадров. Личное дело Шогенова Хазеши Исуфовича. Д. 101. Л. 29–30].

В книге «Остров Гулаг» Александра Сарахова есть небольшой фрагмент, где сказано о Х. Шогенове. Складывается представление о человеке политически подкованном, с разносторонними знаниями, что были очень востребованы в бурных преобразованиях области периода 1920-30-х гг., но, главное – о его близком общении с творческими силами национальной литературы и образования. Из их числа здесь упоминается павший жертвой калмыковских репрессий поэт Мачраил Пшуноков, вместе с которым Х. Шогенову довелось работать в национальном издательстве. Автор книги передает слова Шогенова об опасениях М. Пшунокова мести со стороны супруги 1-го секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) Антонины Калмыковой за то, что Пшуноков, в бытность свою председателем сельского совета, национализировал имение ее тогдашнего мужа, князя Таусултана Куденетова. Причем имя Шогенова появляется в книге в связи с допросом в 1956 г. (видимо, имевшим место в ходе специальной проверки Военной прокуратурой деятельности бывшего НКВД Кабардино-Балкарской республики):

«На допросе 18 апреля 1956 года Хазеша Исуфович Шогенов, в свое время окончивший все коммунистические курсы и вузы, один из организаторов товарищества по обработке земли в с. Н. Акбаш Терского района, бывший учитель, бывший работник национального издательства, бывший редактор по выпуску учебников, рассказал весьма любопытные подробности из жизни диктатора Калмыкова» [Сарахов 2004: 307].

Об исламском образовании Х. Шогенова здесь не упомянуто, но, надо полагать, оно и заложило фундамент его грамотности.

По тексту воспоминаний невозможно не заметить их с Шекихачевым одержимость учебой, заточенность на прогрессивные знания, хотя, наряду с этим, при каждой возможности Шогенов старается подчеркнуть незначительность того багажа, что давали медресе, да и вообще губительность всего, что связано с религией. Он пишет свои воспоминания в 1982 г. Этому предшествуют десятилетия планомерного вытравливания из общественной памяти религиозной составляющей. Враждебно-пренебрежительная интерпретация всего конфессионального в год появления воспоминаний все еще актуальна, и подобные высказывания объяснимы.

Как позволяют видеть биографические даты, Х. Шогенов поступает на рабфак, где получает специальность учителя, уже имея за спиной немалый педагогический опыт – семь лет работы в школах. Стало быть, образовательная база, полученная в медресе, все-таки подарила ему возможность успешно работать учителем в советской школе. Резонно добавить еще один штрих. Спустя годы, пусть неявно, но полученное Х. Шогеновым арабоязычное образование внесло свою лепту в реконструкцию З.М. Налоевым истории «восточного культурного канала», ведь, как указывает исследователь, ряд номеров газеты «Адыгский голос» (печатный орган «Баксанского культурного центра») был транслитерирован именно Х. Шогеновым [Адаб… 1991: 382]. Кроме того, Х. Шогенов в 1963 г. одним из первых пишет о Нури Цагове. Пишет с оглядкой на идеологические стандарты, но не скрывая огромной симпатии к этой личности. О своем взаимодействии с баксанским культурным центром он ничего не говорит, но о том, что оно было, догадаться несложно.

О некоторых неясностях в биографии Пшикана Шекихачева. Даты. История убеждений

Считая необходимым прояснить отдельные моменты воспоминаний Х. Шогенова, мы коснемся прежде всего вопроса о дате и месте рождения П. Шекихачева. Дату Х. Шогенов не упоминает, ограничивается лишь местностью – селение Аргудан. Та же местность указана в копиях документов, переданных в свое время КБНИИ Комитетом госбезопасности при СМ КБАССР для исследовательской работы Екатерины Машитловой [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 105. Л. 7], а также в ряде книжных и журнальных публикаций [Первые писатели… 1968: 53; Шортанов 1970: 67; Две смерти… 1988; Шакова 2003: 402]. В то же время А. Теуников [Теуников 1996], З. Налоев [Антология… 2010: 225] и авторы «Истории адыгской литературы» [История… 2010: 305] называют местом его рождения селение Абаево (ныне селение Урожайное КБР). В Книге памяти жертв политических репрессий указано селение Плановское Терского района КБР (до революции – аул Боташево) [Книга памяти... 2009: 512]. Разнобой наблюдается и в указании года рождения Пшикана Шекихачева. Здесь целых четыре версии: год 1889 [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 105. Л. 7; Книга памяти… 2009: 512; Шакова 2003: 402], год 1879 [Талпа 1936: 10; Первые писатели… 1968; Антология… 2010: 225; Две смер-

ти… 1988], год 1869 [Шортанов 1970: 67], год 1878 [Очерки… 1965: 99; История… 2010: 305]. В этой разноголосице наиболее достоверными следует признать сведения, излагаемые журналистом А. Теуниковым, который опирается на информацию, полученную от младшей дочери писателя – Лели Пшикановны Шекихачевой.

По поводу места рождения отца она говорит, что он, действительно, родился в селе Абаево (ныне Урожайное), и это не должно подвергаться никакому сомнению. Село Аргудан стало фигурировать в его биографии постольку, поскольку Пшикан, спустя некоторое время после смерти отца, переехал туда с матерью, повторно вышедшей замуж [Теуников 1996].

Для нас же остается неясным, почему сам Шекихачев (согласно материалам, отраженным в «Книге памяти жертв политических репрессий») при допросе указал местом своего рождения Плановское.

Что касается даты рождения, то здесь дочь писателя больше склоняется к данным, зафиксированным при допросе: «… будем исходить из того, что уже зрелый мужчина, грамотный, образованный Шекихачев в последний раз упоминал о своем годе рождения при допросе после ареста 3 января 1937 года, и то, что его год рождения в точности был зафиксирован в протоколе, не вызывает сомнения. Учитывая эти моменты, годом рождения следует считать 1889, так как в высланных Военной коллегией Верховного Суда СССР на запрос Лели Пшикановны документах и нескольких справках других органов записано: «…на Шекихачева Пшикана Дзадзуевича – 1889 года рождения…». Леля Пшикановна, исходя из своего года рождения (1933), сторонница того, чтобы признать годом рождения отца именно 1889 г. Вполне допустимо и ближе к реальности, что у образованного человека младшая дочь родилась, когда ему было 44 года» [Теуников 1996].

Неустановленными остаются точная дата и обстоятельства смерти Пшикана Шекихачева. «В 1937 году его арестовали, умер он, находясь в заключении», – пишет Хазеша Шогенов, не касаясь версий о дате его кончины. Архивные данные, опубликованные в «Книге памяти…», содержат даты ареста, осуждения и реабилитации, а дата смерти не указана: «Арестован 3 января 1937 г. Обвинен по ст.ст. 58-11, 17-58-8 УК РСФСР. Постановлением Военной коллегии Верховного суда от 27 июля 1937 г. осужден к тюремному заключению сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет. Реабилитирован 9 августа 1957 г. АУД № 13-521-94, 3075-П.» [Книга памяти… 2009: 512]. Между тем, автор газетной статьи «Две смерти Пшикана Шекихачева» [Две смерти… 1988], а чуть позже и А. Теуников сосредотачивают внимание на существовании двух предполагаемых дат кончины писателя. Все известные детали, а именно – сведения, полученные семьей от некоей женщины, которая пришла в дом Шекихачевых на утро следующего дня после ареста, дата и обстоятельства смерти, указанные в документе, полученном по запросу урванским ЗАГСом, загадочные письма, приходившие семье Шекихачева из Украины – подводят к двум предполагаемым версиям – январь 1937 и январь 1939.

Как рассказывает его дочь, за Шекихачевым пришли ночью. Утром появилась какая-то женщина (имя не называется), сообщила об аресте Пшикана и пе-

редала матери записку: «отец написал, чтобы она не волновалась за себя и детей, поскольку они состоят в шариатском браке и документа о регистрации у них нет. Мать ждала, надеялась, что он вернется. На шестой день та же самая женщина сообщила о смерти Пшикана. Его застрелили…» [Две смерти… 1988]. Отсутствие регистрации брака Шекихачева не спасло от поражения в правах членов его семьи – супругу и детей выселили посреди зимы в том, в чем они были, не позволив даже взять ничего из вещей [Две смерти… 1988]. Здесь возникает вопрос: почему семью выселяют не летом, в июле, когда, если верить документам, был вынесен приговор, а в январе, на седьмой день после ареста?

В ходе дальнейших событий вопросы только множатся. Почему были похожи одно на другое те несколько писем, что получала семья в течение двух лет? «И вдруг однажды приходит с Украины, из Харькова, письмо от отца. За два года пришло пять или шесть таких синих бумажек: одинаковые, отпечатанные на машинке, без подписи. «Мои дети, школу не бросайте, учитесь. Я жив, здоров…» [Две смерти… 1988]. Почему эти письма отпечатаны на машинке? Даже если допустить, что писатель действительно был жив и у него была возможность воспользоваться печатной машинкой, то совершенно исключено, что он не мог не осознавать, как важно было его семье видеть, что письма написаны его рукой…

Вторая дата, 1939 г., указана в копии «документа, высланного в адрес Урванского ЗАГСа Военной Коллегией Верховного Суда СССР, где записано: «Зарегистрируйте смерть б-заключенного Шекихачева Пшикана Дзадзуевича, 1879 г. рождения, уроженца сел. Аргудан, КБАССР. Умер 14 января 1939 г. Причина смерти: паралич сердца. Свидетельство о смерти вручите его жене Шекихачевой Цуке Темимовне» [Теуников, 1996; Две смерти… 1988]. Однако в «Книге памяти…», как мы говорили, никаких сведений о дате и причине смерти П. Шекихачева нет, при том, что книга основана на архивных материалах УФСБ России по КБР. К сожалению, несовпадение тех данных, что были получены в 1950-60-х гг. родственниками жертв политических репрессий в ответ на ходатайства о реабилитации, и той информации, что спустя много лет была обнародована в мартирологах – не редкость. Так или иначе, крайняя дата, зафиксированная в большинстве литературоведческих работ – это дата расстрела, о которой стало известно семье Шекихачева вскоре после его ареста – 1937 г.

На момент ареста Пшикан Шекихачев «работал преподавателем кабардинского языка в Нальчикском педтехникуме и рабфаке» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 105. Л. 7]. Речь идет о рабфаке Ленинского учебного городка. На последних страницах воспоминаний Х. Шогенов вкратце излагает историю появления Шекихачева в этом заведении. Дело в том, говорит он, что поначалу желающих обучаться в учебном городке было немного. Всеми силами необходимо было привлекать молодежь, и Б. Калмыков обратился к Пшикану, чтобы тот стал курсантом городка. «Калмыков рассчитывал на то, что крестьянская молодежь непременно потянется в заведение, в которое поступают арабоязычно образованные люди. И правда, благодаря агитации Пшикана привлекли много народу. Когда же курсантов набралось достаточно, Пшикан стал преподавать».

Нет сомнений, что среди молодых, прогрессивно настроенных мусульман Пшикан Шекихачев пользовался большим авторитетом. Он прошел двенадцатилетний путь обучения в медресе и был явным сторонником реформаторского направления, определившегося в исламе на рубеже XIX – XX столетий. По тексту воспоминаний немало тому подтверждений. Так, в стычках Шекихачева с муллами раскрывается его критическое отношение к исламским культам, особенно к утвердившимся «на местах» напластованиям псевдорелигиозных обычаев, которые рьяно отстаивались консерваторами. Не требует комментариев его открытый протест против схоластики, преобладавшей в кадимистских традициях конфессионального обучения.

Удивляться здравомыслию и эрудиции П. Шекихачева не приходится, поскольку уже на первых страницах воспоминаний говорится о том, что его наставником был Мажид Фанзиев – новометодник, а выражаясь конкретней, сторонник джадидизма. Три года обучения в Темир-Хан-Шуре, затем, недолго – в Бахчисарае и, наконец, учеба в Казани, дали Фанзиеву возможность массово обучать молодежь согласно джадидистским программам и вопреки негодованию кадимитов [Эльбердов 1993: 354].

Как уточняет З. Налоев, Мажид Фанзиев отправляет Пшикана Шекихачева с рекомендательным письмом в Дагестан для учебы в новометодном медресе [Антология… 2010: 225]. Наверняка, таким и было медресе в Мусалим-ауле, куда направились молодые люди, поскольку вряд ли они не спросили совета того, к кому приехали, и у кого стали брать уроки параллельно учебе в упомянутом медресе. Бесценно, что благодаря воспоминаниям Х. Шогенова становится известно имя этого человека, друга Мажида Фанзиева, которому адресовалось письмо – Замир-Гали.

Дагестанский ученый-энциклопедист, просветитель и реформатор мусульманской школы Али Каяев (1878–1943), о котором идет речь, или Замир Али, – одна из самых значительных фигур в среде исламских прогрессистов Кавказа. Его образовательную историю детально описывает исследователь дагестанского джадидизма А. Р. Наврузов. Вкратце она такова. Традиционную в Дагестане 15-20-летнюю программу арабоязычного образования Али Каяев завершил в полсрока, а после был приглашен в Астрахань, где стал преподавать, параллельно продолжая углублять и собственные познания. В 1905 г. он отправляется в Каир для поступления в университет ал-Азхар. Как замечает исследователь, относительно этого периода биографии Али Каяева есть две версии. Согласно первой – в университет он не поступил, так как его не устроила программа обучения, однако в течение двух лет изучал труды восточных ученых в университетской библиотеке и одновременно преподавал арабский в одном из приуниверситетских медресе. Согласно второй – в университет Каяев поступил, окончил его экстерном, получил диплом и предложение преподавать там же курс арабского. К периоду пребывания в Каире относится также его личное знакомство с известным исламским реформатором Рашидом Рида (1865–1935), который приглашает Али Каяева к сотрудничеству в реформаторском журнале «ал-Манар». В 1908 г. Замир-Али отправляется в Стамбул с намерением изучить труды восточных ученых в тамошних просветительских центрах, однако,

обвиненный в радикальных взглядах, был вскоре арестован и выслан в Россию [Наврузов 2012: 180–181].

«Траектория» возвращения Али Каяева на родину примечательна и благотворна: «Вернувшись через Одессу на Кавказ, Али Каяев находит здесь широкое поле для просветительской деятельности. В селении Гунделен Терской области (ныне Кабардино-Балкария) он открывает медресе, где увлеченно работает с учениками. Здесь Али Каяев впервые на Кавказе реформировал систему мусульманского образования, переориентировав ее на изучение истории и светских наук – математики, истории, естествознания» [Наврузов 2012: 181].

Автор воспоминаний поясняет, что Мажид и Замир-Али сдружились со времен учебы в Египте: «Со времен их учебы в Египте они с Мажидом стали побратимами, и сейчас тот, о ком шла речь, проживал в Темир-Хан-Шуре, издавая газету на арабском языке. В Дагестане среди людей с арабским образованием не было ему равных» (перевод наш. – *И.К.* [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 118. Л. 8]. Сведениями о том, что М. Фанзиев учился в Египте, мы не располагаем, но, безусловно, у двух этих деятелей было и так немало возможностей для близкого общения.

Газета, о которой упоминает Х. Шогенов, – это «Джаридат Дагистан» – главный печатный орган кавказских джадидов. Как подчеркивает А. Р. Наврузов, «Али Каяев становится фактически главным редактором этой газеты. Газета «Джаридат Дагистан выходила в 1913–1918 гг. и доставлялась по подписке [Наврузов 2012: 184]. Разумеется, среди многочисленных авторов публикаций в этой газете были и адыги.

Таким образом, сводя в единую картину мировоззренческие принципы, отстаиваемые в стычках с муллами, имена наставников, определивших его приверженность этим принципам, а также содержание его дореволюционного творчества, нетрудно удостовериться, что духовные и интеллектуальные установки Пшикана Шекихачева складывались под влиянием исламского реформаторства. Важно только не изыскивать в этой картине приметы атеистического мышления, как это стало привычно для адыгского литературоведения в отношении личности Пшикана Шекихачева [Первые… 1968: 53; Налоев 2009: 556; Антология… 2010: 225]. Ведь излишне доказывать, что всякая активность исламского реформаторства реализовывалась в границах конфессиональной культуры. Ревизия закосневших взглядов, расширение образовательной программы, введение так называемых светских дисциплин вовсе не предполагали отступления от веры и религии.

«Стоило завести с Пшиканом разговор о религии, его терпению приходил конец. Все, начиная с Аллаха, связанное с религией, претило ему, никакой веры, никакого бога. Религия для него – справедливость, дела, в которых нет вреда» (перевод наш. – *И.К.*) [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 118. Л. 3], – пишет Х. Шогенов, судя по всему, стараясь представить образ Шекихачева в самом выгодном с точки зрения коммунистической идеологии ракурсе.

Но если принять на веру атеизм Шекихачева, непременно встанет вопрос: а что заставило его служить муллой уже после окончательного установления в Кабарде советской власти? Если то была всего лишь проводимая под прикры-

тием ислама деятельность коммуниста-атеиста, почему муллъское прошлое Шекихачева послужило в 1935 г. основанием для «вычистки» его из партии?

Читая о причинах его привлечения в Ленинский учебный городок (февраль 1924 г.), важно для полноты картины понимать, что ислам был не просто частью дореволюционной биографии Шекихачева (арабоязычное образование), а занимал важное место в его настоящем. Как известно, пройдя в 1922 г. учительские курсы, Шекихачев преподает детям родной язык в селении Нижний Курп, но заметим: его педагогическая деятельность развивается параллельно с духовной – с 1919 по 1923 г. он служит муллой. Действительно, не внушать доверие крестьянской молодежи такая личность не могла.

Объясняя закрепившиеся в истории адыгской литературы трактовки личности и творчества Пшикана Шекихачева, мы не будем очередной раз напоминать о том, что обличение религиозного обскурантизма в дореволюционной поэзии Шекихачева вовсе не равнозначно атеизму, о покровительственном отношении, которое большевизм на первых порах выказывал к мусульманам российских окраин, и о метаморфозах, которые стали происходить в творчестве исламски образованных деятелей после укрепления советской власти и начавшихся гонений на религию. Обо всем этом уже говорилось [Кажарова 2021: 190–192; Кажарова 2014: 38–39].

Здесь мы хотим остановиться на другом моменте, акцентированном в описаниях жизни и творчества П. Шекихачева – это причина, по которой ему пришлось скрываться в Дагестане. Так, в «Очерках истории кабардинской литературы» (1965) З. Налоев пишет, что пребывание на родине стало для Шекихачева опасным после того, как он в 1913 г. сочинил произведение «Паук и муха». Наполненное революционным зарядом, «оно стало одним из тех, что вдохновляло на борьбу народные массы. Когда же песня обрела известность, представители господствующего класса стали враждовать с Шекихачевым. Он покидает свой край и до свержения самодержавия (1917 г.) находится в Дагестане» [Очерки… 1965: 100]. Эта же версия сохранена в современном издании – «История адыгской литературы» (2010).

Однако иная версия – в составленном Е. Машитловой сборнике «Первые писатели Кабарды» и журнальной статье А. Шортанова «Пшикан Шекихачев» [Шортанов 1970: 68]. Согласно ей, Шекихачеву пришлось покинуть Кабарду из-за последствий конфликта с обучавшим его хаджи. Попутно заметим, конфликт этот Е. Машитлова описывает со слов Хазеши Шогенова. Сначала Шекихачев, изгнанный из села, в котором проходил учебу (название села не упомянуто) перебирается в Боташево (Плановское), однако вскоре становится известно, что по жалобе, которую хаджи направил главному кадию, вынесено решение подвергнуть Шекихачева остракизму. В итоге, по совету и при помощи своего наставника М. Фанзиева, П. Шекихачев укрывается в Дагестане [Первые… 1968: 54]. О роковой роли в этой истории произведения «Паук и муха» Е. Машитлова не упоминает. Та же цепь событий, с незначительными дополнениями представлена и в статье Шортанова. О «Пауке и мухе» исследователь упоминает, но не как о причине гонений, а всего лишь как о произведении, которое П. Шекихачев сложил в революционные дни.

Теперь же, благодаря воспоминаниям Хазеши Шогенова, мы имеем возможность восстановить все подробности, связанные с этой историей.

Покинуть родные места П. Шекихачева, а вместе с ним и Х. Шогенова, действительно, вынудило решение кадия, к которому привел целый ряд обстоятельств. Свою роль сыграли и дерзкое поведение Шекихачева, и его творчество, и конфликт с хаджи (по тексту Шогенова это был эфенди Болат Гедгафов, а дело было в Муртазово).

Сразу скажем относительно творчества. Шогенов упоминает, что произведение, вызвавшее раздражение мулл – это песня, в которой Шекихачев высмеял муллъские злодеяния. И речь, конечно, не о «Пауке и мухе». Его Шогенов датирует 1917 г., и подтверждает верность своих сведений тем, что был рядом в те дни, когда слагалось произведение. Немного отступая от основной темы, заметим, что и без дополнительных подтверждений, а лишь исходя из содержания песни «Паук и муха», ее отнесенность к 1917 г. представляется более правдоподобной, нежели к 1913. Антитеза старого и нового мира, призывы к новому образу жизни и к единению сил всех жертв былых времен («Существование, что было у нас в прежние времена / Точно игра паука с мухой, / Игры пчел теперь нас ожидают, / Друзья мои, объединяйтесь!» (подстрочный перевод наш. – *И.К.*) – все это образные клише стихотворчества революционных лет. И, конечно, А. Шортанов не ошибался в датировке «Паука и мухи».

Теперь что касается шекихачевских песен, «посвященных» муллъскому мракобесию. До наших дней дошло две таких. Одна, «Песня о негодных сельских муллах», как указывает Шогенов, сочинена в 1913 г., другая – «Посвящается негодным муллам» – в 1915. Разумеется, недовольство Пшикана Шекихачева, которое излилось в самой беспощадной по меркам того времени форме – песне, ушедшей в народ, – возникло не на пустом месте. Х. Шогенов подробно описывает многократные стычки Шекихачева с муллами, которые ради собственной выгоды злоупотребляли простодушием безграмотных крестьян. Причем диалоги, которые передает Шогенов, интересны тем, что обнаруживают глубину проникновения Шекихачева в суть исламских законов и ритуалов, его прогрессистские убеждения. Характерно, что крестьяне, на защиту которых он становится, далеко не в восторге от его познаний и убеждений: «Крестьяне же, которых он так защищал, бранились с Пшиканом, принимая сторону муллы»... Упомянутые песни появляются после того, как Пшикан понимает, что одолеть в бесконечных спорах религиозную косность ему вряд ли суждено.

Насколько это следует из воспоминаний, Пшикан и Хазеша идут учениками к эфенди Болату Гедгафову, уже снискав репутацию смутьянов. Песни Пшикана к тому времени уже в народе. Надо отдать должное снисходительности эфенди Болата, который все же берется давать им уроки.

Ссора, которая случилась между эфенди и дерзким сохстой Пшиканом, в изданиях прошлых лет описана в самых мягких тонах. В воспоминаниях же она представлена, что называется, без купюр. Но похоже, что последней каплей, переполнившей терпение «правоверных мусульман», стало поведение самого Хазеши Шогенова, одарившего своего друга прозвищем «пророк». Предвидели они по-

добный исход или нет, но приятели шаг за шагом продвигались к решению, которое вынесет по их поводу главный кадий: привязать к столбу и забить камнями.

Путь к спасению, как уже известно, был найден при содействии любимого наставника, Мажида Фанзиева. Скрывшись в Дагестане, они сумели спастись.

Портреты Пшикана Шекихачева

Немаловажно, что Х. Шогенов воскрешает образ молодого и дерзкого Пшикана Шекихачева. Дело в том, что иные описания запечатлевают его в годах более зрелых.

В статье, предваряющей материалы сборника «Первые писатели Кабарды», Аскерби Шортанов предполагает невероятную смелость в человеке, который так открыто выступал против мракобесия мулл, – это о дореволюционном творчестве Шекихачева. Однако ниже исследователь живописует облик того Пшикана, которого довелось застать ему самому:

«Пшикан Шекихачев был примечателен и своими манерами. Взгляд, вечно устремленный вниз. Он поднимал голову лишь изредка, и тогда казалось, вот-вот кинет он тебе какой-то намек или пожелание, но этот широкоплечий среднего роста мужчина лишь взглядывал на тебя сероватыми глазами, да и шел себе дальше. Шагал он неспешно. По-медвежьи переваливаясь, без особых реакций или интереса к чему-либо. Сильно изборожденное годами, открытое его лицо с широкими скулами венчал высокий крупный лоб, – ни дать ни взять античный философ, вечно погруженный в свои думы. Пшикан был человеком очень спокойным. Даже если ты совершал что-то такое, что было ему не по душе, он не выходил из себя, да и сам не был способен нанести обиду. Единственно, приложит один палец к своему широкому носу, и проговорит: «Что ж Алеша (так он называл всех учеников), неужели нельзя было это выполнить поприлежней или как-то иначе?» – и на этом все» (перевод наш. – *И.К.*) [Первые… 1968: 18].

Тихий, замкнутый, невозмутимый и мягкий человек. Видимо, таким наблюдал его в годы своей учебы в Нальчикском педтехникуме Аскерби Шортанов.

Группа ученых и писателей, подготовивших первое академическое издание «Кабардинский фольклор». Сидят (слева направо): поэт и переводчик М.А. Зенкевич, профессор В.А. Дынник, директор КБНИИ А.К. Пшеноков, профессор Ю.М. Соколов, поэт и переводчик А.П. Глоба, председатель правления Союза писателей КБАССР Д.М. Налоев; стоят: писатель С.М. Кожаев, литературовед, фольклорист М.Е. Талпа, писатель П.Д. Шекихачев. (Фото из семейного архива Н.А. Пшеноковой)

Столь же кроткий Пшикан присутствует в автобиографическом рассказе Алима Кешокова:

«Пьеса, по которой поставили первый спектакль, «Коригот», была написана Пшиканом Шекихачевым, преподавателем адыгского языка. В день премьеры пожаловали все члены обкомовского актива во главе с самим Калмыковым. У входа в клуб играл оркестр, народ торопливо прибывал, ведь ожидалось увидеть нечто доселе небывалое. Культуре, устремившейся вперед, предстояло в этот день сделать важный шаг, вот чему радовались люди. Счастью Пшикана Шекихачева не было границ, он и сам был человек добрый, многое готов был стерпеть, лишь бы не обидеть человека, с каждым в общении был ласков, русских парней он звал Лешами. «А-а, юные Леши, куда путь держите? Леша, как поживает твой отец?» – с такой вот теплотой и общался. Спустя совсем немного после премьеры спектакля, глубокой ночью к нему в квартиру пожаловали три русских парня. Разбуженный посреди ночи, встревоженный мужчина открыл дверь и, завидев гостей в форме, завел их со словами: «А-а, Леши, это вы пожаловали?». Только понял он, что вовсе не в гости они пожаловали, но что тут поделаешь. Хоть и сложил он когда-то стихи, высмеивающие мулл, а пострадал за то, что образование свое получил в медресе» (перевод наш. – *И.К.*) [Кешоков 2006: 538–539].

Соотнося эти фрагменты с тем, что рассказывает о нем Хазеша Шогенов, невозможно не увидеть разительные перемены в нраве Пшикана Шекихачева: прямота, дерзость в дореволюционные годы и кротость в 1920–30-х, на фоне которых видят его Аскерби Шортанов и Алим Кешоков.

Так же, как очевидна разница между дерзким и кротким Шекихачевым, очевидна и граница, отделяющая его более раннее творчество от произведений 1930-х. И, надо полагать, период его молчания, о котором упоминает Джансох Налоев, успел вместить в себя немалые разочарования и болезненную ломку убеждений.

«Шекихачев в литературе не имел своего места до начала реконструктивного периода. Он был пассивен, молчалив и занимал какую-то выжидательную позицию.

Но, к счастью, мимо Шекихачева не прошли те социально-экономические и политические сдвиги, которые произошли в хозяйственной жизни Кабарды в первый период нэпа. Шекихачев творчески оживился в первые годы реконструкции. Он сделал резкий поворот в творчестве и очень ярко выразил свое отношение к действительности», – пишет Д. Налоев в статье «Поэты Кабарды и Балкарии» [Налоев 2004: 107].

В другой статье – Литература Кабардино-Балкарии» – критик упоминает о том, как Пшикан Шекихачев ушел в молчание в период гражданской:

«Он старается, чтобы не выделялся голос его в момент наибольшего пробуждения и напряжения политических противоположных сил, начинает молчать. Правда, в дни гражданской войны, когда впервые на кабардинской земле раздался артиллерийский гром, он сел на коня и, «ярко блеснув шашкой», ушел в горы вместе с партизанами. Но жестокий «кровавый блеск» оружий в гражданской войне прошел мимо, не оставив никаких следов в творчестве Шекихачева. Он молчит, молчит продолжительно и, лишь в начале реконструктивного периода творчески пробуждается» [Налоев 2004: 128].

По словам критика, в период бурных социально-экономических и политических сдвигов Шекихачеву удается благополучно освободиться «от религиоз-

ного угара», он забрасывает дореволюционную тематику и пишет «десятки прекрасных по своей художественной значимости и актуальности по теме стихов. Они имеют большое распространение, читаются и печатаются по всей Кабарде» [Налоев 2004: 108]. Сомневаться в том, что творчество Шекихачева периода утверждения нового строя было популярно, не приходится, тем более что коллективные сборники тех лет редко обходятся без его произведений. Так, его имя можно видеть на страницах изданий «Северный Кавказ» (1933), «Поэзия горцев Кавказа» (1934), «Новая сила» (1934), «Писатели Кабардино-Балкарии» (1935), «Литературно-художественный альманах» (1936).

В научном архиве ИГИ КБНЦ РАН хранится папка с перепечаткой произведений П. Шекихачева на 79 листах – результат скрупулезных поисков, проведенных в 1960-х гг. адыгским литературоведом Е.М. Машитловой. Лишь некоторые из этих произведений сопровождены датировками. Х. Шогенов, дополнив свои воспоминания произведениями Шекихачева, указал даты и дал некоторые пояснения. Сообразно описываемому периоду биографии Шекихачева он привел тексты, которые тот сложил, условно говоря, до периода молчания. Уже это заставляет их воспринимать обособленно от всего остального.

Действительно, отличия сочинений, что предшествовали этому периоду, от тех, что появились после, хорошо заметны. И дело, конечно, не только в отходе автора от старых тем, и не в том, что его ранние произведения по форме «полностью воспроизводили канон фольклорной просодии», а новые большей частью ориентированы на литературность.

Ставя в один ряд «Песню о негодных сельских муллах», «Негодным муллам посвящается», «Паук и муха» и даже «Шар земной», а в другой – «Пионер», «Песню урожая», «Полотьба», «Кулак и колхоз», «Май» и многое другое, сложно не заметить, что на место эмоциональной и образной экспрессии заступает типовая для того времени констатация, построенная в форме стихотворения. Уловить за этой констатацией личность автора непросто. Шекихачева с его сатирическим напором здесь уже нет. Примечательно, что Михаил Талпа, который имел возможность судить о творчестве П. Шекихачева лишь по русскоязычным переводам, ясно видит эту разницу, и отдает предпочтение его ранним произведениям:

> «П. Шекихачеву наиболее удаются сатирические произведения, особенно направленные против мулл (например, популярное «Паук и мухи»). В других случаях у Шекихачева обнаруживается некоторая отвлеченность, выспренность, затемняющая его стихи» [Талпа 1936: 10].

Не переходя сейчас к их обзору, отметим лишь, что среди немалого количества произведений, написанных П. Шекихачевым в 1930-х, явно выбивается из общего строя басня «Дамажуко и корноухий Медведь» («Дамэжьыкъуэрэ Мыщэкъуагуэрэ», 1931).

О том, что в жанре басни П. Шекихачев не был новичком, и о том, насколько ему важно было донести до читателя смысл, который он вкладывал в свои аллегории, свидетельствует сочиненная еще в 1917 г. песня «Паук и муха». Тогда, во избежание смысловых разночтений, Шекихачев посчитал необ-

ходимым пояснить подтекст и без того красноречивой картины уничтожения наивной мухи коварным пауком, причем сделал это дважды: во вступлении и в финале произведения.

Ставшая уже привычной трактовка «Дамажуко и корноухого Медведя» принадлежит А. Шортанову, который акцентировал его фольклорную основу, распространенность сюжета.

> «Происхождение «Дамажуко и корноухого Медведя» фольклорное, – говорит он. – Подобное есть у многих народов: как с неким парнем сдружился медведь, как на лоб уснувшего парня села муха и медведь пробовал ее согнать, а потом, желая ее прихлопнуть, схватил камень и убил парня. О таком у русских говорят «оказал медвежью услугу». И все же, надо отнести к заслугам Шекихачева его интерес к жанру басни, стремление познакомить с ней читателя» (Перевод наш. – *И.К.*) [Первые… 1968: 15].

Уточнение «и все же», видимо, подразумевает, что, помимо жанровой принадлежности, произведение особо ничем не примечательно. Действительно, П. Шекихачев без особых изменений перелагает басню И. А. Крылова «Пустынник и медведь» (творческое переложение Крыловым басни «Медведь и садовник» Жана де Лафонтена, который, как принято считать, вдохновился сюжетом древнеиндийской притчи). Но интересно почему П. Шекихачева вообще привлек этот сюжет. Что столь важного увидел в нем поэт, который писал исключительно «на злобу дня»?

Примечательно, что, в отличие от И. Крылова и вразрез собственным же принципам, ярко выраженным в «Пауке и мухе», П. Шекихачев никак не поясняет аллегорический подтекст произведения, не приводит никакой морали, он всего лишь излагает историю дружбы парня с медведем и ее трагический финал. Не исключено, что эта история, словно яркая иллюстрация, накладывалась на какие-то важные для него размышления. При этом в глазах читателя она выглядела вполне нейтрально, даже наивно.

Басня «Дамажуко и корноухий Медведь» появляется в 1931 г. К этому времени неоднозначность воплощения революционных идеалов, за которые когда-то боролся П. Шекихачев, стала неоспоримой явью. Товарищеская верность Дамажуко и Медведя выглядела вполне убедительно и привлекательно. Тем страшней и неожиданней короткая развязка, которая почти торжествующе констатирует гибель Дамажуко: «Бадзэм хуишэу треубыдэ, / Быдэу мывэр неунэтI, / Дамэжьыкъуэ и натIэр пхыреуд, / Куэдрэ жейхэм тхухегъыхьэ, / И гъащIэ Iыхьэр иухащ!» [Первые… 1968: 63]. «В муху целится, / Твердо камень направляет, / Пробивает лоб Дамажуко, / К тем, кто погружен в долгий сон, его приобщает, / Жизненный путь его закончен!» (Подстрочный перевод наш. – *И.К.*). И никаких дидактических «оправданий». Ни одной фразы, способной смягчить тягостный финал.

П. Шекихачев дает своему герою приметное имя – Дамажуко. Нетрудно уловить созвучие с легендарным Дамалеем, стало быть, с «мотивами» борющегося за свои права крестьянства и вероломного предательства. Герой, заведший дружбу с медведем в басне И. Крылова – пустынник. У Шекихачева это просто одинокий парень, проделавший долгий путь ради обособленной жизни. Да толь-

ко, – замечает автор, – что это за жизнь, оторванная от злободневных событий: «Къуажэ къуажэм уапэIэщIэу, / Я щIы кIапи утемыхьэу, / Iыхьэ гуэши ухэмытуэ / Ущытыным сыт игъащIэ?» [Первые… 1968: 62]. «Отдалившись от селений, / Не появляться даже на их окраине, / Не участвовать в дележе наделов / Что у такого за житье?» (Подстрочный перевод наш. – *И.К.*). «Мужчина бесстрашный» Дамажуко понимает, что такое существование в одиночку невозможно, и отправляется на поиски друга. Мимоходом заметим, что в басне И. Крылова «мотивы» нахлынувшего на пустынника одиночества более сентиментальные.

Так или иначе, одинокому нужен товарищ, «а на кого можно набрести в том безлюдном лесу, если не на зверя?». Дамажуко П. Шекихачева, как и пустынник И. Крылова, натыкается на медведя, кланяется ему, оба заверяют друг друга в вечной дружбе.

Упрочившееся между друзьями доверие не помешало произойти трагедии. Однажды жарким днем вздумалось им пройтись «по горам, по долам». Силы медведя и человека неравны, Дамажуко быстро утомился, стал отставать. Корноухий Медведь предлагает Дамажуко перевести дух, сам же берется охранять его покой: «Iэдэгъумылъэ тIэкIу зигъауэ, / Гукъеуэншэу зыгъэпсэху / УхуеихукIэ хэщхьэукъуэ, / КъакIуэ-накIуэр сэ си Iуэхущ» [Первые… 1968: 63]. «Ты приляг, / Отдыхай себе спокойно / Подремли, сколько пожелаешь, / Всякие посетители – моя забота» (Подстрочный перевод наш. – *И.К.*). Убаюканный этими словами Дамажуко уснул, а бдительный Медведь заступил на стражу. Итог этой истории известен. Пусть со стороны усердного Медведя это было безотчетно, но крах идиллии произошел в самый расцвет доверия Дамажуко своему товарищу.

Пытаясь заглянуть за характерное для национальных литератур той поры нагромождение идеологических стереотипов, надеясь хотя бы отчасти уловить истинные настроения Пшикана Шекихачева, мы, наверное, сумеем немного приблизиться к истине лишь относительно двух или трех лет, предшествовавших его аресту. И увиденное окажется типичным для судеб многих представителей национальной культуры 1930-х гг.

В ряду адыгской интеллигенции того времени Пшикан Шекихачев фигура значимая и популярная. Он известен не только как педагог, но и творческая личность, эстетический опыт которой берут в расчет. Как заметил по этому поводу Джансох Налоев, он воспитал целую плеяду молодых авторов, в известной степени его влияние испытали даже поэты старшего поколения. Имя Пшикана Шекихачева связано со многими знаковыми событиями национальной культуры: он работает «в группе составителей орфографии и грамматики кабардинского языка» [Шакова 2003: 403], с успехом проявляет себя в жанре драматургии, участвует в работе над изданием «Кабардинский фольклор». В то же время он не может не знать, какая участь уже с середины 1920-х гг. постигает большинство из тех, кто, как и он, имел исламское образование, людей, что наравне с ним боролись за новые идеалы.

В 1935 г. ему припоминают исламское прошлое и как бывшего муллу исключают из партии.

В августе 1936 г. арестовывают Джансоха Налоева, его соавтора в первой редакции драмы «Коригот». Репрессивная политика еще ранее приведена в

действие и теперь набирает обороты. «В 1935 г. были разоблачены шовинисты А. Ульбашев, С. Отаров, С. Хочиев. В самое недавнее время изгнан из рядов Союза писателей разоблаченный троцкист Д. Налоев, более двух лет состоявший председателем областного правления СП и сознательно разваливавший работу» [Талпа 1936: 8] – констатирует во введении к «Литературно-художественному альманаху» (1936) Михаил Талпа, для которого участь жертвы также окажется неизбежной. С января 1937 г. список жертв из числа интеллигенции начнет пополняться особенно активно.

В газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» от 16 июня 1937 г. есть заметка «Тактика врага» за подписью неких Макоева и Огурлиева. Преподавателю, поэту и драматургу П. Шекихачеву в ней «посвящено» одно предложение: «Враг народа Шекихачев П. долгое время работал в нашем учебном заведении преподавателем» [Две смерти… 1988].

Всяческие комментарии о ценностном подтексте памяти, прокладывающей свои тропы сквозь хитросплетения обрывочных и не всегда достоверных сведений, будут избыточны. Воспоминания Хазеши Шогенова о Пшикане Шекихачеве представлены читателю впервые. Мы публикуем их с незначительными сокращениями, в переводе с кабардино-черкесского.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адаб… 1991 – Адаб баксанского культурного движения / Сост. З.М. Налоев. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 440 с.

Антология… 2010 – Антология ранней адыгоязычной литературы / Сост. З.М. Налоев. (На каб.-черк.). – Нальчик: КБИГИ, 2010. – 352 с.

Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Две смерти… 1988 – Две смерти Пшикана Шекихачева // Советская молодежь. – 1988. – 23 декабря.

История… 2010 – История адыгской (кабардино-черкесской) литературы. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – 490 с. (на каб.-черк. яз.).

Кажарова 2014 – *Кажарова И.А.* Кабардинская поэзия XX века: актуализация идеала. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. – 176 с.

Кажарова 2021 – *Кажарова И.А.* Поиски мусульманского единства и особенности его литературного отражения // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 2. – С. 180-204. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-2-180-204

Книга памяти… 2009 – Книга памяти жертв политических репрессий. Кабардино-Балкария 1920-1941 / Сост. *Н.И. Лафишева*. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. – 552 с.

Наврузов 2012 – *Наврузов А.Р.* «Джаридат Дагистан» – арабоязычная газета кавказских джадидов. – М.: Издательский дом Марджани, 2012. – 240 с.

Налоев 2004 – *Налоев Д.М.* Литературное наследие. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 225 с. (на каб.-черк. и русск. яз.).

Налоев 2009 – *Налоев З.М.* Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 656 с.

Очерки… 1965 – Очерки истории кабардинской литературы. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1965. – 350 с.

Первые… 1968 – Первые писатели Кабарды / Сост. Е. Машитлова. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 377 с. (на каб.-черк. яз.)

Сарахов 2004 – *Сарахов А.А.* Остров ГУЛАГ. Документальная повесть. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2004. – 356 с.

Талпа 1936 – *Талпа М.Е.* Художественная литература Кабардино-Балкарии // Литературно-художественный альманах. – Нальчик, 1936. – 227 с.

Теуников 1996 – *Теуников А.* Поэт, просветитель, драматург // Терек. 1996. 28 марта.

Шакова 2003 – *Шакова М.К.* Шекихачев Пшикан Дзадзуевич // Писатели Кабардино-Балкарии. XIX – конец 80-х гг. XX в. Биобиблиографический словарь. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – С. 402-404.

Шортанов 1970 – *Шортанов А.* Пшикан Шекихачев // Іуащхьэмахуэ. – 1970. № 1. С. 67-69. (на каб.-черк. яз.)

Эльбердов 1993 – *Эльбердов Х.У.* Воспоминания. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 416 с. (на каб.-черк. яз.).

REFERENCES

Adab baksanskogo kul'turnogo dvizheniya [Adab Baksan cultural movement] / Sost. Z.M. Naloev. – Nalchik: El'brus, 1991. – 440 p. (In Russ.).

Antologiya rannei adygoyazychnoi literatury [Anthology of early adygolanguage literature] / Sost. Z.M. Naloev. – Nalchik: KBIGI, 2010. – 352 p. (In Kabardin-Circassian)

Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovanii KabardinoBalkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Archive of the Institute of Humanitarian Researches of the Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Russ.).

Dve smerti Pshikana Shekikhacheva [Two deaths of Pshikan Shekikhachev]. IN: Sovetskaya molodezh'. – 1988. December 23. (In Russ.).

EL'BERDOV Kh.U. *Vospominaniya* [Memories]. – Nalchik: El'brus, 1993. – 416 p. (In Kabardian-Circassian)

Istoriya adygskoi (kabardino-cherkesskoi) literatury [History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature]. – Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – 490 p. (In Kabardin-Circassian).

KAZHAROVA I.A. *Kabardinskaya poeziya XX veka: aktualizatsiya ideala* [Kabardian poetry of the twentieth century: actualization of the ideal]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2014. – 176 p. (In Russ.).

KAZHAROVA I.A. *Poiski musul'manskogo edinstva i osobennosti ego literaturnogo otrazheniya* [The search for Muslim unity and particularities of its reflection in the literature]. IN: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2021. – No 2. – P. 180-204. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-2-180-204 (In Russ.).

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii. Kabardino-Balkariya 1920-1941 [Book of remembrance for the victims of political repressions. Kabardin-Balkaria 1920-1941] / Ed. by N.I. Lafisheva. – Nalchik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2009. – 552 p. (In Russ.).

NALOEV D.M. *Literaturnoe nasledie* [Literary heritage]. – Nalchik: El'-Fa. 2004. – 225 p. (In Kabardin-Circassian and Russ.)

NALOEV Z.M. *Etyudy po istorii kul'tury adygov* [Studies on the history of the Circassians]. – Nalchik: El'brus, 2009. – 656 p. (In Russ.).

NAVRUZOV A.R. *«Dzharidat Dagistan» – araboyazychnaya gazeta kavkazskikh dzhadidov* [«Jaridat Daghistan»: Arabic-speaking newspaper of Caucasian Jadids.]. – Moscow: Izdatel'skii dom Mardzhani, 2012. – 240 p. (In Russ.).

Ocherki istorii kabardinskoi literatury [Essays on the history of Rabardian literature]. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1965. – 350 p. (In Russ.).

SARAKHOV A.A. *Ostrov GULAG. Dokumental'naya povest'* [Gulag Island. A documentary story]. – Maykop: Adygea, 2004. – 356 p. (In Russ.).

SHAKOVA M.K. *Shekikhachev Pshikan Dzadzuevich* [Shekikhachev Pshikan Dzadzuevich]. IN: Pisateli Kabardino-Balkarii. XIX – konets 80-kh gg. XX v. Biobibliograficheskii slovar' [Writ-

ers of Kabardino-Balkaria. XIX – the end of the 80s of the XX century. Biobibliographical dictionary]. – Nalchik: El'-Fa, 2003. – P. 402-404. (In Russ.).

SHORTANOV A. *Pshikan Shekikhachev*. IN: Iuashchkh'emakhue. – 1970. No 1. P. 67 – 69. (In Kabardin-Circassian)

TALPA M.E. *Khudozhestvennaya literatura Kabardino-Balkarii* [Fiction of Kabardino-Balkaria]. IN: Literaturno-khudozhestvennyi al'manakh [Literary and artistic almanac]. – Nalchik, 1936. – 227 p. (In Russ.).

TEUNIKOV A. *Poet, prosvetitel', dramaturg* [Poet, educator, playwright]. IN: Terek. – 1996. March 28. (In Russ.).

Приложение

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ПШИКАНЕ ШЕКИХАЧЕВЕ

Обучался Пшикан Шекихачев по арабским книгам. Был он глубоко сведущ в арабской истории и вообще преуспевал в арабоязычной книжности. Арабская литература, что изучалась в нашем крае, была религиозного содержания. Если точнее, вся она была о том, как совершать намаз, какие исцеляющие от недугов молитвы подходят для амулетов, как совершать погребальные обряды, и прочее. Сколько б лет ты ни учился и сколько б ни перечел книг, иных знаний из них не почерпнул бы. Все они были об одном – как, прикрываясь религией, обманывать и обирать людей. Но особо искусно безграмотных крестьян обманывали люди с поверхностным образованием, а те, что учились добросовестно и обладали глубокими познаниями, на такое способны не были, – совесть не позволила бы. О том, что те (недоучки – *И.К.*) не несли ничего, кроме вреда, убеждает хотя бы следующее. Единственные лекари, что были у нас ранее – муллы. Стоило кому-то заболеть, как срочно посылали к мулле, чтобы тот настрочил молитву для амулета. Да только проку от этих записок муллы. Вот к примеру: хорошо помню, что если человека поражала острая боль в животе, жить ему оставалось от силы два-три дня. А ведь причиной был приступ аппендицита. Но никто не знал о такой болезни. Веди хирург их был наготове, сразу мчались к мулле и просили дать амулет. «Вот это повесьте больному на шею, а это погрузите в воду и дайте выпить!» – напутствовал он. Даже если у тебя особо ничего не болит, выживешь ли, принимая внутрь чернила? Аппендицит от этого только обострялся, и через недолгое время больной умирал. Таких примеров можно привести тысячи. Религией можно прикрыть любой обман. Это говорит о том, что религия состоит из обмана. Тот, кто намеревается замаскировать свою ложь религией, обычно ссылается на мир иной. Но вот что мне непонятно: каким же образом то, что не сумели постичь профессора и великие ученые, оказалось дано уразуметь тем, кто овладел лишь арабской азбукой?

Подобные вещи раздражали Пшикана Шекихачева, оттого с муллами он не ладил. Да и сами муллы, называвшие его «болтун Пшикан» терпеть его не могли.

Наставником Пшикана был Мажид Фанзиев. По уровню арабоязычного образования равных Мажиду в нашем крае не было. Именно он пробудил все, к чему был устремлен Пшикан. Можно сказать, что вся арабоязычно образован-

ная молодежь нашего края вдохновлялась религиозными идеями Мажида Фанзиева и Пшикана Шекихачева. Эти двое были и моими учителями. Задолго до того, как началась моя учеба, еще с малолетства, я начал поститься, совершал намаз чаще, чем кто-либо в нашем селе. А уже будучи их учеником, вслушиваясь в их беседы, не мог не задумываться о том, что есть религия, где ее истоки, кто основоположники. Любой, кто находится во власти религии, понимает, о чем я, но размышлять об этом опасается.

Одна из причин, подтолкнувших Пшикана к ссоре с муллами – Коран.

– Коран был написан вовсе не для того, чтобы обеспечить умершему пропуск в «рай», он написан во имя жизни на земле. Коран – это своеобразная конституция религии, она составлена, чтобы люди жили в мире и согласии. От того, что будешь твердить написанное в книге, не оживят того, что подобно прошлогодней траве истлело в земле, и не отправят в тот край, что ты зовешь «жэнэт». «Жэнэт» в переводе с арабского значит «плодовый сад», – пояснял он. Помимо этого, Пшикан выступал против того, чтобы закят (одна десятая доля дохода), который крестьяне выделяли из своего урожая, отходил муллам: «Согласно установлениям, это имущество, предназначенное для содержания нуждающихся!» – говорил он.

– Мы прошли обучение, на путях религии мы вожаки, совершаем с ними молитвенное служение, проводим обряды над их усопшими, и его (закят – *И.К.*) мы получаем по праву! – возражали они ему.

– Служишь ты ради них, ведь ты их слуга, так вот и бери за это жалованье слуги, не надо получать жалованье из средств, предназначенных на содержания нуждающихся!

Он был категорически против деура и раздачи поминальной пищи.

– Когда кто-то умирает, вы подталкиваете даже тех, кто стеснен в средствах, влезть в долги ради деура, вы распределяете его и отправляетесь восвояси; и даже если на подворье всего-то одна-единственная корова, вынуждаете забить ее ради «поминальной пищи», и так обрекаете семью на голод, лишаете возможности хоть как-то прийти в себя, – ни умершему пользы, ни живым! – заявлял он. Раз уж на то пошло, ничего подобного в Коране не сказано, и сослаться вам не на что! – добавлял он.

А ведь и правда, в Коране написано иное, муллы же поступали по своей выгоде. Вот так и завязывались его ссоры с муллами.

Однажды он поссорился с хаджи-эфенди Болатом Гедгафовым:

– У Хасана нет ни проса, ни вола, ни коровы, а богаче тебя не сыскать во всем селе, он пошел батрачить, за что получил пол десятины урожая кукурузы, а ты позволил привезти к себе десятую часть урожая этого бедняка и выгрузить его в своем деревянном сарае! Да как же твоя религия позволяет тебе такое? Согласно религии, ты должен ему помогать, а не этот бедолага тебе! – высказался он. Пшикан никогда не соглашался с тем, что утверждали муллы. Крестьяне же, которых он так защищал, бранились с Пшиканом, принимая сторону муллы.

В 1916 г. Гедгафов Болат, о котором я упомянул, обучал Пшикана, а Пшикан обучал нас, группу молодых парней, было это в Муртазово. В один из дней

эфенди, уверовав в свои силы, давал урок Пшикану. Убежденный в том, что сообщает ему нечто очень важное, он рассказывал о Мекке и Медине. Пшикан, явно разочарованный тем, что тратит на это свое время, и не слишком вслушиваясь в слова эфенди, нетерпеливо перебил его:

– Послушай, эфенди, почему мы, вместо того, чтобы расходовать свое время на такие незначительные вещи, не можем прочитать литературу этого государства. Ведь Саудовская Аравия – тоже государство, почему бы нам не учиться по ее учебникам, будем хотя бы иметь представление о ее ремеслах, науке?

– Не зная о Мекке, не зная о Медине, о месте рождения пророка, будешь ли ты считаться мусульманином?! – рассердился мулла.

– Ну так Мекка – арабский город, никогда я в него не попаду, не увижу, нужду я хотел справлять в этой Мекке! – последовал ответ. (Простите, что употребляю здесь неприличное слово, но я бы хотел передать этот разговор в точности).

– Э! Да в этой вашей группке, как я посмотрю, вовсе и не мусульмане собрались, а ну вон из моего села! Буду я безбожник, если не пособлю тому, чтобы вас здесь прикончили! – выпалил мулла, вне себя от гнева.

– И что ж такого, если я сказал о нужде? Неужели жители Мекки справляют нужду за пределами своего города? – еще пуще озлил он муллу. Возросший под сенью религии, ярый поборник ее старый мулла подобного снести не мог. Оба вскочили, готовые уничтожить друг друга. Мулла ценой жизни готов был отстаивать религию, Пшикан же вскипал от того, что бесполезно потратил время.

Чтобы изучать арабские книги, имевшие хождение в нашем крае, надо было быть человеком глубоко религиозным и принимать на веру все байки, сочиненные арабскими писателями. Стоило завести с Пшиканом разговор о религии, его терпению приходил конец. Все, начиная с Аллаха, связанное с религией, претило ему, никакой веры, никакого бога. Религия для него – справедливость, дела, в которых нет вреда. Особенно ненавистно ему было то, что муллы, внушая неграмотным людям, что это угодно религии, объедали их без меры. Вот, к примеру, закят, раздача милостыни во время уразы, плата за распределение деура и тому подобное… Десятая часть урожая безоговорочно отходила муллам. Ритуал деур проводили ради покойного, и в качестве платы мулле причиталась десятая часть от суммы деура. Хотя от самого от него толку никакого не было. Но ввиду причитавшихся ему десяти процентов он усердно подталкивал родственников покойного к тому, чтобы сумма деура была как много больше. В пору сбора урожая кукурузы бедные крестьяне доставляли плетеный кузов кукурузы на двор мулле. Муллы старались все прибрать к своим рукам. Пшикан не мог молча наблюдать за всем этим и завязывался конфликт с муллами.

Не сумев одолеть мулл ни словом, ни силой, Пшикан сложил о них песню.

После того, как Пшикан сложил песню, те возненавидели его пуще прежнего, и стал он с той поры их заклятым врагом. И убить его не могли, и, оставляя в живых, не могли изыскать средства против него, вот так и тянулось, когда, как я сообщил выше, эфенди Болат погнал нас из своего села: «Если не исчезнете сейчас же, прикажу вас избить!». То было время господства религии, и

если б тебя заподозрили в неверности ей, убили бы, твердо веруя в то, что совершили благодеяние.

Однажды случилось так, что один придурковатый старичок совершенно неожиданно возник возле нас в тот момент, когда я окликнул Пшикана прозвищем «пророк». Уверенный, что выслужит этим великую признательность, старик тотчас же помчался к эфенди Болату, доложил ему, и оказался я в числе недругов. Итогом всего стало письмо, направленное кадию: «Пшикан и Хазеша вероотступники, они не признают ислама, а потому просим найти на них управу!». Копию письма отправили моему отцу. Имевший кое-какое арабоязычное образование мой отец, не в меру фанатичный религиозник, и так был готов убить каждого, кто позволит себе хотя бы малейшее посягательство на религию.

Кадий вынес решение привязать нас к столбу и забить камнями. Согласно законам шариата, человека, отступившего от ислама, привязывали к столбу и побивали камнями до смерти.

Перепугались мы с Пшиканом не на шутку. Совершенно растерянные отправились за советом к Мажиду Фанзиеву:

– Такие наши дела, как же быть? – говорим.

– Клянусь Аллахом, свою погибель вы заслужили, надо бы вас убить! Чего ж вы не следите за своим языком? Ведь не такое сейчас время! – задал он нам взбучку, но потом, поостыв, добавил: «Тайком покиньте наши места!».

– Куда же нам податься?

– Отправляйтесь в Дагестан! Там живет мой друг, к нему и поезжайте!

Со времен их учебы в Египте они с Мажидом стали побратимами, и сейчас тот, о ком шла речь, проживал в Темир-Хан-Шуре, издавая газету на арабском языке. В Дагестане среди людей с арабским образованием не было ему равных. Мажид написал письмо на его имя, с этим мы и двинулись в путь. Сесть на поезд здесь мы не рискнули, пересекли сначала реку Терек, отчалив на пароме из Хапцея. На поезд сели уже в станице Черноярской, и отправились в Темир-Хан-Шуру. Разыскав тамошнюю типографию, повстречали и того, к кому ехали. Передали ему письмо, и были приняты очень радушно. Правда, у нас не было средств на проживание в городе, потому мы поселились в расположенном неподалеку селении Мусалим-аул и пошли учиться в местное медресе. Являлись в город к Замиру-Гали (так звали человека, к которому мы приехали), он обучал нас, а затем мы возвращались в село (все описываемое было в 1916 г.). Наступил 1917 г., а следом и февральская революция, свергнувшая монархию. Повсюду были волнения, и поначалу было неясно, чего ждать, но вскоре собрались вооруженные черными кинжалами дагестанские кумыки, разогнали студентов городского реального училища, и, объявив: «Отныне это будет мусульманское училище!» – стянули сюда всех своих сохст. Вот повезло так повезло, получим мы теперь образование в учебном заведении, – решили мы с Пшиканом, да и замешались в ряды местных сохст. Так, в суматохе, проучились мы дней 15, потом дело дошло до экзаменов, по итогам которых нас должны были распределить по группам. Когда подошел наш черед, стали нами интересоваться:

– Кто вы, откуда?

– Мы кабардинцы, прибыли из Кабарды.

– Мы не сможем вас принять, поскольку наши учащиеся будут обучаться за счет наших же средств, а кто оплатит ваше обучение? Однако, если сможете платить за себя, мы вас примем.

В карманах наших могла водиться разве только вошь, откуда б мы раздобыли денег? Долго мы их убеждали, да все понапрасну. Оказались мы не у дел.

– У вас в Нальчике тоже есть подобное училище. Оно также преобразовано в мусульманское, и вместо того, чтобы спорить с нами и терять время, возвращались бы вы к себе, чтобы своевременно туда зачислиться! – отделались они от нас. Как быть? Вернемся – нас убьют, останемся – податься некуда. Но выхода нет, решили вернуться. Сойдя с поезда в Черноярской, мы потихоньку перебрались через Терек и прибыли в село Абаево (ныне село Урожайное Терского района КБР. – *И.К.*). Разузнали обстановку, оказалось, что за свержением самодержавия ничего особенного не последовало: училище, что в Нальчике, действует как и прежде, народ мечется, не зная, каким путем пойти, а до нас уже никому нет дела. Так, в ожидании перемен, свершилась Октябрьская революция, власть перешла в руки народа. И мы с Пшиканом остались целы и невредимы. В конце января 1918 г. в селении Верхний Акбаш организовали революционный штаб. В него должно было войти по одному представителю от каждого селения, и поскольку я был противником религии, меня направили туда, в шутку назвав «большевиком», на том и завершилась история моей учебы.

В 1917 г. Пшикан, особо нигде не приживаясь, все силы бросил на то, чтобы привлечь простой народ на сторону новой власти. С того года старания и большевистские настроения Пшикана стали для всех очевидны. Тогда же он сочинил песню «Паук и муха» об отношениях дворян и крестьян. Если вдуматься, сравнения, которые он нашел, чтобы их изобразить, очень интересны. Пережитое нами в прошлом напоминает игру паука с мухой – сказано о том, как князья и дворяне, сами не трудясь, эксплуатировали крестьян. Слова «теперь мы будем играть в игры пчел, собирайтесь же, друзья» о том, что теперь мы будем работать дружно и пожинать плоды своего труда. Среди пчел нет лодырей, одна не пытается обобрать другую, каждая из них старается принести и приумножить все, что ей по силам, прогоняют они тех, кто не трудится. Он сложил песню о том, что мучителей в лице князей и дворян над нами уже нет, и все мы будем жить, пожиная плоды своего труда.

В том же духе и его песня «Шар земной», сложенная в 1918 г. В тот год у имущего сословия отбирали земельные наделы и отдавали их крестьянам. «Деяниями, достойными порицания, избалованные, они сообща захватывают сосок материнской груди» – сказано необычно. Это о дворянском сословии, владевшем землями. «Деяниями, что достойны порицания, избалованные» – значит обласканные самодержавием. «Сообща захватывают сосок материнской груди» – подразумевает, что захватывают лучшие наделы. «Тех потомков, что помладше, не подпуская, себе все урывают» – значит не допускают, чтобы землями владели те, кого они и за людей-то не считают.

Еще задолго до 1917 года Пшикан предвидел, что мир сильно изменится. В 1915–16 годах он утверждал, что в названиях сел не будут упоминаться фами-

лии князей, что все переменится. А мы тогда смеялись, все допытывались: и как же переменится?

– Где-то назовут по имени реки, где-то по имени горы, где-то по имени леса, и земли и реки будут принадлежать всем поровну, и будут все дружно трудиться.

– Да разве такое возможно? Ведь даже дети одной матери не всегда ладят между собой? Он с нами не соглашался: среди детей одной матери нельзя выделять кого-то одного, все люди будут хорошо относиться друг к другу, будут жить в согласии. Пшикан не приветствовал раболепного отношения к дворянскому сословию, он говорил, что нет у них фундамента, и, если мы, простой люд, сплотимся, то лишим их основания, и власть перейдет к нам. Он постоянно задевал мулл, князей и дворян, кадетов. Будь это в его силах, наверное, никого из них не пощадил бы. Князья и дворяне были его кровными врагами, потому и готов он был их уничтожить. (…)

Родом Пшикан был из Аргудана, там он и появился на свет. (…) Трагедия заставила семью Пшикана покинуть Аргудан и поселиться в Абаево, у родственников со стороны отца. В 1919 году отряд бандита Шкуро, пытавшийся пересечь реку Терек у селения Абаево, встретил сопротивление, Каншао, старший брат Пшикана, был убит в той схватке на берегу Терека.

В 1924 году, когда в Нальчике был организован Учебный Городок, желающих обучаться в нем оказалось немного, поскольку народ был запуган слухами, которые распространяли враги новой власти. Дабы привлечь туда людей, Калмыков обратился к Пшикану, и тот стал курсантом городка. Калмыков рассчитывал на то, что крестьянская молодежь непременно потянется в заведение, в которое поступают арабоязычно образованные люди. И правда, благодаря агитации Пшикана привлекли много народу. Когда же курсантов набралось достаточно, Пшикан стал преподавать. В 1937 году его арестовали, умер он, находясь в заключении.

Воспоминания написаны Хазешей Шогеновым. 15/3 – 1982 г. [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 118. Лл. 1-14] (Перевод с кабардино-черкесского наш. – *И.К.*)

Информация об авторе
И.А. Кажарова – кандидат филологических наук.
Information about the author
I.A. Kazharova – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 28.04.2023 г.; одобрена после рецензирования 25.05.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.
The article was submitted 28.04.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 821.512.142.09
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-223-237
EDN: MLIEXO

ОСОБЕННОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНФЛИКТА В ИСТОРИЧЕСКИХ ДРАМАХ Ж. ТОКУМАЕВА «ЧУМА» И Д. МАМЧУЕВОЙ «АКБИЛЕК – ПОСЛЕДНЯЯ ЗВЕЗДА АЛАНИИ»

Асият Мазировна Саракуева
ГКУ «КБР-Медиа», Нальчик, Россия, sara.a70@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой первую в карачаево-балкарском литературоведении попытку анализа исторических драм Ж. Токумаева «Эмина» («Чума») и Д. Мамчуевой «Акъбилек – Аланны ахыр жулдузу» («Акбилек – последняя звезда Алании»). Данная жанровая разновидность, возникнув на рубеже XX–XXI вв., еще не стала объектом исследования специалистов. Ее появление было обусловлено масштабными подвижками в социуме и видимым повышением интереса к вопросам этнического самосознания и самоидентификации.

Переход к новому эволюционному этапу национальная драматургия закономерно начинала с обращения к ранее запретным темам – в это время было создано сразу несколько трагедий, посвященных депортации, религиозной проблематике, «закрытым» ранее моментам истории карачаево-балкарского народа.

Сценическая литература институирована конфликтом в гораздо большей степени, нежели любой другой жанр, что, собственно, и определяет цель настоящей статьи - выявление различных видов коллизии и типологии конфликта в произведениях Ж. Токумаева «Чума» и Д. Мамчуевой «Акбилек – последняя звезда Алании».

В ходе исследования были использованы жанрово-типологический и сравнительно-исторический подходы и выявлено несколько типов конфликтной оппозиции: безусловный антагонизм, борьба за власть, столкновения между чувством и долгом, между «своими», любовное, политическое, нравственное противостояние и т.д. Также стало очевидным, что историческая драма не исчерпывается изображением только значительных моментов из героического прошлого этноса, военными действиями – эти пьесы актуальны и современны до сих пор поднимаемыми в них общественными, социально-политическими и философскими проблемами. Национальным драматургам, не имевшим опыта освоения данной темы, не удалось одинаково удачно решить поставленную перед собой задачу (Ж. Токумаев), но Д. Мамчуева в пьесе «Акбилек – последняя звезда Алании» преодолела все сложности трагедийного жанра и создала высокохудожественное произведение, отвечающее требованиям теории драмы.

Ключевые слова: историческая драма, карачаево-балкарская драматургия, Хромой Тимур, Болат, трагедия, чума, катастрофа, конфликт.

Для цитирования: Саракуева А.М. Особенность художественного конфликта в исторических драмах Ж. Токумаева «Чума» и Д. Мамчуевой «Акбилек – последняя звезда Алании» // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 223-237. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-223-237. EDN: MLIEXO.

© Саракуева А.М., 2023

Original article

THE PECULIARITY OF THE ARTISTIC CONFLICT IN THE HISTORICAL DRAMAS OF THE Zh. TOKUMAEVA "THE PLAGUE" AND D. MAMCHUYEVA "AKBILEK – THE LAST STAR OF ALANYA"

Asiat M. Sarakueva
GKU «KBR – Media», Nalchik, Russia, sara.a70@mail.ru

Abstract. The article is the first attempt in the Karachay-Balkar literary criticism to analyze the historical dramas of Zh. Tokumaeva “The Plague” and D. Mamchuyeva “Akbilek – the last star of Alanya”. This category, having arisen at the turn of the XX-XXI centuries, has not become the object of research by specialists yet. Its appearance was because of large-scale developments in society and a visible increase in interest in issues of ethnic identity and self-identification. The transition to a new evolutionary stage of national drama naturally began with an appeal to previously forbidden topics, during that time, several tragedies were created immediately devoted to deportation, religious issues, previously closed moments in the history of the Karachay-Balkarian people.

Conflict institutionalizes stage literature to a much greater extent than any other genre, which determines the purpose of this article - to identify various types of conflict and conflict typology in works from the perestroika and post-perestroika periods.

Several types of conflict opposition were identified during the research, using genre-typological and comparative-historical approaches: unconditional antagonism, struggle for power, clashes between feeling and duty, between “their own”, love, political, moral confrontation, and so on. It also became clear that historical drama is not limited to depicting only significant moments from an ethnic group’s heroic past, military actions - these plays are relevant and contemporary to the social, socio-political, and philosophical issues raised in them thus far. National dramatists with no experience in mastering this topic failed to complete the task set for them equally successfully (Zh. Tokumaev), but D. Mamchueva in the play “Akbilek - the last star of Alanya” overcame all the difficulties of the tragic genre and created a highly artistic work that meets the requirements of drama theory.

Keywords: historical drama, Lame Timur, Bolat, tragedy, plague, catastrophe, conflict.

For citation: Sarakueva A.M. The peculiarity of the artistic conflict in the historical dramas of Zh. Tokumaeva «The Plague» and D. Mamchuyeva «Akbilek – the last star of Alanya». In: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 223-237. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-223-237. EDN: MLIEXO.

© Sarakueva A.M., 2023

Введение

С конца 80-х гг. XX в., с началом процесса перестройки в стране, демократизацией общества, снятием цензуры, литературы народов России обогатились целым рядом новых тематических направлений. «Российская литература, творившая много десятилетий, руководствуясь только единственно признанным методом создания художественных произведений – методом социалистического реализма – сбрасывает с себя путы, сковывавшие ее весь советский период, вдыхает в себя свежий воздух долгожданных перемен в обществе» [Машуков

2022: 164]. Ветер перемен доходит и до карачаево-балкарской словесности, в драматургии начинается новый этап развития.

Неслучайно, что этот переломный момент в истории национальной «сценической» литературы стал временем возрождения жанра трагедии. Пьесы Ж. Токумаева «Чума», Д. Мамчуевой «Акбилек – последняя звезда Алании», А. Теппеева «Артутай», также произведения, написанные на фольклорной основе – «Каншаубий и Гошаях», «Тахир и Зухра» М. Ольмезова, «Бийнёгер» А. Теппеева, «Бийнёгер» С. Семеновой, «Мурат и Зумрат», «Рамазан и Акбийче» Д. Мамчуевой – несомненно, расширили жанрово-тематический диапазон национальной драматургии.

Как известно из истории русской драмы, в период радикальных перемен она первая наравне с публицистикой откликалась на общественно-политические изменения в стране. Во время гласности и всеобщей демократизации сценическая литература осталась верна себе. «Прежде всего, драматургия перестройки пережила всплеск жанра политической драмы в атмосфере общего интереса к «белым пятнам» истории, переосмысления устоявшихся оценок, в частности, демифологизации отдельных событий и персонажей, – пишет М. Громова. – В этом отношении писатели опередили учёных-историков, создавая художественные версии на исторические, недавно запретные темы, среди которых главенствовали «антисталинская» тема, тема ГУЛАГа, новый взгляд на некоторые события Октябрьской революции и Гражданской войны» [Громова 2005]. Карачаево-балкарская драматургия исключением не являлась. Драмы о тотальной депортации карачаевского (1943 г.) и балкарского (1944 г.) народов заняли заметное место в национальной литературе. Соглашаясь с мнением Н. Громовой, их можно причислить к политическим пьесам. Кроме того, на рубеже XX–XXI вв. в карачаево-балкарской словесности стремительно развивалась историческая драма (Ж. Токумаев «Чума», Д. Мамчуева «Акбилек – последняя звезда Алании», А. Теппеев «Артутай»).

Неподдельное внимание авторов к данной жанровой дефиниции, на наш взгляд, объясняется тем, что в 90-е гг. XX в. многие архивные материалы были рассекречены; во-вторых, выявился живой интерес к принципам самоидентификации народа, к его прошлому; авторы стремились так или иначе определить место карачаево-балкарского этноса в общей истории тюркских народов. Именно в эти годы активизировалась работа историков. Монографии М. Джуртубаева, Н. Будаева, М. Кучинаева, Р. Тебуева, Р. Хатуева, Т. Моллаева и др. явились серьезным вкладом в изучение процесса формирования карачаево-балкарского этноса.

Известно, что историческая драма возникает как реакция эстетического сознания на значимые социально-политические изменения в обществе и государстве. Так, после Французской революции 1848г. в России была введена жесткая цензура, контроль над театром, литературой, публицистикой, что привело их в упадок. Только после начала правления Александра II отметилось оживление любой мысли, пробудились искусство и литература.

Однако именно в этот период родились великие исторические произведения русских писателей и драматургов: роман Л.Н. Толстого «Война и мир»,

трилогия А.К. Толстого («Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис»). К судьбоносным событиям прошлого обратился крупнейший драматург А.Н. Островский («Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Козьма Захарьич Минин-Сухорук», «Тушино», «Василиса Мелентьева» и др.).

И. Ростоцкий пишет: «Во время создания исторических драм Островский обращался к огромному количеству источников, использовал документы эпохи, стремясь в поведении и речах персонажей передать быт и колорит времени. Драматург проделал большую работу ученого-исследователя, создавая правдивую, исторически верную картину времени. Насыщенность его произведений серьезными политическими и общественными проблемами делало их современными и актуальными» [Ростоцкий 2004: 234].

В данном контексте нам важна мысль И. Ростоцкого о современности и актуальности исторических драм во второй половине XIX в. Мы акцентируем на этом внимание, потому что в разных выступлениях и статьях в местной печати в 90-х гг. прошлого века можно было прочитать упреки в адрес национальных драматургов, что они, дескать, обращаясь к истории своего народа, уходят от современных проблем, скрываясь за экзотикой прошлых столетий. Например, режиссер театра Б. Кулиев в статье «Проблемы современной драматургии» считал, что многие писатели, в частности А. Теппеев и М. Ольмезов «находятся в оцепенении». Поясняя свою мысль, он пишет: «Я… сомневаюсь, что такие зрелые авторы не хотят писать о сегодняшних проблемах, о тех трудностях, которые наше общество видит каждый день, живет, преодолевая их. Потому метания и бегство в прошлое, напрямую не связанные с сегодняшней жизнью, не позволяют мне назвать проблемы балкарской драматургии иначе как тупиковыми» [Кулиев 2003].

Конечно, в первые годы перестройки, всеобщей дозволенности и в постперестроечное время среди писателей и деятелей театра наблюдалась некоторая растерянность. Не всем удалось найти свою тему, найти адекватный язык, художественно выразить настроение современного общества и изменения в государстве. Но все же обращение к истории, к корням своего народа было продиктовано не столько желанием скрыться от реальной жизни, сколько стремлением разобраться в событиях, перипетиях истории и, конечно же, патриотическими побуждениями авторов. Они, как Островский, считали, «что живое, правдивое воскрешение истории… на сцене воздействует на душу и разум широкого народного зрителя, способствует его образованию и воспитанию» [Ростоцкий 2004: 233]. Также «обострившийся интерес к «белым пятнам» истории обусловлен, прежде всего, острой необходимостью социально-философского осмысления переломных этапов в истории народа с позиций современности» [Сарбашева 2009: 171]. Возникновение такого рода пьес в карачаево-балкарской сценической литературе было потребностью времени, продиктовано социально-политическим, экономическим положением общества. Это был сублимированный ответ национальных авторов на исчезновение привычных «официальных» представлений о ценностных приоритетах народа, на актуальную неопределенность идентификационных этнических параметров, сложившихся в ментальном пространстве социума Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

Так, о неравной борьбе предков карачаево-балкарцев с войском Хромого Тимура независимо друг от друга было написано две трагедии: «Чума» («Эмина» 1992) Ж. Токумаева и «Акбилек – последняя звезда Алании» («Акъбилек – Аланны ахыр жулдузу» 2006) Д. Мамчуевой.

В этих произведениях воссоздавались картины средневековой жизни и быта, обряды и обычаи, которые играли огромную роль в судьбе каждого героя и народа в целом. Представленные в данных трагедиях перипетии, перекликались с современным состоянием общества: с растерянностью перед новым строем, с проблемой нравственного выбора, выбором между долгом и чувством, борьбой за власть и т.д. Отсюда – непреходящая актуальность художественного конфликта в исторических драмах 90-х гг. в постперестроечное время и в наши дни.

До сих пор этой важной и непростой проблеме не уделено должного внимания в карачаево-балкарском литературоведении и театроведении. В монографиях, посвященных эволюции и поэтике балкарской драматургии [Сарбашева 2009], [Сарбашева 2015], литературовед А. Сарбашева ограничивается лишь причислением трагедии Ж. Токумаева к историческим драмам [Сарбашева 2009: 169].

З. Хабичева-Боташева в своей монографии об истории Карачаевского театра, к сожалению, очень скупо касается самой трагедии «Акбилек – последняя звезда Алании», лишь вскользь упоминая о незначительных изъянах произведения. Согласно своей задаче, она, в основном, акцентирует внимание на спектакле, удачных работах режиссера и актеров [Хабичева-Боташева 2012: 464–465].

На наш взгляд, обход пьес данной рубрики современными исследователями продиктован сложностью конструкции, перипетиями «давно минувших дней», нежеланием прикасаться к малоизученным и спорным темам, определенными упущениями авторов и т.д.

Потому пришло время посмотреть на национальную историческую драму, как на необходимый и своевременный феномен в «сценической» литературе, возникновение которого было закономерно и реализовывалось как показатель чуткости, озабоченности драматургов социально-политическим, экономическим климатом в стране. Назрела необходимость проанализировать трагедии «Чума» Ж. Токумаева и «Акбилек – последняя звезда Алании» Д. Мамчуевой об истории нашего народа в свете современных требований, с учетом актуальности проблем и конфликтов, рассматриваемых в этих пьесах.

Как известно, «специфика драматического действия определяется в первую очередь конфликтом. Это центральное понятие драматической формы» [Карягин 1971: 155]. Всем видам искусства присущ конфликт, но в драме он приобретает особое значение, ибо «конфликт – её движущая сила, в нем – сердцевина драмы, ее нравственный пафос» [Сахновский-Панкеев 1969: 11].

В нашей статье мы попытаемся выявить драматический конфликт в трагедиях Ж. Токумаева и Д. Мамчуевой, противостояние антагонистических сил, межклассовую борьбу, определить его характер и разновидности.

Тема прихода Хромого Тимура на Северный Кавказ «крупным планом» появилась в карачаево-балкарской драматургии в постперестроечное время. До этого в местной печати были редкие публикации ученых и писателей, касаю-

щиеся того трагического времени в истории этноса. В основном публиковались легенды, отрывки из песен, сохранившиеся до наших дней. В книге «Аланский историко-героический эпос» [Аланский… 2015] ее составитель М. Джуртубаев собрал практически все словесные памятники, сделав их народным достоянием. В монографии «Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII в.)» [Малкондуев 2015] фольклорист Х. Малкондуев также уделил большое внимание данному циклу, их композиции, другим художественным средствам и дал общий анализ песенных текстов.

Драматурги Ж. Токумаев и Д. Мамчуева, каждый по-своему, попытались представить, реконструировать действия и коллизии того трагического периода. Они, используя доступную по тем временам информацию, сохраняя имена исторических личностей (в трагедии «Акбилек – последняя звезда Алании» – Болат и Утурку), введя в действие вымышленных героев и обогатив событиями, создали свои версии пьес о нашествии грозы степей Хромого Тимура в Карачай и Балкарию.

Трагедия Ж. Токумаева «Чума»

Ж. Токумаев (1935–2012), дав своей трагедии название «Чума» («Эмина»), ассоциировал геноцид карачаево-балкарского народа со стороны Хромого Тимура с дважды разразившейся чумой в Балкарии и Карачае: в конце XVII и в начале XIX в., вследствие которых этнос был на грани исчезновения [Аланский… 2015: 17].

По тексту пьесы и действию в первой ее части, поход Темирлана на Северный Кавказ для героев является полной неожиданностью, автор даже не намекает о приближении войск Хромого Тимура. Народ готовится к празднику молотьбы «Эрирей». Только в самый разгар народного гуляния приходит страшная весть о надвигающейся беде. Но в доме князя еще до тревожного известия воздух накален, домочадцы пребывают в состоянии тяжелого ожидания. Драматург эмоционально и психологически точно создает атмосферу беспокойства, душевное томление героев, предчувствия неминуемой беды.

Ж. Токумаев уделяет большое внимание внутреннему миру своих героев. Сталкиваясь в различных ситуациях и борясь за любовь Чолпан, неравные статусом и возрастом соперники – военачальник Состар и молодой Болат пребывают в экстремуме эмоций и настроений: конкурентные, любовные, патриотические переживания динамично сменяют друг друга.

В трагедии силен мотив предопределенности, влюбленные Болат и Чолпан, княжеская чета – все они живут в предощущении беды, что, собственно, и обуславливает фатальный характер их поведения и поступков: в первой сцене Чолпан в ожидании Болата отбивается от служанки и бежит на край обрыва, где внизу течет бурная река; в финале пьесы, после смерти Болата, она, сойдя с ума, бросается вниз; в любовных сценах главных героев, влюбленные постоянно ощущают присутствие третьего, чувствуют тень Состара, боятся, что он не даст им быть вместе; перед смертью Болат слышит голос умершего отца, а Чолпан – голос богини воды – Демметтир; княгиню мучают ночные кошмары:

будто бы чума свирепствует на их земле и т.д. Все эти знаки предначертанности становятся зримыми символами надвигающейся катастрофы.

Верховный князь также раздираем внутренней борьбой. Пообещав своему другу Ёртену воспитать его сына Болата как родного, он сдерживает свое слово. Но со временем вынужден огорчить смелого, отважного воина, преданного, благородного Болата. Дав слово другому другу – Бараку – породниться с ним, и выдать свою единственную дочь Чолпан замуж за его сына Состара, князь находится меж двух огней – долгом и честью. Так автор раскрывает психологическое, эмоциональное состояние князя, усиливает его тревогу, обостряя общий драматический конфликт. Плюс ко всему ему снится вещий сон, который в скором времени сбудется в точности…

Подарок Состара – знак скорой свадьбы – усиливает страдания возлюбленных. Чолпан, как дочь своего отца и князя, вынуждена подчиниться его воле, но сердце отказывается смириться с решением старших. Болат также мучается жестоким противоречием между долгом и чувством. Благодарность князю велика, переступить через вековые обычаи народа он не может, но отказаться от Чолпан юноша не в силах.

Положение Состара в психологическом плане ничуть не лучше положения соперника. Будучи военачальником, он вынужден отвечать двойному морально-психологическому вызову, борется за свое личное счастье и безопасность народа. Наблюдая, как развивается любовь между его нареченной и Болатом, он не желает уступить предназначенную ему Чолпан молодому конкуренту. У него своя правда. В последнем монологе, перед тем как убить Болата, раздираемый ревностью и злобой Состар, говорит: «Я не хотел проливать кровь сироты, поэтому сдерживал себя. А ты не понял. Не ушел с моей дороги. Теперь я не виноват» [Токумаев 1995: 561]. (Перевод с карачаево-балкарского здесь и далее – *А.С.)*.

В пьесе «Чума» различные виды конфликта составляют ее основной стержень. Военный конфликт является внешним фоном, в то время как любовный – эмоционально сильнее его, он выписан ярче, выпукло. По сути, драматург показывает любовный треугольник. Завязавшиеся драматические узлы в произведении развязываются с приходом врага, подданного Темирлана – мингбашчы Саламбека, и финал приобретает трагический исход.

В трагедии заявлен еще один, довольно любопытный, но до конца не доведенный конфликт – религиозный. Саламбек ставит условие князю: если его народ откажется от своих языческих богов и примет ислам, на его земле не будет пролита кровь. После публичных переговоров князя и противника принимается решение выставить по одному бойцу с каждой стороны, и противостояние решит честный поединок. Побеждает Болат. Саламбек сдерживает слово. При этом добавляет, что красота Чолпан спасла народ от уничтожения. И на прощание бросает многозначительную реплику: «Я ухожу. Но не могу вам дать слово, что острый меч Хромого Тимура когда-нибудь не дойдёт до вас» [Токумаев 1995: 559].

Ситуация разрешается достойно, по-мужски, честно. Однако напрашивается вопрос: если в открытом бою, один на один можно было определить: кто

сильнее, отстоять свою свободу и религию – стоило ли драматургу подкреплять и без того крепкий любовный конфликт исторической темой, как «вспомогательным материалом? Ведь исторические факты говорят совершенно другое [Кучинаев 2004: 237–241]. Даже если допустить, что это художественное произведение, такой благородный финал, что представил Ж. Токумаев в трагедии, не соответствует жизненной, исторической и художественной правде, не соответствует он и заявленному автором символическому названию: чума – геноцид, чума – катастрофа. Она забирает с собой только лишь влюбленных. А ведь на кону стоит вопрос «быть или не быть этносу?». Смерть влюбленных Болата и Чолпан – это, конечно же, трагедия, но не народная, ее можно рассмотреть как частный случай. Видимо, именно поэтому во время постановки пьесы в Балкарском театре (1993 г.) режиссер М. Атмурзаев представил свой финал: Саламбек возвращался и уничтожал селения (народ). В конце на сцену выходили дети, которым удалось спрятаться от страшного врага, что символизировало будущее возрождение народа…

Если, все же, попытаться ответить на вопросы: «Почему драматург, замахнувшись на столь сложную историческую тему, сошел с нее, не смог довести ее до конца, почему главный, магистральный конфликт – военный, как можно было ожидать по названию пьесы, жанру, идее, заложенной в ней, был подменен на любовный?», думается, надо обратиться к статье Ж. Токумаева «Эминаны» юсюнден не айтадыла? («Что говорят про «Чуму»?). Она вышла после премьеры спектакля «Чума» в Балкарском театре. В публикации автор декларирует, что основная тема произведения – это «любовь, верная, сильная любовь! Если я вознамерился писать о ней, то должен был показать жизнь, быт, обычаи, традиции, войну своего народа. Без них пьеса не была бы пьесой, спектакль – спектаклем» [Токумаев1993].

Тем не менее, в статье перечисляется научная и художественная литература, использованная при создании пьесы. И сам этот список убеждает – основной идеей автора было создание исторической драмы о приходе Хромого Тимура в Балкарию. Но драматург неправильно определил для себя задачу, не продумал основной конфликт. Как известно, Ж. Токумаев до этого в основном писал комедии для театра. Жанр трагедии был для него новым, неосвоенным. Некоторое пренебрежение законами жанра и недооценка важности драматического конфликта, думается, сыграли здесь свою негативную роль.

Анализ пьесы показывает, что драматурга больше увлекла внешняя сторона действия. Преизбыток фольклорно-этнографических элементов: праздник молотьбы «Эрирей», массовая сцена с танцем и ряженым-кеппай (козел), обрядами, историческими костюмами, благопожеланием и т.д. придают пьесе яркую, специфическую атмосферу, долю архаичности, но, в тоже время – неуместный для данного жанра оттенок излишнего этнографизма. Можно констатировать – в 90-е гг. прошлого столетия, когда народы были озабочены изучением своих традиций и обрядов, драматург Ж. Токумаев проделал большую работу по реконструкции языческого праздника «Эрирей» и довольно органично «вписал» его в пьесу. Но, как нам кажется, именно слишком сильная увлеченность автора внешней стороной этнического бытия, делает произведение не-

сколько «обытовленным», приземленным, оттого ему не удалось осилить поставленную перед собой задачу. Ведь трагедия – жанр высокий и на протяжении веков у нее остается твердый признак: она «всегда изображала конфликты максимального общественного значения» [Волькенштейн 1969: 138].

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что первая историческая карачаево-балкарская драма Ж. Токумаева «Чума» не вполне соответствует требованию жанра. Драматург, взяв историю Болата и Чолпана за центральную тему, ярко и эмоционально показал их любовь, придав пьесе этнографический флер, и разбавил ее военным конфликтом. Первая художественная задача доведена до логического финала при нарушении исторической, художественной правды второй – и основной. Мастеру комедии, коим до этого зарекомендовал себя драматург, не удалось развить драматический конфликт пьесы «Чума» до трагедии общенационального масштаба, что должно было стать сверхзадачей автора.

Трагедия Д. Мамчуевой «Акбилек – последняя звезда Алании»

Совсем в ином ключе, в другом стиле решает данный вопрос в трагедии «Акбилек – последняя звезда Алании» карачаевский драматург Д. Мамчуева (род. в 1953г.). Пьеса написана стихом, который временами перемежается с прозой. Д. Мамчуева выдерживает законы теории драмы практически во всем. Высокий стиль и поэтический язык произведения придают ему некую строгость и возвышенность, что присуще данному жанру. Действия в ней происходят в 1394–1396 гг.

Буквально с первой сцены автор вводит читателя в атмосферу тягостного ожидания известием о походе Хромого Тимура на Северный Кавказ. Верховный князь Карачая Болат озабочен этой новостью, его окружение – тоже. Князя терзает вопрос: «Как спасти аланский народ?», а его придворные заняты личной проблемой – борьбой за власть. Это и есть основной драматический конфликт трагедии.

Надо отметить, автор в своей пьесе в значительной степени придерживается известной на сегодняшний день канвы исторических событий. Болат и эмир Тохтамыша Утурку, нашедший приют у первого – реальные исторические личности. Утурку в трагедии отведена эпизодическая роль. Драматург по-своему воссоздает события более чем шестисотлетней давности и пишет воистину трагическое, социально-политическое произведение, где поднимаются нравственно-этические и философские вопросы.

Пьеса местами из разряда художественного произведения переходит в просветительское, что сделано драматургом намеренно. «В ней есть сцены, посвященные, нравам, обычаям и истории алан» [Хабичева-Боташева 2012:464]. Порою исторические «хроники» кажутся чересчур длинными, но используя данный ход, Д. Мамчуева концентрирует внимание читателя и зрителя на историческом прошлом своего народа. Драматург с самого начала действия показывает солидарность с верховным князем Болатом. Даже больше – личное отношение к событиям, происходящим в трагедии и личную боль: бесстрашный, мужественный народ и страна Алания с богатым прошлым могут исчезнуть с исторической орбиты с приходом Хромого Тимура.

Введенный в пьесу образ Времени в своеобразном прологе рассказывает о времени расцвета Алании, о растерзании ее монголами, после чего аланы разделились на четыре племени. По мнению автора, именно раздробленность, нежелание подчиниться одному центру, одному князю, борьба за власть среди племен становится основной причиной победы Темирлана и приводит к катастрофе.

Главный герой трагедии Болат – князь самого многочисленного аланского племени. Смелый, мудрый лидер, готовый ради своего народа пойти на смерть, но слишком доверчивый, окружил себя недостойными людьми. Это становится его роковой ошибкой. Метивший на место верховного князя визирь Тутарс советником Данашем ведут скрытую борьбу против Болата. У Тутара грандиозный план – убрав Болата, стать верховным князем Карачая и сделать сына Айгура военачальником. На нартских играх Айгуру предстоит испытать свои силы с аланским военачальником Азарбием. Отравленный и обессиленный предводитель алан проигрывает бой. Тут появляется Акбилек, сестра Азарбия, в мужской одежде. Она спасает честь Алании и честь брата, после чего девушка становится учителем и воспитанником единственного сына Болата – Карчи.

Так в трагедии набирает оборот женская линия, «женский» конфликт. Супруга верховного князя Кызжибек, взяв себе в наперсницы римскую танцовщицу, хитрую, циничную Руфиниду, становится жертвой ее с Тутаром интриги. Римлянка придумывает план внесения раздора в супружеские отношения Болата и Кызжибек. Между супругами начинается любовно-бытовой конфликт, переходящий в политический. Кызжибек безосновательно ревнует своего супруга к Акбилек, откзывается подчиниться ему, тем более отдать Карчу на воспитание девушке на случай их гибели. Княгиня еще более обостряет и без того напряженное состояние князя и отношение между ними.

Одержимый жаждой власти Тутар со своим подельником Данашем перехватывают письмо Хромого Тимурак верховному князю Карачая, где тот выдвигает Болату два условия. Первое, выдать ему нашедшего спасение у него эмира Тохтамыша – Утурку; второе, отречься от многобожия и принять ислам. В ответ Тимур обещает мир и покровительство.

Тутар с Данашем меняют текст письма Темирлана, после чего оно приобретает враждебный характер. Так троица Тутар – Данаш – Руфинида умело продолжает скрытую борьбу во дворце Болата против него. В нее втягивают его супругу Кызжибек и Акбилек. Скрытый конфликт в трагедии строится довольно искусно и театрально.

Карачаевский театровед З. Хабичева-Боташева не без основания пишет, что сценам с женскими образами в пьесе было уделено излишнее внимание [Хабичева-Боташева 2012: 465]. Будучи солидарны с ней, в оправдание автора мы можем сказать: это не просто интересные, красивые, с большим мастерством выписанные персонажи трагедии, но вполне функциональные актанты, усиливающие интригу и конфликты.

Говоря об открытом конфликте, автор временами использует прием времен французского классицизма: все военные действия, убийства в пьесе происходят за кулисами, о них узнаем со слов Времени, Акбилек, Карчи, из авторских ремарок.

Драматург удивительно точно, на высокой эмоциональной ноте строит кульминационный совет трех аланских князей, отсылая читателя и зрителя к современной действительности. Как справедливо пишет З. Хабичева-Боташева сцена «показывала отсутствие единства в обществе – каждый алан (читай: карачаевец) считает себя правым и не хочет слушать другого» [Хабичева-Боташева 2012: 465].

Князья Атауул и Науруз приходят на совет к верховному князю Болату по его приглашению. Четвертый князь Темиркул даже не почтил сход своим присутствием, считая, что он по возрасту старше Болата, его родословная гораздо древнее. Он убежден, что Болат сам должен явиться к нему, хотя вопрос стоит о дальнейшем существовании Алании и аланского народа. Болат предлагает объединить усилия всех четырех племен и держать оборону вместе. Вот тут начинается уже открытая борьба за верховное правление Аланией, межклассовый конфликт или борьба между «своими».

Атауул – князь самого малочисленного аланского племени – полагает, что им удастся скрыться от Тимура, и они не будут ввязываться в войну с ним. А при случае объединения племен Атауул ставит условие: его военачальник будет командовать войсками, а он выдвинется в верховные князья. Амбиции Науруза менее выражены: ему достаточно, чтобы его смелый военачальник был главным на войне. Болат не уступает им, твердит, что его войско более многочисленное и боеспособное. Еще раз предлагает встретить врага подальше от родных мест и вместе встать на защиту своей земли.

Агрессивно настроенный Атауул, ищет повода рассориться с верховным князем, повторно указывает, по его мнению, на главную ошибку Болата – сокрытие у себя Утурку. Болат категоричен в этом вопросе – он не нарушит закон предков – не откажет в помощи никому, даже врагу.

Князья расходятся, не приходя к общему мнению. Болат сильно озабочен, он не знает, как объединить племена. «Что я должен сделать для этого?!» – мучает его вопрос.

Открытый и военный конфликты с приходом врага разрешаются ожидаемо жестоко. Главной причиной тому, по мнению автора, является гордыня князей, нежелание сплотиться в единый кулак. Мистический образ трагедии – Время, рассуждая с высоты сегодняшних дней, сетует: «Нет двух князей, понимающих (поддерживающих) друг друга, если нет единства, то нет и счастья» [Мамчуева 2013: 216]. Еще раньше в сцене Болат – Акбилек князь спрашивает совета у девушки: на кого он может опереться в трудное время, когда решается судьба народа? Она также видит его спасение только в единстве. Затем Акбилек выражает глубокую мысль, истинный смысл которой не понять «атаулам, темиркулам и наурузам». «Насколько я понимаю, быть главой народа – значит служить ему. Ради спасения своего народа, своей земли склонить голову перед кем бы то ни было – это не позор, не трусость, это – мудрость, умение смотреть вперед, думать о будущем. Вступить в войну и умереть, как герой – легко. Унижаясь, сохранить народ – это самое трудное и сложное дело» [Мамчуева 2013: 189].

Д. Мамчуевав трагедии «Акбилек – последняя звезда Алании» развивает тему – важность объединения народа, начатую в карачаево-балкарской драма-

тургии в начале 80-х годов («Нарт Ёрюзмек» И. Маммеева, «Ходжа и Азраиль» Ш. Алиева). Если она раньше просто обозначалась, и в текстах говорилось о ее важности для сохранения этноса в истории, то в данной пьесе проблема зримо поднята и показана в развернутом виде.

Видимо, неслучайно, что данный вопрос на рубеже веков поднимал и кабардинский драматург Б. Утижев в своей трагедии «Князь Кучук» (1998 г.). Там действие происходит в начале XIX в., после покорения генералом Ермоловым Кавказ. В пьесе герои собираются в импровизированную Хасу, чтобы обсудить и найти решение, какой-либо выход из сложившейся трудной ситуации. В ходе развития действия каждый из присутствующих выдвигает свой вариант спасения Кабарды от российского насилия, царской власти. Один предлагает «держаться сторону Турции, державы истинного ислама», другой видит спасение в союзе с Персией. Несколько выступающих, чтобы «не навлекать на себя еще больший гнев Ермолова», только с Россией связывают дальнейшую судьбу Кабарды, считают, что «богатство и мощь России настолько велики, что и постигнуть их обычным умом невозможно» [Утижев 2010: 257]. Несогласный с пророссийской ориентацией герой видит в России дальнейшую угрозу и, что еще болезненнее для народа, считает он, некоторые выходцы из него и есть самые страшные их враги: получив прекрасное образование, достигнув высоких чинов, они, услужливо перед царем, «топят землю в крови», «сменив веру и имя», «сжигают аулы, губят души». Поступает предложение «уйти в горы и оттуда обрушиться на этих супостатов» [Утижев 2010: 261]. Разгоряченные люди, не согласные друг с другом, считая только свое предложение единственно верным, не сдержавшись, хватаются за оружие.

Раздосадованный, огорченный услышанным и увиденным князь Кучук, говорит: «Да, и на княжеской Хасе случалось, что, нет-нет, да кто-то скажет хлесткое слово, но не бывало еще, чтобы вот так за оружие хватались! Посему видно, до чего низко мы пали. Скатились до того, что и следа в нас не осталось от хабза наших достойных предков…» [Утижев 2010: 261]. Дальше старый князь высказывает еще более горькую мысль: казалось бы, что на Хасе все озабочены судьбой раненого воина (имеет ввиду Кабарду – *А. С.),* «но вглядываясь в лица окружающих, все больше и больше убеждался, что присутствующие уже успели забыть об этом славном воине. Изредка произнося его имя, каждый из них выпячивал свои личные дела и интересы» [Утижев 2010: 262].

Некоторые из собравшихся на Хасу члены и молодые отпрыски кабардинских князей, в том числе сын Кучука – Жамбот, считают политику валия Кабарды неверной, слишком мягкой и терпимой по отношению к российскому влиянию в Кабарде. В откровенном мужском разговоре с отцом Жамбот говорит ему, что не осталось «в старших ни сил, ни желания защищать Родину. Вы ослабли не только телом, но и духом. И нет среди вас более вожака, который призывным словом собрал бы народ под свое знамя» [Утижев 2010: 246].

Нелегко выслушивать князю такие обвинительные речи от родного сына и от другого своего сородича, смелого, открытого Казбулата. На что видавший много в своей жизни, от того умудренный жизненным опытом, Кучук отвечает: «… Бывает и так, что я приноравливаюсь к прихотям врага, одолевшего нас.

Бывает, что переступаю через свою гордость. Но Всевышний видит – не корысти ради я смиряюсь в таких случаях. Для личного блага я ни перед кем не склонялся. Для Родины нашей я это делаю. Для Кабарды… Коль доведется узнать, что где-то есть средство, спасет ее от погибели, я буду неустанно искать и добиваться его. Не то что наклоняться – готов на брюхе ползти ради такого выхода и средства…» [Утижев 2010: 262–263].

Журналист Т. Машуков, анализируя произведения о Кавказской войне, упоминает также пьесу Б. Утижева «Князь Кучук» и приходит к мнению, что: «…произведения разных жанров содержат в себе огромный публицистический заряд, так как обращаясь к далеким историческим фактам и событиям, одновременно поднимают одну из важнейших задач сегодняшнего дня – необходимость сохранения и упрочения мира и согласия на Северном Кавказе, дружбы и тесного сотрудничества с Россией» [Машуков 2022:165].

На наш взгляд, драматург Б. Утижев в своей трагедии все же во главу угла ставит вопрос консолидации этноса, напоминает, что сила его в единстве. Именно это предлагает главная героиня трагедии «Акбилек – последняя звезда Алании» и к такому итогу стремится верховный князь Болат. Но охваченные страстью, желанием власти уже немолодые «герои» не в силах понять мудрую, спасительную политику настоящих лидеров, стремящихся к объединению и сплочению. Потому верховный князь Карачая Болат, живший в конце XIV в., всеми силами попытавшийся спасти Аланию, как и верховный валий Кабарды Кучук в начале XIX в., в конце концов признают: «Выходит, главный недруг – это наша разобщенность» [Утижев 2010: 247].

Заключение

Обобщая вышеизложенное, мы приходим к выводу, что Д. Мамчуева в своей трагедии «Акбилек – последняя звезда Алании» размышляя о прошлом, настоящем и будущем своего народа, призывает учесть горький опыт прошлого и работать на сплочение и объединение, без которых этносу не удастся выжить, сохранить свою самоидентификацию в общем потоке современной действительности, не говоря о военном времени. Примечательно, что и кабардинский драматург Б. Утижев, обратившись к сложному периоду из истории своего народа, приходит к аналогичному мнению. Стремление национальных писателей осмыслить переломные этапы этноса через призму современности показывает художественную зрелость авторов, умение разработать драматический конфликт. Только наличие борьбы разных сторон, различных мировоззрений и стремлений позволяет говорить о качестве драматургического произведения. Если на начальном этапе зарождения исторической драмы Ж. Токумаев написал пьесу с частичными нарушениями закона жанра, то спустя недолгое время Д. Мамчуева представила произведение национального масштаба со множеством сюжетных линий и конфликтов, которые позволили автору более театрально и ярко выстроить целый ряд интриг, коллизии и прийти к логической и трагической развязке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аланский… 2015 – Аланский историко-героический эпос / сост., предисловие, подстр. пер. и коммент. М.Ч. Джуртубаева. – В 3 т. – Т. 1. – Нальчик: Тетрограф, 2015. – 655 с.

Волькенштейн 1969 – *Волькенштейн В.М.* Драматургия. Издание 5-е, дополненное. – М.: Советский писатель,1969. – 335 с.

Громова 2005 – *Громова М.И.* Русская драматургия конца XX века – начала XXI века URL: https://itexts.net/avtor-margarita-ivanovna-gromova/117609-russkaya-dramaturgiya-konca-hh-nachala-xxi-veka-margarita-gromova/read/page-1.html (дата обращения: 13.02. 2022).

Карягин 1971 – *Карягин А.А*. Драма как эстетическая проблема. – М.: Наука, 1971. – 222 с.

Кулиев 2003 – *Кулиев Б.* Проблемы балкарской драматургии // Зов культуры. 2003. № 1.

Кучинаев 2004 – *Кучинаев М.Ю.* История Балкарии с древнейших времён и до конца XX века. Книга 1. – Нальчик: Эль-Фа. 2004. – 411 с.

Малкондуев 2015 – *Малкондуев Х.Х.* Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XVI–XVIII века). – Нальчик: Печатный двор, 2015. – 312 с.

Мамчуева 2013 – *Мамчуева Д.Т.* Акбилек – последняя звезда Алании // Сокровенное слово: Стихи, поэмы, трагедия. – Черкесск: Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство, 2013.– С. 139–237. (На карач. яз.).

Машуков 2022 – *Машуков Т.* Публицистика и литературный процесс во второй половине XX века // Литературная Кабардино-Балкария. – 2022. – № 5. – С. 162–182.

Ростоцкий 2004 – *Ростоцкий И.Б.* Театр и драматургия 50–70-х годов XIX века // История русского драматического театра: от его истоков до конца XX века: учебник. – М.: Изд-во ГИТИС, 2004. – С. 224–286.

Сарбашева 2009 – *Сарбашева А.М.* Балкарская драматургия: этнофольклорная традиция и эволюция жанра. – Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. – 240 с.

Сарбашева 2015 – *Сарбашева А.М.* Поэтика балкарской драматургии. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 148 с.

Сахновский-Панкеев 1969 – *Сахновский-Панкеев В.А.* Драма. Конфликт. Композиция. Сценическая жизнь. – Л.: Ленинградское отделение изд-ва «Искусство», 1969. – 230 с.

Токумаев 1995 – *Токумаев Ж.З.* Избранное: Отрывки из трилогии «Кинжал мести», повесть, рассказы, пьесы. На балк. яз. – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 608 с.

Токумаев 1993 – *Токумаев Ж.* Что говорят про «Эмину» // Заман. – 1993. – 25 дек. – № 246.

Утижев 2010 – *Утижев Б.* Грани. Избранное. – Нальчик. ГП КБР Республиканский полиграфкомбинат им. *Революции 1905 г., 2010. – 498 с.*

Хабичева-Боташева 2012 – *Хабичева-Боташева З.Б.* Карачаевский театр: Истоки. Самодеятельность. Профессиональное искусство. – М.: Российский университет театрального искусства (ГИТИС), 2012. – 524 с.

REFERENCES

DZHURTUBAEV M.Ch. *(comp., preface, sub-translation and commentary by). Alanskij istoriko-geroicheskijj epos: v III t. T. I.* [Alan historical and heroic epic]. IN III vol., t I. – Nalchik, Tetrograph, 2015. – 655 p. (In Russ.).

VOLKENSTEIN V.M. *Dramaturgija, izdaniepjatoe, dopolnennoe* [Dramaturgy, fifthedition, supplemented]. – Moscow: Sovetskii pisatel'. 1969. – 335 p. with fig. (In Russ.).

GROMOVA M.I. *Russkaja dramaturgija konca XX veka – nachala XXI veka* [Russian dramaturgy of the end of the XX century – the beginning of the XXI century] [electronic resource]. 2005. URL: https://itexts.net/avtor-margarita-ivanovna-gromova/117609-russkaya-dramaturgiya-konca-hh-nachala-xxi-veka-margarita-gromova/read/page-1.html (In Russ.).

KARYAGIN A.A. *Drama kak jesteticheskaja problema* [Drama as an aesthetic problem]. – Mosrow: Nauka, 1971. – 222 p. (In Russ.).

KULIEV B. Kh. *Problemy balkarskoi dramaturgii segodnya* [The problems of Balkar dramaturgy today]. In: *Zov kultury*. – 2003. – №. 1.

KUCHINAEV M.Y. *Istorija Balkarii s drevnejshih vremjon i do konca XX veka. Kniga 1.* [History of Balkaria from ancient times to the end of the XX century]. Book 1. – Nal'chik: Ehl'-Fa, – 411 p. (In Russ.).

MALKONDUEV H.H. *Istoriko-geroicheskie pesni karachaevo-balkarskogo naroda (konec XVI–XVIII veka)* [Historical and heroic songs of the Karachay-Balkarian people (the end of the XVI–XVIII century)]. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2015. – 312 p. (In Russ.).

MAMCHUEVA D.T. *Akbilek – poslednjaja zvezda Alanii* [Akbilek – the last star of Alanya]. The secret word: Poems, poems, tragedy. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2013. – Pp. 139-237. (In Karach.).

MASHUKOV T. *Publicistika i literaturnyj process vo vtoroj polovine XX veka* [Journalism and the literary process in the second half of the XX century]. IN: Literaturnaya Kabardino-Balkariya. 2022. – №.5. – Pp. 162-182. (In Russ.).

ROSTOTSKY I.B. *Teatr i dramaturgija 50–70-h godov XIX veka* [Theater and dramaturgy of the 50-70s of the XIX century] IN: *Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra: ot ego istokov do kontsa XX veka: uchebnik*. – Mosrow: Izd-vo GITIS, 2004. – Pp. 224-286. (In Russ.).

SARBASHEVA A.M. *Balkarskaja dramaturgija: jetnofol'klornaja tradicijai j evoljucija zhanra* [Balkarian dramaturgy: ethnofolclory tradition and the evolution of the genre]. –Nal'chik: Izd-vo KBIGI, 2009. – 240 p. (In Russ.).

SARBASHEVA A.M. *Pojetika balkarskoj dramaturgii* [Poetics of Balkar drama]. –Nalchik, Izdatel'skii otdel KBIGI, 2015. – 148 p. (In Russ.).

SAKHNOVSKY-PANKEEV V.A. *Drama. Konflikt. Kompozicija. Scenicheskaja zhizn'* [Drama. Conflict. Composition. Stage life]. – Leningrad: Leningradskoe otdelenie izd-va «Iskusstvo», 1969. – 230 p. (In Russ.).

TOKUMAEV Zh.Z. *Izbrannoe: Otryvki iz tragedii «Kinzhal mesti», povest', rasskazy, p'esy* [Favorites: Excerpts from the tragedy "Dagger of Revenge", novella, short stories, plays]. –Nalchik: Elbrus, 1995. – 608 p. (In Balc.).

TOKUMAEV Zh. *Chto govorjat pro «Jeminu»* [What they say about "Emina"]. IN: Zaman. – 1993. – 25 Dec. – №. 246. (In Balc.).

UTIZHEV B. *Grani. Izbrannoe* [Facets. Favourites]. – Nalchik: GP KBR Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – 498 p. (In Russ.).

KHABICHEVA-BOTASHEVA Z.B. *Karachaevskij teatr: Istoki. Samodejatel'nost'. Professional'noe iskusstvo* [Karachay theater: Origins. Amateur performance. Professional Art]. – Mosrow: Rossiiskii universitet teatral'nogo iskusstva (GITIS), 2012. – 524 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.М. Саракуева– ведущий телевизионных программ.

Information about the author

A.M. Sarakueva – host of television programs.

Статья поступила в редакцию 15.04.2023 г.; одобрена после рецензирования 11.05.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 15.04.2023; approved after reviewing 11.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Илму статья
УДК 821.512
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-238-249
EDN: NCDSVV

УЛБАШЛАНЫ АХМАДИЯНЫ ЧЫГЪАРМАЧЫЛЫГЪЫНДА ЖАШАУ КЕРТИЛИК

Сарбашланы Мустафаны къызы Алена
Гуманитар тинтиулени Институту – Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасыны филиалы, Нальчик шахар, Россей, alenasarb@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7457-9823

Къысха магъанасы. Илму ишде малкъар поэт, жазыучу, жазма адабиятны ал сатырларында болгъанладан бири Улбашланы Ахмадияны (1905–1965) жашау жолу эм чыгъармачылыкъ къадары тинтиледиле. Ол 1935 жылда жалгъан дау бла тутулуп, 20 жылгъа Колымагъа ашырылгъанды. Жазыучу чыгъармачылыкъ ишинде заманны ажымлы бетин, чюйрелигин суратлагъанды. Энчи эс «Черек» (1995) деген китабына бурулады. Назму жыйымдыкъда Улбаш улуну къадарыны къыйынлыгъы, жашау сынамы ачыкъланадыла. Китапны «*Черек»* деген аты адам улуну жашау жолуну белгисича бериледи. Суу «*Чынгыл къаяланы талап, жырып, // Кесине кенг жол ачханча»,* хар инсан да кеси къадарында зорлукъну, палахланы сынап, ала бла кюрешде жарыкъ жашаугъа жол ишлегенди. Ахмадияны назмуларыны тематика эм магъана жаны бла тюрлюлюгю белгиленеди: ала миллетини къадарына («Минги тау», «Уллу палах»), туугъан жерини табийгъатына («Чырпыла», «Жаз башы», «Жаун», «Шаудан», «Табийгъат»), сюймекликге («Мени сюйгеним», «Балдыргъан») аталып жазылгъандыла, философия магъаналыдыла («Эки терек», «Отун», «Насыплы кимди?», «Кючлю», «Черек», «Къадар», «Сокъур кёл»). Лирикалы чыгъармаларында («Къатын», «Жашлагъа», «Адам», «Мытырны жарсыуу»), тамсиллеринде («Бёрю», «Оюмсуз», «Тюлкю бла адакъа», «Киштик»), жомакъларында да («Мамай бла эмегенле», «Индиялы жомакъ») поэт адамны къылыгъында, халында болгъан кемчиликлени кесаматлайды.

Улбаш улу назмуларын энчи шартладан бири – насийхатчылыкъ болгъаны белгиленеди («Сабий», «Кийим», «Жашлагъа», «Сокъур кёл» эм башхала). Назмучу, терен магъаналы къысха айтыула (афоризмле), нарт сёзле бла хайырлана, чыгъармаларында жашаугъа юйретиу магъананы кючлендиреди. Жазыучуну ниет хазнасында энчи жерде «Алий» (1939–1956) деген автобиографиялы халда жазылгъан поэмасыды. Баш жигитни къылыгъында болгъан тёзюмлюк эм жигитлик шартла ачыкъланадыла.

Статьяда дагъыда Улбаш улуну «Сейир учуу», «Ёге ана» деген хапарлары сюзюледиле, аланы ниет, суратлау энчиликлери белгиленедиле. Ишни ахырында сёз устаны чыгъармаларында жашау кертиликни толу суратларгъа, таза ниети бла халкъына къуллукъ этерге итингени белгиленеди. Ол шарт Улбашланы Ахмадияны чыгъармачылыгъында адамны/халкъны къадарын суратлау оюмлауда уллу магъананы тутханды.

Илму ишде тарых, тенглешдириу, адабият сюзюу мадарла хайырланылгъандыла.

Баш магъаналы сёзле*:* Улбашланы Ахмадия, чыгъармачылыкъ хазна, малкъар адабият, жашау кертилик.

Цитата этерге: Сарбашланы М.къ.А. Улбашланы Ахмадияны чыгъармачылыгъында жашау кертилик // Кавказология. – 2023. – № 2. – С. 238-249. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-238-249. EDN: NCDSVV.

© Сарбашланы М.къ.А., 2023

Original article

THE TRUTH OF LIFE IN THE WORKS OF ULBASHEV AHMADIYA

Alena M. Sarbasheva
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alenasarb@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7457-9823

Abstract. The article examines the literary heritage of one of the founders of professional Balkarian literature, the poet and writer Akhmadia Ulbashev (1905–1965), his traces the stages of life and creativity. Albeit the fate of A. Ulbashev developed dramatically (in 1935, he was arrested and exiled to Kolyma for 20 years on a false denunciation) he reacted sensitive and bold to the difficult circumstances of life and tragic collisions of the historical era. In his work, a mirror reflection of the picture of the restless time in which he lived was found. The main object of the analysis is his collection of poems “Cherek” (“River”), perceived by the astute reader as a confession about the life of the “punished” author. The title of the book is symbolic: a person’s life is like a river, which “making its way through steep mountains, opens a wide road for itself” (“Chyngyl kayalany talap, zhyryp, // Kesine keng zhol achkhancha ...”). The poet’s work reveals the depth of philosophical reflections on the meaning of life, good and evil, death, freedom, the fate of the people. As seen from the contents of the collection, the thematic range of A.Ulbashev’s lyrics is wide: poems about the fate of the people (“Mingi Tau” (“Elbrus”), “Ullu palakh” (“Big Trouble”)), the nature of the native land (“Chyrpyla” (“Bushes”), “Shaudan” (“Spring”), “Tabiygat” (“Nature”) alternate with philosophical (“Kyadar” (Fate"), “Otun” (“Firewood”), “Sokur kel” (“Blind soul”), “Cherek” (“River”), “Mounds of kimdi?” (“Who is happy”?)) and love lyrics (“Meni syugenim” (“My beloved”), “Baldyrgan” (“Anis”)). In several works (“Katyn” (“Woman”), “Zhashlag” (“Guys”), “Adam” (“Man”), “Mytyrny zharsiuu” (“The Suffering of the lazy”)) moral issues are being actualized. In fables written in the genre (“Beryu” (“Wolf”), “Oyumsuz” (“Unreasonable”), “Tulkyu blah adak” (“Fox and Rooster”), “Kishtik” (“Cat”) and fairy tales (“Mamai blah emegenle” (Mamai and the Monster"), “Indian zhomak” (“Indian fairy tale”)) human vices are exposed.

Many of A. Ulbashev’s poetic works are full of aphorisms. The two-lines, capacious in meaning, convey the essence of the author’s thought, containing everyday folk wisdom. The verses “Sabiy” (“Child”), “Kiyim” (“Clothes”), etc. abound with moralizing sayings. The central place in the poet’s creative arsenal is occupied by the autobiographical poem “Aliy” (1939-1956), the prototype of the main character of which is the author himself, who survived the unbearable hardships of exile life on Kolyma. It reveals the bitter truth of life, praises the unshakable courage, the strength of the hero’s spirit in a distant Siberian exile. The article also examines the writer’s stories (“Seyir uchuu” (“Interesting flight”), “Ege ana” (“Stepmother”)), identifies thematic and artistic features of the works. Because of the research, A. Ulbashev’s persistent striving in his work for a truthful reproduction of reality is noted, which contributed to a deep realism in the artistic coverage of the dramatic fate of a person / people.

The work uses historical, comparative methods, the method of literary analysis.

Keywords*:* Akhmadiya Ulbashev, creative heritage, Balkar literature, the truth of life.

For citation: Sarbasheva A.M. The truth of life in the works of Ulbashev Ahmadiya. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 238-249. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-238-249. EDN: NCDSVV.

© Sarbasheva A.M., 2023

Научная статья

ПРАВДА ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ УЛЬБАШЕВА АХМАДИИ

Алена Мустафаевна Сарбашева
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, ale-nasarb@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7457-9823

Аннотация. В статье исследуется литературное наследие одного из основоположников профессиональной балкарской художественной словесности поэта и писателя Ахмадии Ульбашева (1905–1965), прослеживаются этапы **его** жизни и творчества. Несмотря на то, что судьба А. Ульбашева сложилась драматично (в 1935 г по ложному доносу был арестован и сослан на 20 лет в Колыму), он чутко и смело реагировал на сложные обстоятельства жизни и трагические коллизии исторической эпохи. В его творчестве нашло зеркальное отражение картины беспокойного времени, в котором он жил. Основным объектом анализа избран сборник стихов «Черек» («Река»), воспринятый проницательным читателем как исповедь о жизни «наказанного» автора. Название книги символично: жизнь человека подобна реке, которая *«пробиваясь сквозь отвесные горы, открывает себе широкую дорогу» («Чынгыл къаяланы талап, жырып, // Кесине кенг жол ачханча…»).* В творчестве поэта раскрывается глубина философских раздумий о смысле жизни, добре и зле, смерти, свободе, судьбе народа. Как видно из содержания сборника, тематический диапазон лирики А.Ульбашева широк: стихи о судьбе народа («Минги тау» («Эльбрус»), «Уллу палах» («Большая беда»)), природе родного края («Чырпыла» («Кусты»), «Шаудан» («Родник»), «Табийгъат» («Природа») чередуются с философской («Кьадар» («Судьба»), «Отун» («Дрова»), «Сокъур кёл» («Слепая душа»), «Черек» («Река»), «Насыплы кимди?» («Кто счастлив»?)) и любовной лирикой («Мени сюйгеним» («Моя любимая»), «Балдыргъан» («Анис»)). В ряде произведений («Къатын» («Женщина»), «Жашлагъа» («Ребятам»), «Адам» («Человек»), «Мытырны жарсыуу» («Страдания ленивого»)) актуализируется нравственная проблематика. В написанных в жанре басни («Бёрю» («Волк»), «Оюмсуз» («Неразумный»), «Тюлкю бла адакъа» («Лиса и петух»), «Киштик» («Кошка») и сказки («Мамай бла эмегенле» («Мамай и чудовище»), «Индиялы жомакь» («Индийская сказка»)) обличению подвергаются человеческие пороки.

Многие поэтические произведения А. Ульбашева насыщены афоризмами. Емкие по смысловой нагрузке двустрочья передают суть авторской мысли, содержащей житейскую, народную мудрость. Нравоучительными изречениями изобилуют стихи «Сабий» («Ребенок»), «Кийим» («Одежда») и др. Центральное место в творческом арсенале поэта занимает автобиографическая поэма «Алий» (1939–1956), прототипом главного героя которого является сам автор, переживший невыносимые тяготы ссыльной жизни на Колыме. В ней раскрывается горькая правда жизни, воспеваются непоколебимое мужество, сила духа героя в далекой сибирской ссылке. В статье также рассматриваются рассказы писателя «Сейир учуу» («Интересный полет»), «Ёге ана» («Мачеха»), выявляются тематические и художественные особенности произведений. В результате исследования отмечается упорное стремление А. Ульбашева в своем творчестве к правдивому воспроизведению действительности, что способствовало глубокой реалистичности в художественном освещении драматической судьбы человека/ народа.

В работе использованы исторический, сравнительный методы, метод литертуроведческого анализа.

Ключевые слова: Ахмадия Ульбашев, творческое наследие, балкарская литература, правда жизни.

Для цитирования: Сарбашева А.М. Правда жизни в творчестве Ульбашева Ахмадии // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 238-249. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-238-249. EDN: NCDSVV.

© Сарбашева А.М., 2023

Улбашланы Мусаны жашы Ахмадия (1905–1965) – малкъар поэт, жазыучу, жазма адабиятны ал сатырларында болгъанладан бири. Аны жашау жолуну эм чыгъармачылыкъ къадарыны юслеринден малкъар адабиятны тарыхына аталгъан китаплада айтылады [Малкъар литератураны… 1978; Очерки истории… 1981, 2010], алимле, жазыучула да кеслерини ишлеринде жазадыла [Табакъсойланы М. 1995; Сарбашева 2003; Биттирланы Т. 2005].

Илму ишни баш борчу – Улбашланы Ахмадияны чыгъармачылыгъында жашау кертиликни, суратлау энчиликлерин кёргюзтюу. Аны тамамлар ючюн, биринчиден – жазыучуну къадарын, чыгъармачылыгъын, аланы байламлыгъын ачыкъларгъа, экинчиден – «Черек» деген назму китабын, хапарларын тинтирге мурат этебиз.

Улбашланы Ахмадия (Ахмадия Малкъарлы – жашырын аты) Черек ауузунда Огъары Малкъарны Шаурдат элинде туугъанды. Гитчелигинден медирсеге жюрюп, араб тилге юйреннгенди, эл мектепде да окъугъанды. 1926–1930 жыллада Москвада «Коммунистический университет трудящихся Востока» деген окъуу юйде бийик билим алгъанды. Аны бошагъандан сора Нальчикде Ленинчи окъутуу шахарчыкъда устаз болуп ишлегенди. 1934 жылда СССР-ны жазыучуларыны биригиуюне киргенди.

Белгиленнген кезиу къыралны тарыхында халкъны ёмюрледен келген ниет хазнасын къурутхан, миллет тёрелени бузгъан, алчы эм билимли адамланы жойгъан кюйсюз заман эди [Сарбашева 2016: 21]. «Къара чёпке» тюшгенлени санында Улбаш улу да болгъанды: 1935 жылда сталин режимге къажау жазылгъан назмулары ючюн тутулуп, 20 жылгъа Колымагъа ашырылгъанды. 1955 жылда тутмакъдан ол кезиуде зор бла Орта Азиягъа кёчюрюлген юйюрюне къайтханды. 1956 жылда СССР-ны Аскер коллегиясыны Баш сюдю Ахмадияны ишине жангыдан къарап, аны къыралны аллында терслиги болмагъанын ачыкълап, СССР-ны жазыучуларыны биригиуюню члени деген атын да къайтаргъанды. Жазыучу туугъан жерине 1958 жылда къайтханды.

Улбаш улуну биринчи назмулары «Жангы жашау жолунда» (1931) деген малкъар жазыучула Гуртуланы Бертни, Шахмурзаланы Саидни, Теммоланы Хамитни назмуларындан къуралгъан жыйымдыкъгъа киредиле. Китапны къурашдыргъан Гуртуланы Берт болгъанды. Бу жылда Ахмадия Хочуланы Салих эм Шахмурзаланы Саид бла «Социалист малчылыкъ» деген китапны хазырлап, басмада чыгъарадыла.

1930 жыллада адабиятда къара сёз бла малкъар тилде биринчи очеркле, хапарла жазыладыла. Аланы санында Улбашланы Ахмадияны «Къарай бла Къарауз» деген очерки болады. Ол «Къабарты-Малкъар» (1933. № 1) деген альманахда басмаланады [Очерки истории… 1981: 115]. Баш жигитлени къадарларын суратлай, жазыучу Октябрь ынгкъылапны кезиуюню юсюнден

хапарлайды, халкъны жангы тарых болумлада жашаун, миллет эсни айныуун кёргюзтюрге итинеди. «Жазыучуну чам бла хапарны "женгиллетирге" итинмеклиги» [Биттирланы Т. 2005: 40] очеркни энчи суратлау шартларындан бири болгъанды. Анга шагъатлыкъ чыгъарманы бёлюмлерини атлары этедиле: «Къараууузну бузоу заманы», «Кулакла кёкден тюшмейдиле», «Бухар къочхарла бла бугъала» [Биттирланы Т. 2005: 40].

Андан сора да Улбаш улу «Жолоучулукъ» бла «Унутмабыз» деген эки очеркни жазады: ала «Жангы кюч» (1934. № 2) деген альманахны бетлеринде басмаланадыла [Очерки истории… 1981: 116]. Биринчи очерки жолоучулукъ жазма халда (путевые заметки) къуралгъанды. Жазыучу, Бато бла Сахай деген баш жигитлени сыфатларын къурап, къабарты эм малкъар халкъланы араларында байламлыкъны юсюнден айтады. «Унутмабыз» деген чыгъармада таулуланы ынгкъылапха дери эм андан сора жашаулары, халкъны бла зулмучуланы араларында баргъан кюреш суратланадыла. «Хапарны баш жигити – Асанланы Хаджимурат, орус-япон урушдан башлап, халкъына махтау келтирген инсан, – совет власть унукъгъан жамауатны азатлыкъгъа чыгъарына таза ниетинден ийнаныпды. Ол тутхан ниетге кёпле къулакъ саладыла, аны ючюндю халкъны ичинде аны сёзю баргъаны…» [Биттирланы Т. 2005: 40–41]. Заманны бийиклигинден малкъар адабиятны тинтген алимле очеркге жангы кёз бла къарап, аны бусагъат заманнга келишген «жангылыгъын», магъаналыгъын чертедиле. «Бюгюн бу хапарны багъасы жангыдан чыгъарыкъды, – деп жазады Биттирланы Тамара. – Революция бла граждан урушну белгили хапарла эм повестьле бла тенглешдиргенде, Ахмадияны хапары не жаны бла да бюгюннгю окъуучугъа ангылашыныулу да, жангы да боллукъду. Арт он жылны ичинде тарыхда болгъан жангылычла жамауатха белгили бола, жангы хыйсапла, оюмла да туудурадыла» [Биттирланы Т. 2005: 41].

Жазыучуну жашауда болгъан жамауат тюрлениулеге тири къатышханы жазгъан чыгъармаларына тарых кертилик, ийнаныулукъ бергенди. Ол чыгъармаларын социалист идеологияны излемлерине, борчларына кёре къурагъан эсе да, кеси заманыны жашаун толу ачыкъларгъа излегенди.

1934 жылда Улбашланы Ахмадияны «Школчулагъа» деген китабы чыгъады. «Малкъар литератураны историясыны очерклеринде» (1978) жыйымдыкъгъа кийирилген хапарладан бирини юсюнден жазылады. «А. Ульбашевни "Школчула" деген хапарында эки школчуну – ударник бла мытырны – жашауларыны юсюнден, кирли эм эринчек Марий аз аздан школну коллективине къалай къошула баргъаныны юсюнден айтылады. Марийни алай сейирлик тюрлене барыууну юсюнден автор кюлкюлю халда, ангылашыныулу халда айтады» [Малкъар литератураны… 1978: 116]. Башында айтылгъан кесаматлагъа кёре, жазыучу чыгъармаларында кюлкюлю, чам сёзле бла хайырланнганды. Ол шарт аны тил байлыгъына шагъатлыкъ этеди, суратлау хатыны энчилигин кёргюзтеди.

«Малкъар литератураны историясыны очерклерини» (1978) «Литератураны, культура жашауну хроникасы» деген бёлюмюнде 1941 жылны ичинде басмаланнган китапланы тизмесинде Улбашланы Ахмадияны «Озгъан кюнле» деген китабы чыкъгъаныны юсюнден билдириледи [Малкъар литератураны… 1978: 442]. Былайда сагъышландыргъан бир соруу туудады: 1935 жылда жалгъан

дау бла 20 жылгъа тутмакъгъа тюшген жазыучуну чыгъармаларын басмаларгъа аллай онг, эркинлиг′ а бармы эди? Не хазна! Илму ишде жангылыкъчылыкъ этилип, башха жазыучуну чыгъармасы бла алышындырылып берилген болурму эди? (Сёз ючюн, Хочуланы Салихни «Оздула заманла» деген чыгъармасы бла?) Ол халат орус тилде басмаланнган «Малкъар литератураны историясыны очерклеринде» да къайтарылады [Очерки истории… 1981: 380; Очерки истории балкарской литературы 2010: 788].

1958 жылда Москвада «Совет жазыучу» деген басмада орус тилде «Поэты Балкарии» деген назму жыйымдыкъ чыгъады. Бу китапха Ахмадияны «Уучу» деген назмусу да киреди. Жыйымдыкъны ахыр сёзюнде жазыучуланы жашауларыны эм чыгъармачылыкъ ишлерини юсюлеринден къысха билдириулени бирлеринде малкъар поэт Улбаш улу сайлама чыгъармаладан къуралгъан китабын басмаларгъа хазырлай тургъаныны юсюнден айтылгъанды. Жарсыугъа, ол жылда Ахмадияны «Черек» деген къол жазмасына Отарланы Керим да (ол редактору эди) «Чыгъарыргъа» деп къол салып тургъанлай, китап басманы таматасы аны тамамларгъа эркинлик бермейди [Табакъсойланы М. 1995: 12].

Хатасы болмай, Сибирь тутмакъланы азаплыгъын сынагъан поэтни жашаунда, чыгъармачылыкъ ишинде да аллай терс, огъурсуз оноула бла байламлы болумла мудах тизгинли назмула туудурадыла. Аладан бири – «…Хатасыз Сибирьге ийип…» (1958):

Энтта къоймайла жашаргъа,
Къол къыйынымы ашаргъа,
Халкъыма хайыр къошаргъа,
Жюрегим къууанып жашаргъа.

Жазгъанымы зарфха урмайла,
Закон айтханлай турмайла,
Хар атламымы чырмайла,
Тарыкъсам да, эс бурмайла….
[Улбашланы А. 1995: 104]

Заманны ауур жюгюню тюбюнде Ахмадияны назму жыйымдыгъы отуз жети жыл басылып тургъанды: поэт ауушхандан сора, 1995 жылда «Эльбрус» басмада Табакъсойланы Мухтарны редакторлугъу бла чыкъгъанды.

«Черек» деген китапда Улбаш улуну къадарыны къыйынлыгъыны, халкъы бла бирге сынагъан артыкълыкъланы юслеринден сагъышлары баш жерни аладыла, окъуучуну эсин бийлейдиле. Поэтни кеси ёмюрюнде зорлукъ, азаплыкъ сынаргъа тюшгени, аланы сылтаулары жашырылмай айтыладыла. Быллай назму тизгинле адам улуну сагъайтадыла:

Бек кёп чырмаула да тюбейдиле,
Жарты жолунгда тыяргъа, ...
[Улбашланы А. 1995: 56]

Неда:
Биреу окъуп билим алса,

Халкъгъа жараргъа къадалса,
Анга душман къарадыла,
Жокъ этерге марадыла…
[Улбашланы А. 1995: 56]

Болса да назмучуну жашауну кючюне ийнаныуу юзюлмегенди, ол къатыдан-къаты болгъанды:

Жашауну кючю хар затдан кючлю,
Ол хорлайды хар чырмауну.
Не уллу бушуу да жокъ эталмаз,
Жашау къууанчда жырлауну.
[Улбашланы А. 1995: 54]

Жыйымдыкъгъа «*Черек»* деп бошдан аталмагъанды: ол жашауну, къадарны белгисича бериледи. Суу «*Чынгыл къаяланы талап, жырып, // Кесине кенг жол ачханча»* [Улбашланы А. 1995: 53], адам улу да кеси къадарында кёп зорлукъну, палахланы сынап, ала бла кюрешде жарыкъ жашаугъа жол ишлегенди. Окъуучуну ангылауунда, *Черек* уллу кючдю, «тауусулмазлыкъны, бошалмазлыкъны – ёмюрлюкню белгисиди. Черек – жашау кесиди, жаз башында къарыуу-кючю бютюн болгъан, жюреклени игиликге, ариулукъгъа талпындыргъан» [Табакъсойланы М. 1995: 13]:

Бир заманда да жокъду тохтауу,
Ол ашыгъады тенгизге.
Ызын ташламай, саркъып тургъаны
Жашауда юлгюдю бизге.
[Улбашланы А. 1995: 53]

Къадарында «уллу палах» берген дерсле Улбаш улуну жюрегинде жангы умутланы, сагъышланы туудурадыла. Жазыучу эсин дертчилик сезимден азатлап, миллет окъуучуну хурметликге, ниет тазалыкъгъа, сабырлыкъгъа чакъырады:

Эски дертлени ачмайыкъ,
Халкъгъа душманлыкъ чачмайыкъ,
Терссиз ёлгенни эсгерейик,
Алагъа хурмет берейик.

Ала этгенни урламайыкъ,
Тарыхыбызны тырнамайыкъ,
Тынчлай хурметлик алыргъа,
Кесинги алгъа салыргъа.
[Улбашланы А. 1995: 65]

Жашау сынамын сюзе, Улбаш улу адамны къадарында насыпны ёлчемин къурагъан баш шартланы – жюрек ачыкълыкъны, миллетине сюймекликни, тюзлюкге итиниую, адамлыкъгъа кертиликни белгилейди:

Бош айтып къоймай сёзюнгде,
Халкъ тура эсе эсингде,
Хар ишингде, жюрегингде, –
Насыпсыз демезле санга!

Ата журтун ариу кёрген,
Анга битеу кючюн берген,
Аны жакълап, жигит ёлген, –
Насыплы тюйюлмюдю, айт?! –
[Улбашланы А. 1995: 50–51]

Неда:

Уру, ётюрюк да санга,
Насып бермез, ийнан анга,
Тынгысыз чыгъарыр танга,
Бурур сени харам къаннга
[Улбашланы А. 1995: 51]

Ахмадияны жарыкъ да, кючлю да «ауазы» миллетини къадарына («Минги тау», «Уллу палах»), туугъан жерини табийгъатына («Чырпыла», «Жаз башы», «Жаууун», «Шаудан», «Кийикле», «Табийгъат»), сюймекликге аталгъан («Мени сюйгеним», «Балдыргъан»), философия магъаналы («Эки терек», «Отун», «Насыплы кимди?», «Кючлю», «Черек», «Къадар», «Сокъур кёл») назмуларында эшитиледи. Лирикалы чыгъармаларында («Къатын», «Жашлагъа», «Адам», «Мытырны жарсыуу»), тамсиллеринде («Бёрю», «Оюмсуз», «Тюлкю бла адакъа», «Киштик»), жомакъларында да («Мамай бла эмегенле», «Индиялы жомакь») поэт адамны къылыгъында, халында болгъан кемчиликлени, адепсиз затланы кесаматлайды.

Улбаш улу назмуларын энчи этген шартладан бири насийхатчылыкъды («Сабий», «Кийим», «Жашлагъа», «Сокъур кёл» эм башхала). Назмучу, терен магъаналы къысха айтыула (афоризмле), нарт сёзле бла хайырлана, аланы тизгинлеге уста «бёлейди» (*Намыс бла насып къарындашдыла, //Ала бирге баргъан жолдашдыла*; *Чыбыкълай бюкмесенг, къазыкъ бюгюлмез, // Ариу къылыкъ седиремез, сёгюлмез; Уялмайын, соргъан – билим алады, // Сормагъан а – билимсизлей къалады*; *Кёзден сокъур болгъандан – // Кёлден сокъур аманды;* [Улбашланы А. 1995: 45, 69]), чыгъармаларында жашаугъа юйретиу магъананы кючлендиреди.

Жазыучуну ниет хазнасында энчи жерни «Алий» (1939–1956) деген поэмасы алады. Ол автобиографиялы халда жазылгъанды, «жашау кертиликни, кишиликни поэмасыды» [Табакъсойланы М. 1995: 8]. Алийни сыфатында Ахмадияны таныгъан къыйын тюйюлдю. Узакъ эм суукъ Колыманы тутмакъларында сыналгъан кюйсюзлюк, азаплыкъ баш жигитни къылыгъында болгъан тёзюмлюкню эм жигитликни тунчукъдуралмагъандыла, аны ниет кючюн ууаталмагъандыла:

Кеси кесин жоймакълыкъ
Къоркъакъланы ишиди.

Къыйынлыкъны кётюрюп
Жашаялгъан–кишиди.

Алий аны биледи,
Жашаргъа кюрешеди.
Аманлыкъчыла бла
Арсланча сермешеди.
[Улбашланы А. 1995: 41]

Улбаш улу къадарында сынаргъа тюшген тарых терсликни, бушуулу болумланы юслеринден «жютю сёз» бла жазгъанды, хар инсанны да тюзлюкге чакъыргъанды. «Улбашланы Ахмадияны назмулары бла шагъырей болуп къалыргъа угъай, кёлден билип, эсде тутуп, оюм этип жашаргъа керекбиз, – алада аллай бир жашау кертичилик, аллай бир акъыл, жюрек тазалыкъ, ёз миллетине сюймеклик барды», – деп жазады Табакъсойланы Мухтар [Табакъсойланы М. 1995: 5–6].

Кертиси бла да фахмулу жазыучу чыгъармаларында жашау кертиликни толу суратларгъа, таза ниети бла халкъына къуллукъ этерге итиннгенди. «Насыплы кимди» деген назмусунда айтылгъан жашау жорукълагъа ол кеси кертичилей къалады:

Халкъ сёзюне тынгыласанг,
Аны дурус ангыласанг,
Терс жанына жангылмасанг, –
Халкъ адамы дерле санга!
[Улбашланы А. 1995: 51]

Улбашланы Ахмадия таза да «халкъ адамы» деген сыйлы атха тийишли болгъанды.

Жазыучуну суратлау сёзге фахмусу сахна чыгъармаларында да ачыкълана-ды. Ол «Залимлик», «Жашау» деген пьесаланы жазгъанды: ала «Бир актлы пьесала» (1964) деген жыйымдыкъгъа киргендиле. Жазыучу эсин жамауатда адеп-къылыкъ бла байламлы соруулагъа бурады, адамланы араларында ниет байламлыкъны суратлайды.

Кёчгюнчюлюкден сора жыллада малкъар адабиятда, белгилисича, жангырыула боладыла. «Ол кезиуде къара сёз бла жазылгъан чыгъармаланы саны ёсгенден тышында да, аланы жашауну оюмлауда, тарых болумланы тюрлю-тюрлю жанларын ачыкълауда суратлау даражалары да кётюрюледиле» [Сарбашева 2009: 419]. Бу ишге Улбашланы Ахмадия да къошумчулукъ этеди. Ол жазгъан хапарлада адам улуну къадары тюрлю-тюрлю болумлада суратланады. Энчи да жазыучу эсин сабийлеге бурады, аланы жашауларын кёргюзтеди. «Ёге ана» эм «Сейирлик учуу» деген чыгъармаланы баш жигитлерини сабий къадарлары бирча тюйюлдюле. Омар («Сейирлик учуу») жарыкъ, «бийик» умутлу жашчыкъды. Аны «акъылы… кёкдеди. Аны космос кемеси Марсха учарыкъды. Хусейни кемеси уа – Венерагъа учарыкъды» [Улбашланы А. 1967: 30]. Ол муратлагъа уа, Омарны акъылына кёре, «жулдузланы атласы жетдирликди» («…ол эки планет бир бирлеринден къаллай бир узакълыкъда болгъанларын

учуб бара, къайсы жулдузлагъа къаты бла озаргъа тюшеригин, бир тюрлю чырмау болса уа, къайда къонаргъа боллугъун Омар алыкъа билмейди. Аны ючюн анга жулдузланы атласы бек керекди» [Улбашланы А. 1967: 30]). Сабийлик насыпны «жылы къучагъында» жашагъан Омар бийик сезимлиди, билимге итинеди, космосну аулакъларына тартынады, алагъа жол излейди. Ол къууанч болумну сылтауу – жашауну жарыкълыгъы, онглугъудула. Жазыучуну оюмлауна кёре, ата-аналаны балаларына сюймекликлери, жюрек жылыулары, эслиликлери сабийлерини насыплы къадарларына себеплик этедиле. Омарны анасы Аминатны сабий дуниягъа кёз къарамы тюрленеди, ол жашчыгъыны «жулдузлу» муратларына, «сейирлик учуу» оюнуна сансыз болгъанына сокъуранады («Пионер отоуда болгъанла бла бирге Аминат да сабийлени оюнларына бек сейир эте эди. Школчу сабийле уа учуугъа къалай уллу эс бургъанларын кёре эди. Ала да Омар бла бирге космос кенгликде учадыла. Узакъ Марсны кёредиле. Сабийле ашыгъыб джабышдыргъанлары айырылыб баргъанын эслеб, сабийле къайгъыгъа къалдыла. Омарны анасы Аминат да, джашыны тилеген затларын кезиуюнде бермегени эсине тюшюб, ачыу этди. "Мени джашчыгъым къалай сейирлик затдан толуду. Мен а анга нечик аз эс бурама ", – дей, ичинден ойлай, отоудан тышына чыкъды» [Улбашланы А. 1967: 30]). Жазыучуну тамата къауум жигитлерини ич дунияларыны, къарамларыны тюрлениулерин кёргюзтюрге къолундан келеди.

Улбаш улуну къара сёз бла жазылгъан чыгъармаларында *насыплы сабийлик* бла *насыпсыз сабийлик* деген чюйре ангыламла терен оюмланадыла, сюзюледиле. «Ёге ана» деген хапарда Келимат кёчгюнчюлюкде гитчелигинден анасындан ёксюз къалып, насыпсыз сабийликни ачыуун сынайды. Атасы Герийни сансызлыгъыны, ёге анасы Нафийни огъурсузлугъуну, адамсызлыгъыны хаталарындан къызчыкъ ёксюзлюкню тузагъына тюшеди. Чыгъармада айтылгъан жарсыулу хапар жашау кертиликге жетишдирилип суратланады.

Жазыучуну суратлау сёзге хунери жигитни сыфатын, къылыгъын да бирден суратлауда кёрюнеди. «Ёге анада» Герийни сыфатын ачыкълауда автор аллай мадар бла уста хайырланады: «…Жаш заманындан окъуна бек буруш акъыллы болгъанды. Ол тенгле арасында кесин жюрюте да билмегенди… Ол угъай эсе, тойгъа барса, кенгден къарагъан болмаса, бирсилеча къарс уруп, аны биреу да кёрген болмаз. Тутушханда уа жашланы кёбюсюн жыгъыучу эди. Иш юсюнде да кишиден артха къалмагъанды… Герий, бёрюча ашаб, айыуча ишлейди деб тургъандыла… Къызгъанчлыкъ бла уручулукъ анда болгъан шарайыбла эдиле…

Герий, гяммеш кибик, базыкъ адамды…» [Малкъарлы А. 1963: 18–19]. Жазыучуну чыгъармаларын бийик суратлау даражагъа жетишдирген сылтауланы санында тилни шатыклыгъыды, байлыгъыды, ангылашыныулугъуду. Жашау кертиликни, миллет энчиликни кючлендирген мадарладан бири жазыучуну халкъ ауузунда жюрюген нарт сёзле, акъыллы айтыула бла эркин хайырланыууду («*Халкъны кёзю кече сууда тюкню кёреди», «Ат аунагъан жерде тюк тюшер», «Бал тутхан бармагъын жалар*» [Малкъарлы А. 1963: 19, 21]).

Башында айтылгъан хапарла бирден басмаланмай, башха заманлада, тюрлю-тюрлю журналлада чыкъгъандыла. Ахмадияны кеси саулугъунда «Ёге ана»

(1963) деген хапары «А. Малкъарлы» деген жашырын ат бла басмаланнганды. «Сейирлик учуу» (1967) эм «Кеч келген къагъыт» [Малкъарлы 1983] деген чыгъармалары уа жазыучу дуниядан кетгенден сора чыкъгъандыла. Бусагъатдагъы окъуучуланы асламысы аланы юсюнден зат билмейди. Ол жарсыулу болумну тюзетир муратда Улбаш улуну чыгъармачылыкъ хазнасын бирден тийишдирип, энчи китапха жыйып басмаларгъа тийишлиди: миллет маданиятыбызда сыйлы жерни алгъан жазыучуну аты халкъны эсинде сакъланырча, келир тёлюлеге аны бай суратлау дуниясы толусунлай баям болурча.

ХАЙЫРЛАНЫЛГЪАН ИШЛЕНИ ТИЗМЕСИ (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ)

Биттирланы Т. 2005 – *Биттирланы Т.* Кюйсюз жылланы шагъаты (Свидетель трагической эпохи) // Биттирланы Т. Жашауну дерслери (Уроки жизни). – Нальчик: Эльбрус, 2005. – Б. 37-42.

Малкъар литератураны... 1978 – *Малкъар литератураны историясыны очерклери*. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 452 б.

Малкъарлы А. 1963 – *Малкъарлы А.* Ёге ана (Мачеха) // Шуёхлукъ (Дружба). – 1963. № 21. – Б. 17-24.

Малкъарлы 1983 – *Малкъарлы.* Кеч келген къагъыт (Запоздалое письмо) // Минги-тау (Эльбрус). – 1983. – № 2. – Б. 35-39.

Очерки истории… 1981 – *Очерки истории* балкарской литературы. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – 400 с.

Очерки истории… 2010 – *Очерки истории* балкарской литературы. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – 808 с.

Сарбашева 2003 – *Сарбашева А.* Ульбашев Ахмадия // Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.) Биобиблиографический словарь. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – С. 359-361.

Сарбашева 2009 – *Сарбашева А.* Балкарская проза в 1970–1990-е годы // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Респуликанский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г. – С. 418-446.

Сарбашева 2016 – *Сарбашева А.М.* Деактуализация духовного наследия на этапе становления балкарской литературы в начале XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Издательство Грамота, 2016. – № 5–1 (59). – С. 21-23.

Табакъсойланы М. 1995 – *Табакъсойланы М.* Халкъ адамы (Народный человек) // Улбашланы А. Черек (Река). – Нальчик: Эльбрус, 1995. – С. 5-16.

Улбашланы А. 1967 – *Ульбашев А.* Сейирлик учуу (Интересный полет) // Шуёхлукъ (Дружба). – 1967. – № 1. – Б. 30-37.

Ульбашланы А. 1995 – *Улбашланы А.* Черек (Река). – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 144 б.

REFERENCES

BITTIRLANY T. *Kyuisyuz zhyllany shag'aty* [Witness to a tragic era]. IN: Zhashaunu dersleri. – Nal'chik: El'brus, 2005. – B. 37-42. (In Karachay-Balkarian).

Malk"ar literaturany istoriyasyny ocherkleri [Essays on the history of Balkarian literature]. – Nal'chik: El'brus, 1978. – 452 b. (In Karachay-Balkarian).

MALK"ARLY A. *Ege ana* [Stepmother]. IN: Shuekhluk". – 1963. – № 21. – B. 17-24. (In Karachay-Balkarian).

MALK"ARLY. *Kech kelgen k"ag"yt* [Belated letter]. IN: Mingi-tau. – 1983. – № 2. – B. 35-39. (In Karachay-Balkarian).

Ocherki istorii balkarskoi literatury [Essays on the history of Balkarian literature]. – Nal'chik: El'brus, 1981. – P. 229-242. (In Russ.).

Ocherki istorii balkarskoi literatury [Essays on the history of Balkarian literature]. – Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – 808 p. (In Russ.).

SARBASHEVA A. *Ulbashev Akhmadiya* [Ulbashev Akhmadiya]. IN: Pisateli Kabardino-Balkarii (KhIKh –konets 80-kh gg. XX v.) Biobibliografi cheskii slovar'. – Nal'chik: El'-Fa, 2003. – P. 359–361. (In Russ.).

SARBASHEVA A. *Balkarskaya proza v 1970-1990-e gody* [Balkar prose in the 1970s-1990s]. IN: Ocherki istorii balkarskoi literatury [Essays on the history of Balkarian literature]. – Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – P. 418–446. (In Russ.).

SARBASHEVA A.M. *Deaktualizatsiya dukhovnogo naslediya na ehtape stanovleniya balkarskoi literatury v nachale XX veka* [Deactualization of spiritual heritage at the stage of formation of Balkar literature at the beginning of the twentieth century]. IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Izdatel'stvo Gramota, 2016. – № 5–1 (59). – P. 21-23. (In Russ.).

TABAK"SOILANY M. *Khalk" adamy* [People's Man]. IN: Ulbashlany A. Cherek. – Nal'chik: El'brus, 1995. – 5–16 b. (In Karachay-Balkarian).

UL'BASHEV A. *Seiirlik uchuu* [Interesting flight]. IN: Shuekhluk". – 1967. – № 1. – B. 30-37. (In Karachay-Balkarian).

ULBASHLANY A. *Cherek [River]*. – Nal'chik: El'brus, 1995. – 144 b. (In Karachay- Balkarian).

Авторну юсюнден билдириу

Сарбашланы М.къ. А. – филология илмуланы доктору.

Information about the author

A.M. Sarbasheva – Doctor of Science (Philology), associate professor.

Информация об авторе

А.М. Сарбашева – доктор филологических наук, доцент.

Статья редакциягъа 15.04.2023 келгенди; кесамат этилгенден сора 12.05.2023 къабыл кёрюлгенди; басмагъа 20.06.2023 алыннганды.

The article was submitted 15.04.2023; approved after reviewing 12.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Статья поступила в редакцию 15.04.2023 г.; одобрена после рецензирования 12.05.2023; принята к публикации 20.06.2023.

Научная статья
УДК 821
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-250-260
EDN: OJCWCK

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗА КОНЯ В КАБАРДИНСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Лаура Альбердовна Тенгизова
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, laura.tengizova@mail.ru

Аннотация. Среди ключевых зооморфных образов в классической литературе конь занимает особое место. В данной статье производится сравнительный анализ образа коня в русской и кабардинской поэзии. Приводятся результаты сравнительного анализа национально-культурной специфики образа коня на материале русского и адыгского языков, рассматривается многообразие иппологических мотивов, связанных с вопросами фатализма и свободы, этики и эстетики, а также экологического сознания человека. Образные сопоставления коня в кабардинском и русском языках независимо от их генетического родства способствуют выявлению сходных и различных черт в особенности их организации и функционирования. Делается вывод о важной роли образа коня в русской и кабардино-черкесской поэзии, поскольку конь – давний верный спутник жизни человека, это сложный, многогранный и не до конца ясный символ.

Ключевые слова: русская и кабардинская поэзия, зооморфный образ, конь, свобода, эстетика, сострадание, диахрония.

Для цитирования: Тенгизова Л.А. Этнокультурная специфика образа коня в кабардинской и русской поэзии // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 250-260. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-250-260. EDN: OJCWCK.

© Тенгизова Л.А., 2023

Original article

ETHNOCULTURAL SPECIFICITY OF THE IMAGE OF A HORSE IN THE KABARDIAN AND THE RUSSIAN POETRY

Laura A. Tengizova
Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, laura.tengizova@mail.ru

Abstract. Among the key zoomorphic images in classical literature, the horse occupies a special place. In this article, a comparative analysis of the image of a horse in Russian and Kabardian poetry is performed. The results of a comparative analysis of the national-cultural specifics of the image of a horse based on the material of the Russian and Adyghe languages are presented, a variety of hippological motives related to issues of fatalism and freedom, ethics and aesthetics, as well as human environmental consciousness are considered. Figurative comparisons of the horse in Kabardian and Russian poetry, regardless of their genetic relationship, contribute to the identification of similar and different features, especially their organization and functioning. The conclusion is made

about the important role of the image of the horse in Russian and Kabardino-Circassian poetry, since the horse is a long-time faithful companion of human life, it is a complex, multifaceted and not completely clear symbol.

Keywords: Russian and Kabardino-Circassian poetry, zoomorphic image, horse, freedom, aesthetics, compassion, diachrony.

For citation: Tengizova L.A. Ethnocultural specificity of the image of a horse in the Kabardian and the Russian poetry. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 250-260. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-250-260. EDN: OJCWCK.

© Tengizova L.A., 2023

Издревле в мировой художественной литературе на равных правах с человеком присутствуют образы животных, которые справедливо названы отечественным философом и литературоведом М.Н. Эпштейном «зеркалом гуманистического сознания» [Эпштейн 1986*:* 127]. На самом деле, отношение homo sapiens к животному является мерой человеческого начала в человеке.

Объектом статьи является образ коня в русской и кабардинской поэзии.

Цель данной работы заключается в проведении сравнительно-сопоставительного анализа образа коня на материале разносистемных языков.

Одно из приоритетных мест среди зооморфных образов в классической литературе занимает конь – «сама стихия, несущая на себе человека, придающая ему царственное величие [Эпштейн 1986: 188]. Конь у адыгов – символ Солнца. В связи с мотивом коня и всадника следует отметить и своеобразие сакральной горы адыгов. Вершина Эльбруса похожа на седло, сама гора – как бы конь – священное животное, устремленное к Пути Всадника (Млечному пути) – символу бессмертия народа. Самые счастливые могут увидеть над горами сияние Гобжагоша [Тхагазитов 1996: 32]. Долгое время лошадь играла немаловажную роль в жизни кабардинца, как воина, так и земледельца. Можно сказать, лошадь была членом семьи. Она была и транспортным средством, мощной тягловой силой в полевых работах. Конь для черкесов был больше чем просто конь, так как они отдавали ему главенствующее место в иерархии животных. Во время военного положения, долгих переходов два существа, – сильных, своенравных, – человек и конь становились единым целым и понимали друг друга без слов. Нередки случаи, когда конь выносил своего хозяина с поля боя. Образ лошади довольно часто встречается в кабардинском фольклоре, где занимает особое место и всегда выступает другом любого героя. В героическом нартском эпосе это животное является таким же всемогущественным, как сам герой. Конь выступает как человек, как говорящая сверхъестественная сила, который имеет неимоверные силы и возможности. Это животное наделен человеческим языком. Образ коня с большим успехом осваивает героическое пространство эпоса и человеческой жизни. Коня как верного друга и боевого товарища нарты всячески оберегали. Конь трудолюбив, вынослив, свободен от низменных страстей и более других животных приспособлен к людям. Конь, пока не испытает своего хозяина на верность в дружбе и отвагу, не доверится ему. Он не допускает к себе слабых и трусливых. Вот как описывается конь, которого Сосруко впервые оседлал, чтобы доказать,

что он стал настоящим джигитом и готов для совершения великих дел на благо нартов: «Что только не выделывал конь! И на дыбы вставал в воздухе, и вниз головой бросался в бездну и снова взмывал ввысь, и скакал вверх ногами, а Сосруко все держался за его гриву, не падал» [Шортанов 1974: 43]. В этом примере мы наблюдаем как они дни и ночи сражались друг с другом, Сосруко загонял коня на гору, сгонял его оттуда в том же темпе, и так – каждый день. В итоге поединок завершился тем, что конь покоряется герою: обещает ему быть верным до конца жизни и ни разу не отступил от этого. Конь полюбил человека, человек – коня. Так они стали близкими друзьями.

Для исследования образа коня на базе кабардинской поэзии в первую очередь мы обратились к творчеству Алима Кешокова. Его поэтический мир является одним из самых «населенных» лошадьми. У Алима Кешокова опоэтизирован конь, ассоциирующийся с силой, верностью, благородством, добротой. Это животное неотъемлемая часть жизни героя. В стихотворении «Шу пхъашэ» («Мужественный всадник») конь и надежный помощник, и верный спутник, и соратник героя: «Е шу е л1э уэ, къызжа1эми, / Сышыншэм – л1эныр къыхызохыр» [Кешоков 2004: 92] («Если скажут мне: садись на коня или умри – то, если я без коня, то – выберу смерть»).

Так, в «Телъхьэ уанэ си шым» («Оседлай моего коня») и «Дэ ди шухэр щхьэмыгъазэщ» [Кешоков 2004: 73] (Наши всадники бесстрашные») военное положение затрагивает не только всадника, но и его коня. Лошади кабардинской породы во время войны сильные и выносливые, могут нести всадника в течение многих часов, не ведая голода и усталости. Они очень устойчивы на узкой горной тропе, не боятся крутых скал, быстрых рек и глубокого снега. Например, в стихотворении «Телъхьэ уанэр си шым» («Оседлай моего коня») развитие получает мотив незаменимости лошади, как помощника на войне так же, как и в мирной жизни: «Телъхьэ уанэ си шым, уэ си шынэхъыщ1э. Зауэм к1уэ жа1ауэ, Тэрчк1э соукъуэдий» (О мой младший брат, оседлай моего коня. Мне сказали на войну, еду в сторону Терека»).

Так же в другом стихотворении «Дэ ди шухэр щхьэмыгъазэщ» (Наши всадники бесстрашные») обращает на себя внимание образ коня, который традиционно эксплуатируется человеком на фронте. В этой связи вспоминаются слова Э.М. Ремарка, который сказал: «Самая большая подлость человека – гнать животных на войну» [Ремарк 2014: 301].

Конь – символ жизненной силы, красоты, грациозности, мощи и завораживающего гармоничного движения. Символ верности и в то же время неукратимой свободы бесстрашия, воинской доблести и славы. Конь олицетворяет мужскую солярную силу и является подножием для поднимающегося духа человека [Тресиддер 1999: 201]. В такой же степени у Хасана Тхазеплова опоэтизирован конь. В стихотворении Х. Тхазеплова «Си шагъдий» конь – непременный друг героя, помогает ему в самые трудные минуты. Герой обращается к нему как к равному себе, награждая его такими эпитетами, как *лъэщ, 1ущ (мужественный, умный)* и т.д. Интересным также является обращение героя к своему коню: *Зынэукъуэдий, си къуэш, алащэ. Уэ зыри япэ йомыгъэщ (Мой брат, мерин, вперед. И пусть все останутся позади)* [Тхазеплов 2003: 98].

Образ коня у Бетала Куашева – один из самых популярных – «Шу жэрхэм я хэкум и гуащэ» (Царица в стране быстроходных коней»), «Шым пэщхъыныр игъэхъуахъуэу» («Конь, грозно фыркая ноздрями»), «Шагъдий» («Конь»).

В его поэтическом мире нет жестокости и бессердечия всадника по отношению к коню. Бетал Куашев через искренние и ласковые чувства выражает отношение к этим благородным животным. Неоднократны в «Шагъдий» («Конь») описания ухода за лошадьми: «Уанэ теслъхьэнуи зэхищ1эм, К1эбдзк1эмэджэгу си шагъдийр» (Учуяв седло, мой чистокровный мерин, пускается в пляс от радости»). В строках стихотворения можно также встретить примеры, характеризующие отношение черкесов к лошадям, увидеть проявление к ней, в свою очередь, заботу и любовь: «Дэсшэмэ псыхъуэм, сабийуэ Си гур хигъахъуэу мэджэгу» (Когда жеребенком привожу к реке, играет, резвится и горжусь я в душе»). Черкес скорее сам будет голодать, чем оставит лошадь ненакормленной: «Шэщым щыщ1этым зигъэнщ1уэ Ешхыр нэхъ къабзэу овес» (А когда он в конюшне, наедается вдоволь овса»); «Ныджэм хъуэк1уэну тесшэхук1э Хъуп1эщ1э к1ыр хузогъуэт» («Когда в поле выходим, ищу для него самые сочные пастбища»).

Наряду с качественными характеристиками образа животного автор стихотворения уделяет внимание и внешним признакам коня: «шы губзыгъэ» («умный конь»), «шхалъэм сабыруэ бгъэдэтщ» (Стоит у кормушки спокойно», «Шылэу мэлыдыр и сокур, К1эр пщащэ щхьэцуэ соухуэн» («Грива блестит, как шелк, Хвост заплетаю, как девичью косу»).

Образ коня играет важную роль в стихотворении «Шу жэрхэм я хэкум и гуащэ». Конь ассоциируется во всех смыслах, в первую очередь, с движением, скоростью и устремлением:

«Шу жэрхэм я хэкум и гуащэ,
Гу щабэу Марие – Тхьэ шыпхъу,
Уэ л1ым и л1ыгъэн уи гуращэт,
Пщэдейм хуаук1ауэ гъэлъэхъу… [Куашев 1996: 154]

Царица стремительных, быстроходных коней,
Сердобольная Мария – Бога сестра,
В душе ты хранила силу мужскую,
Принесенную в жертву на завтра баран…
(Подстр. пер. – Л.Т.)

В такой же степени представлен этот образ и в стихотворении «Шым пэщхъыныр игъэхъуахъуэу» («Грозно фыркая ноздрями, мой конь»). Так как бег коня олицетворяет волю (в обоих смыслах этого слова): напор, идущий изнутри, и простор, раскинувшийся снаружи, – то не менее существенным, чем покорение мира конем, выступает мотив покорения самого коня:

Шым пэщхъыныр игъэхъуахъуэу
Уи щхьэгъубжэм сыныблех,
Макъ имыщ1уэ си гур гъуэхъуэу
Нысф1ыпхуок1уэ, фэхъус къуех. [Куашев 1996: 212]

Грозно фыркая ноздрями, мой конь
Проносит меня мимо окон твоих,
Бесшумно, радуясь, гордясь
Мое сердце стремится к тебе
Здоровается с тобой, с любовью.

(Подстр. пер. – Л.Т.)

Эти строки свидетельствуют, что даже в самых значительных стихотворениях Куашев не может обойти образ коня, проявляя свою привязанность к нему и сочувствие как к дорогому живому существу.

В художественном мире Адама Шогенцукова конь имеет особую связь с его личными взглядами, характером, который выражается в истинной любви к свободе не только физической, но и духовной, творческой. Это желание наиболее точно выражается в образе всадника и его верного коня, которые в буквальном смысле сливаются воедино. Конь является символом силы, быстроты и неутомимого бега. Идущий изнутри напор коня и раскинувшийся снаружи простор – олицетворение воли в беге коня. Поэтому не менее важно стремление лирического героя покорить самого коня – приручить себе волю:

Быстрей мои летите кони!
Вас, выхоленных и горячих,
Купал, кормил я для погони,
Готовил к испытаньям скачек [Шогенцуков 1986: 135].

Мотив силы, быстроты и неутомительного бега присутствует и у Тхагазита Зубера. Образ коня и всадника в стихотворении «Шыгъажэм» имел парадигмальное значение, формировал всю феноменологическую очевидность, естественную сущность образа адыга. Ему идеально удалось так искусно передать движение, преследование, скачку:

Къэсащ псом япэ!
Гур мэусэр!
Къа1эт ныбжьэгъухэм,
Дрaдзейр… [Тхагазитов 2005: 346]

Пришел он первым!
Сердце бьется из груди!
Подбежали все друзья,
И подбрасывают его высь…

(Подстр. пер. – Л.Т.)

Для Абдулкерима Сонова конь – вне сомнений, тоже символ, несущий в себе множество значений. В стихотворении «Шагъдий» конь выполняет номинальную функцию измерителя пространства-времени. Его полет – полный синоним преодоления физических законов, нарушение которых дозволено еще птицам. Молчание неба и дробный ритм копыт воплощают прерывистость и постоянство, дискретность и абсолютность времени.

Си шы къарапц1эу пц1ащхъуэу щ1элъэтым
Ди губгъуэ куэц1ыр уи зэ ичыгъуэщ;
Уэ уи лъэ макъыу тхыдэм къыхэщыр
Л1ыгъэ макъамэр и джэрпэджэжкъэ! [Сонов 2010: 101].

Конь мой вороной быстрее ласточки
В наши просторы как один пролет;
В хвалебной песне героев
Отзывается эхом!

(Подстр. пер. – Л.Т.)

Испокон веков к лошади адыги относились так же, как в русскоязычном пространстве это делали казаки: ее считали близким другом, соратником, воином, которому можно довериться на поле битвы. На данную особенность обращали внимание путешественники, ученые, культурологи. Например, описывая долину р. Пшада, Э. Спенсер отмечал: «...всего этого у моего хозяина было бесчисленное множество и очень прекрасных, особенно лошадей» [Спенсер 1993: 99]. Или: «В то время, когда в 1833 году на Кавказе свирепствовал ужасный голод, князь Пшекой Черченейский кормил любимых своих коней разного рода нежными зернами, тогда как его люди претерпевали страшный недостаток и в насущном хлебе, и об этом обстоятельстве во всех племенах Черкесии рассказывали, как о похвальном подвиге» [Спенсер 1993: 103]. Конь в жизни кабардинцев играл значительную роль как верный спутник на пути чести и славы. Лошадь для черкеса-воина – это его второе «Я». Адыги также говорят: «В жилах лошади течет человеческая кровь, что свидетельствует об особом отношении к этому животному. Шы символизирует мужество, смелость, выносливость, преданность, твердость». Так, в стихотворении Н. Шогенцукова «Шы емылыджу йотхауэ» («Необъезженный конь лягается») военное положение затрагивает не только всадника, но и его коня:

Залымыгъэ щ1ап1эу дунеижьыр
Шы емылыджу йотхауэ.
Зылъэмык1 нэхъыжьхэм
Яхуэгъэвкъым гуауэр.
Уанэгум быдэу имысахэр
Гъуэгукум щыпегъэщэщ [Шогенцуков 2000: 7].

Территория жестокостей земля
Как необъезженный конь лягается.
Беспомощные старики
Не могут перенести горе.
Кто не удержался в седле
На полпути погибал.

(Подстр. пер. – Л.Т.)

Чисто символическое значение приобретает цвет коня в стихотворении Петра Хатуева «Щ1ымаху шу» («Зимний всадник»): белый конь – символ света, жизни и духовного просветления.

Пщ1эгъуалэм тесыр
Сыт зыхуер?
Къэсауэ –
Куейм зыщеукъуэдий [Хатуев 2008: 83].

Прискакавший всадник на белом коне
Что ищет он в чужом краю?
Скачет галопом по нашей земле.
(Подстр. пер. – Л.Т.)

В творчестве яркого талантливого кабардинского поэта Х. Кажарова лошадь как зов предков, то, без чего он не представляет своей истории, культуры. Поэт рассматривает данный образ, противопоставляя его «железному коню», так как для него, выходца из сельской местности, лошадь прежде всего помощник крестьянина, и замена её на трактор – большое событие. Он не скрывает свою любовь и нежность к этому животному, ему горько, что место лошади заняли:

На «плеши» от солярки.
И там, где лежит сломанный трактор,
Паслась когда-то лошадь.
Что же мне делать теперь? [Кажаров 2008: 24].

Лошадь становится символом уходящего века, прошлого. Автор понимает это, и его одолевает грусть, что вместо следов копыт и густой травы он видит «плешь» от солярки. Образ лошади рассматривается поэтом биполярно «лошадь-трактор (машина)». Он противопоставляет сельское и городское, прошлое и будущее, живое-неживое, природу и прогресс, который вредит ей. Поэт чувствует сильную, буквально космическую связь с землей, местом, где он родился, олицетворением которого в стихотворении выступает лошадь, которую вытесняет трактор, столь ненавистный поэту.

Таким образом, конь в адыгской поэзии – это символ жизненной силы, мужества, храбрости и верности. Конь дополняет своего эпического героя, подкрашивая и идеализируя его подвиги. То есть данное животное подчеркивает необычайность героя: его смелость, решительность, благородство, героизм, проявляемые ради того, чтобы одержать победу на пути к достижению цели.

Перспективное развитие данной научной темы видится в исследовании образа коня и в русской поэзии с привлечением стихотворений А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, А. Бунина, С.А. Есенина и Н. Заболоцкого.

В поэзии А.С. Пушкина многочисленны изображения лошадей. «Скользя по утреннему снегу», лирический герой стихотворения «Зимнее утро» вместе со своей возлюбленной готов «предаться бегу» // «Нетерпеливого коня». «Плетется рысью» лошадка крестьянина, едущего на дровнях по первому снегу в романе «Евгений Онегин», а рядом с ней «Бразды пушистые взрывая // Летит

кибитка удалая». В том же романе летит «в пыли на почтовых» «молодой повеса», а дворовый мальчик» преображает в коня самого себя. «По дороге зимней, скучной // Тройка борзая бежит», преодолевая трудности печальной и темной зимней дороги.

По нашему наблюдению, в поэтической натурфилософии А.С. Пушкина конь символизирует онтологические границы человеческой свободы и несвободы. Так, извечное стремление личности вырваться из оков социальной или психологической неволи воплощено в образе «кобылицы молодой» из одноименного стихотворения поэта:

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой [Пушкин 1986: 146].

В «Медном Всаднике» конь олицетворяет разбушевавшуюся природную стихию («И тяжело Нева дышала, // Как с битвы прибежавший конь»), знак народного бунта, угрожающего незыблемости государственной власти. По художественной логике стиха, на стороне коня – вся Россия, которую царская власть удерживает «уздой железной». А.С. Пушкин заостряет внимание на иррациональной силе, подавленной мощью империи, но способной взбунтоваться в любой момент, когда давление приобретет критический характер.

Совсем иную окраску образ коня обретает в поэзии Н.А. Некрасова. Характерно, что даже чисто лексически народный поэт почти не использует номинацию «конь», предпочитая простонародное «лошадка». Автор с ярко выраженным экологическим сознанием впервые вводит в русскую поэзию мотив сострадания к животному. В стихотворении «Под жестокой рукой человека» поэт создает пронзительную картину избиения лошадки погонщиком:

Вот она зашаталась и стала.
«Ну!» – погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) –
И уж бил ее, бил ее, бил!
Ноги как-то расставив широко,
Вся дымясь, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам,
И вперед забежав, по лопаткам
И по плачущим, кротким глазам! [Некрасов 2017: 267]

В XX в. конь остается фаворитным образом в русской поэзии, хотя приобретает новое «прочтение», сообразное времени. Так поэты Серебряного века «сканируют» эстетическое, даже скульптурное совершенство животного, воспевают его красоту и грацию. В стихотворении «Кобылица» И. Бунина лошадь наделяется гендерно маркированной экспрессией, богатством эмоциональных чувств:

Она взмахнула легкой гривой
И, ноздри к ветру обратив,
С тоскою нежной и счастливой
Кому-то страстный шлет призыв [Бунин 1986: 72].

В поэзии раннего С. Есенина воссоздается гармония Вселенной, картина полной вписанности животного мира в универсум. Посредством цветовой символики (зеленый, златой, синеющий, смоль, серебряный), интертекстуальных перекличек между зооморфными и солярными образами (кони, месяц) подчеркивается взаимосвязанность всего сущего в мире:

В холмах зеленых табуны коней
Сдувают ноздрями златой налет со дней.
С бугра высокого в синеющий залив
Упала смоль качающихся грив.
Дрожат их головы над тихою водой,
И ловит месяц их серебряной уздой [Есенин 1977: 39].

В контексте нашего исследования особое значение приобретает стихотворение Н. Заболоцкого «Лицо коня». Для автора важна «реабилитация» образа коня, возвышение его статуса до уровня человеческого, воздание ему (а в его лице и всему животному миру) заслуженных почестей, которых он на протяжении веков был лишен. Обращает на себя внимание лексический прием автора, который намеренно вместо типичных зооморфных слов в обрисовке животного использует «человеческие»: не «морда», а «лицо», не «шерсть», а «волосы». Возвышение образа коня достигается автором также использованием специфических титулов (рыцарь, царь), имеющих отношение к сословно-иерархической сфере:

И конь стоит, как рыцарь на часах,
Играет ветер в легких волосах,
Глаза горят, как два огромных мира,
И грива стелется, как царская порфира [Заболоцкий 1985: 97].

Естественно, если учесть авторскую точку зрения, то стихотворение Н. Заболоцкого, возвышающее коня, одновременно возвышает и человека, подчеркивает его переход на качественно новый уровень высокого гуманизма.

Проведенный нами анализ показал многообразие иппологических мотивов в русской поэзии, зависящих от исторических условий, этико-эстетических предпочтений культурной эпохи и творческой индивидуальности автора. Вместе с тем просматривается диахроническое движение образа коня сквозь толщу

русской поэзии, свидетельствующее об усилении гуманистического, сострадательного начала в человеке.

Конь в обеих культурах занимает важное место. Он давний верный спутник жизни человека, это сложный, многогранный и не до конца ясный символ.

В результате анализа русской и кабардинской поэзии с анималистическими компонентами можно сделать следующие **выводы** о роли образа коня, о его значении в культуре разных народов:

– в кабардинской и русской поэзии одинаково эксплицируются следующие признаки образа коня: в обеих культурах конь характеризуется в первую очередь как быстрое, скоростное и сильное животное.

– в кабардинском и русском языке «конь» является символом жизненной силы, свободы, храбрости и славы.

– в русской поэзии образ коня представлен гораздо разнообразнее, нежели в стихотворениях кабардинского языка. Это может быть связано с богатством русского языка либо с разными ассоциациями по отношению к образу коня.

Исходя из вышеизложенного, мы убедились, что существуют сходства и различия возможных значений образа коня в кабардинском и русском языках. При этом эквивалентные значения преобладают над несовпадающими. Причины кроются, возможно, в том, что у кабардинцев и русских совершенно разные этнические и территориальные границы, своя культура, которая вносит свои коррективы в видение образа коня у разных этносов, и свой язык, богатый по-своему.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бунин 1986 – *Бунин И.А.* Стихотворения и переводы. – Москва: Современник, 1986. – 528 с.

Есенин 1977 – *Есенин С.А.* Стихотворения и поэмы / Оформление А. Хлопова. – Уфа, Башкирское книжное издательство, 1977. – 304 с.

Заболоцкий 1985 – *Заболоцкий Н.А.* Стихотворения. – Москва: Советская Россия, 1985. – 352 с.

Кажаров 2008 – *Кажаров Х.Х.* К 70-летию Хамида Кажарова // Литературная Кабардино-Балкария. – 2008. – № 4. – С. 24-26.

Кешоков 2004 – *Кешоков А.* Собрание сочинений: В 6-ти т. Том 1. Стихотворения и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 512 с.

Куашев 1996 – *Куашев Б.И.* Стихотворения и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 304 с.

Некрасов 2017 – *Некрасов Н.А.* Стихи. – Москва: Проф-Пресс, 2017. – 96 с.

Пушкин 1986 – *Пушкин А.С.* Полное собрание стихотворений. – Москва: Художественная литература, 1986. – 526 с.

Ремарк 2014 – *Ремарк Эрих Мария*. На западном фронте без перемен; пер. с нем. Ю.Н. Афонькина. – Москва: АСТ, 2014. – 317 с.

Сонов 2010 – *Сонов А.* Родная речь. 3 класс. – Нальчик: Эльбрус, 2010. – 151 с.

Спенсер 1993 – *Спенсер Э.* Путешествие в Черкесию (1839). – Майкоп: Адыгея, 1993. – 152 с.

Тресиддер 1999 – *Тресиддер Дж.* Словарь символов. Москва: торг. дом «Гранд»: Фаир-пресс, 1999. – 400 с.

Тхагазитов 2005 – Тхагазитов З. Стихи и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 412 с.

Тхагазитов 1996 – Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 167 с.

Тхазеплов 2003 – *Тхазеплов Х.*М. Избранное: в 2-х томах. Стихотворения и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 392 с.

Хатуев 2008 – *Хатуев П.* Стихи. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 95 с.

Шогенцуков 1986 – *Шогенцуков А.О.* Поющее зерно: Стихи, поэма. – Москва: Советский писатель, 1986. – 208 с.

Шогенцуков 2000 – *Шогенцуков Н.* Стихи, поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 255 с.

Шортанов 1974 – *Шортанов А.Т.* Нартский эпос адыгов (адыгский героический эпос). – Москва: Наследие, 1974. – 206 с.

Эпштейн 1986 – *Эпштейн М.Н.* Мир животных и самосознание человека //. Художественное творчество. Человек-Природа-Искусство. – Л.: «Наука», 1986. – 306 с.

REFERENCES

BUNIN I.A. Stihotvoreniya i *perevody* [Poems and translations]. – Moscow: Sovremennik, 1986. – 528 p. (In Russ.).

YESENIN S.A. *Stihotvoreniya i poemy* [Poems and poems] / Oformlenie A. Hlopova. – Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977. – 304 p. (In Russ.).

ZABOLOTSKY N.A. *Poemy* [Poems]. – Moscow: Soviet Russia, 1985. – 352 p. (In Russ.).

KAZHAROV KH.KH. *70-letiyu Hamida Kazharova*. [To the 70th anniversary of Hamid Kazharov]. In: Literary Kabardino-Balkaria. – 2008. – No. 4. – 24-26 p.

KESHOKOV A. *Sobranie sochinenij: V 6-ti t.Tom 1. Stihotvoreniya i poemy.* [Collected works: In 6 vols. Volume 1. Poems and poems]. – Nalchik: Elbrus, 2004. – 512 p. (In Russ.).

KUASHEV B.I.. *Stihotvoreniya i poemy* [Poems and poems]. – Nalchik: Elbrus, 1996. – 304 p. (In Russ.).

NEKRASOV N.A. *Poemy* [Poems]. – Moscow.: Prof-Press, 2017. – 96 p. (In Russ.).

PUSHKIN A.S. *Polnoe sobranie stihotvorenij* [The complete collection of poems]. – M.: Fiction, 1986. – 526 p. (In Russ.).

REMARK E.M. *Na zapadnom fronte bez peremen; per. s nem. YU.N. Afon'kina*. [On the Western front without change; translated from German by Yu.N. Afonkina]. – M: AST, 2014. – 317 p. (In Russ.).

SONOV A. *Rodnaya rech'.* [Native speech]. 3 klass. – Nal'chik: El'brus, 2010. – 151 p. (In Russ.).

SPENSER.E. *Puteshestvie v CHerkesiyu (1839).* [Puteshestviye v Cherkesiyu (1839)] [Journey to Circassia (1839)]. – Maykop, Adygeya, 1993. – 152 p. (In Russ.).

TRESIDDER J. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. – Moscow: torg. dom «Grand»: Fair-press, 1999. – 400 p. (In Russ.).

THAGAZITOV Z. *Stihotvoreniya i poemy* [Poems and poems]. – Nalchik: Elbrus, 2005. – 412 p. (In Russ.).

THAGAZITOV YU.M. *Evolyuciya hudozhestvennogo soznaniya adygov.* [The evolution of the artistic consciousness of the Adygs]. – Nalchik: Elbrus, 1996. – 167 p. (In Russ.).

TKHAZEPLOV H.M. *Izbrannoe: v 2-h tomah. Stihotvoreniya i poemy*. [Favorites: in 2 volumes. Poems and poems]. – Nalchik: Elbrus, 2003. – 392 p. (In Russ.).

KHATUEV P. *Poemy* [Poems]. – Nalchik: Elbrus, 2008. – 95 p. (In Russ.).

SHOGENTSUKOV A.O. *Poyushchee zerno: Stihi, poema.* [Singing grain: Poems, poem]. – Moscow: Soviet Writer, 1986. – 208 p. (In Russ.).

SHOGENTSUKOV N. *Stihi, poemy* [Poems, poems]. – Nalchik: Elbrus, 2000. – 255 p. (In Russ.).

SHORTANOV A.T. *Nartskij epos adygov (adygskij geroicheskij epos).* [The Nart epic of the Adygs (the Adyghe heroic epic)]. – Moscow: Nasledie, 1974. – 206 p. (In Russ.).

EPSTEIN M.N. *Mir zhivotnyh i samosoznanie cheloveka.* [The world of animals and human self-consciousness. Artistic creativity. Man–Nature–Art]. – L.: "Science", 1986. – 306 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.А. Тенгизова – аспирант.

Information about the author

L.A. Tengizova – graduate student.

Статья поступила в редакцию 01.04.2023 г.; одобрена после рецензирования 28.04.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 01.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 821
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-261-278
EDN: QGPPWD

ОБРАЗНОЕ ПОЛЕ «КОНЬ» В ПОЭЗИИ АЛИМА КЕШОКОВА

Карина Султановна Тхакахова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, karina-t-00@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-6352-8043

Аннотация. Данная статья посвящена архетипическому образу «конь» и особенностям его художественной реализации в поэтическом творчестве классика кабардинской литературы Алима Кешокова. Статья состоит из двух логически взаимосвязанных частей. В первой части проводится краткий обзор иппологических сюжетов в историко-этнографических трудах зарубежных и отечественных кавказоведов, а также в прозе М.Ю. Лермонтова. Во второй, аналитической части в системной форме сквозь призму исторической поэтики исследуется типология символических образов «коня» в поэзии А. Кешокова. Содержание статьи определяется выстраиванием диахронического среза иппологических мотивов от натуралистических зооморфных образцов до астральных. В результате анализа установлены следующие формы смысловой концептуализации мифологемы «конь» в творчестве А. Кешокова – «стремительный темп жизни», «ностальгия по патриархальному миру», «сопротивление цивилизации», «эмоциональная связь с родиной», «близость к природе», «творческая индивидуальность художника», «актуализация экологических коллизий», «приоритет духовного над материальным». В статье также отмечается единичный случай деформации архетипического образа «коня» в практике художественного перевода.

Ключевые слова: кабардинская поэзия, Алим Кешоков, архетип, мифологема, конь, диахрония, иппологический мотив, образная система, символическое значение.

Для цитирования: Тхакахова К.С. Образное поле «конь» в поэзии Алима Кешокова // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 261-278. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-261-278. EDN: QGPPWD.

© Тхакахова К.С., 2023

Original article

IMAGED FIELD "HORSE" IN ALIM KESHOKOV'S POETRY

Karina S. Tkhakakhova
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, karina-t-00@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-6352-8043

Abstract. This article is devoted to the archetypal image of the “horse” and the features of its artistic implementation in the poetic work of Alim Keshokov, a classicist of Kabardian literature. The article contains two logically interconnected parts. The first part provides a brief overview of hippological plots in the historical and ethnographic works of foreign and domestic caucasologists, as well as in the prose of M.Yu. Lermontov. The second is an analytical part in a systematic form, through the prism of historical poetics, the typology of the symbolic images of the “horse” in the

poetry of A. Keshokov is studied. The content of the article is determined by the alignment of the diachronic cut of hippological motifs from naturalistic zoomorphic samples to astral ones. The results of the analysis, the following forms of semantic conceptualization of the mythologeme “horse” in the works of A. Keshokov were established - “rapid pace of life”, “nostalgia for the patriarchal world”, “resistance to civilization”, “emotional connection with the motherland”, “proximity to nature”, “ creative individuality of the artist”, “actualization of ecological collisions”, “priority of the spiritual over the material”. The article also notes a single case of deformation of the archetypal image of the “horse” in the practice of literary translation.

Keywords*:* Kabardian poetry, Alim Keshokov, archetype, mythology, horse, diachrony, hippological motif, figurative system, symbolic meaning.

For citation: Tkhakakhova K.S. Imaged field "horse" in Alim Keshokov's poetry. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 261-278. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-261-278. EDN: QGPPWD.

© Tkhakakhova K.S., 2023

Профессор РУДН У. М. Бахтикиреева, обеспокоенная современным состоянием миноритарных языков, предлагает незамедлительно начать работу по «описанию ключевых архетипов, символов, мифологем» [Бахтикиреева 2020: 18]. Поддерживая и развивая данное актуальное предложение, в настоящей статье мы поставили перед собой цель на материале поэтического наследия Алима Кешокова (1914-2001) с привлечением соответствующих историко-этнографических работ ревитализировать основной спектр архетипических значений «коня» в этнокультурном сознании кабардинцев. В задачи исследования входят: краткий обзор интерпретаций образа «коня» в кавказоведческих работах, выявление иппологических мотивов в кешоковских стихотворениях, их систематизация и обобщение, а также идентификация основных фреймов.

Основные методы исследования – сравнительно-исторический, системно-структурный, этноонтологический, семиотический, а также периодизация, типологизация и классификация.

На протяжении всей истории человечества прослеживается взаимосвязь между конем и всадником. Для адыгов, являющихся древнейшим оседлым земледельческим народом Кавказа, коневодство было традиционным занятием. Итальянский путешественник XV в. И. Барбаро сообщает, что у адыгов «прекрасные лошади» [Калоев 1993: 66]. Что касается разведения лошадей адыгами, Эвлий Челеби утверждает, что «кони их – породистые» [Калоев 1993: 66].

Тысячелетние традиции позволили адыгскому народу вывести породу лошадей с выдающимися качествами, характеризующихся выносливостью, неприхотливым характером и преданностью своим хозяевам. Наибольшего развития коневодство достигло в самой восточной части Черкесии – Кабарде, вследствие чего «кабардинская лошадь», как официальное наименование породы, была включена во все мировые справочники по коневодству. Но следует отметить, что с кабардино-черкесского «адыгэш» переводится как «адыгская лошадь» и по факту данная порода является общеадыгской.

История возникновения и формирования кабардинской породы лошадей тесно связана с историей адыгского народа. Кони были верными спутниками

адыгов в битвах и могли стать грозной силой на поле сражения. Отечественный историк А.С. Мирзоев, автор труда о военном быте и наездничестве, сообщает, что, «постоянная внешнеполитическая напряжённость, феодальная раздробленность и другие факторы делали необходимым существование специальных механизмов поддержания высокой военной мобильности. Одним из таких механизмов было наездничество» [Мирзоев 1998: 25]. Он считает, что «именно с выведением кабардинской породы лошадей, военные походы приобрели большой размах и это одна из причин расцвета черкесского наездничества в XII-XVI вв.» [Мирзоев 2004: 26]. Как справедливо отмечает ученый, «лошадь верно служила черкесам столетиями и, если в нашей истории есть славные страницы, то в этом ее заслуга» [Мирзоев 2004: 26].

Идеология рыцарства и кодекс чести «Уэркъ хабзэ» были неотъемлемыми элементами всадничества в целом. Только придерживаясь его строгих правил, которые предусматривали мужество, скромность, смелость, верность слову и ряд других схожих качеств, мужчина мог стать настоящим всадником. Сочетая в себе такие качества, как высокая резвость, огромная выносливость, исключительная смелость и уверенность на горных тропах, лошадь хорошо подходила для длительных походов и быстрых набегов. Русский военный историк В.А. Потто описывает кабардинское ополчение из числа добровольцев, которое собрали в 1812 году для дальнейшего предполагаемого участия в войне с Наполеоном следующим образом: «Всем были известны превосходные боевые качества этой природной и, без сомнения, лучшей конницы в мире. Глядя на них, можно было без колебаний сказать, что никакая кавалерия в свете не устоит против их сокрушительного удара в шашки» [Потто 2005: 322].

Северокавказские ученые со ссылкой на И.Н. Клингена отмечают, что «верховая лошадь славилась преданностью хозяину, поражала своею понятливостью и качествами, редкими в животном». И далее: «По самым страшным кручам и через самые бурные потоки крепкая лошадка с железным копытом, не знающим подковы, выносила всадника всегда невредимым» [Меретуков и др. 1980: 65].

Жизнь адыгского дворянина в основном проходила в военных кампаниях, походах и все его успехи напрямую зависели от его верного друга. Хорошо это осознавая, хозяин не мог проявлять иное отношение к лошадям. Изучая военный быт, Э. Спенсер отмечал, что уход за лошадьми у адыгов происходил в рамках целой системы воспитания и содержания их. Подчеркивая доброе, уважительное отношение к этим животным, он писал следующее: «…ни в одной стране мира с лошадью не обращаются лучше, чем здесь; нет другого народа, который понимал бы лучше, как управлять ею. Великий секрет, кажется, в доброте; ее никогда не бьют, следовательно, ее дух остается несломленным и привязанность к своему хозяину неослабленной» [Спенсер 1994: 51].

Адыгский историк XIX в. Хан-Гирей описывает один любопытный случай, который является показательным примером отношения народа к коням. В 1833 году был страшный голод, но князь Пшекой Черченейский кормил своих любимых коней разными зернами, тогда как народ не находил себе пропитание. И важен тот факт, что об этом событии «во всех племенах Черкессии рассказывали, как о похвальном подвиге» [Хан-Гирей 1978: 263].

Участие коня было повсеместным в жизни адыгов. Конные игры и состязания устраивались по самым разным поводам. Например, свадебные церемонии, окончание весенней пахоты, похороны взрослого мужчины проводились с участием коня. В книге адыгейского писателя Б.В. Шинкубы есть отрывок, где описывается ритуальная часть жизни народа, связанная с конем [Шинкуба 2014: 225]. По его словам, даже самый бедный человек отправляется в путь, на пир, на любое дело на коне [Шинкуба 2014: 225]. В фаэтонах, запряженных конями, возили невест. Если в семье родился мальчик, то сразу растили жеребенка для него, чтобы тот стал наездником. Также ставили коня, увешанного оружием своего хозяина, перед умершим или погибшим в знак прощания.

Уровень взаимопонимания человека и животного был настолько высоким, что конь сам подстраивался под своего наездника и во всех обстоятельствах делал то, что необходимо было делать. Наблюдение Т. Лапинского также подтверждает данный факт: «Лошадь, это другое „я" абаза, средней величины, сильна и выносliва…» [Лапинский 2021: 34].

Во всех сражениях использовались лошади, и мастерство воина измерялось его умением управлять своим конем. Человек и конь полагались друг на друга, чтобы выжить посреди хаоса войны. Боевой конь стал символом преданности, настоящей дружбы, братства, душевного родства/единства одного существа с другим. У адыгов есть присловье, что у лошади человеческая кровь. Абхазский прозаик Б.В. Шинкуба пишет: «Не зря наши предки говорили: в жилах лошадей течет человечья кровь. И пели:

Душа мужчины
И душа коня
Едины
С незапамятного дня» [Шинкуба 2014: 225].

Примечателен тот факт, что на уровне лексических соответствий прослеживается тесная связь между человеком и конем, в адыгских языках слово «шы» переводилось и как «брат», и как «конь». Однако на сегодняшний день перевод «брат» имеет устаревшее значение.

Всесильный образ коня, наделенного неимоверными физическими и магическими возможностями, запечатлен в Нартском эпосе – памятнике духовной культуры народов Северного Кавказа. Адыгский героический эпос «Нарты» свидетельствуют о древности всаднической традиции наряду с археологией и историческими сводками. В сказаниях абсолютное взаимопонимание коня и всадника становится сквозным сюжетом. Его главные герои – воинственные всадники, которым помогают их кони: они ныряют на морское дно, возносят всадников к небесам и дают им советы. Для нарта конь – неразлучный друг. Немыслимо было существование героя без верного коня. Почти ни один подвиг не совершается без его участия. Конь в нартских сказаниях владеет человеческим языком, невероятной силой и не подпускает к себе незнакомого всадника до тех пор, пока не убедится в его смелости, отваге и зрелости.

Сосруко впервые должен был оседлать коня и вот как описывается конь, проверяющий на зрелость нарта: «Если ты сможешь сесть на этого коня», – говорит ему мать Сатаней, – он будет твоим» [Нарты. Кабардинский эпос 2013: 21]. После этих слов Сосруко одним прыжком запрыгнул на коня и поскакал по ущелью. Но конь не дался просто так своему седоку, он начал испытывать его на прочность. Много разного проделывал конь. Он взлетел в небо подобно звезде и в поднебесье решил сбросить с себя Сосруко. И вставал на дыбы в воздухе, и бросался в бездну вниз головой, и скакал вверх ногами, и ринулся с невиданной высоты в океан, надеясь, что сильные удары волн сметут Сосруко с хребта, и то пролетал через горные кольца. Но Сосруко не падал. Выстоял все испытания, приготовленные ему конем. И конь, осознав, что ему не сбросить с себя Сосруко, человеческим языком обратился к нему: «Клянусь Амышем, богом животных, буду я твоим верным конем, если ты станешь настоящим нартом!» [Нарты. Кабардинский эпос 2013: 22].

В некоторых сказаниях нарты полагаются на сверхъестественную силу лошади. В важный момент герой вырывает волосы из хвоста или гривы коня и поджигает их (*шыкIэ мафIэ иретъэу* или *шы сокум зыц къыхечри мафIэм иретъэу*), и вскоре появляются его друзья (небесные или морские кони) и спасают его от опасности.

В романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» весьма содержательно проиллюстрирована идея сильной привязанности горца к своему коню. Казбич имел такого замечательного скакуна, что он славился в целой Кабарде. С завистью смотрели на него другие наездники, и, по словам Максима Максимыча, «точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно… и не раз пытались ее украсть, только не удавалось» [Лермонтов 2022: 17].

Казбич не раз проверял своего коня в деле. Хвастаясь, он рассказывал Азамату об одном памятном случае, когда «ездил с абреками отбивать русские табуны» [Лермонтов 2022: 18]. Тематическим центром его драматической истории является уход от казаков: «Вдруг передо мною рытвина глубокая; скакун мой призадумался – и прыгнул. Задние его копыта оборвались с противного берега, и он повис на передних ногах; я бросил поводья и полетел в овраг; это спасло моего коня: он выскочил. Во мраке слышу, бегает по берегу оврага конь, фыркает, ржет и бьет копытами о землю» [Лермонтов 2022: 19]. С теплотой и любовью Казбич отмечает: «Я узнал голос моего Карагеза; это был он, мой товарищ!» [Лермонтов 2022: 19]. Далее, подчеркивая сильную связь, говорит: «С тех пор мы не разлучались». С большой заботой он относился к нему, «трепал рукою по гладкой шее своего скакуна, давая ему разные нежные названия» [Лермонтов 2022: 18-19].

По словам Азамата, он бы сам не раздумывая, отдал бы табун в тысячу кобыл за одного Карагеза, и даже грозил своей смертью Казбичу [Лермонтов 2022: 20]. «И плакал, и льстил ему, и клялся», он мечтал об этом коне, готов был на все, чтобы он ему достался. Дрожащим голосом описывал он свои чувства во время первой встречи с конем Казбича: «В моей душе сделалось что-то непонятное, и с тех пор все мне опостылело: на лучших скакунов моего отца

смотрел я с презрением, стыдно было мне на них показаться, и тоска овладела мной» [Лермонтов 2022: 20].

В итоге, Азамат предложил Казбичу украсть для него свою сестру. Примечательно, что в качестве ответа Казбич выбирает старинную песню, которая весьма точно отражает отношение народа в целом к коню:

Много красавиц в аулах у нас,
Звезды сияют во мраке их глаз.
Сладко любить их, завидная доля;
Но веселей молодецкая воля.
Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены:
Он и от вихря в степи не отстанет,
Он не изменит, он не обманет [Лермонтов 2022: 21].

Далее события разворачиваются так, что Азамату удается украсть лошадь Казбича. Сцена, где описываются эмоции Казбича, еще раз убеждают читателя в существовании теснейшей, почти братской связи между лошадью и человеком:

«Казбич вздрогнул, переменился в лице. Моя лошадь!.. Лошадь!.. – сказал он, весь дрожа. Ударил ружье о камень, разбил его вдребезги, повалился на землю и зарыдал, как ребенок... Вот кругом него собрался народ из крепости – он никого не замечал; постояли, потолковали и пошли назад; я велел возле его положить деньги за баранов – он их не тронул, лежал себе ничком, как мертвый. Поверите ли, он так пролежал до поздней ночи и целую ночь» [Лермонтов 2022: 24-25].

Ни одна человеческая жизнь, даже его собственная не сравнится для него с любимым Карагёзом, но в его жизни произошла трагедия – его лишают коня, который был его лучшим другом и верным спутником по жизни.

В романе Б.В. Шинкуба «Последний из ушедших», где повествуется о событиях Кавказской войны и ее последствиях, также можно обнаружить свидетельства особой духовной связи между человеком и лошадью [Шинкуба 2014: 118]. Для представителей народа отдать врагам своих коней было хуже, чем их смерть: «У нас уже было всенародно решено, что наши кони, так же, как и мы, не должны попасть в руки врага, и пусть каждый, кто вырастил коня, сам его и застрелит» [Шинкуба 2014: 118]. Сцена, где главный герой понимает, что собственноручно должен убить своего любимого коня, является высшей формой осознания трагизма и бесчеловечности любой войны, толкающей людей на многие ужасающие своей жестокостью преступления.

После обычных рутинных процедур (выкупать коня в ручье, накормить его кукурузой и т.д.) главный герой выводит своего коня за ворота, зная, что уже не вернется обратно с ним. «А мой Бзоу, ничего не зная, весело шагал за мной, иногда ласково подталкивая меня в плечо головою, словно хотел сказать: “Садись!”» [Шинкуба 2014: 118].

Далее следует трагическая сцена, где человеку, никогда не разлучавшемуся со своим другом, приходится стрелять в него:

«Я взвел курок пистолета и положил палец на спуск. Бзоу не отходил от меня, пассь рядом, помахивая своим длинным красивым хвостом. Наконец, прицелясь в ухо коню, я спустил курок, но пистолет не выстрелил – осечка. Самое трудное было взвести его еще раз. Смертельно раненный конь несколько раз подпрыгнул, словно хотел перескочить через смерть, и упал на поляну, головою ко мне. Вдали послышалось еще несколько выстрелов – там тоже убивали своих коней» [Шинкуба 2014: 118].

Переживая психоэмоциональное потрясение, герой не сдерживает своих слез:

«Мои родные редко видели мои слезы, даже в детстве, но в тот день, став рядом с ними, я заплакал во второй раз за это утро» [Шинкуба 2014: 119].

В упомянутом выше произведении есть и другой примечательный эпизод, показывающий, как в ходе Кавказской войны адыгские племена, невольно покидая свои родные земли, направлялись в Стамбул. В какой-то момент главному герою чудится, что струны апхиарцы зазвенели и послышался голос: «Всадник спрашивал: «Где мой конь под боевым седлом?» [Шинкуба 2014: 192]. Для человека, пропевшего эти слова, да и в целом для всех представителей народа, конь символизировал родину, «райскую землю», оставленную ими.

Конь в жизни адыга играл значительную роль и выражение «стать безлошадным» означало трагедию и боль из-за потери прежнего уклада жизни, отрыва от родной земли: «Оказавшись на чужбине, мы стали безлошадными. Здесь место коня занял осел. Кто имел осла, считался богатым человеком» [Шинкуба 2014: 226]. К сказанному следует добавить и то, что в адыгских историко-героических песнях есть метафорическое выражение «спешиться» (*епсыхын*), что означает «быть убитым», как и само слово – «пеший» (*лъэс*) означает погибшего [Мирзоев 2017: 30-31].

В системе анималистических образов А. Кешокова конь, безусловно, занимает главенствующее место. Проведенное нами исследование показывает, что практически нет такой жизненной сферы, где образ коня не мог бы концептуализировать то или иное абстрактное понятие в полном соответствии с теорией Г.Д. Гачева под емким названием «Космо-Психо-Логос» [Гачев 2003: 34]. Начнем с самых «низов», где конь, оставаясь в своей зооморфной нише, обозначает самого себя в обыденном, утилитарном смысле. Таких образов у поэта не очень много, они встречаются в нескольких стихотворениях на колхозную тематику («*кони на подбор*») [Кешоков 1982: 53] и в пейзажных зарисовках («*гнедой скакун куда-то всадника несет над вспененной рекой*» [Кешоков 1982: 266].

Приход А. Кешокова в национальную поэзию совпал с периодом активного строительства новой жизни, небывалым энтузиазмом людей. Всю эту взвихренную атмосферу А. Кешоков изображает посредством стремительного движения всадника вперед по просторам кабардинских степей», сквозь толщу времен. Ярким тому примером служит стихотворение «На мчащемся коне», где встречаются фразы – «*конь мой летит*», «*скакун быстроногий*», «*встречу конец на летящем коне*» [Кешоков 1982: 19]. В этом же логическом ряду находится излюбленная для Кешокова тема скачек («*На колхозных скачках*»), где джигиты не просто соревнуются друг с другом, но стремятся догнать «*счастье*

светлое свое» [Кешоков 1982: 88]. Все решают качества всадника, связанные с душевным порывом, скоростью, удалью. «Кто победит на скачках, тому достанется самая красивая девушка» – часто такой мотив определяет содержание «скачковых» текстов, при этом под «девушкой» может подразумеваться любая глобальная мечта героя, будь то высшее образование, создание семьи, интересная профессия.

В свое время классик русской поэзии С.А. Есенин написал элегическое стихотворение о том, как жеребенок не может догнать стремительно мчащийся поезд. Грусть лирического героя в данном случае вызвана тем, что вторгшаяся в мир крестьян цивилизация оставляет далеко позади себя все природное, естественное. Типологически сходный мотив встречается и у А. Кешокова. Лейтмотив его стихотворения «В горах» определяется строкой «*нынче коню не догнать человека*!» [Кешоков 1982: 70]. Основанием для такого вывода становится нововведение, связанное с тем, что в сельмаг к «заоблачным пастухам» товар теперь доставляет легкомоторный самолет, а не вьючные животные, как было принято ранее. Кстати, та же ностальгическая мысль о процессах модернизации общества содержится и в его стихотворении «Девушка-шофер» [Кешоков 1982: 46-47].

Разнообразием художественных преломлений в поэтическом творчестве А. Кешокова отличается образный комплекс «конь и женщина». Прежде всего, это касается военной лирики. К примеру, в стихотворении «Слово Родины» (1941), девушки отправляя брата на фронт Великой Отечественной войны, обращаются к нему со словами:

> Смотри, мы в гриву твоего коня
> Вплетаем ленты, чтобы милый брат
> Их сохранил до радостного дня [Кешоков 1982: 22].

Образ «*ленты*» в данном контексте нагружен богатым символическим комплексом, вбирающим в себя идеи связи с родным домом, моральной поддержки бойцов, обещанием горянок «*братьев заменять в труде, на пашнях, на заводах, в рудниках*» [Кешоков 1982: 22]. Обращает на себя внимание и образ матери, которая в час беды отправляет сына на войну со словами: «*Иди, садись на белого коня*» [Кешоков 1982: 31]. И, как водится, здесь образ матери двупланов, он обозначает как конкретную родительницу героя, так Родину-мать.

Как мы отметили выше, одним из первых в отечественной литературе тему приравнивания коня и человека, коня и девушки отметил в «Бэле» М.Ю. Лермонтов. Сходный мотив запечатлен и в стихотворении А. Кешокова «Всадник». Примечательно то, что единый глагол «любоваться» употреблен автором по отношению как к табуну лошадей, так и к сельской красавице: табунщик любуется «конями в их гордой красе», народ же любуется дочерью табунщика. По сюжету, старику, мечтающему выдать дочь за достойного джигита, на горной дороге повстречался удалой всадник с «прытью молодой» [Кешоков 1982: 17]. На шутливое предложение отца взять его дочь в жены в придачу с хорошим конем, молодой человек отвечает:

Чужих скакунов не седлали,
Дареных не держим коней,
А дочка твоя… не она ли
Под черною буркой моей!.

Перевод М. Петровых [Кешоков 1982: 17].

В неожиданной парадоксальной концовке стиха содержится важная философская мысль: пока человек преклонного возраста соображает и строит планы, «прыть молодая» в сговоре с конем успевает весь план привести в действие.

Редчайший случай иппологической концептуализации несчастной, безответной любви, причем, где в роли жестокосердного скакуна выступает девушка, а в роли хрупкого, ранимого цветка – юноша, мы обнаруживаем в стихотворении А. Кешокова «Одуванчик». Произведение представляет собой амебейную композицию, где в первой, «природной», части речь идет о том, что на лугу рос кроткий, нежный цветок на тонком стебельке. Неожиданно в этих местах появился «*всадник словно птица, // Рыжий конь весь в мыле*» [Кешоков 1982: 14] и бездумно растоптал беззащитное растение. Во второй, «антропологической», части текст декодируется, и читатель узнает, что безжалостно растоптанным цветком оказывается сам лирический герой, а злой, иррациональной силой, погубившей невинное создание – дама его сердца. Стихотворение завершается авторским пожеланием в адрес девушек, чтобы они были немного милосерднее, «*чем тот всадник в поле, // Скачущий на воле*» [Кешоков 1982: 15]. Это тип стиха «с акцентированным вниманием к нравственному здоровью, как основе семейного благополучия» [Берберов 2016: 97].

Алиму Кешокову свойственно конкретизировать абстрактное понятие «время», «возраст» путем обращения к образному потенциалу «коня». В одном из ретроспективных стихотворений лирический герой воспоминает мотивирующие слова своего отца, который в детстве его подбадривал словами: «*Глядишь, пройдут года, // Из жеребенка выйдет добрый конь*» [Кешоков 1982: 107]. Здесь мы наблюдаем весьма характерный для кабардинской ментальности прием идентификации коня и человека в аксиологическом аспекте.

Еще более виртуозно с талантом живописца, с использованием нетривиальных колористических решений А. Кешоков в стихотворении с «говорящим» заголовком «Всадник в красном башлыке» визуализирует временной промежуток от рассвета до заката. В его представлении утреннее солнце – это всадник в темно-синей черкеске и ярко-красном башлыке. По мере того, как «конечеловек» поднимается к зениту, его черкеска светлеет, приобретает небесно-голубой оттенок. Оставаясь в том же парадигмальном поле, автор «успевает» отметить и такую сезонную подробность, что зимой «небесный конь» скачет быстро, а летом подольше задерживается на небосклоне. В последней, философской строфе всадник в красном башлыке и вовсе представляется автору как кавказский Гегель, напоминающий читателю о диалектическом единстве противоположностей, о вечной борьбе между тьмой и светом.

Представители разных народов по-разному изображают наступление Нового года. Кто-то эту абстрактную временную категорию опредмечивает в форме

Деда-Мороза, кто-то в виде соответствующего гороскопического животного. Ожидаемым образом А. Кешоков в рамках мифопоэтических традиций своего народа представляет Новый Год как неразрывный тандем человека и коня:

Двенадцать бьет. И всадник появляется!
На белом иноходце у ворот.
За всадника! До дна, как полагается!
Да будет он счастливым, Новый год!

«Новогоднее»
Перевод Я. Козловского [Кешоков 1982: 157].

В стихотворении «Цвет радости» лирический герой А. Кешокова в попытке выразить свои чувства по поводу уходящей молодости, появление седых волос на голове, прибегает к метафорическому комплексу «конь-похищение»:

И если белеть мои волосы стали,
То значит, средь белого дня
У вестника радости вестник печали
Похитил однажды коня
Перевод Я. Козловского [Кешоков 1982: 224].

Здесь кратко изложим, в каких еще дискурсивных срезах встречаются ипологические образы А. Кешокова. Пахарю в его стихах необязательно читать книги для того, чтобы почувствовать дыхание истории, – он это ощущает, когда при распашке долины его плуг неожиданно натыкается на «конский череп» [Кешоков 1982: 310].

Этноментально обусловленное видение героев А. Кешокова проявляется в их склонности уподоблять многие объекты мироздания геометрической конфигурации коня или предметам конной амуниции. К примеру, вид полуночного месяца с двумя загнутыми концами ему представляется как «стремя, которое небеса хотят ему подарить» [Кешоков 1982: 316]. Встречается много интересных примеров, где ветер – «всадник продрогший» [Кешоков 1982: 314], он «уздечку пропавшую ищет» [Кешоков 1982: 315]. Есть варианты и во множественном числе – «ветры по ущельям разбрелись, как по стойлам кони» [Кешоков 1982: 354].

Как мы отметили выше, А, Кешоков практически любую сферу бытия описывает с обращением к образу «коня» и его производным. Но в наибольшей степени это касается области литературного творчества. Начнем с того, что сам физический процесс размышления и записи своих мыслей на бумажный лист автор передает своеобразно: никаких письменных столов у окна! В случае с Алимом Кешоковым это – «*Беру перо. И под ногами // Вновь ощущаю стремена*» [Кешоков 1982: 260].

У поэта много философских рассуждений на тему творческой индивидуальности писателя, умения придерживаться своей линии, не подражать другим. На этот счет у него имеется всеобъемлющий ключевой образ «фамильное тав-

ро». Известно, что исстари у каждого конезаводчика, каждого рода были свои опознавательные знаки, которые каленым железом выжигались на теле лошади. По представлению А. Кешокова, такое «тавро» отпечатано на произведениях всех классиков, вследствие чего попытки плагиата изначально по сути своей порочны и несостоятельны. В одном из его шуточных четверостиший плагиатор с грустью признается:

> У известного поэта самобытное перо:
> На любой строке, к несчастью, есть фамильное тавро [Кешоков 1982: 212].

Семантический потенциал слова «тавро» для А. Кешокова настолько важен, что в его поэтическом томе четырехтомника целый цикл назван этим словом. Открывается цикл программным стихотворением «Сперва фамильный знак творили», где автор подробно рассказывает о том, как «огнедышащих коней таврили», «чтоб те на скачках побеждали», «фамильный прославляли знак». Всю эту систему ценностей автор экстраполирует на область художественного творчества, показывая, что под каждым стихотворением стоит фамильное тавро. Завершается текст риторическим вопросом:

> Пишу и думаю в тревоге
> Сегодня так же, как вчера:
> Оценят всадники ль в дороге
> Вас – кони моего тавра?
>
> *Перевод Я. Козловского* [Кешоков 1982: 217].

Вместе с тем у А. Кешокова есть ретроспективные стихи, где его лирический герой с юмором вспоминает как он в юные годы однажды «коня удачи небывалой похитил из чужого табуна» [Кешоков 1982: 193]. Речь идет о том, что

> «влюбленный мальчик» очень хотел произвести впечатление на милую соседку и подарил ей стихи английского романтика Шелли, как свои. Герой благодарит своего заморского собрата за оказанную помощь, он даже не против, чтобы когда-нибудь его далекий молодой потомок тоже воспользовался его стихами для «сердечных дел» [Кешоков 1982: 193].

Но все же в качестве незыблемого принципа для себя он избирает творческий метакод – *«поэт со своею посадкой в седле»* [Кешоков 1982: 218].

Любопытно отметить, что даже такие явления как «литературное братство», «Союз писателей», «шефство над молодыми авторами» А. Кешоков выражает посредством иппологической системы образов – всадник, конный, пеший, наездник, седло и др. В одном из своих стихотворений времен «оттепели» под названием «Хранитель огня» автор представляет, как Председатель Союза писателей СССР Николай Тихонов в виде «прославленного всадника» и «хранителя огня» сидит в эпицентре небосвода, а к нему со всех сторон за советом, за отеческой поддержкой из «подлунного мира» бесконечной вереницей идут «и конные и пешие» [Кешоков 1982: 219].

Точно также на развернутой системе «конских» образов выстроено содержание стихотворения А. Кешокова «Лермонтову». К русскому классику у кавказцев особое почтение, каждый автор по-своему выражает свою любовь к его творчеству. Кешоковскому герою в первую очередь приятно осознавать, что Михаил Юрьевич биографически и творчески тесно связан с кавказским миром, с кабардино-черкесской культурой. Степень органической вписанности русского гения в космос горцев Алим Кешоков показывает посредством этюда, где Лермонтов откинув «бурки черное крыло, садится в кабардинское седло» [Кешоков 1982: 197].

Во вторую очередь Кешоков, как и многие кабардино-балкарские писатели, воспринимает Михаила Юрьевича как своего учителя. По этой причине им легко визуализируется картинка, где он находится в одном «кадре» с русским поэтом:

Когда с коня ты спрыгивал, бывало,
Держал я стремя твоего седла [Кешоков 1982: 197].

Приведенные строки интересны еще и этнокультурной нагрузкой, если учесть, что, согласно адыгскому, да и общекавказскому этикету, юнцам было положено помочь спешиться старшему по возрасту человеку в знак уважения.

М.Ю. Лермонтов очень рано, в 27 лет ушел из жизни. В отечественной поэзии у многих пост-лермонтовских, особенно северокавказских авторов, можно встретить мотив боли, даже чувства вины за то, что не уберегли, не спасли всеобщего любимца. Каждый из них выражает эту боль по-своему, в зависимости от этноментальных императивов, национально-художественных традиций, историко-культурного контекста. С этой точки зрения следует отметить специфический кешоковский подход к этой теме. Судя по анализируемому стиху, он, прежде всего, продумал пространственную организацию «проекта» по защите Лермонтова от «коварных пуль». Себя и Кайсына Кулиева он видит в качестве мюридов, телохранителей русского поэта. При этом все трое находятся на конях и засняты не в статике, а в стремительном движении вперед. Такая «движущаяся дислокация» весьма характерна для поэтики А. Кешокова:

Ты скачешь по горам не иноверцем,
И, как мюриды, издавна верны,
Тебя я слева прикрываю сердцем,
Кайсын Кулиев – с правой стороны.

«Лермонтову»
Перевод Я. Козловского [Кешоков 1982: 197].

И еще один немаловажный штрих: в стихотворении, посвященном Кайсыну Кулиеву, кабардинский поэт, вновь обращаясь к теме всадничества, пишет: «*Мы – всадники, что стремя в стремя // Летят, избрав нелегкий путь*» [Кешоков 1982: 199].

Давая характеристику своим сложным, постоянно «взрослевшим», эволюционировавшим отношениям с Поэзией, А. Кешоков прибегает не только к цве-

товой символике (черноволосый – молодой, белоголовый – пожилой), но и излюбленным образам из сферы конной амуниции: «*Черноволосый, вдел я ногу в стремя, // Белоголовый, я ее настиг*» [Кешоков 1982: 201].

Главным инструментом любого литератора, пишущего человека является перо или карандаш, судя по классической поэзии. Нередки случаи олицетворения авторами своих верных помощников: один именует «перо» своим «слугой», другой – «приятелем», третий – «летящей птицей». В художественном же сознании А. Кешокова, «карандаш – это его «старый конь», «бредущий по целине», «ведущий замысловатый узор», «извечный труд творящий» [Кешоков 1982: 358].

Известный философ и культуролог М.Н. Эпштейн в одной из своих научных работ отмечает, что «животное в поэзии 60-70-х годов выступает прежде всего как жертва, в отношении которой предельно напрягается нравственное сознание человека» [Эпштейн 1990: 120]. В этом контексте можно сразу вспомнить стихотворения В.В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям», В. Слуцкого «Лошади в океане», А. Вознесенского «Морозный ипподром» и др.

Такого рода стихи про дефицит экологической этики у современного человека можно обнаружить и в художественной иппологии А. Кешокова. Как резкий контраст его «аристократичным», горделивым коням выглядит «табун бракованных лошадей», которых безжалостно отправляют на мясокомбинат, поскольку «плохие не нужны колхозу». Между тем табунщик со слезами на глазах прокручивает в памяти подвиги коней, которые с Суворовым проходили через Альпы, сеяли, жали, тянули свадебный поезд, друзьями были человеку. Заканчивается стихотворение на сентиментально-трагической ноте:

Табунщик думал эту думу,
Шагая вдаль дорогой длинной,
И плакал нежный колокольчик
В косматой гриве лошадиной

Перевод Г. Ярославцева [Кешоков 1982: 103].

В контексте стихотворения образ «колокольчика» приобретает символическое значение призыва к людям – задуматься, исправиться, прекратить «необъявленную войну природе» [Художественное творчество 1986: 3].

Пафосом «гуманистского анимализма» [Эпштейн 1990: 97] пронизано и стихотворение А. Кешокова «Кобылицы», где показано, как авторитарной волей человека совершается экологическое преступление против природы: кобылиц увозят в эшелонах на продажу, насильственно оторвав от жеребят. Атмосферу трагического настроения автор передает с помощью метафор: «ветер прял лиловую пряжу», «крики проснувшихся птиц», «боль призывного ржанья», «печальный стук копыт». Это стихотворение также завершается ударной концовкой в скрытой форме, содержащей обвинение против цивилизованного человека:

Паровоз разбегался с усильем,
Загудеть позабыв впопыхах.

И насквозь в это утро кобыльим
Молоком полустанок пропах.

«Кобылицы»
Перевод Я. Козловского [Кешоков 1982: 222].

В художественной системе А. Кешокова иногда встречается бинарная оппозиция, где «коню» противопоставлен «осел». Мы обнаружили два таких образца, они оба представляют собой четверостишия басенного типа. В первом из них («Конь и ишак») речь идет о том, что на узкой горной тропинке встретились два вьючных животных. Когда конь, как более сильная особь, пригрозил «до смерти изувечить ослика, тот ему мудро отвечает: «*Когда я здесь найду свою кончину, // Моя поклажа на твою перекочует спину*» [Кешоков 1982: 204]. Во втором стихотворении в аллегорической форме с использованием зооморфных образов высмеивается человеческое тщеславие:

Решил осел, что пасся в табуне:
Давно пора конем считаться мне.
Заржал как лошадь: – Скакунам хвала! –
Вот только уши выдали осла.

«Осел в табуне»
Перевод Я. Козловского [Кешоков 1982: 207].

Современными лингвокультурологами выяснено, что одно и то же астрально-физическое явление «Млечный путь» на разных этнических языках звучит по-разному: «Серебряная река», «Дорога птиц», «Дорога соломщика», «Соленый путь» [Бахтикиреева 2020: 19]. Думается, каждый народ в очертаниях созвездия видел то, что ему дорого и близко на родных земных просторах.

«Дорога всадника» – так кабардинцы называют Млечный путь. В одном из своих сочинений Алим Кешоков, поясняя этимологические тонкости данного словосочетания, пишет: «Когда всадник из племени нартов-богатырей нес людям похищенный огонь – огромную головешку, конь остановился на всем скаку. Перед всадником зияла гигантская пасть удава. В ночной мгле всадник легко мог угодить в эту пасть, если бы не конь. От резкой остановки конь задними ногами вспахал небо, а от головешки посыпались искры. Они зажглись на небе широкой звездной полосой. Кабардинцы смотрят на небо, на Млечный Путь, и говорят – Путь Всадника» [Кудаева 2019: 168]. Как этнофор, смеем предложить и другой, более точный перевод кабардинской номинации «Млечного пути» – Шыхуъагъуэ, что буквально обозначает «Коннопрогонный путь» или «Тропа для перегона лошадей».

Перу А. Кешокова принадлежит несколько стихотворений, где прямо или косвенно упоминается Млечный путь. Первое из них было написано в 1944 г. В нем романтически настроенный лирический герой, вглядываясь в небосклон, пытается разгадать судьбу и помыслы своего далекого звездного предка. Особенностью текста является целый каскад риторических вопросов: «Что всадника увлечь сумело в дали?», «Что высекли созвездья в вышине?», «Не был ли он влюблен?», «Сумеет ли вернуться он назад?» [Кешоков 1982: 43].

Судя по концовке, автор считает, что путь Небесного Всадника в метафорическом смысле должен быть ориентиром для каждого целеустремленного землянина, жаждущего духовного роста, полета, желания, подобно своему далекому предку, оставить после себя на небесах звездный след.

После полета Юрия Гагарина в космос (1961) во всем мире необычайно популярной становится космическая тематика. Инверсированное художественное решение этой темы мы обнаруживаем в стихотворении А. Кешокова «У меня в гостях». Оригинальность текста заключается в том, что не человек летит в космос, а, наоборот, звездный скиталец в образе кабардинского Всадника прилетает в гости к поэту, на время «покинув Млечный путь» [Кешоков 1982: 183]. Главной миссией инопланетного гостя было – одарить «сына Земли» творческим вдохновением и пригласить посетить другие небесные миры.

Отличительной чертой стихотворения «Вечерние стихи» также является «философия вертикали» [Кучукова 2005: 30], в нем весь мир увиден лирическим героем из иллюминатора самолета, в том числе, закат, горные вершины, «белый шлейф луны» и «Млечный Путь посреди вышины» [Кешоков 1982: 220].

Под впечатлением визита в Дагестан к своему другу Расул Гамзатову в 1976 г. А. Кешоков написал стихотворение «В ауле Цада». Интересно наблюдать за тем, как в художественном сознании кабардинского поэта бытовые реалии высокогорного аула мгновенно связываются с привычным для него образом «Путь всадника». Основанием для такого умозаключения является визуальная картинка: «*Мыча, в Цада вступает стадо // Как бы по Млечному Пути*» [Кешоков 1982: 318].

О переводческих неточностях. В ходе исследования мы обнаружили одно переведенное на русский язык Я. Козловским четверостишие А. Кешокова «Велика мгновенья власть», содержание которого носит настораживающий характер, поскольку противоречит сложившейся в кабардинском мифопоэтическом сознании «культу коня»:

Велика мгновенья власть
Скачет враг, башку клоня,
Чтоб в него ты смог попасть
Цельсь в голову коня [Кешоков 1982: 210].

Удын епхынум
Ууэнум, япэ зыкъигъахуэ,
Іэнкун укъохъур е ухуэмщ –
Къебудыхыну шур ухуеймэ,
Щхьэм зытепшащІэм кІэм техуэнщ [КІыщокъуэ 2004: 192].

Судя по переводу, автор призывает целиться в голову коня, что для адыгской культуры является немыслимым. Сверившись с оригиналом, мы убеждаемся в том, что смысловые акценты в переводе заметно сместились и произошла «”утечка” онтологической информации» [Кучукова 2005: 253]. Для сравнения ниже переведем буквальный, подстрочный перевод подлинника:

Если хочешь нанести удар
Если хочешь ударить, тогда ударь первым,
А то будешь нерешительным или медлить –
Если ты хочешь всадника скинуть с лошади,
Пока будешь целиться в голову всадника, попадешь за хвост коня.

Перевод автора статьи

В оригинале автор хотел сделать акцент на быстром принятии решения, на незамедлительном действии без колебаний. И сравнивает это с тем, что пока ты, мешкая, целишься, пуля попадет за хвост всадника.

На основании исследованного материала можно сделать вывод о том, что интерпретационное поле концепта «конь» в творчестве Алима Кешокова отличается широким спектром вариативности. Сущность его определяется органическим, непротиворечивым сочетанием универсального ядра и этноспецифических особенностей, предопределенных факторами национальной истории, адыгского менталитета, творческого почерка А лима Кешокова.

Мифопоэтический образ «коня», рассмотренный в соответствии с концепцией исторической поэтики, позволил обнаружить следующее культурно-иппологические коды в поэтическом творчестве А. Кешокова: «знак интенсивности времени», «alter ego человека», «реализация творческих возможностей личности», «аристократический статус», «астральный образ, назначение которого – тянуть человека к духовным высотам».

Перспективным видится дальнейшее исследование периферийных образов «коня», связанных с концептами «конокрад», «грива», «табун», «табунщик», «подкова», «неук», «объездчик», «наездник».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтикиреева 2020 – *Бахтикиреева У.М.* Изучение и описание национальных образов коренных народов РФ посредством носителей языка, фольклора и литературы – осознанная необходимость // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Абакан, 1–2 октября 2020 г.) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2020. – С. 14-22.

Берберов 2016 – *Берберов Б.А.* Ценностная картина мира в карачаево-балкарской бытовой сказке // Вестник КБИГИ. – 2016. – № 4 (31). – С. 95-98.

Гачев 2003 – *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 544 с.

КІыщокъуэ 2004 – *КІыщокъуэ А.П.* Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. – Т. 1. Усэмрэ поэмэхэмрэ. – Налшык «Эльбрус», 2004. – 512 с.

Калоев 1993 – *Калоев Б.А.* Скотоводство народов Северного Кавказа. С древнейших времен до начала XX века. – М.: Наука, 1993. – 227 с.

Кешоков 1982 – *Кешоков А.П.* Собрание сочинений: В 4-х т. – Т. 4. Стихотворения и поэмы. Авториз. пер. с кабард. – М.: Художественная литература, 1982. – 494 с.

Кудаева 2019 – *Кудаева З.Ж.* О мифопоэтической семантике одного поэтического образа в лирике Алима Кешокова // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 4. – С. 166-174.

Кучукова 2005 – *Кучукова З.А.* Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. – 312 с.

Лапинский 2021 – *Лапинский Т.И.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2021. – 346 с.

Лермонтов 2022 – *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени. – Москва: Эксмо, 2022. – 320 с.

Меретуков 1980 –*Меретуков М.А* Хозяйство у адыгов // Культура и быт адыгов (Этнографические исследования). – Выпуск III. – Майкоп: Адыгейский научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории, 1980 – С. 3-92

Мирзоев 1998 – *Мирзоев А.С.* Институт наездничества "ЗекIуэ" у адыгов (черкесов) в XVIII – первой половине XIX веков". Автореф… дисс. канд. ист. наук. – Москва, 1998. – 26 с.

Мирзоев 2004 – *Мирзоев А.С.* Черкесское наездничество «ЗекIуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII - первой половине XIX века 2004. – Нальчик, 2004. – С. 26.

Мирзоев 2017 – *Мирзоев А.С.* Роль кабардинской лошади в черкесской истории // Вестник КБИГИ. – 2017. – №1 (32). – С. 30-37.

Нарты. Кабардинский эпос 2013 – Нарты. Кабардинский эпос: классический перевод кабардинского эпоса «Нарты» (по изданию 1957 г.). – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2013. – 452 с.

Потто 2005 – *Потто В.А.* Кавказская война. Том 1. От древнейших времен до Ермолова, (Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях/ В 5 томах). – М.: Центрполиграф, 2005. – 329 с.

Спенсер 1994 – *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию предисловие, перевод и комментарии Н. Нефляшевой. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994. – 153 с.

Хан-Гирей 1978 - *Хан-Гирей С.* Записки о Черкесии / Вступит. ст. и подготовка текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбтова.- Нальчик: Эльбрус, 1978. – 330 с.

Художественное творчество 1986 – Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения. Человек – природа – искусство. – Ленинград: Издательство «Наука», 1986. – 272 с.

Шинкуба 2014 – *Шинкуба Б.В*. Последний из ушедших. Исторический роман. Перевод К. Симонова и Я. Козловского с абхазского. – Сухум: Абгосиздат, 2014. – 384 с.

Эпштейн 1990 – *Эпштейн М.Н*. Природа, мир, тайник вселенной…: Система пейзажных образов в русской поэзии: Науч.-попул. – М.: Высш. шк., 1990. – 303 с.

REFERENCES

BAKHTIKIREEVA U.M. *Izuchenie i opisanie natsional'nykh obrazov korennykh narodov RF posredstvom nositelei yazyka, fol'klora i literatury – osoznannaya neobkhodimost'* [The study and description of the national images of the indigenous peoples of the Russian Federation through native speakers, folklore and literature is a recognized need]. IN: *Sokhranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri: materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Abakan, October 1–2 2020)* / Edited by T. G. Borgoyakova. – Abakan: FGBOU VO «Khakasskii gosudarstvennyi universitet im. N. F. Katanova», 2020. – P. 14-22. (In Russ.).

BERBEROV B.A. *Cennostnaja kartina mira v karachaevo-balkarskoj bytovoj skazke* [Value picture of the world in the Karachay-Balkar household tale]. IN: Vestnik KBIGI. – 2016. – № 4 (31). – P. 95-98. (In Russ.).

GACHEV G.D. *Mental'nosti narodov mira* [Mentality of the peoples of the world]. – Moscow: Jeksmo, 2003. – 544 p. (In Russ.).

KIYSHHOKUJE A.P. *Thygjehjer tomihym shhyzjehujeh'jesauje*. - *T. 1. Usjemrje pojemjehjemrje* [Collection of works in six volumes. – V.1. Poems] Nal'chik: Jel'brus, 2004. 488 p. (In Kabardino-Circassian).

KALOEV B.A. *Skotovodstvo narodov Severnogo Kavkaza. S drevnejshih vremen do nachala XX veka* [Cattle breeding of the peoples of the North Caucasus. From ancient times to the beginning of the 20th century]. – Moscow: Nauka, 1993. – 227 p. (In Russ.).

KESHOKOV A.P. *Sobranie sochinenij: V 4-h t. – T. 4. Stihotvorenija i pojemy. Avtoriz. per. s kabard.* [Collected Works: In 4 vols. – Vol. 4. Poems and poems. Authorized translation from Kabardian]. – Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1982. – 494 p. (In Russ.).

KUDAEVA Z.ZH. *O mifopojeticheskoj semantike odnogo pojeticheskogo obraza v lirike Alima Keshokova* [On the mythopoetic semantics of one poetic image in the lyrics of Alim Keshokov]. IN: Jelektronnyj zhurnal «Kavkazologija». – 2019. – № 4. – P. 166-174. (In Russ.).

KUCHUKOVA Z.A. *Ontologicheskij metakod kak jadro jetnopojetiki: (Karachaevo-balkarskaja mental'nost' v zerkale pojezii)* [Ontological metacode as the core of ethnopoetics: (Ka-

rachay-Balkar mentality in the mirror of poetry)]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotljarovyh, 2005. – 312 p. (In Russ.).

LAPINSKIJ T.I. *Gorcy Kavkaza i ih osvoboditel'naja bor'ba protiv russkih* [Highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotljarovyh, 2021. – 346 p. (In Russ.).

LERMONTOV M.JU. *Geroj nashego vremeni* [Hero of our time]. – Moscow: Jeksmo, 2022. – 320 p. (In Russ.).

MERETUKOV M.A *Hozjajstvo u adygov* [The economy of the Circassians].IN: *Kul'tura i byt adygov (Jetnograficheskie issledovanija). – Vypusk III*. – Majkop: Adygejskij nauchno-issledovatel'skij institut jekonomiki, jazyka, literatury i istorii, 1980 – P. 3-92 (In Russ.).

MIRZOEV A.S. *Institut naezdnichestva "ZekIuje" u adygov (cherkesov) v XVIII – pervoj polovine XIX vekov". Avtoref… diss. kand. ist. Nauk* [Institute of horsemanship "ZekIue" among the Adyghes (Circassians) in the 18th - first half of the 19th centuries". Abstract of the dissertation of a candidate of historical sciences]. – Moscow, 1998. – 26 p. (In Russ.).

MIRZOEV A.S. *Cherkesskoe naezdnichestvo «ZekIuje». Iz istorii voennogo byta cherkesov v XVIII – pervoj polovine XIX veka 2004* [Circassian horsemanship "ZekIue". From the history of the military life of the Circassians in the XVIII – the first half of the XIX century 2004]. – Nal'chik, 2004. – P. 26. (In Russ.).

MIRZOEV A.S. *Rol' kabardinskoj loshadi v cherkesskoj istorii* [The role of the Kabardian horse in Circassian history]. IN: *Vestnik KBIGI*. – 2017. – № 1 (32). – P. 30-37. (In Russ.).

Narty. Kabardinskij jepos: klassicheskij perevod kabardinskogo jeposa «Narty» (po izdaniju 1957 g.) [Narty. Kabardian epic: a classic translation of the Kabardian epic "Narty" (according to the 1957 edition)]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotljarovyh, 2013. – 452 p. (In Russ.).

POTTO V.A. *Kavkazskaja vojna. Tom 1. Ot drevnejshih vremen do Ermolova, (Kavkazskaja vojna v otdel'nyh ocherkah, jepizodah, legendah i biografijah/ V 5 tomah)* [Caucasian war. Volume 1. From ancient times to Yermolov, (The Caucasian War in separate essays, episodes, legends and biographies / In 5 volumes)]. – Moscow: Centrpoligraf, 2005. – 329 p. (In Russ.).

SPENSER JE. *Puteshestvija v Cherkesiju predislovie, perevod i kommentarii N. Nefljashevoj* [Travels in Circassia foreword, translation and comments by N. Neflyasheva] – Majkop: RIPO «Adygeja», 1994. – 153 p. (In Russ.).

HAN-GIREJ C. Zapiski o Cherkesii [Notes about Circassia] / Introductory article and preparation of the text for publication by V.K. Gardanov and G.Kh. Mambtova. – Nal'chik: Jel'brus, 1978. – 330 p. (In Russ.).

Hudozhestvennoe tvorchestvo. Voprosy kompleksnogo izuchenija. Chelovek – priroda – iskusstvo [Artistic creativity. Issues of complex study. Man - nature – art]. – Leningrad: Nauka, 1986. – 272 p. (In Russ.).

SHINKUBA B.V. *Poslednij iz ushedshih. Istoricheskij roman. Perevod K. Simonova i Ja. Kozlovskogo s abhazskogo* [The last of the departed. Historical novel. Translation by K. Simonov and Y. Kozlovsky from Abkhazian] – Suhum: Abgosizdat, 2014. – 384 p. (In Russ.).

JEPSHTEJN M.N. *Priroda, mir, tajnik vselennoj…: Sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj pojezii: Nauch.-popul.* [Nature, the world, the secret of the universe…: The system of landscape images in Russian poetry: Popular Science] – Moscow: Vysshaja shkola., 1990. – 303 p. (In Russ.).

Информация об авторе
К.С. Тхакахова – аспирант.
Information about the author
K.S. Tkhakakhova – graduate student.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023 г.; одобрена после рецензирования 09.06.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-279-292
EDN: UHZXUE

ЛЪЭПКЪ САБИЙ ЛИТЕРАТУРЭР ЗЭРЫЗЭФIЭУВАР, АБЫ И НЭЩЭНЭ НЭХЪЫЩХЬЭХЭР

ТIымыжь Хьэмыщэ Тэркъан и къуэ[1], Бозий Наимэ Борис ипхъу[2]
[12] Бэрбэч Хь. М. и цIэр зезыхьэ Къэбэрдей-Балъкъэр къэрал университет, Налшык, Урысей
[1] timigev.ha@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6776-8004
[2] naimabozieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0767-2825

Аннотацэ. Мы щIэныгъэ тхыгъэр адыгэ сабий литературэр къызэрежьам, абы лъабжьэ хуэхъуа Iуэхугъуэхэм теухуащ. Гулъытэ нэхъыщхьэ статьям щигъуэтащ егъэджэныгъэмрэ сабий щэнгъасэмрэ быдэу зэпыщIауэ сыт щыгъуи къызэрызэдэгъуэгурыкIуэм. Апхуэдэу лэжьыгъэм къыщыгъэлъэгъуащ сабий литературэр зищIысым, абы иIэ щхьэхуэныгъэхэм урыс, хамэ лъэпкъ щIэныгъэлIхэр зэрыбгъэдыхьэ щIыкIэхэри, ныбжьыщIэхэм яхуэгъэза адыгэ литературэм сыт хуэдэ лъэхъэнэми гъуазэу иIахэр. Къэхутэныгъэм и щIэщыгъуагъыр зэхьэлIар лъэпкъ литературэ щIэныгъэм гулъытэ нэс зыхуимыщIа адыгэ сабий литературэм и зыужьыкIэрщ. Лэжьыгъэм щIэныгъэ метод зыбжанэ къыщыгъэсэбэпащ: тхыдэ-зэгъэпщэныгъэ, гъэбелджылыныгъэ Iэмалхэр, литературэ анализыр, нэгъуэщIхэри. Къэхутэныгъэм кърикIуахэр адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) сабий литературэр джынымкIэ, апхуэдэуи еджапIэ нэхъыщхьэхэр зэреджэн спецкурсхэр зэхэлъхьэнымкIэ сэбэп хъунущ. Апхуэдэу ар къахуэщхьэпэнущ адыгэ литературэм, зэрыщыту Кавказ Ищхъэрэм щыпсэу лъэпкъхэм я литературэхэм я тхыдэр тхыжыным елэжьхэм.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: сабий литературэ, IуэрыIуатэ, тхыбзэ, щэнгъасэ, гъэсэныгъэ, узэщIакIуэ, метод, тхыдэ-литературэ унэтIыныгъэ.

Цитатэ къызэрыхэпхынур: ТIымыжь Хь.Т., Бозий Н.Б. Лъэпкъ сабий литературэр зэрызэфIэувар, абы и нэщэнэ нэхъыщхьэхэр // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 279-292. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-279-292. EDN: UHZXUE.

© ТIымыжь Хь.Т., Бозий Н.Б., 2023

Original article

HISTORICAL AND CULTURAL STAGES OF DEVELOPMENT OF KABARDINO-CIRCASSIAN CHILDREN'S LITERATURE

Khamisha T. Timizhev[1], Naima B. Bozieva[2]
[12] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1] timigev.ha@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6776-8004
[2] naimabozieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0767-2825

Abstract. This article examines the historical and cultural stages of the development of Kabardino-Circassian children’s literature. The main attention is paid to the inseparable connection of

education and upbringing of children. The work focuses on the fact that children's literature is a part of fiction, with its own characteristics arising from its educational and academic tasks: it enriches young readers' understanding of the past and present of their people, helps to assimilate high moral principles, reveals the beauty of a man's feat in the name of the Motherland. The study of the evolutionary development of children's literature is dictated by the requirements of deep scientific coverage of literary process and tasks of further development of national literature. The relevance of the research is determined by the insufficient study of children's literature, the need to fill the existing gap in modern Adyghe literary studies. This article also defines the term "children's literature", provides views of Russian and foreign scientists, examines the first works in the Adyghe language of Circassian educators. During the study, a set of scientific methods was applied, including comparative-historical, description, literary analysis. The results obtained can be used in further research of the history of Adyghe (Kabardino-Circassian) children's literature, as well as the development of special courses and research in the field of national philology.

Keywords: children's literature, Adyghe folklore, writing, culture, education, enlightenment, method, historical and literary process.

For citation: Timizhev Kh.T., Bozieva N.B. Historical and cultural stages of development of Kabardino-Circassian children's literature. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 279-292. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-279-292. EDN: UHZXUE.

© Timizhev Kh.T., Bozieva N.B., 2023

Научная статья

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Хамиша Тарканович Тимижев[1], Наима Борисовна Бозиева[2]

[12] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

[1] timigev.ha@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6776-8004

[2] naimabozieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0767-2825

Аннотация. В статье рассматриваются историко-культурные этапы развития кабардино-черкесской детской литературы. Главное внимание уделено на неразрывную связь просвещения и воспитания детей. В работе делается акцент на то, что детская литература часть художественной литературы, со своими особенностями, вытекающие из ее воспитательно-образовательных задач: она обогащает представление юных читателей о прошлом и настоящем своего народа, помогает усваивать высокие нравственные принципы, раскрывает красоту подвига человека во имя Родины. Изучение эволюционного развития детской литературы диктуется требованиями глубокого научного освещения литературного процесса и задачами дальнейшего развития национальной литературы. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью детской литературы, необходимостью восполнить существующий пробел в современном адыгском литературоведении. В статье также дается определения термину «детская литература», приводятся взгляды русских и зарубежных ученых, рассматриваются первые произведения на адыгском языке черкесских просветителей. В ходе исследования применен комплекс научных методов, в том числе сравнительно-исторический, описание, литературный анализ. Полученные результаты могут быть использованы при изучении истории адыгской (кабардино-черкесской) детской литературы, а также разработке спецкурсов и проведении исследований в области национальной филологии.

Ключевые слова: детская литература, адыгский фольклор, письменность, культура, воспитание, просвещение, метод, историко-литературный процесс.

Для цитирования: Тимижев Х.Т., Бозиева Н.Б. Историко-культурные этапы развития кабардино-черкесской детской литературы // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 279-292. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-279-292. EDN: UHZXUE.

© Тимижев Х.Т., Бозиева Н.Б., 2023

Адыгэ лъэпкъым гупсысэ шэщIа иIэнымкIэ сабий литературэмрэ абы хуэлажьэ тхакIуэ-усакIуэхэмрэ я къалэмыпэ къыщIэкIахэм я мыхьэнэр пхужымыIэным хуэдизу лъапIэщ. «Ахэращ, образ дахэхэр щIэблэм гъуазэ хуащIкIэрэ, ныбжьыщIэм и зэчиймрэ зэфIэкIымрэ къызэIуезыгъэхыр. Апхуэдэу лъэпкъ тхакIуэхэм я Iэдакъэщ1экIхэр хуолажьэ цIыхубэм хигъэщхьэхукIа лъапIэныгъэ нэхъыщхьэхэм сабийхэр щIэпIыкIыным, адыгэ хабзэмрэ нэмысымрэ хуэпэжу къэгъэхъуным, хэкур фIыуэ ялъагъуу, адэ-анэхэмрэ благъэхэмрэ яхуэфащэ пщIэ хуащIыфу къэгъэтэджыным» [Тимижев 2021: 196]. Сабий литературэр адыгэ лъэпкъым иIэ хъун папщIэ абы къикIуа гъуэгуанэр къэгъэнэIуэжыныр къалэн нэхъыщхьэу зыщыхуэдгъэувыжащ мы статьям. Абы ипэ къихуэу къытеувыIапхъэу къыдолъытэ а литературэ лIэужьыгъуэр зищIысым, абы щIэныгъэлIхэм хуаIэ бгъэдыхьэкIэхэм.

Ди лэжьыгъэм и тегъэщIапIэщ литературэ щIэныгъэм, егъэджэныгъэм ехьэлIауэ щыIэ урыс, нэгъуэщI лъэпкъ еджагъэшхуэхэм я къэхутэныгъэхэр. Апхуэдэщ, псалъэм папщIэ, Ушинский К.Д., Лойтер С.М., Левин К.А., Мотяшов И.П., Михалков С.И., Колесовэ Л.Н., Чуковский А.Н., Петровский М.С., нэгъуэщIхэри. Дэ къэдгъэсэбэпащ адыгэ узэщIакIуэхэу Нэгумэ Ш.Б., Хъан-Джэрий С., Бырсей У.Хь., ХьэтIохъущокъуэ Къ.М., Тамбий П.И., Дым I.А., Цагъуэ Н.А. сымэ я лэжьыгъэхэри. Теорие и лъэныкъуэкIэ тегъэщIапIэ нэхъыщхьэу диIащ «Адыгэ литературэм и тхыдэ». Япэ том (2010), «Адыгэ литературэм и тхыдэ». ЕтIуанэ том (2013), «Адыгэ литературэм и тхыдэ». Ещанэ том (2021) лэжьыгъэхэр, иджырей лъэпкъ щIэныгъэлIхэм я къэхутэныгъэхэр, статьяхэр.

Сабий темэм гулъытэ хуащIу къогъуэгурыкIуэ литературэр гъуазджэм Iыхьэ щхьэхуэу къызэрыхэкI лъандэрэ. Адыгэ литературэм и япэ лъэбакъуэхэм къыбжаIэ ар тыншу зэрызэфIэувар. Абы хэкIыпIэ хуэхъуащ IуэрыIуатэмрэ зыдэплъеин литературэ зызыужьахэмрэ, псалъэм папщIэ, урыс, къуэкIыпIэмрэ къухьэпIэмкIэрэ щыпсэу лъэпкъхэм яйхэр.

«Сабий литературэ» терминым бгъэдыхьэкIэ зэхуэмыдэхэр хуаIэщ щIэныгъэлIхэм. Ауэ псори зэзышалIэхэри щыIэщ, псалъэм папщIэ, цIыкIухэм папщIэ балигъхэм зэхалъхьа художественнэ тхыгъэхэуи, балигъхэм яхуэгъэзами, сабийхэр зыдэплъеин, щапхъэ яхуэхъун Iуэхугъуэхэр зи гупсысэ нэхъыщхьэ литературэуи ар къызэрыкIуэр. Сабий литературэр щIэныгъэ уэзыгъэгъуэтщ, гъэсэныгъэ мыхьэнэкIэ къулейщ. Ар адрей лIэужьыгъуэхэм къащхьэщокI лъэпкъ педагогикэм, гъуазджэм зэрепхамкIэ. АбыкIэ ар мэхъу тхылъеджэм хуэгъэзауэ щыт гъуазджэм и Iыхьэ, «дыкъэзыухъуреихь дунейр

ІэпкълъэпкъкІи псэкІи зыхищІэным, къэгъэІурыщІэным и пкъыгъуэ щхьэхуэ» [Краткий словарь… 1978: 380].

ЩІэныгъэлІ Мотяшов И.П. къызэрилъытэмкІэ, «сабий литературэм ныбжьыщІэр псэкІэ къулей ещІ, цІыху щхьэхуэм и зыхэщІыкІым зегъэужьыным хущІокъу, дунейм щІытетыр къыгурыІуэнымкІэ дэІэпыкъуэгъу мэхъу» [Мотяшов 1974: 14].

ХХ–ХХІ лІэщІыгъуэхэм я зэблэкІыгъуэ лъэхъэнэм сабий литературэм нэхъыщхьэ щохъу сабийм тхыгъэхэр зэрызыхищІэм и щхьэхуэныгъэхэр джыныр. Абы ехьэлІауэ щІэныгъэлІ Арзамасцев И.Н. етх: «Сабий литературэм и щытыкІэ хэхар елъытащ, псом япэрауэ, тхылъеджэм и ныбжьым» [Детская литература 2005: 308]. Абы йокІуалІэ Колесовэ Л.Н. и Іуэху еплъыкІэри: «Сабий тхакІуэм дежкІэ нэхъыщхьэу щытщ и тхылъеджэр зэрыгупсысэр, литературэ тхыгъэр, дунейр зэрызыхищІэр къыгурыІуэныр» [Колесова 2013: 13].

Урыс литературэ щІэныгъэм езым и бгъэдыхьэкІэ иІэжщ сабий литературэр джыным и Іуэхум. Абыхэм ящыщщ сабий литературэр гъэсэныгъэ, эстетикэ къалэнхэм епхауэ къагурыгъэІуэныр. Апхуэдэ бгъэдыхьэкІэр щызэпкърыхащ Чуковский К., Лойтер С., Путиловэ Е. сымэ, нэгъуэщІхэми я лэжьыгъэхэм. Абыхэм я дежкІэ нэхъыщхьэ мэхъу сабийм и психикэм, и хьэл-щэным хэлъ щхьэхуэныгъэхэр къазэрыгурыІуэр. «Сабийм и дунейр щхьэхуэщ, къызэгъэпэщыныгъэ щхьэхуэщ, зи гурыІуэныгъэмрэ гупсысэхэмрэ адрейхэм емыщхьу» [Детская литература 2005: 103].

Сабий литературэм и щытыкІэ нэхъыщхьэщ гъэсэныгъэ-егъэджэныгъэм тегъэщІауэ зэрыщытыр. Абы епхащ а литературэ лІэужьыгъуэм и щхьэхуэныгъэ къыхагъэщхэр: ныбжьыщІэхэр и лІыхъужь нэхъыщхьэщ, темэ къиІэтхэри тещІыхьащ сабийхэм я ныбжьым. Ахэр инкъым, текстхэм сурэт щІыгъущ, тыншу тхащ, диалог куэду хэтщ, къеджэгъуафІэщ, къэхъукъащІэ куэдым ущрохьэлІэ, гуфІэгъуэ кІэух яІэщ (ем фІыр щытокІуэ).

Сабийхэм яхуэгъэза тхыгъэхэм ягъэзащІэ къалэнри зэщхьэщокІ. Ахэр джыным елэжьащ урыс педагог цІэрыІуэхэр, щІэныгъэлІхэр. Куэдым къызэрагъэлъагъуэмкІэ, сабий литературэм и лъабжьэщ ІуэрыІуатэр. Аращ адыгэ сабий литературэми и къыхэкІыпІэри. Сабий ІуэрыІуатэм щІэныгъэлІхэм Іуэху еплъыкІэ зэхуэмыдэ хуаІэщ. Языныкъуэхэм къызэрагъэувымкІэ, «сабий ІуэрыІуатэкІэ» узэджэ хъунур езы цІыкІухэм къагъэщІахэрщ. НэгъуэщІ щІэныгъэлІхэм зэрыжаІэмкІэ, Іэмал имыІэу Іуэхум къыхэлъытэн хуейщ цІыкІухэм папщІэ балигъхэм зэхалъхьахэри. Аращи, «щІэныгъэм «сабий ІуэрыІуатэр» зищІысыр щызэхигъэкІкІэ, щІэныгъэлІхэм я Іуэху бгъэдыхьэкІитІыр Іуэхум къыхелъытэ, тегъэщІапІэ ещІ» [Пшибиев 1998: 178].

Лъэпкъым и хъугъуэфІыгъуэ иныр зэхуэхьэсыжыным ехьэлІауэ лэжьыгъэ куэд зэфІагъэкІащ XIX лІэщІыгъуэм – XX-нэм и пэщІэдзэм псэуа адыгэ щІэныгъэлІ-узэщІакІуэхэм. Апхуэдэхэщ Нэгумэ Шорэ, Хъан-Джэрий СулътІан, Бырсей Умар, ХьэтІохъущокъуэ Къазий, Къэшэж ТІалиб, Тамбий Пагуэ, Дым Іэдэм, Цагъуэ Нурий сымэ. А лэжьыгъэ щхьэпэм пащащ ЩоджэнцІыкІу Алий, ЩэрэлІокъуэ Талъостэн, ЩакІуэ Талъостэн, Елбэрд Хьэсэн, КІуащ БетІал, Шортэн Аскэрбий, КъардэнгъущІ Зырамыку, Нало Заур, Гъут Іэдэм, Бгъэжьнокъуэ Барэсбий, Къэрмокъуэ Хьэмид, Тхьэмокъуэ Женя сымэ,

нэгъуэщIхэми. Сабий IуэрыIуатэр зэхуэхьэсыным, джыным нэхъ гуащIэшхуэ ирихьэлIащ Нало Заур. Сабийхэм фIэкIа нэгъуэщIым хуамыIуатэ тхыгъэхэр Налом зэхуихьэсщ, тхылъ ищIри («Инэмыкъуэ», «Аслъэныкъуэ», «Джэгузэхэшэ», «Таурыхъищэ») щIэджыкIакIуэхэм я пащхьэм кърилъхьащ. Ауэ мыбдежым къыщыхэгъэщын хуейщ Налом бгъуфIэ ищIар лъэпкъ узэщIакIуэхэм хаша лъагъуэр арауэ зэрыщытыр. Псалъэм папщIэ, а Iуэхум иIэ мыхьэнэр кууэ къагурыIуэу лъэпкъым хуэлэжьащ Бырсей Умар (1807–?), ХьэтIохъущокъуэ Къазий (1841–1899), Тамбий Пагуэ (1873–1928), Дым Iэдэм (1878–1937), Цагъуэ Нурий (1883–1936). «XIX лIэщIыгъуэм икухэрщ адыгэ сабий литературэкIэ уеджэ хъуну тхыгъэхэр дунейм къыщытехьар. Ар зи фIыгъэр щIэблэр егъэджэным, гъэсэным, щIэныгъэм зегъэужьыным псэемыблэжу илъэс куэдкIэ хуэлэжьа Бырсей Умарщ» [Тимижев 2021: 197].

Адыгэ сабий литературэм тхыдэ гъэщIэгъуэн иIэщ. Лъэпкъ узэщIакIуэ нэхъыжьхэм фIыуэ къагурыIуэрт щIэблэр егъэджэным и Iуэхум Iэмал имыIэу гъэсэныгъэри игъусэн зэрыхуейр. ЩIэныгъэлIхэм къызэрахутамкIэ, апхуэдэ къарууэ щыIэр ныбжьыщIэхэр дэзыхьэх художественнэ тхыгъэхэрщ. Псыхуабэ щыдэса илъэсхэм Нэгумэ Шорэ анэдэлъхубзэм тхыбзэ хузэхелъхьэ, алыфбей егъэхьэзыр. ИужьыIуэкIэ Налшык къыщызэIуаха анэмэт еджапIэм и унафэщIу икIи и егъэджакIуэу Нэгумэр 1828 гъэм и хэку къагъэкIуэж. А къулыкъур абы и пщэ къыщIыдалъхьар лъэпкъыбзэ зыкъом зэрищIэрт икIи и анэдэлъхубзэм тхыбзэ зэрыхузэхилъхьарт. А еджапIэщIэм адыгэбзэр щригъэджэну ар хуэхьэзыр, и нэ къыхуикI щхьэкIэ, сабийхэм яригъэщIэну ар зыхуитыр урысыбзэмрэ тыркубзэмрэт. Нэгумэм зэман кIэщIым къриубыдэу абы щеджэ сабийхэр псынщIэу, гъэхуауэ урыс тхылъхэм къеджэфу иригъэсащ.

Ауэ, къызэрыхэдгъэщащи, XIX лIэщIыгъуэм икухэрщ сабий литературэкIэ уеджэну тхыгъэ кIэщI цIыкIухэр зэрыбкIэ тедзауэ къыщыдэкIар. Япэу ар къызэхъулIар Бырсей Умарщ. Абы илъэсипщIым нэблагъэкIэ Ставрополь дэта гимназием щригъэджащ. Лъэпкъ тхыдэм щыяпэ дыдэу Бырсейм адыгэбзэкIэ 1853 гъэм Тифлис къыщыдигъэкIащ «Шэрджэсыбзэм и букварь». Абы ихуащ еджакIуэхэр дэзыхьэхын тхыгъэхэр. ПэщIэдзэ еджапIэм щIэс сабийхэм тыншу къагурыIуэн, гъэсэныгъэ къызыхахын а тхыгъэхэр инкъым, я нэхъыбэри адыгэ IуэрыIуатэм хэт хъыбар, псысэ кIэщIхэм къызэрыщхьэщыкI щыIэкъым. Я бжыгъэкIэ алыфбейм ихуар текст пщыкIуз мэхъу, ахэр IыхьитIу бгуэш хъунущ. Абыхэм языныкъуэхэр щIэныгъэлIым къуэкIыпIэ лъэпкъ тхылъхэм къыщигъуэтри анэдэлъхубзэкIэ зэридзэкIащ, адрейхэр е лъэпкъ IуэрыIуатэм къыхихащ е абыхэм я щапхъэм тету езым зэхилъхьащ. Лъэпкъ ныбжьыщIэхэр нэхъ зэса псысэхэр и тхылъым нэхъыбэу Бырсейм хигъэхьащ. УзэщIакIуэм и букварыр лъэпкъ тхыбзэм и щIэдзапIэщ, адыгэ литературэм и къежьапIэщ. Сабий гупсысэм и щытыкIэм нэсу щыгъуазэ Бырсей Умар и тхылъым хигъэхьа тхыгъэхэм я купщIэр цIыкIухэм къагурымыIуэнкIэ тешыныхьри абыхэм я нэхъыбэм я щIагъыбзэр езым и псалъэкIэ абыхэм я кIэм къыщегъэнахуэ. Абы и щыхьэтщ *«АдакъитI», «ТхьэкIумэкIыхьымрэ бажэмрэ», «Бажэмрэ дыгъужьымрэ», «Дыгъужьыр, хьэр, бажэр»* псысэхэр.

АнэдэлъхубзэкIэ япэ дыдэ тхылъ къызэрыдигъэкIам, ар сабийхэм иригъэджу зэрыщIидзам, къэхутэныгъэ лэжьыгъэшхуэ иригъэкIуэкIахэм я

щIыIужкIи Бырсей Умар анэдэлъхубзэкIэ япэ лъэбакъуэхэр зычу щIэзыдза адыгэ литературэми хэлъхьэныгъэфIхэр хуищIащ, араш абы и цIэ лъапIэри лъэпкъ литературэм и тхыдэм хэгъэхьэн, хэтын щIыхуейри.

Лъэпкъ узэщIакIуэм иригъэжьа Iуэхум пищащ ХьэтIохъущокъуэ Къазий. Абы анэдэлъхубзэр щадж еджапIэ 1866 гъэм Налшык къыщызэIуихащ, зы илъэсым нэблагъэкIи егъэджакIуэу щылэжьащ. 1864–1865 гъэхэм ХьэтIохъущокъуэм къыдигъэкIащ *«Сосрыкъуэ и пшыналъэм и къедзыгъуитIрэ таурыхъитIрэ»*, *«Къэбэрдей алыфбей»*, *«Саади и «Гюлистаным» щыщу таурыхъ зыбжанэ»* жыхуиIэхэр. Ахэр адыгэбзэкIэ (къэбэрдей-шэрджэсыбзэкIэ) япэу дуней къытехьа тхыгъэхэщ.

ХьэтIохъущокъуэ Къазий сабийхэм яхуитхащ гъэсэныгъэрэ щIэныгъэрэ къызыхахын тхыгъэхэр. УзэщIакIуэм и «Къэбэрдей алыфбейм» ихуащ езым итхыжауэ тхыгъэ пщыкIутI. ГъэщIэгъуэнщ икIи щIэщыгъуэщ *«Бадзэ»*, *«Джэдыгу зыщыгъ къущхьэ»*, *«Хъарзынэ»*, *«Пщы щIалэ»* тхыгъэхэр.

Лъэпкъ щIэныгъэм зегъэужьыным егупсыс ХьэтIохъущокъуэм къыгуроIуэ лъэпкъ хъугъуэфIыгъуэхэм я закъуэ къудейкIэ абы ехъулIэныгъэшхуэхэр зэрыхузэIэрымыгъэхьэнур, щIэныгъэ нэс зэрыпхуемыгъэгъуэтынур. Арагъэнущ щIэныгъэлIыр а илъэсхэм нэгъуэщI лъэпкъхэм я ехъулIэныгъэхэри дэIэпыкъуэгъу ищIыну иужь щIихьэр, зызыужьа литературэхэм я тхыгъэ нэхъыфIхэр анэдэлъхубзэкIэ щIызэридзэкIыр, ахэр еджапIэхэм зэрыщеджэ тхылъхэм щIыхигъыхьэр. Литературэ куэдым фIыуэ щыгъуазэ щIэныгъэлIым адыгэ ныбжьыщIэхэм сэбэп яхуэхъун, гупсысэ, гъэсэныгъэ нэхъ къызыхахын тхыгъэхэщ ахэр нэIуасэ зыхуищIыр. Апхуэдэу абы зэридзэкIащ урыс усакIуэшхуэ Лермонтов Михаил и *«Ашык-Кериб»* псысэр. Гу нэхъ лъытапхъэщ 1864 гъэм дунейм къытехьа ХьэтIохъущокъуэ Къазий и тхылъ гъэщIэгъуэн *«Саади и «Гюлистаным» щыщуэ таурыхъ зыбжанэ къэбэрдеибзэкIэ зэдзэкIауэ»* жыхуиIэм. Лъэпкъ щIалэгъуалэр щыгъуазэ зыхуищIыну абы зэридзэкIа а тхыгъэр XIII-нэ лIэщIыгъуэм псэуа къэжэр усакIуэ цIэрыIуэм и IэдакъэщIэкIхэм ящыщ зыщ, къуэкIыпIэ лъэпкъхэм ямызакъуэу, дуней псом хэIущIыIу щыхъуауэ. А тхылъым зы хъыбари хэткъым гъэсэныгъэ, ущиниыгъэ къалэн зымыгъэзащIэ, гъэщIэгъуэн, щIэ гуэр къызэIузымых, узымытхьэкъу, фIым, пэжым, цIыхугъэм я щапхъэ белджылыхэр зыхомылъагъуэ.

УзэщIакIуэм еджэныр хуеунэтI дунейм и зэхэлъыкIэхэм щыгъуазэ щIыным. Абы и щыхьэтщ ХьэтIохъущокъуэм къыдигъэкIа *«Хьэуар, псыр, абыхэм я щытыкIэмрэ зэхъуэкIыныгъэхэмрэ»* зэджэн тхылъыр. Абы хыхьэ тхыгъэхэр щIэныгъэлIым къызыхихар урыс егъэджакIуэ цIэрыIуэ К.Д. Ушинскэм и *«Сабий дуней»* тхылъырщ.

Адыгэ щIэныгъэм, литературэм хэлъхьэныгъэ телъыджэхэр хуищIащ ХьэтIохъущокъуэ Къазий. А узэщIакIуэ хьэлэмэтырщ Нэгумэ Шорэ ирихьэжьа Iуэху щхьэпэм – лъэпкъ щIэныгъэр къэIэтыным – пызыщар, ар япэкIэ зыгъэкIуэтар, араш анэдэлъхубзэкIэ япэ тхылъхэр къыдэзыгъэкIар, егъэджакIуэ щагъэхьэзыр курсыр къызэзыгъэпэщар, лъэпкъ щIэныгъэм и зыужьыкIэ хъунухэр зыубзыхуар, IуэрыIуатэм и тхыгъэхэр зэрызекIуэ бзэмкIэ итхыжу тхыгъэу къыдэзыгъэкIар. Мурад лъагэ иIахэр псори хуэмыгъэзэщIами, къызы-

хэкIа лъэпкъыр щIэныгъэм и гъуэгум тешэным и гъащIэр щхьэузыхь зэрыхуищIарщ абы и цIэр ягъэлъапIэу лъэпкъ тхыдэм къыщIыхэнар.

Къызэрыхэдгъэщащи, лъэпкъ сабий литературэр къыгуэхыпIэ имыIэу епхащ адыгэ сабий щэнгъасэм. ХьэтIохъущокъуэ Къазий и Iуэхум адэкIэ пащащ Тамбий Пагуэ, Къэшэж ТIалиб, Сиихъу Сэфарбий, Дым Iэдэм, Цагъуэ Нурий сымэ.

Тамбий Пагуэщ адыгэ IуэрыIуатэр зэхуэхьэсыжауэ къытрегъэдзэжыным нэхъыбэу елэжьар. Ахэр ихуащ узэщIакIуэм и «Адыгэбзэм и азбукэ» (1906) тхылъым, и рассказхэми я лъабжьэр IуэрыIуатэрщ. Бгырыс сабийхэр щеджэну Налшык къыщызэIуаха еджапIэмрэ реальнэ училищэмрэ щIэс ныбжьыщIэхэр мы букварымкIэ адыгэбзэм хурагъаджэу щытащ. Бырсей У., ХьэтIохъущокъуэ Къ. сымэ я щапхъэщ Тамбийри зытетари. Абы и азбукэм хигъэхьащ адыгэбзэкIэ зэридзэкIа хъыбар, рассказ кIэщI цIыкIухэр. Тхылъым ихуащ дыкъэзыухъуреихь щIыуэпсым теухуауэ К.Д. Ушинскэм, Л.Н. Толстой, М.И. Паульсон сымэ я лэжьыгъэхэм къыхиха тхыгъэхэр. Тамбийм ахэр лъэпкъ гупсысэкIэм къригъэзэгъащ.

ЦIыхубэм щIэныгъэ егъэгъуэтыным, лъэпкъ педагогикэм хэлэжьыхьахэм ящыщщ Дым Iэдэми. Абы и цIэм пыщIащ Къэбэрдейм япэу къыщызэрагъэпэща тхылъ тедзапIэри, адыгэбзэкIэ «псалъэу» дунейм къытехьа «Адыгэ макъ» газетри, лъэпкъ педагогикэм и хабзэхэр щыубзыхуа япэ «Щэнгъасэ» лэжьыгъэшхуэри, адыгэ щэнхабзэм и купсэ Бахъсэн хъуауэ зэрыщытари.

1913 гъэм хьэрып хьэрфхэр и лъабжьэу Дымым адыгэбзэм алыфбей хузэхилъхьэри Темырхъан-Шурэ къыщыдигъэкIащ. Апхуэдэу къыдэкIащ хьэрыпыбзэм кърихыу сабийхэм папщIэ зэридзэкIа «Фыз хъыбар», «Сабийхэм я IункIыбзэIух» тхылъхэр. Абыхэм къакIэлъыкIуащ Дымым Къэзан къыщыдигъэкIа «ПсалъэфI» (1917) тхылъыр, Бахъсэн тхылъ тедзапIэм къыщыдэкIыу щIэзыдза «Адыгэ макъ» газетыр, щIэблэр егъэджэным, гъэсэным тегъэщIапIэ хуэхъуа «Щэнгъасэ» лэжьыгъэшхуэр.

1918 гъэм Дым Iэдэм къыдигъэкIауэ щытащ «Щэнгъасэм» и япэ, етIуанэ Iыхьэхэр. Апхуэдэу щытми, щIэныгъэлI Нало Заур зэритхымкIэ, «къэбэрдей тхыдэм и кIуэцIкIэ цIыхубэ псом ялъэIэса тхыгъэ япэ дыдэу дунейм къыщытехьауэ къэлъытапхъэр 1924 гъэрщ. А илъэсым къыдэкIыу щIидзащ «Къэрэхьэлъкъ» газетыр (1924–1931 гъэм нэс)» [Налоев 1998: 30].

Дым Iэдэм и усэхэр зыхуэгъэзар лъэпкъ сабийхэм гъэсэныгъэ етынырщ, адэ-анэм пщIэ хуащIу, хьэл-щэн дахэхэр яхэлъу псэунырщ. *«ЩэныфIэ цIыкIум жиIар»* усэм къыщебжэкIащ еджакIуэм ищIэн, зэрыщытын хуейр, щIэблэщIэ къэхъум хэлъын хуей хьэлыфIхэр:

«Жьэр гъэкъабзэ
Бзэр гъэIэсэ,
ПцIы умыупс...
Бзаджэм уемыуалIэ...
Напэр хужьуэ,
Щэныр дахэу ущытмэ,
ФIыуэ укъалъэгъунщ» [Налоев 2010: 208].

Къэхъу щIэблэщIэм ящIэн хуей Iуэху щхьэпэхэр нэхъ зыубгъуауэ узэщIакIуэм къыщигъэлъэгъуар и «Щэнгъасэ» тхылъырщ. Дунейм къыщыхъущекIуэкIхэм щIагъуэу хэзымыщIыкI лъэпкъ сабийхэм абы яхуеIуатэ жыгхэм, къэкIыгъэхэм, Iэщхэм, дыгъэм, псым я сэбэпынагъыр. Псалъэм папщIэ, «псым фIагъэ куэд, фейдэ ин иIэщ: дофэ, Iэщхэм, удзхэм ираф, ди щыгъын, ди Iэпкълъэпкъхэр абыкIэ догъэкъабзэ. Ар димыIэу дыпсэуфынукъым» [Налоев 2010: 208]. Дыгъэм «дунейр нэху, хуабэ ещI. Дыгъэр щымыIэжым цIыхуи, Iэщи щыIэжынтэкъым. Удзри хэхъуэжынтэкъым. Дыгъэр мыхъум махуэкIи тлъагъунтэкъым, жэщми дымылъагъужIауэ кIыфI хъунт. АрщхьэкIэ дыгъэм и нурыр мазэм тредзэри жэщри нэху мэхъу» [Налоев 2010: 209].

Дэтхэнэ зы ныбжьыщIэми хэлъын хуей хьэлхэм ящыщ зыуэ щIэныгъэлIым къелъытэр пэжагъыр: «Дзыхь зыхуащIыр цIыху щыпкъэращ... Дэтхэнэ зыри зэрыщыт дыдэр къозыгъащIэр пэжыгъэращ... ЦIыху пэжыращ зэхуагъэри, гу къабзагъэри, щэн дахэри зыбгъэдэлъыр» [Налоев 2010: 212].

Дым Iэдэм къызэрилъытэмкIэ, цIыхугъэри дэтхэнэ зы цIыхури зыгъэлъагэ хьэлхэм ящыщ зыщ, къэхъу щIэблэщIэм и сабиигъуэм къыщыщIэдзауэ ар зыхегъэлъхьэн хуейщ.

Хьэл мыхъумыщIэм дэтхэнэ зы цIыхури егъэпуд, апхуэдэм фэи ирамыплъу, пщIэи имыIэу и дунейр ехь. Дэтхэнэ зыми пцIым зыщидзеин хуейщ. УзэщIакIуэм зэритхымкIэ, «ПцIыр мэкъу хьэвэ дыгъэлым хэхуа мафIэ хъуаскIэм хуэдэщ... Сыт хуэдиз пэж жиIами пцIыупсым дзыхь хуащIыжыркъым» [Налоев 2010: 213]. Абы щынэмыщIа «цIыху пцIыупсыр си пцIыр къыщIэщынущ, си напэр текIынущ, укIытэгъуэ къыслъысынущ – жери абы и гузэвэгъуэм, и бэлыхьым ехьыр» [Налоев 2010: 215].

Зи лъэпкъ IуэрыIуатэм кууэ хэзыщIыкI Дым Iэдэм пасэу къыгурыIуащ къэхъу щIэблэщIэм гъэсэныгъэ къекIу етын и лъэныкъуэкIэ абы мыхьэнэшхуэ зэриIэр. Аращ абы и тхыгъэхэм хъыбар кIэщIхэр, жыIэгъуэ гъэщIэгъуэнхэр, псалъэжьхэр, псалъэ шэрыуэхэр и IэдакъэщIэкIхэм щIыхигъэхьар. ЩIэныгъэлIым нэхъ пасэу къыдигъэкIа *«Алыфбэм»* хигъэхьащ псалъэжь 70-м щIигъу. Абыхэм гупсысэ куу зэращIэлъым, къэпсэлъыгъуафIэу, гум иубыдэгъуафIэу зэрыщытым тепщIыхьмэ, языхэзми еджакIуэр фIым, пэжыгъэм, цIыхугъэм, хьэл-щэн къекIухэр хэлъыным хуагъасэ, щIапIыкI. Гъэсэныгъэ къалэн хьэлэмэтхэр ягъэзащIэ абы и тхылъым хигъэхьа мыпхуэдэ псалъэжьхэм: «ЦIыхум и уасэр лэжьыгъэщ», «ЦIыхур щIэныгъэм зэрыхуейр бдзэжьейр псым зэрыхуейм ещхьщ», «ЩIэныгъэр нурщ, гуфIэгъуэ къыхокIыр…», «ЦIыхур зыгъэщIэращIэр акъылщ», «ЦIыхум и нэгум и гум илъым ухуеузэщI», «Зи къуэшым мащэ хуэзытIым зэраукIыну сэр къеулъэпхъэщ», «Джатэм иуIар мэкIыж, бзэм иуIар кIыжыркъым», «Зыгуэрым ущIэмынакIэ, щIэнэкIалъэ ухъунщ», «Псалъэм уемыплъ, къипсэлъым еплъ», «Пкъым и къарур шхынщ, акъылым и къарур хьилмыщ».

Дым Iэдэм и лэжьыгъэхэр, я жанркIэ зэхуэмыдэу щыт щхьэкIэ, адыгэ щIэныгъэмрэ литературэмрэ я хэлъхьэныгъэ гъуэзэджэщ.

«Адыгэ макъ» газетыр Дым Iэдэм щIыгъуу къыдигъэкIыу щытащ Цагъуэ Нурий. Аращ Цагъуэм и статьяхэр, сабийхэм хуэгъэза и тхыгъэхэр нэхъыбэу къызытехуар. ЩIэныгъэлIым къыдигъэкIащ «Хьэишэт гуащэм и щытхъу»

(1917), «Адыгэ тхыдэ» (1918), «Муслъымэн тхыдэ» (1918) тхылъхэр. Дым Іэдэмрэ Цагъуэ Нурийрэ къыдагъэкІа «Тхыбзэ» (1917) алыфбеймкІэ адыгэ сабийхэр ирагъэджащ 1923 гъэ пщІондэ.

Адыгэ сабий щэнгъасэм ехьэлІауэ Цагъуэ Нурий и «ЩІалэ гъуазэр» (1925), «Сабий литературэр» (1926), «Дунейр зэрызэхэлъыр» (1927) тхылъхэр къыдэкІауэ щытащ. А узэщІакІуэм лъэпкъ щхьэхуитыныгъэри, абы и псэукІэм и ефІэкІуэныгъэри зрипхыр щІэныгъэрт, абы и зыужьыныгъэрт, дунейм и зэхэлъыкІэр къэхъу щІэблэщІэм къагурыгъэІуэнырт, абыхэм я зэхэщІыкІ-Іуэху еплъыкІэр егъэфІэкІуэнырт. Абы и тхыгъэхэр нэхъыбэуи зыхуитхыр ныбжьыщІэхэрт, аращ абыхэм гъэсэныгъэм, ущиныгъэм зыубгъуауэ уащІыщыхуэзэр.

Цагъуэ Нурий и художественнэ тхыгъэхэм я къалэн нэхъыщхьэу къилъытэрт цІыкІухэм я щІэныгъэр хэгъэхъуэныр, я зэхэщІыкІым зегъэужьыныр, къэзухъуреихь дунейм хуэсакъыу, набдзэгубдзаплъэу хущытынымрэ кІэлъыплъынымрэ, псэущхьэхэмрэ къэкІыгъэмрэ хуэсакъыу, гущІэгъу хуаІэу егъэсэнымрэщ. Апхуэдэ гупсысэхэр щыпхырышауэ щытащ тхылъым ихуауэ щыта *«Хьэмрэ джэдымрэ», «Хьэндыркъуакъуэ», «ЗэныбжьэгъуитІ»,* нэгъуэщІхэми.

Япэ лъэбакъуэхэр зычу щІэзыдза лъэпкъ еджапІэхэм щІэсхэм куэд егъэщІэн зэрыхуейр къызыгурыІуэ узэщІакІуэ Цагъуэ Нурий гулъытэ лей зыхуищІыр сабийхэм лэжьэкІэ, цІыху хэтыкІэ егъэщІэнырт, хьэл-щэн къекІу, щэныфІагъэ яхэлъхьэнырт, я узыншагъэм кІэлъыплъыжыф щІынырт. Апхуэдэ гъэсэныгъэ къалэнхэр ягъэзащІэ *«Машэ еджапІэр зэриІуатэр», «Узыншагъэ», «Псынэ щІыІэ»* рассказхэм.

Къэзыухъуреихь дунейм и щытыкІэхэр, ахэр къызыхэкІхэр, дуней къэхъукъащІэхэм щыщу языхэзри хабзэ пыухыкІахэм тету къызэрыхъур, зэрекІуэкІыр еджакІуэхэм къагурыгъэІуэн хуейщ. Апхуэдэ упщІэхэр щызэпкърыхащ *«Уэсыр сытым къыхэкІрэ?», «Трасэхэр», «Зы псы ткІуэпсым и таурыхъ»* рассказхэм. А тхыгъэхэм ящІэлъ гупсысэхэр узэщІакІуэм езым къиІуатэркъым, атІэ образ пыухыкІахэмкІэ къегъэлъагъуэ. *«Уэсыр сытым къыхэкІрэ?»* рассказым и лІыхъужь нэхъыщхьэ КІунэ цІыкІу, ныбжьышхуэ имыІэми, куэдым йогупсыс, псори фІэгъэщІэгъуэнщ.

А пщащэ набдзэгубдзаплъэм и хьэл нэхъыщхьэу узэщІакІуэм къыхигъэщхьэхукІыр и «ерыщагъэрщ, мурад зыхуищІа, зи ужь ихьа дэтхэнэ зы Іуэхури и кІэм зэрынигъэсырщ» [Цагов 1925: 39–41]. Уэсыр къызэрыхъур зэхигъэкІын щхьэкІэ, абы унагъуэм ис псоми захуегъазэ, ауэ зыми жэуап тэмэм къыщрамытыфым, ар и адэшхуэм деж макІуэри зыхуейхэр псори зыгурегъаІуэ.

Гукъинэжу а рассказым щызэфІэгъэуващ Уэзырмэс – КІунэ и адэшхуэм – и образри. ГушыІэр, ауаныр зи мыхамэ а лІыжьым и теплъэми, и Іэдэбагъми, и гушыІэми, и щІэныгъэм и кууагъми тхылъеджэр дехьэх.

Къэхъу лъэпкъ щІэблэщІэр Цагъуэ Нурий и тхыгъэхэм зыхуагъасэр лІыгъэрщ, гуащІэдэкІыр фІыуэ ялъагъуу щытынырщ, цІыхугъэ яхэлъынырщ. Апхуэдэ гупсысэхэр щыпхырышащ *«Іэпкълъэпкъхэр», «Адэмрэ и къуэхэмрэ», «Цыжьбанэ лІыхъужь»* рассказхэм. Абыхэм лъэпкъ ІуэрыІуатэм пыщІэныгъэ хуаІэщ, ауэ, абы къыдэкІуэуи художественнэ Іэмалхэри къыщыгъэсэбэпащ.

Литературнэ зэфIэкIхэр Цагъуэм зэрыбгъэдэлъыр, зытепсэлъыхь Iуэхухэр уи нэгу къыщIигъэувэфу, ар зэралэжь Iэмалхэм щыгъуазэу ар зэрыщытам и щыхьэту зэпкърыпх хъунущ *«Цыжьбанэ лIыхъужь»* рассказыр. А псэущхьэ цIыкIум и псэукIэр, и дуней тетыкIэр пэжу къызэриIуэтам, щIэныгъэ сабийхэм къыхахыным къыдэкIуэу, абы гукъинэжу щызэфIэгъэуващ езы цыжьбанэм и сурэт, сыт хуэдэ шынагъуэми къэмылэнджэжу ар зэрыпежьэр, и бийхэм зэрытекIуэр, лей зылъысхэм дыIэпыкъуэгъу зэрыхуэхъур. Рассказыр еух мыпхуэдэу: «Пщэдджыжьым дыгъэри къыщIэкIри удзхэм ятехьа уэсэпсхэр ягъэгъущыжащ. Гъуейм хэс бзухэм уэрэд жаIэрт, блэ шынагъуэм цыжьбанэм зэрыIэщIигъэкIахэр ящIэрт» [Цагов 1925: 68–69].

Адыгэ узэщIакIуэ Цагъуэ Нурий и цIэм епхащ анэдэлъхубзэм и тхыбзэр зэхэлъхьэнри, зэджэн тхылъхэр гъэхьэзырынри, лъэпкъ тхыдэр зэфIэгъэувэжынри, япэ лъэпкъ газетитIыр къыдэгъэкIынри, адыгэ публицистикэм зегъэужьынри. Цагъуэ Нурий и рассказхэм дэркIэ щхьэпэр, нэхъыщхьэу щытыр сабий щэнгъасэ Iуэхугъуэм иригузавэу, адыгэбзэкIэ псыхьа тхыгъэхэр и щIэблэм ябгъэдилъхьэрэкIэрэ лъэпкъ художественнэ гупсысэм и IэфIыр къагуригъэIуэну, зэхригъэщIыкIыну яужь зэритарщ.

Адыгэ сабий литературэм зиужьыным щIэрыIащ, шэч хэмылъу, 20 гъэхэм лъэпкъым и цIыху псоми зэхуэдэу тхыбзэ яIэ зэрыхъуар, лъэпкъ тхыбзэкIэ япэ газет, тхылъхэр къыдэкIын зэрыщIидзар, ЛУГ-м адыгэбзэ щрагъэджу зэрыхуежьар.

Лъэпкъ сабий щэнхабзэм теухуауэ мыхьэнэ пыухыкIа иIащ 1929 гъэм «Къэрэхьэлъкъ» газетым и напэкIуэцIхэм пIалъэкIэрэ къыщызэрагъэпэщу щыта «Сабий тхьэпэми». Абы къытехуэрт лъэпкъ сабийхэм папщIэ япэу зэхалъхьа тхыгъэ кIэщIхэр, уэрэд цIыкIухэр, IуэрыIуатэм щыщ таурыхъ, хъыбар сыт жыпIэми, нэгъуэщIхэри.

«ХХ лIэщIыгъуэм и 20–30 гъэхэм лъэпкъ тхыбзэр зытет графикэр зыбжанэрэ яхъуэжын хуей хъуами, сабийхэр зэрырагъаджэ тхылъу, пособие зэмылIэужьыгъуэу Къэбэрдей-Балъкъэрым къыщыдагъэкIым куэдкIэ хэхъуащ. Лъэпкъ сабийхэм щхьэхуэу тхылъхэр, художественнэу гъэпса тхыгъэхэр зэрыт, зэреджэн тхылъ яхузэхэлъхьэн, яхузэгъэпэщын зэрыхуейр къагурыIуэу а Iуэхум елэжьащ Цагъуэ Нурий, Елбэрд Хьэсэн (1896–1967), ЩоджэнцIыкIу Алий (1900–1941) сымэ» [Тимижев 2021: 204].

1931 гъэм а щIэныгъэлIхэм зэхалъхьауэ къыдэкIащ «Артель» тхылъыр. А тхылъым зи усэ гуп ихуахэм ящыщт езы ЩоджэнцIыкIу Алии. Апхуэдэхэт зыхэпсэукI гъащIэм и нэщэнэхэр къызыхэщыж *«Щывгъаблэ», «Жыг хьэпIацIэ», «ДгъэкIынщ жызум хадэ», «ЕджакIуэщIэ», «Зэужьхэу фынакIуэ», «Псы щхьэлым», «КхъыIэ, хуиту сегъэгугъу», «Ди нартыхур»* усэхэр.

«ЩIэблэр егъэджэныр, гъэсэныр къалэн нэхъыщхьэу къэралым щыуват, арат зыхуэунэтIар «культурэ революцэкIэ» зэджэ лэжьыгъэ щхьэпэр. Абы и мыхьэнэр фIыуэ къызыгурыIуэ адыгэ щIэныгъэлIхэм еджапIэхэр зыхуеину тхылъхэр хуагъэхьэзырт, езыхэм я нэхъыбэри егъэджэныгъэ IэнатIэм пэрытт. Егъэджэныгъэмрэ щIэныгъэмрэ я Iуэхум а илъэсхэм къэмылэнджэжу бгъэдэтахэм ящыщщ ЩэрэлIокъуэ Т., Цагъуэ Н., Цагъуэ М., ЩоджэнцIыкIу А., Борыкъуей ТI., ДыщэкI М., Елбэрд Хь., ТIажь Ш., Кумыщ Хь., Хьэбырэ И., ЩоджэнцIыкIу I. сымэ, нэгъуэщIхэри» [Тимижев 2021: 204–205].

А къалэн мытыншым еувэлIат ЩэрэлIокъуэ Талъустэни. Совет лъэхъэнэм абы «Алыфбей. Ипэм щаджынур» япэ букварыр къыдигъэкIащ. Ар латин хьэрфхэм тетт. АбыкIэ 1924 гъэм газетхэр, тхылъхэр къыдэкIыу щIидзащ. А тхылъым ЩэрэлIокъуэм хигъэхьащ хъыбар, псысэ гъэщIэгъуэнхэр. Апхуэдэхэщ *«Шыдым и Iэмал», «Бажэмрэ жызумымрэ», «Бдзэжьеящэмрэ бдзэжьей цIыкIумрэ», «Джэдымрэ пцIащхъуэмрэ», «Бажэмрэ ажэмрэ», «ЧыцIитI», «Хьэмрэ дыгъужьымрэ»,* нэгъуэщIхэри.

ЩэрэлIокъуэ Талъустэн и псысэхэр нэхъ зэхьэлIар нэпсеягъэм къишэ бэлыхьырщ, гущIэгъум, псапэм къыпэкIуэ фIыгъуэрщ, уи щхьэ темылъ тумылъхьэнырщ. АдыгэбзэкIэ къыдэкIахэм я фIыпIэу къэлъытапхъэщ абы и *«ХъумпIэцIэджымрэ Тхьэрыкъуэмрэ», «Аслъэнымрэ Дзыгъуэмрэ»* псысэхэр. Абыхэм ящIэлъ гупсысэхэр егъэджакIуэм тэмэму еджакIуэхэм бгъэдимылъхьэфынкIэ зэрыхъунум игъэшынэ щIэныгъэлIым Iэмал зэхуэмыдэхэр къегъэсэбэп. Ахэр зытеухуахэр езы усакIуэм, псалъэжь щIыкIэу ухуауэ, тхыгъэхэм я кIэхэм къыщехь. Гъэсэныгъэ зыхэлъ апхуэдэ чэнджэщ-ущиекIэщ абы хъыбархэр зэриухыр: «Мычэму ягъэкъабзэ Iэмэпсымэр куэдрэ зокIуэ», «Ныбэр ерыскъыкIэ умыкудащэм узыншагъэщ», «Iэуэлъауэ щыкуэдым акъыл щымащIэщ», нэгъуэщIхэри.

Адыгэ сабий щэнгъасэм сэбэп хуэхъуну пылъащ XX лIэщIыгъуэм и 20–30-гъэхэм адыгэ тхакIуэхэм я къалэмыпэ къыщIэкIа тхыгъэхэр, я тхыгъэ зэрыхуа сборникхэр. Апхуэдэхэт 1932–1934 гъэхэм къыдэкIыу щыта «КъаруущIэ» альманахыр, 1933 гъэм Налшык къыщыдэкIа «Япэ лъэбакъуэ» литературэ-художественнэ сборникыр, нэгъуэщIхэри. Мы зи гугъу тщIы лъэхъэнэм сабийхэм тхыгъэкIэ зыхуэзыгъэзахэм яхэтащ ШэкIыхьэщIэ Пщыкъан басняхэмрэ усэхэмкIэ; Борыкъуей ТIутIэ усэхэмрэ хъыбархэмкIэ; ЩэрэлIокъуэ Талъустэн усэхэмрэ рассказхэмкIэ; Пщынокъуэ Абдул усэ, уэрэд, рассказхэмкIэ; Махъсидэ Залымхъан рассказхэмкIэ; Елмэс Хьэжбий усэхэмкIэ, нэгъуэщIхэри.

Борыкъуей ТIутIэ и къалэмыпэ къыщIэкIащ сабийхэр зэрырагъаджэ тхылъхэр. «Ар нэхъ зыхуэтхэр еджакIуэхэрат, и усыгъэхэм къалэн нэхъыщхьэ ящищIри «литературэ къабзэм» и Iуэхутэкъым, атIэ еджакIуэм хуэщхьэпэнырт» [История адыгской… 2010: 309]. *«КИМ», «Сыхьэт махуэ дэ дежьащ», «Советхэм я власть», «Пионер уэрэд», «Октябрым и 25-р»* усэхэр зыхуэгъэзар ныбжьыщIэхэр Iуэхугъуэ гуэрым къыхуеджэнырщ, зэщIэгъэуIуэнырщ. УсакIуэр а тхыгъэхэмкIэ хущIокъу зэманым и гупсысэ пэрытыр гурыIуэгъуэу еджакIуэ цIыкIухэм яхуиIуэтэну.

Борыкъуей ТIутIэ и усыгъэхэм а лъэхъэнэм мыхьэнэшхуэ яIащ щIалэгъуалэр щIэныгъэм ешэлIэнымкIэ, абыхэм зэманым къигъэщI гупсысэ пэрытхэр япхыгъэкIынымкIэ. Ауэ ар зытета художественнэ лъагъуэр ди литературэм къищтакъым.

1936 гъэм адыгэ сабийхэм я уэрэд зэрыт сборник къыдэкIыным хуагъэхьэзырауэ зэрыщытам щыхьэт техъуэ тхыгъэхэри щыIэщ. Псалъэм папщIэ, Срыхъу Хьэгуцырэ (1906–1937) елэжьауэ щытащ корректору а тхылъым.

Апхуэдэ щытыкIэм итащ адыгэ сабий щэнгъасэр Хэку зауэшхуэ нэужь илъэсхэм нэсыху. Адыгэ сабий журнал, газет, альманах сыт хуэдэхэр щхьэхуэу хухэхауэ зэман кIыхькIэрэ димыIами, зыщыгъэгъупщэн хуейкъым а Iуэхугъуэм

иригузавэу щытахэм а лъэхъэнэм яхузэфIэкI ящIэну зэрамурадар. Абы и щыхьэтщ «Къэбэрдей пэж», «Къэбэрдей» альманахым къытехуэу щыта уэрэдхэр, поэмэхэм щыщ едзыгъуэхэр, рассказ, повестым щыщ Iыхьэхэр, нэгъуэщIхэри.

ХХ лIэщIыгъуэм и 30–50 гъэхэм адыгэбзэр ди школхэм зэрыщаджа учебникхэм я нэхъыбэр зэхэзылъхьар Елбэрд Хьэсэнщ. Абы къыдигъэкIащ «ЛитературэбзэкIэ зэджэр сыт?», «Къэбэрдей тхыбзэм и тхыдэм щыщ», «Адыгэ тхыбзэр къызэрежьар», «Тэмэму псэлъэн», «ЦIыхубэм я бзэр литературэбзэм и лъабжьэщ, и къыхэкIыпIэщ» щIэныгъэ лэжьыгъэхэр.

Абы и художественнэ тхыгъэ кIэщIхэр зыхуэгъэпсар щIэблэр егъэджэнымрэ гъэсэнымрэщ. Елбэрдым и сабий усэхэмрэ рассказхэмрэ зэгъэуIуауэ ихуащ «Таурыхъхэр» (1960) тхылъым. Ар икIи зэдзэкIакIуэ Iэзэт, абы и фIыгъэкIэ лъэпкъ тхылъеджэ ныбжьыщIэхэм адыгэбзэкIэ яIэрыхьащ Дж. Свифт и «Гулливер лилипутхэм я деж» («Гулливер и къэкIыхьыныгъэр» тхыгъэм щыщ Iыхьэ), А. Пушкиным и «Борис Годунов», В. Шишков и «ГушыIэ рассказхэр» тхыгъэ цIэрыIуэхэр.

«Лъэпкъ узэщIакIуэхэм я иужьрей щIэблэщ Елбэрд Хьэсэн. Япэ итахэм зыIэрамыгъэхьэфа хъуэпсапIэр – адыгэр щIэныгъэ гъуэгум техьауэ ялъагъуныр – къызэхъулIари, и лэжьыгъэшхуэхэм папщIэ хэкум и гулъыти къызылъысар аращ» [Тимижев 2021: 207].

ХХ лIэщIыгъуэм и етIуанэ Iыхьэм лъэпкъ литературэм псынщIэу зиужьащ, зиужьащ сабий литературэми. КъиIэт IуэхугъуэхэмкIи, жанрхэмкIи абы зиубгъуащ. Сыт щыгъуи хуэдэу ар ноби щытщ щIэблэр гъэсэным и хэкIыпIэ нэхъыщхьэу, ар хуолажьэ ныбжьыщIэм и анэдэлъхубзэмрэ Хэкумрэ фIыуэ илъагъуу, лъэпкъ лъапIэныгъэхэр и гъуазэу къэгъэтэджыным.

Апхуэдэ щIыкIэкIэ, ди гупсысэхэр къризэщIэткъуэжу, жыпIэ хъунущ сабий литературэр лъэпкъ литературэшхуэм и зы Iыхьэу, щытыкIэ хэхахэмкIэ гъэнэхуауэ къэгъуэгурыкIуэу. Апхуэдэу IуэрыIуатэм и пкъыгъуэхэу адыгэ сабий литературэм хыхьахэм лъэпкъ щхьэхуэныгъэхэр къыхощ.

Къыхэгъэщыпхъэщ адыгэ сабий литературэр къыгуэхыпIэ имыIэу сабий щэнгъасэм зэрепхар. ЦIыкIухэм я зэхэщIыкIым зегъэужьыным, емрэ фIымрэ зыхащIыкIыу гъэсэным, щIыуэпсымрэ абы и къэхъукъащIэхэмрэ ящIэу, нэхъыжьхэм щIэрэ нэмысрэ хуащIу, псэущхьэхэр фIыуэ ялъагъуу щIэблэр къэхъунымкIэ адыгэ сабий литературэм сыт хуэдэ лъэхъэнэми къалэныхуэ игъэзащIэу къогъуэгурыкIуэ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Детская литература 2005 – *Детская литература: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений* / И. Н. Арзамасцева, С.А. Николаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 576 с.

История адыгской… 2010 – *История адыгской (кабардино-черкесской) литературы.* Т. 1 [На каб.-черк. яз: Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) литературэм и тхыдэ. Япэ тхылъ]. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2010. – 492 с.

Колесова 2013 – *Колесова Л.Н.* Проза для детей: XX век, вторая половина. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. – 295 с.

Краткий словарь… 1978 – *Краткий словарь литературоведческих терминов.* Пособие для учащихся под ред. Тимофеева Л.И. и Тураева С.В. – М.: Просвещение, 1978. – 980 с.

Мотяшов 1974 – *Мотяшов И.П.* Мастерская доброты. Очерки современной детской литературы. – М.: Детская литература, 1974. – 334 с.

Налоев 1998 – *Налоев З.М.* Хрестоматия для детского сада [На каб.-черк. яз: Сабий щэнгъасэ. Япэ тхылъ]. – Нальчик: Эль-Фа,1998. – 416 с.

Налоев 2010 – *Налоев З.М.* Антология ранней адыгоязычной литератры [На каб.-черк. яз: Ипэрей адыгэбзэ литературэм и антологие]. – Нальчик: КБИГИ, 2010. – 780 с.

Пшибиев 1998 – *Пшибиев И.Х.* Адыгский фольклор. [На каб.-черк. яз: Адыгэ Іуэры-Іуатэ]. – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 200 с.

Тимижев 2021 – *Тимижев Х.Т.* Богатая и интересная история [На каб.-черк. яз.: Тхыдэ къулей икІи гъэщІэгъуэн зиІэ] // История кабардино-черкесской литературы (на кабардино-черкесском языке). Т. 3. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2021. – 508 с.

Цагов 1925 – *Цагов Н.А.* Ориентир для молодых [На каб.-черк. яз: ЩІалэ гъуазэ]. – Нальчик: КБКИ, 1925. – 123 с.

REFERENCES

Detskaya literatura: Uchebnik dlya stud. vyssh. ped. ucheb. za-vedenii [Children's literature: A textbook for students. higher educational institutions] / I. N. Arzamastseva, S.A. Nikolaeva. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Izdatel'skii tsentr «AkademiYA», 2005. – 576 p. (In Russ.).

Istoriya adygskoi (kabardino-cherkesskoi) literatury: v 2-kh t. T. 1 *Adygeh (k"ehbehrdei-shehrdzhehs) literaturehm i tkhydeh. Yapeh tkhyl"* [History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature: in 2 vols. vol. 1]. – Nal'chik: OOO «TetragraF», 2010. – 492 p. (In Kabardiano-Circassian).

KOLESOVA L.N. *Proza dlya detei: KHKH vek, vtoraya polovina* [Prose for children: the twentieth century, the second half] – Petrozavodsk: Izd-vo PetRGU, 2013. – 295 p. (In Russ.).

Kratkii slovar' literaturovedcheskikh terminov. Posobie dlya uchashchikhsya pod red. Timofeeva L.I. i Turaeva S.V. [A concise dictionary of literary terms. Handbook for students ed. Timofeeva L.I. and Turaeva S.V.] – M., Prosveshchenie, 1978. – 980 p. (In Russ.).

MOTYASHOV I.P. *Masterskaya dobroty. Ocherki sovremennoi detskoi literatury* [Workshop of kindness. Essays of modern children's literature]. – M.: *Detskaya literatura,* 1974. – 334 p. (In Russ.).

NALOEV Z.M. *Kh Hrestomatiya dlya detskogo sada [Na kab.-cherk. yaz: Sabijshcheng"ase. YApe thyl"]* [A textbook for kindergarten [In Kab.-Circ. : Sabiyshengase. Yape thyl]]. – Nal'chik: Ehl'-Fa,1998. – 416 p. (In Kabardian-Circassian).

NALOEV Z.M. *Antologiya rannei adygoyazychnoi literatry [Na kab.-cherk. yaz: Ipehrei adygehbzeh literaturehm i antologie]* [An anthology of early Adygo-language literature [In Kab.-Circ: And perey adygebze literaturam and anthology]] – Nal'chik: KBIGI, 2010. – 780 p. (In Kabardian-Circassian).

PSHIBIEV I.KH. *Adygskii fol'klor. [Na kab.-cherk. yaz: Adygeh IuehryIuateh]* Adyghe folklore. [In Kab.-Circ. yaz: Adyge Iueriuate] – Nal'chik, Elbrus, 1998. – 200 p. (In Kabardian-Circassian).

TIMIZHEV KH.T. *Bogataya i interesnaya istoriya [Na kab.-cherk. yaz.: Tkhydeh k"ulei ikIi g"ehshchIehg"uehn ziIeh]* [A rich and interesting history [In Kab.-Circ. yaz.: Tyde kuley iksi Geshchieguen zie]]. In: Istoriya kabardino-cherkesskoi literatury (na kabardino-cherkesskom yazyke). T. 3. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2021. – 508 p. (In Kabardian-Circassian).

TSAGOV N. *Orientir dlya molodykh [Na kab.-cherk. yaz: SHCHIaleh g"uazeh]* [A reference point for young people [In Kab.-Circ. yaz: Schiale guaze]] – Nal'chik: KBKI, 1925. – 123 p. (In Kabardian-Circassian).

Авторхэм теухуауэ
Хь.Т. ТIымыжь – филологие щIэныгъэхэмкIэ доктор, профессор.
Н.Б. Бозий – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат.
Information about the authors
H.T. Timizhev – Doctor of science (Philology), Professor.
N.B. Bozieva – Candidate of Science (Philology).
Информация об авторах
Х.Т. Тимижев – доктор филологических наук, профессор.
Н.Б. Бозиева – кандидат филологических наук.

***Авторхэм я хэлъхьэныгъэхэр*:** Статьяр гъэхьэзырыным дэтхэнэ авторми зэхуэдэ хэлъхьэныгъэ хуищIащ. Авторхэм жаIэ зэгурымыIуэныгъэ лъэпкъ яку зэрыдэмылъыр.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Тхыгъэр редакцэм къагъэхьащ 27.04.2023 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 21.05.2023 гъ.; къытрадзэнущ 20.06.2023 гъ.

The article was submitted 27.04.2023; approved after reviewing 21.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Статья поступила в редакцию 27.04.2023 г.; одобрена после рецензирования 21.05.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

Фольклористика

Научная статья
УДК 398.21
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-293-305
EDN: VBOEXY

НОГАЙСКИЙ СКАЗОЧНЫЙ ЭПОС: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРОВ

Насипхан Хусиновна Суюнова[1,2]
[1] Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, Черкесск, Россия, soyunen@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5242-9261.
[2] Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д.Алиева, Карачаевск, Россия.

Аннотация. В статье обобщены некоторые наблюдения автора над текстами аутентичного материала и представлены выводы о генезисе, истории эволюции, характеристиках и критериях выделения жанров ногайского сказочного эпоса: волшебной сказки, сказки о животных и бытовой (новеллистической) сказки. С опорой на известные труды ученых-структуралистов в текстах ногайских сказок выделяются сохранившиеся реликты древних ритуалов-обрядов, мифов, древних верований, подчеркивается их связь с социальной историей племен и народов. Поскольку генезис фольклорных жанров восходит к далекому донациональному периоду, затем они переживают длительный процесс общей для множества народов эволюции, ногайская сказка исследуется как часть мирового и тюркского сказочного эпоса. Наблюдения и выводы иллюстрируются материалом оригинальных текстов разножанровой ногайской сказочной прозы. Заметное место отведено ранее не публиковавшемуся архивному материалу и вновь записанным текстам ногайских сказок.

Ключевые слова: волшебная сказка, сказка о животных, бытовая (новеллистическая) сказка, ритуал-обряд, миф, религиозные воззрения, социальные институты (инициация)

Для цитирования: Суюнова Н.Х. Ногайский сказочный эпос: генезис и эволюция жанров // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 293-305. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-293-305. EDN: VBOEXY.

© Суюнова Н.Х., 2023

Original article

NOGAI FAIRY TALE EPIC: GENESIS AND EVOLUTION OF GENRES

Nasipkhan Kh. Suyunova[1,2]
[1] Karachay-Cherkessia Institute for Humanities Research under the Governmen of the Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, Russia, soyunen@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5242-9261
[2] U.D. Aliev Karachay-Cherkessia State University, Karachaevsk, Russia.

Abstract. The article summarizes some observations made by the author on the texts of authentic materials and gives conclusions related to the genesis, history of evolution, characteristics and distinction criteria of Nogai fairy tale epic genres: fantasy fairy tales, animal fairy tales, and home-life fairy tales. Based on well-known works of researchers-structuralists, relics of ancient rituals and rites, myths, and ancient beliefs surviving to the present day are highlighted in the texts of Nogai fairy tales, while also emphasizing their relationship with the social history of tribes and peoples. Since the genesis of folklore genres dates back to a quite distant pre-national period, and as the genres undergo then a long process of evolution common to many peoples, the Nogai tale is studied as part of the world and Turkic fairy tale epic. Observations and conclusions are illustrated with materials taken from the original texts of multi-genre Nogai fairy tale prose. A significant place is given to unpublished archive materials and newly recorded texts of Nogai fairy tales.

Keywords: fantasy fairy tale, animal tale, home-life fairy tale, ritual, myth, religious beliefs, social institutions (initiation)

For citation: Suyunova N.Kh. Nogai fairy tale epic: genesis and evolution of genres. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 293-305. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-293-305. EDN: VBOEXY.

© Suyunova N.Kh., 2023

Ногайская сказка *(эртеги)*, являясь отражением исторического, социального и нравственного опыта народа, воплощает в себе его эстетический идеал, складывавшийся и менявшийся в процессе исторического развития. Ее герой, как правило, – защитник интересов племени, зачастую – демиург, а также носитель лучших качеств, выразитель его отношения к добру и злу, к возвышенному и низменному.

Неразрывно связанная с древнейшими формами восприятия человеком реальности, с историей социальных институтов: первобытным ритуалом-обрядом, мифом, синкретичным древним искусством, ногайская сказка, безусловно, в русле мировой и общетюркской традиции, прошла длительный путь развития, являясь при этом основой и источником для каждого последующего этапа развития словесности, вплоть до современной национальной литературы.

Ключом к раскрытию сложного генезиса сказочного эпоса ногайцев, его разветвленных связей, как диахронных, так и синхронных, безусловно, являются прежде всего академические труды классиков отечественной и зарубежной фольклористики: А. Веселовского [Веселовский 2006], В. Проппа [Пропп 1998], Е. Мелетинского [Мелетинский 1995], Дж. Фрэзера [Фрэзер 1983], К. Леви-Стросса [Леви-Стросс 1999] и др. Выработанные в указанных трудах общие закономерности эволюции народной прозы как таковой, выделение структуры, объяснительной морфологической системы жанров, сюжетов, мотивов, образов, специфики стиля открывают широчайший спектр возможностей для научного поиска конкретно в области сказочного эпоса.

Выдающийся советский ученый-фольклорист В.Я. Пропп в предисловии к своему самому известному труду «Морфология <волшебной> сказки» подчеркивает, что «говорить о генетике без специального освещения вопроса о систематическом описании [сказок] совершенно бесполезно. Прежде чем ответить на вопрос, откуда сказка происходит, надо ответить на вопрос, что она собой

представляет» [Пропп 2001: 7]. В другой своей работе «Исторические корни волшебной сказки» он подчеркивает, что методологически неверно изучать генезис фольклорных жанров «в пределах одной народности», стремиться к основательному изучению лишь локального, национального материала, поскольку «фольклор – интернациональное явление» [Пропп 1986: 33]. Только расширенный взгляд в свете сравнительных данных может привести к верным выводам. «Предварительных работ по отдельным народам так много, что их пора уже начать использовать», – пишет ученый.

С сожалением приходится отмечать, что «предварительная работа» по сказочному (и несказочному) эпосу ногайцев все еще не достигла тех результатов, которые безоговорочно позволили бы «начать использовать» их в современных компаративистских исследованиях. Для ногайской сказочной фольклористики пока еще актуальны проблемы первого уровня: аккумулирование, систематизация собранного материала, описание и характеристика жанров, осуществление его практической, затем научной классификации, исследование поэтики, текстологическая корректировка материала. Именно на таком объеме качественно выполненной работы могут основываться исследования будущего, с опорой в том числе и на концепции, подтверждающиеся ногайским материалом [Грибовский 2019].

Безусловно, история эволюции тюркского сказочного эпоса, являющегося лоном, в частности, ногайской сказки, имеет специфику, определяющую сущностные черты его жанров и поэтики в целом. Но тюркская фольклористика, развиваясь в XX в. в русле провозглашенной объединительной политики, в том числе в вопросах культурного наследия, в результате, надо сказать, обрела возможность исследования этого материала в контексте, как минимум, культуры народов многонационального СССР, а то и с опорой на «буржуазные» концепции (публикация в советское время трудов В. Проппа, развивавших концепцию Г. Шурца). Эти обстоятельства позволили избежать непродуктивной изоляции в изучении сказочного эпоса народов страны.

Общее и особенное в развитии тюркского сказочного фольклора в разной степени и в разное время осмыслены в трудах советских ученых-тюркологов, представителей республик союзного государства: А.И-М. Сикалиева [Сикалиев 1988], Х. Ярмухаметова [Ярми1967], С.А. Каскабасова [Каскабасов 2014], Г.А. Джалалова [Джалалова 1980], М.А. Сакали [Сакали 1956] и др. Их исследования осуществлены на материале собственного сказочного эпоса, являющегося, в основном, национальной интерпретацией текстов мировой, а также общетюркской сказочной прозы. Эти широко бытовавшие на всем пространстве Великой степи тексты предварительно, в XIX-XX вв., записаны и исследованы большей частью выдающимися российскими (советскими) учеными. Ногайские тексты публиковались и исследовались: В. Радловым [Радлов 1896], П. Фалевым [Фалев 1918], В. Жирмунским [Жирмунский 1974] и др. Но, безусловно, в сказочной сокровищнице каждого из тюркских народов есть и оригинальные национальные тексты с собственными персонажами, большей частью в области бытовой (новеллистической) сказки.

Различен по объему, но идентичен содержательно легший в основу трудов советских фольклористов материал сказочной прозы, собранный с начала XX

века национальными просветителями и их сподвижниками, а затем, с середины века, и самими национальными учеными-фольклористами, а также деятелями культуры и любителями старины. Ногайская культура также имеет свою плеяду просветителей, ученых, собирателей наследия [Джанибеков 2019; Шихмурзаев 1993; Акманбетов 1985; Сикалиев 1967–1981; Карасов 1994 и др.].

Что же представляет собой ногайская сказка? В большей степени то же, что мировая и тюркская сказка, являясь национальной интерпретацией множества их сюжетов, имея идентичную структуру, состав персонажей, хотя, разумеется, и специфику. На первый взгляд, очевидным кажется лишь одно объяснение такого сходства: ногайский сказочный фольклор, как и эпос других народов, и не только тюркских, складывался на фоне древней истории взаимодействия с другими племенами, народами. Мощным фактором, интенсифицировавшим эти контакты конкретно в ногайской культуре, явилось преимущественное расположение исторических мест обитания этноса на перекрестках Великого шелкового пути, кочевой образ жизни народа. Да и в целом такое объяснение распространенности сюжетов, мотивов и последовавшей за этим их новой интерпретации в воспринимающих культурах представляется вполне исчерпывающим. Все бы так. Но как объяснить общность, если вероятность исторических контактов народов и племен ничтожна или вовсе сводится к нулю? Ответ есть у В.Я. Проппа. «Явление всемирного сходства не представляет для нас проблемы. Для нас было бы необъяснимым отсутствие такого сходства» [Пропп 1976: 22], – писал он. Ученый обращает внимание не столько на историю контактов, сколько на генетику сказки, на создавшие ее причины и видит их в «области хозяйственной и социальной жизни народов» [Пропп 1976: 25], древних племен, в частности, обряде, ритуале, промыслах, являющихся объектами исследования этнографической науки. Отправным моментом в генезисе сказки он называет начало открепления мифа от обряда (драматического действа), когда происходит его (мифа) десакрализация, потеря им статуса тайного знания для избранных. То есть миф постепенно превращается в фольклорное произведение, которое рассказывают все.

Поскольку определение того, что есть сказка, ученый считал одним из основополагающих и предварительных условий ее исторического изучения, есть смысл подчеркнуть важный отличительный признак сказки, сформулированный в свое время В.Г.Белинским. Если это сказка, то «заметно, что рассказчик сам не верит тому, что рассказывает и внутренне смеется над собственным рассказом» [Белинский 1954: 354]. Неслучайна известная концовка многих из таких историй: «Вот и сказка вся – дальше врать нельзя». То есть, налицо присутствие «нарочитого вымысла». В ногайской традиции, в частности, ощущение такого вымысла с самого начала текста сказки создавали различные зачины: «*Бурын бирев бар экен, бурнында темирев бар экен, кара сувды кайнатып, каймак алган бар экен, кумырскасын кой этип, тоьске яйган бар экен, бир бар экен, бир йок экен…*» (Жил-был некто, на носу у него был лишай, а был другой, кто, вскипятив воду, получал сметану, а муравьев, превратив в овец, пас на склоне холма. То ли было, то ли не было…). Другие же виды народной прозы ногайцев, уже несказочной: *энгиме* (легенды), *таварых* (пре-

дания), *айтув* (сказы), а также поздние новеллистические истории предполагают, как правило, достоверность описываемых событий, подлинность их участников (исторические лица), а также реальность пространства (топонимы, гидронимы). Даже вымысел, в известной степени в них присутствующий, априори не снижает уровень доверия слушателей рассказчику.

Как исследовать сказку? Здесь необходимо переключить внимание на категорию *сюжета* этого жанра, помня при этом о предостережении В.Проппа от ошибки считать сюжет единицей *постоянной*. «Сюжет – не единица, а целый комплекс, и он не постоянен, а изменчив, следовательно, исходить из него в изучении сказки нельзя» [Пропп 2001: 15], – пишет он. Ближе к истине, по мнению В.Проппа, был А.Н. Веселовский, который понимал под сюжетом соединение варьирующихся мотивов и предлагал «отграничить вопрос *о мотивах* от вопроса *о сюжетах*» (курсив наш. – Н.С.) и таким образом обнажить специфику *функции* каждого из этих элементов структуры сказки. В свое время отсутствие критериев для разграничения сюжетов (новый это сюжет или вариант прежнего) порождало сложности в упорядочении материала. Тогда появился сравнительный указатель сюжетов фольклорной сказки Антти Аарне – Стита Томпсона, дополненный позже создателями других подобных указателей. Потребность в этих указателях была вызвана необходимостью получения хоть какой-то системы для ориентации в огромном количестве сказок со схожим сюжетом. В.Я. Пропп, отдавая должное названной системе классификации сказочных сюжетов, писал: «Список сюжетов Аарне вошел в международный обиход и оказал делу изучения сказки крупнейшую услугу: благодаря указателю Аарне стала возможной шифровка сказки. Сюжеты названы Аарне *типами,* и каждый тип занумерован. Краткое условное обозначение сказок (в данном случае – ссылкой на номер указателя) очень удобно» [Пропп 1998: 12]. Надо отметить, что в сборнике «Ногайские народные сказки» [Ногайские народные сказки 1979] представлен первый опыт применения в ногайской фольклористике этого принципа сюжетной классификации сказок, то есть имеются отсылки к соответствующим шифрам указателя Аарне.

Для наших наблюдений над материалом ногайского эпоса и формулирования выводов чрезвычайную важность обрела позиция Проппа В.Я., внесшего большой вклад в науку о структуре и генезисе сказочного эпоса. А именно то, что главным он считал изучение сказки *не по сюжету*, как это предложено Аарне-Томпсоном, а *по функции* действующих лиц. Ведь при реальной идентичности большинства сюжетов мирового сказочного эпоса, частой смене в них похожих персонажей, сказочных атрибутов (волшебных предметов), используемых ими, неизменными остаются *основные функции героев*, то есть, действия, которые они совершают. Безусловно, ответ на вопрос о том, почему так происходило, следует искать в том числе и в генезисе жанра. Плодотворность такого «функционального» подхода подтверждается и в процессе описания каждого из типов сказок, которые затем можно будет отнести к соответствующим жанрам: *волшебным, о животных, бытовым и кумулятивным.* Только после такого описания, по утверждению В.Проппа, можно обращаться к историческому изучению сказки как явления, приблизиться к «разрешению важнейшей, до сих пор не разрешенной проблемы –

проблемы сходства сказок по всему земному шару. Как объяснить сходство сказки о царевне-лягушке в России, Германии, Франции, Индии, в Америке у краснокожих и в Новой Зеландии, причем исторически общения народов доказано быть не может? Это сходство не может быть объяснено, если о характере этого сходства у нас неправильные представления» [Пропп 1998: 19].

Таким образом, если жанр сказки можно определить *по функции действующих лиц и ее композиции*, то речь идет о *волшебной* или *кумулятивной* (с многократно повторяющимся элементом сюжета или многосюжетной) сказке. Однако не представляется возможным по композиции и функции героев выделить *сказки о животных*. Значит, в их выделении участвует другой критерий, как и *в бытовых* (новеллистических) «сказках о людях» и анекдоте.

История эволюции сказок с условным определением ***ногайская волшебная сказка*** *(сыхырлы эртеги)* позволяет сформулировать ряд выводов. Определение условно, поскольку этот тип, как правило, отличается жанровой синкретичностью. Состав опубликованных ногайских сборников сказок и текстов рукописных архивных материалов [Джанибеков 2019; Шихмурзаев 1993; Акманбетов 1985; Сикалиев 1967 – 1981, Карасов 1994] показывает, что волшебная сказка – наиболее распространенный в устной традиции ногайцев жанр.

Сюжеты и мотивы именно этой группы ногайских сказок наиболее соответствуют мировым, а также их тюркским вариантам. Сохранившиеся в них реликты древнего *обряда инициации* (посвящения) юношей в мужские союзы воинов-охотников во многом проливают свет на генезис этих сказок, выросших из ритуала и десакрализованного мифа, объясняют многое в характере эволюции жанра. Именно эти взаимосвязи основательно изложены в фундаментальном труде В.Проппа «Исторические корни волшебной сказки» [Пропп 2001] В древности юношу отлучали от дома, и в уединенных местах (лес, гора, степь) проводили через тяжкие испытания, целью которых было закалить будущего защитника (воина) и кормильца (охотника) племени.

Большинство сюжетов и мотивов ногайской волшебной сказки совпадают с этапами этого древнего обряда посвящения. Схематичная картина их такова: детство и отрочество героя в своем доме – дальняя дорога в чуждое пространство (лес, гора), часто с наказом от отца – преодоление трудной дороги с помощью волшебных помощников (зачастую – тотемные животные: волк, орел, конь) – прибытие в иное царство – достижение цели и затем возвращение героя в свой дом с добычей. Сюжет имеет разный состав по числу этих элементов, но действия героя (его функция) сохраняется неизменно. Прекрасной иллюстрацией этих взаимосвязей являются тексты сказок, записанных в разное время и в разных регионах проживания ногайцев («Алты аяклы аргымак эм Кенжебай» (Шестиногий аргамак и Кенжебай), «Камыр баьтир», «Коьк Яя», «Уьнбаьтир» (Унбатыр), «Кызыл сыйыр» (Красная корова), «Сенимли ярдамшы» (Надежный помощник), «Алтын кораз» (Золотой петух), «Баспакшыдынъ йигитлиги» (Героизм пастуха)[1]. Герои этих сказок отправляются в лес *(кара орман)*, к горе

[1] Названия некоторых сказок условны. Поскольку они не имеют фольклорного значения, зачастую определяются теми, кто записал и опубликовал конкретный текст.

(тав), к морю *(денъиз)*, фактически к месту прохождения инициации. Они нарушают запреты (каждый по-своему), ввиду чего путь их осложняют трудности и они сражаются с драконами, великанами (*аздага, дав*), другими чудовищами, рядом оказываются чудесные помощники (у каждого из них – свои). Как правило, перипетии такого пути увенчиваются удачным финалом: герои с добычей возвращаются в родной дом. Для одних добыча – это материальная награда (богатство), для других – невеста, для третьих (демиургов) – новое умение, знание, полезное для племени. Все вполне коррелирует с конечной целью обряда инициации – закалить юношей, будущих защитников-охотников, призванных помогать родному племени выжить. Образ такого юноши в восприятии народа превращается в идеал, а само служение племени тем самым провозглашается уделом сильных, нравственных его представителей. Эта традиция продолжилась в героическом эпосе и далее в литературе.

Результаты структурно-типологических исследований В.Проппа открывают широкие возможности для специального и более детального исследования материала ногайской волшебной сказки, который основательно пока еще не исследован.

Особый пласт в ногайском сказочном эпосе составляют ***сказки о животных*** *(айванлар акында эртегилер),* которые исторически сложились в отдельную группу и критерии выделения их из других видов сказок достаточно определенны. Героями их являются животные, однако не всегда их сюжеты отражают жизнь только самих животных.

В. Пропп подразделяет этот вид сказок по типам животных: дикие, домашние, птицы, рыбы, пресмыкающиеся и утверждает, что «такое деление позволит легко разобраться в сюжетном репертуаре этих сказок» [Пропп 1976: 48]. Конечно же, сказки о диких животных по времени появились раньше, поскольку лесные, степные животные и птицы обеспечивали жизнедеятельность людей. На них (и с их помощью) охотились, чтобы иметь пропитание, а шкурой и оперением согреваться. Прирученные, одомашненные животные и птицы, появившиеся позже, реже являются героями животного эпоса.

Сказка о животных, как и волшебная, относится к древним жанрам народной прозы, ввиду чего в ней также отчетливо проявляются реликты древних анимистических, антропоморфических, тотемистических воззрений ногайцев. А поскольку к этой группе сказок часто примыкают и сказки о растениях, явлениях природы и предметах, то в рамках этого жанра исследуется эволюция представлений человека об окружающей среде, жизни растений, природе вещей, предметов.

В целом ряде ногайских сказок, отражающих реалии еще не разделенного мира человека и животных, объясняются явления, происхождение предметов, появление нового знания («Камышы» (Плеть, нагайка), («Ораклы кирпи шыгарган» (Серп придумал еж). Если в первой из упомянутых сказок представлена, к примеру, история идеи и процесс конструирования нагайки – одного из атрибутов, символов власти и чести его владельца, то во второй отражена эволюция взаимоотношений человека и животных, некогда совместно добывавших пропитание. Однажды животные решили, что будет лучше, если человек начнет заготавливать себе еду впрок, чтобы пастбищного корма больше досталось им, животным. И человек придумал сеять зерно, получил в результате большой

урожай. Но как собрать с поля такое количество выращенного? Этим знанием обладал еж. Он вслух возмутился глупостью хана, не догадавшегося взять кусок железа, изогнуть его и нарезать на нем зубцы. Не отличается, по мнению ежа, особым умом и народ, который терпит над собой власть такого глупого хана. Монолог ежа подслушал кот, затем рассказавший обо всем людям. Так появился серп. Сказка «Туьединъ шоьгуьви» (Почему верблюд присаживается) объясняет, почему мышь открывает цикл животного летосчисления. Она, сидя на ухе верблюда, первой увидела луч восходящего солнца. А это было условием, оговоренным на собрании зверей: кто первым возвестит о восходе солнца, с того и начнется двенадцатилетний цикл. Разгневанный верблюд, присев на колени, стал искать мышь, юркнувшую в норку на холме. С тех пор верблюд, при виде холма, приседает и принимается валяться в пыли. Почему сова коротконосая, а собака не любит кошку, почему у зайца уши длинные, у ласточки хвост раздвоен, а комар пищит, почему кошка не любит мышь, а змея живет в норе, почему орлов мало? На эти вопросы дает ответ, в частности, ногайская сказка о животных, восходящая к мифу. В этом же ряду следует отметить сказки о растениях («Наргамыс» (Тростник), «Боьригоьз» (Мак), «Ишибой» (Лобисток), «Бийдай эм тары» (Пшеница и просо), в которых отражен присущий этносу целый спектр представлений о мироздании, о природных явлениях, от его многоуровневой структуры до легендарных обоснований явлений природы и вещного мира. Безусловно, весь этот материал нуждается в специальном исследовании.

Теперь о том, что касается отголосков древних верований в ныне бытующих текстах ногайской сказки. Реликты анимизма и антропоморфизма в представлениях ногайцев наблюдаются в текстах с превращениями людей в животных, птиц, насекомых. Пример подобных волшебных превращений мы видим в таких сказках, как «Алты аяклы аргымак» (Шестиногий аргамак), «Окыган йигит» (Ученый джигит). Последнюю сказку, которая имеет жанровые признаки кумулятивного текста, все же следует отнести к волшебной. Ведь герой уходит к лесному учителю добывать знание, за этим, собственно, и отправлялись иницианты. Только как затем применяются добытые знания и умения – это в основе морали данной сказки (превращения героя в разных животных и птиц не имели благого намерения, и только учитель, научивший джигита всему, смог его и наказать). Инициация, как традиция передачи опыта предков молодому поколению, от учителя-воспитателя юноше, получила развитие в героическом эпосе. К примеру, Орак был отправлен по решению его дяди Мамая для обучения и воспитания к Отаргыл-баю (поэма «Мамай») [Джанибеков 2019: 47]. Далее, несомненно, имеется прямая связь этой традиции с более поздним явлением социальной истории ногайцев – *аталычеством*. Аталыком (*букв. «вместо отца»*), как и «лесным учителем» не мог быть родственник, особенно по отцу. В этом, конечно, был смысл – обеспечение объективного, безэмоционального подхода к научению необходимому.

Реликт анимизма, к примеру, прослеживаем и в основе верования в то, что душа человека может жить отдельно от него и иметь образ мухи (*шыбын ян*). В тюркской традиции целая система народных запретов *(*ног. *тыйым)* порождена тотемизмом: не наступать на кости животных, не обманывать собаку, не бить

скот, не убивать змею, заползшую в дом, сову (*обыргус*), не проходить (не проезжать) через середину стада, а обходить или объезжать и др. Запреты присутствуют зачастую в волшебной сказке и, когда герой нарушает их, то это непременно оборачивается для него бедами, которые герой вынужден затем преодолевать.

С тотемизмом связана и традиция почитания некоторых диких животных (табуирование названия тотемного животного волка и использование для его упоминания эвфемизма *карыскыр*). Тотемическую природу имеют и животные – помощники героя волшебной сказки: конь-тулпар («Казадан куткарган Коьк туяклы» (Спасший от беды Кок туяк), волк («Алтын кус» (Золотая птица). Чудесное рождение от животного и человека героя богатырской сказки также восходит к этой традиции (сказочная история рождения Эдиге в одноименном эпосе).

Животный эпос, безусловно, эволюционировал. Если поначалу это были сказки о тотемных животных, волшебных помощниках («Алтын кус» (Золотая птица), конь- тулпар («Казадан куткарган Коьк туяклы» (Спасший от беды Кок туяклы, «Кара баьтир эм Коьк ат» (Черный батыр и Синий конь), то с разложением системы верований ногайцев, формированием монотеизма, образы животных в сказках профанировались и все больше стали выступать как символы людских пороков: глупости, жадности, хитрости («Туьлки мен боьри» (Лиса и Волк), «Аьйлежи туьлки» (Хитрая лиса), «Намартлык увдан ашы» (Коварство горше яда). Впоследствии такие сказки с ярко выраженной моралью и краткой притчевой формой превращались в басню.

Известно, что формирование монотеизма привело к исламизации множества сказочных сюжетов, образов. Поэтому одной из важных вех эволюции ногайской сказки является ее исламизация. Мудрый *пайхамбар* (пророк), вероломный *иблис, таьжел, шайтан* (дьявол), коварный *Азраил* (ангел смерти), многоликий *аьллевшин («Алла уьшин» (букв. Аллаха ради),* юродивый), жадный *молла* (мулла) – наиболее часто встречающиеся герои сказочных сюжетов, разрабатывающих проблемы истинной веры и безверия. В притчеобразных сказках о пророках Махамете, Мусе, Сулеймене, Зуль-Карнайн воплощены народные представления о благородстве, чести, мудрости, справедливости («*Мусадынъ улы*» (Сын Мусы), «*Махамет пайхамбар ман перисте*» (Пророк Махамет и ангел), «*Муса пайхамбар эм иблис*» (Пророк Муса и дьявол), «*Сулеймен патша*» (Царь Сулейман). Человеческие пороки, препятствующие укреплению морали в человеческом обществе, выведены в целом ряде распространенных сюжетов: «*Азраил акында*» (Об Азраиле), «Элгезер мен аьжел» (Путник и Смерть), «Али-пелван» (Али-силач), «Шайтан ойыны» (Танец дьявола), «Шайтан акында» (О дьяволе).

Смена исторических эпох обуславливает заметные изменения в жанровом развитии, в эволюции народного идеала, воплощаемого в сказке. Если в волшебной сказке это был герой, побеждающий злых чудовищ, олицетворявших обстоятельства непреодолимой силы (природные стихии), то в более близкой к нам по времени сложения сказке – это герой-батыр, борющийся с реальными врагами племени, или защитник родовых традиций (младший сын или младший из братьев), в классовом обществе – это защитник обездоленных (хозяин и его работник) [Каскабасов 2014:159]. И чем ближе к нынешним реалиям сказочный текст, тем больше в нем конкретики, узнаваемых элементов в бытовых описаниях, в поведенческих чертах героев.

Вместе с идеалом разножанровой сказки эволюционирует и образ зла: архаичные персонажи волшебных сказок *елмавыз*, *аздага* и *обыр куртка* в процессе изменения социальной структуры общества превращаются в коварных и завистливых старших братьев («Аксак аяк куьналы тувыл» (Хромая нога невиновна), жадных ханов, мулл («Йигерли уры» (Отважный вор), «Уьш кады» (Три муллы) – центральных героев сказок о невинно преследуемых. Но при этом сохраняется *функция* порождения зла, присущая этим героям. Так рождалась *ногайская* ***бытовая (новеллистическая) сказка*** (*яшав эртегилер*). То есть, этот вид сказок создавался в условиях меняющихся социальных отношений, вырастал на иной почве, путем наслоений, переосмысления, замены известного материала и создания нового, не известного ранее, отражая все более очевидные новые реалии.

Бытовые сказки В.Пропп предпочитает называть сказками «о людях», поскольку такое название достаточно точно обозначает характер этих сказок. «Хотя их принято называть сказками реалистическими, бытовыми или новеллистическими, все эти названия возможны условно, так как соответствующие произведения не представляют собой реалистических новелл» [Пропп 1976: 49], – утверждает он. Дальнейшее подразделение их ученый предлагает вести по типам персонажей, опять-таки *с точки зрения их функций*. В таком случае легко группируются сказки о ловких или смышленых отгадчиках трудных загадок, о мудрых советчиках и помощниках, о ловких ворах, разбойниках (в эпоху выживания эти пороки вполне себе почитались), о недобродетельных женах, о хозяевах и их работниках, о жадных муллах, глупцах. Такой принцип классификации отмечается ученым как продуктивный. Впрочем, не отменяется и привычный способ распределения бытовых сказок *по типам сюжетов*: о трудных задачах, о судьбе, о разлуке и встрече, об обманутых и одураченных. Весь спектр таких сюжетов, а также обозначенный перечень функций героев, безусловно, присущ и ногайской *бытовой (новеллистической) сказке*, а также его специфической форме – *анекдоту*.

Национальный тип мудреца, остроумного, находчивого, подчас наивного и бесхитростного, воплощен в образах Йиренше Шешена, Шал-Кийиза, Алдар Косе, Насратына Кожа, Бегимакая, а также Карабаш Абдуррамана. Сюжеты о последнем из героев приведены В.Радловым в «Образцах…», записанных в степном Крыму [Радлов 1896: 208]. В перечисленных текстах немало реликтов патриархальной жизни: утверждается власть отцов, почитаются мудрые старцы («Алал косак» (Верный друг), и это не что иное, как эволюция образа почитаемого предка *аруак*. В них также идеализируется герой – младший сын, поскольку он выступает как защитник родительского дома, хранитель родовых традиций («Аксак аяк куьналы тувыл» (Хромая нога не виновата), «Уьш кардаш» (Три брата). Актуальны мотивы изгнания злых жен («Эрис пише» (Сварливая жена). Наряду с этим идеализируются умные жены (сестры, дочери), причем они теперь вовсе не кудесницы из волшебной сказки, чудесным образом решающие сложные для своего суженого (брата, отца) задачи, а умные, мудрые женщины из реальной жизни («Акыллы кыз» (Умная девушка).

Таким образом, наблюдения (насколько полно возможно их представить в рамках статьи) за сложным процессом генезиса, эволюции жанровых форм, в

частности, ногайской сказки приводят к выводу о том, что трансформации чаще подвергаются те сказки, которые отражают изменения в социальных отношениях и структуре общества (связь и взаимоотношения поколений, жизнь традиции, классовые противоречия, имущественное неравенство), поскольку конфликт, порождаемый этими взаимоотношениями, во все времена, у всех народов и племен, населяющих мир, одинаково выступал в качестве сюжетообразующего фактора. Это объясняет феномен общности в мировой сказочной сюжетике, раскрывая значимость и приоритетность функции сказочного героя, которая в свою очередь подтверждает, что во все времена принимались одинаковые, по сути, меры, чтобы человеческое общество не только оставалось в истории, выживало, но и развивалось.

Ногайский сказочный эпос – важный феномен культуры народа, отражающий историю развития этноса в контексте тюркского и мирового сообщества, эволюцию его мировидения, служащий важным ресурсом для развития современных форм национальной словесной культуры и духовного сознания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Белинский 1954 – *Белинский В.Г.* Избранное. – М.: Московский рабочий. – 1954. – 552 с.

Веселовский 2006 – *Веселовский А. Н.* Избранное: Историческая поэтика. – М: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 688 с.

Грибовский 2019 – *Грибовский В.В.* Концепция волшебной сказки В.Я.Проппа и проблема историзма ногайского эпоса // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему (Сборник материалов III -й международной научно-практической конференции 2-6 октября 2019 г.). – Черкесск, КЧИГИ, КЧГУ, 2019. – С. 7-21.

Джалалов 1980 – *Джалалов Г.А.* Узбекский народный сказочный эпос. – Ташкент: Фан, 1980. – 271с.

Джанибеков 2019 – *Джанибеков А-Х.Ш.* Соьз казнасы/ Сокровищница слов / Под ред. Н.Х. Суюновой. – М.: Наука, 2019. – 709 с.

Жирмунский 1974 – *Жирмунский В.М.* Эпические сказания о ногайских богатырях в свете исторических источников/ Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – Л.: Наука, 1974. – С.387- 490.

Каскабасов 2014 – *Каскабасов С.А.*Таңдамалы. Т.2. Мифология. Фольклор. Әдебиет. Зерттеулер. – Астана: Фолиант, 2014. – 344 с.

Леви-Стросс 1999 – *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1999. – 392 с.

Мелетинский 1995 – *Мелетинский Е М.* Поэтика мифа. – М.: Восточная литература РАН, 1995. – 408 с.

Ногайские народные сказки 1979 – *Ногайские народные сказки.* Составление, перевод с ногайского Аждаут Ногай, предисл. Е.Котляр. – М: Главная ред. восточной литературы издательства «Наука», 1979 г. – 184 с.

Пропп 1998 – *Пропп В.Я.* Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа). – М.: Лабиринт, 1998. – 512 с.

Пропп 1976 – *Пропп В.Я.* Специфика фольклора / Фольклор и действительность. – М.: 1976. – С. 22.

Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1986. – 369 с.

Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа). –М.: Лабиринт, 1998. – 512 с.

Пропп 2001 – *Пропп В.Я.* Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа). – М.: Лабиринт, 2001. – 147с.

Радлов 1896 – *Радлов В.В.* Образцы народной литературы северных тюркских племен. – Санкт-Петербург, 1896. Т.VII. – С.1-237. – 408 с.

Сакали 1956 – *Сакали М.А.* Туркменский сказочный эпос. – Ашхабад: Изд-во Акад.наук Туркм.ССР, 1956. – 155 с.

Сикалиев 1988 – *Сикалиев А.И-М.* Фольклор / *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И-М.* Ногайцы. Историко- этнографический очерк. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Кар.-Черк.отделение,1988. – 230 с. – С. 203-204.

Фалев 1918 – *Фалев П.А.* Ногайская сказка об Ак-Кобеке // Сборник музея антропологии и этнографии при Российской Академии Наук. Т.5. Вып. 1. Петроград, 1918. С. 189-196.

Фрэзер 1983 – *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.

Ярми 1967 – *Ярми Х.Х.* Татарское народное поэтическое творчество. – Казань: Таткнигоиздат, 1967. – 308 с.

REFERENCES

Noghayskie narodnye skazki [Noghay folktales] / Sostavlenie, perevod s noghayskogo Azhdaut Naymanov, vstupitel'naya stat'ya E. Kotlyar. – M.: Nauka, 1979. – 184 p. (In Russ.).

BELINSKY V.G. *Izbrannoye* [Selected works]. – M.: Moskovsky rabochy. – 1954. – 552 p. (In Russ.).

VESELOVSKY A.N. *Izbrannoye: Istoricheskaya poetika* [Selected works: Historical Poetics]. – M: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopedia, 2006. – 688 p. (In Russ.).

GRIBOVSKY V.V. *Kontseptsia volshebnoy skazki V.Ya.Proppa i problema istorizma nogayskogo eposa* [V.Y. Propp's Concept of the Magic Tale and the Problem of Historicism of the Nogai Epic] In: Noghaytsy: XXI vek. Istoria. Yazyk. Kultura. Ot istokov k gryaduschemu (Sbornik materialov 3 mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 2-6 oktyabrya 2019 g.) – Cherkessk, KCHIGI, KCHGU, 2019. – P. 7-21. (In Russ.).

DZHALALOV G.A. *Uzbeksky narodny skazochny epos* [Uzbek folk fairy tale epic]. – Tashkent: Fan, 1980. – 271 p. (In Russ.).

DZHANIBEKOV A. *Sozkaznasy / Sokrovischnitsa slov* [Treasury of words] / Pod red. N.Kh. Suyunovoy. – M.: Nauka. – 2019. – 709 p. (In Nog. Russ.).

ZHIRMUNSKY V.M. *Epicheskiye skazania j nogayskikh bogatyryakh v svete istoricheskikh istochnikov* [Epic tales of Nogai warriors in the light of historical sources] In: Zhirmunsky B.M. Turksky geroichesky epos. – L.: Nauka, 1974. – P. 387- 490. (In Russ.).

KASKABASOV S.A. *Tandamaly. T.2. Mifologia. Folklor. Edebiet. Zertteuler* [Selected works. Mythology. Folklore. Literature. Research Studies]– Astana: Foliant, 2014. – 344 p. (InKaz.).

LEVY-STROSS C. *Pervobytnoye myshlenye* [Primal Thinking]. – M.: TERRA – Knizhy Klub, 1999.– 392 p. (In Russ.).

MELETINSKY E.M. *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. – M.: Vostochnaya literatura RAN, 1995. – 408 p. (In Russ.).

PROPP V.Ya. *Morfologia <volshebnoy> skazki. Istoricheskye korni volshebnoy skazki* [Morphology of the <fantasy> fairy tale. Historical roots of the fantasy fairy tale]. – M.: Labirint, 1998. – 512 p. (In Russ.).

PROPP V.Ya. *Spetsifika folklora / Folklor i deystvitelnost'* [Specificity of Folklore / Folklore and Reality]. – M.: 1976. – P. 22. (In Russ.).

PROPP V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoy skazki [The historical roots of the fantasy fairy tale]. – L.: Издательство LGU, 1986. – 369 p. (In Russ.).

RADLOV V.V. Obraztsy narodnoy literatury severnykh turkskikh plemen. [Samples of Folk Literature of the Northern Turkic Tribes]. – Sankt-Peterburg, 1896. T.VII. – C.1-237. – 408 p. (In Russ.).

SAKALI M.A. Turkmensky skazochny epos [Turkmen fairy tale epic]. – Ashkhabat: Izd-vo Akad.Nauk Turkm.SSR, 1956. – 155 p. (In Russ.).

SIKALIEV A.I.-M. Folklor [Folklore] In: Kalmykov I.Kh., Kereytov R.Kh., Sikaliev A.I.-M. Nogaytsy. Istoriko-Etnograficheskу ocherk. – Cherkessk: Stavropol'skoye kniznoye izdatel'stvo, Kar.-Cherk.otdelenye, 1988. – 230 p. – P. 203-204. (In Russ.).

FALEV P.A. Nogayskaya skazka ob Ak-Kobeke [Nogai Tale of Ak-Kobek] In: Sbornik muzeya antropologii i etnografii pri Rossiskoy Akademii Nauk.T.5. Vyp. 1. Petrograd, 1918. – P. 189-196. (In Russ.).

FRASER J. Zolotaya vetv' [The golden branch]. – M.: Politizdat, 1983. – 703 p. (In Russ.).

YARMI H.H.. Tatarskoye narodnoye poeticheskoye tvorchestvo [Tatar folk poetry]. – Kazan: Tatknigoizdat, 1967. – 308 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.Х. Суюнова – доктор филологических наук, доцент.

Information about the author

N.Kh. Suyunova – Doctor of Science (Philology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.05.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 26.05.2023; approved after reviewing 15.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 398.21(470.6)+821.35
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-306-325
EDN: YQLDUO

ПОЭТИКА АБАЗИНСКИХ СКАЗОК

Пётр Константинович Чекалов[1], **Лилия Арабиевна Борокова**[2]
[1,2] Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почёта» Институт гуманитарных исследований, Черкесск, Россия.
[1] chekalov58@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-7580-4060
[2] borokova64@mail.ru

Аннотация. Поэтика выступает важной составной частью литературных и фольклорных произведений, и потому обращение к данной литературоведческой проблеме актуально во все времена. Отдельные вопросы поэтики абазинских сказок затрагивались в трудах В.Б. Тугова, но как самостоятельная научная проблема она ставится впервые, что обеспечивает новизну работы.

Целью статьи является изучение особенностей словесного и образного строения текстов национальной сказочной прозы. В непосредственные задачи входит осмысление таких значимых композиционных элементов, как: сказовый стих, способы проявления сказителя, прием антитезы, реалистические и психологические детали, портреты людей и животных, пейзажи и их функции, смысловое наполнение наименований сторон света, образы холма и печи, топонимы, гидронимы, фитонимы, названия продуктов питания.

Материалом исследования явились три основных сборника абазинского сказочного эпоса: «Абазинские сказки» (Минводы, 2015), где собраны воедино два самостоятельных издания Т.З. Табулова 1947 и 1955 гг.; «Сказки Абазашты» (Ставрополь, 2016), также являющееся переизданием выпущенных в свое время В.Б. Туговым трех сборников; «Абазинские народные сказки» (Черкесск, 1986), составленный В.Н. Меремкуловым. В отдельных случаях мы обращались к сказкам, вошедшим в книгу «Абазинские материалы А.Н. Генко» (Сухум, 2019) и «Абазинским народным сказкам» (Москва, 1985), представляющим собой переводную на русский язык книгу абазинских сказок.

Основным методом исследования выступает описательный: авторы фиксируют наблюдения, подкрепляют их примерами из различных произведений, комментируют и делают соответствующие выводы. По мере необходимости используется сравнительно-сопоставительный метод при изучении образа печи в абазинских и русских сказках или же при соотнесении отдельных фольклорных явлений с литературными. В отдельных случаях применяется психологический метод, когда рассматривается эмоциональное состояние персонажей, и метод мотивного анализа при изучении мотивов неблагодарности, предательства и жестокости.

Ключевые слова: абазинская сказка, сказовый стих, сказитель, антитеза, деталь, портрет, пейзаж, печь, холм, жестокость.

Для цитирования: Чекалов П.К., Борокова Л.А. Поэтика абазинских сказок // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 306-325. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-306-325. EDN: YQLDUO.

© Чекалов П.К., Борокова Л.А., 2023

Original article

POETICS OF ABAZA TALES

Petr K. Chekalov[1], **Liliya A. Borokova**[2]

[1,2] Karachay-Cherkessia Institute for Humanities Research Government of the Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, Russia.

[1] chekalov58@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-7580-4060

[2] borokova64@mail.ru

Abstract. Poetics is an an essential component of literary and folklore works, and therefore, the appeal of this literary problem is relevant. Some issues of the poetics of Abaza fairy tales were touched upon in the works of V.B. Tugov, but as an independent scientific problem, it is posed for the first time, which ensures the novelty of the work.

The purpose of the article is to study the verbal and figurative structure features of the national fairy-tale prose texts. The direct tasks include comprehending such significant compositional elements as: a fantastic verse, the ways of manifestation of the narrator, the antithesis technique, realistic and psychological details, portraits of people and animals, landscapes and their functions, semantic content of the names of the cardinal directions, images of a hill and a furnace, toponyms, hydronyms, phytonyms, food names.

The research material was three main collections of the Abaza fairy tale epic: “Abaza fairy tales” (Mineralnye Vody, 2015), where two independent editions of T.Z. Tabulov, 1947 and 1955, are brought together; “Tales of Abazashty” (Stavropol, 2016), which is also a reprint of three collections released at the time by V.B. Tugov; “Abaza folk Fairy tales” (Cherkessk, 1986), compiled by V.N. Meremkulov. In some cases, we turned to the fairy tales included in the book “Abaza materials A.N. Genko” (Sukhum, 2019) and “Abaza Folk Tales” (Moscow, 1985), which is a book of Abaza fairy tales translated into Russian.

The main method of research is descriptive: the authors record observations, reinforce them with examples from various works, comment and draw conclusions. As necessary, a comparative method is used when studying the image of the furnace in Abaza and Russian fairy tales or when correlating individual folklore phenomena with literary ones. In some cases, a psychological method is used when the emotional state of the characters is considered, and a method of motivational analysis is used when studying the motives of ingratitude, betrayal, and cruelty.

Keywords: Abaza fairy tale, fairy tale verse, narrator, antithesis, detail, portrait, landscape, stove, hill, cruelty.

For citation: Chekalov P.K., Borokova L.A. Poetics of Abaza tales. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 306-325. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-306-325. EDN: YQLDUO.

© Chekalov P.K., Borokova L.A., 2023

Поэтика как наука о системе средств выражения в литературных произведениях охватывает большой круг разделов литературоведения: роды и жанры, течения и направления, стили и методы, законы внутренней связи и соотношения различных уровней художественного целого [Литературная энциклопедия терминов… 2001: 785]. Три области общей поэтики изучают звуковое (фоника, ритмика, метрика, строфика), словесное (лексика,

морфология, синтаксис) и образное (персонажи, предметы, мотивы, сюжеты) строение текста [Литературная энциклопедия терминов… 2001: 786].

«Литературная энциклопедия терминов и понятий» признает композицию главной проблемой частной поэтики [Литературная энциклопедия терминов… 2001: 786]. «Литературный энциклопедический словарь» трактует данное понятие как расположение и соотнесенность компонентов художественной формы, т. е. построение произведения, обусловленное его содержанием и жанром. Подчеркивается, что композиция скрепляет элементы формы и подчиняет их идее [Литературный энциклопедический словарь 1987: 164].

Композиция включает в себя расстановку персонажей (систему образов), событий и поступков (композиция сюжета), способов повествования (собственно повествовательная композиция как смена точек зрения на изображаемое), подробностей обстановки, поведения, переживаний (композиция деталей), стилистических приемов (речевая композиция), вставных рассказов и лирических отступлений (композиция внесюжетных элементов) [Литературный энциклопедический словарь 1987: 164].

Сказка как произведение искусства представляется незамысловатым по строению, не глубоким и даже наивным по идейному содержанию. Но это впечатление обманчивое. Сказочная проза не столь проста, как представляется на первый взгляд. Рассмотрим некоторые структурные компоненты абазинских сказок.

Сказовый стих. Обратимся к вступлению сказки «О том, как Тузимби отомстили за себя»: «Щарда цIитI ари акIвшищтара. Щарда цIитI ари гIаншищтара. Апша пстхIва щарда нкъвнацахьатI. Адунейгьи йыквцIхьатI уагIа щардагIв. Ауаса ТузымбиргIа рща шырхахыз ахабар сквшщарда цIитIта йгIаныкъвитI. Абар, швгIадзыргIвы сара йшвасхIвуаш ахабар – ТузымбиргIа рычкIвын йща шихахыз ахабар» («Много времени прошло с тех пор, как это случилось. Много времени прошло с тех пор, как это произошло. Много облаков прогнали ветра. И с лица земли ушло множество людей. Но весть о том, как Тузимби отомстили за себя, много лет переходит из уст в уста. Вот, послушайте историю, которую я вам расскажу, историю о том, как юноша Тузимбиевых отомстил за себя») [Сказки Абазашты 2016: 8].

При чтении данного фрагмента слышится наличие определенного ритма. Для того, чтобы установить его характер, разобьем текст на соизмеримые отрезки:

1. Щарда цIитI ари акIвшищтара. – дольник
2. Щарда цIитI ари гIаншищтара. – дольник
3. Апша пстхIва щарда нкъвнацахьатI. – дольник
4. Адунейгьи йыквцIхьатI уагIа щардагIв. – дольник
5. Ауаса ТузымбиргIа рща шырхахыз ахабар – ямб
6. сквшщарда цIитIта йгIаныкъвитI. – дольник
7. Абар, швгIадзыргIвы сара йшвасхIвуаш ахабар – – тактовик
8. ТузымбиргIа рычкIвын йща шихахыз ахабар. – хорей

Метрический анализ полученных 8 стихотворных строк показывает, что из них 5 (1 – 4, 6) являются трехударным дольником, одна (5) – 7-стопным ямбом, одна (7) – 4-ударным тактовиком и одна (8) 7-стопным хореем. Таким образом,

присказка создана в виде сказового стиха. Для абазинских сказок такое ритмически организованное вступление – исключительное явление.

Проявление сказителя. Обычно в сказках рассказчик себя не обнаруживает, он находится как бы вне рассказа, за рамками повествуемого текста. В этом плане рассмотренный фрагмент представляет собой некоторое отклонение от традиции, так как в нем сказитель обнажает свое присутствие: «Абар, швгIадзыргIвы *сара йшвасхIвуаш ахабар*» («Вот, послушайте *историю, которую я вам расскажу*») [Сказки Абазашты 2016: 8].

В центре сказки, как правило, стоит один главный герой. И так как все события связаны с ним, сюжет развивается линейно, последовательно: от одного эпизода к другому. Исключения из этого ряда редки. Но вот в начале сказки «Братья» сообщается о том, как, умирая, старик обратился к старшим сыновьям с наказом не ходить в сторону захода солнца. Как водится, братья нарушили завет, в результате чего айныж[1] ловит их и привязывает к дереву. И тут наблюдается интересный композиционный момент: сказитель сознательно прерывает сюжет, связанный со старшими братьями, и переходит к разговору о младшем: «Арат агIвайщчва ркьазу гIадзанадзыкIьара рхабар ашIахIрыспI. Дыжвдырхума дхвыцыркIвата ауат йгIаныржьыз раща? Ауи йхабар гIахIхIвапI» («Приостановим рассказ об этих братьях, пока не придет их черед. Помните младшего брата, которого они оставили совсем маленьким? Поведем о нем речь») [Сказки Абазашты 2016: 153].

И здесь сказитель выдает свое присутствие, выражающееся в обращении к слушателям: «*Дыжвдырхума?...*» («*Помните?...*»), в актуализации своих функций: «*Ауи йхабар гIахIхIвапI*» («*Поведем о нем речь*») [Сказки Абазашты 2016: 153]. Немаловажная деталь: он говорит о себе во множественном числе. Такая форма в абазинской речи не употребляется.

Эти же мотивы (проявление образа сказителя, представление себя во множественном числе) встречаются и в сказке «Махмуд, Мухадин, Мурадин»: «МухIадин дгIагылын йуыс шакIвшаз зымгIва, *ахъахьыла йшгIахIырбаз апшта*, йгIайхIвад» («Когда Мухадину дали слово, он встал и рассказал все, что *мы изложили выше*») [Абазинские сказки 2015: 329]. Можно предположить, что в данном случае на манере передачи сказочной истории свое влияние оказала художественная литература.

Композиционный прием, сходный с тем, который мы наблюдали в «Братьях», обнаруживается и в сказке «О том, как Тузимби отомстили за себя». И здесь повествователь также перебивает сам себя: «Ужвы ХIвсини Исльами *ныгIжьпIта* Къамботи Къасботи *хгIарыквчважвапI*» («Теперь *оставим в покое* Хусина и Ислама и *расскажем* о Камботе и Касботе») [Сказки Абазашты 2016: 8]. И здесь нарушение линейного изложения связано с вторжением сказителя в ход повествования.

По-другому, подчеркивая личностное отношение к герою, раскрывается присутствие сказителя в тексте сказки «Кара»: «Ауасамца *сара с-Къара* сквшы гIважва днарталтI» («Так, *моему Каре* исполнилось двадцать лет») [Сказки

[1] Айныж – великан огромной физической силы, враг человеческого рода.

Абазашты 2016: 27]. В другом месте сказки «Братья» образ рассказчика проявляется через признание слушателям: «Арат агIвайщчва мачI йымгIвайсма, щарда йымгIвайсма – *шваргьи саргьи йгьхIыздырам*» («Мало ли, долго ли шли эти братья – *ни вы, ни я не ведаем*») [Сказки Абазашты 2016: 153].

Антитеза. В.Я. Пропп отмечал, что «сказка любит контрасты» [Пропп 1986: 171]. Это наблюдение подтверждается и абазинским фольклором. Противоположны по своей сущности Сольман и его старшие братья, с одной стороны, Сольман и князь, с другой («Дочь солнца и луны Дахя»), плешивый Барамби и ханский сын («Плешивый Барамби»), Батыр и двое его товарищей («Батыр»), младшая дочь старика и плешивая рабыня («Джануаз»), мачеха и падчерица («Девочка-сиротка»), Мурат и Крым («Сказка о Назике»), Мыта и Кыта («Чистое сердце и злое сердце»)… Резко выраженная конфликтность действующих лиц, таким образом, становится одним из условий развития сюжета. Вследствие этого антитеза во многих сказках выступает как важный композиционный прием. Но противопоставление используется не только как основополагающий для всего произведения способ, но и как локальный, применяемый для отдельных сцен и эпизодов. Так, в сказке «О том, как Тузимби отомстили за себя» фольклорные образы строятся на контрасте: «АхI йтагвжва *ажва пшдза* лайхIвын дашIайрыстI, ауаса йара *йгвы гвымхарала йырчвын*» («Князь *ласковыми словами* успокоил жену, но *сердце его было наполнено злобой*») [Сказки Абазашты 2016: 10]; «*АчIвыла ацIгIва* йаъазтынгьи, *ажвгIванд ахъахь* йыквызтынгьи арат агIвайщчва гIашваута йгIажвгх» («Хоть *на дне земли*, хоть *на вершине неба*, но разыщите мне этих двух братьев») [Сказки Абазашты 2016: 10].

Диаметрально противоположно отношение дочери Иналя к Барамби и сыну хана, что отчетливо проявляется в том, как она собирает их в дорогу: «Ахан йпа йартмакъ *цхадзыла йкIвхIата мгьал йзылрыдзын йталцIатI, ауи йкIвдыр чыльа аркъанла йадылхIвалтI*. Барамби-хъабыжь йартмакъ *мгьал чвырбблы талцIан йкIвдыр йшаъазлакIгьи аркъаныжвкIла йара йадихIвалтI*» («Она *замесила тесто на медовой воде, испекла мгял*[1], положила в артмак[2] ханского сына и *привязала его к седлу шелковым шнурком*. В артмак Барамби она положила *обгорелый мгял*, и он сам *приторочил его к седлу старой веревкой*». – «Плешивый Барамби») [Абазинские сказки 2015: 259]. Контрастно-противоречивым выступает поведение князя в сказке «Фатимат»: «АхI зынла дкъапщхатI, *амца апшта дгIалашватI*, ауи *ацхIашвы апшта дхьыхтI*» («Князь сразу покраснел, *вспыхнул, словно огонь, остыл, как лед*»)… [Абазинские сказки 2015: 311]. Таким образом, антитеза позволяет резко, бескомпромиссно, без полутонов определить сущность отдельных образов, поступков, положений.

Детали вообще, а тем более – реалистические, для стиля сказок не типичны, как и ирония. И тем не менее они обнаруживают себя в различных фольклорных текстах. Так, например, в сказке «О мужестве» сообщается не только о том, как айныж возвращается с отарой овец, но отмечается и то, что гнал он ее «*по подножию горы*»: «*Абыхъв ащапIыла* айныжвкI уаса хIвычакI гIайцуа

[1] Мгял: абаз. – хлеб особой выпечки из пшенной или кукурузной муки.
[2] Артмак: абаз. – дорожная переметная сума.

дыгIбатI» («Мы увидели, как по *подножию горы* айныж гонит отару овец») [Сказки Абазашты 2016: 174].

В «Старом бурдюке» приводится не только то, как князь прошел в свой сад, но и как он присел на *мягкую* скамью под *большой развесистой* яблоней и *глубоко* вздохнул: «Араса мышщымтакI ахI Къальмырза йхъа йхъвыцыртата йцIлауатра днацIалын *ачIвацIла баба ду ащапIы* йыдгылаз *ачIвара пшка* днаквчIватI, *йпсыцхIа цIолата йщтиуа*» («Однажды утром князь Кальмурза в большом раздумье прошел в сад, сел *под большой развесистой яблоней на мягкую скамью и глубоко вздохнул*») [Сказки Абазашты 2016: 71].

В сказке «Гадатель» герой встречает бредущего навстречу мужчину: «*Йыщачвквагьи кIылчIвырд, йамгIа тIакIвквагьи йхад, йкъамчгьи апстIа йарбгIахын* заджв дгIамгIвайсид» («*С торчащими из изношенной обуви пальцами ног, с вымокшей в росе плетью* идет навстречу кто-то») [Абазинские народные сказки 1986: 323]. Внешний облик персонажа говорит о том, что этот человек долго находился в пути, что он устал и несчастен. Таким образом, бедственное состояние обуви выполняет свою информативную функцию. А какую роль выполняет образ плети? Эта деталь не получает дальнейшего развития, следовательно, выступает лишь традиционным атрибутом всадника (в данном случае – бывшего). И при этом определенную лиризацию повествованию придает то, казалось бы, незначительное обстоятельство, что плеть *вся вымокла в росе*. В этой подробности нельзя не усмотреть художественного взгляда сказителя.

В другой сказке «Батыр – сын медведя» подчеркивается, что герой и его мать, выбираясь из леса, поранили ноги о камни, исцарапали их о побеги растений: «*АхIахъвква, акъвацакьыцаква ауат рцапIква чвдырццытI»* [Сказки Абазашты 2016: 85]. Небезынтересно отметить и то обстоятельство, что речка, которую персонажи встретили на своем пути «*изгибалась туда-сюда*»: «АдзыгIв *аныла-арыла тшарыхъваua* йыгIвуан» [Сказки Абазашты 2016: 85]. А когда они, наконец, выбрались из чащобы, перед ними расстелилась равнина: «Гьагьата рхъапI. *Ачва кIапIинаква ракIвымкIва закIгьи гьубум. АцIисква руарад акIвымкIва бжьыкIгьи псы зхъугьи гьаъам.* Бабыни Батыри чва кIапIинакI йыцIалын йычвтI» («Кругом степь. *Кроме копен сена, ничего не видно. Кроме птичьих песен не слышно ничего, нет ни одной живой души*. Батыр и Бабына расположились под одной копной и заснули») [Сказки Абазашты 2016: 85]. Удивительно, что сказитель выделяет не только маленькие подробности, не характерные для сказок, но и не обходит вниманием пейзажи, хотя и не панорамно, но штрихами встраивает их в повествование.

Немало подобных деталей и в сказке «О том, как Тузимби отомстили за себя». В ней приводится эпизод, в котором герой с тем же именем Батыр, освобождая связанные руки, сдирает кожу на одной из них. Казалось бы, для сказочного героя это такая мелочь, на которую и внимания обращать не стоит. Но информатор мало того, что акцентирует взгляд, не забывает и снова возвращается к ней: «Батыр *перевязал руку, и боль понемногу утихла*» («Батыр *йнапIы шIайхIватI, ахьыгIа тIакIв йтосынхатI*») [Сказки Абазашты 2016: 15]. По сказочным канонам такой героической личности, как Батыр (имя означает «богатырь»), должны быть неведомы какие-либо слабости. Но вводя в текст мотив

боли от содранной кожи, сказитель тем самым оттеняет его человеческую природу: герой воспринимает физическое страдание точно так же, как и всякое живое существо. И потом, когда герой обезглавливает палача, это событие комментируется так: «Ахъвади *быжь дагв ахъыцIуата гвауадза йгIакIашватI*» («Труп *с глуховатым стуком грубо рухнул* на землю») [Сказки Абазашты 2016: 16]. Рассказчик считает необходимым вплести в излагаемый текст не только то обстоятельство, как труп врага неуклюже повалился, но, используя прием синестезии, отмечает и «глуховатый стук», который он при этом издает. Нужно иметь особое зрение, и особый слух, чтобы такие тонкие детали сделать достоянием фольклорного текста. И все эти подробности придают сказочному повествованию, как это ни покажется парадоксальным, достоверность. Они апеллируют к опыту читателя / слушателя, вызывая в нем знакомые ассоциации.

Часть реалистических деталей призвана отразить душевное состояние персонажей, их переживания в непростых ситуациях. Так, в сказке «Дочь Солнца и Луны Дахя», когда Сольман получил от князя невыполнимое поручение, его подавленное самочувствие оттеняется психологической подробностью: «*уронив голову в руки*» («*йхъагьи гIвнапIыкIла йкIын*») [Абазинские сказки 2015: 38]. В сказке «Фатимат» есть эпизод, когда находившийся в глубокой задумчивости герой приходит в себя и поднимается с места. Воспроизведение этой сцены также обогащается за счет того, что сказитель дополняет картину деталью: «АхI йчIвара аннахъа, *ачва дгIалкъьазшва дгIащтIчIван…*» («Когда князь насиделся, он *вскочил, словно очнулся ото сна*») [Абазинские сказки 2015: 311]. Сравнительный оборот «словно очнулся ото сна» передает не столько физическое движение, сколько духовное пробуждение персонажа, и вся сцена обретает легко представимую живую картину состояния князя в эту минуту.

Немало психологических деталей и в сказке «Прекрасная Аминат», где трое парней влюбились в героиню и однажды вечером навестили ее все вместе. Вот как описывается их поведение: «Пришли и присели *тихими голубками* возле нее. *Из-за сильной любви они поначалу даже не могли ничего выговорить*, сидели и выражали свое чувство сердцем и глазами. Затем один из них, *пытаясь скрыть свое дыхание, мучаясь вопросом о том, кому же она составит счастье*, спросил ее…» («АхыгIвпсатлыхвчва лызгIайын *хIвыхIв ъасата тшырчпауа йаквырпсса* йналыдзхъачIватI. *Абзибара мчы йгIалцIла ласгьи закI рымхIвауата* абзибара лали гвыли йамырдауа йчIван. ЙцIыхъвахуз ахыгIв рыуа заджвы *йпсыцхIа цIакIыта йщтиуа, зынасып далалуашйищтI-хIва йшихIвуз гIайнытщуата* азцIгIара гIайыргылтI») [Сказки Абазашты 2016: 147].

Словосочетание «*тихими голубками*» в национальной речи выступает не расхожим образом, а художественным сравнением, живо передающим душевное состояние героев. Элементы психологизма проявляются и в том, как они из-за испытываемых эмоций не сразу могут выговорить что-либо, и в том, как один из них тайно вздыхает, переживая сомнения по поводу того, кого же из них троих предпочтет красавица.

Небезынтересно и то, как реагирует на поставленный вопрос героиня: «*Араъа Аминат азцIгIара аджьауап ласы йгIалымтхуата, зынгьи ахыгIв дгIарпшуа, зынгьи лхъа налыркъвыхуа, лнапI жвпIа шкIвокIвачкIвынквалагьи*

дыздгылаз ачвартагъвмахъа псайспадза йылщщуа даквырпсса дгылан. Ауи лпсыцхIа лщтитI, лыла гвыргъьа тыбгIа дуквала дгIарпшытI, лхъачкIвын хвырчвхIва йналыркъвыхын лагъьма напIыла йлыхъвдаз лхIамель пшдзачкIвын йалачIваз амышIа пшката дакврыцкьауа йгIалхIватI…» («*Не торопясь отвечать, то поднимая взгляд на всех троих, то опуская голову, Аминат белыми пухлыми ручками поглаживала спинку кровати, возле которой скромно стояла. Она вздохнула, еще раз взглянула улыбчивыми, широко раскрытыми глазами на женихов, опять склонила голову и, правой рукой нежно поглаживая драгоценный камень на хамели*[1]*, сказала*…» [Сказки Абазашты 2016: 147].

Подобное развернутое описание поведения девушки близко напоминает художественный текст. Несомненно, что сказитель обладал даром беллетриста. И выразилось это в том, как психологически верно угадал он и через внешние проявления сумел передать неуверенность, внутренние колебания, душевные сомнения, испытываемые девушкой в момент выбора между тремя молодыми людьми. Такая психологическая картина – исключительное явление в абазинской сказочной прозе.

Портрет. К образным элементам композиции относятся сказочные персонажи. Они представлены в монографии В.Б. Тугова «Память и мудрость веков». Относительно их внешних данных фольклорист высказался кратко: «В сказочном эпосе портретные характеристики героев, как правило, почти не встречаются. Обобщенный облик персонажа передается одним оценочным эпитетом: "статный", "красивый", "красавец", "рослый" и т.д.» [Тугов 2002: 67].

Наблюдение верное, но в иных случаях при обрисовке действующих лиц штрихами проступают отдельные их черты, а в других попадаются даже развернутые описания. Так, в сказке «Кара» мы встречаемся с таким портретом героя: «Йлакта лашарата, йылаква гвыргъьауа, йара дцIарата, заджвы йхIваua ачIвыла йнаймырдзауата, йыжвгIвымсакъьаква тыбгIата, йымъашIахIварта цIагIвта акIвын ауи дшаъаз» («Широкий в плечах, тонкий в талии, со светлым лицом и улыбчивыми глазами, очень подвижный. Сказанное кем-либо, он выполнял до того, как слова достигали земли») [Сказки Абазашты 2016: 26]. Портрет, хотя и схематичен, но зрительно представим. Таково и описание героини из сказки «Батыр – сын медведя»: «Бабына дхIагIачвамкIва, лхъабра чхвхвыруа, лылаква гвыргъьауа, лшIахъа йлышву ачгIвычаква йгIарылкIкIгIауа акIвын дшаъаз» («Бабына была невысока, с курчавящимися волосами и улыбчивыми глазами. Лицо ее высвечивалось на фоне одежды») [Сказки Абазашты 2016: 83].

Значительно подробнее представлена героиня сказки «Рожденная в тыкве-горлянке»: «Лыбра атланыкъвакI хъышта, лгIвыджьымсакI квайчIвата, йауыта, йцIагIвта, лхъапахь шкIвокIвата, лгIвылачкIвынкI квайчIвата, лыгIвдзамгIвачкIвынкI пхынчIвазшва йкъапщыта йтырасгIауа йтачIвапI. Лыбра ауыпI лыщхъва йтасуа. Лыпкъ чкIвын баца цIахвазшва йхIагIадзапI. Йлышву лдари ъахвтан ду лыщхъва йтасуа йылшвыпI. ЛчыльакIас ду дцIанакIуа йылхъапI» («Одна половина ее волос была светлой, лоб – белый, брови – черные, длинные, тонкие, глазки – черные, щечки, словно красные летние яблоки, подрагивают.

[1] Хамель – женское украшение из серебра на цепочке.

Длинная коса достигает пяток. Стан ее напоминает тонкую высокую хворостинку. Одета она в длинное шелковое платье до пят. Большой шелковый платок покрывает ее почти целиком») [Сказки Абазашты 2016: 166].

В обрисовке портрета на первый план выдвигаются эпитеты, определяющие цвет, величину, материал изделия: «светлая» (половина волос), «белый» (лоб), «черные, длинные, тонкие» (брови), «длинная» (коса), «тонкий» (стан), «шелковое» (платье), «шелковый» (платок). Зрительные представления вызывают сравнения: «стан ее напоминает тонкую высокую хворостинку», «щечки, словно красные летние яблоки, подрагивают»).

Также подробно представлен и портрет героини сказки «Сын наседки»: «АпхIвыспа хIагIаракI дхвынгылапI, ауи ллакта амызчвкIаркIар апшта йкIаркIаритI; ахабар йшахIваз апшта, ли джьымси гIазхъайцIаз драгъьпI; лажваква цхахвшата йхъгIапI, йтIатIапI; лхьапщ хъылпа, лхьапщ мъа, лхьапщ хIвынчIвра амара апшта уыла аквнамырпшуа йкIазкIазитI; лчгIвычаква: дари, къанауат, къвтын, альтес, брымбыхв – арат зымгIва хьыквтIу хырдзыта йчвыркъьачврыситI» («Девушка стоит на возвышенности, лицо ее сияет, подобно свечению полной луны. Как и сообщала молва, она прекрасней всех, кто обладает глазами и бровями. Слова ее мягки и сладки, как мед с маслом. На ее золотую шапочку, золотой пояс, золотой нагрудник невозможно смотреть открытым взором – они сверкают, словно солнце. Одета она в шелк, атлас, канауат, кутыс, брамбух[1]. Вся ее одежда переливается, словно перья павлина») [Сказки Абазашты 2016: 178].

Если в предыдущем портрете девушки из тыквы-горлянки отмечались отдельные черты лица, обращалось внимание на волосы, стан, одежду, то в данном описании на первый план выходят характерные для фольклорных произведений лексические средства, подчеркивающие лучезарность героини: «йкIаркIаритI» (сияет), «йкIазкIазитI» (сверкает), «йчвыркъьачврыситI» (переливается). Красота девушки оттеняется и стандартной формулой, выраженной превосходной степенью с использованием образа глаз и бровей («прекрасней всех, кто обладает глазами и бровями»). Выделяется склад речи: мягкий, сладкий. И все же основной акцент делается на одежде: золотая шапочка, золотой пояс, золотой нагрудник, шелк, атлас, канауат, кутыс, брамбух… Главным средством составления портрета выступает сравнение: сияние ее – с луной, солнцем, павлиньими перьями, слова – с медом и маслом. В целом облик героини предстает несравненным, исключительным по своей красоте.

В иных случаях характеристики персонажей обретают психологическую окраску: «Къамботи Къасботи знымгIалуашыз йыгъзнымгIалхьаз гIвычIвгIвыскIгьи акыт дгьтамызтI. Ауат рапш акъыльи намыси йымата ауи асахIат акыт гIвы дгьтамызтI» («В ауле не было людей, с которыми Камбот и Касбот не могли бы поладить. Не было в ауле никого, кто мог бы сравниться с ними по уму и благовоспитанности». – «О том, как Тузимби отомстили за себя») [Сказки Абазашты 2016: 9].

[1] Канауат, кутыс, брамбух – виды ткани. Встречаются в сказках.

В абазинских сказках встречаются отдельные описания и животных. В сказке «Дружба лисы и перепелки» образ лисы представлен так: «Зны багакI ача йазгIайтI, *аджьымсаква аргъвгъватI, ацIыхъвагьи пшдзата йарычхвхвырын* ача йадзхъачIван…» («Однажды лиса *разгладила брови, красиво раскучерявила хвост* и навестила перепелку») [Абазинские сказки 2015: 288].

Наиболее художественно портреты зверей представлены в сказке «Волк и осел», где попавший в западню зверь последовательно обращается за помощью к зайцу, лисе, ослу. При этом кровожадное и вероломное существо обретает вдруг дар красноречия, не скупится на обещания, льстит, неумеренно превознося мнимые добродетели и внешние черты. Вот как волк обращается к зайчихе: «Спсы йапшу сахщачкIвын. Бара бабадза пшдзадзу! Бхъа зрыпшдзауа быгIвлымхIакI ракIвпI, бцIыхъва кIьагвапI, ала йгьазакIуам. РахIа йджьащахъвадзаху бщапIычкIвынква ракIвпI. Бпахь щапIква айшыспIта, агIвада ласыта бхъаххылитI, ахъылагъь бхъвмаруа, хъакIвырблыгьа бчпауа бталитI. Бара бгвчIагIв дупI, бхъацкIы сцатI, ари амаша снатгах» («Сестра, подобная моей душе. До чего же ты красива! Тебя украшают две твои ушки; хвост твой короток, и его не могут ухватить собаки. Еще очаровательнее твои лапки. Передние лапки твои короткие, и ты легко взбегаешь на гору и также играючи скатываешься с нее. Твое милосердие безгранично, век тебе буду благодарен, вытащи меня из этой ямы») [Абазинские сказки 2015: 299].

В льстивой характеристике лисы на первый план выходят мыслительные способности: «Уай, сыла йапшу сахща тлапIа. Бара бацкIыс гвыбзыгъа абна швырква дгьрылам. Бара бакъыль шдуу бхъа алаща йгIанарбитI. БцIыхъвагIваца акъыльта йаму аъара антахьгьыт ашвырква йгьрымам: бцIыхъва ашварацыгIв йлаква ажьитI. Спсы бшIашватI, ари амаша снатгах» («Ой, подобная моему глазу дорогая сестрица. Умнее тебя никого нет среди лесных зверей. О твоей сообразительности свидетельствует твоя голова. Один только хвост твой обладает таким умом, какого нет ни у одного животного: он вводит в заблужденье охотничьих собак. Пусть душа моя достанется тебе, вытащи меня из этой ямы») [Абазинские сказки 2015: 299]. В данном случае намеренно или бессознательно хитрость лисы волком преподносится как интеллектуальный дар.

А вот как рисуется осел: «Уай, спсы бзи йабауа саща хъагIа. Улакта зачIвлашарайа! Улакта сантапшы сызгIва схъаштылхтI. Уара уацкIыс акъыль ду зму адуней дгьыквым. Уара пшдзарата йуымамкIва йаъайа? УлымхIаква – ажьа лымхIапI, ущамзаква – тшщамзапI, уцIыхъва – чвцIыхъвапI, уыпIкъ асаща джьащахъвадзапI, укъару – уазымцIгIан, хвтшыкI йырзыщтIымхуа ахьантара щтIухитI. Саща, сыла йапшу, ари амаша снатгах» («Ой, сладкий брат, которого любит душа моя. До чего светел твой лик! Я забыл о своей напасти, когда увидел тебя. На всей земле нет никого умнее тебя. Какими только прелестями ты не обладаешь? Уши твои – заячьи, копыта – конские, хвост – бычий, туловище твое – удивительно, о силе твоей и говорить нечего, – ты поднимаешь столько тяжести, что не под силу и пяти лошадям. Брат мой, подобный моему глазу, вытащи меня из этой ямы») [Абазинские сказки 2015: 299].

Такие мастерски выполненные портреты животных не типичное, а исключительное явление в поэтике фольклорных произведений. И заслуга в таком художественном описании принадлежит, скорее всего, не сказителю, а собирателю-публикатору – Т.З. Табулову, чья художественно одаренная натура чувствуется в таких фрагментах.

Ландшафтные описания – еще более редкое явление, чем портреты. Одним из таких единичных случаев выступает изображение двора муфтия в сказке «Как судили бедняка»: «АкIьадыгв дута, асарыйа хIгъата, амуфты дгъатшкIару, ацIлаквагьи гылаб, йара щацараб. Арыла абакъ ду гылаб. Арыла щацараб» («Двор широкий, забор высокий, деревья возносятся, а под ними трава растет. С этой стороны большой сарай стоит, а с другой, – лужайка») [Абазинские народные сказки 1986: 327].

Если в данном случае представление двора выступает просто фоном, то в сказке «О мужестве» пейзаж наполняется смыслом. Семерым братьям, нарушившим завет отца и направившимся для охоты на восток, погода не благоволит. «Когда мы вышли, небо было закрыто темными тучами, день был пасмурным. *Это ничего хорошего нам не сулило*», – замечает единственный выживший из братьев. («ХIанджвыквылуаз агIан ажвгIванд пстхIва квайчIва хъын, амш чвщын. *Ауи йгIахIнахIвуан хIара бзира хIшашIамшвушыз*») [Сказки Абазашты 2016: 174].

Состояние природы предвещает братьям несчастливый исход. Здесь использован прием предварения, как и в «Слове о полку Игореве», когда предводитель русской дружины заметил солнечное затмение: «Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что от него тьмою все его воины прикрыты» [Слово о полку Игореве 1985: 36-37]. Это был не добрый знак, и тем не менее Игорь пошел на половцев и потерпел поражение. И героев абазинской сказки ожидала трагическая участь: айныж съел шестерых из семи братьев, а последний остался инвалидом.

Восток и запад. Из сторон света в абазинских сказках чаще используются восток и запад. Причем эти направления всегда обозначаются как места восхода (амарагIатшкIарыцIырта) и захода (амараташварта) солнца: «Къальмырза *амарагIатшкIарыцIыртала* данпшы ажвгIвандла йхIаракIыта уарба дукI гIапсгIауа йнайбатI» («Когда Кальмурза посмотрел в *сторону восхода солнца*, он увидел большого орла высоко в небе». – «Старый бурдюк») [Сказки Абазашты 2016: 73]; «Йтшы даквчIван *амараташвартала* дджвыквылд» («Сел на коня и двинулся в *сторону заката солнца*». – «Юноша, у которого украли отца») [Абазинские народные сказки 1986: 125].

Несмотря на противоположность направлений они оба оказываются одинаково опасными для героев. Нередко отцы, умирая, оставляют сыновьям единственный наказ: не ходить в сторону восхода или заката солнца. Как правило, дети нарушают завет, чем навлекают на себя несчастья. Так происходит в сказке «Братья», где старик-отец перед смертью обращается к детям: «Сыновья мои, мне жить осталось недолго. Когда меня не станет, прошу вас, никогда не ходите в *сторону заката солнца*: не благоприятная та сторона» («Сара, спачваква, йынсцIыхуаш гьаъам. Саншвымахым асхъан, сшвыхIвитI, зынгьи *ама-*

раташвартала швджвыквымлын: ауыла гьуагIвырльым») [Сказки Абазашты 2016: 153]. Такая же ситуация повторяется и в сказке «О мужестве»: «Швара, сычкIвынчва, швдухатI, йшвасхIвкваua швылашвкI. ШвыбжьыгIвгьи шварацра шванцауа агIан зынгьи *амарагIацIцIыртала* швымцалан. Ауи азакIы уасйатта йшвыститI» («Вы, сыновья мои, уже взрослые. Запомните то, что я вам скажу. Когда вы семеро станете охотиться, никогда не ходите в *сторону восхода солнца*. Единственный этот завет я вам оставляю») [Сказки Абазашты 2016: 173].

В отличие от фольклорных традиций, в которых обе стороны света выступают одинаково гибельными, в национальной письменной литературе с востоком связывается позитивная окраска. В стихотворении Х. Аджибекова «Ты и я» лирический герой зовет любимую направиться в сторону восхода солнца, чтобы избавиться от печалей [Аджибеков 2007: 216], а у К. Мхце образ окна, направленного на восток, выступает символом чистоты помыслов лирического героя [Мхце 1979: 9].

Юг и север в абазинских сказках существенной роли не играют, они лишь упоминаются в единичных случаях, не неся какой-либо смысловой нагрузки. Так, в сказке «Северный Мхамат и южный Мхамат» стороны света приводятся лишь для того, чтобы отличить друг от друга двух персонажей с одинаковыми именами [Сказки Абазашты 2016: 115]. Точно также в сказке «Гиса северный и Гиса южный» обозначения сторон выполняют лишь дифференцирующую героев функцию [Абазинские народные сказки 1986: 157].

Пятница. Из дней недели свое отражение в сказках находит только пятница. В сказке «Кузнечик» для испытания старика, прослывшего ясновидящим, князь назначает пятницу: «Ужвы йгIайуа *ахваша* атшын сара снапIы йыцIата закIы сгIайуаштIта…» («В следующую *пятницу* я приду к тебе, зажав в своем кулаке нечто…») [Сказки Абазашты 2016: 140]. И в сказке «Побратимы» пастух наказывает сыну Солнца: «Каждую *пятницу* пускай в небо стрелу…» [Абазинские народные сказки 1985: 112]; в *пятницу* три княжны выбирают себе женихов, прибывших из семи долин («Старый бурдюк») [Сказки Абазашты 2016: 78]; герой из подземного царства на поверхность земли отправляется в *пятницу* («Батыр Кегуа») [Абазинские народные сказки 1986: 187]; в *пятницу* мать родила дочь («Две собаки, охраняющие голову на поверхности луны») [Абазинские народные сказки 1986: 67].

Удивительно, что другие дни недели в сказочной прозе не встречаются. А выделенность пятницы, скорее всего, объясняется религиозными представлениями абазин. В исламе лучшим днем недели считается пятый. «Пятница – это особенный день для мусульман. Это благословенный день, который был обозначен таковым самим Всевышним. Статус этого дня недели настолько высок, что даже сура Священного Корана названа в честь пятницы. Пятница – это дар и благословение верующим, в который они могут стать ближе ко Всевышнему и заработать множество наград»[1].

[1] 11 хадисов о пятнице: достоинства, обязанности мусульманина и запретное. https://www.muftyat.kz/ru/articles/islam-and-society/2015-06-19/20370-11-hadisov-o-pyatnitse-dostoinstva-obyazannosti-mu/#:~:text=В Дата обращения: 16.03.2023.

Холм. В.Я. Пропп в «Исторических корнях волшебной сказки» приводит несколько характерных образов, отделяющих отцовский дом от того царства, в который попадает герой: непроходимый лес, море, огненная река с мостом или «пропасть, куда герой проваливается или спускается» [Пропп 1986: 281]. Для абазинских сказок наиболее типичным выступает последний, хотя встречаются и лес, и море, и мост. Но в национальных сказках проявляется еще один образ, служащий своеобразным пограничным пунктом между двумя мирами: холм.

В сказке «Бедный юноша и волшебная лампа» мужчина в нищенской одежде подводит героя к «высокому-высокому холму. Поднялись на вершину. А там лежит большой камень. Нищий отодвинул камень, и открылась глубокая-глубокая пропасть». Спустившись вниз, юноша попадает в потусторонний мир [Абазинские народные сказки 1985: 165-166]. Джубаджу – нечистая сила. Добиться встречи с ним можно лишь в том случае, если отец, посадив сына на шею, обнесет его вокруг холма семь раз. Тогда появляется Джубаджу, по всей вероятности, хозяин подземного мира, и избивая героя железной камчой, загоняет под холм («Джубаджу») [Абазинские народные сказки 1986: 172]. Когда нарушивший запрет герой взбирается на вершину холма, она раскрывается, появляется человек с бородой в 12 кулачей, утягивает его, и холм снова смыкается («Дышекан») [Абазинские народные сказки 1986: 67]. Точно также в «Ктыме, Ктыще, Какане» героя на вершине холма схватывает чья-то сильная рука и уносит в подземелье [Абазинские народные сказки 1986: 194-195]. А в сказке «Братья» великан, застав выведенных в названии персонажей на верху холма, привязывает их к дереву. В данном случае небезынтересно и то, что младший брат, пустившийся на поиски старших, как бы предчувствуя исходящую от холма опасность, проговаривает про себя: «Погибну или останусь в живых, но я взберусь на этот холм» [Сказки Абазашты 2016: 154]. И освободиться героям, попавшим в плен или исчезнувшим на холме или возле него, удается лишь с помощью посторонних сил. Как видим, образ холма обретает негативный ореол. Возможно, типологически он восходит к Харам-кургану из нартского эпоса. Напомним, что именно у подножия этого кургана, находит свою смерть главный герой нартских сказаний Сосруко после того, как железным джин-чархом[1], пущенным с вершины, ему перерезало ноги.

Печь. В абазинских сказках обнаруживается другой повторяющийся мотив: образ печи.

В 1929 г. в одном из абазинских селений профессор А.Н. Генко записал сказку «Кузнечик». В самом начале ее герой аттестуется трусливым бездельником, проводившим все время на печи: «Ауи а-КІьауа дшвыргвыдан, *апечхІакв* дыквчІван, йхъвгьи ауакъа йфауан» [Абазинские материалы А.Н. Генко 2019: 131]. И в сказке «Трое сыновей старика» о младшем говорится: «Дцахын *ахІакв* дыквчІвахтІ» («Вернулся и сел на свою *печь*»), «*АхІакв* дыквчІва дхъвмаритІ» («Сидит на *печи* и играется») [Абазинские народные сказки 1986: 103]. То же самое повторяется и в сказке «Юноша и девушка»: «ТажвкІи лыгажвкІи аъан

[1] Джин-чарх (абаз.: джьын чарх – букв.: колесо джинна) – железное, тяжелое, острое колесо, которое скатывали с Харам-кургана, а нарты ударом снизу должны были закатывать его обратно на верх.

пакI дрымата. *АхIакв* дгьгIакIнымцIуазтI, данчуш акIвымкIва» («У старика и старухи был сын. Он не слезал с *печи* за исключением того времени, когда нужно было покушать») [Абазинские народные сказки 1986: 281]. Образ печи в таких случаях представляется прямым заимствованием из русских сказок: «По щучьему велению», например. Но в чем казус?

Дело в том, что исторически у абазин не было печей, вместо них использовались очаги: на глиняном полу в углу комнаты разводили огонь, на котором готовили еду, а дым уходил через отверстие на крыше (дымоход). Печи у абазин стали появляться в XIX в. под влиянием русской бытовой культуры. (Любопытный момент: комнату, в которой располагалась печь, стали называть «печь»: в абазинской транскрипции – «пещ». Когда обозначение устоялось, оно было перенесено на все комнаты вообще. И до сих пор это слово остается ходовым в абазинской речи). Но это были не классические русские печи, на которых можно было и ложиться, и спать, а довольно узкие сооружения с плитой, назначение которых сводилось к приготовлению пищи и обогреву дома. Абазинский сказочный персонаж не мог располагаться на такой печи, ибо он на ней поджарился бы. Здесь обнаруживается механический, без должного осмысления перенос функций русской печи на национальную, совершенно не приспособленную для того, чтобы на ней можно было проводить время. Влияние русских сказок здесь налицо.

Мотив неблагодарности. В разных абазинских сказках встречается один и тот же устойчивый мотив: старшие братья (в некоторых случаях – названые или просто друзья), спасенные от явной смерти или пожизненной кабалы младшим, из ложно понимаемой гордости обрекают своего спасителя на верную гибель. В этом плане типичной предстает сцена из сказки «Братья». Старший брат говорит среднему: «Если аул узнает, что младший, проявив мужество, освободил нас, мы опозоримся. Как мы явимся в аул вот так, не стесняясь? Давай убьем его. Правда, одолеть его силой мы не сумеем, поэтому ночью у выхода из шалаша повесим мечи, крикнем: "Он идет!", брат выскочит и останется без ног». Средний согласился, и дальнейший сюжет развивается по этому сценарию. Подобный мотив расправы спасенных над спасителем повторяется и в сказке «Сейдык сын Сейдыка» [Абазинские народные сказки 1986: 217-218]. Примечательно, что персонажи предпочитают расправиться с единокровным братом, чем смириться с его превосходством над ними. И здесь нужно иметь в виду: оставить истекающего кровью человека одного без ног равносильно тому, что убить его, ибо выжить в таком положении невозможно. Это даже хуже прямого убийства, так как обрекает героя на медленную и мучительную смерть. И в таком случае слабодушие братьев, не способных на открытое и прямое противоборство, оборачивается против них, ибо герой выживает на грани жизни и смерти, затем исцеляется чудесным образом и мстит тем, кто подло и цинично инсценировал его гибель.

После свершенных героических поступков, предательства со стороны родных или близких, выживший герой возвращается домой и, как правило, на окраине аула встречает старого пастуха или старушку, или девочку, несущую воду в ведрах. От них герой узнает о последних известиях, как правило, так или

иначе связанных с ним: или справляют поминки по нему, или устраивают торжество по поводу возвратившихся с мифическими победами братьев. (Возможно, встреча на окраине аула навеяна сценой из «Одиссеи», когда прежде, чем вернуться в свой дом, Одиссей встречается со свинопасом и от него узнает новости). Далее герой принародно обличает братьев и самолично обезглавливает их, как в сказке «Сейдык сын Сейдыка» [Абазинские народные сказки 1986: 224]. Порой разрешение на месть выдается народом, пораженным невиданным злодеянием, а бывает и так, что аульчане сами выносят свой вердикт. Так, в сказке «Братья» люди плюнули в глаза старших братьев, прокляли и выгнали из аула. И они, ставшие бессмертными от проклятия, влачат свое существование на земле: «Ужвыгьи гIвыкIгьи дрыдымгылуа, йымпсыхуа адуней йыквпI» [Сказки Абазашты 2016: 157]. Последний мотив (невозможность умереть как все люди) напоминает образ вечного жида или Ларры из рассказа М. Горького «Старуха Изергиль»: «Ему нет жизни, и смерть не улыбается ему. И нет ему места среди людей…» [Горький 1968: 46].

Мотив жестокости, обнаруживающий себя в последних рассмотренных текстах, проходит и через другие сказки. Касаясь этой темы, В.Б. Тугов писал: «В сказках во всех случаях торжествует добро и справедливость, а зло непременно наказывается. И порою, по современным представлениям, жестоко. Мстя своим врагам, как мифическим, так и реальным, герой сказки, как и эпоса, не ограничивается обычным наказанием их, а непременно убивает, обезглавливает, сжигает, разрывает лошадьми. Однако обо всем этом, как и о многом другом, рассказывается просто, без особых эмоций, как о само собой разумеющемся деле» [Тугов 2002: 70]. Но фольклорист сводит обозначенную проблему к кровной мести и считает ее «оправданной идеей борьбы за справедливость» [Тугов 2002: 70].

Да, такие расправы не редки. Воскресший герой, мстя за собственную смерть и смерть братьев, бросил в огонь князя, источника всех бед, а коварную мачеху «привязал к хвостам необъезженных лошадей и пустил в поле» («Мхамат») [Сказки Абазашты 2016: 62]. Персонажи другой сказки также привязывают неверных жен к хвостам лошадей и пускают в поле, то есть попросту разрывают тела на части («Хан Заубыд и Аталык печальный») [Абазинские народные сказки 1985: 242].

Но ожесточение встречается не только в контексте мести или как реакция на проявленное в отношении героя бессердечие. Батыр, родившийся от медведя и девушки, убивает отца-медведя, чтобы тот не мог воспрепятствовать уходу матери и его из леса. («Батыр – сын медведя») [Сказки Абазашты 2016: 85]. При этом он никаких угрызений совести не испытывает. В сказке «Северный Мхамат и южный Мхамат» к охотнику является волосатое человекообразное существо, не проявляющее никаких агрессивных намерений. Но человек стреляет в него, ранит, а потом, разыскав по кровавому следу, добивает его в то время, как он, истекая кровью, положил голову на колени матери («Абаба йхъа йан лбжьа йаныта аща гIайцрыхьуа дщтIапI») [Сказки Абазашты 2016: 115-116]. Нисколько не проникшись горестной сценой, охотник снова выстреливает в лесного человека, забирает золото и спокойно покидает лесную хижину.

Как видим, абазинские сказки бывают порой излишне и неоправданно жестокими. В этом плане показательным является и «Девушка и старуха-великанша»: героиня, попавшая в руки айныжей, убивает их дочь, расчленяет, кладет в котел, варит и скармливает матери собственного ребенка.

Изображение безжалостности порой обретает натуралистический характер. В сказке «О том, как Тузимби отомстили за себя» племянник Камбота, убитого по приказанию князя, поймал злоумышленника и подвесил на дереве вниз головой. Последующие события излагаются так: «АхIмыгIва йылаква кIазкIазуа, ащтанчIвызшва далахъванчуа дкIныхIапI. Батыр амца дадзхъачIван, аласкIвыга йыршуа далагатI. АласкIвыга апыцква анкъапщхара йгитIта ахI йхъа йкъару йшгIанагуа йалайцитI. Йалайцапхьадзагьи: "Йауашма, Къамбот, уща шсхауа?" – йхIвитI. Батыр аласкIвыга атайыршхитI: "Йауашма, Къамбот, уща шсхауа?" – йхIвауамцара ахI йылайцитI. Ауасамцара Батыр ахI дищытI» («Несчастный князь со сверкающими глазами висит, извиваясь змеей. Батыр присел у огня и стал разогревать ласкуку[1]. Когда иглы накалились докрасна, подошел к князю и со всей силой вонзил в голову, приговаривая: "Хорошо ли я мщу за тебя, Камбот?" Батыр снова накаляет ласкуку, подходит к князю и снова вонзает в голову, повторяя: "Хорошо ли я мщу за тебя, Камбот?" Так Батыр казнил князя») [Сказки Абазашты 2016: 15].

Даже с учетом того, что бессердечие героя в данном случае вызвана убийством дяди, вряд ли такая чрезмерность даже по отношению к врагу может быть оправдана чем-либо. Но таковы реалии абазинской сказки, и мы регистрируем их как факт.

Названия. Сказка представляет собой не только вымысел, в ней в той или иной степени находят свое выражение и быт, и традиции, присущие народу, а также топонимы, гидронимы, фитонимы. Рассмотрим сказочный текст в аспекте фиксации и сохранения названий растений, рек, местностей, продуктов питания.

В абазинских сказках встречаются лишь общие наименования трав, цветов и деревьев. Лишь в единичных случаях упоминается, например, такое конкретное название травы, как «адагъь мхIачIва» (тряска тройчатая). Немного разнообразнее представлены породы деревьев: дикая груша («Злая жена»), грецкий орех («Сказка о Бадиджамале и Сафильмалике»), дуб («Батыр – сын медведя», «Блоха и вошь»), чаще – яблоня: «Старый бурдюк», «Карабек», «Кабижчукун». Из сельскохозяйственных культур фигурируют картофель, кукуруза, пшеница, но просо над ними преобладает многократно: «Гадатель», «Джанхот», «Блоха и вошь», «Дочь Солнца и Луны Дахя», «Сын старика и старухи», «Джубаджу», «Джубаджу и сын старика и старухи».

В сказках нашли отражение названия некоторых рек Карачаево-Черкесии: Кубань («Юноша собрался жениться»), Кума («Мхамат», «Хан-Заубыд и Аталык-печальный»), Загедан («Сказка о Кыте, сыне домашнего раба»). Но чаще всего встречается Инджиг – общее название рек Малый и Большой Зеленчук («Хан-Заубыд и Аталык-печальный», «Один другого глупее», «Женщина, выгнавшая

[1] Ласкука (абаз.: ласкIвыга) – чесалка шерсти вручную: деревянный треугольник с длинными металлическими иглами.

змею из норы», «Как жена снова выбрала себе собственного мужа»). Данные гидронимы связаны с местами прошлого и нынешнего проживания абазин.

Отразились в текстах сказок как известные, так и не узнаваемые ныне топонимы: Кайдух (башня на правом берегу реки Малый Зеленчук. – «Хан Заубыд и Аталык печальный»), мост Дадыща («Дадыщ йыцхIа». – «Айдамыркан»). Среди топонимов основное место занимают наименования абазинских аулов: Гвымлокт (ныне – Красный Восток. – «Карабатыр и Какана»), Бибаркт (ныне – Эльбурган. – «Лодырь из Локта и лодырь из Бибаркта»), Локт (ныне – Инжич-Чукун. – «Лодырь из Локта и лодырь из Бибаркта»), Карапаго («Сейдык сын Сейдыка»), Инжич-Чукун («Ток-Залим, сын Клыча»), Клычкт (ныне – Псаучедахя. – «Ток-Залим, сын Клыча»), Загедан («Сказка о Кыте, сыне домашнего раба»), Исмель кыт (располагался на месте нынешнего аула Саратюз. – «Дадыра»). В последней сказке упоминается название карачаевского аула, а в другой – Сухум, столица Абхазии («Как жена снова выбрала себе собственного мужа»).

Любопытен тот факт, что из всех стран мира в абазинских сказках отразилась лишь Румыния («Карабатыр и Какана»), но присутствует в них и такая мифическая страна, как Баниадам. В сказке «Девушка-змея» данное наименование носит страна джиннов, и отец девушки-змеи выступает владыкой этого царства. В сказке «Батырпаша» все обстоит совершенно иначе: Баниадам предстает как страна людей. И две сестры-героини, являющиеся повелительницами джиннов, свысока отзываются о баниадамцах, но затем все-таки выходят замуж за двух братьев-землян.

Название сказочной страны Баниадам в переводе с персидского, арабского и иврита означает «Сыновья Адама» или «Человеческие существа». Своим появлением оно обязано персидскому поэту XIII века Саади Ширази, который назвал одно из своих стихотворений таким образом[1].

Пищевые продукты в абазинских сказках отразились с большим разнообразием, но степень представительности их различна. Так, например, такие распространенные продукты, как соль, яйцо, жир, рыба, молоко, сметана, фасоль, лук встречаются крайне редко. Также единичны упоминания о национальных блюдах: дзырдза (соус), ашвыджь (блюдо из свежего сыра и домашней сметаны), мамалыга, калмыцкий чай. Немного чаще фигурирует бульон («Как Шахисмагиль одолел бычьеногих», «Бульон из индюшатины»), суп («Собака и волк», «Гиса северный и Гиса южный»), хакут (мука из жареной кукурузы, употребляется со сливками или айраном. – «Три брата», «Кабижчукун и айныжи»), пшенная каша («Дочь и падчерица», «Мхамат», «Сын наседки»).

Из напитков чаще фиксируется бахсыма (буза. – «Жена Джабаги», «Фатимат», «Девочка-сиротка»), из овощей – огурец («Кабижчукун», «Сказка о Кабижчукуне», «Старый бурдюк»), из бахчевых – арбуз («Кабижчукун», «Сказка о Кабижчукуне»), из фруктов – лесные груши («Джубаджу и сын старика и старухи», «Сын наседки», «Батыр – сын медведя») и яблоки («Карабек», «Ка-

[1] Бани Адам – Википедия // Электронный ресурс. Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.a27f53cd-63d0f502-e4739976-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Bani_Adam. Дата обращения: 20.03. 2023 г.

бижчукун», «Сказка о Кабижчукуне», «Старый бурдюк»). Сладости обозначены халвой («Дышекан»), медом («Как лиса провела волка»), медом с маслом («Сын наседки»), грецкими орехами, залитыми медом («Сказка о табунщике Мидпе и о морском жеребце»).

Помимо молока и сметаны из молочных изделий встречается сыр («Кабижчукун», «Кабижчукун и айныжи», «Девушка-змея», «Дышекан») и айран (кислое молоко. – «Сын наседки»). Данный напиток даже подразделяется на айран из овечьего молока («Как Шахисмагиль одолел бычьеногих») и айран из оленьего молока («Старый бурдюк»).

Хлебные изделия представлены хампалом (вареная лепешка из просяной или кукурузной муки. – «Сын наседки»), хатыком (чурек из кукурузной муки. – «Палка старика»), мгялом (хлеб из просяной муки особой выпечки. – «Отравленный мгял»), пирожками, начиненными сыром, халвой, солью («Ктым, Ктыщ, Какана», «Девочка-сиротка»). Но чаще всего в сказочных текстах встречается традиционное национальное блюдо – баста (крутая каша из кукурузной или просяной крупы. В охлажденном виде разрезается и подается на стол вместо хлеба. – «Ктым, Ктыщ, Какана», «Сейдык сын Сейдыка», «Гиса северный и Гиса южный», «Батыр – сын медведя»).

Из всех продуктов питания абазинские сказочные персонажи более всего предпочитают мясо («Батырпаша», «Сын наседки», «Батыр – сын медведя», «Гиса северный и Гиса южный», «Джубаджу и сын старика и старухи»). В некоторых произведениях даже уточняется вид мяса: зайчатина («Братья-соперники», «Три брата»), козлятина («Три брата»), баранина («Красная айша», «Как Шахисмагиль одолел бычьеногих»), оленина («Сын айныжа»). Мясо также подразделяется по способу приготовления: вареная баранина («Юноша, у которого украли отца»), вареная оленина («Сын айныжа»), жаренное мясо (шашлык. – «Ктым, Ктыщ, Какана», «Северный Мхамат и южный Мхамат»), сушеное мясо лесного оленя и дикого козла («Сказка о Кыте, сыне домашнего раба»). Но самым изысканным блюдом в абазинских сказках выступает олений костный мозг: им угощают лишь самых близких людей («Мхамат», «Сейдык сын Сейдыка», «Как Шахисмагиль одолел бычьеногих»).

Рассмотренный материал показывает, что в структуре абазинской сказки задействовано большое количество различных композиционных элементов. Сказовый стих выступает интересным ритмическим явлением, хотя и единичным. В отдельных текстах сказитель проявляет себя свободно, как бывалый и опытный рассказчик. Большое место в выстраивании образной системы занимает антитеза, с помощью которой герои-антагонисты представляются контрастно.

Абазинская сказочная проза насыщена реалистическими и психологическими деталями. Они оживляют текст, придают ему больше достоверности, оттеняют внутреннее состояние персонажей. При всем том, что национальная сказка достаточно лаконична в обрисовке героев, иногда встречаются развернутые портреты людей и животных. Основная изобразительная роль в таких случаях отводится эпитетам и сравнениям. Ландшафтные описания редки и выступают как фон, на котором разворачивается действие, а порой пейзажные зарисовки обретают символический характер.

Север и юг в абазинских сказках обнаруживаются редко и выполняют дифференцирующую героев функции. Более употребительны восток и запад, и эти стороны света предстают одинаково неблагоприятными для героев. Негативным ореолом обладает и образ холма, выступающий своеобразным пограничным пунктом между земным и потусторонним мирами. Как правило, на вершине холма или рядом с ним героя подстерегает опасность. Образ печи является механическим заимствованием из русских сказок, перенесенный в национальный контекст без должного осмысления.

В сказочном эпосе абазин распространены мотивы неблагодарности и жестокости. Порой они представляются чрезмерными и неоправданными. Из дней недели в сказочных текстах зафиксирована пятница, что обусловлено религиозными воззрениями народа. Свое место нашли фитонимы, гидронимы, топонимы. Географические названия чаще всего связаны с местами обитания абазин, хотя встречаются далекие и даже вымышленные страны. Особенно много отразилось в сказках наименований продуктов питания: национальные блюда, напитки, овощи, фрукты, молочные, хлебные изделия, сладости. Из них наиболее богато и разнообразно представлены мясные блюда.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазинские народные сказки 1985 – *Абазинские народные сказки* / Составление, перевод с абазинского, вступительная статья, примечания В.Б. Тугова. – М.: Наука, 1985 . – 412 с.

Абазинские народные сказки 1986 – *Абазинские народные сказки* / Сбор, составление, вводная статья, комментарии и словарь В.Н. Меремкулова. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства. – 1986. – 360 с.

Абазинские материалы А.Н. Генко 2019 – *Абазинские материалы А.Н. Генко* / Издание подготовили З.Д. Джапуа и П.К. Чекалов. – Сухум: Academia, 2019. – 464 с.

Абазинские сказки 2015 – *Абазинские сказки* / Составление, вступительная статья, примечания П.К. Чекалова. – Минеральные Воды: ООО Полиграфпром, 2015. – 348 с.

Сказки Абазашты 2016 – *Сказки Абазашты* / Составление, вступительная статья, примечания П.К. Чекалова. – Ставрополь: Бюро новостей, 2016. – 316 с.

Литературная энциклопедия терминов… 2001 – *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Главный редактор и составитель А.Н. Николюкин. – М.: НПК Интелвак, 2001. – 1600 стб.

Литературный энциклопедический словарь 1987 – *Литературный энциклопедический словарь*. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.

Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1986. – 365 с.

Тугов 2002 – *Тугов В.Б.* Память и мудрость веков (фольклор абазин: жанры, темы, идеи, образы, поэтика). – Карачаевск: КЧГПУ, 2002. – 348 с.

Слово о полку Игореве 1985 – *Слово о полку Игореве*. – Ленинград: Советский писатель, 1985. – 496 с.

Аджибеков 2007 – *Аджибеков Х.* Стихотворения. – Черкесск: Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство, 2007. – 268 с.

Горький 1968 – *Горький М.* Избранные произведения в трех томах. Том первый. – М.: Художественная литература, 1968. – 496 с.

Мхце 1979 – *Мхце К.* В одном мире. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1979. – 168 с.

REFERENCES

Abazinskie narodnye skazki – [Abaza folk tales] / Compilation, translation from Abaza, introductory article, notes by V.B. Tugov. – M.: Nauka, 1985. – 412 p. (In Russ.).

Abazinskie narodnye skazki – [Abaza folk tales] / Collection, compilation, introductory article, comments and dictionary by V.N. Meremkulov. – Cherkessk: Karachay-Cherkess branch of Stavropol Book Publishing House. – 1986. – 360 p. (In Russ.).

Abazinskie materialy A.N. Genko – [Abaza materials by A.N. Genko] / The publication was prepared by Z.D. Japua and P.K. Chekalov. – Sukhum: Academia, 2019. – 464 p. (In Russ.).

Abazinskie skazki – [Abaza fairy tales] / Compilation, introductory article, notes by P.K. Chekalov. – Mineralnye Vody: OOO Polygraphprom, 2015. – 348 p. (In Russ.).

Skazki Abazashty – [Tales of Abazashty] / Compilation, introductory article, notes by P.K. Chekalov. – Stavropol: News Bureau, 2016. – 316 p. (In Russ.).

Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy [Literary encyclopedia of terms and concepts] / Glavnyy redaktor i sostavitel' A.N. Nikolyukin. – M.: NPK Intelvak, 2001. – 1600 p. (In Russ.).

Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar' [Literary encyclopedic dictionary 1987 – Literary encyclopedic dictionary]. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. – 752 p. (In Russ.).

PROPP V.YA. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [The historical roots of fairy tales]. – Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1986. – 365 p. (In Russ.).

TUGOV V.B. *Pamyat' i mudrost' vekov (fol'klor abazin: zhanry, temy, idei, obrazy, poetika)* [Memory and wisdom of the ages (Abazin folklore: genres, themes, ideas, images, poetics)]. – Karachaevsk: KChGPU, 2002. – 348 p. (In Russ.).

Slovo o polku Igoreve [A Word about Igor's Campaign]. – Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1985. – 496 p. (In Russ.).

ADZHIBEKOV KH. *Stikhotvoreniya* [Poems]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knignoe izdatel'stvo, 2007. – 268 p. (In Russ.).

GORKY M. *Izbrannye proizvedenia v treh tomah. Tom pervyi* [Selected works in three volumes. Volume one]. – M.: Fiction, 1968. – 496 p. (In Russ.).

MKHTSE K. *V odnom mire* [In one world]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knignogo izdatel'stva, 1979. – 168 p. (In Russ.).

Информация об авторах

П.К. Чекалов – доктор филологических наук, профессор.

Л.А. Борокова – старший научный сотрудник.

Information about the authors

P.K. Chekalov – Doctor of Science (Philology), professor.

L.A. Borokova – senior research associate.

Статья поступила в редакцию 27.04.2023 г.; одобрена после рецензирования 21.05.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 27.04.2023; approved after reviewing 21.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Языки народов Российской Федерации (языки народов Северного Кавказа)

Научная статья
УДК 81.373.21
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-326-337
EDN: WMONOS

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ПРОСТЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПАРЕМИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О ТАНЦАХ

Мусса Бахаутдинович Кетенчиев[1], **Алим Каншаувович Аппоев**[2]

[1] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, ketenchiev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1656-8368

[2] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, appoev74@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2654-8555

Аннотация. Статья посвящена исследованию карачаево-балкарских простых глагольных паремических высказываний о танцах в плане их формально-семантической устроенности и этнокультурной значимости. В работе подчеркивается, что такие синтаксические конструкции структурируют неполную парадигму по цели высказывания, в которую входят повествовательные и побудительные выражения. Не менее значимой является и парадигма по утверждению/отрицанию. Формально-семантическая структура подобных высказываний в первую очередь предопределяется лексическими значениями и грамматическими особенностями слов, занимающих позиции сказуемого, или предиката. К таким лексемам относятся глаголы движения, действия, знания, умения, зрения и др., которые в структуре предложения открывают позиции для субъектов, объектов и обстоятельственных конкретизаторов соответствующей семантики. В них обнаруживаются значимые для архаической хореографии концепты, способствующие пониманию специфики этнической культуры карачаевцев и балкарцев. В пословично-поговорочном фонде народа представлен целый ряд когнитивных характеристик, присущих национальным танцам, а также танцорам, которые являются участниками различного рода торжественных и иных мероприятий, что обусловливается ментальностью этноса.

Ключевые слова: танец, карачаево-балкарский язык, глагольные паремические высказывания, структура, семантика, этнокультурное значение

Для цитирования: Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К. Структурно-семантические и этнокультурные характеристики карачаево-балкарских простых глагольных паремических высказываний о танцах // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 326-337. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-326-337. EDN: WMONOS.

© Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К., 2023

Original article

STRUCTURAL-SEMANTIC AND ETHNO-CULTURAL CHARACTERISTICS OF KARACHAY-BALKAR SIMPLE VERBAL PAREMIC STATEMENTS ABOUT DANCING

Mussa B. Ketenchiev[1], **Alim K. Appoev**[2]

[1] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, ketenchiev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1656-8368

[2] Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, appoev74@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-2654-8555

Abstract. This article is devoted to the study of Karachay-Balkarian simple verbal paremic statements about dances in terms of their formal semantic structure and ethno-cultural significance. The paper emphasizes that syntactic constructions structure an incomplete paradigm according to the purpose of the utterance, which includes narrative and motivational expressions. The affirmation/negation paradigm is no less significant. The formal semantic structure of these statements is primarily determined by the lexical meanings and grammatical features of words that occupy the positions of the predicate or predicate. These lexemes include verbs of movement, action, knowledge, skills, vision, etc., which in the sentence structure open positions for subjects, objects and circumstantial specifiers of the corresponding semantics. They reveal significant concepts for archaic choreography contributing to the understanding of ethnic cultural specifics of the Karachai and Balkars. The proverbial and archetypal fund of the people presents several cognitive characteristics inherent in national dances, as well as dancers participating in various kinds of solemn and other events, determined by the mentality of the ethnic group.

Keywords: dance, Karachay-Balkar language, verbal paremic statements, structure, semantics, ethno-cultural significance

For citation: Ketenchiev M.B., Appoev A.K. Structural-semantic and ethno-cultural characteristics of Karachay-Balkar simple verbal paremic statements about dancing. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 326-337. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-326-337. EDN: WMONOS.

© Ketenchiev M.B., Appoev A.K., 2023

Танец представляет собой значимый феномен художественной культуры, корни которого уходят в глубокую древность. Он возник и подвергался различным трансформациям вместе с народом и культурой, в силу чего его можно считать достаточно релевантным источником об этносе. Как отмечается в специальной научно-теоретической литературе, «танцевальная культура создавалась веками под влиянием определенных географических, социально-исторических, хозяйственно-экономических, этнических, религиозных условий, которые являются основой самобытности» [Миносьян, Амелина 2022: 8]. Специалисты в области карачаево-балкарской гуманитарной науки, подчеркивая многообразие танцев, также актуализируют тот факт, что в них «отразились труд человека, уклад жизни народа, животный и растительный мир, характер, нравы, история, которые передаются телодвижением в изобразительно-подражательной форме» [Каракетов, Кудаев 2014: 624].

Значительный вклад в сбор и систематизацию народных танцев карачаевцев и балкарцев внес известный хореограф М.Ч. Кудаев [Кудаев 1984], исследовавший наряду с современными и древние танцы [Кудаев 1997]. Рассматриваемый феномен им скрупулезно изучен с позиций этнохореографии [Кудаев 2003]. Автор при этом уделяет большое внимание символической составляющей танцевального искусства [Кудаев 2008]. У него обнаруживается стремление представить взаимосвязь различного рода обрядов, в первую очередь свадебного обряда, и танцев [Кудаев 1988; Кудаев 2011]. В этом отношении небезынтересны научно-теоретические изыскания фольклориста Х.Х. Малкондуева, который в специальном монографическом исследовании осветил различные аспекты обрядово-мифологической поэзии карачаевцев и балкарцев. Оценивая научно-теоретические работы М.Ч. Кудаева, он вслед за ним констатирует то, что древние танцы, как правило, сопровождаются магическими песнями, посвященными «различным патронам языческого культа» [Малкондуев 1996: 5], т.е. речь идет о синкретичности хореографии и архаичных песен народа. В пользу этого свидетельствует тот факт, что целый ряд обрядовых песен и танцев имеют одни и те же названия («Апсаты», «Голлу», «Гюппе», «Озай», «Сандыракъ», «Эрирей» и др.), а также неотделимы друг от друга в функциональном плане и при их исполнении.

В карачаево-балкарском паремическом фонде неплохо представлены пословицы и поговорки, отражающие различные ипостаси танцев. Паремии обычно исследуются в связи с выявлением и описанием их жанровых особенностей [Гулиева (Занукоева) 2020]. В работах, написанных в русле традиционной структурной лингвистики, актуализируются вопросы, связанные с разграничением фразеологических единиц и пословично-поговорочных высказываний [Хуболов 2018]. Имеются попытки определить архаическую лексику паремий [Кетенчиев и др. 2022], а также рассмотреть их формально-семантическую структуру [Кетенчиев 2015]. Они стали объектом исследования и в научных статьях антропоцентрической направленности [Аппоев Ал., Аппоев Ас. 2010; Аппоев 2012]. Однако в них пословицы и поговорки о танцах изучаются спорадически. Правда, нами детально были рассмотрены паремические высказывания о танцах, построенные по образцам простых именных предложений [Аппоев, Кетенчиев 2022], а также этимологии некоторых названий традиционных карачаево-балкарских танцев [Кетенчиев, Аппоев 2023].

Актуальность данной работы обусловливается важностью полиаспектного анализа паремических высказываний о танцах, значимостью их лексических составляющих для понимания этнической культуры.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые рассматриваются структурно-семантические и этнокультурные особенности простых паремических глагольных высказываний, функционирующих в карачаево-балкарском языке.

Цель данной статьи – структурно-семантический и этнокультурный анализ карачаево-балкарских простых глагольных паремических высказываний, связанных с вербализацией танцев.

Для достижения поставленной цели релевантным представляется решение следующих задач: 1) установить корпус карачаево-балкарских пословиц и поговорок о танцах, структурирующихся по образцам простых глагольных предложений; 2) выявить и описать их структурно-семантические характеристики; 3) определить роль конституентов глагольных паремических высказываний для раскрытия их этнокультурной значимости.

Эмпирический материал представлен 164 паремиями, которые путем сплошной выборки извлечены из специальной работы М.Ч. Кудаева, представляющей собой достаточно полный реестр пословиц и поговорок, посвященных национальным танцам [Кудаев 2009].

Традиционная систематика предложений предполагает их рассмотрение по целеполаганию. В этом отношении в карачаево-балкарском языке, как и в тюркском языкознании в целом, обычно выделяют повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные конструкции. Как показывает рассматриваемый нами фактологический материал, простые глагольные паремические высказывания являются повествовательными и побудительными. Первые отличаются тем, что они носят констатативный характер, т.е. сообщают о наличии определенного факта или явления: *Акъырын басхан тап басар* «Кто осторожно шагает, тот удобно наступает (в танце)»; *Жырчы жырлагъынчы, тепсеучю тепсеп бошар* «Пока певец споет, танцор исполнит танец». В них сказуемые выражаются глаголами изъявительного наклонения. Побудительные же высказывания представляют собой дидактические синтаксические единицы, побуждающие слушателя к выполнению/невыполнению того или иного действия. В такого рода конструкциях позицию сказуемого занимают глаголы повелительного наклонения: *Тепсеучюню усталыгъын нёгеринден бил* «Мастерство танцора узнай по его напарнику»; *Накрагъа тулукъ деме* «Не говори барабану, что он бурдюк».

Для глагольных паремических высказываний присуща и парадигма по утверждению и отрицанию. Иначе говоря, они могут быть как утвердительными, так и отрицательными. В пословичном фонде, как правило, обнаруживаются общеутвердительные и общеотрицательные конструкции, в которых маркером негации в составе сказуемого выступает морфема *-ма/-ме*: *Ариу тепсеучю тойда нёгер табар* «Красиво танцующий на торжестве (всегда) найдет партнершу»; *Тойда аманлагъа къатышма* «На торжестве к плохим не примыкай».

Подвергнутый анализу фактический материал показывает, что среди карачаево-балкарских глагольных паремических высказываний превалируют синтаксические конструкции (их насчитывается 34) со сказуемыми, выраженными глаголами движения, к которым относятся *атла-* «шагать», *ау-*«переваливать», *бар-* «идти», *жюрю-* «ходить», *кет-* «уходить», *кир-* «входить», *къач-* «убегать», *къымылда-* «двигаться», *оз-* «обгонять», *теп-* «двигаться», *тепсе-* «танцевать», *тюш-* «спускаться, попадать», *чыкъ-* «выходить» и др.

Из данной лексико-семантической группы глаголов движения для паремических высказываний о танцах наиболее релевантна лексема *тепсе-* «танцевать». Она входит в состав 11 высказываний. Облигаторными компонентами их являются подлежащее (субъект танца) и сказуемое (предикат танца). В таких

конструкциях открываются позиции и для второстепенных членов предложения (дополнения, обстоятельства, определения), выполняющих функции различных объектов, конкретизаторов движения и атрибутов: *Къобузу болмагъан къарс бла тепсер* «Кто не имеет гармони, танцует под хлопки»; *Къызны билир ючюн, биргесине тепсе* «Чтобы узнать девушку, станцуй вместе с ней»; *Тепсеучю макъамсыз тепсемез* «Танцор без мелодии не станет танцевать»; *Алгъа келген алгъа тепсер* «Пришедший первым первым и станцует»; *Алтын сынжыр къызны тепсетир* «Золотая цепочка вынудит девушку танцевать»; *Хар ким да кеси билгенча тепсейди* «Каждый танцует в меру своих способностей»; *Хар тепсеучю амалына кёре тепсейди* «Каждый танцор танцует в меру своих возможностей»; *Тюлкю къуйругъу бла тепсейди* «Лиса хвостом танцует (виляет, т.е. хитрит)»; *Ач тойчу тепсеялмаз* «Голодный танцор танцевать не сможет»; *Тогъуз дугъужамы болгъан тойгъа кирип тепсей эди* «Имеющий девять кровников на пиру танцевал»; *Обур кече тепсейди* «Ведьма танцует ночью». Как видно из этих примеров, в паремиях актуализируются такие критерии, как способы, причины, условия и другие характеристики исполнения танцев, которые важны для танцевальной культуры карачаевцев и балкарцев. Важными являются и их аксиологические составляющие. Указанное имеет непосредственное отношение и к другим пословичным высказываниям, ядерными конституентами которых являются и другие глаголы движения. Посредством таких высказываний дается оценка танцору: *Аман тепсеучюден аман хапар чыгъар* «От плохого танцора – плохие вести»; *Иги тепсеучю жомакъгъа да тюшер* «Лучший танцор и в сказку попадет». Имеет место указание на то, что танец есть труд, требующий физических усилий: *Тойгъа кирген къургъакъ чыкъмаз* «Участвующий в веселье (танцах) сухим не выйдет (т.е. вспотеет)». Они являются высказываниями-советами: *Тепсей билмеген тойдан чыкъ* «Кто не умеет танцевать – уйди со свадьбы»; *Нёгерингги аллы бла оз* «Обойди партнершу спереди». Танцор обязательно станцует и с торжества не уйдет без причины: *Тепсеучю тойдан тепсемей кетмез* «Танцор не уйдет со свадьбы, не станцевав»; *Тепсеучю тойдан сылтаусуз кетмез* «Танцор не уйдет со свадьбы без причины». Такой причиной обычно является неподготовленность или незнание: *Тепсей билмеген тойдан къачар* «Не умеющий танцевать со свадьбы убежит»; *Той кёрмеген тойдан къачар* «Кто веселья не видел, тот от веселья бежит»; *Базынмагъан тепсеуге чыкъмаз* «Кто не уверен в себе, тот на танец не выйдет». Танцы и музыка к ним сопровождаются хлопаньем в ладоши: *Къарс эки къолдан чыгъады* «Хлопки издают две ладони». Танцевальная пара неотделима друг от друга: *Биз кирген жерге тикгич да киреди* «Куда шило, туда и тесьма (куда партнер, туда и партнерша в танце)»; *Жюрекден жюрекге жол барады* «От сердца к сердцу дорога идет (так говорят о влюбленной паре в танце)».

Отдельную группу составляют конструкции со сказуемыми, выраженными глаголом зрения *кёр-* «видеть», который является предикатом зрительного восприятия. Он в предложении открывает позиции субъекта и объекта аналогичной семантики. В паремиях с таким предикатом обнаруживается специфическая этнокультурная информация, сопряженная с танцами. Так, например, в пословице *Биринчи басханы къыйын кёрюнюр* «Первый шаг кажется трудным» им-

плицитно указывается на то, что для танцора наиболее тяжелым и важным представляется первое движение. Танцор подвергается коллективной оценке, как по манере исполнения, так и по внешнему виду: *Тепсеуде алчыны эл кёреди* «Лучшего танцора народ видит»; *Ким ариу тепсериги бёркюнден кёрюнюр* «Того, кто будет красиво танцевать, по шапке будет видно». Не имеющий соответствующую подготовку не получит удовольствия от танцев: *Тепсей билмеген тепсеу кёрмез* «Не умеющий танцевать танцев не увидит». Танцовщица может не замечать своего партнера, что зависит, с одной стороны, от ее волнения, с другой – он может быть ей не мил: *Къыз къолтугъундан тутуп тепсеген нёгерин кёрмейди* «Танцующая девушка не видит своего партнера, который держит ее под руку».

Особого внимания заслуживают паремические высказывания со сказуемыми, выраженными глаголом знания *бил-* «знать». С таким глагольным сказуемым сочетаются подлежащие и дополнения. При этом образуются предложения, имеющие семантическую структуру «субъект знания + объект знания + предикат знания»: *Тепсеучюню тилин тойчу билир* «Язык танцора узнает участник торжества»; *Тойчуну къыйматын эл биледи* «Цену артиста знает народ»; *Ач къарынны тепсеу билмез* «Голодного танец не признает». Согласно паремиям, мастерство танцора познается среди других танцоров, в увеселительных мероприятиях и т.д.: *Тепсеучюню усталыгъы тепсеучюлени ичинде билинир* «Мастерство танцора определяется среди танцоров»; *Тепсеучюню усталыгъын тойда билирсе* «Мастерство танцора узнаешь на празднике»; *Той кесин тепсеую бла билдиреди* «Торжество себя танцами покажет». Для конструкций рассматриваемого типа присущ аксиологический компонент, оценка человека может быть сопряжена с его умением танцевать: *Тепсегенинг да билдиреди сени ким болгъанынгы* «Твой танец показывает, кто ты есть»; *Аман тепсеучю аманны билир* «Плохой танцовщик плохое и знает». Мастер танца может презентовать на празднике и себя, и партнершу: *Уста кесин да, нёгерин да билдирир тойда* «Мастер и себя, и партнершу покажет в танце»; *Тойда кесинги игилик бла билдир* «На торжестве покажи себя с хорошей стороны». Имеет место осложнение конструкции конкретизатором условия, выраженным деепричастным оборотом: *Бармакълагъа турмай, тепсеуню билмезсе* «Не встав на носки, танцевать не научишься».

Наличие знаний есть неотъемлемый атрибут для танцев, песен и веселья: *Билим тепсетир, жырлатыр, ойнатыр* «Знания научат танцевать, петь, играть». Знание танца предопределяется обучением: Желающий познать искусство танца должен брать уроки у мастера, который передает подопечным свой опыт. На это указывают пословичные высказывания с глагольным сказуемым *юйрен-* «научиться»: *Тепсеуге устадан юйрен* «Танцу учись у мастера»; *Уста айыуну да юйретир тепсерге* «Мастер и медведя научит танцевать»; *Чемер билгенин юйретир* «Мастер (танца) научит тому, что умеет сам».

Как известно, знание сопряжено и с умением. Данное понятие относительно танца в пословицах представлено подлежащим, выраженным причастным оборотом *тепсей билген* «умеющий танцевать». Это качество является облигаторным для носителя карачаево-балкарского языка, поскольку обладающий им может

осуществлять и другие виды деятельности, также ему выпадает счастье: *Тепсей билген къарс ура да билир* «Умеющий танцевать умеет и хлопать (в ладоши во время танцев)»; *Тепсей билген насыбын табар* «Умеющий танцевать свое счастье найдет». Тому же, кто не умеет танцевать, для собственной презентации не помогает красивая одежда. Он обычно танцует необоснованно броско и везде спотыкается: *Тепсей билмегеннге омакъ кийим болушмаз* «Не умеющему танцевать наряды не помогут»; *Тепсей билмеген хахай этип тепсер* «Не умеющий танцевать с криками танцует»; *Тепсей билмеген жюз жерде абыныр* «Не умеющий танцевать в ста местах споткнется». В местах веселья человек обязан танцевать, но может и откупиться, чтобы не позориться: *Тепсей билмеген саугъа берип къутулур* «Не умеющий танцевать подарком отделается».

Танцы обычно исполняются на различных празднествах, в ходе которых между собой встречаются многочисленные родственники, соседи, друзья и другие знакомые. С другой стороны, праздничные мероприятия способствуют возникновению, а также укреплению новых дружественных и иных уз: *Сюйгенинги тойда табарса* «Свою суженую (своего суженого) найдешь на свадьбе». Этим обстоятельством обусловлено появление среди паремий высказываний с компонентом *таны-* «узнавать кого что; быть знакомым с кем чем»: *Адамла бир бирин тойда иги таныйдыла* «Люди друг друга на празднестве хорошо узнают». Единственной причиной, мешающей знакомству, является неравный социальный статус людей: *Бай жарлыны тойда да танымаз* «Богатый бедного и на свадьбе не узнает».

В качестве сказуемого паремий выступает и полисемичный глагол *буз-*, употребляющийся в переносном значении «портить, делать неприглядным, некрасивым». Он в высказывании открывает позиции для подлежащего (субъекта), дополнения (объекта), иногда для обстоятельства (семантического конкретизатора): *Аман адам тепсеу бузар* «Плохой человек танец испортит»; *Ант тепсеуню билмеген антын бузар* «Не умеющий танцевать танец клятвы отступит от клятвы»; *Тепсеучюню махтау бузар* «Танцора хвала испортит»; *Ашыкъгъан тепсеуню бузар* «Торопящийся испортит танец»; *Тепсеу башындан бузулур* «Танец с начала портится».

Стержневыми компонентами паремий рассматриваемого типа часто выступают фразеологические единицы различной структуры и семантики. Они в целом этнокультурно маркированы. Ср. *От бла ойнагъан* ***кёнчексиз къалыр*** «Кто играет с огнем, тот без штанов останется». Данная паремия сопряжена с обрядовым танцем «Голлу». При его исполнении танцующие так увлекались, что у них горели полы черкесок, когда его исполняли вокруг костра. Иначе говоря, неудачный танец мог привести к позору. В этом отношении релевантна и пословица *Суукъда женгил айырылгъан тепсеуден* ***бедиш алыр*** «Кто, испугавшись холода, не станет танцевать, тот опозорится». Небезынтересно и то, что именно в танце молодые могли выразить свои чувства по отношению друг к другу: *Сюйген сюйгеннге тепсеуде* ***сёз берир*** «Любящие признаются в любви в танце». Паремии с предикатами-фразеологизмами в целом носят аксиологический характер: *Ариу тепсеу* ***жан салыр*** «Красивый танец оживит»; *Тепсеу* ***жанны тыймаз*** «Перед танцем никто не устоит»; *Тепсеучюге* ***нюр жанар***

«Танцовщику сопутствует удача»; *Тойчу тепсегинчи,* ***сыйын берме*** «Пока танцор не станцует, не давай ему оценку».

Обратимся к наиболее релевантным для паремий о танцах понятиям этнокультурной значимости. Ядерной составляющей их является концепт «*тепсеу* (танец)», который отмечен рядом когнитивных признаков, присущих карачаево-балкарской этнокультуре:

1. ***Танец не является объектом купли-продажи***: *Тепсеуню саудюгерчи сатмайды* «Танец купец не продает»; *Тепсеу, жыр базарда сатылмайдыла* «Танцы и песни на базаре не продаются».

2. ***Танец – не достояние одного человека***: *Тепсеу бир адамны юсюнде турмайды* «Танцы одному человеку не принадлежат».

3. ***Танец прививает любовь к экзистенции***: *Тепсеу жашауну сюйдюреди* «Танец дарует любовь к жизни».

4. ***Танцу присуща скорость***: *Тепсеу садакъча атылыр* «Танец выстрелит, как лук»; *Тепсеу окъча жайылады* «Танец распространяется словно стрела в полете».

5. ***Танец есть средство от болезней***: *Тепсеу кёп аурууну кетереди* «Танец от многих болезней избавляет»; *Тепсеу аурууну кетерир* «Танец (около больного) лечит от болезни».

6. ***Танец есть оберег***: *Тепсеу палахдан къалдырыр* «Танец от беды спасет».

7. ***Танец – облигаторная составляющая жизни***: *Тепсеу соруп келмез* «Танец приходит без спроса».

8. ***Танец без ошибок не обходится***: *Тепсеуде уста да жангылады* «В танце и мастер ошибается».

9. ***Для танца важно парное или коллективное исполнение***: *Тепсеуге нёгерсиз чыкъма* «На танец без партнерши не выходи»; *Тепсерик нёгер излейди* «Желающий танцевать ищет партнершу».

10. ***Танец достоин благопожелания***: *Ариу тепсеу алгъышлыкъ бердирир* «Красивый танец заставит выразить благопожелание».

В пословично-поговорочном фонде представлены и характеристики концепта «*тепсеучю* (танцор)», обусловленные ментальностью этноса. К ним относятся следующие:

1. ***Танцору присуща стремительность***: *Тепсеучюню аякълары бир бирлери бла эришедиле* «У танцора ноги соревнуются друг с другом»; *Тепсеучю ишин женгил битдирир* «У танцовщика работа спорится».

2. ***Танцору дается коллективная оценка***: *Тепсеучюню фахмулулугъун тойчула бичерле* «Талант танцора оценят участники торжества».

3. ***Удел танцора – игры и веселье***: *Тепсеучю оюнсуз къалмаз* «Танцор без веселья не останется»; *Тепсеучю тойсуз къалмаз* «Танцор без веселья не останется».

4. ***Танцор отличается крепкой памятью***: *Тепсеучю кёргенин унутмаз* «Танцор увиденное не забудет».

5. ***У танцора дом на втором плане***: *Тепсеучю юйюн унутур* «Танцор дом свой забудет».

6. ***Танцоры имеют общие интересы***: *Тепсеучю тепсеуню юсюнден айтыр* «Танцор о танцах будет говорить»; *Тепсеучю тепсеучюге тюбер* «Танцор с танцором встретится».

7. ***Танцор вознаграждаем***: *Тепсеучю къуру къалмаз* «Танцор без вознаграждения не останется».

8. ***Объект похвалы танцора – гармонист***. Дело в том, что танцор не может обойтись без гармониста, поскольку танцы, как правило, сопровождаются игрой на гармони: *Тепсеучю къобузчуну махтар* «Танцор гармониста похвалит».

9. ***Для танцора важна преемственность***: *Тепсеучюден тепсеучю тууар* «От танцора танцор рождается».

10. ***Танцору не присуща спешка*** (особенно чрезмерная): *Акъырын башлагъан тепсеуню ариу бошар* «Медленно начинающий танец красиво закончит»; *Алгъа къычыргъан кукук алгъа ёлюр* «Рано закуковавшая кукушка рано умрет» (о том, кто спешит танцевать); *Асыры терк тепсеген терк къояр* «Слишком быстро танцующий быстро оставит (танец)»; *Сабыр тепсеген арымаз* «Танцующий спокойно не устанет».

11. ***Для танцора нет преграды***: *Тепсеучюню суу тыймаз* «Танцора река не остановит»; *Тепсериги келген жер айырмаз* «Кто хочет танцевать, тот не станет выбирать место».

12. ***Танцор*** (профессиональный) ***вечно в долгах***: *Тепсеучю борчундан къутулмаз* «Танцовщик с долгами не расплатится».

13. ***Танцора танец не обременяет***: *Тепсеучю тепсеуден эрикмез* «Танцору не надоест танцевать».

14. ***Плохому танцору ничего не помогает***: *Аман тепсеучюге къарс болушмаз* «Плохому танцору хлопки не помогут»; *Тепсегенде алтын бели бау болушмаз* «Плохому танцору золотой пояс не поможет».

15. ***Танцор – животное***: *Ач айыу ойнамаз* «Голодный медведь (танцор) не играет»; *Уста тепсеучю аслан кёллю болады* «Мастер-танцор имеет душу льва»; *Уста тепсеген къыз – къанкъаз* «Искусно танцующая девушка – лебедь».

16. ***Танцору присуща иносказательность***: *Мени жылытмагъан кюн манга тиймесин* «Солнце, которое меня не греет, пусть меня не освещает» (так говорит партнерша о своем партнере, который ей не по душе).

Вышеотмеченные концепты являются гипонимами по отношению к гипероним*у той* «свадьба, свадебный пир; празднество, торжество» и неразрывно с ним связаны. Так, согласно обычаю, свадьба не может начаться без прихода его устроителя в плане зрелищности: *Чемер келмей, той башланмаз* «Пока мастер (танца) не придет, торжество не начнется». Без него и гармонь не играет: *Устасыз къобуз согъулмаз* «Без мастера гармонь не сыграет». Свадьбу, как правило, начинает общепризнанный танцор: *Тойну алгъа тепсеген ачады* «Свадьбу открывает тот, кто раньше станцует (прима)».

Свадьба является катализатором действия, например, к ее началу должна быть готова новая одежда: *Тойну сылтауу бла тон битди* «Благодаря свадьбе и шуба готова». Однако бедный человек порой не может достичь такой цели, что отражается в паремиях типа *Жарлыны тону жайгъа битер* «Шуба бедного будет готова к лету».

В пословицах отражается тот факт, что на торжествах принято дарить подарки: *Тепсеучю къызны къулагъында алтын саугъа жылтырайды* «У партнерши в ушах блестит золотой подарок (серьги)». Народный этикет позволяет парт-

неру дарить в танце золотое кольцо партнерше, за что его не осуждают: *Алтын тепсеуде къызны алдар* «Золото (кольцо) в танце обманет девушку». Дозволяется дарить девушке в танце золотой браслет. Если она его примет, значит, быть свадьбе: *Алтын билезик темир къаланы ачар* «Золотой браслет железную крепость откроет». В данной паремии крепость означает дом девушки.

В корпусе пословиц и поговорок репрезентируется коллективное ментальное отношение к участникам торжества исходя из таких критериев, как мастерство, поведение и т.д.: *Уста тепсемеген сыйланмаз* «Кто не танцует искусно, тот уважаемым не будет»; *Тойда иги тепсеген, ишде да иги ишлер* «Кто хорошо танцует, тот и работать будет хорошо»; *Аман тепсеучю къарсчыланы аманлар* «Плохой танцор хлопающих обвиняет»; *Аман тепсеучю къобузчула бла даулашыр* «Плохой танцор с гармонистами поспорит»; *Махтанчакъ къыз тепсеуде жукълар* «Хвастливая девушка во время танца засыпает».

Таким образом, вышеизложенное показывает, что простые глагольные паремические высказывания о танцах, как и другие предложения, функционирующие в карачаево-балкарском языке, образуют парадигмы по целеполаганию, хотя и неполную, а также утверждению и отрицанию. Такого рода синтаксические конструкции отмечены многообразием в плане формальной структуры, а также характеризуются широким спектром семантических значений. Это в целом детерминируется семантикой и грамматическими особенностями лексем, занимающих позиции ядерных конституентов паремических выражений. Подобные высказывания маркируются в этнокультурном отношении, поскольку репрезентируют архаические ментальные составляющие мировосприятия карачаевцев и балкарцев относительно искусства танца, для которого наиболее релевантны понятия торжество, танец и танцор. Они отражают при этом один из важных сегментов национальной карачаево-балкарской картины мира, в том числе и языковой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аппоев 2012 – *Аппоев А.К.* Вербализация жизненного опыта социума в паремиях // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 13 (268). – С. 5-7. EDN: PCWFBT.

Аппоев Ал., Аппоев Ас. 2010 – *Аппоев Алим К., Аппоев Асхат К.* Паремии как когнитивный базис национальной языковой картины мира // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2010. – № 2 (156). – С. 127-130. EDN: MBCERX.

Аппоев, Кетенчиев 2022 – *Аппоев А.К., Кетенчиев М.Б.* Карачаево-балкарские простые именные паремические высказывания о танцах // Современный ученый. – 2022. – № 5. – С. 142-147. EDN: MRSZLS.

Гулиева (Занукоева) 2020 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарские пословицы и поговорки: к проблеме жанрового разграничения // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 4. – С. 259-270. DOI: 10.31143/2542-212X-2020-4-259-270.

Каракетов, Кудаев 2014 – *Каракетов М.Д., Кудаев М.Ч.* Национальные танцы // Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.М.-А. Сабанчиев. – М.: Наука, 2014. – С. 624-663.

Кетенчиев 2015 – *Кетенчиев М.Б.* Карачаево-балкарские компаративные паремические высказывания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. – № 2 (18). – С. 132-136. EDN: VBRJEH.

Кетенчиев, Аппоев 2023 – *Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К.* Названия танцев в карачаево-балкарском языке: этимологические этюды // Научная мысль Кавказа. – 2023. – №1. – С. 131-137. DOI: 10.18522/2072-0181-2023-113-131-137.

Кетенчиев и др. 2022 – *Кетенчиев М.Б., Ахматова М.А., Додуева А.Т.* Архаическая лексика в карачаево-балкарских паремиях // Полилингвиальность и транскультурные практики. – 2022. – Т. 19. – № 2. – С. 297-307. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-2-297-307.

Кудаев 1984 – *Кудаев М.Ч.* Карачаево-балкарские народные танцы. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 115 с.

Кудаев 1988 – *Кудаев М.Ч.* Карачаево-балкарский свадебный обряд. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 128 с.

Кудаев 1997 – *Кудаев М.Ч.* Древние танцы балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 144 с.

Кудаев 2003 – *Кудаев М.Ч.* Карачаево-балкарская этнохореография и символика. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 108 с.

Кудаев 2008 – *Кудаев М.Ч.* Символы карачаево-балкарской хореографии. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – 32 с.

Кудаев 2009 – *Кудаев М.Ч.* Карачаево-балкарские поговорки и пословицы о танцах. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. – 36 с.

Кудаев 2011 – *Кудаев М.Ч.* Старинная карачаево-балкарская свадьба. – Нальчик: Книга, 2011. – 200 с.

Малкондуев 1996 – *Малкондуев Х.Х.* Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 271 с. EDN: TZCVGB.

Миносьян, Амелина 2022 – *Миносьян Е.А., Амелина М.Н.* Возникновение русского народного танца. Формы русского народного танца // Гуманитарный трактат. – 2022. – № 126. – С. 8-10. EDN: FYBNUH.

Хуболов 2018 – *Хуболов С.М.* Карачаево-балкарская фразеология. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2018. – 120 с. EDN: YMEQLZ.

REFERENCES

APPOEV A.K. *Verbalizatsiya zhiznennogo opyta sotsiuma v paremiyakh* [Verbalization of the life experience of society in paroemias]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2012. – № 13 (268). – P. 5-7. (In Russ.).

APPOEV ALIM K., APPOEV ASHAD K. *Paremii kak kognitivnyi bazis natsional'noi yazykovoi kartiny mira* [Paremia as the cognitive basis of the national linguistic picture of the world]. IN: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. – 2010. – № 2 (156). – P. 127-130. (In Russ.).

APPOEV A.K., KETENCHIEV M.B. *Karachaevo-balkarskie prostye imennye paremicheskie vyskazyvaniya o tantsakh* [Karachay-Balkar simple nominal paremic statements about dancing]. IN: *Sovremennyi uchenyi*. – 2022. – № 5. – P. 142-147. (In Russ.).

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.Kh. *Karachaevo-balkarskie poslovitsy i pogovorki: k probleme zhanrovogo razgranicheniya* [Karachay-Balkarian proverbs and sayings: on the problem of genre differentiation]. In: *Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya"*. – 2020. – № 4. – P. 259-270. DOI: 10.31143/2542-212X-2020-4-259-270. (In Russ.).

KARAKETOV M.D., KUDAEV M.Ch. *Natsional'nye tantsy* [National Dances]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy*. – Moscow: Nauka, 2014. – P. 624-663. (In Russ.).

KETENCHIEV M.B. *Karachaevo-balkarskie komparativnye paremicheskie vyskazyvaniya* [Karachay-Balkar comparative paremic statements]. In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. – 2015. – № 2 (18). – P. 132-136. (In Russ.).

KETENCHIEV M.B., AKHMATOVA M.A., DODUEVA A.T. *Arkhaicheskaya leksika v karachaevo-balkarskikh paremiyakh* [Archaic vocabulary in Karachay-Balkar paroemias]. In: *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. – 2022. – T. 19. – № 2. – P. 297-307. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-2-297-307. (In Russ.).

KETENCHIEV M.B., APPOEV A.K. *Nazvaniya tantsev v karachaevo-balkarskom yazyke: etimologicheskie etyudy* [Names of dances in the Karachay-Balkar language: etymological studies]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2023. – №1. – P. 131-137. (In Russ.).

KHUBOLOV S.M. *Karachaevo-balkarskaya frazeologiya* [Karachay-Balkar phraseology]. – Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, 2018. – 120 p. (In Karachay-Balkarian).

KUDAEV M.Ch. *Karachaevo-balkarskie narodnye tantsy* [Karachay-Balkar folk dances]. – Nal'chik: El'brus, 1984. – 115 p. (In Russ.).

KUDAEV M.Ch. *Karachaevo-balkarskii svadebnyi obryad* [Karachay-Balkar wedding ceremony]. – Nal'chik: El'brus, 1988. – 128 p. (In Russ.).

KUDAEV M.Ch. *Drevnie tantsy balkartsev i karachaevtsev* [Ancient dances of Balkars and Karachays]. – Nal'chik: El'brus, 1997. – 144 p. (In Russ.).

KUDAEV M.Ch. *Karachaevo-balkarskaya etnokhoreografiya i simvolika* [Karachay-Balkar ethnohoreography and symbolism]. – Nal'chik: El'brus, 2003. – 108 p. (In Russ.).

KUDAEV M.Ch. *Simvoly karachaevo-balkarskoi khoreografii* [Symbols of Karachay-Balkar choreography]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2008. – 32 p. (In Russ.).

KUDAEV M.Ch. *Karachaevo-balkarskie pogovorki i poslovitsy o tantsakh* [Karachay-Balkarian sayings and proverbs about dancing]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2009. – 36 p. (In Karachay-Balkarian).

KUDAEV M.Ch. *Starinnaya karachaevo-balkarskaya svad'ba* [Ancient Karachay-Balkar wedding]. – Nal'chik: Kniga, 2011. – 200 p. (In Russ.).

MALKONDUEV Kh.Kh. *Obryadovo-mifologicheskaya poeziya balkartsev i karachaevtsev* [Ritual and mythological poetry of Balkars and Karachays]. – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – 271 p. (In Russ.).

MINOS'YAN E.A., AMELINA M.N. *Vozniknovenie russkogo narodnogo tantsa. Formy russkogo narodnogo tantsa* [The emergence of Russian folk dance. Forms of Russian folk dance]. In: *Gumanitarnyi traktat*. – 2022. – № 126. – P. 8-10. (In Russ.).

Информация об авторах

М.Б. Кетенчиев – доктор филологических наук.

А.К. Аппоев – кандидат филологических наук.

Information about the authors

M.B. Ketenchiev – Doctor of Science (Philology).

A.K. Appoev – Candidate of Science (Philology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.04.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.05.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 29.04.2023; approved after reviewing 20.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Научная статья
УДК 316.485
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-338-356
EDN: WUOCSY

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ФАКТОРЫ НАПРЯЖЕННОСТИ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В МАССОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНКАХ

Муслимат Алхилаевна Магомедова
Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия, muslimat-rci@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5640-4686

Аннотация. На протяжении нескольких столетий национальный вопрос остается сложной проблемой для России, населенной представителями более сотни национальностей. Как известно, одним из многонациональных и многоконфессиональных регионов Российской Федерации является Северный Кавказ. Исследование этнополитических процессов в таком сложном полиэтничном регионе обусловливается их высокой динамичностью. И этот фактор требует повышенного внимания, анализа современной ситуации и мониторинга происходящих изменений.

Статья посвящена анализу факторов, способствующих обострению межнациональных отношений на Северном Кавказе. Особое внимание уделено осуществлению мониторинговых исследований региональных этнополитических процессов в целях выявления и предупреждения конфликтных ситуаций.

В статье на основе проведенного исследования делается вывод, что в целом межэтнические отношения на Северном Кавказе развиваются позитивно, сохраняя управляемость и стабильность. Показано, что возникающие конфликты в межэтнической сфере обусловлены социально-экономическими и имущественно-земельными проблемами. Материалы экспертного опроса, проведенного автором, позволяют содержательно интерпретировать влияние вышеуказанных конфликтогенных факторов на возникновение межэтнических противоречий и споров в регионе. В настоящей статье используются также данные массового социологического опроса, проведенного РЦЭИ ДФИЦ РАН и направленное на изучение межрасовых, межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений, социально-политической ситуации в Республике Дагестан.

Предложены меры по гармонизации межэтнических отношений в Северо-Кавказском регионе.

Ключевые слова: Северный Кавказ, межэтнические отношения, регион, конфликт, народ, этнополитические процессы, межнациональная напряженность.

Для цитирования: Магомедова М.А. Современное состояние и факторы напряженности в межнациональных отношениях на Северном Кавказе в массовых представлениях и экспертных оценках // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 338-356. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-338-356. EDN: WUOCSY.

© Магомедова М.А., 2023

Original article

THE CURRENT STATE AND FACTORS OF STRENGTH IN INTERNATIONAL RELATIONS IN THE NORTHERN CAUCASUS IN MASS REPRESENTATIONS AND EXPERT ASSESSMENTS

Muslimat A. Magomedova
Regional Center for Ethnopolitical Studies of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, muslimat-rci@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5640-4686

Abstract. For several centuries, the national question has remained a complex problem for Russia, inhabited by representatives of more than a hundred nations. As you know, one of the multinational and multi-confessional regions of the Russian Federation is the North Caucasus. The study of ethno-political processes in such a complex multi-ethnic region is determined by their high dynamism. And this factor requires increased attention, analysis of the current situation and monitoring of ongoing changes.

The article is devoted to the analysis of factors contributing to the aggravation of interethnic relations in the North Caucasus. Particular attention is paid to the implementation of monitoring studies of regional ethno-political processes in order to identify and prevent conflict situations.

Based on the study, the article concludes that, in general, interethnic relations in the North Caucasus are developing positively, maintaining manageability and stability. It is shown that the emerging conflicts in the interethnic sphere are caused by socio-economic and property-land problems. The materials of the expert survey conducted by the author make it possible to meaningfully interpret the influence of the above conflictogenic factors on the emergence of interethnic contradictions and disputes in the region. This article also uses the data of a mass sociological survey conducted by the RCEI FERC RAS and aimed at studying interracial, interethnic (interethnic) and interfaith relations, the socio-political situation in the Republic of Dagestan.

Measures to adjust interethnic relations in the North Caucasus region are proposed..

Keywords: North Caucasus, interethnic relations, region, conflict, people, ethnopolitical processes, interethnic tension.

For citation: Magomedova M.A. Current state and factors of tension in interethnic relations in the North Caucasus in mass presentations and expert assessments. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 338-356. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-338-356. EDN: WUOCSY.

© Magomedova M.A., 2023

Введение

Проблемы межэтнических отношений, формирование национального согласия, как основы стабильного развития российского общества остаются актуальными на протяжении десятилетий и приковывают пристальное внимание различных специалистов.

Одним из многонациональных регионов Российской Федерации является Северный Кавказ. По сравнению с 90-ми гг. XX в. остроконфликтная форма межнациональных отношений не характерна для современного этапа развития северокавказского общества. Тем не менее, в регионе проявляются «застаре-

лые» конфликты, обусловленные прежде всего, земельными отношениями. Особая напряженность в межнациональных отношениях на Северном Кавказе связана с нерешенностью вопроса восстановления Ауховского района в Республике Дагестан, неопределенностью осетино-ингушского конфликта, нерешенностью проблем репрессированных, депортированных и «разделенных» народов. А также дестабилизирует межэтнические отношения в регионе современный процесс демаркации границ между субъектами Российской Федерации. Истоки существующих в настоящее время межнациональных проблем уходят своими корнями в историческое прошлое.

Вышеуказанные проблемы отражены во многих исследованиях по Северному Кавказу [Апажева, Мамсиров 2021; Адиев 2022; Аккиева 2019; Этноконфессиональная ситуация… 2018 и др.].

Особое внимание исследователи уделяют осуществлению мониторинговых исследований региональных этнополитических процессов в целях выявления и предупреждения конфликтных ситуаций, которая является важным инструментом сохранения межэтнического согласия в регионе [Адиев 2022, Этноконфессиональная ситуация… 2018 и др.].

Если обратиться к истории Северного Кавказа, то станет очевидным, что межэтнические конфликты, а также территориальные споры порождают сохранившиеся в памяти некоторых народов Северного Кавказа исторические обиды на репрессивную по отношению к ним политику советской власти, многочисленные перекройки административных границ без учета исторически сложившихся реальностей региона.

Негативное воздействие на этнополитическую ситуацию оказывает усугубляющийся социально-экономический, экологический, политический кризис, переживаемый Северным Кавказом, как результат и следствие общероссийского кризиса. Существенное влияние на обострение межэтнических отношений оказывает высокий уровень внешней и внутренней миграции.

Следует отметить, что в республиках Северного Кавказа многие социально-экономические, политические и другие процессы приобретают этническую окраску. На протяжении уже нескольких лет проблемами, актуализирующими межнациональные отношения на Северном Кавказе, являются земельные споры.

Результаты исследования

Для более детального изучения состояния этнополитической ситуации в республиках Северного Кавказа автором был проведен экспертный опрос. Опрос проводился методом глубинного интервью и анкетирования. Состав участников экспертного опроса охватывает основную категорию специалистов, чья профессиональная и общественная деятельность связана с вопросами межэтнических отношений и национальной политики. В качестве экспертов выступили представители научного сообщества, органов государственной власти, общественных организаций и журналисты. По мнению большинства экспертов, межэтнические отношения в регионе в целом благоприятные, дружественные, стабильные. Но есть определенные земельные, социальные, культурные и политические проблемы, которые принимают национальный оттенок. В Республике Дагестан – это

проблемы восстановления Ауховского района; земель отгонного животноводства. В Кабардино-Балкарии и в Карачаево-Черкессии – это спорные вопросы по определению границ муниципальных образований; этнического представительства в исполнительных и представительных органах власти; земельный вопрос; реабилитация репрессированных народов; «черкесский вопрос», который связан с исторической памятью кабардинцев, черкесов и адыгейцев.

Всего было опрошено 45 экспертов. Опрос проводился в 2022 году среди экспертов таких республик Северного Кавказа как: Республика Дагестан, Чеченская Республика, Кабардино-Балкарская Республика и Ингушетия. Из числа опрошенных более 50 % составили представители научного сообщества (Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Дагестанский государственный университет, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук, Чеченский государственный университет), остальные – представители органов власти разного уровня и общественных организаций и движений.

При оценке состояния межэтнических отношений большая часть экспертов охарактеризовала их как благоприятные, дружественные, отличающиеся стабильной уравновешенностью. Необходимо отметить отдельные комментарии экспертов. Так представители Республики Дагестан отметили, что многонациональность в Дагестане – явление уникальное и конфликты на национальной почве практически не возникали.

«Если проанализировать сводки МВД РД, то у нас не было случаев даже привлечения за разжигание межнациональной розни или случая конфликта на национальной почве (даргинец-аварец, кумык-русский и т.д.). Такого просто нет. Люди не конфликтуют друг с другом из-за национальности. Даже если возникают какие-то бытовые конфликты, то они связаны с обычными жизненными ситуациями» – считает эксперт-общественник[1].

Хотя многие опрошенные отметили, что на протяжении постсоветского периода регион стал зоной повышенной конфликтности.

Для более детального изложения ситуации в межнациональной сфере Республики Дагестан, автором использованы данные мониторинга этноконтактной ситуации в муниципальных образованиях республики.

Так, научный коллектив Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (РЦЭИ ДФИЦ РАН) в 2021-2022 гг. провел социологическое исследование, направленное на изучение межрасовых, межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений, социально-политической ситуации в Республике Дагестан в целях предотвращения возникновения конфликтов, либо их обострения[2].

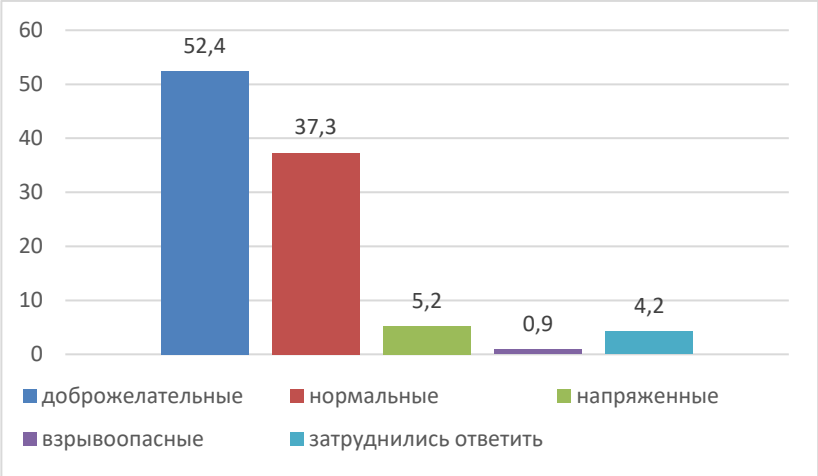
[1] Материалы опроса хранятся в личном архиве автора.

[2] Отчет о выполнении государственного контракта № 30 от 8 июня 2021 года «На выполнение работ по проведению социологического исследования, направленного на изучение межрасовых, межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений, социально-политической ситуации в Республике Дагестан в целях предотвращения возникновения конфликтов, либо их обострения»; Отчет о выполнении государственного контракта № 22 от 13 апреля 2022 года: «На выполнение работ по проведению мониторинга состояния этноконтактной ситуации в муниципальных образованиях, определению степени конфликтности и выработке рекомендаций для органов исполнительной власти Республики Дагестан.

Метод проведения социологического исследования – массовый опрос. Выборочная совокупность опроса населения составляет 3000 человек. Формирование выборки осуществлялось методом вероятностного отбора по этническим группам, выбираемым по однородности проблем в муниципальных образованиях Республики Дагестан. Опрос проводился в 15-ти муниципальных образованиях. Целевая аудитория: жители Республики Дагестан старше 18 лет, постоянно проживающие в муниципальном образовании, на территории которого проводится опрос. Опрос осуществлялся по специально разработанной анкете.

По результатам опроса, почти 90 % опрошенных жителей республики оценивают отношения между людьми различных национальностей в Дагестане как доброжелательные, нормальные и бесконфликтные. И только 0,9 % из числа опрошенных жителей республики считают, что межэтнические отношения в Дагестане взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения (рис. 1). Важно отметить, что возраст, пол, национальность и уровень образования участников опроса не стали определяющими в ощущении ими комфортности межнационального климата в республике

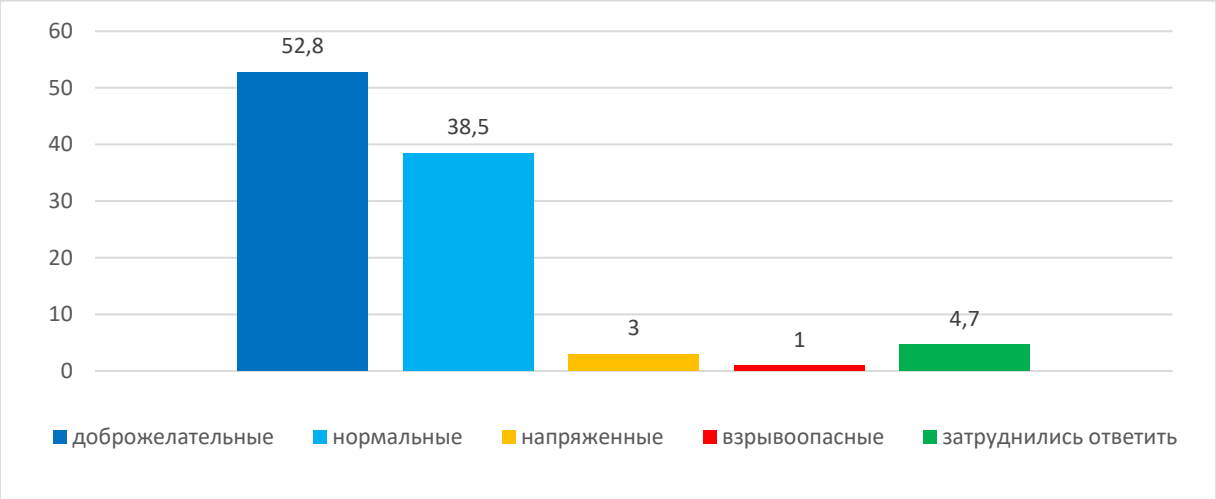
Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Каковы, на Ваш взгляд, в целом отношения между людьми различных национальностей в Дагестане?» (Один ответ).



Результаты опроса, проведенного РЦЭИ ДФИЦ РАН в 2022 г., показывают, что 91,3 % жителей республики (сумма ответов «доброжелательные» и «нормальные, бесконфликтные») также положительно оценивают состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Дагестане[1]. Соответственно, уровень конфликтного восприятия межнациональных отношений в Дагестане составляет сумму ответов «напряженные, конфликтные» (3 %) и «взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения» (1 %), 4 % по общереспубликанской выборке. Оставшиеся 4,7 % респондентов затруднились ответить (рис. 2).

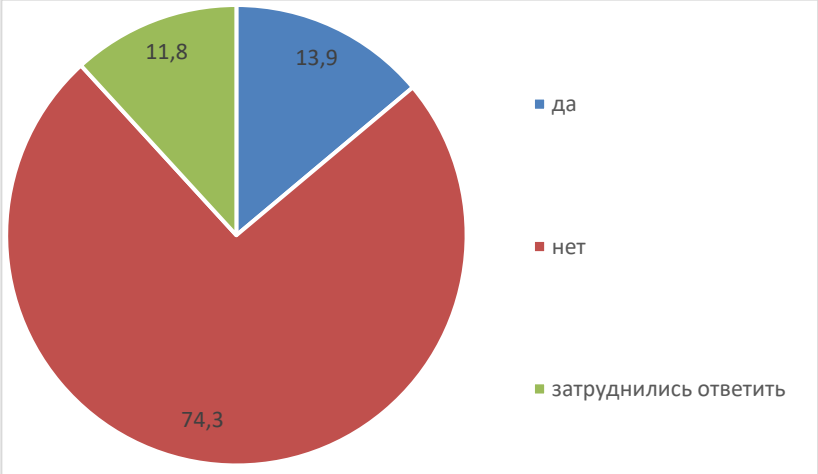
[1] Отчет о выполнении государственного контракта № 22 от 13 апреля 2022 года.

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Каковы, на Ваш взгляд, в целом, отношения между людьми различных национальностей в Дагестане?» (ответы даны в % от общего числа опрошенных).



По данным опроса, проведенного в 2021 г., 74,3 % жителей республики, не испытывают на территории нашей страны в отношении себя дискриминацию по признаку национальной, языковой или религиозной принадлежности[1] (рис. 3).

Рисунок № 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «*Чувствуете ли Вы на территории нашей страны в отношении себя дискриминацию по признаку национальной, языковой или религиозной принадлежности*?»



При этом 13,9 % опрошенных ответили на заданный вопрос утвердительно, а почти каждый восьмой респондент (11,8 %) – затруднился ответить.

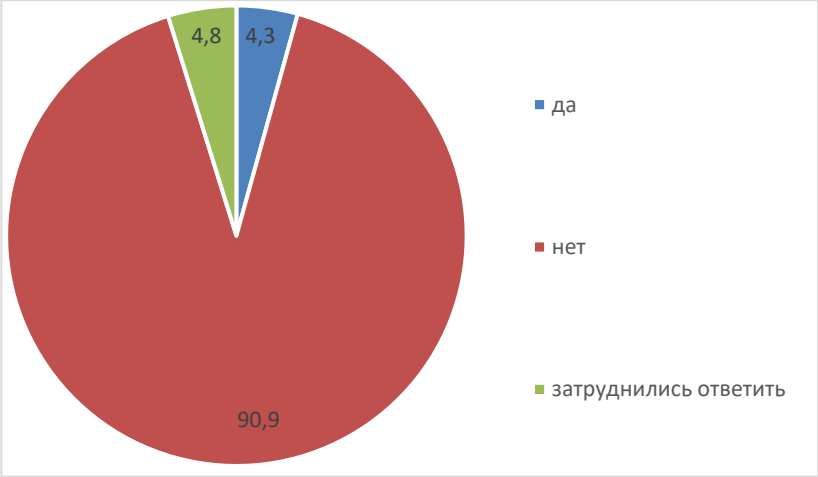
По результатам опроса, проведенного в 2022 г., более 80 % жителей республики ответили, что не чувствуют на территории России в отношении себя дискриминации по признаку национальной, языковой принадлежности. Еще 10,5 % опрошенных затруднились ответить на данный вопрос, а доля граждан,

[1] Отчет о выполнении государственного контракта № 30 от 8 июня 2021 года …

отмечающих в отношении себя дискриминацию по указанным признакам составляет 8,5 %, это – каждый восьмой опрошенный житель республики[1].

Еще одним важным практичным индикатором состояния межнациональных отношений в обществе является показатель наличия/отсутствия чувства неприязни по отношению к представителям другой национальности. Согласно результатам опроса, свыше 90 % респондентов не испытывают неприязни по отношению к представителям других национальностей и иностранным гражданам – трудовым мигрантам (рис. № 4).

Рисунок № 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «*Вы лично испытываете неприязнь по отношению к представителям другой национальности и/или иностранным гражданам (мигрантам)*?».

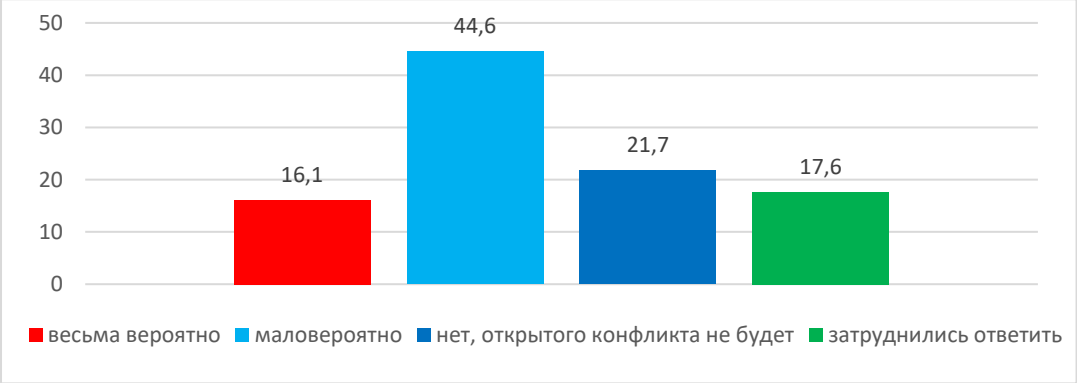


Возможность в течение ближайшего года в Дагестане открытого конфликта, способного принять форму межнационального противостояния исключили 21,7 % респондентов. Еще 44,6 % участников опроса считают такой сценарий маловероятным. Вместе с тем, 16,1 % жителей республики не исключают подобного развития ситуации (рис. № 5).

Рисунок № 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «*Возможен ли в Дагестане в течение ближайшего года открытый конфликт, способный принять форму межнационального противостояния?*» (ответы даны в % от общего числа опрошенных)[2].

[1] Отчет о выполнении государственного контракта № 22 от 13 апреля 2022 года.

[2] Отчет о выполнении Государственного контракта № 06 от 11 мая 2021 года: «На выполнение работ по проведению мониторинга состояния этноконтактной ситуации в муниципальных образованиях, определению степени конфликтности и выработке рекомендаций для органов исполнительной власти Республики Дагестан».



Среди причин возможного появления межэтнических противоречий и конфликтов большинством респондентов ежегодно отмечается фактор земельных и территориальных споров. Межэтническая напряженность в Дагестане усугубляется вследствие двух факторов, связанных с земельными проблемами.

Данные мониторинга, проводимого РЦЭИ ДФИЦ РАН, позволяют выделить несколько этнических сообществ, от имени которых чаще, чем от имени других этнических групп республики проводятся в последнее время публичные мероприятия с теми или иными требованиями в адрес властей. Это кумыки, ногайцы, чеченцы-аккинцы, лакцы и аварцы из Новолакского района.

Следует более подробно остановиться на том, что большая часть экспертов отметила, что есть определенные земельные, социальные, культурные, политические и имущественные проблемы, которые принимают национальный окрас.

– «Почему придается национальный оттенок? Он позволяет обратить на себя внимание всех сторон общества. Пример, я спорю за участок и говорю меня (русского – по национальности) ущемляет даргинец. И, следовательно, вся администрация подключится, прокуратура подключится. А если я придам еще и религиозный оттенок, то сюда подключится еще извне и полпредство и т.д. Это все делается специально» – считает эксперт-госслужащий[1].

– «Я не могу сказать, что сейчас есть какие-то острые конфликты и противоречия в сфере межэтнических отношений. Другое дело, я не могу объяснить это тем, что вообще нет проблем в сфере межэтнических отношений, каких-то потенциальных угроз и рисков. Просто сейчас время чуть-чуть изменилось и на первый план вышли проблемы больше социальных противоречий, учитывая то, что во всей России по официальным данным около 21 млн человек находится за чертой бедности, а большинство республик Северного Кавказа всегда занимали одну из последних мест по уровню социального развития, по уровню зарплат и т.д. Так вот этот вопрос он более актуален на данный этап времени» – считает эксперт-представитель научного сообщества[2].

– «Нет никаких принципиальных проблем между представителями разных наций. Возникающие конфликты среди «золотой» молодежи, определенная категория людей пытается перевести в плоскость межэтнических, но, как правило, эти попытки гасятся достаточно быстро старшими. Есть, конечно, вероятные очаги появления межэтнических конфликтов, а разовьются ли они в конфликты, покажет только будущее:

– демаркация границы Дагестан-Чечня;

[1] Материалы опроса хранятся в личном архиве автора.
[2] Материалы опроса хранятся в личном архиве автора.

– создание Новолакского района, выделение под него части территории Кумторкалинского района;

– восстановление Ауховского района, судьба оставшихся там лакцев;

– земли отгонного животноводства, узаконивание имеющихся там крупных поселений, выросших из кутанов.

Есть еще одна проблема – отсутствие статуса у многих народов (языков) Дагестана – андо-цезских, кубачинского и кайтагского» – считает эксперт-обществовед[1].

Вместе с тем часть опрошенных специалистов отметила межэтническую ситуацию в регионе как взрывоопасную, которая обостряется в зависимости от внешних и внутренних факторов.

В целях определения факторов межэтнической напряженности в республиках Северного Кавказа участникам экспертного опроса предлагалось ответить на вопрос: «Что способствует обострению межэтнических отношений в Вашем регионе?».

По мнению экспертов из Ингушетии и Чеченской Республики, какие-либо причины, способствующие обострению межэтнических отношений, отсутствуют[2]. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что в вышеуказанных республиках проживают свыше 90 % представители одной национальности.

«В регионе почти свыше 96 % жители чеченской национальности, этнические группы живут дисперсно в Грозном и некоторых районах, а также компактно в нескольких населенных пунктах. Возникающие социальные проблемы, прежде всего связанные с инфраструктурой, решаются, какой-либо напряженности в межэтническом общении и сосуществовании нет. Федеральной и региональной власти следует изыскивать меры обеспечения трудовой занятости» – отмечает эксперт-представитель научного сообщества Чеченской Республики[3].

Эксперты из Кабардино-Балкарской республики отметили, что межэтническая напряженность в республике находится на латентном уровне.

«Анализируя проведенные административно-территориальные преобразования, следует отметить, что они обострили взаимоотношения. Для разрешения спорных вопросов по закону КБР «О статусе и границах муниципальных образований» в Парламенте КБР была создана согласительная комиссия. Однако диалог органов государственной власти, местного самоуправления и представителей институтов гражданского общества не дал положительных результатов, до сих пор не решены спорные вопросы по определению границ муниципальных образований.

Принятое на сегодняшний день компромиссное решение пересмотреть границы административных поселений, ограничив межселенные территории отгонными пастбищами, также вызвало протест у определенной части населения. Приходится признать, что административно-территориальный передел на новом витке исторического развития, реализующий положения Федерального Закона от 06.10.2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», не дал пока желаемых результатов, не привел к общественному согласию в КБР. Предстоит долгая кропотливая работа по поиску реально компромиссного решения, способного удовлетворить все заинтересованные стороны.

[1] Материалы опроса хранятся в личном архиве автора.
[2] Материалы опроса хранятся в личном архиве автора.
[3] Материалы опроса хранятся в личном архиве автора

Вместе с тем в Кабардино-Балкарии до сих пор не проведена земельная реформа в соответствии с требованиями Земельного Кодекса Российской Федерации. Главная причина в решении этой проблемы – отсутствие согласия в обществе. В настоящее время стало понятно, что без приватизации невозможно создать эффективное сельское хозяйство. Проблема состоит в том, что Кабардино-Балкария – это регион, где сельское население по данным переписи 2010 г. составляет 45,5 % – считает эксперт из Кабардино-Балкарской Республики[1].

Более подробно этнополитические процессы в постсоветский период на примере этнически родственных республик – Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии проанализированы в монографии А.И. Тетуева [Тетуев 2020]. В ней же выявлены общие и специфические факторы, формирующие межэтническую напряженность в двухсубъектных республиках, освещаются формы и методы решения обусловленных ими социально-экономических проблем. На основе проведенного исследования автор утверждает, что наследие прошлого, геополитические и психологические последствия распада СССР, социально-экономические и политические трудности переходного периода обусловили появление кризисных ситуаций в сфере межнациональных отношений на Северном Кавказе [Тетуев 2020: 116].

Эксперты из Республики Дагестан среди основных факторов, обостряющих межэтнические отношения выделили проблему восстановления Ауховского района и земельные вопросы[2].

Если обратиться к истории вопроса, то можно отметить, что накануне депортации чеченцев-аккинцев места их расселения в Дагестане были объединены в Ауховский район, который просуществовал всего несколько месяцев и был ликвидирован сразу после депортации чеченцев в 1944 г. Но вскоре на этих землях создается Новолакский район, на территорию которого насильственно переселяются представители других дагестанских этносов.

Во исполнение закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов»[3] III съездом народных депутатов Дагестана в 1991 г. было принято решение о территориальной реабилитации репрессированного населения чеченцев-аккинцев. В решении съезда по реабилитации были предусмотрены меры постепенного возвращения прежним владельцам пустующих домов, выделение потерявшим дома земельные участки для строительства. Реализация этих мер натолкнулась на сопротивление лакского населения, депортированного на земли бывшего Ауховского района, поскольку ущемлялись их интересы, пока пребывали в этом районе. Следует отметить, что в Законе «О реабилитации репрессированных народов» указывалось на то, что восстановление и изменение национально-государственных образований репрессированных народов осуществляется на основе законодательного регулирования межнациональных от-

[1] Материалы опроса хранятся в личном архиве автора. Схожее мнение автор уже высказывал в своей статье: Тетуев А.И. Проблемы институциализации государственной национальной политики Российской Федерации // Вестник института ИАЭ. – 2017. – № 1. – С. 36–45 [Тетуев 2017].

[2] Материалы опроса хранятся в личном архиве автора.

[3] Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. О реабилитации репрессированных народов. Москва, 26 апреля 1991 года. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/298717-zakon-rossiyskoy-sovetskoy-federativnoy-sotsialisticheskoy-respubliki-o-reabilitatsii-repressirovannyh-narodov-moskva-26-aprelya-1991-goda (дата обращения: 30.03.2023).

ношений, но механизм реализации самого Закона не был тщательно разработан. Именно поэтому, в условиях отсутствия в стране правового механизма урегулирования межнациональных отношений, принятие указанного Закона привело к возникновению ряда трудноразрешимых проблем [Алиев, Курбанов, Юсупова 1994: 18].

По мнению большинства дагестанских экспертов, события, происходящие в 90-е гг. XX в., конца советской эпохи и начала постсоветской были обусловлены неправильной национальной политикой.

«К примеру, тот же самый конфликт по проблеме восстановления Ауховского района или проблема чеченцев-аккинцев в Дагестане, которая стала серьезной проблемой с 1989 года, когда Верховным советом РФ был принят Закон о реабилитации репрессированных народов, согласно которому было положение о восстановлении Ауховского района. Но тот же Закон не отражал интересы других заинтересованных сторон в этой проблеме. А там, как правило выделяли три стороны: чеченцы-аккинцы с их интересами и желанием вернуться на прежние места обитания с восстановлением Ауховского района на месте Новолакского района и части Казбековского района (двух селений Ленинаул и Калининаул). Вторая сторона – лакцы, третья сторона – аварцы. Интересы этих народов там не были учтены, в том числе не были учтены интересы, так называемых, депортированных народов, которые тоже насильственно переселяли после того, как были высланы чеченцы на их места, которые тоже в свою очередь пострадали, согласно историческим источникам, среди переселенных лакцев на места прежнего проживания чеченцев-аккинцев. Из переселенных лакцев за первые годы там погибло 30 % населения.

Сам этот Закон был достаточно провокационным, и он стал одним из детонаторов межэтнических противоречий и конфликтов» – считает эксперт-представитель научного сообщества[1].

Вторым по значимости фактором, способствующим обострению межэтнических отношений в Дагестане, эксперты назвали вопросы, связанные с землями отгонного животноводства. На землях отгонного животноводства практически незаконно возникают целые муниципальные образования, которые числятся за горными территориями.

«Напряженная ситуация, которая возникает в сфере межэтнических отношений в республике, связана с кутанными хозяйствами, где разрослись крупные населенные пункты со школами, медицинскими пунктами и т.д. Но при этом они не имеют статуса населенного пункта, люди жалуются, они не могут прописаться, не могут получить так называемую «зеленку» на жилье. Несколько поколений живут на низменности, а прописаны в горах. Возникает масса вопросов, были коллективные письма в наш адрес, чтобы могли определить статус населенного пункта. Но, к сожалению, это не в нашей компетенции, мы не уполномочены в решении этих вопросов, это уже на уровне федерального центра должны решаться эти вопросы» – считает эксперт-госслужащий[2].

«Следует отметить, что на национальной почве никогда не было конфликтов между народами Дагестана. Но история насчитывает много конфликтов, связанных с имущественными и земельными отношениями. В основном это конфликты, которые лежат в плоскости экономических отношений. Это не межнациональные отношения. Один из показателей состояния межнациональных отношений – это межнациональные браки. И этот

[1] Материалы опроса хранятся в личном архиве автора.
[2] Материалы опроса хранятся в личном архиве автора.

показатель он объективный и характеризует хорошее состояние в межэтнической сфере. У нас также можно отметить о доброжелательном отношении к мигрантам.

Также мы можем отметить об удовлетворенности наличия СМИ на национальных языках народов Дагестана. Они регулярно ведутся. Это тоже достаточно хорошая оценка. В целом состояние не конфликтное, но многие экономические проблемы, имущественные, земельные споры, они могут в конечном счете иметь этническую окраску, маркировку. Чисто экономические проблемы пытаются перевести в плоскость межнациональных конфликтов. Хотя в любых случаях конечно выдвигаются нерешенные проблемы того или иного народа. Одной из них является проблема потери родного языка. Но ведь эта проблема не является специфически дагестанской проблемой. Это международная проблема, везде в мире малые народы теряют свою самобытность, свою культуру, исчезает язык. Требуют совершенствования уровня преподавания родных языков, состояние развития национальной культуры. Эти все проблемы, которые конечно надо решать, и которые требуют определенного времени. В целом если характеризовать, то это позитивное состояние, стабильное, а вызывает опасение лишь проблемы, которые связаны с экономическими, имущественными отношениями. В этом плане предстоит непростая работа. Эта проблема восстановления Ауховского района. Процесс переселения затянулся и обрастает новыми проблемами, связанными с дополнительным финансированием. Растет число жителей, возникают новые семьи, которые тоже требуют отдельного решения» – считает эксперт-представитель научного сообщества[1].

Данные вопросы в целом объективно отражены в публикациях дагестанских ученых. В коллективной монографии исследователей РЦЭИ ДФИЦ РАН дан сравнительный анализ различных территорий (как регионов, так и муниципалитетов) республики, их группировка по характеру проблем и динамике развития межэтнической ситуации; рассмотрен конфликтогенный потенциал территорий, опасных с точки зрения возникновения межэтнической напряженности; исследованы особенности земельных конфликтов; изучено влияние миграционных процессов на характер межэтнических отношений в некоторых многонациональных районах республики [Межэтнические… 2019].

В 2019 г. в дагестанских средствах массовой информации и в социальных сетях бурно обсуждалась проблема, связанная с уточнением границ между Республикой Дагестан и Чеченской Республикой[2]. Основные территориальные претензии были связаны с землями Гумбетовского и Кизлярского районов Дагестана, а также с озером Казеной-Ам.

Пока Советская власть в регионе была сильна, никто не отваживался предъявлять к соседним народам территориальные претензии. После развала СССР нарастает напряженность на границе между Северной Осетией и Чечено-Ингушетией. Ингуши требовали вернуть утраченные после депортации территории. Оформляя распад Чечено-Ингушетии, 4.07.1992 Верховный Совет принимает закон «Об образовании Ингушской Республики…», в котором, однако, остались неопределенными ее границы[3]. В результате в 1992 году произошел

[1] Материалы опроса хранятся в личном архиве автора.

[2] Дагестан и Чечня: на Северном Кавказе снова конфликты по поводу определения границ. URL: https://expertsouth.ru/articles/vlasti-ostanovili-rabotu-po-opredeleniyu-granitsy-mezhdu-dagestanom-i-chechney-posle-konflikta-v-kiz/ (дата обращения: 20.03.2023); Telegram Спросите у Расула: https://web.telegram.org/a/#-1312966964

[3] История границ Ингушетии: 1770-2010-е годы // https://kavkaz-uzel.eu/articles/371750 (дата обращения: 28.06.2022).

кровавый конфликт вокруг Пригородного района, разделяющую Ингушетию и Северную Осетию.

Проблемы земельных отношений спровоцировали межэтнические конфликты между ингушами и чеченцами после того, как осенью 2018 г. главы Чеченской Республики и Республики Ингушетия подписали соглашение об установлении границ между субъектами, по которому, по мнению ингушских активистов, Ингушетия отдавала Чечне много больше территории, чем получала взамен, причём речь шла об исторических ингушских землях.

Новая фаза протестов началась в Ингушетии весной 2019 г., в результате чего силовики впервые стали применять силу против протестующих. Начались массовые репрессии. По данным «Кавказского узла» на начало мая 2020 г. не менее 96-ти активистов подверглись преследованиям, в отношении по меньшей мере 29-ти из них возбуждены уголовные дела[1].

Безусловно, несколько недель или даже месяцев гражданской активности не могут радикально трансформировать социум. Но при этом могут способствовать кристаллизации уже накопленных изменений и послужить их катализатором. Протесты позволили выплеснуться на поверхность тому, что долгое время исподволь накапливалось в обществе. И для многих это оказалось шоком [Северный Кавказ… 2021: 169].

Меры гармонизации межэтнических отношений на Северном Кавказе

Во время интервью эксперты большее внимание уделяли деятельности органов федеральной и местной власти по гармонизации межэтнических отношений. Ниже приведем в обобщенном виде экспертное мнение по поводу того, какие действия должна предпринять федеральная и региональная власть для гармонизации межэтнических отношений на Северном Кавказе.

– Эффективное решение социально-экономических проблем населения.

– Корректировать и сделать более гибкой и продуктивной национальную политику на всех уровнях.

– Прекратить практику кадровой чехарды и временных назначенцев, особенно в многонациональных субъектах.

– Искоренить преступную «клановость» и «наследственность» во властных структурах республик.

– Определить и четко наметить вектор, направленный на формирование в стране основ правового государства и сильного гражданского общества.

– Усилить роль общественных структур и религиозных организаций в решении межэтнических проблем (НКО, сельская община, Духовное управление джамааты и др.)

– В рамках национальной политики проводить конференции, круглые столы, встречи по межэтническим отношениям, и широко и доступно распространять идеи межнационального согласия через различные СМИ.

[1] Протесты в Ингушетии: Хроника передела границы с Чечнёй [Электронный ресурс] // Кавказский узел. 02.06.2020. URL: https://www.google.com/amp/s/amp.kavkaz-uzel.eu/articles/326282/ (дата обращения: 28.06.2022).

– Грамотно и тонко реализовать молодежную политику, т.к. молодежь в основном является активной силой в политических, социально-экономических, идеологических процессах, в том числе и в межэтнических отношениях.

– Использовать положительный исторический опыт мирного сосуществования различных народов на территории региона.

– Взаимодействие органов власти с национальными объединениями с целью стабилизации этнополитической ситуации и профилактики экстремизма и терроризма.

– Поддержка и развитие культуры, обычаев, традиций, языков и т.д., проведение различных культурных мероприятий, например, «Дни Чеченской культуры» в братском Дагестане и т.д.

– Знакомство жителей и гостей нашего региона с историей и бытом народов, проживающих на Северном Кавказе

– В целом, для достижения определенных результатов в данной области необходимо усилия всех заинтересованных сторон, и особенно государственных и общественных институтов.

– Модернизировать отечественную модель федеративных отношений.

– Создание условий для сохранения и развития каждого этноса.

«*Как известно, Дагестан – это многонациональная республика. У нас есть народы количеством 2000 человек в южном Дагестане. Если говорить о межэтнических отношениях, приведем один такой маленький пример. Приняли «Закон о казачестве» у нас в Дагестане. В Народном Собрании республики он не прошел, но через Министерство по национальной политике и делам религий Республики Дагестан его все-таки приняли. Если говорить о казаках, то их, по сравнению с другими народностями малое количество у нас в республике (2000 если наберется во всем Дагестане, уже хорошо). Но это не то количество, на которое можно было уделять избирательное внимание, чтобы принимать отдельно закон по отношению них, освобождать от налогов, выделять другие какие-либо льготы, давать безвозмездные субсидии, выделять земельные участки. У нас есть народности намного меньше по численности, но проблем у которых намного больше. И в отношении них, их национальных черт, было бы более целесообразно выделять денежные средства для сохранения культурных особенностей, создавать какие-то программы на государственном уровне. Но их не создают для дагестанских этнических народов, а пристальное внимание уделяется почему-то казачеству. Ведь у нас есть народности, которые языково-лингвистически вымирают. У нас есть народности, у которых нет письменности. Например, если взять субэтносы аварских народов, которые могут ограничиться одним селом. Пример генухцы, дидойская группа, цезская, языковая общность которых может ограничиться одним селом. То же самое можно отметить и в южном Дагестане. Если взять рутульцев, цахурцев, агульцев, хинаудцев, которые живут в Азербайджане. Их не так и много, но почему-то по поддержке этих народностей не принимаются никакие законы на федеральном уровне. Это тоже в свою очередь влияет на межнациональные отношения. Многие задаются вопросом: «Чем они избирательнее, чем мы?». Поэтому, это очень сложный вопрос*» – отмечает эксперт-госслужащий[1].

Следующий важный момент в урегулировании межэтнических отношений на уровне федеральной и региональной властей является вопрос восстановле-

[1] Материалы опроса хранятся в личном архиве автора.

ния Ауховского района в Дагестане и проблемы, связанные с землями отгонного животноводства.

Большинство экспертов высказали мнение, что единственной объективной проблемой, которая мешает гармонизации межэтнических отношений в самом многонациональном регионе как Дагестан, является проблема восстановления Ауховского района. Сложность решения вопроса заключается в том, что она затрагивает интересы не только дагестанцев, но и представителей Чеченской Республики.

«Здесь нужен комплексный подход. Федеральная власть должна дать, на мой взгляд, какие-то параметры решения этой проблемы. Должна сказать, для нас главное, чтобы не ущемлялись конституционные права граждан, территориальная целостность субъектов Российской Федерации. Вот мы говорим о нерешенности Ауховского вопроса, но вот решили допустим, восстановили в прежних границах 43 года, ситуация гармонизировалась? У меня большие сомнения, что сделай так, как просят и требуют они, наступит там мир и согласие? И вот это видение, что вряд ли наступит гармония и останавливает, на мой взгляд, республиканские в том числе и федеральные власти. Поэтому, что может сделать на сегодняшний день федеральная и региональная власть: федеральная власть должна обозначить рамки, что в пределах вот этих основных принципах, за которые нельзя переступать и дать на рассмотрение региональных властей. А региональные власти на сегодняшний день поступают, на мой взгляд, единственно правильным способом – они эту проблему решают медленно на локальном уровне. Поставить точку по завершению переселения лакцев в Новолакский район региональные власти пока не решаются. И этот этап затянули настолько, насколько можно было его затянуть. Его затягивают за тем, чтобы не перейти на следующий этап решения вопроса Ауховского района. Потому что следующий этап уже предполагает расхождение позиций аварской общины, чеченской общины. Аварская община говорит в части, которая осталась в Казбековском районе, мы остаемся в Казбековском районе, мы ни в какой Ауховский район не войдем. Чеченцы говорят, что мы все должны быть в составе Ауховского района. Наверняка в этом вопросе задействованы коррупционные схемы. Сама суть действия властей такова, оттого что ты сделаешь шаг вперед в деле урегулирования этого конфликта (восстановления Ауховского района), то этот шаг может обернуться катастрофой, значительным ухудшением общественно-политической ситуации», – считает эксперт – представитель научного сообщества[1].

«Как бы это парадоксально не звучало, но решение многих проблем в межэтнической сфере требует увеличения финансирования. Если говорить шире, то конечно предполагается совместная работа многих министерств и ведомств, связанная с решением каких-то культурных проблем. Это, например, улучшение системы преподавания национальных языков. Кроме того, нам нужна системная работа по изучению культуры народов региона для того, чтобы наладить и улучшить состояние межнациональных отношений. Это, прежде всего, просветительская деятельность, это обмен культурными контактами, это работа СМИ. На сегодняшний день приобретает особую важность работа по патриотическому воспитанию. Наши исследования, которые анализируют состояние развития вопросов идентичности, свидетельствуют о том, что степень количества людей, которые идентифицируют себя как россияне и как представители какой-то малой народности увеличивается. То есть мы можем констатировать множественную идентификацию на всех уровнях» – представитель научного сообщества[2].

[1] Материалы опроса хранятся в личном архиве автора.
[2] Материалы опроса хранятся в личном архиве автора.

По мнению большинства экспертов Республики Дагестан, проблемы, связанные с землями отгонного животноводства, можно решить при устранении социально-экономических проблем.

«Эта проблема менее актуальна, чем восстановление Ауховского района. Тем не менее, она тоже способствует эскалации напряжения в межэтнических отношениях. Там образовались целые села, но у них нет правового статуса. На мой взгляд, власть склонна к признанию их. Одна часть кумыков говорит, что их надо признать и передайте равнинным районам, а другая часть кумыков говорит, что их вообще не нужно признавать» – эксперт-представитель научного сообщества[1].

«В первую очередь необходимо работать с молодежью. Внедрить не только в школьную, но и в вузовскую программы идею межэтнической толерантности, углубить знания учащихся о различных народах, культурном многообразии нашей многонациональной и многоконфессиональной страны. Я считаю, что необходимо привить школьникам, студентам и молодежи в целом непринятие интолерантных установок, нетерпимость к идеологии вражды, неонацизма, расизма и т. д. На системной основе проводить тренинги межэтнического взаимодействия для школьников, а также преподавателей и родителей.

Не менее важным, на мой взгляд, является повышение уровня медиаграмотности, под которой подразумевается комплекс знаний и установок, которые позволяют не только получать доступ к необходимой информации, но и анализировать ее, перерабатывать и продуктивно использовать в соответствии с законодательными и этическими нормами.

Неумение объективно оценивать точность и достоверность получаемой информации в комбинации с недоверием к официальным источникам информации является идеальным «полем» для работы сторонников экстремистской идеологии. Молодежь должна научиться должным образом использовать поток информации и ограждать себя от проявлений экстремизма в современном медиапространстве» – считает эксперт – представитель научного сообщества Ингушетии[2].

Заключение

Таким образом, исследование экспертного мнения и массовых опросов показало, что в целом межэтнические отношения на Северном Кавказе развиваются положительно и стабильно.

По результатам массового социологического опроса, проведенного РЦЭИ ДФИЦ РАН в самой многонациональной республике Северного Кавказа - Дагестане, абсолютное большинство дагестанцев (91,3 % из числа опрошенных жителей республики) положительно оценивают состояние межнациональных (межэтнических) отношений в республике.

Традиционно высоким в дагестанском обществе остается и следующий целевой показатель госпрограммы – уровень толерантного отношения к представителям другой национальности. Согласно результатам опроса, данный показатель состояния межэтнических отношений в Дагестане составил 90,5 %.

Доля граждан, отмечающих отсутствие в отношении себя дискриминации по признаку национальной, языковой принадлежности по результатам опроса составила 81 %.

[1] Материалы опроса хранятся в личном архиве автора.
[2] Материалы опроса хранятся в личном архиве автора

В целом состояние этнодистанцированности в этноконтактных зонах республики, характеризует дагестанское общество не просто как толерантное, а как благополучное для межэтнического взаимодействия. Абсолютное большинство респондентов выразило готовность принять людей других национальностей в качестве друзей, соседей, коллег, партнеров по бизнесу, непосредственных руководителей. Также большинство опрошенных жителей республики ответило, что национальная принадлежность другого человека не оказывает на них влияния при решении вопроса о вступлении в брак их родственников (78,7 %) и при их собственном решении вступить в брак (74,5 %)[1].

Несмотря на вышеизложенное, в регионе можно отметить наличие «застарелых» конфликтогенных факторов, среди которых наиболее сложными являются территориально-земельные проблемы. По мнению большинства экспертов, исторически не существовало на территории региона конфликтов исключительно по национальному признаку. А те социально-экономические, имущественные и земельные проблемы, которые возникают в регионе, далее перерастают в межэтнические.

Эксперты из Республики Дагестан среди основных факторов, обостряющих межэтнические отношения выделили проблему восстановления Ауховского района и земельные вопросы.

Ответы участников экспертных интервью позволяют систематизировать факторы, обостряющие межэтнические отношения в регионе следующим образом:

– территориальные изменения в границах (уходящие в советский период);

– последствия, связанные с восстановлением прав репрессированных, депортированных и разделенных народов;

– миграционные процессы;

– слабое развитие экономики;

– стихийное переселение горцев на равнину;

– геополитические факторы (повтор с. 10).

В экспертном докладе о состоянии межэтнических отношений и религиозной ситуации в субъектах РФ Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) отмечается, что в регионе сохраняется выраженная этническая и конфессиональная дифференциация сообществ, присутствует скрытый конфликтогенный потенциал отношений этнических групп, который проявляется в территориальной, экономической, политической конкуренции [Этноконфессиональная… 2018].

На основе проведенного исследования можно утверждать, что межэтнические отношения на Северном Кавказе становятся центром притяжения конфликтных настроений населения, вызванных социально-экономическими и имущественно-земельными проблемами. В этой связи необходима система мер по нейтрализации причин и условий, способствующих возникновению конфликтов.

[1] Отчет о выполнении государственного контракта № 22 от 13 апреля 2022 года …

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адиев 2022 – *Адиев А.З.* Мониторинговые исследования этнополитических процессов в регионах России: методы власти и научного сообщества // Власть. – 2022. № 3. – С. 17-24.

Аккиева 2019 – *Аккиева С.И.* К вопросу межкультурного и межэтнического взаимодействия народов Северного Кавказа // Актуальные проблемы истории народов Северного Кавказа. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. Издательство: Общество с ограниченной ответственностью "АЛЕФ" (Махачкала), 2019. – С. 6-13.

Алиев, Курбанов, Юсупова 1994 – *Алиев А.К., Курбанов М.Р., Юсупова Г.И.* Чеченцы-аккинцы Дагестана: к проблеме реабилитации. – Махачкала: Типография Дагестанского научного центра РАН, 1994. – 60 с.

Апажева, Мамсиров 2021 – *Апажева С.С., Мамсиров Х.Б.* Межнациональные отношения в молодежной среде Кабардино-Балкарской Республики // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 2. – С. 135-153.

Межэтнические… 2019 – Межэтнические отношения в Республике Дагестан: политологический анализ, проблемы и перспективы. Коллективная монография. – Махачкала: РЦЭИ ДФИЦ РАН, 2019. – 380 с.

Северный Кавказ… 2021 – Северный Кавказ: общество в регионе, стране, мире. Сб. ст./ред. Д. Соколов. – Киев: Лаурус, 2021 г. – 272 с.

Тетуев 2017 – *Тетуев* А.И. Проблемы институциализации государственной национальной политики Российской Федерации // Вестник института ИАЭ. – 2017. – № 1. – С. 36–45.

Тетуев 2020 – *Тетуев А.И.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2020. – 224 с.

Этноконфессиональная… 2018 – Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа. Первое полугодие 2018 г. / Экспертный доклад. Научное издание. – Ставрополь: СКФУ, 2018. – 168 с.

REFERENCES

ADIEV A.Z. *Monitoringovye issledovanija jetnopoliticheskih processov v regionah Rossii: metody vlasti i nauchnogo soobshhestva* [Monitoring studies of ethnopolitical processes in the regions of Russia: methods of power and the scientific community]. In: Vlast'. – 2022. № 3. – P. 17-24. (In Russ.).

AKKIEVA S.I. *K voprosu mezhkul'turnogo i mezhjetnicheskogo vzaimodejstvija narodov Severnogo Kavkaza* [On the issue of intercultural and interethnic interaction of the peoples of the North Caucasus]. In: Aktual'nye problemy istorii narodov Severnogo Kavkaza. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Izdatel'stvo: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju "ALEF" (Mahachkala), 2019. – P. 6-13. (In Russ.).

ALIEV A.K, KURBANOV M.R, JUSUPOVA G.I. *Chechency-akkincy Dagestana: k probleme reabilitacii* [Chechens-Akkins of Dagestan: to the problem of rehabilitation]. – Mahachkala: Tipografija Dagestanskogo nauchnogo centra RAN, 1994. – 60 p. (In Russ.).

APAZHEVA S.S., MAMSIROV H.B. *Mezhnacional'nye otnoshenija v molodezhnoj srede Kabardino-Balkarskoj Respubliki* [Interethnic relations among the youth of the Kabardino-Balkarian Republic]. In: Kavkazologija. – 2021. – 2. – P. 135-153. (In Russ.).

Mezhjetnicheskie otnoshenija v respublike dagestan: politologicheskij analiz, problemy i perspektivy [Interethnic relations in the Republic of Dagestan: political analysis, problems and prospects]. Kollektivnaja monografija. – Mahachkala: RCJeI DFIC RAN, 2019. – 380 p. (In Russ.).

Severnyj Kavkaz: obshhestvo v regione, strane, mire [North Caucasus: society in the region, country, world]. Sb. st./red. D. Sokolov. – Kiev: Laurus, 2021 g. – 272 p. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Problemy institucializacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii* [Problems of institutionalization of the state national policy of the Russian Federation]. In: Vestnik instituta IAJe. – 2017. – № 1. – P. 36–45. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Jetnopoliticheskie processy na Severnom Kavkaze v postsovetskij period* [Ethnopolitical processes in the North Caucasus in the post-Soviet period]. – Nal'chik: Izdatel'skaja tipografija «Print Centr», 2020. – 224 p. (In Russ.).

Jetnokonfessional'naja situacija v sub'ektah Rossijskoj Federacii Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga [Ethno-confessional situation in the subjects of the Russian Federation of the North Caucasian Federal District]. Pervoe polugodie 2018 g. / Jekspertnyj doklad. Nauchnoe izdanie. – Stavropol': SKFU, 2018 g. – 168 p. (In Russ.).

Информация об авторах

М.А. Магомедова – кандидат философских наук.

Information about the author

M.A. Magomedova – Candidate of Sciences (Philosophy).

Статья поступила в редакцию 16.03.2023 г.; одобрена после рецензирования 28.04.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 16.03.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 339.9
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-357-368
EDN: XYSIRW

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В КОНТЕКСТЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Игорь Миронович Узнародов[1], Виктор Викторович Клочков[2]
[1] Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия
[2] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
[1] iguz2010@yandex.ru
[2] vicpeel@mail.ru

Аннотация. XXI век стал временем, когда в Европейском союзе уделяли много внимания переходу к зелёной экономике на базе энергетики, которая должна быть эффективной и не приносить вреда природе. Но, несмотря на предпринимаемые усилия, в 2021 г. на европейском континенте начался энергетический кризис, вызванный поспешной заменой углеводородных энергоносителей на возобновляемые источники энергии и резким отказом от атомной энергетики. Ситуацию существенно ухудшили антироссийские санкции и запреты на импорт российских энергоносителей.

В статье показаны основные вехи общей политики ЕС в отношении государств Южного Кавказа в XXI веке, рассматриваются планы руководства Евросоюза по использованию энергоресурсов Южного Кавказа для вывода энергетического сектора из нынешнего кризиса.

Анализируются экспортные возможности Азербайджана в части энергоносителей, а также роль Грузии и Турции в качестве государств-транзитёров. Выявлено наличие серьёзных проблем, связанных с пропускными мощностями существующих нефте- и газопроводов. Сделан вывод о том, что азербайджанские энергоносители не смогут заменить российские в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: Азербайджан, газ, Европейский союз, Турция, энергетический кризис, импорт энергоносителей, Южный Кавказ

Для цитирования: Узнародов И.М., Клочков В.В. Европейский союз и Южный Кавказ в контексте энергетического кризиса // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 357-368. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-357-368. EDN: XYSIRW.

© Узнародов И.М., Клочков В.В., 2023

Original article

THE EUROPEAN UNION AND THE SOUTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF THE ENERGY CRISIS

Igor M. Uznarodov[1], Viktor V. Klochkov[2]
[1] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia
[2] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
[1] iguz2010@yandex.ru
[2] vicpeel@mail.ru

Abstract. The XXI century has witnessed the European Union's heightened focus towards transitioning to an eco-friendly economy rooted in energy sector that is both efficient and environmentally sustainable. In spite of the ongoing efforts, an energy crisis commenced on the European continent in 2021. This was caused by the swift substitution of hydrocarbon energy carriers with renewable energy sources and the sudden cessation of nuclear energy. The situation has been significantly worsened by anti-Russian sanctions and bans on the import of Russian energy carriers.

The article shows the main milestones of the EU's general policy towards the states of the South Caucasus in the XXI century, discusses the plans of the EU leadership to use the energy resources of the South Caucasus to bring the energy sector out of the current crisis. Azerbaijan's export opportunities in terms of energy carriers are analyzed, as well as the role of Georgia and Turkey as transit states. The presence of serious problems related to the capacity of existing oil and gas pipelines has been revealed. It is concluded that Azerbaijani energy carriers will not be able to replace Russian ones in the near future.

Keywords: Azerbaijan, gas, European Union, Turkey, energy crisis, energy imports, South Caucasus

For citation: Uznarodov I.M., Klochkov V.V. The European Union and the South Caucasus in the Context of the Energy Crisis. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 357-368. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-357-368. EDN: XYSIRW.

© Uznarodov I.M., Klochkov V.V., 2023

В XXI столетии человечество добилось впечатляющих успехов в своём развитии. Но сохранение достигнутого целиком и полностью зависит от объёмов потребляемой энергии. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о перспективах нашей цивилизации отмечено, что важнейшим условием для процветания и благополучия людей является всеобщий доступ к недорогому, надёжному и современному энергоснабжению. Без этого невозможен экономический, социальный и технический прогресс[1].

Однако обеспечить необходимое энергопотребление непросто. К тому же сегодня ситуация осложнилась энергетическим кризисом в Восточной Азии и в Европе, а также последствиями антироссийских санкций Запада, принятых после начала специальной военной операции России на Украине. Поэтому вопросы политики в сфере энергетики, которую проводят ведущие мировые производители, привлекают экспертов и исследователей. Ими применяются различные подходы к анализу энергетической политики, включая идеи в духе неореализма, неолиберализма и конструктивизма. Нам ближе конструктивистская позиция, согласно которой на энергетическую политику государства влияют разные факторы, а обеспечение энергетической безопасности является реакцией на внешние условия [Узнародов 2022: 8-10].

Так получилось, что несмотря на наличие энергоресурсов на европейском континенте, страны-члены Европейского союза вынуждены в наши дни импортировать примерно 60 % необходимых энергоносителей. Если не найти решения проблемы, то к 2030 г. эта доля может вырасти до 70 %, что станет уже серьёзным вызовом энергобезопасности ЕС. Поэтому в руководящих структурах

[1] Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций от 15 сентября 2015 года. URL: https://www.un.org/ga/search/viewdoc.asp?symbol=a/res/70/1&lang=r (дата обращения 07.03.2020).

Евросоюза и в отдельных государствах уделяют особое внимание энергетической политике и её составляющим, в том числе развитию альтернативных источников энергии и энергосберегающих технологий [Большая Европа 2014: 279-280].

В статье предпринята попытка рассмотреть роль государств Южного Кавказа в планах Брюсселя по обеспечению интеграционного пространства энергоресурсами и выходу из сложной ситуации, сложившейся в энергетическом секторе Европейского союза.

После вступления в силу Маастрихтского договора (1993) энергетическая политика стала важнейшим направлением в деятельности ЕС. В 2015 г. было объявлено о намерении создать Энергетический союз с целью обеспечить всем странам-членам ЕС устойчивое энергоснабжение, а также переход к зелёной экономике на базе безопасной, низкоуглеродной энергетики и единой системы закупок природного газа. В 2019 г. курс руководства ЕС получил продолжение в виде программного документа, который назвали «Европейским зелёным соглашением» (European Green Deal – EGD)[1]. Он включал перечень мер и мероприятий, призванных сделать территории стран-членов к 2050 г. углеродонейтральными, что означало сокращение промышленных выбросов CO_2 практически до нуля. Особая роль в этих планах отводилась реорганизации энергетики, переходу на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) вместо традиционных и привычных углеводородов.

Зелёное соглашение получило хорошую прессу, что способствовало его претворению в жизнь. Но в 2021 г. в мире разразился энергетический кризис, который продолжается и сегодня. Возникла ситуация, которую мало кто предвидел.

Всё началось в Японии, где уже в январе резко вырос спрос на газ из-за аномально холодной погоды. Но его не хватало, поэтому энергетические компании увеличили потребление угля. На европейском континенте начало года также оказалось морозным и снежным. ВИЭ не выручили. Тысячи ветряных генераторов и солнечных батарей, с которыми связывали переход к зелёной энергетике, не смогли работать из-за снега, обледенения и безветрия. Оказалось, что развитые постиндустриальные государства по-прежнему зависят от традиционных углеводородных источников энергии. Повышенная потребность в энергоносителях привела к существенному росту цен на них и на производимую с их помощью электроэнергию. Так начался энергетический кризис, распространившийся не только на государства Восточной Азии, но и на страны-члены Европейского союза, а в центре событий оказался природный газ.

Следует отметить, что потребление газа на европейском континенте к этому моменту достигло 400 млрд кубометров (9,75 % от общемирового потребления). Безусловным лидером среди его поставщиков в страны-члены ЕС была Россия, которая продала туда в 2018 г. около 200 млрд кубометров газа и столько же в 2019 г. В 2020 г. в связи пандемией коронавируса поставки существен-

[1] The European Green Deal. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. COM (2019) 640 final. Brussels, 11.12.2019. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/european-green-deal-communication-en.pdf (дата обращения: 12.01.2022).

но сократились, но в 2021 г. российские газовые компании обеспечили около 45 % общего импорта газа в европейские страны, что составило 155 млрд кубометров (140 млрд кубометров по трубопроводам и 15 млрд кубометров в виде сжиженного природного газа) [Дятел 2022: 7].

Энергетические проблемы, включая снижение цен на голубое топливо, можно было решить в принципе, если бы европейские партнёры запустили в эксплуатацию газопровод «Северный поток-2». Компания Газпром подтвердила готовность предоставить дополнительные объёмы газа. Но политические элиты Германии решили по-другому, вопреки интересам местного бизнеса. Интересы Вашингтона оказались важнее. Начало эксплуатации газопровода всячески затягивалось, а потом западные спецслужбы осуществили его подрыв.

В следующем году энергетический кризис продолжился, но появились новые обстоятельства. Безответственная и антигуманная политика украинского руководства в отношении населения Донбасса, а также угрозы национальной безопасности вынудили Россию начать 24 февраля 2022 г. специальную военную операцию по денацификации и демилитаризации Украины, ответом на которую стали новые антироссийские санкции коллективного Запада (предыдущие начали вводить после вхождения Крыма в состав Российской Федерации). Руководители Евросоюза под сильным давлением администрации Дж. Байдена активно включились во враждебные России действия, которые затронули и импортируемые из нашей страны энергоресурсы. Иначе, как самоубийственным, такой курс назвать трудно, поскольку на мировом газовом рынке действуют долгосрочные контракты и больших свободных объёмов газа для замещения российского просто нет.

В начале марта 2022 г. Международное энергетическое агентство (МЭА), предоставляющее информационные и консалтинговые услуги странам-импортёрам энергоносителей, опубликовало «План из 10 пунктов по снижению зависимости Европейского союза от российского природного газа», который и был использован Брюсселем для соответствующего заявления[1]. В документе предлагалось отказаться от заключения новых контрактов с российскими газовыми компаниями, увеличить объёмы закупаемого сжиженного природного газа (СПГ), заполнить подземные хранилища голубого топлива на 90 % к началу отопительного сезона, временно приостановить вывод из эксплуатации реакторов атомных электростанций, при необходимости расконсервировать электростанции, работающие на угле, и даже начать вырабатывать электроэнергию, сжигая мазут и дизтопливо. Эксперты МЭА полагали, что в течение года вполне можно было бы сократить закупки российского газа более, чем на треть, а в будущем – полностью отказаться от него. Как тут не вспомнить энергетические проблемы Евросоюза и широко разрекламированные планы перехода к зелёной энергетике?

Позднее на основе предложений МЭА был составлен более подробный план Европейской Комиссии по отказу от импорта российских угля, нефти и га-

[1] A 10-Point Plan to Reduce the European Union’s Reliance on Russian Natural Gas. URL: https://www.iea.org/reports/a-10-point-plan-to-reduce-the-european-unions-reliance-on-russian-natural-gas (дата обращения: 10.03.2022).

за к 2030 году, получивший название REPowerEU. Предполагалось, что государства-члены ЕС полностью откажутся от импорта угля из России с 10 августа 2022 г., от нефти – с 2023 г., а также в три раза сократят закупку российского газа до конца 2022 г.

Государствам-членам ЕС предлагалось заключать контракты на поставку СПГ с нероссийскими компаниями, а также нарастить собственное производство энергии с использованием ВИЭ и возобновляемого водорода. Среди возможных поставщиков газа назвали Катар, Алжир и Азербайджан.

Отметим, что в 90-е годы XX столетия черноморско-кавказское направление международной политики Европейского союза ещё не получило приоритетного значения. Однако уже тогда оно начало привлекать внимание в связи с перспективами торгово-экономического сотрудничества и логистическими особенностями. Через Турцию и государства Южного Кавказа можно было получить доступ к энергетическим ресурсам Каспийского региона, Центральной Азии и Ирана, что обусловило проработку планов строительства и эксплуатации нефте- и газопроводов [Гаджиев 2003: 375-379]. Причиной этого было то, что государства-члены ЕС не обеспечивали себя необходимыми энергоносителями. В XXI в. ситуация не изменилась, а устойчивое развитие Союза стало ещё больше зависеть от надёжности энергоснабжения.

Независимые эксперты американской Службы энергетической информации считают, что Каспийский регион располагает разведанными запасами нефти в 48 млрд баррелей и 8,76 трлн кубометров природного газа. Однако южная часть шельфа Каспийского моря исследована недостаточно из-за споров Азербайджана, Ирана и Туркмении по поводу морских границ. В то же время имеющиеся прикидки показывают, что в регионе можно рассчитывать на дополнительные 20 млрд баррелей нефти и 7,3 трлн кубометров газа[1]. Данные запасы, тем не менее, несопоставимы с запасами стран Персидского залива или России. Но выгодное географическое положение и близость к европейскому континенту повышают интерес к Прикаспию в плане энергоснабжения Европы.

В 2003 г. в «Европейской стратегии безопасности» в качестве одной из основных задач определили развитие сотрудничества с государствами, находившимися к востоку от Евросоюза, что предполагало проведение новой политики в Черноморском регионе и на Южном Кавказе[2]. С тех пор этому направлению внешнеполитической деятельности ЕС начали придавать всё большее значение на фоне роста зависимости от российских энергоресурсов. По мере охлаждения отношений с нашей страной под воздействием США в Евросоюзе усиливалось стремление к диверсификации поставок энергоносителей, а страны региона заняли своё место в соответствующих планах.

В рамках объявленной в 2004 г. «Европейской политики соседства» было расширено взаимодействия с Турцией, Азербайджаном, Арменией и Грузией в области безопасности и экономического развития. После вступления в Евросо-

[1] U.S. Energy Information Administration. URL: https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=12911 (дата обращения: 11.01.2023).
[2] A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/st-15895-2003-int/en/pdf (дата обращения: 11.05.2019).

юз Болгарии и Румынии в январе 2007 г. политика ЕС в Черноморском регионе получила дополнительную мотивацию, а в 2009 г. страны Южного Кавказа подключили к проекту «Восточное партнёрство». Однако стремление навязать свои правила при одновременной недооценке цивилизационных особенностей региона привели к весьма ограниченным результатам.

Главной задачей Восточного партнёрства стала подготовка условий для заключения Соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Грузия, с которой сложились наиболее тесные и позитивные отношения, подписала его в июне 2014 г. ЕС превратился в главного торгового партнёра Грузии, на долю которого приходится более 30 % всей торговли страны. ЕС предоставляет ей техническое и финансовое содействие, помогает в создании рабочих мест и фермерских кооперативов. Армения, оставаясь членом Евразийского экономического союза, не пошла на ассоциацию с ЕС, но продолжая политику многовекторности, сотрудничает ним в сфере инвестиций и торговли. Что касается Азербайджана, то он также не подписал Соглашение об ассоциации, сохраняя с ЕС важные для него торгово-экономические отношения. Его позиция объясняется самодостаточностью, основывающейся на наличии в стране значительных энергоресурсов. Особо подчеркнём, что ЕС остаётся самым крупным инвестором в азербайджанский нефтяной сектор [Узнародов 2019: 38-47].

Оценивая проводившуюся политику партнёрства на Южном Кавказе, можно сделать вывод о том, что не все поставленные цели были достигнуты. Однако Европейский Союз сумел увеличить своё экономическое присутствие в регионе и обеспечил себе весьма благоприятные условия для импорта столь необходимых энергоносителей. При этом в обнародованном в 2016 г. документе о глобальной стратегии и политике безопасности уже прямо говорится, что интересы Европейского союза простираются до Средней Азии включительно и предусматривают создание благоприятной торгово-экономической периферии на территориях бывших советских республик[1]. Из текста далее следует, что Стратегия ориентирована на ресурсы стран-участниц «Восточного партнёрства» и извлечение максимальной выгоды из торговли с ними.

К сожалению, с 2014 г. политика Евросоюза на Южном Кавказе начала приобретать недружественные по отношению к России черты. Брюссель открыто назвал нашу страну вызовом в регионе и способствовал усилению конфликтного потенциала. Позиции России и Евросоюза в регионе вступили в противоречие, а их политическая риторика в отношении региональных проблем стала носить всё более конфронтационный характер [Айвазян 2022: 38-55].

Помимо этого, нужно иметь в виду и процессы создания Евразийским экономическим союзом Единого рынка нефти и нефтепродуктов, а также Единого рынка газа, в которых участвуют Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия. Эти процессы в современных условиях могут серьёзно усложнить Евросоюзу решение энергетических задач.

[1] Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. Brussels, 2016. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 09.04.2018).

Следует отметить, что главным игроком на энергетическом поле Южного Кавказа по-прежнему остаётся Азербайджан, где добывали нефть в промышленных масштабах ещё в XIX в. И сегодня там имеются не только большие запасы углеводородов (доказанные запасы нефти составляют примерно 1 млрд т и газа – 2,1 трлн. м^3), но и возможности для их транспортировки на европейский энергетический рынок. К тому же следует учесть, что через территорию страны возможен транзит весьма серьёзных объёмов энергоносителей из Казахстана и Туркмении. В целом экспортные возможности Азербайджана, Казахстана и Туркмении оцениваются в 112-115 млн т нефти и 44-45 млрд кубометров газа, что немало в плане диверсификации поставок[1]. Важное значение также отводится и Грузии в качестве транспортного коридора для энергоресурсов.

Активизируясь на кавказско-прикаспийском направлении, брюссельские стратеги учитывали изменения, которые там произошли после распада СССР. Новые государства с самого начала показали заинтересованность во взаимодействии с западными нефтегазовыми компаниями и в ослаблении зависимости от России, а Казахстан и Туркмения считают для себя приоритетным экспорт углеводородов через Южный Кавказ.

В Азербайджане использовали для этого как кавказское направление – нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан и газопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум, – так и нефтепровод Баку-Новороссийск через российскую территорию. Однако со временем объёмы прокачки нефти в Новороссийск начали уменьшаться. В итоге экспорт через Россию был прекращён, и кавказское направление стало главным.

В экспорте газа в текущем столетии Азербайджан опирался на поддержку Турции. В результате в 2013 г. приняли решение о начале строительства Трансадриатического газопровода, который открыл путь азербайджанскому газу на европейский рынок. Большое значение приобрёл и Трансанатолийский газопровод, позволяющий доставлять голубое топливо через турецкую территорию в страны Южной Европы. Таким образом Турция превратилась в важнейшую газовую транспортную артерию, а Азербайджан получил надёжный маршрут для экспорта энергоносителей на Запад. Но при этом Баку попал в зависимость от Анкары, которая усилила влияние на энергетическую политику Азербайджана [Жильцов 2020].

Интересно, что, сделав ставку на Турцию, руководители Азербайджана стараются проводить взвешенную политику в отношении России, учитывая не только её роль в Карабахском конфликте. Масштабные планы по расширению экспорта газа на европейский континент невозможно быстро реализовать – необходимы новые инвестиции в газовый сектор и расширение пропускной способности газопроводов. К тому же Турции с каждым годом требуется всё больше голубого топлива, и Баку пока не может удовлетворить имеющийся спрос. Поэтому в июле 2021 г. было подписано соглашение о поставках российского газа в Азербайджан, что позволит, с одной стороны, наращивать азербай-

[1] Сендеров С.М., Юсифбейли Н.Ю., Рабчук В.И., Насибов В.Х., Воробьев С.В., Ализаде Р.Р. Геополитика на шельфе Каспия и её влияние на добычу Азербайджана // Энергетическая политика. URL: https://energypolicy.ru/s-v-senderov-n-a-yusifbejli-v-i-rabchuk-v/regiony/2020/12/10 (дата обращения: 09.04.2022).

джанский экспорт, а с другой, – сохранить дополнительные объёмы газа на зимний период, когда его потребление внутри республики возрастает.

К этому следует добавить и то, что Баку весьма сдержанно реагирует на специальную военную операцию России на Украине, хотя там проживает почти полумиллионная национальная диаспора, многие представители которой уже возвратились домой. Руководство Азербайджана, по примеру Турции, старается поддерживать связи с Москвой, стремясь получить соответствующую экономическую выгоду[1].

Следует подчеркнуть, что планы Брюсселя по замене российских нефти и газа энергоресурсами из Прикаспия невозможно осуществить без Турции, занимающей ключевую логистическую позицию и являющуюся официальным кандидатом на вступление в ЕС с 1999 г. Руководители ЕС отводят ей важную роль в качестве транспортного коридора для нефти и газа из Каспийского региона и Ближнего Востока, что соответствует курсу Брюсселя на диверсификацию источников энергоресурсов. Так появился проект, который назвали «Южным газовым коридором» (ЮГК). Замысел его авторов заключался в том, чтобы создать единую сеть газопроводов для обеспечения транспортировки голубого топлива из Азербайджана, Туркмении и Ирана через территорию Турции в Грецию и Италию. Помимо газопроводов предполагалось построить и несколько терминалов сжижения газа[2].

Но, как оказалось, реализация проекта осложнилась из-за непростых отношений Евросоюза и Турции. Дело не только в весьма туманных перспективах вступления последней в ЕС и проблемах беженцев из стран Ближнего Востока. Последнее время их омрачают и серьёзные разногласия, вызванные открытием в 2009-2011 гг. в Восточной Средиземноморье достаточно богатых месторождений природного газа. Руководители стран-членов ЕС сразу же проявили интерес к новым месторождениям газа и открывшимся возможностям его импорта, а крупные компании подключились к работам на шельфе Израиля, Египта и Кипра. Что же касается Турции, то её значение важнейшей артерии транспортировки газа в Европу оказалось под угрозой. Действительно, мощность построенного в 2015-2018 гг. Трансанатолийского газопровода из Азербайджана через Грузию и Турцию к греческой границе составила 16 млрд кубометров газа в год, а его продолжение – Трансадриатический газопровод – в состоянии принимать только 10 млрд кубометров. Такие объёмы вдвое меньше поставок сжиженного природного газа из трёх названных стран через специально построенный хаб в Египте.

Отстаивая свои интересы турецкое правительство заявило о претензиях на часть кипрских месторождений, ссылаясь на права Турецкой Республики Северного Кипра, находящейся под его контролем, однако правительство Республики Кипр расценило такие претензии как незаконные. Тем не менее, турецкие

[1] Бордачёв Т. Кризис в Европе повышает ценность постсоветского пространства // Взгляд. URL: https://vz.ru/opinions/2022/3/9/1147631.html (дата обращения: 10.03.2022).
[2] Михайленко В.И. Турция, ЕС, Россия: дипломатия энергоресурсов. – РСМД, 2015. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments-/analytics/turtsiya-es-rossiya-diplomatiya-energoresursov/ (дата обращения: 09.04.2022)

компании начали в районе Эгейского моря геологоразведочные работы, что обострило и без того напряжённые отношения с Грецией, которая считает этот район своей исключительной экономической зоной. С 2018 г. активность геологоразведчиков поддерживается турецкими военными кораблями. В связи с этим Европейская Комиссия выступила с заявлением, в котором говорится о недопустимости угроз и враждебных действий в отношении государств-членов ЕС[1].

После официальной подачи жалобы на Анкару в Брюссель Грецией и Кипром в 2019 г., Евросоюз ввёл санкции в отношении компаний и отдельных турецких граждан, причастных к незаконным работам на шельфе вблизи острова Кипр. Объявленные санкции включили заморозку финансовых активов и запрет на поездки в страны ЕС. Турецкая сторона не согласилась с таким подходом и продолжила геологоразведочные работы на шельфе. В результате санкции были расширены и регулярно продлеваются Брюсселем до сих пор.

В данном контексте увеличение поставок азербайджанских энергоресурсов будет во многом зависеть от того, удастся ли Брюсселю наладить конструктивные отношения с Анкарой. Наиболее насущными для Евросоюза в данный момент являются поставки газа, но не вполне понятно, как нарастить мощность Трансадриатического газопровода и как расширить возможности по сжижению природного газа на турецкой территории, чтобы доставлять СПГ морем. Это требует значительных финансовых вливаний и выполнения большого объёма инженерно-строительных работ.

Есть и ещё одна проблема, которая может повлиять на отношения Брюсселя и Баку – Карабахский конфликт. После Второй Карабахской войны 2020 г. премьер-министр Армении Н. Пашинян взял курс на помощь Запада в деле обеспечения безопасности страны. По мнению экспертов, сегодня этот поворот завершён. Ереван подверг критике Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) за отсутствие помощи в конфликте с Баку и демонстративно отказался принимать военные учения ОДКБ на своей территории, хотя и входит в состав этой организации. При этом в феврале 2023 г. в Армению прибыла наблюдательная миссия Евросоюза численностью 100 человек. Официально все они – гражданские лица, но половина из них прибыла с оружием. Миссия проводит патрулирования на границе Армении и Азербайджана, обозначая присутствие ЕС в регионе[2].

Пашинян делает ставку на Францию, где традиционно сильно армянское лобби. Однако есть большие сомнения, что Евросоюз будет воевать с азербайджанцами за армян. Да и весьма сомнительно выглядят гарантии со стороны миссии сохранению статус-кво на границе с Азербайджаном. К тому же в сложившейся ситуации Баку может утратить желание нарастить поставки своих энергоносителей в страны-члены ЕС.

Тем временем, весной 2022 г. начался энергетический диалог Азербайджана и Евросоюза, заинтересованность в котором проявили обе стороны. На фоне об-

[1] Телеканал RT. URL: https://russian.rt.com/world/article/493913-gas-sredizemnomoryie-konflikt (дата обращения: 07.02.2021).
[2] Степушова Л. Армения стоит на грани превращения во вторую Украину // Правда. URL: https://www.pravda.ru/world/1805258-armenia_antirussia/ (дата обращения: 01.03.2023).

суждений журналисты обратили внимание на далёкие от реалий высказывания азербайджанского президента о возможности обеспечить энергетическую безопасность ЕС и заменить весь российский газ, продававшийся в Европу. О таких разведанных запасах голубого топлива в республике никто никогда не слышал, не говоря уже о самой добыче. Может быть, это прозвучало, чтобы умерить пыл Европейского парламента, депутаты которого осудили уничтожение Азербайджаном армянских культурно-исторических памятников в Карабахе[1].

После соответствующей подготовки в июле 2022 г. председатель Европейской Комиссии У. фон дер Ляйен посетила с официальным визитом Баку, где она и президент Азербайджана И. Алиев подписали совместный Меморандум об энергетическом сотрудничестве, объявлявший о расширении Южного газового коридора. Согласно документу, поставки трубопроводного газа в Европу вырастут в 2023 г. до 12 млрд кубометров, а к 2027 г. – до 20 млрд кубометров в год. В дополнении к этому стороны договорились о взаимодействии по сокращению выбросов парниковых газов и в сфере возобновляемых источников энергии, а также обсудили вопрос о заключении нового двустороннего соглашения по развитию связей в экономической области[2].

Интересно, что ЮГК, который занимает центральное место в реализации планов Евросоюза, вывели из-под действия Третьего энергопакета, разрешающего компаниям-производителям газа заполнять трубопровод своим газом только на 50 %. Газпром так и не смог изменить ситуацию, хотя другого газа для Северного потока-1 не имелось, а вопрос возник задолго до СВО на Украине. Азербайджанская же компания SOCAR в аналогичном случае получила разрешение заполнять газопровод полностью. Можно лишь удивляться двойным стандартам руководящих политиков ЕС и их действиям во вред собственным потребителям!

После организованных западными спецслужбами взрывов на газопроводах Северный поток-1 и Северный поток-2 в условиях существенного сокращения поставок российского газа в 2022 г. Азербайджан сумел нарастить экспорт своего газа. Поставки в европейские страны составили 11,4 млрд кубометров, показав увеличение на 39 %. Но такие объёмы и близко не приближаются к тем, которые обеспечивали российские газовые компании. В планах на 2023 г. – увеличение газового экспорта Азербайджана и выход на показатели, превышающие 24 млрд кубометров в год. Из них на долю стран-членов ЕС придётся около половины[3].

Если оценивать сложившееся положение с заменой российского газа для европейских потребителей, то азербайджанское голубое топливо не может принципиально что-то изменить. Государствам-членам ЕС требуется найти по-

[1] Российское новостное интернет-издание EurAsia Daily. URL: https://eadaily.com/s/ru/news/2022/03/10/evroparlament-obrushilsya-na-azerbaydzhan-rezolyuciey-ob-armyanskom-nasledii-v-karabahe (дата обращения: 20.03.2022).

[2] Белова Л. Игра Алиева. Что стоит за обещанием Баку помочь Европе с газом // Сайт «Политика сегодня». URL: https://polit.info/23544882-igra_alieva_chto_stoit_za_obeschaniem_baku_pomoch_evrope_s_gazom (дата обращения: 20.07.2022).

[3] Армянское информационное агентство News.am. URL: https://news.am/rus/news/750974 (дата обращения: 23.03.2022).

ставщиков 50-60 млрд кубометров газа, чтобы решить все проблемы в 2023 г., но сделать это трудно, поскольку крупные объёмы голубого топлива расписаны на годы вперёд.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Европейский Союз развил значительную активность в Черноморском регионе и на Южном Кавказе в плане обеспечения энергоресурсами и придавал этому направлению в XXI в. достаточно большое значение. Однако, несмотря на успехи проводимой политики и укрепление экономических позиций в регионе, в настоящий момент принципиально изменить ситуацию и полностью заместить энергоносители, которые государства-члены ЕС получали из России, невозможно. Для существенного увеличения поставляемых из Прикаспия в ЕС объёмов газа, в частности, необходимы внушительные капиталовложения и выполнения значительного объёма инженерно-строительных работ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Айвазян 2022 – Айвазян А.С. Политика ЕС в государствах Южного Кавказа: демократия, безопасность, благосостояние? – М.: Ин-т Европы РАН, 2022. – 156 с. – (Доклады Института Европы; № 389).

Большая Европа 2014 – Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / под общ. ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. – М.: Весь мир; Ин-т Европы РАН, 2014. – 704 с.

Гаджиев 2003 – Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М.: Международные отношения, 2003. – 464 с.

Дятел 2022 – Дятел Т. Европа импортозамещает «Газпром» // Коммерсантъ. – № 38 от 04.03.2022.

Жильцов 2020 – Жильцов С.С. Энергетическая политика прикаспийских государств: итоги и новые вызовы // Геоэкономика энергетики. – 2020. – № 4 (12). – С. 25-39.

Узнародов 2019 – Узнародов И.М. Политика Европейского союза на Южном Кавказе: «Восточное партнёрство» // Большой Кавказ-Россия-Европа: пространство диалога и сотрудничества. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство ЮФУ, 2019. – 290 с.

Узнародов 2022 – Узнародов И.М. Энергетическая политика Европейского союза. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2022. – 148 с.

REFERENCES

AJVAZJAN A.S. *Politika ES v gosudarstvah Juzhnogo Kavkaza: demokratija, bezopasnost', blagososotojanie?* [EU Policy in the South Caucasus States: Democracy, Security, Welfare?]. – M.: In-t Evropy RAN, 2022. – 156 p. – (Doklady Instituta Evropy; № 389). (In Russ.).

Bol'shaja Evropa. Idei, real'nost', perspektivy [Greater Europe. Ideas, Reality, Prospects] / Under the general editorship of Al.A. Gromyko, V.P. Fedorov. – M.: Ves' mir; In-t Evropy RAN, 2014. – 704 p. (In Russ.).

DJATEL T. *Evropa importozameshhaet «Gazprom»* [Europe Replaces Gazprom with Imports]. IN: Kommersant. – № 38. 04.03.2022. (In Russ.).

GADZHIEV K.S. *Geopolitika Kavkaza*. [Geopolitics of the Caucasus]. – M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2003. – 464 p. (In Russ.).

UZNARODOV I.M. *Politika Evropejskogo sojuza na Juzhnom Kavkaze: «Vostochnoe partnjorstvo»* [The Policy of the European Union in the South Caucasus: Eastern Partnership]. IN: Bol'shoj Kavkaz-Rossija-Evropa: prostranstvo dialoga i sotrudnichestva. – Rostov-na-Donu; Taganrog: Izdatel'stvo JuFU, 2019. – 290 p. (In Russ.).

UZNARODOV I.M. *Jenergeticheskaja politika Evropejskogo sojuza* [Energy Policy of the European Union]. – Rostov-na-Donu: Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks RGJeU (RINH), 2022. – 148 p. (In Russ.).

ZHIL'COV S.S. *Jenergeticheskaja politika prikaspijskih gosudarstv: itogi i novye vyzovy* [Energy Policy of the Caspian Littoral States: Results and New Challenges]. IN: Geojekonomika jenergetiki. – 2020. – № 4 (12). – P. 25-39. (In Russ.).

Информация об авторах
И.М. Узнародов – доктор исторических наук, профессор.
В.В. Клочков – доктор исторических наук, доцент.

Information about the authors
I.M. Uznarodov – Doctor of Science (History), professor.
V.V. Klochkov – Doctor of Science (History), associate professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.03.2023 г.; одобрена после рецензирования 28.04.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 28.03.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 20.06.2023.

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу
УДК 93/94(930.2)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-369-378
EDN: XZHKTM

О КАСПИЙСКОМ ПОХОДЕ «НЕУТОМИМОГО МОНАРХА» И ЕГО ЗНАЧЕНИИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ В КАВКАЗСКО-КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ (К ОЦЕНКЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ «КАВКАЗСКО-КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В. / ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Ш.А. МАГАРАМОВА. – МАХАЧКАЛА: ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛОТОС», 2022. – 304 С.: ИЛ.»

Юрий Юрьевич Клычников
Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, klichnikov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3345-8793

Аннотация. В статье-рецензии проведён анализ коллективной монографии, посвящённой событиям, связанным с Персидским походом Петра Великого и последующей политикой Российской империи в Кавказско-Каспийском регионе. Даётся характеристика разделов книги, в которых рассмотрены вопросы, касающиеся военно-политических, административных и хозяйственных аспектов жизни общества. Благодаря выявленному в центральных и региональных архивах материалу, солидной историографической основе, работа даёт исчерпывающее представление об обстоятельствах глобального геополитического противостояния на формируемом южном фронтире России. Показаны успехи и неудачи молодой империи, стремящейся получить выгодный торговый маршрут в южные земли. Среди прочего изучается то, как эти события отразились в памяти жителей Дагестана, как они оценивают личность российского монарха. Работа позволяет получить представление о выстраивании русско-северокавказского исторического партнёрства, об опыте преодоления разногласий и противоречий, возникающих в процессе интеграции.

Ключевые слова: империя, горцы, граница, политика, экономика, администрация, конфликт.

Для цитирования: Клычников Ю.Ю. О каспийском походе «неутомимого монарха» и его значении в российской политике в Кавказско-Каспийском регионе (к оценке коллективной монографии «Кавказско-Каспийский регион в политике Российской империи в первой трети XVIII в. / под общей редакцией Ш.А. Магарамова. – Махачкала: издательство «Лотос», 2022. – 304 с.: ил.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 369-378. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-369-378. EDN: XZHKTM.

© Клычников Ю.Ю., 2023

Book Review

ABOUT THE CASPIAN CAMPAIGN OF THE "TIREELESS MONARCH" AND ITS SIGNIFICANCE IN THE RUSSIAN POLICY IN THE CAUCASUS-CASPIAN REGION (TO THE ASSESSMENT OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH «THE CAUCASUS-CASPIAN REGION IN THE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST THIRD OF THE 18TH CENTURY. – MAKHACHKALA: PUBLISHING HOUSE "LOTOS", 2022. – 304 P.: IL.)»

Yurii Yu. Klychnikov
Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, klichnikov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3345-8793

Abstract. This review paper assesses the collective book regarding the events linked to Peter the Great's Persian campaign and the resulting policy of the Russian Empire in the Caucasus-Caspian region. The components of the book that cover matters associated with military-political, administrative and economic facets of society are outlined. The central and regional archives, combined with a strong historiographical basis, allowed for a thorough examination of the global geopolitical confrontation occurring on the recently established southern border of Russia. Detailing the successes and disappointments of the burgeoning realm, attempting to acquire a lucrative trade route to the lands in the south. Moreover, we examine how these events are remembered by the inhabitants of Dagestan and their assessment of the Russian monarch. The work enables one to comprehend the development of a Russian-North Caucasian historical relationship, and the experience of reconciling disparities that arise during integration.

Keywords: empire, highlanders, border, politics, economy, administration, conflict

For citation: Klychnikov Yu.Yu. About the Caspian campaign of the "tireeless monarch" and its significance in the russian policy in the Caucasus-Caspian region (to the assessment of the collective monograph «The Caucasus-Caspian region in the policy of the Russian Empire in the first third of the 18th century. – Makhachkala: Publishing house "Lotos", 2022. – 304 p.: il.)». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 369-378. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-369-378. EDN: XZHKTM.

© Klychnikov Yu.Yu., 2023

Благодаря совместным усилиям учёных Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Ш.А. Магарамова, М.Р. Сефербекова, Д.С. Кидирниязова, Н.Д. Чекулаева, Н.А. Магомедова, Ф.А. Полчаевой) и Дагестанского государственного университета народного хозяйства (М.-П.Б. Абдусаламова) на суд читателей представлено новое исследование, посвящённое важной вехе отечественной истории XVIII столетия. Оно связано с бурными событиями правления государя-реформатора Петра Великого и его походом в Каспийский регион, а также теми процессами, которые были вызваны сложившимися в итоге геополитическими реалиями, обусловленными попыткой империи закрепиться на новом фронтире. Это уже не первый труд авторского коллектива, являющегося на сегодняшний момент одним из наиболее

компетентных по обозначенному вопросу. Такого рода работы имеют высокий эффект интеллектуальной эмерджентности, т.к. каждый из привлечённых учёных-кавказоведов прекрасно ориентируется в своей, узкой проблематике, а в итоге мы получаем энциклопедический охват темы, дающий комплексное представление об изучаемом явлении.

Вместе с тем такие труды, как правило, «страдают» повторами фактов, дублированием отдельных аспектов анализируемого материала. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что работа была написана при содействии Российского фонда фундаментальных исследований, и потому учёные находились в достаточно жёстких временных рамках. Наличие формально-бюрократических обязательств, связанных с отчётностью, также не способствовало улучшению качества проводимого исследования.

Монография позиционируется как юбилейное издание, посвящённое двум важным событиям в истории петровской эпохи. Это 350-летие со дня рождения императора и 300-летие его похода к берегам Каспия. Авторы постарались не только актуализировать уже известные сведения о Персидском походе российских войск и последующей политики империи по отношению к сопредельным державам и местным народам, но и дополнить их новыми, выявленными в федеральных и региональных архивах материалами. Представляется, что источниковая и историографическая часть работы, которой посвящена первая глава монографии, позволяет получить если не исчерпывающую, то вполне основательную базу для того, чтобы сформировать видение ситуации в Кавказско-Каспийском регионе в первой трети XVIII в. Остается добавить, что следом появляются новые интересные труды на аналогичную тему [Дегоев 2023], и это лишний раз убеждает нас в научной прозорливости дагестанских коллег.

Среди прочих дискуссионных вопросов поднимается проблема целесообразности применения терминов, которые предлагаются учёными вместо устоявшихся определений. Так, отмечается, что современники не употребляли понятие «Каспийский поход», которое предложили Н.А. Павленко и Н.-П.А. Сотавов, а в документах называли его «Персидским» или «Низовым». Исходя из этого обстоятельства, термин оценивается как «не соответствующий исторической действительности» [Кавказско-Каспийский 2022: 15-16]. Нам представляется правильным не отвергать расширенное толкование военно-политических усилий Петра I на юге, которые, как мы видим, в том числе из приводимых авторами монографии свидетельств, были гораздо шире, нежели только российско-персидские контакты. Формально трактуемый как желание наказать бунтовщиков и не допустить захвата турками владений шаха, поход фактически должен был обеспечить империи контроль над Каспийским регионом – важным плацдармом для экономической экспансии на Восток. В этой связи новая дефиниция выглядит гораздо информативнее и вполне может быть использована наряду с применяемыми в петровское время названиями. Добавим, что подобные терминологические условности встречаются в исторической науке довольно часто: Крымская или Восточная война, русско-турецкие или османо-российские войны и т.п.

Представляется возможным согласиться с выводом автора раздела Ш.А. Магорамовым о том, что каждая историческая эпоха порождала свой взгляд на политику Петра I. Введённый за последнее время в научный оборот материал, методологическое обновление исследовательских подходов открывают перед учёными возможность новых трактовок, казалось бы, хорошо известных фактов. В свою очередь предлагаемый второй раздел главы является своеобразным путеводителем по архивным фондам, различным опубликованным сборникам документов и личных воспоминаний, в той или иной степени касающихся темы исследования.

Во второй главе представлены переводы оригинальных англоязычных текстов, принадлежавших перу участников Персидского похода. Это воспоминания шотландского врача Джона Белла, уже публиковавшиеся в переводе с французского языка в 1776 г. Интерес к предлагаемому варианту текста вызван тем, что перевод сделан с первоисточника 1763 г. и более соответствует «современным научным требованиям» [Кавказско-Каспийский 2022: 39]. Приводимым фрагментам кавказской части воспоминаний предшествует краткая биографическая справка, позволяющая получить представление о судьбе этого путешественника и обстоятельствах его службы российскому престолу.

Ещё одна работа была написана профессиональным военным Питером Генри Брюсом. Он близко знал Петра I и по распоряжению императора, характеризуемого им как «неутомимый монарх», занимался описанием и картографированием берегов Каспийского моря. Уже это обстоятельство свидетельствует о высокой компетентности и осведомлённости автора мемуаров. При этом он допускал достаточно вольное изложение фактов, выдавая за собственные воспоминания отрывки из труда другого современника Ф.-Х. Вебера. Возможно, с этим связан не подтверждаемый из прочих источников сюжет присутствия в русском лагере турецкого посла, который якобы потребовал остановить дальнейший поход армии императора на Восток [Кавказско-Каспийский 2022: 75]. Приводя перевод его труда, Ш.А. Магарамов и М.Р. Сефербеков постарались дать пояснения относительно этих сторон работы мемуариста шотландско-прусского происхождения.

Третья глава, подготовленная Д.С. Кидирниязовым, раскрывает дипломатический фон противоборства за Кавказско-Каспийский регион трёх держав – России, султанской Турции и шахской Персии. Ситуация осложнялась ещё и возросшим интересом к краю со стороны западных держав – Британии, Франции, Австрии и Швеции. Автор ставит перед собой задачу «выяснить предпосылки присоединения разных народов и территорий к России» [Кавказско-Каспийский 2022: 77]. Сложный узел противоречий и соперничества, завязавшийся в крае, различные силы, которые оказались втянуты в противоборство, причём не только на Кавказе, но и далеко за его пределами – всё это обусловило неоднозначность задачи, которую попытался разрешить автор, постаравшийся создать целостную картину напряжённой геополитической борьбы, заложниками которой становились и местные народы. Горские и кочевые сообщества старались лавировать между политическими «тяжеловесами», манипулировали ими, стремясь использовать потенциал ситуативных покровителей в

собственных интересах. Возможно, именно это обстоятельство привело к несколько хаотичному изложению материала, выводам и утверждениям, с которыми не всегда можно согласиться. Так, вряд ли соответствует действительности то, что петровская внешняя политика на юге была направлена на обеспечение выхода к Каспийскому морю [Кавказско-Каспийский 2022: 78], так как эту задачу решил ещё Иван IV, присоединив к своим владениям Астраханское ханство. Непонятно, как мог прикаспийский путь связывать Прикаспий с Причерноморьем [Кавказско-Каспийский 2022: 81]? Такие досадные упущения не меняют общего позитивного впечатления от раздела, который снабжён многочисленными ссылками на источники и литературу, позволяющие не только подтвердить приводимые в тексте аргументы, но и расширить, при необходимости, представление о процессах, проходящих в исследуемый период, для лучшего понимания специфики эпохи в контексте международных отношений.

Следующая, четвёртая глава в определённом смысле дублирует тематику предшествующей. В ней рассказано о российско-османском пограничье в Восточном Закавказье в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. В то же время этот материал вполне органично дополняет сведения об уже рассмотренных процессах, в частности, показывает, как местная владельческая верхушка стремилась выторговать для себя преференции одновременно у турецкой и русской администрации. Так, назначенный османами правителем Ширвана Хаджи-Дауд охотно делился информацией о положении своих покровителей с дербентским комендантом А.Т. Юнгером, но при этом совместно с уцмией Кайтага участвовал в нападениях на солдат вверенного ему гарнизона. Закончилось всё тем, что его арестовали, сослали на остров Родос, где он и скончался.

Креатура русских властей, тарковский правитель Адиль-Гирей также не отличался твёрдостью в своих политических предпочтениях. Убедившись, что русские не собираются исполнять все его желания, он предпочёл поменять покровителя. За измену шамхала пленили и отправили в Архангелогородскую губернию, где он и окончил свои дни [Кавказско-Каспийский 2022: 142-148].

Даже на этих двух примерах мы можем убедиться в том, что ни одна из держав, борющихся за власть в крае, не могла рассчитывать на безоговорочную верность своих вассалов. Они охотно использовали мощь сюзерена, но лишь до тех пор, пока это соответствовало их собственным интересам. Примечательно, что нередко именно позиция местных лидеров провоцировала применение военно-силовых методов в политической практике империй, не терявших надежду «переформатировать» нравы у новоявленных подданных. Начертанные политиками Петербурга и Стамбула линии разграничения явно не устраивали народы региона, имевшие собственные социокультурные, экономические и политические предпочтения. Сам же раздел книги, по словам его автора Ш.А. Магорамова, будет востребован исследователями «сюжетов внешней политики Российской и Османской империй XVIII в. на Кавказе» [Кавказско-Каспийский 2022: 150]. От себя добавим, что полученный результат демонстрирует особенность внешнеполитических практик в среде северокавказских правителей, достаточно успешно лавировавших между «центрами силы» в собственных инте-

ресах. Это также следует отнести к эвристически продуктивным достижениям исследователя.

В пятой главе анализируются особенности управления российской администрацией своими владениями в Западном Прикаспии с 1722 по 1735 гг. Ш.А. Магорамов отмечает, что это относительно новое направление в отечественной историографии, т.к. большинство исследователей предпочитали акцентировать своё внимание преимущественно на обстоятельствах самого похода 1722–1723 гг. Между тем имперские гарнизоны располагались в крепости Святого Креста, в Тарках, Дербенте и Баку, Астаре, в крепостях Зинзилинской, Решт и Кескер. Здесь приходилось решать не столько военные задачи, сколько налаживать мирную жизнь и учиться выстраивать диалог с полиэтничным окружением. Неслучайно принимается решение разграничить сферу ответственности комендантов, поручив одним контролировать приморский Дагестан, другим – земли в Азербайджане, а третьим – северные провинции Персии.

Подавляя сопротивление наиболее непримиримых противников, российские власти добились формального подчинения местной элиты, но о реальном замирении края говорить не приходилось. Даже начавшие получать содержание от казны владельцы смотрели на такую практику как на откуп из страха, стремясь представить происходящее как дань, выплачиваемую им короной. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что участие в репрессалиях отрядов императорской армии принимали и жители городов (в частности, Дербента), пытавшихся «за гранью дружеских штыков» пресечь нападения своих горских земляков и соседей, в свою очередь стремившихся ограбить состоятельных равнинников. Таким столкновениям придавали религиозную окраску, стремясь оправдать свои действия борьбой за истинную веру. Чтобы иметь представление о ситуации на окружающих территориях, российские коменданты активно занимались сбором разведывательных данных, отправляя в горы своих лазутчиков. Ситуация в новоприобретённых владениях сильно напоминала окружённый неприятелем лагерь, и в сложившихся обстоятельствах заниматься экономическим освоением края было затруднительно. К числу «шероховатостей» представленного раздела вновь следует отнести череду сюжетных повторов, избежать которых, к сожалению, не удалось [Кавказско-Каспийский 2022: 141 и 154, 154-155 и 202-203, 144 и 158].

Шестая глава вызывает интерес уже тем, что в ней осуществляется попытка рассмотреть двойственный характер системы управления, когда в ней одновременно использовались местные традиции и привнесённые империей институты. Это делается на примере службы яркого представителя местной правящей элиты, наиба Дербента Имама Кули-бека и «русского европейца», коменданта города-крепости полковника Андрея Томасовича Юнгера. Данный подход с позиции исторической антропологии позволяет персонифицировать и оценить изучаемую эпоху в контексте биографии отдельного человека, «оживить» её.

Представитель местной аристократии Имам Кули-бек сразу же пошёл на сближение с российским императором, предпочтя поднести ему ключ от Дербента и не подвергать опасности разорения доверенный его попечению город. Назначенный в своё время на пост наиба Сефевидами, он сумел сохранить свою

должность и при русских, проявляя разумную гибкость и готовность искать компромисс с новой властью. Имам Кули-бек понял, что Россия будет способствовать обеспечению безопасности Дербента, которому немало досаждали отряды соседей-горцев, разорявших горожан своими набегами. Неудивительно, что войска Петра I были приняты «с великою радостию», тем более что империя начала вкладывать средства в благоустройство города, стремясь сделать его форпостом своего военно-экономического присутствия в крае.

За свою последовательную политическую позицию наиб спровоцировал целую волну «чёрного пиара», которую обрушили на него недоброжелатели. Они ложно обвиняли Имам Кули-бека в ренегатстве, заявляли, что он изменил исламу и вместе со своими людьми принял крещение. Но поколебать взгляды дербентского наиба так и не удалось. Ему было ради чего противостоять клевете, т.к. его родной город пользовался особым расположением имперских властей, ценивших верность и преданность новых подданных. Примечательно, что к наибу в итоге стали обращаться за протекцией те владельцы, которые хотели примириться с российской администрацией, надеясь, что к его мнению в Петербурге прислушаются. По мнению Ш.А. Магорамова, такая позиция аристократа была «единственно верной» и послужила на благо дербентцам [Кавказско-Каспийский 2022: 183].

Не менее интересна и поучительна биография А.Т. Юнгера. Он являлся примером того, как потомок иноземцев стал верным сыном многонародного государства Российского, умевшего ценить людей не по этнической принадлежности, а по их стремлению приносить пользу своему Отечеству. Пройдя сквозь горнило многочисленных сражений, он указом императора Петра I от 29 августа 1722 г. был назначен комендантом Дербента, что свидетельствовало не только о его военных талантах, но и об административных и дипломатических способностях. Почти сразу ему пришлось встать на защиту вверенного ему города, участвовать в наказании мятежных феодалов, стремящихся воспользоваться сокращением численности российской армии в регионе. При этом комендант делал немало для того, чтобы решать дело миром, и, судя по уважительному обращению к нему со стороны местных владетелей, преуспел и на этом поприще.

Отмечаются заслуги полковника в хозяйственно-экономическом освоении городских ресурсов, в частности, успехи в виноделии, выращивании пряностей (шафрана), разведении фруктов, а также поиск растений, пригодных для окрашивания тканей и т. п. С привлечением документов, выявленных в Центральном государственном архиве Республики Дагестан, читатель получает представление о вкладе дербентской комендатуры в организацию ремонтно-строительных работ в городе, связанных с возведением морской гавани и усилением крепостных сооружений.

К сожалению, и здесь не удалось избежать повтора, в частности, в сюжете, связанном с черкесской ясыркой (пленницей), о которой автор уже сообщал ранее [Кавказско-Каспийский 2022: 180-192].

Ш.А. Магорамов даёт весьма комплиментарную оценку заслуг А.Т. Юнгера, называя его «образцовым офицером», и подчёркивая, что полков-

ник «стремился урегулировать многие конфликты мирным путём, следуя директивам имперского правительства» [Кавказско-Каспийский 2022: 192].

Следующая глава, подготовленная Н.Д. Чекулаевым, раскрывает особенности повседневной деятельности нижних чинов и офицеров Низового корпуса Русской Императорской армии. Согласно указу от 15 июня 1724 г., он был сформирован из солдат российских гарнизонов Терского редута, Аграханского и Буйнакского ретраншементов, крепости Святого Креста и Низовой крепости. Во главе Низового корпуса поставили генерал-майора М.А. Матюшкина, которого впоследствии сменил генерал-фельдмаршал В.В. Долгорукий, затем генерал В.Я. Левашов и затем принц Гессен-Гомбургский. Но тот оказался никчемным военачальником, что привело к возвращению должности его предшественнику. Опытный Василий Яковлевич возглавлял Низовой корпус вплоть до его ликвидации осенью 1735 г.

Автор раздела является ведущим специалистом по рассматриваемому вопросу, и его труды традиционно отличаются сочетанием основательной фактической базы и теоретическим анализом тех процессов, которые протекали на перешедшей к России территории. Читатель получает представление о структуре и иерархии российской военной администрации, особенностях функционирования исполнительной власти, обязанностях гарнизонов Низового корпуса и т.п. Для лучшего понимания различных управленческих решений командования рассматриваются и военно-политические события, происходящие в Прикаспии. В этом кроется причина того, что ряд сведений перекликается с ранее рассмотренными эпизодами [Кавказско-Каспийский 2022: 165-166 и 201, 154-155 и 203, 148 и 214]. Но такого рода накладки скорее исключение.

Обращает на себя внимание материал, связанный с шагами властей по пресечению работорговли, а также стремлением регулировать и не допускать конфликты между кавказскими подданными империи. Представляется, что даже в случае успешного достижения результата такие действия имели серьёзные имиджевые издержки. В этом случае именно третья сила «назначалась» главной виновницей имеющихся разногласий, вызывала раздражение и отторжение у всех сторон конфликта. Отсюда и «измены» разочарованных владетелей, которым усилия России по стабилизации ситуации в крае мешали в реализации личных амбиций, далеко не всегда согласующихся с интересами империи.

В целом, как представляется, содержание главы гораздо шире, нежели просто административная повседневность, и, возможно, в дальнейшем, в случае переиздания книги, Н.Д. Чекулаев внесёт коррективы в его формулировку.

Аналогичное предложение следует адресовать и М.-П.Б. Абдусаламову и Н.А. Магомедову. Их обстоятельный, информативный и весьма наглядный материал посвящён хозяйственному развитию «новозавоёванных областей». Представленные факты предоставляют исчерпывающие сведения по планам и практической реализации освоения природных богатств Западного Прикаспия. Уделяется внимание развитию логистических возможностей региона, тормозивших разработку местных ресурсов. И в этой связи формулировка сути раздела «модернизация природно-экономических ресурсов», вынесенная в название, сложна для восприятия, т.к. примеров модернизации (?) природных ресур-

сов в тексте мы не находим. Вряд ли переработку шерсти или изготовления вина из местного сырья следует определять таким термином. Сам текст выстроен логично и даёт представление о тех экономических процессах, которые активизировались после того, как край стал частью Российской империи. Рассматриваются усилия по улучшению коммуникаций, прежде всего, портовой инфраструктуры, обеспечения товарности виноградарства и виноделия, производства пряностей, красителей, изготовления шерсти, добычи нефти и т.п. Вполне оправдана публикация докладной записки (предположительно составленной И.Г. Гербером), в которой содержится множество ценных предложений, связанных с экономическим развитием «завоёванных персидских провинций» [Кавказско-Каспийский 2022: 231-237].

Завершающая глава посвящена оценке заслуг Петра I в исторической памяти жителей Дагестана. Чтобы достичь поставленной цели и понять, как относились к императору его современники и их потомки, в том числе ныне проживающие в республике, Ф.А. Полчаева поставила и успешно решила сразу несколько исследовательских задач. Она рассмотрела хронологию Персидского похода и его оценки в исторической литературе, показала связанные с Петром Великим коммеморативные практики и мнемонические места, ассоциирующиеся с его личностью. Кроме того, были проведены социологические опросы, давшие возможность выяснить, как его историческая фигура отражается в коллективной памяти.

Изначально в крае были как сторонники, так и противники присутствия русских. Отсюда и реакция на начавшийся поход, который привёл к усилению одних этнополитических сил и одновременно поколебал положение других. В Дагестане, помимо «русской партии», были последователи персидского и османского выбора в поисках покровителя. В целом это была традиционная политика политического лавирования, прекрасно освоенная местными лидерами. Можно говорить, что сближение с Петром I имело ситуативный характер, что сразу делало позиции империи в крае уязвимыми и подверженными меняющейся политической конъюнктуре. Примечательно, что жители Дербента, немало претерпевшие от грабежей соседей-горцев, с радостью встречали русскую армию. Напротив, подданные эндиреевского владетеля с оружием в руках сопротивлялись российским военным и поплатились за это сожжённой резиденцией.

В этой связи представляется упущением тот факт, что при проведении опросов респондентов, помимо возраста, пола и образования, не учитывалась национальность опрашиваемого. Возможно, имеет место негласное табуирование такого рода акцентов, что связано с разумным желанием не провоцировать конфликтные ситуации в этнически пёстром регионе. Автор отмечает, что установленный в 2006 г. памятник Петру I в Махачкале вызвал негативную реакцию в обществе, а когда поднимается вопрос о переименовании улиц, предпочтение отдаётся национальным персонажам [Кавказско-Каспийский 2022: 259, 261-262].

Видимо, здесь мы сталкиваемся с желанием экстраполировать имеющиеся внутрирегиональные политические и экономические противоречия, межэтнические трения и т.п. проявления латентной конкуренции на внешние факторы.

Одним из эффективных способов добиться этого является формирование образа врага, и Петр I с его политикой репрессалий против «бунтовщиков» вполне может соответствовать требованиям такого конструируемого исторического мифотворчества. В этом случае можно игнорировать то, что действия императора одобрялись, поддерживались и провоцировались частью местной элиты, руками русских, боровшихся со своими соперниками. Но даже при наличии такого запроса автор приходит к выводу, что «в коллективной памяти дагестанцев с большим перевесом доминирует положительная оценка личности Петра I» [Кавказско-Каспийский 2022: 272].

Текст монографии содержит именной указатель и список сокращений, облегчающий поиск необходимой информации. Приводится перечень источников и литературы, которые были задействованы при написании работы. В исследование включены иллюстрации, на которых представлены карта демаркации российско-османской границы в Восточном Закавказье, планы местных городов, прошения и донесения, выявленные в Архиве внешней политики Российской империи, и фотография легендарного ключа от города, поднесённого Петру Великому делегацией жителей Дербента.

Монография рассчитана на самый широкий круг читателей, и остаётся лишь поблагодарить рецензентов, докторов исторических наук Н.Н. Гарунову, А.Д. Панеша и кандидата исторических наук З.А. Халаева, за то, что они способствовали выходу в свет этого интересного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Дегоев 2023 – *Дегоев В.В.* Большой Юг в политике и дипломатии Петра I. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. – 408 с.

Кавказско-Каспийский 2022 – *Кавказско-Каспийский регион в политике Российской империи в первой трети XVIII в.* / под общей редакцией Ш.А. Магарамова. – Махачкала: Издательство «Лотос», 2022. – 304 с.

REFERENCES

DEGOEV V.V. *Bol'shoj Yug v politike i diplomatii Petra I* [The Great South in the Politics and Diplomacy of Peter I]. – Moskva: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2023. – 408 p. (In Russ.).

Kavkazsko-Kaspijskij region v politike Rossijskoj imperii v pervoj treti XVIII v. [The Caucasian-Caspian region in the policy of the Russian Empire in the first third of the 18th century] / pod obshchej redakciej Sh.A. Magaramova. – Mahachkala: Izdatel'stvo «Lotos», 2022. – 304 p. (In Russ.).

Информация об рецензенте
Ю.Ю. Клычников – доктор исторических наук, профессор.
Information about the reviewer
Yu.Yu. Klychnikov – Doctor of Science (History), professor.

Рецензия поступила в редакцию 21.04.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.
The review was submitted 21.04.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Наши авторы

Аппоев Алим Каншауович – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: appoev74@mail.ru

Бабич Ирина Леонидовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия.
E-mail: babi7chi@yandex.ru

Битокова Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литератур ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: mariebitok@gmail.com

Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: naimabozieva@mail.ru

Борокова Лилия Арабиевна – старший научный сотрудник РГБУ «Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почёта» Института гуманитарных исследований», Черкесск, Россия.
E-mail: borokova64@mail.ru

Волхонский Михаил Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра евроазиатских исследований ИМИ ФГАУ ВО «Московский государственный институт международных отношения (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Россия.
E-mail: volhonskyma@yandex.ru

Глашева Зулейха Жамботовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: zu-20.80@list.ru

Дубинин Игорь Владимирович – библиотекарь Динского механико-технологического техникума, председатель Динского районного отделения «Российского общества историков-архивистов, ст. Динская, Краснодарский край, Россия.
E-mail: titlo@mail.ru

Иванцов Игорь Григорьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор 1 кафедры Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии С.М. Штеменко, Краснодар, Россия.
E-mail: IIG23@yandex.ru

Кажарова Инна Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: barsello@rambler.ru

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: ketenchiev@mail.ru.

Клочков Виктор Викторович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социологии, истории и политологии Института управления в экономических, экологических и социальных системах ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: vicpeel@mail.ru

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.
E-mail: klichnikov@mail.ru

Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук, заведующий Центром социально-политических исследований ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: anzor-vk@mail.ru

Лакунова Диана Руслановна – ведущий специалист учебно- методического отдела Научно-образовательного центра Кабардино-Балкарского научного цента Российской академии наук, Нальчик, Россия.
E-mail: anzva86@gmail.com

Ларенок Оксана Павловна – научный сотрудник, ООО «Южархеология», Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: ksenialarenok@gmail.com

Магомедова Муслимат Алхилаевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия.
E-mail: muslimat-rci@mail.ru

Манышев Сергей Борисович – кандидат исторических наук, привлеченный эксперт ФГАУ ВО «Московский государственный институт международных отношения (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Россия.
E-mail: msergey1990@gmail.com

Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: lena_gm@mail.ru

Нагоева Лаура Альбердовна – кандидат культурологии, младший научный сотрудник НИЦ "Естественно - научные методы в археологии, антропологии и археографии" ФГБНУ "Федеральный научный центр" Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук", Нальчик, Россия.
E-mail: shau55@mail.ru

Николаев Александр Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: avn739@yandex.ru

Прасолов Дмитний Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: dmprasolov@gmail.com

Саракуева Асият Мазировна – ведущий телевизионных программ, ГКУ «КБР-Медиа», Нальчик, Россия.
E-mail: sara.a70@mail.ru

Сарбашева Алена Мустафаевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: alenasarb@mail.ru

Суюнова Насипхан Хусиновна – доктор филологических наук, доцент, заведующая отделом литературы народов КЧР Республиканского государственного бюджетного учреждения «Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР», Черкесск, Россия; профессор кафедры карачаево-балкарской и ногайской филологии ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д.Алиева», Карачаевск, Россия.
E-mail: soyunen@yandex.ru

Тенгизова Лаура Альбердовна – аспирант Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: laura.tengizova@mail.ru

Тетуев Алим Инзрелович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой кабардино-черкесского языка и литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: timigev.ha@mail.ru

Тхакахова Карина Султановна – аспирант кафедры русской и зарубежной литератур ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: karina-t-00@mail.ru

Узнародов Игорь Миронович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и международных отношений ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: iguz2010@yandex.ru

Чекалов Петр Константинович – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник РГБУ «Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почёта» Института гуманитарных исследований», Черкесск, Россия.
E-mail: chekalov58@rambler.ru

Ярлыкапов Ахмет Аминович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евроазиатских исследований ИМИ ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Россия.
E-mail: a.yarlykapov@gmail.com

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 2 / 2023

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2

Подписано к изданию:
30.06.2023 г.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова © 2023